

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pr. 278975 d. 80

Pr. 278975 d. 80

42
843

ПОЪЗДКА ВЪ ИСПАНІЮ.

(Октябрь — декабрь 1868 г.)

1873

I.

Н А П У Т И.

Въ Периньянѣ. — Потомокъ Фигаро. — «Не стая вороновъ слеталась». — Конституціонный maorai и его первый министр. — Фонды, посадки и венги. — El Segano. — Благотворительное вліяніе пробки на судьбы Каталоніи. — Дорожныя наблюденія. — «Не дозрѣли!» на испанской почвѣ.

Подъѣзжая къ Периньяну, я напрасно напрягалъ свои глаза, чтобы увидѣть сквозь темноту осенняго поздняго вечера Пиринев, которыя по моимъ географическимъ познаніямъ непременно должны были находиться тутъ, хотя и въ уменьшенномъ видѣ. Онѣ точно тутъ были, но разгадать ихъ не было никакой возможности. Я смотрѣлъ направо и налево: ровная, однообразная мѣстность представлялась отовсюду, забѣгала впередъ, примѣтно изгибаясь и сливаясь съ яснымъ, но темнымъ небомъ ровною, рѣзкою полосой...

На станціи движенія было мало. Въ узкомъ корридорѣ немногихъ проходившихъ путешественниковъ останавливалъ внезапно раздававшійся, какъ будто изъ стѣны, голосъ, спрашивавшій на совершенно незнакомомъ моему слуху нарѣчій:

«Billets per Barcelona?»

Я взявъ свое желаніе, розыскавъ, послѣ нѣкоторыхъ усилий, родъ стекляннаго шкафа, или, точнѣе, родъ ниши, сдѣланной въ стѣнѣ и задѣланной со стороны корридора оконною рамою. Тамъ сидѣлъ господинъ необыкновенно черный, напоминавшій своимъ видомъ разочарованнаго жизнью таракана; по этой наружности я легко призналъ его за испанца; а по фуражкѣ съ бѣлымъ галуномъ — за должностное лицо. Предлагаемаго билета онъ мнѣ не далъ, а только подмигнувъ неизвѣстно откуда взявшейся другой фигурѣ, тоже черной, мрачной и похожей на

тарантасъ въ фуражкѣ стараго русскаго военнаго покроя. Меня, какъ военно-пѣннаго, усадили въ дилижансъ, одинъ изъ многихъ ожидавшихъ подлѣ станціи. Въ глубинѣ его невидимыя впотѣмахъ фигуры уже разсуждали на нѣмецкомъ діалектѣ объ испанскихъ дѣлахъ. Дилижансъ не трогался съ мѣста, по крайней мѣрѣ, еще полчаса, и я имѣлъ время рассмотреть очень основательно, что смотрѣть было не на что. Глазамъ представлялись одни темные силуэты деревьевъ, да впереди неподалеку сверкали огни на разныхъ разстояніяхъ и въ разной послѣдовательности. Наконецъ, лошади поскакали, нещадно гремя всякаго рода побрякушками.

Мы перѣехали мостъ и въ оконѣ появилась ярко освѣщенная фонарями часть старой стѣны городскаго замка, цѣпи подъемнаго моста, рогатины и желѣзные кручья. Это было довольно сильное средневѣковое впечатлѣніе. Дальше дилижансъ понесся по мостовой, по необыкновенно узкимъ улицамъ. Видѣть уже нельзя было ничего, но можно было изъ обонхъ оконъ дилижанса достать рукою стѣны домовъ.

Высадили насъ на площади очень неправильной, очень темной. Съ одной стороны чернѣлъ старинный не то замокъ, не то монастырь, безъ оконъ съ чугунною дверью, у которой стоялъ французскій солдатъ; а надъ нимъ бѣлѣла лампадою освѣщенная статуя Notre Dame de la Paix, въ честь которой тутъ же находилась кофейная съ вывѣскою: «à la Notre Dame de la Paix, Café et billard». На срединѣ площади журчалъ фонтанъ и около него мелькали силуэты женщинъ.

Разсматривать, однакоже, было некогда. Каждый выходящій изъ дилижанса попадалъ въ толпу юношей въ черныхъ фракахъ, нѣкоторые съ салфетками въ рукахъ.

«Petit Paris!.. Ambassadeurs!.. Bosch!» кричалъ каждый изъ нихъ, стараясь ухватить путника за фалды, за рукавъ или за шаворотъ, переругиваясь между собою на своемъ каталанскомъ нарѣчїи, очень похожемъ на французскій языкъ, еслибы въ немъ выговаривались всѣ буквы, какъ понталъянски или повспански, однакоже совершенно непонятномъ для иностранца, въ особенности благодаря африканской быстротѣ и какой-то шепелявости рѣчи. Нарѣчїе это и говорящїе на немъ жители сѣверной испанской Каталонїи и пиринейскїе французы называются «*cataban burrut*». А откуда происходитъ прибавка «*burrut*», я объясню впоследствии.

Въ борьбѣ за меня одержалъ верхъ мальчишъ лѣтъ восемнадцати, съ блѣднымъ, продолговатымъ лицомъ, густыми темными волосами и необыкновенно плутоватыми глазами, большими, сѣ-

рыми, смотрѣвшими какъ-то не поевропейски. Видѣ его напоминатель Фигаро, мольтеровскихъ пройдохъ-лакеевъ и всего болѣе героевъ французско-испанскихъ романовъ, Жиль-Влаза и братію, вовсе не потому, что воображеніе мое было настроено вспоминать про нихъ. Совершенно напротивъ. Я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ Перпиньянѣ такъ много Испаніи и готовился, прозячески поужинавъ, распротиться въ немъ съ южною Франціею, которая со своимъ однообразіемъ песчанаго грунта и сѣрою зеленью оливокъ не пригласила мнѣ по вкусу и успѣла порядкомъ приглядѣться съ Авиньона и до Нарбонны.

Столовая зала «des Ambassadeurs», въ которую повлекъ меня, какъ законную свою добычу, мой юный Фигаро, была бы очень хороша, но только на картинѣ или въ романѣ. Длинная, низкая до невозможности, грязноватая, съ кирпичнымъ поломъ, она живописно и очень скудно освѣщалась мѣрнымъ свѣтильникомъ въ три рога, состоявшимъ въ отдаленномъ родствѣ съ итальянскими лючернами. Запахъ чесноку и особенно противнаго оливковаго масла придавалъ всему классическій испанскій колоритъ, наперекоръ политическимъ границамъ и международному праву.

До отхода дилижанса въ Герону (по испанскому произношенію, а по каталанскому — Дхерона) оставалось еще слишкомъ два часа. Дожидали еще прихода дилижанса изъ Испаніи. Ходили какіе-то смутные слухи о какихъ-то волненіяхъ и перерывѣ желѣзной дороги между Героною и Барселоною, вслѣдствіе чего ожидаемый дилижансъ долженъ опоздать.

Это было 11-го октября нов. ст., то-есть какъ разъ въ то время, когда испанская революція только что успѣла принять характеръ установившагося положенія, *statu quo*. Генералы-освободители отечества, — «*jefes libertadores*», какъ ихъ здѣсь называютъ, то-есть Серрано, только-что пріѣхавшіи въ Мадридъ послѣ долгихъ церемоній, Примъ и бригадиръ Топете, котораго и до сихъ поръ еще не называютъ безъ прибавки страннаго на нашъ слухъ эпитета: «*el bizarro*» (блестящій, славный), составляли въ столицѣ верховный триумвиратъ. Въ Каталоніи революціонныя хунты уже повсюду вступали въ права конституированныхъ правительствъ послѣ непонятнаго исчезновенія королевскаго главнокомандующаго Честе. Сомнительно было, чтобы реакціонные элементы, если они тамъ и есть, выжидали именно этого исчезновенія войскъ, могущихъ оказать имъ очень дѣятельную поддержку, для того, чтобы поднять голову...

Пограничные жители, то-есть усердно прислуживавшіи намъ за обѣдомъ Фигаро, хозяйка отеля и нѣсколько лицъ, съ которыми мнѣ случалось говорить въ отелѣ и въ конторѣ дилижан-

совъ, очень интересовались испанскими дѣлами, говорили о нихъ съ большимъ сочувствіемъ и даже съ нѣкоторою гордостью, но не имѣли опредѣленнаго понятія о настоящемъ ихъ положеніи. Говорили насмѣшливо объ эмигрантахъ, въ числѣ которыхъ было множество монаховъ и священниковъ. Въ особенности Фигаро не могъ говорить о послѣднихъ безъ выразительныхъ жестовъ и подмигиваній, которыми онъ любилъ постоянно приправлять несвязныя свои рѣчи. Добратся толку отъ него я не могъ.

— Скоро прійдетъ дилижансъ, такъ вы сами увидите, говорилъ онъ мнѣ.

Скоро точно пришелъ дилижансъ и я увидѣлъ...

Какъ живой комментарий на только что прочитанное мною въ «*Messenger du Midi*» извѣстіе объ изгнаніи іезуитовъ изъ Испаніи, въ столовую «*des Ambassadeurs*» вошло человекъ пятнадцать, при видѣ которыхъ даже трапистъ не удержалъ бы серьезнаго выраженія лица. Мой товарищъ французъ, герой и повѣствователь всѣхъ гарибальдійскихъ походовъ, разразился гомерическимъ смѣхомъ. Степенная хозяйка, привбравшая что-то на столъ, взглянула многозначительно на насъ своими черными, какъ уголь, крупными южными глазами. Фигаро беззвучно хохоталъ и кривлялся, какъ обезьяна.

Группа вошедшихъ представляла такое «разнообразіе въ единствѣ», что описать ее однимъ взмахомъ пера нѣтъ возможности. Были здѣсь и толстыя, католически-раздѣвшіяся пожилая фигуры въ длиннополыхъ пальто, шитыхъ очевидно не на нихъ; были злобныя, зелено-желчныя и вытянутыя до невозможности типическія лица іезуитовъ. Особенное вниманіе обращалъ на себя юноша лѣтъ шестнадцати, худой и длинный, съ красивымъ семинарскимъ лицомъ. Узкіе желтоватые панталоны не доходили до щиколовъ его громадныхъ ногъ; коричневый фракъ, таковаго покроя, какой можно найдти только въ гардеробѣ комическаго театра въ Игаліи, нещадно сжималъ его узкую грудь. На головѣ круглый клеенчатый картузь съ прямыми козырькомъ, какъ у французскихъ военныхъ. Ему было, очевидно, совѣстно и неловко въ недлинномъ платьѣ. Я не могу отдать отчета: почему глазъ каждаго зрителя невольно искалъ на каждой изъ этихъ фигуръ однообразнаго одѣянія католическаго, котораго въ эту минуту на нихъ не было и слѣдовъ; почему подъ невозможными поарковными шляпами, клеенчатыми и суконными картузами, угадывалась священная тонзура? Общее ли всѣмъ имъ лицемѣрное выраженіе скромно опущенныхъ долу глазъ, злобѣще косившихся направо и налѣво, общее ли всѣмъ имъ отсутствіе волосяныхъ украшеній, другіе ли какіе набудь признаки заставляли каждаго

сразу признавать ихъ за переодѣтыхъ священниковъ, клериковъ и семинаристовъ; но только не признавать настоящаго ихъ общественнаго положенія было такъ же невозможно, какъ и удержать степенное выраженіе собственной своей фізіономіи при ихъ поведеніи.

Они, отвѣсивъ косне поклоны, не глядя ни на кого изъ присутствующихъ, молча усѣлись за столъ.

Скоро появился толстенскій, необыкновенно чистый аббать французъ, на этотъ разъ въ надлежащемъ воронообразномъ облаченіи. Онъ недружелюбно, бѣгло обинулъ насъ взглядомъ и, обративъ въ сладчайшій медъ свою дородную гладко-выбритую фізіономію съ синимъ подбородкомъ и щеками, обратился радушно къ переодѣтымъ своимъ собратіямъ, подаловался съ двумя изъ нихъ и придалъ себѣ соотвѣтственный печальнымъ обстоятельствамъ этого свиданія скорбный видъ. Онъ оказалъ посланнымъ отъ епископа на встрѣчу печальнымъ гостямъ.

«Monseigneur... Condoléance... triste perversité... prions Notre Sauveur», и пр.... долетало до насъ изъ его бойкой рѣчи, прозносимой вполголоса.

Скоро, однакоже, діапозонъ повысился весьма значительно. Только два удостоенные аббатскаго подалуя принимали въ немъ участіе на такомъ скверномъ французскомъ языкѣ, что аббать попросилъ ихъ говорить поиспански. Остальные играли роль хора, то-есть утвердительно или отрицательно качали головою, поднимали вверхъ глаза и плечи съ выраженіемъ то изумленія, то негодованія, смотря по тому, чего требовалъ ежеминутно устремляемый на нихъ ястребинный взоръ одного изъ удостоенныхъ аббатскаго лобзанія.

Разговоръ былъ совершенно такой, какого слѣдовало ожидать: еслибы я привелъ его здѣсь со всею добросовѣстностью, то меня заподозрили бы въ придуманности. Во все время я съ трудомъ сдерживалъ порывы негодованія вольнодумнаго своего товарища.

«Libertad!» горячился толстый испанскій попъ; повторяя нѣсколько разъ это злополучное слово и эвергическимъ жестомъ сдвигая на затылокъ свою парковую шляпу: «Libertad de matar, de rubar... У по quieren otro» (Свободу убивать, грабить; другой они не желаютъ) Sagamba!»

«La Calupnia», заплѣ мой доблестный гарибальдіецъ извѣстную арію изъ «Севальскаго Цирюльника», побрякивая своимъ звучнымъ баритоновомъ силлусомъ фистулу испанца.

Фигаро запласалъ на мѣстѣ, нагибался и закрывая салфеткою свой ротъ,

Взори всѣхъ обратились на насъ съ выраженіемъ самаго презрительнаго снисхожденія...

«Viajeos rog (путешественники въ...) Жункера, Фигуэрасъ, Джерону и Барселону — al coche (въ карету)!» провозгласилъ, появиваясь въ дверяхъ, не то извозчикъ, не то кондукторъ.

Мы послѣшно поднялись.

— Bon soir, messieurs! проговорилъ страшно ломаннымъ французскимъ языкомъ прерванный ораторъ, вставая съ мѣста и утрировано почтительно кланаясь, когда мы проходили мимо него.

— Bu-o-o-na sera, buona sera.

Испанскій делижансъ представился намъ тоже такимъ, какииъ ему надлежало быть по писаніямъ туристовъ; только вмѣсто классическихъ муловъ были кривобокія высокія влячи, увѣшанныя достодожнымъ количествомъ бубенчиковъ, побрякушекъ и пестрыхъ вистей.

Кучеръ, сообразно испанскимъ нравамъ, былъ въ двухъ лицахъ: вопервыхъ, собственно кучеръ, — *el mayoral*, — должность котораго состоитъ исключительно въ томъ, чтобы держать возжи гуськомъ запряженной четверки или пятерки лошадей, и который не мѣняется на станціяхъ. Эту скромную должность, какъ бы олицетворяющую собою роль добродѣтельнаго конституціоннаго монарха, легко могъ бы выполнить манекенъ; вовторыхъ, *el zagal*, нѣчто въ родѣ кондуктора или перваго министра нашей громоздкой монархіи, съ бичомъ въ рукахъ, символомъ власти, заправляющій всѣмъ дѣломъ. *Zagal*—душа всего путешествія, и отличается такою подвижностью, какою мы, жители хладнаго сѣвера, видимъ только въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ въ отдѣленіи обезьянъ. Онъ ежеминутно лазитъ по заваленной сундуками крышѣ делижанса, будто бы что-то поправляя; соскакиваетъ на дорогу и бѣжитъ по нѣсколькимъ минутъ рядомъ съ несущейся вскачь четверкою лошадей, подкладываетъ камни подъ колеса на частыхъ подъемахъ и спускахъ... Въ на минуту задремали; вдругъ на васъ повѣло пронзительною сыростью ночи: это *zagal*, широко растянувъ дверцы, появился внутри кареты болѣе затѣмъ, чтобы зажечь классическую папиросу. Потомъ онъ снова взлѣзаетъ на козлы, щелкаетъ бичомъ и кричитъ своимъ лошадямъ какіе-то совершенно неумовные и едва ли членораздѣльные звуки, но должно быть очень ободрительнаго свойства, потому что каждый разъ послѣ этого крика видная мѣ тѣнь одной изъ лошадей двигалась быстрѣе и быстрѣе.

Когда мы выѣхали изъ Перпиньяна, мѣсяцъ уже взошелъ, но ночь была темная и большая часть достопримѣчательностей этого

пути: отдаленныя массы Пиринеевъ, развалины акведука, построенаго еще мапорскими королями, *Monastri del Campo*, замокъ мавровъ и новый французскій фортъ *Bellegarda*, построенный на высокой конической скалѣ, представлялись намъ нестройными, сѣро-лиловыми тѣнями. Дорога долго шла вверхъ довольно круто; потомъ внизъ; по это не мѣшало лошадямъ бѣжать съ такою прытью, которой нельзя было подозрѣвать въ ихъ тщедушныхъ тѣлахъ. Здѣсь еще дорога шоссевая, съ обѣихъ сторонъ усаженная высокими деревьями. Фонари нашей кареты освѣщали нѣкоторыя изъ ея живописныхъ подробностей, придавая всему фантастическій оттѣнокъ и дѣлая еще непроницаемѣе для глазъ темноту ночи...

Въ окна замелькали свѣтлыя рѣшетчатныя перила: мы переѣзжали длинный мостъ черезъ рѣчку Ромъ, а съ нимъ вмѣстѣ и французскую границу подлѣ мѣстечка Пертюсъ. Впрочемъ, это обстоятельство не сопровождалось ничѣмъ особеннымъ. Дилижансъ, не останавливаясь здѣсь, летѣлъ всвачь по холмистой дорогѣ, которая стала примѣтно хуже съ тѣхъ поръ, какъ мы въѣхали въ испанскія владѣнія.

Воздухъ становился свѣжѣе и сырѣе. Камыши все чаще и выше видѣлись по сторонамъ. Между ними серебрилась лужи или болота. Лошади остановились вдругъ подлѣ темнаго невысокаго зданія, въ которомъ тускло свѣтилась одна только настежь растворенная дверь нижняго этажа. Это Жункера, древняя *Campra Juncaius*, получившая свое названіе отъ камышей, покрывающихъ почти сплошь ея мѣстами болотистую низменность.

Дилижансъ стали быстро разгружать и всѣхъ пассажировъ потребовали въ таможеню.

Мы долго прождали въ скучно освѣщенной таможенной залѣ, заваленной нашими багажами и всякимъ хламомъ. Мнѣ показалось, что я въѣхалъ во владѣнія полковника Кошкарева: столько въ этой залѣ было различныхъ дверей, изъ которыхъ каждая вела въ особую контору или канцелярію, мудреное прозвище которой было написано на особой вывѣскѣ очень крупными буквами. Пришелъ заспанный солдатъ въ красныхъ штанахъ и въ туфляхъ; на головѣ у него была синяя низенькая ермолка съ широкимъ краснымъ околышкомъ, а подъ ермолкой такое заспанное лицо, какаго мнѣ еще никогда не случалось видѣть. Онъ машинально, но добросовѣстно исполнилъ свою обязанность, то-есть выбросалъ на прилавокъ все содержаніе моего дорожнаго мѣшка; и потомъ, начиная нѣсколько просыпаться, пошелъ въ другому.

Дилижансъ остается въ Жункерѣ часа полтора. Таможенное

зданіе стоитъ при входѣ въ деревню, которая была погружена въ глубокой сонъ; даже собаки не сочли нужнымъ проснуться при нашемъ появленіи. Такого гробоваго молчанія, какое мнѣ приходилось иногда встрѣчать въ испанскихъ деревняхъ, я, вѣроятно, не встрѣчу уже нигдѣ до самаго гроба. Мы пошли пѣшкомъ съ французомъ впередъ по дорогѣ. Необходимость убить какъ-нибудь скучные полтора часа времени изощрила нашъ слухъ и глазъ. Мы разслышали гдѣ-то едва журчавшій фонтанъ и скоро разглядѣли невдалекѣ чуть мерцавшій огонекъ.

Это оказалась *venta*, то-есть нѣчто въ родѣ кабака или кофейной...

При сей вѣрной оказіи я не могу не сообщить читателю, что въ Испаніи заведенія для при-и-проѣзжающихъ (да простятся мнѣ этотъ нѣмецкій оборотъ рѣчи) дѣлятся на три совершенно отдѣльныя категоріи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое особенное названіе. *Fonda*, то-есть такое мѣсто, гдѣ вы можете *основаться* (*fondage*), называется то, что соотвѣтствуетъ нашему понятію о гостиницѣ или постояломъ дворѣ; *posada* (отъ *pozarsi*, *poser* или *reposer*) даетъ посѣтителю только ночлегъ, да еще огонь и воду съ правомъ готовить самому свои кушанья, если вы догадались захватить съ собою необходимый для этого матеріалъ, или же не ѣсть вовсе, чтобы научиться быть впредь предусмотрительнѣе; наконецъ, въ *venta* (продажа, французское слово *vente*) можно найти только вино, хлѣбъ, фрукты, классическую *chocolatte* и т. п. Собственно гостиницы, то-есть по мѣстному названію фонды, тамъ гдѣ онѣ есть, то-есть по желѣзнымъ и по большимъ проѣзжимъ дорогамъ, очень не дурны и, сравнительно со средневропейскими, даже очень не дороги. Всѣ онѣ содержатся итальянцами, или швейцарцами-католиками изъ Тессинскаго или Граубинденскаго кантона. Прислуга въ нихъ повсюду изъ пьемонтской Новарры, расторопная, опрятная и говорящая хорошо или дурно пофранцузски. Вдали отъ главныхъ путей сообщенія онѣ дѣйствительно оправдываютъ ожиданія путешественниковъ, начитавшихся во всевозможныхъ путешествіяхъ и старыхъ романахъ о ихъ грази, неприступной дороговизнѣ и т. п. качествахъ. Это происходитъ оттого, что въ Испаніи, въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, путешествуютъ одни только *arrieros*, то-есть погонщики муловъ и слѣдовательно тамошніи фонды, посадки и венты весьма естественно приноровлены къ требованіямъ этихъ невыскаательныхъ постоянныхъ своихъ посѣтителей. Достаточные испанцы, если имъ случается путешествовать въ сторонѣ отъ главныхъ путей, устрояются и по настоящее время такъ, какъ встарь наши степные помѣщики,

то-есть они возять съ собою необходимый скарбъ, прислугу и пр. Кто не имѣеть достаточно средствъ, чтобы обезпечить себя такимъ дорогимъ образомъ необходимымъ по понятіямъ цивилизованнаго человѣка комфортъ, тому придется натерпѣться много, не только еще отъ дурнаго содержанія гостиницъ, сколько оттого, что ихъ хозяева неохотно пускають възыскательныхъ «сеньоратовъ» и заставляютъ ихъ, дѣйствительно по невѣроятной цѣнѣ откупаться отъ относительныхъ выгодъ своего привилегированнаго положенія. Два моихъ пріятеля, испанскихъ эмигранта, возвращавшіеся въ началѣ этого октября изъ Парижа съ очень скудными средствами, чуть не умерли буквально отъ холода и голода въ пресловутой Андорской долинѣ, и должны были на полпути отказаться отъ намѣренія пройти пѣшкомъ черезъ горы въ Саррагоссу. Притомъ одна только счастливая случайность доставила имъ возможность благополучно добраться въ Каталонію, съ отрядомъ вооруженныхъ гражданъ одной деревушки, отправлявшихся въ горы Монсеррано вслѣдствіе ложныхъ слуховъ о будто бы вспыхнушемъ тамъ карлистскомъ возстаніи.

Впрочемъ, вента, въ которую вошелъ я со своимъ товарищемъ въ Жункерѣ, рѣшительно не оправдываетъ столь длиннаго съ моей стороны отступленія по ея поводу. Это была крошечная, низенькая лавчонка, болѣе чѣмъ скудно освѣщенная двумя мѣдными лючернами. На потолкѣ висѣли колбасы; по стѣнамъ на деревянныхъ полкахъ красовались стеклянные *бурумы*, особаго рода графины съ виномъ, формою похожіе на колбы химическихъ лабораторій; они имѣють два длинныхъ носа: одинъ, широкій, обыкновенно закупоривается пробкою, другой узкій съ почти волоснымъ каналомъ внутри. Сельскіе жители Каталоніи особенно любятъ пить вино прямо изъ бурума, съвозъ это узкое отверстіе. Они закидываютъ голову совсѣмъ назадъ и держатъ бурумъ на большомъ разстояніи, понемногу наклоняя его. Оттуда ихъ прозвище «catalan burgum», считающееся обиднымъ для городскихъ жителей, какъ у насъ, на примѣръ, слово «хохолъ» для малороссіянъ, или «кацапъ» для русскихъ въ Малороссіи.

Дородная, черномазая хозяйка, повязанная шолковымъ бѣлымъ платкомъ, торопливо готовила шоколадъ и разставляла на грязномъ некрашеномъ столѣ тарелки съ бисквитами и *embollado*, то-есть сахару съ яичнымъ бѣлкомъ, который распускають въ стаканѣ воды: испанцы, какъ и вообще южные жители, сырую воду пьютъ безъ примѣси только на мѣстѣ постоянного своего жительства, предполагая, вѣжета основательно, что перемѣна воды очень вредна для желудка.

Посреди лавки засѣдалъ старій каталонецъ необыкновенно

добродушнаго вида въ красномъ фригійскомъ болпагѣ, въ курткѣ и штанахъ сукна бронзоваго цвѣта. Онъ держалъ на большомъ разстояніи отъ себя крошечную чашечку съ горячимъ шоколадомъ, въ который обмакивалъ бисвитъ, видомъ и величиною похожій на запачканную въ глинѣ лопату.

При нашемъ входѣ онъ очень любезно предложилъ намъ раздѣлить его трапезу. Затѣмъ, съ добродушною улыбкою, шепеляви и какъ-то особенно отрывочно оканчивая слова на *ay* и *су*, онъ разсказалъ намъ довольно длинную исторію, изъ которой я, въ качествѣ посредственнаго знатока романскихъ нарѣчій, понималъ только то, что *mustela* (должно быть *масочка*) закусала нѣсколькихъ коровъ, у которыхъ животъ *tott inflatt* (весь распухъ), вслѣдствіе чего *lech' naa* (молока—ничего)...

Вдругъ раздалось громкое заунывное пѣніе въ носъ густымъ басомъ, похожее на пѣніе католическихъ монаховъ надъ громомъ усопшаго. Мы встрепенулись.

El Sereno—пояснилъ нашъ собесѣдникъ неизмѣнною добродушною улыбкою.

Вскорѣ вошелъ и самъ *Sereno*, пропѣвъ нѣсколько разъ, что было 3¼ часа ночи, дождь не идетъ и ночь тиха. *Sereno*, какъ вы, конечно, догадались, ночной сторожъ, который обязанъ каждые четверть часа въ разныхъ частяхъ улицы запѣвать свою заунывную пѣсню, вѣроятно, для того, чтобы испытать крѣпко ли спать граждане. Учрежденіе это существуетъ во всѣхъ даже большихъ городахъ Испаніи.

Вошедшій серено видомъ своимъ могъ испугать всякаго злоумышленника, будучи похожъ и на медвѣдя и на тѣнь Нано въ Семирамидѣ. Съ головы до ногъ онъ былъ покрытъ коричневою хладимою, опоясанною веревкою. Черная борода клиномъ одна виднѣлась изъ-подъ опущеннаго капюшона. Въ рукѣ у него былъ фонарь и пива. Открывъ свое лицо, онъ сталъ еще страшнѣе. Такія лица вы найдете въ эрмитажѣ у монаховъ Зурбарана и Риберы-Спаньолетто. Необычайно густыя черныя брови совершенно сходились надъ кривоватымъ носомъ; большіе глаза сверкали какъ у мелодраматическаго злодѣя. Выбритыя, совершенно синія щеки ввалились и вырисовывали до мельчайшихъ анатомическихъ подробностей необыкновенной ширины и энергіи нижнюю челюсть. Онъ пожелалъ намъ доброй ночи такимъ голосомъ, какимъ, бывало, г. Каратыгинъ первый въ роли какого-нибудь таинственнаго монаха или незнакомца говаривалъ: «Свершилось! столько злодѣяній обрѣтаютъ наконецъ»... или что-нибудь подобное, еще болѣе ужасное. Потомъ съ не менѣе дра-

матическимъ жестомъ онъ сталъ ѣсть колбасу, запивая виномъ «al burgun...»

По поводу одной этой фигуры я бы могъ здѣсь написать восемь страницъ о Филлипѣ II и вліяніи инквизиціи на испанскіе нравы, по двѣ страницы о каждомъ изъ разнообразныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ народонаселенія этой страны, какъ-то кельтійскомъ, финкійскомъ, готскомъ и римскомъ, о которомъ слѣдовали бы четыре добавочныя страницы, по крайней-мѣрѣ, пять страницъ о сирвентахъ и балладахъ лангедокскихъ труверовъ и три страницы о томъ, что мавры здѣсь не оставили своихъ слѣдовъ. Взаключеніе я заговорилъ бы объ испанской живописи, о Зурбаранѣ, Веласкецѣ, Спаньолетто, Гойя... и тутъ уже самъ я не могу предвидѣть, сколькими страницами удовлетворилось бы мое вдохновеніе. Я предпочелъ прозаически распростыться со своимъ «серено» на кускѣ колбасы.

Къ разсвѣту мы уже были въ Фигерасъ со знаменитою крѣпостью, про которую испанцы говорятъ, что она «въ мирное время принадлежитъ имъ, а въ военное время французамъ», такъ-какъ всѣ войны Испаніи съ Франціею начинались обыкновенно тѣмъ, что послѣдняя завладѣвала этою цитаделью.

На свободное мѣсто, около меня, подсѣлъ новый путешественникъ, красивый, плотный брюнетъ лѣтъ тридцати-пяти, съ курчавою черною бородою. По одеждѣ и по манерамъ, въ немъ не трудно было признать представителя, преобладающаго въ Италіи, но еще немногочисленнаго въ Испаніи, сословія городскихъ промышленниковъ не очень крупнаго полета, средняго между достаточными работниками и мелкими буржуа. Онъ систематически облобызался съ провожавшими его друзьями, скорѣ скрутилъ папирску изъ контрабанднаго табаку, покурилъ ее, погасилъ, спряталъ за ухо и сталъ осматривать публику съ очевиднымъ желаніемъ завести разговоръ.

Большанство путниковъ спало...

Онъ обратился къ сидѣвшему напротивъ него, тощему молодому человѣку благообразно чиновничьяго вида, съ шелковистыми черными кудрями и эспаньолою, и спросилъ его, каталонецъ ли онъ или кастильянецъ?

«De Castilla y de la Vieja» (изъ Кастильи и изъ Старой), отвѣчалъ тотъ съвозъ зубовъ, снова примащиваясь спать и окутывая мохнатымъ одѣяломъ свои тощія ноги, похожія на двѣ флейты въ сѣрнхъ чашахъ.

Очевидно недовольный отвѣтомъ, новый спутникъ окинулъ меня испытующимъ взглядомъ и вдругъ спросилъ, не торгую ли я пробками?

«— Нѣтъ.

«— Очень жаль. Превыгодное это занятіе. Я теперь бросаю, а могу сказать, что не безъ успѣха посвятилъ этому дѣлу лучшее время своей молодости. Къ намъ много иностранцевъ ходятъ за пробками. — Теперь я скупаю лень, прибавилъ онъ, помолчавъ: — и хочу ѣхать въ Италію, въ Геную».

Вошло солнце, и съ перваго же своего появленія, начало насъ жечь довольно основательно косыми своими лучами. Мѣстность по сторонамъ была ровная и вся усажена искривленными, темными пробковыми деревьями, видомъ похожими на оливу, но больше, размашистѣе и темнѣе. Онѣ бросали причудливыя тѣни на красную глинистую почву. Дорога становилась ровнѣе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее перерѣзывали ручьи, въ которые колеса нашего дилижанса погружались по самыя ступицы. Утренній воздухъ былъ провзительно свѣжъ, но солнце уже пело не по нашему. Небо въ верхнихъ частяхъ принимало голубой цвѣтъ, а края горизонта еще покрывались бѣлесоватымъ туманомъ...

На встрѣчу намъ стали попадаться двухколесныя телеги, запряженныя двумя, тремя, или даже и шестью мулами гуськомъ. Странный обычай господствуетъ по всей Испаніи: лошадамъ и муламъ выстригаютъ очень гладко всю спину такъ, что только брюхо, грудь и ноги покрыты шерстью и показываютъ настоящую масть животнаго. Отъ времени до времени попадался оселъ съ плетеными корзинками на спинѣ; подлѣ него брелъ его хозяинъ въ каталонской *юрра*, то-есть фригійскомъ волпакѣ, красномъ или темнокоричневомъ; верхъ этого колпака обыкновенно загибается впередъ, книзу и играетъ роль козырька.

Костюмы различныхъ провинцій Испаніи, всюду еще сохранившіеся среди сельскаго, а частью и городскаго народонаселенія, всего болѣе разнятся между собою по головному убору, а также по обуви, которая въ Каталоніи состоитъ изъ кожаныхъ штаблеговъ и простыхъ подошвъ, прикрѣпляемыхъ къ шиколѣтъ съ помощью шерстяныхъ привязокъ; это называется *alpargatas*. Остальное одѣяніе всюду состоитъ изъ темной куртки, жилета и панталонъ, обыкновенно доходящихъ только до колѣна. Необходимая часть костюма всѣхъ испанскихъ простолюдиновъ — *lafaja*, то-есть широкій, красный, шерстяной поясъ, который обертывается нѣсколько разъ вокругъ тѣла и спускается очень низко. Въ его складкахъ закладывается *la navaja*, широкій складной ножъ, происходящій обыкновенно изъ фабрикъ Альбасете, и безъ котораго ни одинъ испанскій *porolano* не показывается на улицѣ. Затѣмъ также у всѣхъ испанскихъ простолюдиновъ вы увидите грубое шерстяное полосатое одѣяло, которое они или

носить на плечѣ, или которыми заутывають всю свою фигуру. Въ Валенсіи это одѣло принимаетъ изыщную форму пестраго плаща, въ который тамошніе жители драпируются съ чисто-восточною граціею.

Испанскіе крестьяне всё безъ исключенія бръютъ усы и бороду; за то бабенбарды у нихъ въ большомъ ходу. Типъ мужчинъ замѣчательно красивъ и энергиченъ рѣшительно вездѣ. Всюду, кромѣ Каталоніи, онъ суровъ и даже мраченъ. Каталонскій типъ разнится отъ прочихъ еще и носомъ, чаще всего широкимъ и поднятымъ кверху, что придаетъ всей физиономіи разбитной видъ. Но вообще въ Испаніи носы ведутъ себѣ примѣрно и мало позволяютъ себѣ отступленій отъ классической прямизны и правильности. Носъ кривчатый обличаетъ въ своемъ владѣльцѣ слѣды мавританской или еврейской крови. Вздернутые носы во всѣхъ провинціяхъ, кромѣ Каталоніи, составляютъ археологическую рѣдкость, и должно надѣяться, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ, которое, благодаря настоящимъ событіямъ, приметъ въ этой странѣ промышленность и предпримчивый духъ спекуляціи, ихъ будутъ показывать за деньги. Должно замѣтить также, что типъ прибрежнаго народонаселенія Каталоніи въсколко разнится отъ тина гористыхъ мѣстностей; и типъ всего народонаселенія на югъ отъ Барселоны носить на себѣ слишкомъ примѣтные слѣды римскаго владычества, остатками котораго еще полна вся Таррагонская провинція. Береговые жители считаются потомками финиціанъ; тогда какъ народонаселеніе внутреннихъ частей страны состоитъ изъ коренныхъ жителей полуострова, кельтовъ, съ болѣе или менѣе сильною римскою примѣсью. Вообще же каталонцы несравненно болѣе однородны съ жителями южной Франціи, нежели бискайцы съ гасконцами. Здѣшній языкъ есть болѣе или менѣе чистый-лимюзинскій, *Langue d'Och*. Не въ обиду будь сказано каталонскому выговору, я ожидалъ большаго благозвучія отъ поэтическаго языка труверовъ...

Каталонія одна изъ немногихъ провинцій Испаніи, гдѣ женщины принимаютъ очень дѣятельное участіе въ работахъ; въ другихъ провинціяхъ онѣ все еще считаются исключительно созданными для любви, для конфесіонала и для семейныхъ ссоръ. Въ прибрежныхъ мѣстечкахъ десятки тысячъ каталонскихъ женщинъ и дѣвушекъ заняты производствомъ блондъ, работаютъ на бумагопрядильныхъ фабрикахъ и пр. Въ Геронской, то-есть самой сѣверной провинціи Каталоніи, которую мы теперь проѣзжаемъ, сборъ пробки, составляющій главный доходъ страны, а также льна и винограду, предоставленъ почти исключительно имъ одиѣмъ. Этимъ объясняется, что по дорогѣ мы

встрѣчали гораздо больше пешихъ на работу женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Большинство ихъ было довольно опрятно одѣто въ темныя ситцевыя платья съ яркимъ большимъ платкомъ на головѣ и на плечахъ. Едва завидѣвъ нашъ дилижансъ, многія изъ нихъ бросали всякое занятіе и по четверти часа бѣжали подлѣ оконъ кареты, жалобнымъ голосомъ вымаливая:

— Senorito, una limosnita (баринъ, милостыньку!).

Разговорчивый спекуляторъ, не безъ успѣха посвятившій пробкамъ лучшіе годы своей молодости, былъ очень недоволенъ нападеніями нищихъ, которыя становились все чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Геронѣ.

— Можно подумать, что имъ въ самомъ дѣлѣ ѣсть нечего, говорилъ онъ: — а вѣдь каждый крестьянинъ владѣеть здѣсь своимъ клочкомъ земли и работники они всѣ отличные.

— Да земля у васъ, кажется, плоха, сказалъ я, указывая ему на красную глинистую почву по обѣимъ сторонамъ дороги и на холмы, похожіе на кучи сваленнаго щебня. — Слышалъ я также, что отъ засухи много пострадали это лѣто.

— Земля точно въ этихъ мѣстахъ плоха, что и говорить; а въ особенности, если сравнить ее съ землею подлѣ Барселоны. Тамъ такая благодать, что и сказать нельзя. Есть мѣсто такое благодатное, что его даже прозвали *личнымъ жемчужкомъ*, три жатвы оно родить хорошему работнику. Это подлѣ Остальриксъ; съ желѣзной дороги видно. Вы какъ будете подѣзжать къ Гранольерсъ (за часъ ѣзды отъ Барселоны), такъ сами замѣтите. А впрочемъ, и у насъ работающему человѣку жить можно: пробка выручаетъ. На нее нѣтъ никакой засухи. Работа тоже нетрудная: сдеруть кору съ дерева, а на слѣдующій годъ она снова вырастаетъ. Впрочемъ, нашъ народъ не боится работы. Поживете у насъ, такъ сами увидите, что это за удалой народъ: морякъ ли онъ, носильщикъ, земледѣлецъ — на него нѣтъ усталости; и бережливъ тоже очень.

— У насъ много говорятъ о лѣности южныхъ испанцевъ, въ Андалузін, на примѣръ. Что они точно такъ лѣнны?

— Право, не знаю, какъ вамъ сказать. Противъ нашего, конечно, не устоятъ ихъ работники: ни силы той нѣтъ, ни выносливости. Да противъ нашего ни одинъ работникъ въ свѣтѣ не устоятъ; это я вамъ говорю точно. Я вѣдь путешествовалъ: во Франціи былъ, въ Швейцаріи. Потому я вамъ и говорю, что знаю. Ну, а андалузецъ-то... Вотъ видите ли, бѣда въ томъ, что земля у нихъ вся въ однихъ рукахъ, а потому и усердія къ работѣ мало. Привыкъ человѣкъ не свое дѣло дѣлать, такъ потомъ и самъ радъ бы поусердствовать, да навыка не имѣетъ.

Въ иныхъ мѣстахъ ни за какія деньги крестьянину земли достать и въ наемъ невозможно.

— Какъ такъ? Земли мало, что ли?

— Земли вдоволь, больше, чѣмъ у насъ, да много ее за даромъ пропадаетъ. Землевладѣльцы, знаете, все народъ страшно богатый: Оссуна, герцогъ; Медина-Сели, тоже Медина-Сидонія. У инаго владѣтельнаго государя столько земли нѣту, какъ у нихъ. Табуны, стада большія держать. И самимъ невыгодно, да имъ что значить по франку или по два съ десятины меньше дохода взять. Подъ однихъ быковъ для боа сколько земли пропадаетъ. Надо, знаете ли, чтобы звѣрь всю дикость свою сохранилъ, человека чтобы и не видалъ почти; имъ и отгораживаютъ цѣлыя пустыни.

— А что въ Барселонѣ тоже даются бычачьи бои?

— Гдѣ же они не даются! а лучше, кабы нигдѣ ихъ не было. У насъ, впрочемъ, до нихъ неохотники. Мадридъ и Кордова — это самые дилетанты; тамъ есть люди, что въ жизни своей не знаютъ другаго наслажденія. А въ Барселонѣ ходятъ такъ себѣ. И самые торреро не любятъ Барселони: говорятъ, что публика наша ничего не понимаетъ въ этомъ дѣлѣ и требуетъ невозможнаго. Оно, можетъ быть, что и правда. Я о себѣ скажу; я вотъ почти до сѣдмхъ волосъ дожилъ, а былъ всего два раза. И то въ послѣдній разъ уговорилъ меня пріятель французъ; онъ никогда еще не видалъ и непремѣнно хотѣлъ видѣть. Пошли мы. А какъ началось, онъ и высидѣть не могъ. Онъ еще охотникъ былъ большой до лошадей, а тутъ для лошадей бѣда совсѣмъ...

— А что теперь ваши хунты не думаютъ ихъ запретить?

— Запретить нужно бы, да только съ разу нельзя же, надо понемногу, постепенно... А что говорить иностранцы о нашей революціи?

Я сказалъ.

— Нельзя не одобрить, возразилъ онъ самодовольно: — дѣло такое *transcendental*, блестящее. Главное, единодушіе каково, порядокъ. Миротлюбиво все какъ вышло, крови почти не пролито; а шагъ какой! Шагъ громадный! Нѣтъ, французамъ куда?

— Что жъ дальше будетъ, какъ у васъ поговариваютъ? Новаго ли короля выбрать будете, или по праву наслѣдства принцу астурійскому корону предложите?

— Нѣтъ, что астурійскаго! Что мать, что сынъ — это все одно дѣло. Къ тому же сказано вѣдь: *A bajo los Borbones!* Значить, всю династію прочь.

— Такъ, слѣдовательно, Монпансье?

— Что мнѣ до Монпансье. Я и не знаю его вовсе. Говорятъ, хорошій человекъ, да вѣдь въ душу не влѣзешь. Пойди разбей раю потомъ.

— Эге, такъ вы, стало-быть, за республику?

— Нѣтъ, нѣтъ; этого нельзя, возразилъ онъ съ живостью:— я вамъ вотъ что скажу: я самъ республиканецъ, да нельзя: не дозрѣли. Народъ у насъ темный, невѣжественный. Нельзя никакъ. Надо во всемъ постепенность, послѣдовательность, миролюбіе...

II.

ГЕРОНА.

Сказка о бѣломъ бычкѣ и о народномъ фанатизмѣ. — «Насег tiempro». — Желѣзныя дороги. — Дорожныя наблюденія.

Было уже около полудня. Солнце рисовало причудливыя жгучіе узоры внутри кареты, не перемоясь и съ ея пассажирами. Слишкомъ двѣнадцатичасовое сидѣніе въ неудобномъ дилижансѣ успѣло утомить каждаго, тѣмъ болѣе, что лошади едва передвигали ноги на вязкой почвѣ дороги, карета колыхалась и металась изъ стороны въ сторону, какъ утлая ладья среди бурнаго моря.

Мѣстность становилась довольно однообразною. Горы отступали все далѣе и далѣе и тянулись нѣсколькими цѣпами въ разныхъ направленіяхъ вдали на горизонтѣ. Даже благодѣтельныя пробковыя деревья становились всѣ рѣже и рѣже. Часто попадались совершенно пустынные голыя мѣста. На нихъ паслись стада овцъ почти такого же грязновато-краснаго цвѣта, какъ и самый грунтъ. Обыкновенно на возвышеніи стоялъ живописный пастухъ, тоже весь грязно-бронзоваго цвѣта. За плечами у него было ружье такого устройства и вида, какъ у балетныхъ разбойниковъ.

Проѣхали мы небольшую, но довольно опрятную деревушку, всѣ дома которой были снизу до верку утѣшаны яркими гирляндами сушившейся на солнцѣ кукурузы. Черезъ широкую рѣчку былъ построены длинный, но необыкновенно узкій и горбатый мостъ, переправа черезъ который потребовала добрыхъ полчаса времени. На встрѣчу попался запряженный быками возъ. Разминуться не было никакой возможности. Быки, глупо и подозрительно смотря изподлобья, вптупались въ построжки лошадей, которыя суетились безъ толку, гремя бубенчиками. Молодой парень въ каталонской горрѣ и въ синей холстинковой одеждѣ

принялся отталкивать свой возъ назадъ, покуривая папиръску и любезно разговаривая съ нашимъ *zagal'омъ*. Поражало отсутствіе суматохи, для которой, однако же, случай былъ очень удобный. Герона давно уже видѣлась на горизонтѣ, покрытая темно-синей дымкою. Благодаря довольно ровной мѣстности и отсутствію влаги въ воздухѣ, она казалась очень близкою; но прошли, однако же, добрыхъ полтора часа, пока колеса нашего длиннана застучали по ея узкимъ, кривымъ, темнымъ улицамъ, гдѣ на каждомъ шагу почти повторялись тѣ же приключенія, что и на мосту. Прохожихъ попадалось много, и большая часть ихъ была изъ духовнаго званія.

— Миѣ говорили, обратился я къ пріумолкшему своему сосѣду: — что много испанскаго духовенства бѣжало во Францію. Но теперь я вижу, что в дома ихъ осталось достаточно.

— Парокиальный *клеръ* не двинулся, отвѣчалъ онъ миѣ: — бѣжали впервыхъ *іезуиты*, которыхъ выгнали; а также нѣкоторые богатые *пробендисты* выѣхали по доброй волѣ. Низшее духовенство вообще какъ будто бы даже благорасположено къ новымъ порядкамъ. Вѣдь имъ и самимъ не всегда жилось. Однако же, полагаться на это нельзя. Чтѣ имъ прикажетъ ихъ высшее начальство, то они и будутъ дѣлать. Дисциплина у нихъ ужасно строгая. Очень опасное для насъ это сословіе. Народъ невѣжественъ и фанатиченъ, и они вертятъ имъ, какъ хотятъ.

— Слышалъ и я много о фанатизмѣ вашего народа; однако до сихъ поръ его еще не видно было. Вѣдь вѣрно же они не хотѣли изгнанія *іезуитовъ*, а тѣмъ не менѣе ихъ выгнали. Что, были у васъ по этому случаю безпорядки?

— Нѣтъ, благодаря Бога, безпорядковъ не было никакихъ. Кому они нужны, *іезуиты*!

— А фанатизмъ-то какъ же?

— Фанатизмъ? да фанатизмъ точно большой, и все отъ невѣжества. Намъ просвѣщеніе нужно; безъ просвѣщенія теперь никакъ нельзя: не тотъ вѣкъ...

И т. д. — Такъ миѣ и не удалось добиться отъ него толку о народномъ фанатизмѣ. Напрасно я приводилъ ему осязательный примѣръ южной Италіи, гдѣ конфискація монастырскихъ имуществъ вызывала, хотя бессильную, но часто кровавую оппозицію со стороны сельскихъ жителей. Онъ говорилъ, что въ Испаніи ничего подобнаго не было, и должно надѣяться, не будетъ впредь. Но тутъ же опять жаловался на фанатизмъ *массъ* и на ихъ невѣжество, которыми однимъ только и держался старый порядокъ. Онъ увѣрялъ, что какъ только *клеръ захочетъ*, то повсемѣстно вспыхнетъ кровавая реакція и бѣдные либералы па-

дуть ея жертвами. Я пытался убѣдить его, что клиръ вѣроятно *давно хочетъ*, и т. п. Однакоже вскорѣ убѣдился, что мы разсказывали сказку «про бѣлаго бычка». Собесѣдникъ мой тоже повидимому замѣтилъ это, а потому и снѣшилъ закончить разговоръ слѣдующимъ изрѣченіемъ:

— Говорать, революція кончена, а я такъ думаю, что она теперь только начинается. Намъ нужно все перестроить съ верку и до основанія. Только послѣдовательность нужна, постепенность...

Тогда я не зналъ еще, что эта фраза успѣла уже стереотиповаться въ мозгу испанскихъ либераловъ очень умѣреннаго разрада, а потому и отдалъ справедливую дань глубокомыслию своего собесѣдника...

Городъ тянулся очень долго. Дома сѣрые, высокіе, имѣли неказистый видъ и не представляли рѣшительно ничего достопримѣчательнаго. Городъ былъ похожъ на всѣ южные города. Лавокъ было очень много. Почти всѣ нижніе этажи заняты ими, или, точнѣе говоря, въ сѣнахъ почти каждаго дома, двери которыхъ были открыты настежь, и безо всякой лавочной обстановки непремѣнно продавалась всякая дрянь: овощи, корзинки и амновки, плетенныя изъ тростника, красное вино въ бурумахъ и т. Продажею ихъ обыкновенно занимались женщины довольно некрасивой наружности. Всѣ онѣ были заняты въ то же время сучаніемъ нитокъ изъ пряжи, заткнутой за передникъ, съ веретенкомъ, висѣвшимъ съ боку, какъ сабля кавалериста, совершенно первобытнымъ образомъ.

Въ числѣ настоящихъ лавокъ, подъ портниками главной улицы, много было книжныхъ, въ стѣнахъ которыхъ видѣлись преимущественно раззолоченные корешки молятвенниковъ. Фасады ихъ были увѣшаны раскрашенными фотографіями весьма лубочнаго свойства и релігіознаго содержанія. Въ числѣ голубыхъ мадоннъ съ воткнутыми семью мечами въ сердце, выкрашенное темно-малиновою краскою, оказались два или три Гарибальди въ сѣромъ плащѣ и красной рубашкѣ, имѣвшаго тоже здѣсь какой-то библейскій видъ.

На нѣкоторыхъ стѣнахъ видѣлись полустертая уже надписи: «*Abajo los Borbones*», «*Viva la Soberania nacional*» и т. п.

Станція была на противоположномъ концѣ города, въ тѣни деревьевъ, листья которыхъ уже пожелтели и начали пропадать. Тутъ снова осмотрѣли наша багажа, и затѣмъ *zagal*, который не долженъ повидать насъ до самой Барселони, превращалъ насъ, все еще въ качества военнопленныхъ, въ небольшую залу съ надписью на дверяхъ «*Fonda*», то-есть гостиница или буфетъ...

До отхода поѣзда оставалось еще болѣе часа...

Боткинъ, въ своихъ «Письмахъ изъ Испаніи» достаточно ознакомилъ русскихъ читателей съ испанскою «*mucho calma*». Суеты, торопливости, вы здѣсь не встрѣтите нигдѣ и ни въ чемъ.

Каталонцы отъ всѣхъ остальныхъ испанцевъ (за исключеніемъ развѣ только валенсійцевъ, съ которыми ихъ связываетъ единство племени и сходства условій жизни) разнятся живостью нрава и неутомимою дѣятельностью. Къ тому же страна ихъ промышленная и торговая, и въ ней время должно имѣть свою цѣну. Но Каталонія все же Испанія, а потому и въ ней «*hacer tiempo*» играетъ очень важную роль.

Въ буквальной смыслѣ «*hacer tiempo*» значить «дѣлать время», но въ общеупотребительномъ своемъ значеніи, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, оно значить губить его самымъ непроизводительнымъ и непродуктивнымъ образомъ. Позвольте цитировать вамъ по этому случаю испанскаго же автора. Вотъ чтѣ замѣчаетъ по этому поводу авторъ «Мадридскихъ сценъ», донъ-Рамонъ-де-Месоноро-Романосъ:

«Слава гласитъ, и совершенно основательно, что отличительная, основная черта испанскаго характера — щедрость. И въ самомъ дѣлѣ, мы не только щедры, но даже расточительны во всемъ, а всего болѣе въ дѣлѣ ненужныхъ издержекъ. Это намъ подтверждаетъ нашъ государственный долгъ, наши канцеляріи, наши дворцы, церкви и монументы. Щедры мы на гиперболы и на другія риторическія фигуры и украшенія... Но всего мы щедрѣе на время, котораго никто не умѣетъ тратить съ такою граціею, съ такимъ блескомъ, совершенствомъ и излишествомъ, какъ мы, испанцы. Наша фраза «*hacer tiempo*» на всякомъ другомъ языкѣ значить губить его нещадно...»

«*Hacer tiempo*» означаетъ не только испанскій кейфъ или «*dolce far niente*» въ переложеніи на испанскіе нравы. Въ этомъ значеніи оно для меня священно, ибо отвѣчаетъ на органическую потребность южнаго человѣка не только отдыхать отъ болѣе или менѣе тяжелыхъ трудовъ и занятій, но еще и обставать извѣстнымъ пластическимъ образомъ свой отдыхъ.

Я говорю здѣсь про «*hacer tiempo*» въ смыслѣ той ненужной степенности и тѣхъ бесполезныхъ проволочекъ времени, безъ которыхъ въ Испаніи не обходится ни одно дѣло, которыя дѣлаютъ испанскаго работника, при всей его необыкновенной смѣтливости и ловкости, негоднымъ рѣшительно ни къ чему. Въ глазахъ самихъ испанцевъ дѣлать всякое дѣло «*haciendo tiempo*», составляетъ несомнѣнный признакъ благородства, *lidalgia*, происхожденія отъ благородной или, какъ здѣсь выра-

жуются, *золубой крови* (Sangre azul). «Гвадалквиръ, благородная рѣка, течетъ какъ благородный *hidalgo*, неторопливо, «*basiendo tiestro*», заворачивая то направо, то налево, къ живописнымъ холмамъ и апельсиннымъ рощамъ...» Такъ начинается свое описаніе Фернанъ Кавальеро (псевдонимъ женщины, бывшей воспитательницы принца Астурійскаго), авторъ нѣсколькихъ, крайне піэтистическихъ народныхъ романовъ, переведенныхъ на всѣ языки, въ которыхъ добродѣтельныя и смертельно скучныя пейзажи Андалузій иначе не говорятъ, какъ цитатами изъ священнаго писанія и высказываютъ вообще благотворительность и благоправность уму непостижимую.

Сдѣлать что бы то ни было къ сроку для испанца вещь немисляемая: пришлось бы, сохрани Боже, торопиться и скомпрометировать въ конецъ свое достоинство «*de caballero*». Куда бы ни шелъ испанецъ, онъ хочетъ идти, какъ на прогулку, имѣть время остановиться нѣсколько разъ, чтобы сдѣлать или закурить свою папироску.

Желѣзныя дороги здѣсь почти всѣ въ рукахъ французовъ; но необходимость примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ заставляетъ здѣсь и этотъ живой и дѣятельный народъ «*hacer tiestro*», то-есть дѣлать совершенно ненужныя проволочки времени, для того только, чтобы пассажирамъ и чиновникамъ не пришлось ускорить шага. На каждомъ «*Empalme*», то-есть на каждой такой станціи, гдѣ сходятся или расходятся два поѣзда, положены чрезвычайно длинныя остановки и, кромѣ того, еще поѣзды очень часто опаздываютъ.

Впослѣдствіи намъ придется ознакомиться болѣе или менѣе подробно съ каждою сколько-нибудь значительною вѣтвью испанскихъ желѣзныхъ дорогъ. Теперь, пользуясь остановкою «*raja hacer tiestro*» въ Геронѣ, я ограничусь нѣсколькими общими замѣчаніями о положеніи желѣзно-дорожнаго дѣла въ Испаніи.

По количеству эксплуатируемыхъ въ ней уже желѣзныхъ дорогъ, Испанія въ настоящее время занимаетъ четвертое мѣсто въ Европѣ, то-есть она стоитъ выше Россіи, Скандинавскихъ Королевствъ, Греціи и Турціи, но ниже всѣхъ остальныхъ европейскихъ королевствъ. Всѣ открытыя до настоящаго времени линіи составляютъ вмѣстѣ 5,146 километровъ, то-есть длину почти въ пять разъ больше протяженія наибольшаго поперечнаго полуострова (которая равняется 1,132 километрамъ). Кромѣ того, до 1-го января нынѣшняго года включительно, выданы были концессіи еще на 1,873 килом., изъ которыхъ многія уже

начаты строятся. Постройку нѣкоторыхъ изъ нихъ успѣли даже оставить на неопредѣленное время впредь.

Если вы взглянете на карту испанскихъ желѣзныхъ дорогъ, то будете имѣть передъ собою довольно вѣрное, наглядное схематическое изображеніе отношенія между политическими и экономическими условіями быта этой страны.

Всѣ главныя линіи сконцентрированы въ Мадридѣ, но, очевидно, не ради какой бы то ни было экономической необходимости, потому что, на протяженіи около ста верстъ отъ столицы по всѣмъ направленіямъ, онѣ не соединяютъ нивалкихъ мало-мальски значительныхъ торговыхъ центровъ, не дають отъ себя ни одной боковой вѣтви. Первыя большія станціи: на сѣверѣ Эскурьяль, королевскій монастырь; на югѣ Аранхуэсъ, королевская резиденція; на востокѣ Гвадалахара, главный городъ одной изъ Кастильскихъ провинцій, то-есть центръ чисто административный, непронзводящій ничего рѣшительно, непотребляющій ничего, кромѣ луку, оливковаго масла, *guisantes*, то-есть гороху, а по очень большимъ праздникамъ баранины — все это производится тутъ же на мѣстѣ и никуда не отправляется. Развѣтвленія желѣзныхъ дорогъ и нѣчто похожее на сѣти встрѣчается только на сѣверѣ и въ торговой Бискайнѣ, въ промышленной Каталоніи и на югѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Андалузій, богатыхъ рудниками.

Главныхъ вѣтвей, лучами исходящихъ изъ Мадрида по разнымъ направленіямъ, три: одна, изгибаясь выпуклою дугою къ западу, ведетъ на сѣверъ, черезъ Старую Кастилію и Бискайнъ, къ французской границѣ, около самаго угла Гасконскаго залива (въ Эндайѣ, близъ Байонны). Другая служитъ ей продолженіемъ и ведетъ на югъ, черезъ Ламанчу и сѣверную провинцію Андалузій (Андухаръ) въ Кордову, откуда она даетъ отъ себя вѣтви далѣе на югъ, въ Малагу, черезъ Гранаду, въ Кадисъ черезъ Севилью. Третья вѣтвь ведетъ на востокъ въ Сарагоссу, которая, въ свою очередь, соединена съ Барселоною. Отъ южной вѣтви, изъ главнаго города Ламанчи, Альказаръ-де-Санъ-Хуанъ, замѣчательнаго только тѣмъ, что онъ находится въ числѣ семи испанскихъ городовъ, изъ которыхъ каждый считаетъ себя родиною Сервантеса, идетъ очень длинная вѣтвь черезъ городъ Бадахось, замѣчательный особенно красивыми женщинами, въ Португалію до Лисабона. Такимъ образомъ, столица Испаніи соединена со всѣми сколько-нибудь значительными мѣстностями, лежащими въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ полуострова по всѣмъ направленіямъ, отъ Пруца на сѣверѣ до Хереса и Кадиса и отъ Барселоны до Лисабона.

Это распределение желѣзныхъ дорогъ очень удобно для турковъ, которыхъ, однакоже, здѣсь очень мало. Но такъ-какъ всѣ эти отдаленные города полуострова не имѣютъ со столицей никакихъ сношеній, кромѣ чисто административныхъ, то становится очевиднымъ, что постройкою этихъ громаднхъ линій, перерѣзывающихъ одна другую въ Мадридѣ, почти подъ прямымъ угломъ, руководили вовсе не экономическія нужды страны, а чисто правительственными соображеніями.

Нѣкоторыя изъ второстепенныхъ вѣтвей, очевидно, строены были подъ вліяніемъ точно такихъ соображеній. Самая значительная изъ нихъ соединяетъ столицу безплодной Арагоніи, имѣющей множество превосходныхъ водныхъ путей, по которымъ ей вонять нечего, съ Пампелуною, столицею Наварры, производящей въ изобиліи только карлистскихъ реакціонеровъ и уголовныхъ преступниковъ.

Всѣ эти вѣтви принадлежатъ различнымъ французско-англійскимъ компаніямъ. Администрація вся въ рукахъ французовъ; механики почти безъ исключенія альзасцы, и только низшія должности предоставлены туземнымъ жителямъ.

Кромѣ главныхъ вѣтвей, уже перечисленныхъ здѣсь, существуетъ еще вѣтвь, соединяющая мадрридско-кордованскую дорсгу съ Аликанте и, наконецъ, самостоятельныя вѣтви или даже цѣлыя системы болѣе или менѣе значительныхъ линій желѣзныхъ дорогъ въ Андалузіи, въ Бискайѣ, въ Каталоніи. Только Астурія и Галиція остались чужды этого благодѣянія, потому что мѣстнымъ желѣзнымъ дорогамъ возникнуть въ этихъ испанскихъ странахъ нѣтъ основанія, а правительство королевы Изабеллы слишкомъ было увѣрено въ благонравіи этихъ странъ и не предвидѣло необходимости посылать туда войска или экстраенныхъ администраторовъ; слѣдовательно, оно и не думало о нихъ при выдачѣ концессій.

Эти мѣстныя вѣтви желѣзныхъ дорогъ почти всѣ принадлежатъ испанскимъ компаніямъ, во главѣ которыхъ стоятъ извѣстный г. Саламанка (котораго отнюдь не должно смѣшивать съ городомъ того же имени, въ провинціи Леонъ, когда-то славившимся своимъ университетомъ). Приятная особенность этихъ мѣстныхъ дорогъ, сравнительно съ главными вѣтвями, сцентризованными въ Мадридѣ, заключается въ томъ, что положеніе первыхъ вообще значительно лучше.

Выразить цифрами жалкое состояніе испанскихъ желѣзныхъ дорогъ довольно трудно, хотя эта статья испанской статистики разработана довольно удовлетворительно, даже лучше, чѣмъ во многихъ другихъ передовыхъ странахъ. Въ цифрахъ недостатка

лѣтъ, хоть, правда, не всѣ цифры, даваемые здѣшними журналами желѣзныхъ дорогъ, заслуживаютъ полнаго довѣрія. Главное затрудненіе, впрочемъ, еще не въ этомъ, а въ томъ, что между различными линіями и компаніями существуетъ слишкомъ много неравномѣрности во всѣхъ отношеніяхъ. Самая большая изъ нихъ французско-англійская Сарагосса-Мадридъ-Кордова и Аликанте имѣетъ слишкомъ 1,000 километровъ, а есть компаніи, имѣющія всего отъ 20 до 30 километровъ. Нѣкоторыя изъ компаній, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, имѣютъ все же таки самостоятельное существованіе, а другія (почти всѣ главныя линіи) давно уже обрѣтаются въ положеніи необъявленнаго, но рѣшительнаго банкротства, и существовали до сихъ поръ только благодаря различнымъ сдѣлкамъ, существовавшимъ между ними и правительствомъ, конечно, съ отягощеніемъ для бюджета. При такомъ разнообразіи положенія, значеніе огуловыхъ цифръ можетъ быть только очень и очень относительное.

Въ общей сложности испанскія желѣзныя дороги давали еще въ 1866 г. 2¹/₂ процента съ затраченнаго на нихъ капитала.

Примѣръ Испаніи весьма назидателенъ для тѣхъ, которые любятъ приписывать желѣзнымъ дорогъ «an und für sich», какое-то магическое, благотворное для страны дѣйствіе. Нѣкоторыя вѣтви существуютъ здѣсь уже слишкомъ пятнадцать лѣтъ, а потому было время убѣдиться, что, кромѣ отягощенія государственнаго бюджета, а слѣдовательно, и ухудшенія матеріальнаго положенія страны, нѣкоторыя изъ нихъ не дали рѣшительно ничего ни самой странѣ, ни своимъ учредителямъ.

Эти печальные результаты здѣсь приписываютъ вліянію причинъ довольно разнообразныхъ, о главнѣйшихъ изъ которыхъ я скажу вкратцѣ нѣсколько словъ.

На первомъ мѣстѣ обыкновенно помѣчаютъ зло, наиболѣе искусственное, случайное, а слѣдовательно, и наименѣе искоренимое, то-есть злоупотребленія самого вопіющаго свойства, которыми сопровождалась выдача концессій, постройка желѣзныхъ дорогъ, и сопровождается еще и теперь ихъ эксплуатация. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, до чего доходили здѣсь злоупотребленія инженеровъ и правительственныхъ экспертовъ, я вамъ расскажу слѣдующій случай. На всемъ четырехчасовомъ разстояніи между Кордовою и Севильею находится только одинъ значительный городъ: Кармона. Лица, завѣдывавшія проведеніемъ дороги, потребовали съ города довольно значительную взятку. Кармонцы, полагаясь на то, что слишкомъ несомнѣнныя выгоды компаніи (англо-французской) требовали, чтобъ дорога не миновала ихъ города, заупрамились. Кончилось дѣло тѣмъ,

что станцію построили слишкомъ въ четырехъ километрахъ отъ города, и я слышалъ, что теперь кармонцы предлагаютъ компаніи сумму значительно большую той, которую съ нихъ требовали первоначально, чтобъ провести линію черезъ самый городъ.

Другую причину видятъ въ тарифахъ, будто бы слишкомъ высокихъ. Въ этомъ отношеніи та неравномѣрность, о которой я говорилъ выше, проявляется всего сильнѣе и, кромѣ того, вопросъ этотъ значительно усложняется нелѣпнымъ распределеніемъ линій. Вслѣдствіе этого послѣдняго во многихъ мѣстахъ существуетъ конкуренція, а вслѣдствіе неравномѣрности средствъ и значенія различныхъ компаній, иные изъ нихъ понижаютъ тарифы до невозможности въ тѣхъ частяхъ своихъ линій, гдѣ имъ надо задавить конкурента, но за то на тѣхъ линіяхъ, гдѣ конкуренція нѣтъ, онѣ естественно вынуждены назначать дѣйствительно очень высокія цѣны за провозъ товаровъ и пассажировъ. Нѣкоторыя компаніи заключаютъ между собою коалиціи противъ конкурентовъ. Благодаря одной изъ такихъ стачекъ между тремя компаніями, тарифы желѣзныхъ дорогъ между Мадридомъ и Валенсією, а также Мадридомъ и Аликанте, сильно понижены; вслѣдствіе чего часть барселонской привозной морской торговли перешла въ эти два портовые города съ несомнѣннымъ ущербомъ, какъ для самой Барселоны, такъ и для каталоно-аррагонскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Жалуются не мало и на то, что правительство предоставило себѣ десятину съ доходовъ желѣзныхъ дорогъ, но эта бѣда, несмотря на дѣйствительно возвышенный процентъ сбора, болѣе кажущаяся, чѣмъ возвышенная. У испанской администраціи замѣчается какое-то странное пристрастіе къ ненужнымъ усложненіямъ всякаго дѣла, къ хитросплетеніямъ, запутанностямъ. Такъ точно было и здѣсь: правительство выплачиваетъ желѣзнымъ дорогамъ ежегодныя субсидіи; желѣзныя дороги выплачиваютъ правительству десятину. Впрочемъ, взаимныя эти уплачиванія происходили только на словахъ и на бумагѣ. На дѣлѣ правительство и не платило субсидій и не получало десятины, а только помогало разными экспедіентами компаніямъ продолжать свое существованіе, несмотря на болѣе или менѣе основательное съ ихъ стороны банкротство. Я сказалъ уже, что большая часть компаній—французско-англійскія. Капиталы почти всѣ англійскіе, но общества сформированы при посредствѣ парижскихъ негоціантовъ, такъ-какъ лондонская биржа для Испаніи закрыта.

Еще причину плохого положенія испанскихъ желѣзныхъ до-

рогъ видятъ въ томъ, что будто бы самая постройка обходится здѣсь крайне дорого. Площадь большей части Испаніи въ отношеніи своего устройства приближается, какъ извѣстно, несравненно болѣе къ африканскому плоскоотно-возвышенному, нежели къ европейскому, горно-долинному типу. За исключеніемъ Каталоніи, которая въ отношеніи къ строенію своей поверхности, точно также какъ въ племенномъ отношеніи, нисколько не отличается, или по крайней-мѣрѣ разнится очень мало отъ Пиринейской Франціи, за исключеніемъ юго-восточныхъ мѣстностей (въ горахъ Сьерра-Морена и Сьерра-Невада), Испанія представляетъ рядъ возвышающихся одна надъ другою террасъ, перерѣзваемыхъ обрывистыми цѣпями горъ. Мадридъ, самая высокая столица въ Европѣ (600 метр. надъ уровнемъ моря), находится на самомъ высокомъ изъ этихъ уступовъ. Невыгоды, простирающіяся для цивилизации страны вообще отъ такого устройства поверхности, достаточно уже оцѣнены географами; невыгоды такого устройства относительно постройки желѣзныхъ дорогъ ясны сами собою. Замѣчу только, что наибольшая доля этихъ невыгодъ выпала на долю сѣверной линіи, отъ Мадрида до французской границы въ Прунѣ. Вертикальный разрѣзъ этой линіи даетъ чрезвычайно наглядное понятіе о трудностяхъ, которыя приходилось здѣсь преодолѣвать строителю искусству. Прямо съ Байонской низменности, съ высоты отъ 40 до 50-ти метровъ надъ уровнемъ моря, дорога эта подымается почти внезапно на среднюю высоту Нижнихъ Пиринеевъ, почти въ десять разъ болѣе значительную, близъ Витторіи и Маранди-дель-Эбро. Отсюда, черезъ la Brujula, подлѣ Бургоса (почти 1,000 м.), она подымается на Старо-Кастильскую террасу (почти 800 метр.). Самый высокій ея подъемъ въ горахъ Гвадарамы (la Canada) доходитъ до высоты 1,400 метровъ; и съ этой значительной высоты, круто спускаясь по южному гвадарамскому склону, она наконецъ достигаетъ столицы королей испанскихъ, престолъ которыхъ, по хвастливому выраженію андалузцевъ, «всѣхъ ближе къ Престолу Всевышняго». Сравнительно съ трудностями этой линіи, южная дорога отъ Мадрида до Кордовы можетъ показаться игрушкою, хотя и приходится почти безъ перехода спускаться съ высоты 800 метровъ въ горахъ Сьерра-Морены въ низменную долину Гвадалquivира, неимѣющую и 120 метровъ возвышенія надъ морскимъ уровнемъ...

Несмотря на всѣ эти физическія затрудненія, постройка километра желѣзныхъ дорогъ въ Испаніи обходится среднимъ числомъ въ 317,000 франковъ; слѣдовательно дороже чѣмъ въ Бельгіи, но дешевле чѣмъ во всей остальной Западной Европѣ, что слѣ-

дуетъ приписать отчасти сравнительной дешевизнѣ здѣсь рабочихъ рукъ, несмотря на незначительное народонаселеніе страны (развитіе, или точнѣе застой, здѣшней промышленности не отвѣчаетъ даже требованіямъ работы и этого немногочисленнаго народонаселенія), но главнымъ образомъ тому, что здѣшнимъ концессионистамъ желѣзныхъ дорогъ не приходится выплачивать столь большихъ суммъ за экспроприацію, какъ во Франціи или въ Англіи. Впрочемъ, и по теоріи ясно, что важна въ этомъ дѣлѣ не абсолютная цифра стоимости постройки, а отношенія между затрачиваемымъ капиталомъ и доходами, приносимыми предприятиемъ. Въ Испаніи доходъ этотъ ничтоженъ, кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ причинъ еще, и главнѣйшимъ образомъ оттого, что при выдачѣ концессій и при распредѣленіи дорогъ не были приняты во вниманіе экономическія условія и потребности различныхъ провинцій, а руководились исключительно административными соображеніями, если не дѣйствовали просто съ плеча и какъ попало (потому что и такихъ примѣровъ здѣсь тоже можно бы насчитать достаточное количество).

Печальная истина, только что высказанная здѣсь мною, соизвѣстна и въ самой Испаніи. Плодомъ этого сознанія явился здѣсь героическій проектъ улучшить положеніе нынѣ существующихъ желѣзныхъ дорогъ проведеніемъ 3,500 километровъ новыхъ, дополнительныхъ линій. Это средство, хотя и напоминающее вѣскольکو основной принципъ гомеопатіи: «вѣнъ вѣнцомъ выгоняй», можетъ однакоже удасться до извѣстной степени, то-есть толковое и сообразное съ экономическими потребностями страны распредѣленіе этихъ 3,500 километровъ, можетъ ослабить вредъ, происходящій отъ безтолковаго распредѣленія старыхъ.

Однако, средство это дѣйствительно героическое, и при теперешнемъ положеніи испанскихъ финансовъ едва-ли осуществимое. До начала нынѣшней революціи здѣсь уже было сформировано вѣскольکو новыхъ компаній, начавшихъ новыя постройки въ разныхъ мѣстахъ. Бѣольшая часть ихъ успѣли даже обанкротиться, перейти въ новыя руки и обанкротиться вновь, отчасти оттого, что правительство не выплачивало обѣщанныхъ субсидій, отчасти же отъ собственной несостоятельности. Въ такомъ положеніи находятся дѣла желѣзной дороги, долженствующей соединять Перпinyанъ, а слѣдовательно и всю восточную Францію съ Героноу, то-есть со всею восточною Испаніею до Аликанте включительно. Значительная часть построекъ по этой линіи, которая вся не имѣетъ и 100 верстъ протяженія, уже почти окончена; но дальнѣйшія работы пріостановлены по случаю банкротства компаніи. Важное значеніе этой небольшой линіи понятно

само собою, и проведеніе ея не сопряжено съ большими затрудненіями, такъ-какъ Пиринеи здѣсь оставляютъ между Франціею и Испаніею широкій холмистый проходъ, прежнюю сѣверную Каталанскую маршію, а теперешнюю Геронскую провинцію.

Главный городъ, Герона, имѣетъ всего около 8,000 жителей и печальнымъ видомъ своимъ соотвѣтствуетъ неблагоприятному положенію своей провинціи, довольно обширной и многолюдной, но самой бѣдной изъ всѣхъ каталонскихъ провинцій, вслѣдствіе дурнаго качества почвы и почти отсутствія портовъ, несмотря на близость моря. Впрочемъ, политико-экономическія понятія о бѣдности и богатствѣ странъ, основанныя исключительно на арифметическихъ среднихъ числахъ, выражаютъ довольно слабо дѣйствительную степень довольства и благосостоянія жителей. Несмотря на ограниченность доходовъ цѣлой провинціи, которой вся производительность ограничивается пробковою корою и льномъ, положеніе большинства народонаселенія довольно изрядное и независимое. Богатыхъ людей здѣсь нѣтъ почти вовсе; но за то почти всѣ крестьяне собственники пробковыхъ дѣсовъ, дающихъ доходъ хотя ограниченный, но вѣрный, и притомъ легко добываемый. Ничего похожаго на нищету, которую встрѣчаетъ путешественникъ въ сосѣдней Аррагоніи, здѣсь нѣтъ.

За немѣнѣемъ никакихъ достопримѣчательностей, городъ Герона гордится недавними историческими воспоминаніями о героическихъ своихъ подвигахъ въ 1809 году во время осады его французскимъ генераломъ Гувіонъ-Сенъ-Сиромъ (Gouvion-St-Cyr), длившейся болѣе семи мѣсяцевъ.

Нынѣшнія укрѣпленія Героны: пять бастіоновъ, защищающихъ нижній городъ (Mercadel) и отдѣльный фортъ, Монжуичъ (Montjuich), на видъ, по крайней-мѣрѣ, не соотвѣтствуютъ чрезвычайно важному стратегическому значенію этого пункта. Геронская маршія единственный открытый путь для французовъ въ Испанію и, при свойственной испанцамъ нетерпимости всякаго иностраннаго вмѣшательства въ ихъ дѣла, слѣдовало бы ожидать, что здѣсь будутъ приняты болѣе солидныя мѣры для защиты. На всѣ мои замѣчанія по этому поводу, мнѣ гордо отвѣчали, что геронцы и за худшими стѣнами умѣли защищать испанскую независимость. Я не считалъ нужнымъ настаивать на несовсѣмъ пріятныхъ для народнаго самолюбія воспоминаніяхъ 1821 года.

Мужественные жители этихъ мѣстъ, представляющіе собою совершенно самостоятельный сельскій типъ среди болѣе или мѣнѣе подчинившихся индустриальному вліанію другихъ каталонцевъ, состоятъ въ нѣкоторомъ подозрѣніи карлизма, котораго они однако же ничѣмъ еще не выказали въ настоящую револю-

цію. За то больше, чѣмъ въ остальныхъ провинціяхъ Каталоніи, здѣсь сильны автономическія стремленія. Геронцы до сихъ поръ еще не успѣли забыть, что во времена оны страна ихъ составляла независимое княжество, титулъ князя котораго носилъ послѣдній арагонской короны. Вообще жители этихъ мѣстъ, какъ и близкіе сосѣди пасторальной Андорры, горцы провинція Лерида, составляютъ какъ бы переходный членъ отъ блестящей, промышленной и красивой Каталоніи къ мрачной, воинственной и нищенской Арагоніи, стойко держащейся за свои вѣковѣчные *fueros y libertades* (вольности и льготы), не потому чтобы онѣ были ей особенно нужны для матеріальнаго ея благосостоянія, а изъ своего рода аристократизма и консерватизма, вообще довольно свойственнаго горнымъ жителямъ, и въ которомъ они находятъ единственную отраду нищенскаго своего существованія...

Но звонокъ прозвенѣлъ уже въ третій разъ и я сиѣшу въ вагонъ, который оказывается чрезвычайно грязнымъ и неудобнымъ...

Испанскіе поѣзды ходятъ вообще довольно медленно; а здѣсь еще мы проѣзжаемъ черезъ одну изъ самыхъ многолюдныхъ испанскихъ мѣстностей. Большихъ и чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ городовъ по дорогѣ нѣтъ, но деревень много и остановки часты...

Здѣсь еще пейзажъ имѣетъ европейскій и чрезвычайно привлекательный характеръ. Синѣющая на горизонтѣ и красиво извивающаяся цѣпь Пиринеевъ окаймляетъ глинистую, часто жилистую низменность, мѣстами покрытую сплошнымъ зеленымъ ковромъ. Темная зелень пробковыхъ дубовъ чередуется съ яркимъ металлическимъ цвѣтомъ южныхъ, такъ-называемыхъ итальянскихъ или зонтикообразныхъ сосенъ. Уже на большомъ разстояніи отъ Барселоны, бѣлѣютъ въ тѣни красивыхъ роцъ загородные дома богатыхъ негоціантовъ, составляющихъ преобладающую аристократію этихъ мѣстъ.

Около красиваго мѣстечка Марторель-дела-Сельва желѣзная дорога развѣтвляется. Обѣ вѣтви ея сойдутся потомъ въ Барселонѣ, но одна изъ нихъ идетъ кратчайшимъ путемъ; другая же удалется къ морскому берегу къ Мамаро, одному изъ главнѣйшихъ центровъ пробочной торговли и хлопчато-бумажной промышленности. Небольшой этотъ городокъ разрастается не по днямъ, а по часамъ, привлекая къ себѣ во множествѣ достаточныхъ людей изъ всей Каталоніи, красотой положенія и удобствами жизни.

Вотъ и Гранольерсъ, красивое торговое мѣстечко, гдѣ разва-

лини старинной башни и укрѣпленій выглядываютъ изъ-за высокихъ закопченныхъ трубъ фабрикъ. На станціи большое оживленіе. Дородныя каталонки со вздернутыми носами и крупными черными глазами, повязанныя шелковыми платками, съ необыкновенною живостью болтаютъ на своемъ неблагозвучномъ нарѣчій... Только и слышишь «шо... ау и еу»... Мужское народонаселеніе имѣетъ необыкновенно разудалый видъ. Національная горра и куртка совершенно теряется въ массѣ пиджаковъ и шотландскихъ шапочекъ. Народъ здѣсь щеголь и, говорятъ, любитъ пускать пыль въ глаза...

Городокъ окруженъ красивою горною мѣстностью, гдѣ въ большомъ количествѣ минеральные источники. Въ самомъ центрѣ картины высочій коническій холмъ и на немъ «Banos de la Calda», куда лѣтомъ собирается вся барселонская fashion...

Съ противоположной стороны вдали видѣется Остальригъ и его черноземная низменность, которую каталонцы называютъ «rovell d'ou» (привозится *рубель-доу*), что означаетъ «яичный желтокъ» и составляетъ, по ихъ мнѣнію, самое лестное уподобленіе для всякаго лица или предмета...

Черезъ часъ мы въ Барселонѣ...

Красивая, кокетливая мѣстность по обѣ стороны разстилается, бѣжитъ намъ на встрѣчу. Мѣстами, уже недалеко мелькаетъ синяя гладь Средиземнаго моря. Солнце печетъ какъ лѣтомъ, даже хуже, съ какою-то особенною отчетливостью.

«Санон'Андреу!» кричатъ кондукторы, и мы начинаемъ собираться въ вучу наши дорожные пожитки...

III.

Барселона.

Барселона, безъ сомнѣнія, самый промышленный, самый щегольской и наименѣе испанскій городъ въ Испаніи. Мобрегатъ, рѣчка его окружающая, не течетъ млекою и медомъ, какъ я долженъ былъ заключить по разсказамъ своего спутника въ дилижансѣ; но жизнь его дышетъ сравнительнымъ довольствомъ и благосостояніемъ. Въ особенности на первый взглядъ она поражаетъ отсутствіемъ того непривлекательнаго, пропитаннаго смолою и застоившеюся соленою водою элемента, который преобладаетъ въ жизни и физиономіи другихъ приморскихъ городовъ, по объему и по значенію равныхъ Барселонѣ.

Благодаря сочетанію нѣсколькихъ выгодныхъ условій, конкуренція не дошла здѣсь еще до тѣхъ всеподавляющихъ размѣровъ, которае она уже приняла въ промышленной Европѣ. Живутъ здѣсь

не аркадскіе пастушки, а комерсанты и работники. Иногда они ссорятся между собою, но чаще благодушествуютъ. Коммерція пока еще идетъ, даже теперь, несмотря на революцію. Въ работѣ большаго недостатка нѣтъ. А въ жизни, да въ особенности среди такой природы, подъ такимъ небомъ, можно дѣлать очень много другаго, чѣмъ ссориться и работать...

Комерсантъ здѣсь щеголь. Работникъ выносливъ, добродушенъ и охотникъ до театровъ и зрѣлищъ. Кроткій потому, что выросъ среди чрезвычайно добродушной къ своимъ сынамъ природы, будучи много слышанъ о благодѣяніи цивилизаціи, онъ не любитъ грубыхъ испанскихъ зрѣлищъ: боя быковъ и тому подобнаго. За то «la zarzuela» (водевиль) для него блаженство. Въ этомъ отношеніи каталонцы остались истинными французами, но не тѣми французами, которыхъ «ridendo castigant» Вельо и Рошфоръ въ своихъ памфлетахъ. Парижской Франціи здѣсь вы видите мало, и ея единственные здѣсь представители коми-вожеры изъ менѣе невыносимы и здѣсь, чѣмъ повсюду. Провансальская Франція, которая со своею артистическою мягкостью нравовъ недолго могла удержаться на воинственномъ поприщѣ средневѣковой европейской исторіи, въ Каталоніи живётъ до сихъ поръ...

Каталонцы терпѣли иго аррагонцевъ, потомъ кастильянцевъ; возставали съ большею или меньшею правильностью по крайней мѣрѣ разъ въ пять лѣтъ, совершали чудеса храбрости, достойныя романтическихъ героевъ и ихъ труверовъ; затѣмъ все снова приходило въ порядокъ: постоянная, мелочная борьба, которая въ концѣ-концовъ хуже подрываетъ враждебное иго, нежели героическія всплшки, не въ ихъ нравахъ. — Но каталонцы и до настоящаго времени не стали испанцами и сохранили въ значительной степени, нежели одноплеменные съ ними валенсійцы и аликантцы, свою самостоятельную національность. Большая часть аррагонцевъ, точно также какъ и жители всей юго-восточной Испаніи до Аликанте включительно, говорятъ нарѣчійми того же лимузьянскаго или южно-французскаго языка (langue d'Och), которымъ говоритъ Каталонія; однакоже языкъ этотъ называется каталонскимъ и только Каталонія дала ему въ новѣйшее время свою литературу...

Впрочемъ, оставимъ до болѣе удобнаго времени историческія и этнографическія подробности; а пока займемся внѣшнимъ обзоромъ города, который хотя и не имѣетъ всей оригинальности важныхъ испанскихъ городовъ, однакоже представляетъ много интереснаго.

Душа Барселоны, главная жизненная артерія города, — la

Rambla, большой бульваръ, усаженный высокими гѣнистыми деревьями, перерѣзываетъ городъ изъ конца въ конецъ и подъ разными названіями тянется отъ сѣверо-восточнаго предмѣстья Грасіа до самого моря. Самое многолюдное его мѣсто — *Rambla del Centro* или *de Santa-Cruz* находится почти у самого моря. Сюда-то стекается въ различное время дня и до самой поздней ночи все барселонское народонаселеніе «рага haser tiempo». Послѣ трехъ часовъ здѣсь господствуетъ шегольской олигархическій элементъ, отличающійся отъ спекуляторовъ всей остальной Европы не столько модною шеголеватостію наряда, сколько дѣйствительною красотою энергическихъ лицъ, на которыхъ печать сытаго самодовольства не изгладила еще мужественно-красивой печати, наложенной на нихъ самою природою. Низкій, прямой лобъ, живые чисто сѣро-голубые глаза, полныя красныя губы и рѣзко очерченныя челюсти, покрытыя курчавымъ лѣсомъ черныхъ бородъ, служатъ признакомъ натуръ болѣе живыхъ, страстныхъ и дѣятельныхъ, чѣмъ склонныхъ къ мечтательности и философствованію. Изъ этого матеріала выработываются преимущественно отважные и трудолюбивые спекуляторы; выработываются также хорошіе художники, живописцы и скульпторы; но ученыхъ здѣсь нѣтъ почти вовсе, точно также какъ нѣтъ ни одного выходящаго изъ ряда композитора-музыканта, несмотря на то, что музыка находится въ большой чести въ Барселонѣ и играетъ очень значительную роль въ здѣшнемъ такъ-называемомъ порядочномъ воспитаніи.

Другой аристократія, кромѣ биржевой и промышленной, не имѣется не только въ самой Барселонѣ, но и во всей Каталоніи. Аристократія военная и чиновничья, столь многочисленная и вѣсельная во всей остальной Испаніи, здѣсь не пользуется никакимъ почетомъ.

По мѣрѣ того, какъ здѣшняя промышленность развивалась болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе ощущался парализующій гнетъ мадридскаго правительства. Хотя на югѣ мы найдемъ элементы гораздо болѣе революціонные и способные идти гораздо дальше въ своихъ реформаціонныхъ стремленіяхъ, чѣмъ барселонскіе олигархи, однакоже только для послѣднихъ необходимость политическаго переворота, болѣе или менѣе радикальнаго, составляла дѣйствительную настоятельную потребность всегдаго дня, в они самими условіями своего существованія были поставлены въ необходимость добиваться его всѣми мѣрами, отставать его со всею энергіею борьбы за свое обогащеніе, за доступъ къ равнообразнымъ благамъ міра сего...

Во всѣ остальные часы дня и ночи на «Rambla» господствуетъ

элементъ чисто-демократическій. Здѣсь вы не встрѣтите того разбитнаго морскаго люда, который въ остальныхъ портовыхъ городахъ составляетъ преобладающій классъ демократической публики. Морская дѣятельность со всѣми ея многочисленными атрибутами сосредоточена въ Барселонеттѣ, предмѣстїи, находящемся на противоположномъ берегу барселонскаго порта. Барселона же столица фабричной и мануфактурной дѣятельности Испанїи.

Самый видъ ремесленнаго народонаселенїя, бодрый и добродушный вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствуетъ уже достаточно о томъ, что испанскїй Манчестеръ далекъ отъ настоящаго англїйскаго въ смыслѣ развитїя здѣсь господствующей конкуренціи и фабричныхъ усовершенствованїй, столь пагубно дѣйствующихъ на физическое и нравственное благосостояніе ремесленника. Заработная плата здѣсь очень низка и рѣдко доходитъ до двухъ франковъ въ день; но при благодатности здѣшней природы ея оказывается пока еще достаточно, чтобы покрывать сравнительно еще болѣе умѣренныя издержки работника и доставлять ему даже нѣкоторый, совершенно необходимый по мѣстнымъ понятїямъ досугъ. Не мало облегчалъ здѣсь работнику тяжелое бремя существованїя и тотъ революціонаризмъ достаточныхъ классовъ, о которомъ я говорилъ выше. Чувствуя необходимость низвергнуть мадридское иго, недававшее простора его спекуляторскимъ способностямъ, барселонскїй патронъ (*ато* или *диено*) занесивъ благорасположенїя къ себѣ въ подчиненныхъ ему рабочихъ, самъ пропагандировалъ въ ихъ средѣ вольнодумныя мысли, заводилъ школы и профессиональныя классы, больницы и прїюты...

Благодаря всему этому сочетанїю условїй, выработался здѣсь тотъ красивый, свободный типъ, которымъ нельзя не любоваться, гуляя на «Rambla», особливо въ праздничный день. Многочисленныя толпы, въ курткахъ или въ короткихъ ситцевыхъ блузахъ, удержавъ изъ своего національнаго костюма только красивую *faja* (поясъ), гуляютъ, кура традиціональныя папироски, покупаютъ газеты въ пестро разукрашенныхъ кіоскахъ, которыми, по парижскому образцу, обставленъ весь бульваръ, слушаютъ импровизованныхъ ораторовъ, или же безъ давни толпятся у входа своего привилегированнаго театра «Santa Cruz» или «Principal», несомнѣнно лучшаго изъ народныхъ театровъ, который мнѣ приходилось видѣть гдѣ бы то ни было. Впрочемъ, слово «народный» въ Испанїи, при общей безсословности здѣшней общественной жизни, не имѣетъ того значенїя, которое могли бы придать ему русскіе читатели. Аристократическій театръ здѣсь

оперный «Liceo», котораго цѣны слишкомъ возвышенны для кармана ремесленниковъ; во всѣхъ же остальныхъ работникахъ составляютъ большинство публики, потому что они составляютъ также и большинство городского населенія. Но и тамъ, какъ вездѣ, вы увидите блузника рядомъ съ «senos brigadiere» въ красныхъ штанахъ, съ патью или шестью орденами, рядомъ съ биржевымъ щеголемъ и его разряженною женою или по-другою.

Если вы заглянете въ одинъ изъ помянутыхъ мною кіосковъ, или же въ любую книжную лавку на «Rambla», то получите еще болѣе несомнѣнный доказательство тому, что здѣшніе работники не только грамотны, но также любятъ пользоваться грамотностью, приобретенной ими въ большей части случаевъ на муниципальный счетъ. Вся уличная и большая часть даже лавочной книжной торговли держится здѣсь исключительно дешевыми брошюрками и изданіями преимущественно сатирическаго (а теперь и политическаго) свойства, на мѣстномъ нарѣчій, съ плохими лубочными карриатурами. Многія изъ нихъ періодическія, напримѣръ: «el doctor Sangredo», «el Somotent» (набатъ) и проч. Всѣхъ не перечесть, ибо они возникаютъ здѣсь въ настоящее время съ быстротою грибовъ послѣ дождя...

Въ праздничные и базарные дни «la Rambla» принимаетъ снова нѣсколько иной видъ. Національная «gogga» (фригійскій колпакъ) тогда господствуетъ надъ клеенчатыми картузами в суконными шапками городскихъ работниковъ. Владѣльцы этихъ «горрь», окрестные крестьяне, прогуливаются степенно вдоль бульвара, сохраняя солидное выраженіе своихъ, обыкновенно дородныхъ, гладко выбритыхъ физиономій, щеголяя ослабительною бѣлизною чулокъ, почти неприкрытыхъ веревочными сандалями. Ихъ куртки часто бываютъ изъ очень тонкаго сукна, свидѣтельствуя о довольно значительной степени благоденствія своихъ владѣльцевъ. Необходимый атрибутъ каждаго такого истаго ваталонца, сохраняющаго свой традиціонный парядъ,—длинная камышина во всей своей природной простотѣ, замѣняющая хлысть или трость...

Надо всѣмъ этимъ, вѣчно волнующимся моремъ людей, между морскими воротами «la Puerta de la Poz», и центральною «Rambla», возвышалась высокая стѣна, съ ружейными амбраурами укрѣпленной казармы «Atagazapas». Я говорю: «возвышалась», потому что я еще засталъ ее во всемъ ея внушительномъ величій; но теперь на ея мѣстѣ только груда мусору и щебня. Карки и ломы муниципальных работниковъ стучатъ здѣсь еще цѣлый день. Запряженные стриженными мулами возы свозятъ груды

камней, на которые распадается под их ударами это воспоминание владычества здѣсь королевы Изабеллы...

Если вы интересуетесь болѣе прекрасною половиною барселонскаго народонаселенія, то идите нѣсколько выше, на «Rambla di San Jose». Эта часть городскаго бульвара играетъ роль цѣлостнаго и вѣстѣ съ тѣмъ съѣстнаго рынка. Запахъ левкоевъ или жасминовъ, смѣшиваясь здѣсь съ запахомъ трески, образуетъ столь же оригинальное, сколько и неароматическое цѣлое.

Здѣсь обыкновенное мѣсто сборища барселонскихъ хозяекъ и кумушекъ всякаго рода. Молодыя и старыя, нарядныя и бѣдно-одѣтыя каталонки, за исключеніемъ, разумѣется, имѣющихъ карету и грумовъ аристократовъ, толпаются здѣсь по большей части безо всякаго дѣла. При чемъ я считаю неизлишнимъ обратить ваше вниманіе на то, что въ Барселонѣ, наименѣе испанскомъ городѣ въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, женщины держатся почти постоянно особнякомъ отъ мужчинъ. Пары здѣсь встрѣчаются очень рѣдко... Въ церкви, на гуляньяхъ, женщины составляютъ особую армію, которая допускаетъ иногда въ свои ряды перебѣжчиковъ изъ другаго лагеря, но все же удерживаетъ свою обособленность.

На первый взглядъ знакомство съ прекраснымъ поломъ Каталоніи не подтверждаетъ общераспространеннаго мнѣнія о необычайной красотѣ испанскихъ женщинъ. Даже послѣ болѣе обстоятельнаго ознакомленія съ этимъ предметомъ, я остаюсь при убѣжденіи, что мужская половина рода человѣческаго здѣсь несравненно благообразнѣе женской. При рѣзкости чертъ и колорита, испанской женщины труднѣе быть хорошенькой, нежели болѣе сѣвернымъ ихъ соперницамъ. Значительную часть здѣшнихъ красавицъ портитъ полнота, или чрезмѣрная, или недостаточная, но которая очень рѣдко умѣетъ здѣсь удержаться на среднемъ терминѣ, предписываемомъ законами благообразія. Не ищите здѣсь также римской правильности очертаній, ни особенной, ни болѣзненной но томной блѣдности и страстной выразительности андалузскихъ красавицъ.

Вздернутый носъ, полныя, чувственныя, румяныя губы, крупныя черныя глаза, при роскошныхъ волосахъ, при стройности и роскошности стана, сочетаясь иногда весьма удачнымъ образомъ между собою, въ лучшемъ случаѣ производятъ впечатлѣніе весьма привлекательное. Но красавицъ здѣсь нѣтъ положительно, точно также какъ нѣтъ отвратительно-безобразныхъ старухъ, въ которыхъ преобразовываются лѣтами болѣе рѣшительныя красавицы южныхъ странъ... Каталонія и въ этомъ отношеніи,

какъ во всѣхъ другихъ, остается странюю миловидности болѣе чѣмъ правильной красоты...

Знатоки дѣла очень негодуютъ на непривѣтливость здѣшнихъ красавицъ, на ихъ довольно грубое обращеніе съ мужчинами вообще, а съ иностранцами въ особенности. Должно замѣтить, что кастильянцы и андалузы слынутъ уже за иностранцевъ въ глазахъ этихъ ригористовъ каталанскаго націонализма. Въ этомъ отношеніи онѣ составляютъ прямую противоположность мужчинамъ, по понятіямъ которыхъ космополитизмъ составляетъ необходимый атрибутъ развитаго и мыслящаго человѣка.

Положеніе женщинъ, во всей Каталоніи и въ Барселонѣ, наиболѣе сносное во всей Испаніи. Здѣсь онѣ пользуются по крайней мѣрѣ правами работницъ и хозяекъ; тогда какъ въ другихъ областяхъ на долю ихъ до сихъ поръ выпадаетъ одна только жалкая роль гаремныхъ богинь и царичъ. Вслѣдствіе этого и умственный ихъ уровень здѣсь значительно выше; конфессіональ не играетъ слишкомъ подавляющей роли въ ихъ нравственномъ существованіи.

Впрочемъ, люди, считающіеся здѣсь за передовыхъ, довольно безцеремонно жалуются на несостоятельность своихъ супруговъ, не только какъ воспитательницъ молодаго поколѣнія, но даже въ болѣе скромномъ значеніи какъ хозяекъ дома...

Пристрастіе къ внѣшнему блеску, къ развлеченіямъ, операмъ «а grande espectacolo», къ украшеніямъ и нарядамъ, нечуждъ прекрасной половинѣ барселонскаго народонаселенія. Шелковое платье съ длиннымъ шлейфомъ составляетъ предметъ необходимости не только для скромной мѣщанки, но даже и для иной мало-мальски достаточной работницы. Національная черная мантилья здѣсь встрѣчается рѣдко; но ее замѣняетъ не модная шляпка,—это здѣсь рѣдкость,—а яркій шелковый платокъ, или шерстяной капоръ.

Главнѣйшею выставкою женскихъ нарядовъ и прелестей служить оперный театръ «el Liceo»,—одинъ изъ первѣйшихъ предметовъ гордости каждаго барселонскаго уроженца,—театръ, который на цѣлую квадратную четверть больше самаго большаго театра въ Европѣ, миланской «la Scala».—Пѣвцы здѣсь иногда бывають ниже всякой критики, оркестръ едва посредственный; но громадность сцены, роскошь костюмовъ и декорацій и количество выводимыхъ на сцену композисовъ должно затмѣвать парижскіе театры. Безъ этого ни одинъ порядочный барселонецъ не вступитъ и ногою въ театральную залу...

«La Rambla» есть также мѣсто, гдѣ сосредоточиваются въ немновѣрномъ количествѣ лучшія кофейни Барселоны. А эта

статья, точно также какъ и постановка оперъ «a grande espectacolo», доведена здѣсь до рѣдкой степени совершенства. На всемъ пространствѣ между двумя главными театрами «Liceo» и «Princípal», вы почти безъ разбора можете входить въ любую дверь нижняго этажа, и навѣрное очутитесь въ кофейной. Каждая изъ нихъ обыкновенно вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько залъ или галлерей, убранныхъ съ чрезвычайною роскошью; и всѣ они съ утра и до утра полны народомъ. Полная безусловность испанской жизни всего нагляднѣе сказывается въ кофейной, гдѣ *toros de cordel* (носіящички), фабричные рабочіе, артисты, писатели, негодяицы, оазываются *habitués* однѣхъ и тѣхъ же кофейнѣ.

Это одно служить увазаніемъ на то, что дѣны самыхъ щегольскихъ и роскошныхъ кофейнѣ не должны быть очень возвышенны. Гдѣ бы вы ни потребовали вашу чашку шоколаду, въ роскошномъ ли «Café de las Siette Puertas», или въ артистическомъ «Café Nuovo de la Rambla» съ залами въ мавританскомъ вкусѣ, или же въ самой северной лавчонкѣ предмѣстія «Gracia» или «Euzanche»,—всюду вы заплатите тотъ же 1 реалъ; притомъ дѣна не увеличивается, если вы потребуете въ тому же тарелку бисквитовъ или сдобный хлѣбъ, котораго здѣсь множество сортовъ подъ различными названіями; за то въ такомъ случаѣ вамъ не дадутъ ложечки. Лишеніе это тѣмъ чувствительнѣе, что испанскій шоколадъ состоитъ въ очень близкомъ родствѣ съ арабскимъ или турецкимъ кофе, и по агрегатному своему состоянію къ числу жидкостей отнесенъ быть не можетъ...

Къ числу прогрессовъ, осуществленныхъ уже нынѣшнею революціею, должно отнести и то, что большинство кофейныхъ стала здѣсь получать журналы, не только мѣстные, но даже французскіе. Прежде посѣтителемъ предоставлялось покупать ихъ сампмъ у разнощиковъ, какъ это, впрочемъ, и до сихъ поръ водится здѣсь въ городахъ, менѣе цивилизованныхъ, нежели Мадридъ и Барселона.

Роскошь и многолюдство барселонскихъ кофейнѣ наводитъ васъ уже *a priori* на мысль о томъ, что дома не должны здѣсь блистать внутреннимъ убранствомъ и удобствомъ жилищъ комнатъ. Это апіористическое заключеніе только подтвердится горькимъ опытомъ, если вы посѣтите нѣсколько здѣшнихъ «Casas de huespedis» или «de pupilos», то-есть, отдающихся въ наймы мѣблированныхъ квартиръ и комнатъ, «con asistencia» (со столомъ) «и sin ella» (или безъ онаго). Здѣсь вамъ съ неподдѣльною наивностью выдаютъ за комнату-кубическій чуланъ, въ которомъ едва помѣщается допотопное ложе, способное вмѣстить

въ себя двѣнадцать спищихъ дѣвъ, даже когда онѣ выйдутъ замужъ. Съ такою же смѣлостью вамъ выдадутъ за окно квадратное отверстіе, продѣланное гдѣ-нибудь съ боку у самого потолка и выходящее въ корридоръ или на галлерей.

Жилища даже очень достаточныхъ здѣшнихъ гражданъ немного тѣснѣе и хуже. Богатые дома разнятся отъ бѣдныхъ только тѣмъ, что имѣютъ болѣе или менѣе парадныя залы, не только и окнами во всю величину стѣнъ, но еще и съ «*aragades*», стеклянными балконами. Здѣсь въ очень торжественныхъ случаяхъ даются вечера. Гости собираются въ девять часовъ, парадно-раздѣтне. Ихъ угощаютъ шоколадомъ, папиросами и разговорами совершенно въ такомъ духѣ, въ какомъ разрабатываютъ всѣ самоучители иностранныхъ языковъ свой иностранный отдѣлъ свѣтскихъ разговоровъ, подъ рубрикою «*Sur les diverses choses dont on peut parler dans une société*». Къ одиннадцати часамъ всѣ спѣшатъ разсѣять какъ-нибудь по кофейнямъ или по маскарадамъ, или инымъ образомъ въ обилии накопившюся на душѣ скуку.

Хозяева сами сознаютъ тягостность подобнаго рода испытаній и подвергаютъ имъ своихъ знакомыхъ только въ крайне-торжественныхъ случаяхъ. Обыкновенно гости приглашаются здѣсь не въ домъ, а въ кофейню; въ случаѣ болѣе интимныхъ отношеній—въ театръ, гдѣ каждый солидный и степенный барселонецъ имѣетъ свою ложу.

— Въ какой кофейной ты будешь сегодня въ одиннадцать часовъ вечера? спрашиваетъ по утру жена, выходящаго изъ дому мужа.

— Въ такой-то...

— Хорошо. Такъ мы, можетъ быть, увидимся.

Такой разговоръ можетъ происходить только между достаточными супругами. Люди небогатые и экономные посѣщаютъ постоянно одну какую-нибудь кофейню, а потомъ возвращаются въ опредѣленные часы въ семейныя нѣдра утолить голодъ тарелкою «*guisantes cocidos*» (варенаго гороху) или кускомъ «*lomo con brocoles*» (свинины съ капустою или съ листьями шпинату, радису или рѣпы).

Впрочемъ, и въ Испаніи не безъ семейныхъ добродѣтелей. Есть и здѣсь чадолюбивые отцы, нѣжныя супруги. Они не менѣе обыкновенныхъ смертныхъ проводятъ «*la tarde*» (время послѣ полудна) и «*la noche*» (поздній вечеръ) въ кофейной «*a hacer tiempo*»; но они являются сюда съ чадами и домочадцами. Каждый семейный человѣкъ, если онъ, мало-мальски, дорожитъ своею репутаціею семейнаго человѣка, долженъ, по крайней-

мѣрѣ, вечеромъ каждое воскресенье слѣдовать примѣру особенно добродѣтельныхъ семейныхъ людей. Вслѣдствіе этого всѣ кофейни здѣсь по воскресеньямъ неизбѣжно утрачиваютъ свой холостой видъ. Микроскопическихъ размѣровъ каталонцы и каталонки, въ чепчикахъ и длинныхъ платьяхъ, раскачиваютъ своею валкою дѣтскою иноходью между стульевъ и ногъ посѣтителей, лепечутъ несвязныя свои рѣчи; между тѣмъ, какъ братья ихъ и сестры, dorosшіе уже до чести носить панталоны, засѣдаютъ вмѣстѣ съ большими за мраморными столами. Иной болѣе плодовитый, чѣмъ расточительный родитель совершаетъ своего рода чудеса, чтобы напитать одною порціею мороженаго все это молодое поколѣніе... Каждая, мало-мальски порядочная кофейная, въ предвидѣніи таковыхъ семейныхъ нашествій, имѣетъ въ союзіи дѣтскія кресла.

Вѣроятно, вслѣдствіе этой, слишкомъ заблаговременно приобрѣтаемой здѣшнимъ населеніемъ, привычки къ общественной жизни, каталонцы очень рано перестаютъ быть дѣтьми. Въ восемь-девять лѣтъ они уже становятся маленькими джентльменами съ достоинствомъ выставляютъ напоказъ безукоризненно бѣлые воротнички и цѣпочки *fantaisie*, не безъ граціи помахиваютъ тросточкой, покуравая папирску. Дѣвочка лѣтъ десяти, въ воскресенье въ кофейной говоритъ своей куклѣ такія же скучныя вещи, какія мать ея говорила мнѣ на вечерѣ нѣскольکو дней тому назадъ, и точно также старается цѣдить сквозь зубы свои слова...

Впрочемъ, должно замѣтить, что каталонцы всѣхъ возрастовъ не безъ труда и не надолго выдерживаютъ роль великосвѣтскихъ щеголей и щеголихъ, говорящихъ кончивами губъ пѣвучія рѣчи... Достаточно, чтобы разговоръ принялъ, мало-мальски, живой оборотъ—и черные глаза засверкаютъ; нѣскольکو африканскія губы раскроются широко, выставляя совершенно уже неразсчитанно напоказъ часто очень большіе, но всегда ровные и ослабительно бѣлые зубы. Руки тогда тоже принимаютъ очень дѣятельное участіе въ разговорѣ, въ ущербъ бонтонности, но съ большею пользою для выразительности... Здѣсь нѣтъ того размѣреннаго, однажды установленнаго, такъ сказать, литературнаго языка жестовъ, который на югѣ Италіи часто совершенно замѣняетъ обыкновенную разговорную рѣчь. Здѣсь факты импровизируются и не замѣняютъ словъ, а только пополняютъ ихъ выразительность.

Случай привелъ меня быть свидѣтелемъ на свадьбѣ въ Барселонѣ. Извѣстно, что здѣсь гражданскій бракъ не существуетъ пока еще, и священникъ любой приходской церкви, безъ испол-

ненія рѣшительно всякихъ гражданскихъ формальностей, можетъ осчастливить влюбленную пару, сочетавъ ее въ четверть часа времени священнымъ и законнымъ союзомъ. Законъ требуетъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ представлены были свидѣтельства: метрическое и о холостомъ состояніи брачующихся, но священникъ можетъ обойтись и безъ документовъ, «если брачующіеся лично ему извѣстны». — Замѣчательно, что барселонцы вообще большіе охотники до всякихъ «grandes espectacoles», дѣлающіе изъ похоронъ, напримѣръ, и изъ нѣкоторыхъ церковныхъ служеній чрезвычайно роскошныя и политическія зрѣлища, сопровождаютъ свое бракосочетаніе такою простою обстановкою и отсутствіемъ обрядности, которое не встрѣчается почти нигдѣ. Невѣста является обыкновенно въ черномъ, совершенно простомъ платьѣ, безъ всякихъ цвѣтовъ и вѣнковъ. Присутствуютъ только законные свидѣтели, иногда ближайшіе родственники, которыхъ отсутствіе, впрочемъ, никого не поразило бы. Священникъ, проэзаменовавъ обомъ изъ катихизиса, читаетъ короткую молитву и вноситъ имена въ метрическую книгу. — Тѣмъ и кончается все дѣло...

Подѣй самой казармы «Atarazanas», у морскихъ воротъ «Puerta de la Paz», довольно крутой подъемъ ведетъ съ «Rambla» на широкую возвышенную платформу, которая тянется вдоль всего берега залива на высотѣ третьихъ этажей прибрежныхъ зданій. Это «la muralla di Mar», единственное мѣсто во всей Барселонѣ, гдѣ вы имѣете несомнѣнное доказательство тому, что живете въ приморскомъ городѣ. Здѣсь, у вашихъ ногъ, пристань для лодокъ; гладкая синяя поверхность гавани тянется неширокою полосою, сливаясь на горизонтѣ съ вѣчно яснымъ небомъ. Прямо напротивъ васъ, за цѣлымъ лѣсомъ мачтъ и пароходныхъ трубъ, бѣлѣютъ невысокіе съ плоскими крышами дома Барселонетты... Сирава, на темной, высокой скалѣ, рисуется силуэтъ крѣпости «Монжуичъ» (Monjuich — испорченное слово Mons Jovis, или же Mons judaicus), единственнаго здѣшняго увѣрленія, построеннаго не исключительно противъ города. Однакоже, это не помѣшало ни Эспартеро, ни Цапатеро бомбардировать отсюда Барселону въ теченіе нѣсколькихъ дней...

Море здѣсь имѣетъ несравненно болѣе щегольской, чѣмъ промышленный видъ. Необыкновенная чистота господствуетъ на всемъ побережьи, и если нерѣдко лодка бороздитъ гладкую поверхность порта, или парусъ бѣлѣетъ среди его сивевы, — это здѣшніе фешенебельные юноши упражняются въ навигаціонномъ искусствѣ. Коммерческій портъ, какъ я свазалъ уже — Барселонетта. Въ Барселонѣ люди заняты обработкою привозимаго въ

Барселонетту изъ стараго и новаго свѣта сырья, или же съ необыкновенною граціею проживаютъ доставляемые имъ торговлею и производствомъ достатки... Барселонскій портъ отовсюду очень хорошо защищенъ и представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ много удобствъ; но только воспользоваться ими нелегко, такъ какъ входъ мелководенъ и узокъ, и для большихъ судовъ совершенно недоступенъ.

Чистая и гладкая, какъ паркетъ, морская стѣна, съ видомъ на «*Montjuich*», на море и на Барселонетту, которая издали, да притомъ еще больше чѣмъ на половину скрыта лѣсомъ мачтъ. представляется очень красивою... Стѣна эта, говорю я, безусловно представляетъ очаровательное мѣсто для прогулокъ; но тѣмъ не менѣе, во всякое время дня, сравнительно съ сосѣднею «*Rambla*», она выглядитъ пустынею. Кое-гдѣ отдѣльныя группы лодочниковъ, лежа на каменной ея балюстрадѣ, тихо бесѣдуютъ между собою о трудныхъ временахъ... Во время, когда «*Rambla*» всего болѣе кишитъ народомъ, когда «*hacer tiempo*» на открытомъ воздухѣ составляетъ почти нравственную обязанность для важдога доброкачественнаго барселонца, — около трехъ часовъ пополудни, — вдоль морской стѣны прохаживаются унылыя группы тѣхъ, кого физическія немощи или душевная гордыня заставляютъ чуждаться многолюдія. Тутъ отчетливо переступаетъ закутаннами, какъ у пикадора, ногами старыи подагрикъ, ведомый подъ руки двумя слугами. Тутъ, цихтя, переваливается багровая тетушка или бабушка, страдающая ожирѣніемъ и отдышкою (болѣзнь, которымъ подвержены въ болѣе или менѣе старческомъ возрастѣ, по крайней мѣрѣ, двѣ трети здѣшняго женскаго населенія), а подлѣ нея медленно и стройно выступаетъ внучка или племянница съ такимъ выраженіемъ лица, съ какимъ экзальтированныя институтки дослушиваютъ послѣднюю половину очень длинной обѣдни... Изрѣдка тутъ выступаетъ сухая, желчная фазіономія съ сѣдыми усами и эспаньолкой, отставной бригадиръ, или даже и выше. Онъ подозрительнымъ взглядомъ пристально оглядываетъ всѣхъ проходящихъ, и потомъ снова маршируетъ медленно, военною своею походкою...

Въ настоящее время во множествѣ здѣсь появившіеся народныя ораторы обыкновенно избираютъ «*miralla del mar*» поприщемъ своихъ разглагольствованій: «*Rambla*» для нихъ слишкомъ шумна и многолюдна. Вокругъ нихъ собираются вѣржи любопытныхъ. Иногда между слушателями и ораторомъ, помѣстившимся, какъ на каедрѣ, на каменномъ парапетѣ стѣны, завязывается горячій споръ. При этомъ ораторъ держится болѣе патетическихъ приемовъ: размахиваетъ руками, бьетъ себя въ грудь, ерошитъ

свои черные, низко падающіе на лобъ волосы. Оппонентомъ по преимуществу бываетъ какой нибудь юный балагуръ въ байковой курткѣ или короткой работничьей блузѣ; онъ дѣйствуетъ болѣе остроуміемъ, смѣшитъ слушателей, сбиваетъ съ толку оратора и смѣется самъ громче всѣхъ... Въ числѣ слушателей преобладаютъ солдаты въ своихъ красныхъ штанахъ, обыкновенно ничего непонимающіе изъ этихъ рѣчей, провозносимыхъ на каталанскомъ нарѣчій, а между ними въ большемъ числѣ видѣются астурийцы и галиційцы, отличающіеся своимъ добродушно-глуповатымъ видомъ, стройные сухощавые андалузы, арагонцы съ волосами, которые кажутся свѣтлыми въ сравненіи съ цвѣтомъ ихъ лицъ, съ тонкими, сжатыми губами...

Позднѣе, «*rog la noche*», то-есть когда уже совсѣмъ стемнѣло и рѣдкіе фонари не могутъ переслѣдить своимъ ярнымъ газовымъ свѣтомъ голубой полумракъ лунной ночи, «*muralla del mar*» преобразовывается, принимаетъ поэтическій, нѣсколько таинственный характеръ. Огоньки Барселонетты красиво сверкаютъ между мачтъ, отражаясь въ спокойной, серебрищейся глади залива.

Можнучье смотреть мрачно и угромо. Волна легкимъ своимъ плескомъ о гранитъ дебаркадера нашептываетъ какія-то страстные рѣчи, которыя ухо ваше тщетно старается разслышать сквозь глухой шумъ сосѣдней «*Rambla*», откуда долетаютъ пѣтушья вскрикиванія маленькихъ разнощиковъ газетъ и спичекъ.

Тогда здѣсь попарно мелькаютъ рѣдкія тѣни и слышится шорохъ платья, сопровождаемый контральными *sotto-voce* гуляющихъ, изъ которыхъ каждую вы можете принять за романтическую красавицу, благодаря сумраку ночи и стройности ихъ походки...

Нигдѣ (за исключеніемъ всѣхъ другихъ испанскихъ городовъ, въ которыхъ мнѣ случилось прожить нѣсколько времени) я не встрѣчалъ такого количества по вечерамъ гуляющихъ паръ, какъ въ Барселонѣ. Слѣдуетъ ли изъ этого заключать, чтобы вольность нравовъ здѣсь превосходила таковую же въ другихъ городахъ Европы? Я не думаю. Но только понятія о томъ, что составляетъ вольность нравовъ, здѣсь, какъ и вообще на югѣ, нѣсколько иныя, чѣмъ у насъ, на хладномъ сѣверѣ. Здѣсь дѣвушка, нисколько не компрометируя себя, можетъ выходить когда и куда ей угодно, одна, или хотя бы даже въ сообществѣ классическаго «*cabolier Sirvienta*»; здѣсь дѣвственныя уста безъ запинки провозносятъ слова, отъ которыхъ упали бы въ обморокъ наши сорокалѣтнія барыни. Только патентованныя развратницы здѣсь соблюдаютъ то, что по нашимъ понятіямъ принято спать и всеобходимое соблюденіе приличій; только онѣ еще по-

являются здѣсь въ сопровожденіи классической дуэны. Но онѣ чуждаются малолюдной «*miralla del mar*», и парадируютъ на «*Rambba*» или на ярко-освѣщенной «*Calle Fernando VII*», или «*Calle de la Libertad*», какъ ее предписано называть въ настоящее время прогресса и освобожденія... Слѣдуетъ ли изъ всего этого заключить, по крайней мѣрѣ, что въ этомъ блаженномъ краѣ не существуетъ своего кодекса приличій, столь же обязательнаго и столь же условнаго, какъ у насъ?—Тоже не думаю. Ознакомиться съ нимъ здѣсь я не имѣлъ еще достаточно времени; но кончикъ медвѣжьяго уха кое-гдѣ запримѣтлвъ и не теряю надежды переговорить съ вами объ этомъ предметѣ обстоятельнѣе современемъ...

«*Miralla del mar*» привела насъ на «Площадь королевскаго дворца», которую отнюдь не должно смѣшивать съ красивою площадкою Пале-Рояля, находящейся подлѣ «*Rambra del Centro*», съ роскошью лавокъ и кофеенъ, съ краспвымъ свѣромъ, гдѣ въ настоящую минуту дозрѣваютъ апельсинны и славящейся только тѣмъ, что на ней, во время рождественскихъ святокъ, нарочно приѣзжающіе изъ Аликанте кушцы, въ своихъ національныхъ нарядахъ, продаютъ «*turron*» (миндальное тѣсто), который здѣсь, въ Барселонѣ, пользуется нарочитою популярностью; замѣняетъ и наши блины, и пасхальные куличи, и пр.

«*Plasa del Palacio*», о которой я говорю, находящаяся въ самомъ углубленіи залива, между Барселоною и Барселонеттою, некрасива, неоживлена и ничѣмъ не славится.

Не будучи столицею, Барселона считала себѣ позволенною обходиться и безъ дворца; но когда, въ 1844 г., Марія-Христиана со своею дочерью, новою королевою, приѣхала сюда, для нея на скорую руку передѣлали старое зданіе, которое первоначально, еще въ XV вѣгѣ, служило «*hala dels Draps*», то-есть суконнымъ рынкомъ, потомъ было превращено въ арсеналь, оказалось негоднымъ для этого употребленія и стояло безо всякаго употребленія. Зданіе это подрастили, подстроили и сдѣлали изъ него нынѣшній дворець.

Со своимъ мизернымъ видомъ, со своими намалеванными фальшивыми окнами и т. п. оно служитъ какъ бы эмблемою тѣхъ непривѣтливыхъ отношеній, которыя постоянно существовали между этимъ городомъ и его послѣднею законною властительницею.

У Барселоны есть свой король, споконвѣку царствующій въ ней болѣе или менѣе самовластно, несмотря ни на какихъ арра-

гонскихъ и кастильскихъ ея влaстителей, взимающій съ нея очень обильную дань, но за то колышій ее съ любовью, украшающій ее роскошными памятниками своего влaдичества, просвѣщающій ее и благотворящій. Дворецъ этого короля, «Casa Lonja» (то-есть биржа), находящійся какъ разъ напротивъ дворца королевы Изабеллы, своимъ изяществомъ и великолѣпіемъ представляетъ обидный для послѣдняго контрастъ...

Этотъ храмъ спекуляціи по вечерамъ обращается въ храмину науки. Въ немъ иждивеніемъ здѣшной торговой палаты устроены вечерніе курсы, очень хорошо принаровленные, чтобы дать юношамъ, окончившимъ элементарный курсъ ученія, хорошее практическое образованіе и подготовить ихъ весьма удовлетворительнымъ образомъ къ промышленному и торговому поприщу. Въ составъ преподаванія входятъ: ариѳметика и геометрія съ практическими своими примѣненіями, алгебра, физика и прикладная механика, химія и технология, мореплаваніе, сельское хозяйство, торговое право; языки французскій, итальянскій и англійскій, а также черченіе, рисованіе, скульптура и живопись, преимущественно въ техническихъ своихъ примѣненіяхъ...

Также на непосредственномъ иждивеніи торговой палаты состоитъ здѣсь школа изящныхъ искусствъ; при ней музей и глетьотека; учреждаются конкурсы по живописи и музыкальной композиціи.

Духъ благотворительности самовлaстной здѣсь промышленной буржуазіи создалъ безъ счета пріюты, госпитали, богадѣльни. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ себѣ здѣсь дѣятельнаго соперника въ католическомъ духовенствѣ, которое роскошью благотворительныхъ учрежденій старалось здѣсь создать многочисленныхъ приверженцевъ себѣ и донъ-Карлосу. Биржа, однакоже, перещеголяла его.

Съ дворовой площади длинная, но узенькая и нещеголеватая уллица ведетъ на другую площадь, болѣе извѣстную подъ именемъ арагонскаго короля «Jaime el conquistador», нежели подъ офіціальнымъ своимъ именемъ—«Plaza de la constitucion». Здѣсь снова лицомъ другъ къ другу стоятъ два «palacios» (дворца)—представители двухъ враждебныхъ властей, въ борьбѣ между которыми проходила вся политическая жизнь Барселоны въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ пяти или десятилѣтій.

Одинъ изъ нихъ—«Casa consistorial» (присутственныя мѣста) больше и имѣетъ щегольской, нѣсколько офіціальныи видъ, съ колонами, нишами и статуями. Другой «Deputacion provincial» (Центральная управа, составленная изъ представителей муниципалитетовъ и земскихъ общинъ всей провинціи) выглядит гро-

ще, древнѣе, но почтениѣе и изящнѣе. Ея «Patio», т.-е. внутренний дворъ, съ темными сводами и широкою лѣстницею, составляетъ одну изъ художественныхъ достопримѣчательностей города.

Власть муниципалитетовъ и провинціальныя управленія слишкомъ часто бывала здѣсь крайне стѣснена и ограничена центральною государственною властью; а потому борьба между ними на официальныхъ поприщахъ происходила рѣдко. Дѣло ограничивалось тѣмъ, что провинціальная депутація дѣятельно стремилась создать себѣ изъ рабочняго народонаселенія города армію приверженцевъ, сильную по крайней мѣрѣ на столько, чтобы, во избѣжаніе борьбы, центральная власть снисходила иногда на уступки въ пользу муниципальнаго своего противника. Задача эта была тѣмъ удобоисполнимѣе, что въ Мадридѣ мало заботились о популярности той или другой мѣры въ вичливой Каталоніи, а въ самой Барселонѣ, «Casa Consistorial» исполняла всякіе декреты и предписанія съ ненужной роскошью насилія и угрозъ, характеризующихъ вообще плохую администрацію. Въ случаѣ сопротивленія, послы летѣли изъ «Casa Consistorial» въ «Palacio del Gran Capitan» (военное намѣстничество всей Каталоніи), и тогда со стѣны «Atarazanas» пули сыпались градомъ на собравшіяся на «Rambla» народъ; съ фортовъ ядрами громили дома...

Впрочемъ, соперничая съ «Casa Consistorial», провинціальная депутація не ограничивалась одною только пассивною ролью. Совершенно напротивъ. Какъ бы ни была своекорыстна та дѣль, для достиженія которой барселонская буржуазія доводила иногда до крайности такъ-называемое популярничаніе, несомнѣнно то, что городъ обязанъ ей многими превосходными учрежденіями и здѣшнее муниципальное управленіе во многихъ отношеніяхъ представляется образчикомъ того, что можетъ сдѣлать иногда самоуправленіе общины даже при очень узкихъ рамкахъ, въ которыя втѣсняетъ его центральная власть. Главнымъ образомъ, дѣятельность муниципалитета была направлена на благотворительное и просвѣтительное поприще, вслѣдствіе чего здѣсь имѣется множество лечебницъ, пріютовъ, а главное низшихъ и профессиональныхъ школъ и училищъ, въ которыхъ девять десятыхъ собственно городского ремесленнаго народонаселенія обучаются на муниципальный счетъ грамотѣ и ремесламъ... Кроме этого, муниципальная полиція была здѣсь организована крайне неудовлетворительно, а въ особенности сравнительно съ воровскою и неряшливою государственною полиціею она должна была представляться блестящею и благодѣтельною.

Центральное правительство въ Барселонѣ не счумѣло органи-

звать рѣшительно ничего, за включеніемъ шайки «*mozos de la escuadra*», нѣчто въ родѣ политической полиціи (или опричниковъ, изъ отъявленныхъ мерзавцевъ, состоявшихъ на жалованьи у губернаторовъ, которые, въ случаѣ волненій, получали разрѣшеніе грабить и убивать «либераловъ».

Въ настоящее время здѣсь нерѣдко приходится слышать жалобы на то, что рабочее народонаселеніе города отплатило черною неблагодарностью буржуазіи за всѣ ея пощечины. Несомнѣтельность такого рода жалобъ очевидна: они, которые имѣли здѣсь въ своихъ рукахъ муниципальную власть, искали себѣ въ рабочемъ народонаселеніи поддержки противъ угнетавшаго ихъ правительства, и въ критическую минуту они дѣйствительно нашли ее. Но дѣло въ томъ, что добродѣтельные спекуляторы не рассчитывали заходить такъ далеко въ своихъ революціонныхъ стремленіяхъ. Призилегированное положеніе бискайскихъ провинцій, не знающихъ табачнаго откупа и рекрутчины, пользующихся таможенными льготами и муниципальнымъ самоуправленіемъ, не давало покая барселонскимъ буржуа. Изъ-за этого они кичились, прикидывались то карлистами, то федералистами. Въ Мадридѣ это принимали за чистую монету и старались, гдѣ могли, нанести ударъ барселонской торговлѣ, съ которой, однакоже, взимали посильную дань. Я говорилъ уже о комбинаціи желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе которой выиграла Валенсія въ ущербъ Барселонѣ. Привилегированная компанія испанскаго пароходства перенесла свой центръ въ Аликанте... Можно бы насчитать еще нѣсколько такого рода мелкихъ преслѣдованій; но гораздо стѣснительнѣе ихъ были многія мѣры, которыя мадридское правительство принимало не намѣренно, зря... Противъ всего этого буржуазія вела оппозицію, прикрывая ее знаменемъ автономіи, иногда республики... Теперь, когда событія нѣсколько опередили ходъ буржуазныхъ стремленій, они высказались опредѣленнѣе и скромнѣе: *свободы и неможно покровительства для нашей промышленности!*— вотъ теперешняя программа здѣшней «*Casa Lonja*». А работники вотируютъ за полнѣйшую автономію провинцій, за кооперацію...

Должно замѣтить, что барселонская промышленность существуетъ главнымъ образомъ благодаря стѣснительному таможенному тарифу въ другихъ приморскихъ городахъ Испаніи. Правительство брало съ нея посильные поборы, но съ лихвою заплачивало за это каталонскимъ купцамъ уже тѣмъ однимъ, что дурно управляло остальною Испаніею и почти вынуждало ее покупать по дорогой цѣнѣ каталонскіе продукты, дѣлая невозможною иностранную конкуренцію и безсознательно подавляя мѣст-

ную конкуренцію тамъ, гдѣ она могла бы развиваться.—Вотъ это-то привилегированное свое положеніе (которое сравнительно съ бискайскимъ «*fueros y libertades*» казалось имъ ничтожнымъ) боятся утратить теперь здѣшніе спекуляторы; и въ этой боязни влѣчь въ разгадкѣ ихъ политическихъ стремленій и симпатій...

...Такимъ образомъ мы обошли весь показной городъ. Остается, пожалуй «*Calle San Fernando*» со своими магазинами и кондитерскими, которая съ площади *de la Constitucion* приведетъ насъ снова на «*Rambla*». Остается «*Calle de Escudillers*» — узкая, длинная, но вся наполненная магазинами и складами мѣстныхъ шелковыхъ, хлопчато-бумажныхъ и желѣзныхъ издѣлій... А дальше уже идетъ лабиринтъ грязныхъ улицъ и закоулковъ, изъ которыхъ вные напоминаютъ Москву въ каталанскомъ переводѣ: «*San pere me baix*», «*San Pedro me salt*» и т. п.

Выглядятъ внутренніе кварталы Барселоны весьма неблагообразно. Самостоятельнаго характера здѣшнія зданія не имѣютъ; и только мѣстами темные своды и галереи, — нѣчто въ родѣ красивыхъ и удобныхъ «*ratios*» (внутреннихъ двориковъ Андалузій) останавливаютъ на себѣ вниманіе любителей живописности и эффектовъ.

За то и въ этихъ темныхъ закоулкахъ, какъ и на щегольской «*Rambla*» или привлекательной «*mirgalla del mar*», вы не встрѣтите даже подобія той нищеты, которую найдете въ любомъ испанскомъ городѣ, не выключая даже и приличнаго во всѣхъ отношеніяхъ Мадрида. При этомъ должно, разумѣется, принимать во вниманіе и то обстоятельство, что нищета здѣсь не прячется, какъ въ болѣе цивилизованныхъ городахъ, отъ зоркихъ глазъ полиціи. Здѣсь она гордо и смѣло, насильственно обращаетъ на себя ваше вниманіе. Она тѣмъ рѣзче бросается здѣсь въ глаза, что представляется въ формахъ, рѣзкихъ до фантастичности. Самый смѣлый карандашъ каррикатуриста не позволитъ себѣ такихъ отступленій отъ средней нормы человѣческаго образа, какія здѣшняя природа осуществляетъ слишкомъ часто. Дальше въ Испаніи глазъ путешественника привыкаетъ къ этимъ отталкивающимъ шалостямъ природы, но здѣсь въ Барселонѣ, несмотря на свою малочисленность, онѣ останавливаютъ и поражаютъ тѣмъ болѣе, что составляютъ дѣйствительно какъ будто жалкую привилегію класса нищихъ, тогда какъ самое бѣдное народонаселеніе города отличается красотой и интеллигентностью лицъ, незадавленностью ихъ выраженія.

Э Д.

НАРОДНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ

И

НЕСЧАСТІЯ.

(Часть вторая).

Сибирь, какъ ссыльное мѣсто, обреченная прикрывать грѣхи Россіи, достаточно приглядѣвшая къ нимъ и провѣряющая себя съ похвальною точностію и откровенностію, обладаетъ въ настоящее время возможностью опредѣлить господствующія болѣзни, указать больныя мѣста и нѣкоторые другіе признаки, характеризующіе страданія организма своей метрополіи. Само собою разумѣется, что средствъ врачеванія она, сама зараженная приносимымъ ядомъ и страдающая отъ собственныхъ эпидемій, представить не можетъ. За то съ другой стороны съ тою точностію, каковой, къ несчастію, не можетъ похвалиться Россія, — Сибирь указываетъ на постоянные и временные недуги, подтверждаетъ цифрами количество заболѣвшихъ, объясняетъ полъ и возрастъ, сословіе и мѣсто жительства ихъ по крайней-мѣрѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее увѣряютъ. Не можетъ Сибирь поручиться за то, что заболѣвшіе всѣ посланы въ ея госпитали: это уже не ея отвѣтъ, но съ нѣкоторою увѣренностію въ собственный авторитетъ, заслуживающій уваженія при ея долговременной практикѣ, Сибирь свидѣтельствуетъ о томъ, что опредѣленіе многихъ болѣзней произведено неправильно, что въ другихъ присутствіе заразительнаго и опаснаго яда слишкомъ ничтожно, въ третьихъ послѣдній не выразился вовсе и здоровый ошибочно признанъ за больнаго, и проч.

Прислушавшись къ общимъ сибирскимъ наблюденіямъ и приглядѣвшись къ частнымъ ея выводамъ, требовавшимъ повѣрки, спѣшимъ подѣлиться нашими приобрѣтеніями.

Самая обыкновенная болѣзнь, господствующая въ Россіи и поставляющая наибольшее число страдальцевъ въ сибирскіе гос-

питали, носятъ названіе *бродяжества*. По этому виду цифра самая крупная. Ей уступить даже такая значительная цифра, которая принадлежит присланнымъ за воровство (третье мѣсто, по цифровой величинѣ, занято сосланными за убійство). Величина этихъ трехъ цифръ, ежегодно выражающихся крупными сотнями (по первому виду) и большими десятками (по двумъ другимъ), на столько поразительна и настойчива, что у Сибири есть достаточно оснований умозаключать, что метрополія ея, судя по количеству бродягъ, далеко еще не представляетъ собою такого государства, въ которомъ исчезли неблагопріятныя причины, вставляющія населеніе руководиться старыми историческими приѣмами «брести врозь». Съ одной стороны въ Россіи замѣчаются тѣ же наклонности къ перемѣнѣ старыхъ пепелищъ на новыя, какія прозвѣщаются сильнѣе всего въ германскихъ нѣмцахъ, и съ другой примѣтны очевидные признаки сходства со вновь организуемой страной по ту сторону Атлантическаго океана.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Видимое сходство и непримѣтныя различія объясняются для насъ изъ разбора различныхъ формъ бродяжества въ отдѣльномъ видѣ и изъ сопоставленія ихъ въ зависимости одно отъ другаго.

III.

Бродяги и въглые.

Огромныя толпы людей этого своеобразнаго званія и несъисчислимыя свойства, ежегодно, съ неизмѣннымъ постоянствомъ, очищаютъ Россію и расходятся по Сибири. Здѣсь составляютъ они болѣе $\frac{2}{3}$ частей всего количества ссыльныхъ преступниковъ, свидѣтельствуя о постоянномъ, твердомъ и настойчивомъ желаніи Россіи избавиться отъ этихъ людей, повиданому, признаваемыхъ самими опасными. Въ то же время появленіе бродягъ на той сторонѣ Уральскаго хребта служитъ доказательствомъ, что бродяжество по сю-сторону хребта, въ Россіи, одно изъ тѣхъ явленій, противодѣйствіе которому дается съ неизмѣннымъ постоянствомъ, но и съ таковою же неудачею: каждый годъ приходятъ новыя толпы, столько же густыя и почти равныя одна другой своимъ количествомъ. Сибирь выигрываетъ въ населеніи своемъ, Россія не выгадываетъ на своемъ, чрезъ ежегодную высылку этихъ людей, называемыхъ ею бродягами и признаваемыхъ преступными: освободившись отъ полутора тысячи этого народа на прошлый годъ—Россія имѣетъ надобность и возможность выкидывать въ будущіе годы еще по двѣ новыя тысячи. Борьбѣ, давно начатой и

практикующей при посредствѣ старыхъ орудій, и конца не видать: Сибирь, принимая и усчитывая военно-плѣнныхъ, глубоко убѣждается въ томъ ежедневными, осозательными фактами и имѣеть основательныя данныя заключать, что старыя формы быта въ Россіи и живущіи и дѣятельны. Сама Сибирь, оглядываясь на прошлое и провѣряя свое настоящее, имѣеть полнѣйшее право думать, что въ этомъ отношеніи у ней съ метрополіей одиѣ и тѣ же основанія и поразительное сходство.

Правильной и опредѣленной характеристики бродячества мертвая цифра дать намъ не можетъ. Отсутствие у насъ уголовныхъ хроникъ и въ литературѣ характеристикъ преступленій оставляетъ бродячество подъ непроглядной завѣсой тайны, какою вообще любили прикрываться всѣ канцелярія и судебныя мѣста. Гадательныя представленія уводятъ въ область предположеній, порождаютъ теорію вѣроятностей, а подобная теорія не можетъ служить руководствомъ въ области статистики. Вотъ почему мы съ болѣею подробностію останавливаемся на общихъ положеніяхъ и развиваемъ только ихъ однихъ. Къ этимъ же общимъ выводамъ мы станемъ прибѣгать и въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа нашего, будемъ слѣдовать указаніямъ и сказаніямъ цифръ, одушевляя ихъ, по мѣрѣ силъ и средствъ нашихъ, наглядными наблюденіями надъ бытомъ простаго народа, преимущественно идущаго въ ссылку.

Цифра бродягъ представляетъ естественное и простое явленіе—ежегодное колебаніе, повременное уменьшеніе и возрастаніе ея, какъ будто чья-то невидимая, но сильная рука, скрытая за мертвой и пестрой декорациею цифръ, какъ фокусникъ разставляетъ ихъ именно въ такихъ, а не другихъ размѣрахъ. На этотъ разъ фокусникъ спрятанъ не одинъ и фокусы показываются въ одно время и по хорошо выработанной программѣ и по капризу, основанному на произволѣ. Переставляютъ цифры временныя, народныя движенія, временныя правительственныя распоряженія. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ и другихъ:

Въ 1826 году въ предѣлахъ Уральскаго войска появились во множествѣ помѣщичьи крестьяне по ложнымъ разглашеніямъ о новомъ поселеніи и вольности. Губернское начальство, руководясь указомъ 23-го февраля 1823 г., распорядилось всѣхъ такихъ крестьянъ, какъ бродягъ, отправить въ Сибирь на поселеніе, но сенатъ рѣшилъ возвратитъ ихъ на прежнія мѣста жительства, «признавая за бродягъ только тѣхъ безпаспортныхъ людей, кои отъ лѣности и по распутному поведенію, избѣгая повинностей постановленнымъ властачъ и уклоняясь отъ исправленія повинностей, удаляются отъ жительства своихъ для праздно-

шатательства и, не желая имѣть постоянного мѣстопробыванія, вдаются въ разныя распутства, нерѣдко вовлекающія ихъ въ весьма важныя преступленія». И вотъ увеличилась, сверхъ обычной, годичная цифра сосланныхъ за бродяжество. Увеличилась она также въ 1831 году во время кровавыхъ возстаній въ Старой Русѣ; увеличилась во время картофельныхъ бунтовъ въ Ватской и Казанской губерніяхъ и въ 1846 году на то время, когда остзейскіе нѣмцы, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, начали примѣнять европейскую систему частной собственности къ раздѣленію земель на участки и возмутили все населеніе тѣхъ краевъ. Въ 1847 году Витебская губернія поплатилась сосланными за бродяжество изъ числа тѣхъ, которые двинулись толпами къ Петербургу и остановлены были уже подъ Порховымъ, и проч. Вотъ причины, которыя уменьшали цифру бродягъ, шедшихъ въ Сибирь. Сенатскій указъ 4-го августа 1827 г. запретилъ отправлять въ Сибирь за бродяжество престарѣлыхъ, глухихъ, нѣмыхъ и слѣпыхъ, признанныхъ сибирскими властями совершенно безполезными для тамошняго края. Въ слѣдующемъ году рѣшено бродягъ, неспособныхъ по лѣтамъ, слабому сложенію или по увѣчью, въ исправительные рабочіе дома, равно всѣхъ женщинъ, взятыхъ за бродяжество, ссылатъ въ Сибирь. Неспособныхъ къ слѣдованію бродягъ предписано обращать въ вѣдѣніе приказовъ общественнаго приарѣнія, но престарѣлыхъ ссылатъ, «не взирая на ихъ лѣта, если не будутъ они дряхлы». Видно увеличеніе цифры на то время, когда бродяги, сбываясь въ шайки, производятъ въ народѣ какія-либо бѣдствія (такъ, напримѣръ, пожары отъ поджоговъ, періодически повторяющіеся и часто повторявшіеся въ 1846 и 1848 годахъ). Уличенные въ преступленія, при разслѣдованіи причинъ этихъ бѣдствій, бродяги уходили массами въ Сибирь на слѣдующіе годы и затѣмъ, ослабѣвшіе числомъ внутри государства, ослабляли цифры ссыльныхъ въ Сибирь на послѣдующіе годы. Периодическое накопленіе бродяжьихъ массъ въ ссылки естественно слѣдовало за скопленіемъ ихъ внутри имперіи въ шайкахъ; уменьшеніе — отъ перемѣны ссылки на Кавказъ для бродягъ изъ степныхъ губерній и отъ поглощенія многихъ другихъ губернскими арестантскими ротами гражданскаго вѣдомства, и проч.

Большимъ постоянствомъ, при ничтожныхъ колебаніяхъ, отличается цифра бродягъ *дезертировъ*, бѣгавшихъ отъ тяжести военной службы и всѣхъ крупныхъ, иногда подневольныхъ и невпору вынуждаемыхъ обязательствъ этого рода государственной повинности. Въ Сибирь прошли самыя упорныя и неисправимыя, поплатившіеся еще сверхъ того за такія преступленія,

которыя явились прямымъ послѣдствіемъ голода и несчастій, сопряженныхъ съ бродяжествомъ. Солдаты-дезертиры, по сибирскимъ примѣтамъ — успѣвають запутываться нанчаще другихъ съ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, каковы убійства, грабежи и разбои. Подъ видомъ и званіемъ арестантовъ, выключенныхъ изъ военныхъ арестантскихъ работъ, они поступаютъ въ такомъ количествѣ, которое примѣтно ослабляетъ цифру всѣхъ другаго рода преступниковъ. Они, напримѣръ (вмѣстѣ съ товарищами, выключенными изъ тѣхъ же ротъ гражданскаго вѣдомства), успѣвають убѣгать изъ Сибири почти всѣмъ наличнымъ количествомъ своимъ (изъ 3761 *мужчинъ* и 15 *женщинъ* въ девять лѣтъ сослано было обратно за побѣгъ изъ Сибири 3509 *мужч.* 13 *женщ.* *). По отношенію къ ежегодному колебанію цифры дезертировъ, и именно на повременное ослабленіе ея и здѣсь во многомъ дѣйствуютъ временныя мѣры, ослабляющія, съ одной стороны, строгость взысканій по службѣ, и съ другой — уменьшающія сроки этой службы, облегченной въ то же время частыми и болѣе или менѣе продолжительными отпусками. Сибирь, конечно, не можетъ быть судеею въ томъ, на сколько силенъ и характеренъ этотъ родъ преступленій въ Россіи, потому что дезертиры умѣютъ прибѣгать къ другимъ средствамъ побѣговъ. Матросы покидаютъ службу тамъ, гдѣ приводится случай и много соблазновъ, предлагаемыхъ вербовщиками во время кругосвѣтныхъ плаваній: Америка, и въ особенности порты Калифорніи (каковъ, между прочимъ, С.-Франциско) увеличиваютъ цифру дезертировъ. Солдаты убѣгаютъ и за австрійскую, и турецкую границу, и въ войскахъ персидскаго шаха они составляли цѣлыя отряды и занимали высшія и низшія офицерскія должности, и проч. Сибирь несомнѣнно убѣждена лишь въ томъ, что причины, вынуждающія дезертирство, въ Россіи достаточно дѣятельны: она, между-прочимъ, знакомятся съ тѣмъ видомъ преступниковъ, которые высылаются изъ Россіи за членовредительство (за поврежденіе членовъ) для избѣжанія военной службы. Преступленіе это, характеризующее стремленіе народа избавиться отъ тяжести службы, въ случаѣ неудачи или недостатка самостоятельности въ желающихъ избавленія, переходитъ въ тотъ видъ преступленія, которое настѣ останавливало. Притомъ число ищущихъ средствъ спасенія въ по-

* Въ ряду другихъ арестантскихъ преступленій (изъ остальнаго числа 254 сосланныхъ) на первомъ мѣстѣ стоятъ убійства (99); на второмъ тотъ видъ преступленій, который названъ «тѣлесныя поврежденія съ намѣреніемъ къ убійству» (41), затѣмъ воровство (80), побѣгъ изъ-подъ стражи и взломъ тюрьмы (29), возмущеніе противъ властей (20) и наконецъ грабежи (10 случаевъ).

бѣгѣ примѣтно превосходить число причиняющихъ себѣ для той же цѣли уродства всякаго вида *.

Какъ рядомъ съ дезертирствомъ, такъ и непосредственно въ тѣсной связи съ бродяжествомъ вообще, является новый видъ народнаго преступленія, обрекающаго народъ въ ссылку. Преступленіе это является пособникомъ двухъ первыхъ и покровителемъ обонхъ: оно, съ одной стороны, выходитъ изъ народнаго обычая гостепріимства, хлѣбосольтва и радушія, неспрашивающихъ относящихся къ нимъ съ просьбою о пріютѣ: кто они и откуда, а приглашающихъ садиться и ѣсть. Съ другой стороны, это преступленіе опирается на ту же преступную корысть, умѣющую превращать дѣло гостепріимства въ промыселъ, спеціально и завѣдомо направленный на пользу тѣхъ, которыхъ ищетъ и преслѣдуетъ законъ. Русское слово на нѣмецкій ладъ «пристанодержательство» или иногда «передержательство бѣглыхъ, съ укрывательствомъ оныхъ» выражаетъ этотъ родъ народныхъ преступленій и прикрываетъ въ числѣ ссыльныхъ и тѣхъ, которые дѣйствовали намѣренно, или по принужденію и тѣхъ, которые совершили по невѣдѣнію закона, по безграмотству, мѣшающему разумѣть хотя бы одну букву, и по необразованности, которая понятіе о законѣ переноситъ и на палача («законъ бьетъ» — палачъ сѣчетъ) и спутываетъ его съ законникомъ — крючкотворцемъ и взяточникомъ («законъ—что дышло: куда хочешь, туда и воротишь»).

Въ сибирской цифрѣ нѣтъ возможности отдѣлить различные виды становщиковъ, державшихъ притоны, отъ тѣхъ, которые дали пріютъ и сдѣлались поноворщиками, но несомнѣнно, что пришли сюда и тѣ, которые подслужились самымъ сердечнымъ и невиннымъ гостепріимствомъ, укрывшимъ подъ своимъ теплымъ кровомъ того, кого законъ призналъ за бродягу, и усадившимъ въ готовному хлѣбу-соли, за столъ и въ красной уголь, тѣхъ, кого ищутъ, какъ преступниковъ-дезертировъ **. Пришли и тѣ, которые подслужились кабакомъ съ подпольями для воровъ и грабителей, теплой избой для преслѣдуемыхъ за разбой и побѣги отъ службы, но и въ послѣднемъ случаѣ тѣ же сердечныя побужденія имѣютъ немалое значеніе. Такъ, напримѣръ, въ укрывательствѣ военныхъ дезертировъ играютъ роль равносильную мужчинамъ женщины (жены, родственницы и любов-

* За поврежденіе членовъ 442 человека, за дезертирство 751, въ девять лѣтъ съ тѣмъ свѣдѣніемъ, что разъ учтена женщина, способствовавшая «къ избѣжанію военной службѣ другаго». Замѣчательно то, что во всѣ девять лѣтъ за обычное явленіе подлога въ отравленіи реврутской повинности сослано только двое и всѣ въ одинъ годъ!!

** Въ 9 лѣтъ за укрывательство бѣглыхъ сослано 274 муж., 151 жен.

ницы) въ пропорціи 8 женщинъ на 10 мужчинъ. Трудно это послѣднее выдѣленіе и потому, что намѣренно держащіе стани или притоны обладаютъ большею степенью осторожности и мастерства, чѣмъ тѣ, для которыхъ укрыванье преслѣдуемаго входитъ въ христіанскія обязательства, а весьма часто вынуждается экономическими причинами, превратившимися въ обычай и особый законъ своего рода. Изъ распредѣленія цифръ сославныхъ за притоны по губерніямъ, мы видимъ, что крупнѣе становятся онѣ тамъ, гдѣ бродячество—явленіе обычное, а нужда въ пришлыхъ людяхъ, въ качествѣ работниковъ на земляхъ хлѣбородныхъ и богатыхъ, является во всей безвыходности. Всего чаще, такимъ образомъ, укрываютъ бѣглыхъ въ губерніи предкавказской (Ставропольской), въ закавказскихъ, гдѣ поселились русскіе сектаторы, въ Еваторинославской и Таврической; укрываютъ мѣщане чаще крестьянъ, и мѣщанки немногимъ меньше солдатокъ *). Въ Сибири подобныя дѣянія до такой степени ярки и знаменательны, что укрывательство бѣглыхъ представляетъ одну изъ коренныхъ основъ, на которыхъ зиждется сибирское хозяйство, въ особенности, въ тѣхъ отдѣльныхъ формахъ его, которыя выражаются въ тамошнихъ фермахъ, называемыхъ *займками*. Здѣсь бѣглый съ каторги является рабочимъ, выгоднымъ по необыкновенной дешевизнѣ и по тѣмъ требованіямъ, которыя ограничиваются работою изъ одного хлѣба и угрѣвы, и не простираются дальше скромнаго желанія не выдавать въ руки властей, чтобы не возвращаться снова на каторжные безплатныя и подневольныя работы. При помощи этихъ людей удавалось въ Сибири не только расширять одиночныя хозяйства, расположенныя большею частью въ отдаленныхъ и уединенныхъ лѣсныхъ мѣстахъ, но и собирать цѣлыя селенія, деревушки (какъ сплошь и рядомъ случалось это всюду, и особенно ярко въ алтайскомъ краю). Подобныя явленія на столько въ Сибири за обычай, что начальники нѣкоторыхъ заводовъ, при казенномъ заказѣ, неисполнимомъ наличнымъ числомъ каторжныхъ, прибѣгаютъ къ осмотру займокъ вооруженной командой, какъ къ такой мѣрѣ, которая всегда вѣнчается полнымъ и желаемымъ успѣхомъ. Въ Сибири содержаніе притоновъ является неизбежнымъ и непобѣдимымъ зломъ во всѣхъ околныхъ селеніяхъ, ближайшихъ къ казеннымъ заводамъ, промысламъ и рудникамъ.

* Между крестьянами наибольшіе покровители бѣглыхъ встрѣчаются между заводскими, но столько распространенное обвиненіе въ этомъ грѣхѣ старообрядцевъ — цифрами не подтверждается и виновность староверовъ не видается впередъ другихъ сословій и вѣроисповѣданій. Преступленіе это для нихъ — старое преданіе, уже изжившее свой вѣкъ.

Хотя по временамъ и возбуждается бдительность надзора и возбуждается энергія преслѣдованій, но опытъ указываетъ въ равной мѣрѣ и на государственныхъ крестьянъ-сторожиловъ, и на такъ-называемыхъ семейскихъ (старообрядцевъ), какъ на содержателей притоновъ, и укрывателей бѣглыхъ.

Бѣглецы представляютъ особый, только Россіи свойственный видъ бродягъ, и въ Сибири, подъ именемъ варнаковъ и чадановъ, являются въ многочисленномъ, и какъ бы особомъ сословіи людей. Бродяги эти соотвѣтствуютъ вполне тѣмъ требованіямъ, которыя понятны въ этомъ опасномъ сортѣ людей для Европы. Эти люди не опасны въ одинаковой степени съ голодными прозябеніями европейскихъ городовъ потому только, что руки ихъ всегда свободны и способны находить трудъ и внѣ законнаго покровительства и защиты, и еще не нуждаются въ Шульце-Деличахъ. Другія теоріи они вызываютъ; другія начала въ немъ примѣнны. Грозная опасность, представляемая ихъ поразительнымъ многолюдствомъ, ослаблена значительно на самомъ дѣлѣ, на практикѣ въ бытовой средѣ ихъ. Они увеличиваютъ количество преступленій, но еще не висятъ дамокловымъ мечомъ надъ дѣньми и недогадливыми. Хлѣбосолюство сибиряковъ и готовность ихъ давать работу бѣглымъ, сдерживаетъ враждебныя силы этихъ испорченныхъ и озлобленныхъ людей, и Сибирь, дѣлаясь виновною въ пристраждательствѣ, во всякомъ случаѣ служитъ немалую службу Россіи.

Вотъ чтò говорить факты: въ десять лѣтъ (съ 1852 году) въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ считали бѣжавшими 771 мужчинъ, 5 женщинъ, а пойманными только 19, исключено за десяти-лѣтнюю давностью 31. Изъ Александровскаго завода (винокуреннаго) въ 14 лѣтъ сорвалось въ дѣса и на волю (съ 1-го янв. 1846 по 1-е нояб. 1859) 1013 муж. и 19 женщ., а схвачено 277 муж., 4 женщ. Всѣ остальные успѣли устроить себя по своимъ соображеніямъ и на полной волѣ своей по той же Сибири. Вѣдали они и въ Россію, попадались тамъ и подъ прозваніемъ «оборотней» возвращались въ Сибирь, но съ такимъ же подозрительнымъ успѣхомъ. Въ семь лѣтъ (съ 1854 по 1860) возвращено изъ Россіи въ Сибирь обратно всего 354 человека обоаго пола; между тѣмъ, какъ только съ *четырехъ* заводовъ (не считая рудниковъ и многихъ другихъ заводовъ), только въ теченіе *пяти* лѣтъ бѣжало всего 2704 чел.). При этомъ на

* Съ Иркутскаго солевар. завода 1344; изъ Троицкаго винокуреннаго завода 801; изъ Селенгинскаго солевар. 208; изъ Николаев. винокур. 356 ч.; (съ 1836 по 1841 г.).

Между тѣмъ съ одного Александровскаго винокуреннаго въ такой же періодъ семи лѣтъ (съ 1835 по 41) бѣжало 1887 чел. об. пола.

одномъ Успенскомъ винокуренномъ, ближайшемъ къ Россіи, людской утѣчкѣ насчитывается среднимъ числомъ въ годъ 94 (или въ семь лѣтъ на 354 возвращенныхъ 658 бѣжавшихъ).

Тяжести казенныхъ работъ при неправильномъ распредѣленіи труда и занятій, стараемся къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ во возможности тѣ работы, которыми усвоено названіе каторжныхъ, служатъ основною причиною побѣговъ. Они заключаются главнымъ образомъ въ дурномъ содержаніи въ сырыхъ, грязныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, превосходящихъ всякую мѣру вѣроятія. За тяжелыя работы днемъ они ложатся усталыми на жесткія нары, голодные получаютъ несчастный приварокъ и въ достаточномъ количествѣ только крутую и сухую пищу, порождающую арестантскую болѣзнь «иванъ-таскунъ» (колотье). Поставленный въ исключительное положеніе каторжнаго, лишеннаго всякихъ средствъ пріобрѣтать какую-либо собственность, ссыльный не имѣетъ ее даже и въ томъ призрачномъ видѣ, какой могъ бы явиться въ платѣ за трудъ и работу, неполагающихъ мѣры, непривычныхъ праздничныхъ дней. Его собственность — только та рвань, которая унижаетъ его человѣческое достоинство и которую, къ тому же, получилъ онъ въ счетъ ничтожной годовой платы своей, носящей громкое имя жалованья. На заводскихъ, а въ особенности на промысловыхъ работахъ одежды вещи, подвергаясь великимъ испытаніямъ, сроковъ не выдерживаютъ, смотрители принуждены давать новую одежду и, во избѣжаніе личной отвѣтственности за казенное имущество, обязаны вычитать на этотъ разъ у каторжнаго не половину, но все жалованье и съ кормовыми. Оттого за казеннымъ долгомъ ссыльный всегда въ неоплатныхъ долгахъ и той крайней нищетѣ, изъ которой единственный выходъ — побѣгъ. Желаніе отдыха, стремленіе на волю, будучи естественными правами всякаго человѣка, на этотъ разъ могутъ быть приведены въ исполненіе только посредствомъ этого же пути «самовольной отлучки» или «рѣшительнаго побѣга». У однихъ тоска по родицѣ, у другихъ — старая привычка къ бродячеству, у третьихъ — соблазнъ на путешествіе шайкой съ товарищами, у четвертыхъ — дѣйствительно безвыходное положеніе, которое немного не довело до самоубійства, — все это достаточные поводы къ побѣгамъ, рѣже по направленію къ завѣдомымъ цѣлямъ, чаще въ неясность, въ темную среду приключеній. Въ самой обстановкѣ каторжныхъ работъ для побѣговъ, сверхъ тяжести каторжнаго сверла, неустанно нажимающаго при помощи безчисленныхъ болѣзней собственно рудниковыхъ и заводскихъ, — представляется много соблазновъ и возбуждающихъ средствъ. Тамъ, гдѣ работы

случены и надзоръ silent, выручаютъ долговременный опытъ бывальцевъ, высидѣвшихъ въ тюрьмѣ и примѣнявшихъ къ дѣлу многочисленныя остроумныя средства, иногда изумительныя по находчивости, иногда поразительныя по той отчаянной смѣлости, съ какою приводятъ въ исполненіе. Тамъ, гдѣ работы раскидываются на значительныхъ пространствахъ, недоступныхъ равномѣрному наблюденію, средства къ побѣгу упрощаются до того, что не бѣжить только безногій, или совсѣмъ хилый или ожидающій на дняхъ законнаго освобожденія отъ казенныхъ работъ. Въ послѣднемъ случаѣ побѣги многочисленнѣе и чаще; въ первомъ они являются въ сообществѣ съ самими сторожами, которые на большую часть простоватые казаки, вовсе незнакомыя съ своими воинскими обязанностями и на значительную часть штрафные солдаты, сами бывавшіе дезертирами и нелишенные способности вкусить снса этого запрещеннаго воину плода. Бѣглецы сплошь и рядомъ до сего дня продолжаютъ уходить вмѣстѣ съ ними и даже подъ защитою ихъ ружья и форменнаго вида. Укрываются всего чаще каторжные и поселенцы заводскими крестьянами по Уралу (въ 20 лѣтъ изъ этого края выслано 7,275 чел. бѣглыхъ изъ всего числа бродягъ (13,769); слѣдовательно, такъ называемые варнаки между бродягами составляли около 53% (въ южныхъ степяхъ Новороссіи бѣглымъ изъ Сибири принадлежать только 4¹/₂%)*.

Такимъ образомъ въ Сибири не только тѣ, которые замѣчены съ бродяжьими наклонностями въ Россіи, но безразлично бѣгутъ и бродяжатъ преступники всякаго рода и званія. Сибирь въ этомъ отношеніи самобытна и исторію бродяжества начинаеть вновь и ведетъ ее по собственнымъ даннымъ и образцамъ, но ведетъ ее съ неизмѣннымъ постоянствомъ, съ несрываемыми признаками долгодѣтія. На каторгѣ разныя побѣговъ необычайно широки и число одержимыхъ этому трудно-излечимой болѣзнію бродяжества поразительно: въ Нерчинскихъ заводахъ въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857) подвергнуто наказанію 3,045 человекъ за прямыя побѣги и за тотъ видъ ихъ, который тамъ называется «самовольными отлучками» (въ этомъ числѣ сбѣжало 22 женщины). Къ 1-му января 1859 г. за десять лѣтъ считалось въ бѣгахъ тамъ же 24% всего населенія ссыльныхъ (3,104 чел.), да сверхъ того 508 человекъ вольныхъ людей, называемыхъ

* Въ этомъ числѣ мы не считали пойманныхъ, но принимали въ расчетъ тѣхъ, которые сбѣжали въ такихъ цифровыхъ отношеніяхъ:

Съ 1838 по 1837	2,728
> 1837 > 1843	3,420
> 1846 > 1859	751

горными служителями. Одинъ Александровскій винный заводъ (по сю сторону Байкала) подарилъ Сибирь въ 25-ти-лѣтній періодъ 6,899 бѣглыми, готовыми ко всякимъ услугамъ, но на сторонѣ, внѣ постылыхъ мѣстъ и невыносимыхъ каторжныхъ заведеній. Эти послѣдніе остаются все-таки при созерцаніи вѣчнаго *perpetuum mobile* и съ правомъ любоваться на круговое вращеніе, при которомъ обмѣнъ матеріи новыми элементами великъ, но возстановленіе стараго матеріала незначительно. Число сбѣжавшихъ и пойманныхъ относится во многихъ заводахъ, какъ 1 : 15. Пятнадцатая часть уходитъ за Уральскій хребетъ и разгуливаетъ по огромнымъ и безлюднымъ пространствамъ Сибири, гдѣ всякій надзоръ находится внѣ человѣческихъ силъ. Съ нѣкоторыхъ заводовъ бѣжить по-часту цѣлая половина всего количества ссыльно-рабочихъ *.

Тѣми же безконечными и многочисленными побѣгами отвѣчаютъ и поселенцы (въ сословіе которыхъ преимущественно поступаютъ русскіе ссыльные бродяги), отвѣчаютъ за ошибочную и несовершенную систему водворенія. Поселенцы не получаютъ достаточнаго пособія на первыхъ шагахъ своей новой жизни, встрѣчаютъ общее нерасположеніе къ себѣ сибиряковъ-старожиловъ, сами являются въ среду ихъ достаточно испорченными нравственно въ тюрьмахъ и на этапахъ. Большинство ихъ находится въ крайне-бѣдномъ и беспомощномъ положеніи (видимая помощь, предполагаемая въ поселенческой привилегіи работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, ведетъ къ тѣмъ же побѣгамъ отъ тяжести уроковъ и къ безпримѣрному пьянству отъ неправильнаго способа денежныхъ вознагражденій). Большинство поселенцевъ такимъ образомъ не имѣетъ прочнаго домохозяйства и лишено даже тѣни какого-либо признака благосостоянія. Побѣги поселенцевъ также многочисленны ** и также имѣютъ двѣ болѣе характерныя стороны : заурядъ съ каторжными они вынуждаются на бродяжество исканіемъ лучшей участи и бѣгутъ, стороной отъ бѣдныхъ-каторжныхъ, прямо въ Россію — на родину, гдѣ эти люди, которымъ выпала жестокая доля изгнанія за менѣе важные и тяжкія преступленія, ищутъ только того,

* Такъ, напримѣръ, на Николаевскомъ винокуренномъ заводѣ (въ Нижнеудинскомъ окр. Иркутской губ.) общее число рабочихъ было 442 челов., изъ нихъ бѣжало 215 (въ 1857 г.). Въ 1858 г. всѣхъ было 347; изъ этого числа бѣжало 248, а въ 1869 г. изъ 462 чел. пустились въ бѣга 291 чел.

** Въ Енисейской губ., напримѣръ, съ немощныхъ каторжныхъ и съ многочисленныхъ поселенческихъ мѣстъ водворенія въ три года (1857, 58 и 59) бѣжало 6,752 человѣка, а поймано и возвращено 1850, около 4% въ общей пропорціи.

чего не нашл они на мѣстах водворенія. Имъ дорого съ бою добытое право свиданія съ родными людьми и мѣстами; у нихъ на столько еще не истратилось сердце, чтобы возможный покой, тайное укрывательство и невинный процессъ простаго бродячества предпочитать исканіямъ приключеній, которыя бѣглицъ каторжныхъ ведутъ къ грабешамъ, убійствамъ и ко всякаго рода злодѣйствамъ. Если у нихъ уже развилась ненависть къ закону и пошатнулась вѣра въ общественное благосостояніе, то все-таки поселенецъ охотиѣе принимается за такія дѣла, гдѣ меньше отвѣта и короче обратная дорога въ Сибирь. Такъ говорятъ изъ Россіи. Въ Сибири поселенцы всего больше осуждаются за побѣги изъ Сибири, за побѣги изъ-подъ стражи и за взломъ тюремъ, за развратное поведеніе и, наконецъ, за убійство.

Бѣглецы съ каторги, достигшіе Россіи, отличаются тамъ болѣею готовностью на разбой и, какъ люди, горькимъ и тернистымъ путемъ выбравшіеся на Русь, между множествомъ страховъ и опасностей, устремляются на скрытныя, тайныя преступленія, обусловливаемые заговоромъ, предполагающія шайки (воруютъ, дѣлаютъ фальшивыя монеты, ассигнаціи, виды, путаются въ поджогахъ). Въ шайкѣ Быкова, съ которой онъ производилъ разбой въ Спасскомъ и Ланшевскомъ уѣздахъ Казанской губерніи, слѣдствіе обнаружило шесть человѣкъ бѣглицъ съ каторжныхъ работъ; самъ атаманъ пришелъ съ эсауломъ, свирѣпымъ Чайкинымъ, изъ иркутскаго солевареннаго завода, а одинъ изъ

* Вотъ для образца сравнительныя цифры преступленій поселенцевъ за 9 лѣтъ (съ 1888 по 46) въ сравненіи съ каторжными:

	Поселенцевъ.		Каторжныхъ.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Побѣги изъ Сибири	5,800	208	2,446	27
Воровство	127	17	21	—
Развратное поведеніе	55	59	2	—
Смертоубійство	57	6	28	3
Побѣгъ изъ подъ стражи и взломъ тюремъ	82	—	7	—
Грабешъ	20	3	13	—
Тѣлесныя повр. съ намѣреніемъ къ смерти	11	—	8	—
Поддѣлка монеты	22	—	12	—
Извѣны фальшивыхъ видовъ	31	—	11	—
Разбой	—	—	6	—
Принятіе чужой фамиліи	6	—	2	—
Возмущеніе противъ властей	5	—	5	—

Число каторжныхъ противъ общаго числа поселенцевъ составляетъ болѣе чѣмъ $\frac{1}{8}$ часть.

товарищей (Федоровъ) даже изъ перчинскихъ рудниковъ. Такіе же бѣгле производили грабежи въ Смоленскѣ, разбои въ Киевской губерніи и большая часть хотя и сказывались—по обычаю и съ повадки—непоминащими родства, но въ Сибири оказывались старыми знакомыми, снова здоровыми. Бѣгле изъ Сибири, во всякомъ случаѣ, принимаютъ на себя значительную долю тяжчайшихъ преступленій и бѣгле съ ваторги сильнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ тѣ, которые бѣжали съ мѣстъ поселенія. Имъ несомнѣнно обязаны ближайшія къ Сибири губерніи (Пермская и Оренбургская) тѣмъ, что при всякомъ видѣ преступленій красна на нихъ лежитъ гуще, чѣмъ на всѣхъ другихъ губерніяхъ русскихъ. Губернія же Тобольская, еще сверхъ того, во всякому роду преступленій усилѣваетъ прибавить примѣчательныя цифры виновныхъ, въ чемъ немного отстаетъ отъ нея и сосѣдняя ей губернія Томская. *

Нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что пока пришедшіе изъ Сибири преступники (во всякомъ случаѣ люди испорченные, опасные и всегда озлобленные) находятъ себѣ безопасный пріютъ въ Россіи, пока экономическія средства ея достаточно удовлетворяютъ ихъ насущнымъ житейскимъ потребностямъ — они непримѣтны, они до извѣстной степени поглощены струей правильно и спокойно налаженного быта. Укрываясь отъ преслѣдованій и соблюдая свою безопасность, они обязательно прилаживаются, по старымъ знакомымъ и забытымъ въ ссылкѣ приемамъ, къ общему строю народной жизни. Въ этомъ ихъ основное желаніе и коренное право на безопасность въ мѣстахъ, до которыхъ они достигли такимъ тяжелымъ путемъ бѣгства, такими опасными средствами и орудіями долговременнаго и голоднаго скитальчества. Разумѣя цѣну и важность побѣды, пришельцы изъ новыхъ мѣстъ, чужихъ и дальнихъ, на родныхъ и знакомыхъ на столько не слышны тамъ, гдѣ имъ даютъ притонъ, что и самыя обычныя роды преступленій по Россіи идутъ не возрастая и въ подчиненіи вѣчнымъ человѣческимъ законамъ нравственныхъ падо-

* Оставляя доказательства на своихъ мѣстахъ ниже, приводимъ таблицу сравненія южныхъ губерній, съ тѣми, которыя имѣютъ одинаковое число жителей. Приводимъ параллель по занимающему насъ вопросу о бродягахъ (за девять лѣтъ съ 1838 по 1846). Напоминаемъ при этомъ, что губ. Тоб., Орен. и Пермской по количеству сослан. за бродяжество принадл. первая мѣста.

	Тобол.	Калуж.	Орен.	Ори.	Перм.	Кіев.
Мужчинъ.	2814	242	892	202	910	405
Женщинъ.	289	101	65	94	48	128

вій и прегрѣшеній. Какъ будто экономическія условія страны по отношенію къ избытку вновь пролившихся потребителей, устанавливаются въ ту норму, при которой излишній человѣкъ не затрудняетъ дачей работъ и не тяготитъ излишнимъ потребленіемъ. Не тяготитъ онъ другихъ прокормомъ и постоемъ, не нуждается и самъ въ изысканіи средствъ къ существованію теми преступными путями кражи, грабежей и разбоевъ. Равновѣсіе сохраняется, и въ обыденной жизни нѣтъ рѣзкихъ крайностей, по которымъ можно было бы судить о скопленіи враждебныхъ и опасныхъ силъ, порождающихъ эти крайности уклоненія отъ обычаевъ, эти противорѣчія строгому и послѣдовательному складу жизни.

На высокой горѣ лежитъ вѣчный снѣгъ; въ нему наметаютъ вѣтры новыя сугробы, но гора способна удержать на себѣ еще многія крупныя и новыя массы снѣга. Ледникъ на горѣ — дѣло привычное: и селеніе у подошвы по старому ведетъ свою обычную жизнь въ беззаботности, спокойствіи и не боится обвала, который несомнѣнно долженъ нанести вредъ, спутать всѣ соображенія и порядки, напугать близостью опасности и наказать за излишнее довѣріе и презрѣніе къ мѣрамъ предосторожности. Равновѣсіе подчиняется вѣчнымъ законамъ и нарушается тотчасъ, какъ скопленіе противодействующихъ силъ перейдетъ за законную границу: обвалъ сползаетъ съ горы, или всей своей массой быстро рушится на подгорную окольность. Онъ не измѣняетъ своимъ законамъ, не противорѣчитъ сроку появленія, и ошибаются тѣ, которые принимаютъ его за явленіе неожиданное.

Такимъ образомъ, пока вновь прибывающіе въ данную мѣстность нахлѣбники (изъ сибирскихъ бродягъ) бродятъ по работамъ, восполняютъ недостатокъ ругъ, больше пьянствуютъ, чѣмъ злодѣйствуютъ, пока худшіе изъ нихъ, совершающіе преступления, кражи и разнаго рода поддѣлки отъ фальшивыхъ ассигнацій до паспортовъ, являются неосторожными выскочками, безопасность бѣглыхъ обезпечена, они не бросаются въ глаза начальству, не будятъ обычно дремлющихъ силъ его и общественныхъ. Безопасность такая становится соблазномъ для новыхъ охотниковъ, потому что въ гостепріимныхъ мѣстахъ долговременная практика подготовила тѣ приемы и способы, которые обезпечиваютъ для бѣглыхъ безопасность. Между тѣмъ со стороны сибирской не перестаютъ дѣйствовать тѣ же несокрушимыя вѣчные законы, по вліянію которыхъ прибываютъ новыя толпы, и опасная снѣжная лавина растетъ отъ наметовъ сибирскаго снѣга: она рухнетъ, когда придетъ часъ и нарушится равновѣсіе.

Предвозвѣстниками этого опаснаго явленія, по отношенію къ скопленію бѣглыхъ, полагается увеличеніе количества кражъ: значить—объявился избытокъ рабочихъ силъ, новыхъ не нужно; новымъ пришельцамъ дорога въ дѣсъ, съ обширнымъ правомъ самимъ промышлять хлѣбъ насущный. Одинъ на такомъ дѣлѣ не воняетъ, «одному страшно, а всѣмъ не страшно», на міру и смерть красна: собираются бѣгле въ шайки, образуютъ товарищества. Даромъ не кормятъ, — стало много ѣдоковъ, надо кормъ силой брать: бѣгле послѣ воровства грабить стали; разбудили дремиющее око, свели хозяина съ полаты: онъ обудся, одѣлся, взялъ веревку, пошелъ искать и ловить грабителей. Съ сосѣдами сдѣлалъ облаву; облава имѣла успѣхъ; въ тенета — много волковъ попало. Шайку ослабили, но оставшіеся сбились плотнѣе: всякій товарищъ въ артелѣ сталъ рублемъ дороже. Вырвутъ одного—у всѣхъ шерсть щетинной: надо мстить обычнымъ, дешевымъ съ испоконъ вѣку, народнымъ средствомъ поджоговъ. Количество пожаровъ увеличилось и увеличилось именно оттого, что бѣглыхъ ловить и выдаютъ: пожаровъ стало такъ много и зарево отъ нихъ такъ велико, что и въ Петербургѣ стало видно, хоть и непонятно. Пожары расплодить погорѣльцевъ-нищихъ, новыхъ бродягъ, но на этотъ разъ не опасныхъ. Опасны дѣлаются тѣ, которыхъ обозлили преслѣдованіями. Шайки ладятъ, избѣгнувшія отъ преслѣдованій, уже такъ, что онѣ имѣютъ всю форму разбойничьихъ. Найдется не одинъ такой удалой добрый молодецъ, для котораго и жизнь—копѣйка и море по колѣно, и въ природѣ его столько зла, что на многихъ хватается, а въ характерѣ столько силы и воли, что идутъ за нимъ товарищи, какъ послушное стадо, какъ гуси за вожакомъ, какъ кони за передовнымъ табуннымъ жеребцомъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за пожарами и грабителями и разбой объявился. Грабежъ, характеризующій себя только однимъ насиліемъ, сталъ разбоемъ, взявши въ руки оружіе. И, ходя безъ оружія, сталъ грозить опасностію жизни, здоровью и свободѣ людей. Съ разбоемъ въ тѣсной связи оказались разнообразныя убійства.

Здѣсь мы видимъ причину періодическаго появленія злодѣйствъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно укрываются бѣгле каторжные и поселенцы; таковы въ особенности губерніи, ближайшія къ Сибири: Пермская и Оренбургская, Казанская и Симбирская, умѣющія сильно отвѣчать на всѣ виды поименованныхъ преступленій. Тобольская губернія, населяемая преимущественно арестантами, выбывшими изъ арестантскихъ родъ и смиренныхъ домовъ, и не принятыхъ обществами, и наибольше скопляющая въ себѣ бѣглыхъ со всѣхъ концовъ Сибири — является

самою преступною изъ всѣхъ губерній русскихъ *. Отсюда же изъ губерній этихъ слѣдуетъ и наибольшее количество бродягъ, путешествующихъ въ глубь Сибири, не потому больше, что здѣсь владѣютъ лучшимъ умѣньемъ и искусствомъ ловить ихъ (и прилагаютъ къ этому дѣлу энергію), а потому, что въ этихъ мѣстахъ грибовъ много: сами валятся въ кузовъ. Въ Сибири хорошо всѣмъ извѣстно, что бродяга, съ отчаянія голодовки и по мѣрѣ приближенія зимнихъ палащихъ морозовъ, отъ которыхъ и птица на землю валится, являются изъ бѣговъ добровольно. Добровольное возвращеніе вмѣняется въ добродѣтель, ослабляющую степень взыскаія и мѣру наказанія: такого бродягу высѣлутъ и водворятъ на прежнее мѣсто до новой весны и кукушки, съ каковой поры онъ — снова пациентъ на леченіе «березовой настойкой», предметъ практики для палача и полицейскихъ секурторовъ. Сибирскіе опыты выучили разумѣть, что мѣншимъ побѣговъ для одного человѣка изъ опытныхъ бродягъ 6, среднее количество 11, и максимумъ 18 побѣговъ. Количества же бѣжавшихъ изъ Сибири въ Россію и возвращенныхъ назадъ, далеко не соответствуютъ другъ другу во взаимныхъ между собою отношеніяхъ: если возьмемъ количество бѣглыхъ только съ солеваренныхъ заводовъ Восточной Сибири, то и тогда число ихъ больше, чѣмъ вдвое, превосходитъ число пойманныхъ въ Россіи ваторжныхъ **.

* Вотъ сравнительно преступленія такихъ арестантовъ и бѣглыхъ (за 9 лѣтъ):

	Бродяги		Арестанты.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Побѣгъ изъ Сибири.....	—	—	8509	13
Бродяжество.....	13788	3528	34	—
Воровство.....	484	86	82	—
Грабежи.....	86	4	10	—
Разбой.....	10	1	—	—
Самоубійства.....	120	6	99	—
Тѣлесныя поврежденія съ намѣр. убійст.	23	1	39	2
Имѣніе и состав. фальш. видовъ.....	845	134	—	—
Поддѣлка ассигнаціи и монеты.....	39	1	7	—
Принятіе чужой фамиліи.....	10	3	—	—
Возмущеніе противъ властей.....	13	—	20	—
Оставленіе отечества.....	5	—	—	—

** Мѣншимъ ежегодно выслаемыхъ ваторжныхъ 94, максимумъ — 210; мѣншимъ поселенцевъ — 222 и максимумъ — 688. Число осмысленныхъ, судившихся за побѣгъ съ ваторги (въ 9 лѣтъ съ 1838—46), равнялось 1,553 м. и 7 ж. Число поселенцевъ, судившихся за побѣгъ съ мѣстъ водворенія: 4,462 м. и 91 жен. Намъ придется еще не одинъ разъ обращаться къ разбору, объясненію и пополненію этихъ краснорѣчивыхъ цифръ.

Какъ сибирскому бродяжеству бѣглихъ и свитанью русскихъ бродягъ въ равной степени предшествуетъ преступленіе, наказываемое ссылкой и называемое «взломомъ тюремъ», такъ точно, тутъ и тамъ, бродяжество неизбежно сопрягается съ особымъ родомъ преступленій «имѣнія и приготовленія фальшивыхъ паспортовъ» и порождаетъ третій родъ «принятіе чужой фамиліи». Между этими тремя сосѣдями бродяжество считаетъ себя въ болѣе безопасности. Фальшивые виды заказываетъ оно грамотнымъ людямъ съ тѣхъ поръ, какъ завелись на Руси паспорта; ломаетъ тюрьмы съ тѣхъ самыхъ древнихъ временъ, когда земляныя тюрьмы замѣнены были срубамъ, выведенными на поверхность земли и прикрытыми дырвовой крышей, а стало бродяжество защищать себя псевдонимами съ тѣхъ поръ, когда установился правильный образъ ссылки и водворенія по методѣ Сперанскаго.

Ломаютъ тюрьмы или собственно подкапываются подъ нихъ, или—еще проще—подкупаютъ сторожей такъ часто, что трудно представить себѣ хоть одну такую тюрьму въ Россіи и Сибири, надъ которою не было бы произведено опытовъ этого рода. Исторія этого дѣла пахнетъ затхлою стариной, а способы и количество опытовъ безконечны и безчисленны. Цифра можетъ сказать, что чаще производить «взломы» такъ-называемые арестанты, за ними чаще поселенцы, чѣмъ бродяги и каторжные (потому что и количество людей перваго званія несравненно больше количества людей остальныхъ обѣихъ, взятыхъ вмѣстѣ). Цифра и говоритъ это, свидѣтельствуя еще сверхъ того о томъ, что женщины весьма рѣдко прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ освобожденія отъ заточенія, предоставляя исполненіе ея сильнымъ рукамъ тюремныхъ сидѣльцевъ мужскаго пола: женщины не ломаютъ тюремъ, а бѣгутъ просто съ работъ на волю, въ остроговъ. Цифра пришедшихъ изъ Россіи за это преступленіе изъ мужчинъ и женщинъ не характеризуетъ его какъ мѣстное явленіе въ достаточной степени уже потому, что судъ гонитъ въ изгнаніе только такихъ, которые или не умѣли хорошо произвести операцію, или произведя ее не умѣли хорошо спрятаться. Счастливые гуляютъ на волѣ и виновные въ старомъ грѣхѣ идутъ уже за какою-нибудь изъ новыхъ; несчастныхъ и неловкихъ усчитываетъ Сибирь въ такомъ количествѣ, которое уже возбуждаетъ справедливое подозрѣніе * Тюрьмы портятъ тюремные сидѣльцы все-

* Однако и въ 9 лѣтъ за «взломъ тюремъ» сослано было 75 человекъ изъ четырехъ новосозданныхъ русскихъ сословій (82 поселенца, 29 арестантовъ, 8 бродягъ и 7 каторжныхъ).

возможными способами вмѣстѣ со строителями и блюстителями и—только не жгутъ ихъ (что весьма впрочемъ замѣчательно).

Въ тѣхъ же тюрьмахъ идетъ дѣло приготовленія подложныхъ штемпелей и печатей и приготовленіе паспортовъ и другихъ видовъ, за цѣны весьма не высокія, на каковыя въ Сибири въ хорошихъ тюрьмахъ установлена даже такса. Трудно и въ этомъ отношеніи представить себѣ такую сибирскую и изъ русскихъ мало-мальски живую тюрьму, гдѣ бы, при тщательныхъ обыскахъ, не найдено было и готовыхъ и начатыхъ паспортовъ и орудій дѣла въ видѣ кусковъ свинцу, мѣдныхъ монетъ (обыкновенно пятаковъ), истертыхъ съ обѣихъ сторонъ и отмѣченныхъ новыми наръзками, указывающими на невѣроятно далекія отъ Сибири городскія думы и волостныя правленія. Печати попадаютъ обыкновенно крупнѣе общепринятыхъ формъ, нумера такой величины, что писавшій ихъ иногда и самъ выговорить не съумѣетъ, но попадаютъ и отдѣльные по всѣмъ правиламъ искусства: въ тюрьмахъ не мало мастеровъ настоящихъ изъ тѣхъ же рѣщиковъ печатей, изъ поддѣлывателей фальшивыхъ монетъ и ассигнацій отъ извѣстнаго Цезика изъ Польши до знаменитаго Коренева изъ Перми. Тюремные паспорта такъ уже и пашутся по приказу собравшихся въ путь: на поселенцевъ, желающихъ прогулять и отдохнуть въ окрестностяхъ; на мѣщанъ, крестьянъ и купцовъ для желающихъ прогуляться въ Россію. При этомъ обыкновенно избираются тѣ города, которые стоятъ на Руси двойными, тройными и четверными: Петровски, Николаевски, Александровски, Макарьевы, Суражи и Спасскіе въ этомъ случаѣ занимаютъ самыя видныя и почетныя мѣста. Ссылные изъ Россіи — первые пособники въ этомъ: они не покидаютъ въ Сибири того ремесла, за которое потерпѣли наказаніе и впали въ несчастіе. Ловятъ въ такомъ преступленіи въ равной мѣрѣ каторжныхъ и поселенцевъ. Изъ Россіи приходятъ и дворане (служащіе и неслужащіе) и купцы (торгующіе и неторгующіе), для которыхъ, впрочемъ, поддѣлка фальшивыхъ паспортовъ исче-зла въ итогѣ преступленій, называемыхъ «поддѣлкою актовъ и другихъ бумагъ» (однако, нижніе канцелярскіе чины, ссылаемые чаще за поддѣлку актовъ и за воровство, выясняются для насъ въ числѣ ссыльныхъ, какъ поддѣлыватели паспортовъ). За фальшивые паспорта изъ Россіи идутъ въ одинаковой степени солдаты и мѣщане, но примѣтно больше—само собою разумѣется—тотъ классъ людей, который названъ бродягами*. При

* Въ такихъ числовыхъ отношеніяхъ:

Солдаты 17, солдаты 11, мѣщане 82, мѣщанин 7, бродяги муж. 345, жен. 134. Торопилав и странная система составленія тобольскихъ табелей о ссыль-

этомъ замѣчательно то обстоятельство, что бродяги особенно не считали для себя нужнымъ прикрываться какими бы то ни было видами на жительство и прибѣгать къ фальшивымъ; бродяги же просто съ таѣмъ называемыми волчьими паспортами: изъ пятнадцати тысячъ, присланныхъ въ Сибирь въ теченіе девяти лѣтъ, уличены съ фальшивыми паспортами только почти 32-я часть, т. е. 479 чел. (345 муж. и 134 жен.). Главныхъ пунктовъ этого рода поддѣлокъ (между которыми принадлежать самыя видныя мѣста обитанія столицамъ)—Сибирь не указываетъ, привышая различать получаемыхъ изъ Россіи преступниковъ въ валовомъ счетѣ по губерніямъ. По этой системѣ подозрительнѣе другихъ ей кажутся: 1-я Тобольская, 2-я Пермская, 3-я Оренбургская, 4-я Кіевская, 5-я Казанская, 6-я Московская, 7-я Петербургская, а прочія губерніи въ полномъ безразличіи.

«Принятіе и имѣніе чужой фамиліи» или псевдонимы, употребляемые для подспорья бродяжеству и пущей легкости и возможности скрывать старыя грѣхи,—въ Сибири и Россіи дѣла общія. Польза такихъ выдумокъ несомнѣнна, и въ этомъ отношеніи неизмѣримо практичнѣе и прочнѣе литературныхъ псевдонимовъ: ничто не вѣнчается такимъ полнымъ успѣхомъ, какъ этотъ видъ преступныхъ измышленій на пользу каторжныхъ, поселенцевъ и бродягъ (исключительно пользующихся ими). Отсутствіе слѣдствіи и существованіе круговаго заступничества, вставшаго на ея мѣсто у этихъ со всѣхъ сторонъ и всѣми преслѣдуемыхъ, дѣлаетъ то, что разоблаченіе псевдонимовъ—находка въ Сибири равносильная, напр., открытію въ самоцвѣтныхъ камняхъ розоваго топаза. Смотрители тюремъ такіе случаи записываютъ въ шнуровыя книги подъ именемъ «чрезвычайныхъ» происшествій. Такъ смотритель тобольскаго острога хвастался (въ 1850 г.): «бѣгло-каторжный Ѳеодоръ Ивановъ, отправленный изъ Тобольска въ Томскъ, съ дороги бѣжалъ, въ Тюмени пойманъ, приведенъ въ тобольскій острогъ, снова отправленъ въ Томскъ и снова съ дороги бѣжалъ. Въ 1850 г. пришелъ въ Тобольскъ въ третій разъ въ партіи каторжныхъ уже изъ Россіи (по Екимомъ Звѣревымъ). За принятіе чужой фамиліи и изъ Россіи ушло всего 21 человекъ въ 9 лѣтъ» *. По Сибири едва-ли не половина ссыльнаго люда ходитъ подъ прозваніями, взятыми на

ныхъ, зачастую сбивающаго разнаго рода преступниковъ въ одну общую категорию, на многіе года мѣшаетъ отдѣлать поддѣлывателей паспортовъ отъ имѣвшихъ и пользовавшихся ими. Общая же цифра (за 9 лѣтъ) «имѣвшихъ подложные паспорта» для мужчинъ 1408, для женщинъ 328.

* Изъ бродягъ 10 ж. 8 ж.; изъ поселенцевъ 6 ж.; изъ каторжныхъ 2 ж.

прокаты и, смотря по количеству побѣговъ, подъ пятой и десятой фамиліей. Въ сыскныхъ статьяхъ сибирскихъ губернскихъ и областныхъ правленій то и дѣло поручаютъ искать такого-то (который, какъ зацѣ въ полѣ, два раза на годъ мѣняетъ цвѣтъ своей шерсти): «дезертира Путилова Палладія Васильева, онъ же Александръ Лебедевъ и Одинцовъ». Одинцовъ онъ вѣроятно потому, что любилъ быть въ бѣгахъ безъ товарищей, ходилъ по лѣсамъ какъ лось — одинецъ, какъ олень — одинецъ, а вѣроятно это оттого, что псевдонимы каторжныхъ всегда выражаютъ пожеланіе на своего рода остроуміе. Въ бѣгахъ, кто какой рѣчкой плыветъ, той и славой плыветъ: умѣлъ угождать бѣглымъ товарищамъ мастерствомъ доставать пропитаніе — Доставаловъ сталъ; любилъ встрѣчать прохожихъ и ограбивши, отпуская ихъ живыми — Разуваевымъ прозвался. По лѣсамъ грабилъ, въ лѣсахъ скитался — Дубровинъ, еще тоньше — Смолинъ, Кореневъ; въ горахъ разбойничалъ — Горкинъ, на острову Ангары пойманъ — Островскимъ назвался. Очень сердитаго Варваровымъ прозываютъ; очень угрюмаго Несмѣяновымъ; очень веселыхъ Валалаевыми, Скавочниковыми, Пѣсенниковыми, Балагуровыми. Также часто встрѣчаются: Дожечки, Новоженовы, Новограблевые, Монетчиковы, Денежяны, Переплеткины, просто Гришкины и просто Солдатовъ, Неспособный, Табновъ и проч. и проч. Однако, здѣсь то различіе отъ общепринятыхъ русскимъ и сибирскимъ народомъ прозваній, что таковыя чаще берутъ на себя сами бѣгле (а не даютъ сосѣди), берутъ по первому вдохновенію, но не безъ скрытаго желанія насмѣши надъ допросчиками и сыщиками; приходятъ и съ заранѣе надуманными прозвищами, но опять-таки не безъ скрытаго хвастовства своими доблестями, хотя бы на этотъ разъ в злодѣйскими: арестанты — какъ извѣстно — народъ страшно тщеславный и въ высшей степени хвастливый. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что пойманные совсѣмъ въ располкъ, и не находчивые сказываютъ и просятъ писать себя просто «непоминащими» (такими фамиліями испешренны сыскныя статья и слѣдственныя бумага). Нѣкоторые (и это также въ большомъ употребленіи) прозываются именами, получившими на каторгѣ извѣстность своего рода; такъ прозываются они по фамиліямъ знаменитыхъ сибирскихъ бродягъ и разбойниковъ: Горкиными, Атрѣлковыми, Дуброваными. Палачи, напр., выбираемые преимущественно изъ бродягъ, — на большую часть Бархатовы, ибо былъ-де такой знаменитый вкриворотый палачъ въ Москвѣ Бархатовъ, человекъ суровый и домовитый (словно просоленный былъ), самъ въ свою очередь — вѣроятно придумавшій себѣ фамилію также ради остраго слова,

хотя и не совсѣмъ удачно (ибо-де «гладиль не бархатомъ, а тебеъ ему, криворотому чорту, вѣать на томъ свѣтѣ всю жисть»).

Такимъ образомъ коренные бродяги, завашивающіе свои прирѣженныя прозвища и отеческія имена, для насъ поучительны и въ томъ отношеніи, что прикрываютъ своимъ званіемъ многія изъ тѣхъ преступленій, которыя нѣтъ возможности не только Сибири, но и Россіи опредѣлить по сословіямъ съ нѣмецкою аккуратностью и вообще съ европейскою точностію. Но по бродягамъ и по главнымъ свойствамъ ихъ ремесла и званія не предстоить большаго труда выдѣлать тѣхъ изъ нихъ, которые вырабатываются уже совершенно по европейскимъ образцамъ и начинаютъ увеличиваться въ количествѣ по мѣрѣ развитія городовъ со всѣми привилегіями и недостатками этихъ многочисленныхъ сходбищъ и стойбищъ людей различныхъ свойствъ, требованій и воспитанія.

Передъ нами: бродяги, люди безъ призванія, неизбѣжные ни извѣстнаго жилища, ни средствъ къ существованію, которые не заняты ни ремесломъ, ни промысломъ. Этотъ первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ, встрѣчающійся, какъ неизбѣжное явленіе, вездѣ тамъ, гдѣ производится nepозволятельная и запрещенная закономъ торговля, гдѣ существуетъ преступная промышленность,—то прозябеніе, которое получаетъ матеріалы для питанія въ большихъ городахъ. Такого сорта бродяги и рождаются неизбѣжно въ той части населенія, которая растетъ и прозябаетъ въ этихъ большихъ городахъ и, по причинѣ непрочныхъ средствъ къ существованію, впадаетъ въ крайнюю нищету. Сюда входятъ и взрослые и тѣ оборванныя, дѣти, которые лишены родителей или покинуты ими, — дѣти, которые, оставаясь безъ отцовскаго крова, вертятся на бойкихъ мѣстахъ главныхъ улицъ, на площадяхъ и бульварахъ Парижа и Лондона, стали появляться и въ нашихъ Москвѣ и Петербургѣ въ увеличивающейся прогрессіи. Они живутъ плодами своей навязчивости, милостивей или мелкимъ воровствомъ, и у насъ въ столицахъ начинаютъ всрѣдка собираться въ воровскія шайки.

У настоящихъ городскихъ бродягъ нѣтъ ни очага, ни угла, но они обычные и всегдашніе хозяева тѣхъ зловонныхъ и несчастныхъ вертеповъ, которые открыты для всѣхъ приходящихъ и помѣщены, по большей части, во всѣхъ большихъ домахъ, окружающихъ самыя большіе рынки (каковы Сѣнная съ домомъ Вяземскаго въ Петербургѣ и Лубянка съ домомъ Шипова въ Москвѣ). Отсюда эти бродяги — погнѣбшія прозябенія большихъ городовъ, люди, занятые единственно настоящимъ днемъ, стекаются и толпятся на толкучкахъ, чтобы тамъ легкимъ промыш-

слозь (въ Европѣ легкой и ничтожной услугой) добыть себѣ хлѣбъ и мѣдную монету на приварокъ или горячее и горячительное, — и то только на насыщенный день. Вездѣ, гдѣ частная благотворительность раздаетъ милостыню, бродяги эти, въ видѣ нищихъ, являются въ полномъ составѣ: будутъ ли то церковныя паперти въ торжественные дни или крыльца и дворы купеческихъ и барскихъ домовъ во время похоронъ или поминковъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что частная благотворительность старается выбрать иногда для своихъ подаеній такія мѣста, гдѣ по преимуществу привыкли собираться бродяги, и, желая быть тароватой и искренней, благотворительность умѣетъ сдѣлаться такимъ образомъ вредной и даже преступной. Бродяжество рѣдко остается въ собственныхъ своихъ границахъ, не всегда въ сосѣдствѣ съ нищенствомъ и воровствомъ — его неизбѣжными спутниками и естественными помощниками. Мелкое воровство — единственный выходъ для бродягъ и прямая опора для бродячества. На средства, добытыя этимъ ремесломъ, бродяги умѣютъ поддерживать новобранцевъ и трусливыхъ, закрѣпляя, такимъ образомъ, артельныя связи и подерѣпляя общій законъ, въ силу котораго легкость добычи уничтожаетъ въ бродягахъ понятіе о цѣнности и важности въ городской жизни денегъ. Бродяги тратятъ ихъ съ необузданною расточительностью и съ поразительною быстротою; безграничное пьянство становится ихъ прямымъ наслажденіемъ и, при благоприятныхъ новодахъ, превращается въ жизненную цѣль, для которой предѣлъ заключается въ смерти. Всѣ мѣста общественныхъ собраній, народныхъ сходокъ — для нихъ мѣста поживы. Беспорядочная жизнь ихъ составлена изъ двухъ половинъ: одна часть принадлежитъ занятію ремесломъ (дневная), а другая — игрѣ и пьянству (ночная). Игра и пьянство — двѣ страсти, соперничающія между собою въ жизни этого погибельнаго класса людей. Онѣ обѣ творятъ съ ними изумительныя превращенія: възъ легко-одѣтыхъ, большею частью, оборванныхъ, они въ нѣсколько часовъ становятся почти совершенно голыми, и только это послѣднее обстоятельство способно останавливать отъ выхода на промыселъ, страсть въ которому превращается въ нѣкоторый родъ хронической болѣзни. Лѣтомъ они живутъ подъ открытымъ небомъ; зимою — въ самыхъ грязныхъ притонахъ подозрительныхъ домовъ; они, впрочемъ, привыкли спать и на голыхъ камняхъ, когда не счастливитъ добыча; привыкли и голодать, и умѣютъ принаравливать ко всякаго рода нуждамъ и лишениямъ. Бродяжество, соединенное съ воровствомъ, до такой степени сильно-затягивающее въ себя болото, что люди, попавшіе въ него,

рѣдко биваютъ способны освободиться. Возвращаемые изъ осѣдлости тѣми или другими случайными способами, они десять — двадцать разъ покидаютъ родительскія семьи и хозяевъ, чтобы снова удариться въ бродяжество, пуститься на воровство. Они снова шарятъ въ чужихъ карманахъ, высматриваютъ слабыя мѣста въ чужихъ квартирахъ; снова истрачиваютъ добытое и собственныя силы только на наслажденія, ради ихъ продавая и носильное платье и все, что продать можно. Таково самопроизвольное, свободное бродяжество взрослыхъ, но существуетъ и вынужденное — для дѣтей. Отецъ-ремесленникъ истощаетъ работою своего сына, хозяинъ-мастеръ, принавший изъ деревни мальчика, не кормитъ его до тѣхъ поръ, пока ученикъ не исполнить заданнаго урова, тяжелого и для взрослога работника, сурово наказываетъ, больно бьетъ, общается прогнать назадъ свиной пасти: взмученный мальчикъ бѣжитъ и изъ родительскаго дома, и съ хозяйской квартиры, вагъ съ каторги.

Разумѣется, бродяжество, нищенство, даже воровство — только печальныя послѣдствія, вынуждаемыя законами необходимости...

Совершенно особенномъ отъ всѣхъ указанныхъ нами видовъ бродячества, въ подчиненіи собственнымъ законамъ, стоитъ другое явленіе въ народной жизни, на которое указываютъ сибирскія табели, усчитывающія сосланныхъ за бродяжество. Въ группахъ настоящихъ бродягъ большая половина принадлежитъ тѣмъ, которые сказались непомнящими родства и въ сущности вовсе не таковы, чтобы можно было оставить за ними прозваніе бродягъ и считать ихъ опасными и тѣмъ болѣе преступными людьми. Это — самовольные переселенцы, ушедшіе обмѣнять неблагодарныя мѣста родины на лучшія, безъ дозволенія начальствъ, но по принужденію многочисленныхъ обстоятельствъ, неблагоприятныхъ осѣдлости. Они упорно отказались объявить свое званіе и имя, чтобы отнять возможность пересылки, этапнымъ способомъ, туда, гдѣ все для нихъ кончено, но, подъ охраною закона, получить право на осѣдлость тамъ, гдѣ и по слухамъ и по пословицѣ: «хота и не растутъ яблони, но люди не мрутъ съ голода». Большія толпы людей, ссылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество, тѣ переселенцы, у которыхъ отнято право добровольнаго выбора мѣста внутри Россіи и замѣнено способомъ принудительнаго переселенія и казенныхъ приемовъ подъ видомъ ссылки на поселеніе въ Сибирь. Имъ не удалось довести своего предпріятія до конца (они пойманы во время самой работы) и, вмѣсто того, чтобы воспользоваться плодами своихъ исканій, этотъ разъ принуждены видѣть свое дѣло испорченнымъ. Имъ указано вести его съ начала при всѣхъ неудобствахъ ссылки и невыгодахъ

принудительнаго поселенія. Ихъ признали за виноватыхъ, называли преступными; ихъ сослали въ Сибирь за бродяжество, но за нихъ историческое право, недопускающее преступности въ этомъ характерномъ явленіи нашего отечества.

Въ Россіи характерныя формы народныхъ передвиженій, называемыхъ въ наши времена бродяжествомъ, прошли черезъ всю историческую жизнь народа, подъ благопріятнымъ вліяніемъ временъ удѣльно-вѣчеваго періода, и сохранились какъ живое и неизбѣжное начало даже и на то время, когда ковалось Московское государство, медленно и ошупью добираясь до началъ государственныхъ, неблагопріятныхъ этому безконечному и безпрерывному шатанью изъ края въ край, изъ одной области въ другую. Когда изъ Москвы начали высылать ограниченія этому народному передвиженію и думали остановить народныя стремленія «брести врозь» — явилась русская Сибирь, обязанная своимъ бытіемъ именно этому стѣсняемому свойству, неразрывно слитому со всѣми другими свойствами, и тѣмъ людямъ, которые назывались сначала *вольными*, потомъ получили прозваніе *гулящихъ* и наконецъ названы *бродягами*. Вольные люди до Ивановъ московскихъ, гулящіе при нихъ до Петра, бѣглецы при немъ и бродяги послѣ него до нашихъ дней — все одни и тѣ же представители кореннаго народнаго свойства, стремившагося осилить и оживить тѣ обширныя равнинныя пространства, на которыя набрелъ народъ русскій и которыя легли недолимымъ соблазномъ передъ народомъ, успѣвшимъ сознать самого себя и собственныя силы. Бродяжество несло государству громадныя выгоды и было однимъ изъ правильныхъ и законныхъ явленій.

Новгородскіе бродяги — вольные люди, уходившіе изъ Новгорода и его волостей въ силу общаго народнаго настроенія на торговлю и промыселъ или выгоняемые смутами и неурядицей, — эти вольные люди населяли весь сѣверъ Россіи, и въ странствіяхъ, придерживаясь рѣкъ, этимъ бродяжествомъ своимъ съумѣли оживить самыя отдаленныя страны, каковы закамскія и сибирскія. Избравъ привольное любое мѣсто, эти вольные люди копали на св. Софію (а потомъ и на государя московскаго) слободы изъ такихъ же вольныхъ людей, бродягъ, извѣстныхъ на старинномъ языкѣ подъ именемъ *прибылыхъ людей*. Въ предѣлахъ Россіи они устояли подъ защигою частныхъ собственниковъ, сальныхъ капиталомъ и вліяніемъ и являвшихся на помощь къ нимъ или въ видѣ частныхъ лицъ служивыхъ людей, или въ формѣ общинъ, каковы монастыри. Въ предѣлахъ Сибири тѣ же промышленныя поселенія устояли подѣ защитою

остроговъ и подъ охраною тѣхъ бродягъ, которые назывались въ Старой Россіи казаками.

Далеко потомъ, когда уже окончательно установилось Московское государство, когда тотъ элементъ, который порождалъ на Руси казачество, быстро и свободно заселялъ украины, приобрѣлъ государству много новыхъ земель и земельцъ, покорилъ много непокорныхъ народовъ и уступчивыхъ народцевъ, когда этотъ древній элементъ народнаго духа вмѣненъ былъ народу въ преступленіе, прежніе вольные люди названы были гулящими людьми, но бродяжество еще продолжало руководить народнымъ инстинктомъ. Инстинктъ этотъ сказывался отысканіемъ новыхъ мѣстъ, лучшихъ, прибыльныхъ, привольныхъ. Это исканіе какой-то обѣтованной земли руководило народомъ долгіе годы потомъ; живеть оно въ немъ и теперь, даже и послѣ полутора-ста-лѣтняго существованія законовъ, вмѣняющихъ народу «бродяжество» въ преступленіе. Оно, подъ разными формами и именами, пережило и послѣднія полтора столѣтія, самыя трудныя для его жизни, но представляющія тѣ же питательныя средства, какими богата была древняя Русь и не бѣдна новая. Теперь, когда казалось бы, такъ прочесть и надеженъ государственный строй, добровольный переходъ съ худыхъ мѣстъ на лучшія, не кончая своей исторіи, ведеть ея повѣсть съ такими же подробностями, хотя уже не такъ смѣло и открыто, но такъ же примѣтно и настойчиво.

Одинъ ничтожный, неопредѣленный слухъ, распущенный какими нибудь бродягами (обыкновенно солдатами-дезертирами, нерѣдко бѣглыми помѣщичьими людьми и крестьянами), достаточно силенъ былъ для того, чтобы поднимать съ мѣста сотни и тысячи осѣдлаго населенія и вести ихъ въ неизвѣстность, въ какую-то призрачную дальнюю обѣтованную землю. Такъ было это въ 1825 году съ помѣщичьими крестьянами 20 губерній, между которыми Пензенская, Симбирская и Саратовская поступились значительнымъ количествомъ своего населенія, выступившаго на «новую линію» и дошедшаго уже до предѣловъ Уральскаго войска съ цѣлю разнскать расхваленную и благодатную рѣку — Дарью. Въ 1847 году большая часть Витебской губерніи двинулась въ Петербургу, и уже подъ Порховымъ остановлена была вооруженною силою. Сколько разъ подобныя же слухи повели и поднимали большія массы народа въ другихъ многихъ губерніяхъ, какъ случалось, напримѣръ, во Псковской, Новгородской, Воронежской, Курской, Кіевской, Могилевской, Подольской и проч. Старательно преслѣдуя всѣ подобнаго рода движенія и народныя заявленія и сурово устраняя ближайшія причи-

ны, — преслѣдователи оставляли въ почвѣ корни, изъ которыхъ одинъ вырванъ недавно великимъ актомъ освобожденія отъ крѣпостнаго состоянія; другіе корни остались въ почвѣ. Малоземелье въ хлѣбородныхъ южныхъ мѣстахъ, неурожаи, нерѣдко преслѣдующіе изъ года въ годъ въ мѣстахъ лѣсныхъ и болотистыхъ, до сихъ поръ, вмѣстѣ съ другими причинами, даютъ этимъ скрытымъ корнямъ питательные соки въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы не считать корней заглушенными и засохшими.

Съ поразительною очевидностію Сибирь ежегодно убѣждается въ томъ, что наибольшее количество ссылаемыхъ за «бродячество» являются изъ южныхъ губерній степной полосы Россіи; средняя цифра принадлежитъ внутреннимъ губерніямъ средней полосы (въ большей мѣрѣ подмосковнымъ, въ меньшей — западнымъ); самая малая, сравнительно ничтожная, цифра падаетъ на сѣверныя губерніи и остзейскія. Сильное на югѣ народное переселеніе слабѣетъ въ центрѣ и уничтожается на сѣверѣ; оно, какъ бы набалованное условіями теплаго климата и продолжительностью благоприятныхъ временъ года, ослабѣваетъ, истощаясь въ своихъ силахъ, при близости полярныхъ холодовъ и пропадаетъ въ непроходимыхъ, темныхъ и ненаселенныхъ лѣсахъ сѣвера, на топкихъ и скудныхъ тундрахъ и болотахъ его. Приволье степей увеличиваетъ его размѣры и, расширяя пути, даетъ готовые тропы; непривѣтливость сѣверныхъ лѣсовъ заслоняетъ эти пути, теряющіеся въ непроходимыхъ чащахъ, и заматаетъ снѣжными сугробами тѣ дороги, которыя легко улаживаются въ любомъ мѣстѣ въ степи. Условія народной жизни измѣнились; примѣненіе труда и народныхъ силъ приняло другое направленіе, противоположное тому, за которымъ до сихъ поръ слѣдила исторія.

Во времена отъ насъ далекаго, когда южныя степи оберегались воинственными кочевниками восьми наименованій, разбиравшими и разрушившими жизнь русскихъ славянъ на югѣ, вся сила движенія направлена была въ противоположную сторону, на сѣверъ. Въ первобытныхъ, непочатыхъ лѣсахъ его виѣдрилися два богатыря: Москва и Новгородъ. Когда первой удалось притянуть къ себѣ всѣ разрозненные, но однородныя части и составить сильное цѣлое, второй уже успѣлъ осилить новыя препонны и далъ народному движенію новое направленіе на востокъ въ Сибирь. На сѣверѣ отъ степей продолжала укрѣпляться и сосредоточиваться русская жизнь, поразительная своей самобитностію и изумительная по необычайнымъ успѣхамъ колонизаціи. Больные люди искали новыхъ земель и оживляли трудомъ своими тѣ, которыя удалось занять при содѣйствіи собственныхъ

общинамъ или по призыву богатыхъ собственниковъ, между которыми въ ряду колонизаторовъ очутились даже монастырскія общины, и при томъ оказались самыми способными, опытными и такими, къ которымъ охотнѣе приставали прежніе вольные люди. Частное право перехода отъ одного владѣльца къ другому, болѣе выгодному, съ неплоднхъ земель на плодородныя стало на сѣверѣ изъ обычнаго права — народнымъ, вошло въ послѣдующія узаконенія, служило народу выходомъ на несчастные случаи, неблагоприятные осѣдлости. Суровый климатъ и неблагоприятная почва, встрѣтившіе пришельцевъ неводами повальныхъ болѣзней и частыхъ голодовъ отъ неурожаевъ, закрѣпили за народомъ право перемѣнять мѣсто, какъ право естественное. Къ негостепримной странѣ и благодарнымъ займищамъ и урочищамъ народъ могъ примѣняться на время, но не былъ въ состояніи примириться навсегда. Побѣжденные природою и желавшіе пользоваться естественнымъ, человѣческимъ правомъ свободы уходили на призывъ хвастливого и тароватаго, равнымъ образомъ снимались и съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ земля не давала надежныхъ всходовъ и гдѣ прошла война, сопровождавшаяся, по обычаю тѣхъ временъ, страшными опустошеніями и грабежами. Населеніе, оживлявшее лѣса и боровшееся со всѣми препятствіями, встрѣченными въ нихъ, продолжало находиться въ постоянномъ движеніи, кочевало по тому же способу, какъ и тѣ аборигены страны, которыхъ вытѣсняли они съ лучшихъ мѣстъ. При отсутствіи границъ въ землѣ русской, это скитанье по лѣсамъ было безконечнымъ и вело народъ къ какому-то осѣдлому кочевью, «гдѣ — по словамъ одного изъ историковъ нашихъ — всякая осѣдлость казалась временною, а всякій переходъ совершался осѣдлости ради». Такимъ образомъ самое завоеваніе такъ же кочевало, какъ и племена, но завоеваніе на этотъ разъ увѣчалось тѣмъ успѣхомъ, что вся громадная лѣсная равнина осталась за восточнымъ славянскимъ племенемъ. Здѣсь, въ предѣлахъ этой равнины, главнымъ образомъ сосредоточивалось это кочевье осѣдлаго народа и находилось въ полномъ разгарѣ, казалось безконечнымъ даже и на то время, когда Московскому царству повзалося оно и несвоевременнымъ и вреднымъ. Годуновскій указъ о прикрѣпленіи народа къ той землѣ, на которой кого засталъ указъ, оказался только сильною попыткою остановить народныя стремленія перемѣнять мѣста подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, отъ той или другой причины, которыя на времена первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ оставались тѣ же. Число пришлыхъ людей на первое время уменьшилось, но предѣлы расширились приобрѣтеніемъ новыхъ странъ

и очисткою хлѣбородныхъ и соблазнительныхъ степенъ отъ элементовъ, до сихъ поръ сдерживавшихъ стремленія русскаго народа въ эту сторону. Не сильное въ началѣ, но такое же устойчивое и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, такое же неуступчивое ни къ какимъ препонамъ, народное передвиженіе заручилось новыми поводами, выразившимися въ крутыхъ и суровыхъ преслѣдованіяхъ за старую вѣру, и за новыя религіозныя толки. При второмъ изъ Романовыхъ царѣ Алексѣе народное движеніе, вызванное новыми невзгодами, стремилось и по старымъ тропамъ на востокъ въ Сибирь, бросалось и въ обратную на сѣверъ къ шведскимъ рубежамъ, кидалось въ отчаяніи и по новымъ саротскимъ дорогамъ на донскія и приволжскія степи, искало помощи и защиты и на западѣ за рубежомъ литовскимъ. Какъ до сихъ поръ Новгородъ стремился на востокъ, такъ теперь Москва устремилась и на югъ и западъ, куда ни пошло.

Въ такомъ броженіи народномъ принялъ Россію Петръ, думавшій установить государственныя законы по опытамъ и образцамъ Европы, но въ этихъ стремленіяхъ счумѣвшій дать народу новыя поводы къ протесту противъ нововведеній. Тѣмъ же бѣгствомъ въ разныя и дальныя стороны отвѣтилъ народъ на указъ Петра о ревизіи, на послѣдующіе указы его о рекрутствѣ, на преслѣдованія за старую вѣру, на прикрѣпленіе къ заводамъ и на тяжелыя непривычныя работы и проч. Расширеніе владѣльческихъ правъ подъ именемъ крѣпостнаго права, сурово выразившееся при Аняѣ и достигшее своего полного апогея при Екатеринѣ II, дало новыя питательныя соки народному стремленію къ перемѣнѣ мѣста. Народъ бѣжалъ и отъ второй ревизіи при Елисаветѣ, и отъ рекрутства, обратившагося въ государственныя принципы, отъ рекрутства, затрогивавшаго самыя чувствительныя семейныя узы въ самыхъ здоровыхъ звеньяхъ и узлахъ. Отъ нерѣдкихъ и всегда неожиданныхъ хозяйственныхъ кризисовъ народъ также по прежнему спѣшилъ подниматься съ насиженнаго, но неблагоприятнаго мѣста и шелъ искать приволья и счастья тамъ, гдѣ укажутъ ему старинныя преданія или сегодняшній заманчивыя слухъ, пущенныя какимъ-нибудь доброхотомъ. Таковыя порядки достались въ наслѣдіе и нашимъ временамъ, уничтожившимъ въ крѣпостномъ правѣ одно изъ золъ народныхъ и готовящимся въ уничтоженію другихъ, служащихъ причиною крупныхъ народныхъ передвиженій.

Какъ вѣкогда Сибирь была для народа тою обѣтованною страной, гдѣ бабы бьютъ соболей коромыслами, такъ потомъ, когда народъ распозналъ, что и въ Сибири тоже солнышко свѣтитъ, ханаанъ его сталъ въ степяхъ, сначала оренбургскихъ,

потомъ новороссійскихъ. Въ настоящее время онъ ждетъ новыхъ указаній, но частіи не останавливаетъ своихъ стремленій по звачомымъ, старымъ тропамъ. Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что съ половины прошлаго вѣка опредѣлительно высказался переливъ населенія съ сѣвера на югъ, и мы во всякомъ случаѣ переживаемъ то время, когда эта народная работа еще не доведена до конца, народъ еще не кончилъ своей роли, не вмѣнилъ своему призванію, какъ колонизатора. Какъ прежде ни запретны указы царей и сената потомъ, ни напряженны усилія прежнихъ сыскныхъ и послѣдующихъ воинскихъ командъ во клани препонъ, такъ и теперь не сильны ручательства тому, чтобы народъ отказался отъ той миссіи, которую выдержалъ онъ съ такимъ успѣхомъ и которую осозательно выразилъ въ стремленіяхъ къ обладанію Азіей. Временные кровавые уроки народъ скоро забываетъ, но наболѣвшее мѣсто продолжало по прежнему жить въ народномъ организмѣ и сказываться при первомъ, даже легкомъ, уколѣ. Способъ леченія посредствомъ такъ-называемой паспортной системы — какъ всѣмъ и давно извѣстно — не имѣетъ никакого успѣха, а огромная корпорація старообрядцевъ приняла паспортъ за печать антихриста.

Къ концу этой борьбы за право существованія на влюбленномъ и сытомъ мѣстѣ, съ одной стороны, и за право взиманія податей и разнаго рода сборовъ, съ другой—стало ясно теперь, что народныя переселенія устремились въ противоположную сторону. Сѣверъ, нѣкогда сильный огромными городами и богатыми селами, громкій торговлей въ далекихъ заморскихъ странахъ, ватихъ, обѣднѣлъ и пустѣетъ. Оставшимся на немъ и послѣднимъ досталось въ наслѣдство кое-какіе слѣды богатства предковъ, которое любяло, между прочимъ, выражаться въ большихъ и богатыхъ церквахъ, и выразилось во множествѣ ихъ и въ томъ, что при обиліи лѣснаго матеріала, церкви эти выстроены изъ дорогаго матеріала каменнаго. Стоять еще и до сихъ поръ: нѣкогда великій Новгородъ при 18 тыс. жителей съ 12 монастырями и 50-ю церквами, Вологда, куда думалъ Грозный царь перенести столицу свою изъ Москвы, — теперь съ двумя монастырями и 50 церквами на 19 т. жителей, Кострома съ 85 церквами и 2 монастырями на 21 т. жителей, Ростовъ ярославскій съ 24 церквами и 4 монастырями на 10 т., Угличъ съ такимъ же числомъ церквей и 2 монастырями на 11 т., Владиміръ (Залѣсскій) съ 30 церквами на 13 т. жителей, Костромской Галичъ съ 16 на 5 т., Устюжна съ 17 на 6 т., Юрьевецъ съ 17-ю церквами на 2 $\frac{1}{2}$ т. Въ Новгородѣ двѣ тѣ монастыри, которые находились въ чертѣ самаго города, лежатъ теперь въ 3 и 7 верстахъ отъ него; въ Холмого-

ракъ тѣ Матигоры, на которыхъ жилъ воевода, отстоятъ на 5 верстъ отъ этого города, в теперь протянувшася на три версты и соблюдающаго 6 церквей на 1,200 душъ самаго бѣдлага люда. 24 церкви, большія, каменныя и старинныя, сохраняеть другой, древній и торговый городъ Каргополь съ двухтысячнымъ теперь населеніемъ, въ которомъ такимъ образомъ на 80-ти человекѣхъ лежитъ обязательство поддержки дѣлаго причта и одной церкви. Какъ новгородчина (колонизаціонное вліаніе которой ограничивается на югѣ Волгой) поступила съ своимъ народомъ для Сибири, гдѣ два города выросли до двадцатитысячнаго населенія, а селенія стали похожими величиной на города, такъ точно московскіе люди выстроили такіе большіе города, какъ Воронежъ (40 т.), Саратовъ (84 т.), Харьковъ (45 т.) и Астрахань (45 т.) на югѣ, и разбрелись въ такомъ волнествѣ, что у себя, дома, оставили воспоминаніе о многихъ городахъ только въ бѣдныхъ селахъ и пустыхъ урочищахъ. Когда понадобились Екатеринѣ города въ селахъ, почти ни одно изъ нихъ не дошло и до нѣкотораго подобія этихъ твореній нѣмецкаго изобрѣтенія, но не русскаго дѣла. Между тѣмъ, во времена этой же императрицы, опиравшейся на завоеванія Потемкина, новороссійскія степи открылись для русскіхъ людей, и стремленіе народа на югъ выразилось въ самыхъ очевидныхъ и крупныхъ формахъ. Населеніе сгумѣло здѣсь сосредоточиться въ городахъ съ такой быстротой, которая по истинѣ поразительна: Волжскъ съ 1781 года выросъ въ городъ съ 26 тыс. жителей; Екатеринославль, заложенный въ 1786 г., имѣеть теперь 14 тыс. жителей, Херсонъ съ 1778 г. возросъ до 41 тыс. Изъ крѣпости св. Дмитрія (1749 г.) выросъ на Дону городъ Ростовъ съ 30 тыс. населенія; изъ бѣдныхъ татарскихъ деревушекъ стали такіе города, какъ Таганрогъ (1770 г.) съ 25 т., Николаевъ (1791 г.) съ 40 тыс. и Одесса съ 119 тысячами. Въ 1837 году деревушка, превратившаяся въ городъ Бердянскъ, имѣеть теперь 11 тыс. жителей; городъ Еяскъ, выросшій въ 1849 году прямо въ степной глуши и принявшій названіе отъ рѣчонки, являетъ изъ себя теперь городъ съ 20-ти-тысячнымъ населеніемъ. Воронцовъ принималъ бѣглыхъ за пришельцевъ и, подобно де-Геннингу (основателю Екатеринбургa), умѣлъ дѣлать изъ опасныхъ людей безопасныхъ и полезныхъ, въѣдряя ихъ на пусто-порожныхъ богатныхъ черноземныхъ земляхъ юга.

Такой обмѣнъ и переливъ народныхъ силъ, устремившихся изъ лѣсовъ въ степи, съ сѣвера на югъ, сгумѣлъ до нѣкоторой степени послужить причиной къ тому, что многія цивилизующія начала, прилагаемыя по европейскимъ образцамъ, до сихъ поръ

не имѣють успѣха, въ особенности по отношенію къ введенію такъ-называемой паспортной системы. По самому существу колонизаціи, та же причина выразилась въ неправильномъ распредѣленіи народныхъ силъ, которыя успѣли во многихъ мѣстахъ развѣстяться такъ, что перешли черезъ край, выяснились тѣмъ же закономъ малоземелья и высказались прежнимъ желаніемъ народа переселиться дальше на новыя мѣста. Въ наше время на призывъ на вновь приобрѣтенныя земли, наравнѣ съ нѣкоторыми изъ лѣсныхъ губерній (каковы Вятская, Пермская, Мусювская и Владимірская), вызываются охотники изъ степныхъ (каковы Орловская, Самарская, Тамбовская, Воронежская и Кіевская). Такъ случилось это при заселеніи Амура и сказывается въ призывѣ въ Крымъ и на Кавказъ. Въ то же время не перестаетъ народное передвиженіе въ прежнемъ направленіи на червоземныя степи и черезъ нихъ: подъ названіемъ «самовольно зашедшихъ» изъ губерній, бѣдныхъ поземельнымъ надѣломъ, являются въ русскихъ степныхъ и южныхъ губерніяхъ эти остаточные служители древняго русскаго начала, представители отживающей, но еще живой силы народнаго духа. * Менѣе находчивые изъ нихъ возвращаются по этапамъ на родину; болѣе твердые въ своихъ намѣреніяхъ, для которыхъ опустылиа родина, закрываютъ на всегда обратный путь въ нее, сказываясь «ничего не знающими» и прикрываясь именемъ «непоминащихъ родства». Эти люди терпятъ заточеніе, подвергаются суду, получаютъ отъ него наказаніе. Зная, что за упорное заирательство въ показаніяхъ законъ сулитъ имъ замѣну добровольно избранныхъ мѣстъ на ссылку на поселеніе, люди эти, настойчиво увѣряя въ томъ, что ничего не знаютъ и не помнятъ, идутъ въ Сибирь только для того, чтобы не возвращаться назадъ на немилую родину, съ которою успѣли окончательно разсчитаться. Въ Сибири не придется имъ установиться на мѣстѣ, тамъ снова начнутъ они бродить, но уже отъ другихъ причинъ, порождаемыхъ самою страной и способами сибирскаго поселенія (объ этомъ ниже).

Несмотря на то, что многимъ, «самовольно зашедшимъ» на югъ и по нѣсколькѣ лѣтъ не перемѣняющимъ паспортвъ, удается до несчастныхъ случаевъ укрываться на дальнихъ морскихъ рыболовныхъ ватагахъ ** (не по одному десятку лѣтъ жить со

* Отсылаемъ къ отчетамъ Мин. госуд. имущ. и его печатному органу, гдѣ числа «добровольно зашедшихъ» поразительны.

** Извѣстно, что когда приводили въ ясность число безпаспортныхъ, занимающихся рыбною ловлею на астраханскихъ водахъ, цифра изумила величиной: насчитано было такихъ людей около *пятнадцати тысячъ*! Нѣсколько

старшии видами и по знати на персидскихъ и турецкихъ водахъ), несмотря на это, число пойманныхъ и выразившихъ желаніе идти на поселеніе въ Сибирь каждый десятокъ лѣтъ, весьма значительно. Съ соразмѣрнымъ постоянствомъ цифра ссылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество ежегодно повторяется въ болѣе крупныхъ размѣрахъ въ губерніяхъ южныхъ, и при этомъ ярко выясняется тотъ законъ, что таковое переселеніе производится семьями: количество женщинъ немного уступаетъ количеству мужчинъ; слѣдовательно, предпринимается оно не ради бездѣльнаго скитанья съ мѣста на мѣсто, чтобы, на правахъ бродягъ, считаться людьми безъ призванія, лишенными предусмотрительности и энергіи и пришедшими въ то нравственное состояніе, при которомъ исчезаетъ даже тѣнь самостоятельнаго характера. Тянулись на югъ, при вѣрнопномъ правѣ, дворовые охотливѣе, и чаще всѣхъ другихъ сословія; брели въ болѣе числѣ болѣе свободные государственные крестьяне, стало быть есть вѣроятіе, что теперь сравниются съ ними въ этихъ стремленіяхъ и бывшіе помѣщичьи крестьяне, облегченные отъ пути вѣрнопнаго права. Идутъ на югъ и бѣглецы изъ Сибири (въ 20 лѣтъ выслано оттуда попавшихся и уличенныхъ 430 человекъ). *

Какъ на волжскихъ, каспійскихъ и азовскихъ водахъ еще многими охотникамъ сказывалось непомнящими родства, удалось скорониться отъ смѣлки подъ прикрытіемъ экономической необходимости и безвыходнаго положенія блюстителей закона, **

не меньше ихъ на водахъ Азовскаго моря; не считаны они на Куринскихъ рыбныхъ (Божьихъ) промыслахъ. На южномъ берегу Персидскаго залива, въ особенности на водахъ богатой рыбной рѣки Сифудъ-руды, русскіе рыбаки живутъ по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ, не принимая персидскаго подданства, но и не поддерживая особенныхъ связей съ отечествомъ.

Изъ Астрах. губ. выслано за бродяжество 838 муж. 55 ж., изъ Земли Войска Донскаго 1245 м., 214 ж. (въ 20 лѣтъ съ 1827 по 1847 г.).

** Въ известныя намъ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846 г.) число сосланныхъ въ Сибирь за бродяжество распредѣлилось въ такомъ отношеніи по южнымъ и степнымъ губерніямъ (считая мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ): 1) Стар. 947; 2) Екатер. 730; 3) Херсон. 642; 4) Полтав. 642; 5) Черниговс. 621; 6) Земл. Донск. Войска 656; 7) Кіевск. 528; 8) Таврич. 437; 9) Курск. 410; 10) Бессараб. 402; 11) Харьков. 368. По отношенію мужчинъ къ женщинамъ (мужей къ женамъ и семейству) выразились цифры въ такихъ отношеніяхъ по годамъ въ губерніяхъ:

	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846
	м. ж.	м. ж.	м. ж.	м. ж.	м. ж.	м. ж.	м. ж.	м. ж.	м. ж.
Екатериньосл.	12 21	53 21	48 17	62 17	29 41	65 47	78 87	32 41	65 44
Херсонская..	59 10	98 15	62 8	46 16	23 18	49 47	46 24	25 25	48 24
Таврическая.	25 8	18 7	26 16	37 77	20 33	32 26	33 9	14 18	21 7
Харьковская.	32 16	31 17	51 18	41 14	18 7	27 14	15 15	4 9	12 12

такъ и Россія удается отбивать много изъ тѣхъ, которые по всѣмъ признакамъ можно считать истинными бродягами въ болѣе близкомъ въ настоящему смыслу, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы разсказали сейчасъ. При всѣхъ усиліяхъ, при частыхъ и упорныхъ преслѣдованіяхъ, въ народѣ не могли искоренить живучаго начала бродячества и оно сѣумѣло проявиться въ такихъ формахъ, при которыхъ стало терпимо, очутилось виѣ преслѣдованій. Прихотливо развѣтляясь на многія отрасли, русское бродячество, въ каждомъ изъ видовъ своихъ, успѣло прикрыться благовиднымъ покровомъ и встать подъ защиту того самаго общества, которое ихъ породило, воспитало и въ отживающей и одряхлявшей формѣ охотливо покровительствуетъ вріумомъ, питаетъ и грѣетъ. Общественная оборона явилась для многихъ изъ этихъ родовъ бродячества въ такомъ вріпкомъ видѣ, что для преслѣдователей нѣтъ ни правъ, ни возможности одолѣть ловко прикрытые остатки наслѣдія отцовъ и пращуровъ. Всмотриваясь съ болшею подробностію въ различные виды скитальцевъ, мы видимъ, что многіе изъ нихъ, по разнообразнымъ вызовамъ, основали свое право на экономическихъ условіяхъ страны и представляются тѣмъ законнымъ явленіемъ, безъ котораго не полна народная жизнь. Для нихъ скитальчество — наружная форма: одни изъ скитальцевъ стоятъ подъ защитой кореннаго народнаго свойства — всеобщаго стремленія въ тагъ-называемому благотворенію; другіе прикрылись ремесломъ; для третьихъ оказался удобнымъ промыселъ; четвертые бродятъ подѣ видомъ торговцевъ, и проч.

Нѣтъ тѣхъ силъ, которыя могли бы остановить дѣлми массы народа, движимыя принципомъ религіозности и увлекаемыя къ мѣстамъ, почему бы то ни было признаннымъ народомъ за священныя. Нѣтъ тѣхъ и знаій, которыя были бы способны разграничить искреннія религіозныя побужденія съ меркантильными, чисто-коммерческими предпріятіями, только снаружи прикрытыми маскою неподдѣльнаго религіознаго чувства. Нѣтъ тѣхъ средствъ, которыя могли бы противустать наплыву массъ шарлатановъ и обманщиковъ, которые, подѣ видомъ духовнаго дѣла, ведутъ мелочную торговлю, спекулируютъ на религіозныя вѣро-

Изъ сѣверныхъ гѣсныхъ губерній выслано бродягъ: изъ Вологод. 43 (86 м., 7 ж.), Арханг. 27 (22 м., 5 ж.), Олон. 24 (21 м., 3 ж.). Эти цифры самыя меньшія; изъ Финляндіи и Царства Польскаго за бродячество не выслали; изъ Остзейскихъ губ. очень мало (изъ Курл. 48, изъ Эстляндской 12).

Самая крупная цифра по этому роду ссыльныхъ принадлежитъ губерніямъ Тобольской, Оренбургской по причинамъ, которыя мы объяснимъ ниже (въ первой собрано 2,553, изъ второй выслано 957; изъ третьей—953 чел.).

ванія такимъ же нечистымъ промысломъ и, устроивая на той и на другомъ свое личное благосостояніе, въ то же время подерживаютъ въ народѣ суевѣрія, пытаются въ немъ крупныя и многочисленныя остатки язычества. Для таковыхъ объѣтныхъ ходеній по святымъ мѣстамъ русскимъ, ближнимъ и отдаленнымъ — сдѣлались цѣлью существованія, превратились въ вѣчное движеніе, въ безконечное скитаніе, въ хроническую болѣзнь, въ промысль. Люди эти понятны народу и любезны ему: нѣтъ того мѣста въ Россіи, для котораго не было бы своего іерусалима, какаго-нибудь города или села, или рудника съ чудотворной мѣстно-чтимой иконой, съ подспудными мощами святаго подвижника и цѣлителя тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ. Объѣтное ходеніе къ такимъ мѣстамъ съ молитвою вмѣняется въ обязанность всякому, желающему получить облегченіе и отъ грѣховъ и отъ недуговъ. Восходя мыслию объ обрядномъ обязательствѣ ходенія по святымъ мѣстамъ, народъ нашъ особенно чтитъ дальнія свята мѣста. Въ мучительно-трудномъ и дальнемъ пути къ мѣстамъ этимъ онъ видитъ одинъ изъ путей къ облегченію душевныхъ скорбей и вѣроятіе достиженія блаженства въ райской загробной жизни. Вотъ почему Соловецкій монастырь, удаленный за лѣсами и болотами и поставленный среди моря «на отбѣвѣ океана», считаетъ ежегодно богомольцевъ и рубли, оставленные ими, тысячами, а путешествіе въ Сирійскій Іерусалимъ, чрезъ землю невѣрныхъ и зловѣрныхъ, считается верхомъ торжества для души, вущей земнаго споконствія. Лавры: Троицко-Сергіевская и Кіево-Печерская, непремѣнно достигаемыя пѣшымъ способомъ со вкушеніемъ всяческихъ невзгодъ, для жителя сѣверныхъ лѣсныхъ губерній (вторая) и для жителей степныхъ южныхъ (первая) приближаютъ радость утѣшенія, всецѣло доставляемую только однимъ Іерусалимомъ.

Вида въ самомъ процессѣ труднаго пѣшаго путешествія богоугодный подвигъ, задавшись мыслию и твердо стоя на положеніи, что только та молитва скорѣе идетъ къ небу, которая у самыхъ нетлѣнныхъ тѣлъ препоручена заступникамъ и угодникамъ божіимъ, народъ нашъ видитъ затѣмъ во всѣхъ странникахъ подобнаго рода счастливцевъ, божьихъ людей. Препоручая себя молитвамъ людей этихъ, народъ нашъ вездѣ, на всѣхъ пунктахъ (даже и на большихъ торныхъ дорогахъ), даетъ этимъ странникамъ бесплатный пріютъ, даровой прокормъ и деньги въ натурѣ на дальнюю путь-дорогу, и на заздравную и заупокойную просеору. Главнѣе всего съ этихъ странниковъ берутъ общаіе, приправляемое усердною просьбою, не оставлять ихъ святыми подарками на обратномъ пути, не обходить ихъ избы околь-

ной дорогой, не принесъ имъ тѣхъ освященныхъ памятковъ, какими съ избыткомъ запасаются монахи святыхъ мѣстъ и какими въ обиліи снабжаютъ они богомольцевъ. Не знаетъ того и не хочетъ знать нашъ народъ, что зачастую мимо него проходятъ въ Соловки такія артели, которыя въ прошломъ году бродили около Москвы, года черезъ два очутятся въ Кіевѣ, еще черезъ нѣсколько лѣтъ попадутъ на Афонъ и въ Іерусалимъ; не знаетъ народъ, что вся жизнь артелей этихъ проходитъ въ постоянномъ, неутомимомъ бродяжествѣ, что бродяжество успѣло опутать ихъ своими соблазнами и тенетами легкаго прѣмисла такъ, что многіе странники сами не видятъ во мнѣномъ спасеньѣ своемъ неоближнаго грѣха противъ личной совѣсти и противъ общества. Нѣтъ простому народу дѣла до того, что это — тунеядцы, что артели ихъ сбываются грѣховно и большею частію на самыхъ ворыстныхъ расчотахъ, служатъ одному изъ семи неутомимыхъ и смертныхъ грѣховъ. Нѣтъ народу нужды рѣшать такія дѣла, гдѣ замѣшалось дѣло совѣсти — самыя темныя дѣла, судить которыя народъ нашъ, по извѣковой привычкѣ, не умѣетъ и не любитъ. Охотно слушаетъ онъ потому рассказы о всѣхъ необычайныхъ явленіяхъ въ родѣ стона грѣшныхъ душъ, слышимыхъ во адѣ черезъ отверстіе въ іерусалимскомъ храмѣ, и вѣрить имъ всей слѣпотой своего ума, всею воспримчивостью своего сердца, болѣе не довѣряетъ имъ изъ страха смерти. Вѣрить народъ въ обонъ случаевъ и тому расказчику, который самъ воспринялъ все слышанное и видѣнное на свою слѣпую вѣру, и тому, который живо-привычно и медово-сладкою рѣчью хитро прерываеъ лживое безвѣріе, и выкладывая съ языка рассказы о чудесахъ, въ умѣ своемъ раскладываетъ счеты и грѣшныя соображенія о количествахъ и качествахъ денежныхъ и другихъ наградъ за повѣствованія.

На сколько слѣло въ народѣ довѣріе, производимое религиозными возбужденіями, и на сколько простосердечна вѣра, преданная разумнѣю одной внѣшней обрядности, на столько чисты въ жизни народа такія заключенія, которыя происходятъ отъ обмановъ и подлоговъ, употребляемыхъ людьми хитрыми и злонамѣренными. Сколько разъ ловила въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи наша земская полиція цѣлыя шайки бродягъ съ перламутровыми образами и крестами, съ поддѣльными частицами мощей и отломковъ отъ креста Христова, бродягъ, переодѣтыхъ въ монашеское платье и выдававшихъ себя за грековъ изъ Іерусалима или съ Афонской горы. Армяне такіе подлоги обратили даже въ особый видъ прѣмисла и коммерческаго предпріятія, основаннаго на запасѣ вещами, хорошо идущими въ

торговль: камушками разнаго вида, кусочками разнакъ деревьевъ и даже пескомъ. И сколько еще ходить по большимъ и столчннмъ городамъ такихъ странниковъ въ полумонашескомъ платьѣ, которые со смиреніемъ на лицахъ повѣствуютъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ, но сбиваются на географическихъ и другихъ показаніяхъ и потомъ ловятся въ кабакахъ, въ пьяномъ, безобразномъ видѣ и безъ всякихъ видовъ.

Огромныя толпы нищихъ покрываютъ всѣ церковныя паперты въ городахъ и селахъ, площади на базарахъ и площади на ярмаркахъ. У одиночно просившихъ милостиню нищихъ кругъ сентальчества не широкъ, ограниченный своимъ окологдомъ. У каждаго во всѣхъ деревняхъ по сосѣдству имѣются такіе семьи и семейства, которые во всякое время готовно открываютъ нищей братіи ворота и двери, открываютъ печь, принасаютъ теплое, уготованное мѣсто для ночлега и красный уголь для разсказовъ о сонныхъ видѣніяхъ и о примлченіяхъ въ сосѣдствѣ. Несить эта нищая братія худыя вѣсти съ чужаго двора, не видя и не чуя въ нихъ грѣха сплетни, не предполагая въ лицѣ своемъ ясныхъ и опредѣленныхъ чертъ неумитнаго ремесла вѣстовицы, междворницы, готовной подслужиться и семейному раздору и общественной неурядицѣ. Смиреніе, обязательное для молитвенницы, переходитъ въ грѣхъ пересуда и осужденія въ чужомъ глазу спицы, изъ легкаго ремесла становится привычкой и промысломъ, у котораго опять-таки одинъ исходъ — бродяжество, безмѣстное шатанье, безконечное кочевье. Если по смыслу пословицы: «отъ новаженнаго, что и отъ нарязаннаго отбѣю не бываетъ», то и нищенство, подпадая подъ форму бродячества, не имѣетъ на Русь конца и мѣры и въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ доходитъ до странныхъ, неожиданныхъ и крайнихъ предѣловъ. Вездѣ, гдѣ только какое-нибудь случайное возбужденіе — во имя молитвы, а встати тутъ же ради торговли — собираетъ толпы народа, сбиваетъ торгъ, базаръ, ярмарку — вездѣ, во всѣхъ такихъ мѣстахъ, нищая братія является съ неизмѣннымъ и несокрушимымъ своимъ правомъ, столько же древнимъ, какъ сама Русь. На большую часть въ бойняхъ торговыхъ пунктахъ нищія являются въ плотно-слаженныхъ артеляхъ. У артелей этихъ нѣтъ уже никакихъ цѣлей, кромѣ рассчитанныхъ коммерческихъ соображеній на промислъ горломъ и смиреннымъ видомъ. Часть заработаннаго капитала поступаетъ въ руки того слѣпца-подрядчика, который сблизъ эту кучу попрошайствъ въ артель и подобралъ голоса по давней привычкѣ и личнымъ соображеніямъ: громкому голосу при хорошей памяти вложилъ большую плату, слабій голосъ, при маломъ знаніи стиховъ и стариннъ, сблизъ мень-

шимъ наемъ. Смирненное сѣдѣніе надъ деревянной чашечкой, съ опущенными долу слѣплыми глазами поддѣлано и наведено только для базара и народа. За глазами базара оно скидается, какъ тяжелое, гнетущее бремя, и видимо-благочестивая и смиренная артель въ заговоренныхъ кабакахъ развертываетъ сдержанный базаромъ и корыстью страсти: многіе слѣпые оказываются зрячими, многіе хромые и безногіе пляшутъ трепана подъ вліаніемъ разжигающей влаги, покупаемой на сборную милостиню и истребленной въ огромномъ количествѣ. И ни одна артель не живетъ такимъ обиліемъ всяческихъ дрягъ и сваръ, ни въ одной не бываетъ такихъ ожесточенныхъ кровопролитій и такихъ темныхъ и нечестныхъ дѣлъ въ родѣ умиланія (похищенія) чужихъ дѣтей, нерѣдко сопряженнаго съ искалеченіемъ членовъ и во всякомъ случаѣ съ неизбежною порчею ихъ нравственности на полномъ просторѣ и раздолѣи этого вида бродячества. Большая часть бродягъ деревенскихъ нищихъ живетъ въ постоянныхъ круговыхъ переходахъ изъ мѣста въ мѣсто, съ базаровъ на ярмарки, съ харьковской на полтавскую, съ коренной на кievскіе контракты и проч. Живетъ этотъ родъ бродячества-промисла съ самыхъ отдаленныхъ и темныхъ временъ нашей исторіи до настоящаго дня, надежно пристроившись къ тому народному свойству, которое истекаетъ изъ религіи. Во многихъ губерніяхъ и въ особенности во Владимирской (Судогодскаго уѣзда), дѣлныя волости уходятъ нищенствовать и при этомъ побиранье Христовымъ именовъ принимаетъ форму настоящаго, правильно-организованнаго промысла, вызваннаго замѣчательнымъ бесплодіемъ почвы.

На всегдашней готовности русскаго народа къ благотворенію немущимъ, несчастнымъ и страдающимъ основалъ расколъ самую живую и дѣятельную сторону своего дѣла — дѣло пропаганды, и рассчитанно достигъ богатыхъ и счастливыхъ результатовъ. Такъ-называемые «запрошени» въ постоянныхъ переходахъ изъ мѣста въ мѣсто полагали свое общественное служеніе, какъ долгъ, радѣніе и священное обязательство общинѣ. Семенъ Уленвѣ всю жизнь свою не имѣлъ гдѣ главу приклонить, въ итогѣ имѣлъ то, что малаканство изъ тамбовскихъ деревень перекинулось на Хоперь, и съ Дону перебралось за Волгу, далеко въ самарскую степь. Кондратій Селивановъ, съ тѣмъ же странническимъ посохомъ и въ видѣ бродяги, прошелъ по черноземной полосѣ глубоко съ юга до Петербурга, посѣщая хлыстовскіе корабли и устраивая сіюсекія горниды скопцовъ. Наконецъ, изъ того же принципа бродяжничества возникъ особый видъ раскольничьей секты, извѣстной подъ именовъ бѣгуновъ или такъ-называемаго

сопѣлковскаго согласія, ревнители котораго уже въ истинномъ смыслѣ люди, неимѣющіе гдѣ главу приклонить, по религіозному принципу.

На разнообразномъ пространствѣ огромной русской земли, народныя передвиженія съ мѣста на мѣсто для отысканія средствъ къ существованію на сторонѣ, когда ихъ нѣтъ на мѣстѣ, между прочимъ, разительно высказались и въ существованіи такъ-называемыхъ отхожихъ промысловъ. Изъ нихъ нѣкоторые многознаменательны до того, что выводятъ население многихъ мѣстностей поголовно (по крайней-мѣрѣ на лучшую и здоровую часть его). Какъ промыселъ и ремесло, такъ и торговля искала примѣненія и путей для себя въ тѣхъ же переходахъ и скитаньяхъ по лицу земли русской, и она также глубоко скрыла начальныя, основныя корни свои въ давнихъ временахъ народной исторіи, и она также не стѣснялась пространствами и разстояніями. Какъ плотники и печники, шерстобиты и шубники уходять въ глубь Сибири, такъ нѣкогда ковровскаго и вязниковскаго ходебщика-офеню видали за австрійской границей и считали сотнями за Кавказомъ и за Ураломъ, десятками на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ государства, каковы прибрежья Бѣлаго моря и смыльныя мѣста Забайкальскаго края. Съ коробкомъ за плечами, съ аршиномъ въ рукахъ, офеня-разнощикъ почти круглый годъ (отъ середины одной макарьевской ярмарки до начала ея въ слѣдующемъ году) бродитъ изъ села въ село, съ людскаго базара и малаго торжка на большую и бойкую ярмарку. Шерстобиты ходять съ мѣста на мѣсто всю зиму; коноваламъ половину зимы и весну, и проч. Хотя кое-какія частныя распоряженія, и, наконецъ, самое время и ежедневныя измѣненія экономическаго быта, съ проведеніемъ шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, ослабили то святальчество торговли, тѣмъ не мѣнѣе, оно производится еще и теперь, хотя и примѣтно въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Офени приврѣплены къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сосредоточивали они главнымъ образомъ свою торговлю, и бродять уже только по околицамъ срединнаго пунта, но за то ярославскіе салфеточники носятъ еще по петербургскимъ и московскимъ домамъ свои полотна и полотенца, а тверскіе и буевскіе гребенщики подають еще свой козлиный голось на столычнхъ дворахъ и улицахъ. Отхожіи промыслы въ столицы имѣють, сверхъ невыгодъ долговременныхъ отлучекъ для нравственности семей, еще ту особенность, что пріучаетъ сельскаго жителя къ городской холостой жизни, несомнѣнно вліяющей прямымъ и косвеннымъ образомъ на развитіе преступленій «противъ правъ семейственнаго состоянія».

Не видать уже теперь въ такомъ множествѣ тѣхъ цыганскихъ таборовъ, которые, съ разломанными кибитками, со рваными, одѣтыми въ лохмотья женщинамъ, съ полуголыми ребятишками и съ краденными лошадьми, во множествѣ становились въ окрестностяхъ уѣздныхъ городовъ и большихъ торговыхъ селъ. Рѣже (и то только въ сѣверныхъ и среднихъ мѣстахъ Россіи) видятся теперь эти бродяги изъ индейскаго племени, женская половина которыхъ занималась ворожбой и кражей куръ и бабьяго тряпья въ то время, когда мужья пускались на плутовской обмѣнъ краденыхъ лошадей. Тѣ и другіе отслужили свою достославную службу шаловливому бездѣлю помѣщиковъ и чиновниковъ, умѣвшихъ тратиться и пьянствовать подъ обаяніемъ дивныхъ пѣсень и удалыхъ плясокъ. На пятьдесятъ лѣтъ назадъ ушли для бессарабскихъ цыганъ тѣ времена, когда они, своими таборами, какъ бы татарскими ордами, осаждали молодые города Новороссіи (напримѣръ, херсонскій Елисаветградъ) и высылали изъ лагеря въ городъ пословъ съ требованіями денегъ и имущества и съ угрозами смерти и пожара, на случай отказовъ. Тамъ, по всему югу и даже на западѣ (по Бѣлороссіи), цыгане—еще при старыхъ правахъ бездомныхъ снятальцовъ.

Цѣль и размѣръ настоящей статьи не позволяетъ намъ уходить дальше; всѣ видоизмѣненія отхожихъ и бродячихъ промысловъ дали намъ возможность приготовить объ этомъ предметѣ отдѣльное сочиненіе.

С. Мавоимовъ.

Тяжелая, мучительная дума
Гнететъ меня. Вездѣ она со мной,
Въ толпѣ ли я, средь говора и шума,
Иль одинокъ, брожу въ тиши лѣсной.
И шепчетъ все невѣдомый мнѣ голосъ:
«Жизнь прожита! Смотри, въ твоихъ кудряхъ
Ужъ не одинъ сѣдой пробился волосъ,
Въ морщинахъ лобъ, огонь потухъ въ глазахъ.
Пршедшее окни духовнымъ взоромъ,
И совѣсти правдиваго суда
Не избѣгай! Предъ строгимъ приговоромъ,
Раскаянья исполненъ и стыда,
Склонись во прахъ челомъ когда-то гордимъ,
Сознай, что жизнь напрасно тратилъ ты;
Что не служилъ добру оплотомъ твердимъ,
Но былъ рабомъ бессильнымъ суеты.
Что больше слезъ чѣмъ радости и счастья
Ты преданнымъ и добрымъ тѣмъ дарилъ,
Кто въ дни невзгодъ, въ дни бурнаго ненастья,
Любовью путь твой мрачный озарилъ!
И что ни въ чьей душѣ — существованье
Твое — слѣда оставить не могло...»

Безплодное и горькое сознанье!
Зачѣмъ ко мнѣ теперь лишь ты пришло,
Когда въ кудряхъ сѣдой пробился волосъ,
Когда для битвъ лютейшихъ нѣту сяга?
Зачѣмъ мой духъ — укоромъ этотъ голосъ
Въ былые дни — отъ сна не пробуждалъ?
Жизнь прожита... и скоро съ ней проститься
Придетъ пора... Но думать тяжело
Что надъ тобой съ любовью не склонится
Ничь, въ тотъ мигъ, печальное чело...

А. ПЛЕЩЕВЪ.

РАЗОРЕНЬЕ.

(Наблюденіи Михаила Ивановича).

Поэты переса.

I.

МИХАИЛЪ ИВАННЪ.

Несмотря на то, что новыя времена предъявлены нашему городу только вѣтвовой лѣстницей новаго суда и недостроенной желѣзной дорогой,—жить стало гораздо скучнѣе прежняго, ибо вмѣстѣ съ этими новостями пришло что-то такое, что уничтожило прежнюю, весьма пріятную и пѣвучую зѣвоту,—и томить и мѣшать. Никогда не было такого обилія скучающихъ людей, какое въ настоящую пору переполняетъ рѣшительно всѣ углы общества, отъ лучшей гостиной въ Дворянской улицѣ до овощной и мелочной лавки Трифонова во Всесвятскомъ переулкѣ. Все это случаетъ, томится и вообще чувствуетъ себя неловко.

Всѣ сомнѣнія, существуетъ большая разница въ формахъ тоски, наполняющей гостиную, и тоскою лавки,—но такъ-какъ намъ приходится говорить о послѣдней, то мы должны сказать, что упомянутая лавка и замѣчательна только потому, что служитъ пристанищемъ для тоскующаго населенія глухихъ улицъ. Людямъ, потревоженнымъ отставками, нотариусами, адвокатами, и прочими знаменіями времени, пріятно забиться вблизи хозяина лавки—Трифонова, плотнаго, зеренастаго мужика, выбившагося въ вѣрнопостныхъ, любящаго толковать о пѣніи и медицинѣ, т.-е. о такихъ вещахъ, которыя ни на волосъ не напоминаютъ современности. Среди современности господствуетъ дороговизна, неуваженіе къ чину и званію, неумѣніе одѣвать человека заслуженнаго. У Трифонова же идетъ пѣніе басомъ многолѣтія, вареніе мнестуръ и цѣлебныхъ травъ, комедіе самого хозяина босикомъ и необыкновенно спокойное чесаніе желудка, тѣмъ же хозяиномъ, въ виду самыхъ разрушительныхъ реформъ

И къ Трифонову идуть... И когда бы вы на зашли въ лавочку, вы всегда найдете здѣсь двухъ-трехъ человѣкъ, ропшущихъ на неправду новаго времени...

— Я говорю одно! Иди и ложись въ гробъ! взволнованнымъ голосомъ говоритъ обнищавшій отъ современности купецъ.—Нонешнее время не по насъ... Въ гробъ, — и больше ничего!... Потому, нонешній порадокъ требуетъ контрактъ, а контрактъ тянетъ къ нотаріусу, а нотаріусъ призываетъ къ штрафу!... Намъ этого нельзя... Мы люди простые... Мы желаемъ по душѣ, по чести... Такъ-то-съ...

— Желѣзная дорога! Ну, что такое желѣзная дорога? говоритъ длинный и сухопарный чиновникъ Печкинъ, въ непромокаемой шинели.—Ну, что такое желѣзная дорога! Дорога, дорога... А что такое? въ чемъ? почему? Въ какомъ смыслѣ?...

Много приходится Трифонову выслушивать изліяній въ подобномъ родѣ, но это не особенно трудно для него, потому что онъ, собственно говоря, и не слушаетъ, что ему толкуютъ, и нуждается въ приходящихъ и тоскующихъ только затѣмъ, что ему нужно кому-нибудь объяснить и свои размышленія по части пѣнія и врачеванія.

— Ну, хорошо, какъ будто бы отвѣчая куццу, говоритъ онъ, по окончаніи его рѣчи.—Ну, будемъ говорить такъ: савѣтуютъ спать самоги изъ бѣлой собаки. Предположимъ такъ, что я возьму я собаку... Ну, въ какомъ смыслѣ бѣлая собака можетъ облегчать ломоту?...

И купецъ и чиновникъ, получившіе такой отвѣтъ на свои сѣтованія, никогда не претендуютъ на Трифонова; напротивъ, они весьма довольны этимъ невнимательствомъ, ибо имъ, какъ и всякому, пораженному тоскою, хочется отыскать такой уголокъ, гдѣ бы онъ могъ впритыкъ, зананчять своего нотаріуса, свою желѣзную дорогу безъ помѣхи... И такъ-какъ большинство посѣтителей стоитъ именно за это невнимательство, и уже привыкло говорить свое, не слушая другъ друга, то всякій, желающій вести настоящіе разговоры, т.-е. отвѣчать на вопросы, возражать и т. п., долженъ невольно поворотыся общему ходу бесѣды и разговаривать самъ съ собою.

Въ лавкѣ Трифонова бываетъ всего одинъ изъ такихъ посѣтителей, пользующійся особеннымъ невниманіемъ потому, во-первыхъ, что званіе его, какъ штабштурмаса безъ дѣла заводскаго рабочаго, уже само собою уничтожаетъ всякое вниманіе къ нему среди присутствующихъ въ лавкѣ чиновниковъ и купцовъ, и, во-вторыхъ, потому что разговоры его тоже не идуть въ общую колею. И поэтому никто изъ посѣтителей не замѣчаетъ, какъ

тощая фигура Михаила Иваича (такъ зовутъ этого человѣка), весьма похожая на фигуру театральнаго ламповщика или наклеивателя афишъ, топчется, то около купца, то около чиновника, и саднымъ голосомъ, въ которомъ слышится чахоточная нота, пытается вступить въ разговоры.

— А-а-а! радостно оскаливаясь, говоритъ Михаилъ Иваичъ купцу, вытягивая впередъ голову и складывая назадъ руки.— А-а-а!... Не любишь!... А тебѣ хочется по старинному, съ кулечкомъ къ привазному, черезъ задній ходъ?... Заткнулъ ему въ глотку голову сахару, и грабь?... Нѣтъ, погодишь!.. Понче вашего брата обольщиваютъ!... Ха-а!... Нонѣ, братъ... погодишь!... Нѣтъ, повертись... Наживи ума...

Кашель прерываетъ его рѣчь, но Михаилъ Иваичъ не жалѣетъ своей груди, и отвѣтивъ купцу, тотчасъ же поворачиваетъ свою вытянутую голову къ чиновнику.

— А-а-а!... Прижучили!... хрипять онъ... Очень, очень великодѣпно! Очумѣли съ просонокъ? Дороги чугунной не узнаете?... Хха-а! Я вамъ покажу чугунную дорогу!... Дай обладать, а тебѣ представлю, коль скоро можетъ она простаго человѣка въ Петербургъ доставлять... Смахаемъ въ Питерь къ Максиму Петровичу, — объявимъ вамъ!... Н-нѣтъ, мало! Очень мало... О-охъ бы хоррошенько...

— Ну, хорошо... будемъ говорить такъ... раздается басистый голосъ Трифонова, и въ ту же минуту Михаилъ Иваичъ обращаетъ къ нему пристальныя, волнующіеся глаза, какими смотритъ голодная собака на кусокъ. — Предположимъ, ежели буду я ѣвшать мистуру палкой...

— Палкой?... хватаюсь за слово, тоже какъ собака за кусокъ, вскрикиваетъ Михаилъ Иваичъ.—Нѣтъ, пора бросить!... Нонѣ она объ двухъ концахъ стала!... Пора шваркнуть ее, палку-то!... Д-да! Пора сказать въ Питерь—ахнуть!... Нонѣ она объ двухъ концахъ стала... Да-а!... Позвольте вамъ замѣтить...

При послѣднихъ словахъ Михаилъ Иваичъ энергично трясъ головой, но едва-ли десятая часть его словъ доходила до ушей посѣтителей, слышномъ плотно заткнутыхъ нотаріусами и желѣзными дорогами... Кромѣ замореннаго, не звучаго, а какъ-то шумѣвшаго голоса, который уже самъ собою уничтожалъ силу его выраженій,—невмѣстательство посѣтителей было такъ велико, что къ концу вечера Михаилъ Иваичъ принужденъ былъ прибѣгать къ содѣйствию неодушевленныхъ предметовъ.

— Пера простому человѣку дать диканіе!... надсѣдается онъ передъ кулечемъ съ капустой... Довольно надъ нимъ потѣшаться, разбойничать!... Дайте ходъ!... Что вы-сь?... Докуда вамъ

разбойничать, — пора и вамъ окнуть... Нѣтъ, позадоровѣи бы... Дай въ Питерь, я покажу!...

Кулежъ съ кочнами долго и внимательно выслушивалъ ропотъ Михаила Ивановича на разбойниковъ и грабителей; безмолвно соглашался съ его намѣреніемъ на счетъ Питера и такъ же безмолвно провожалъ его, когда Михаилъ Ивановичъ, съ сердцемъ надвинувъ шапку, уходилъ вонъ изъ лавки.

Перебравшись черезъ длинную деревянную площадь, въ виду которой помѣщается лавка Трифонова, онъ обыкновенно направлялся къ подгородной слободкѣ Яндовищу; иногда пѣшкомъ, а иногда на бѣговнхъ дрожкахъ; миновавъ Яндовище, онъ въѣзжалъ въ поле, на большую уѣздную дорогу; здѣсь, въ трехъ верстахъ отъ города, стояло село Жолтиково, съ чудотворной иконой и раззорившимся барчукомъ Уткинымъ, у котораго Михаилъ Ивановичъ имѣлъ пристанище въ кухнѣ и исполнялъ разныя порученія: ходилъ къ бабушкѣ барчука съ письмами о деньгахъ, узнавалъ въ городѣ, нѣтъ ли фейерверка, гулянья и проч.

Какъ бы ни странно было Михаилъ Ивановичъ, набрасывающійся на людей, необращающихъ на него ни малѣйшаго вниманія, и объясняющій кульку необходимость хода для простаго человѣка, но его злость на прошлыя времена, среди людей, проклинающихъ времена настоящія, обязываетъ насъ къ болѣе обстоятельному знакомству съ исторіей больной его груди.

И это знакомство тѣмъ легче, что Михаилъ Ивановичъ самъ ищетъ человѣка, съ которымъ можно бы было потолковать; неудовлетворенный бесѣдою съ кулкомъ, — онъ притягиваетъ ко всякому, кто хотя мелькомъ взглянетъ на него, кто хотя отъ нечего дѣлать задасть ему вопросъ или отвѣтитъ ему. Возвращаясь, напримѣръ, ночью отъ Трифонова въ Жолтиково, онъ зорко выслѣживаетъ, нѣтъ ли гдѣ такого слушателя, нѣтъ ли гдѣ огонька, и слѣдовательно вопроса и разговора. И гдѣ бы ни мелькнулъ такой огонекъ — въ караулкѣ ли господскаго сада, въ кабацкѣ ли — Михаилъ Ивановичъ тотчасъ привертываетъ къ нему свои дрожки, и заводитъ бесѣду со всякимъ, кто попадается ему на глаза...

— Да какъ же съ ними съ чертами не разругаться-то! дребезжить его заморенный голосъ среди пустыннаго кабака, гдѣ саловый огарокъ освѣщаетъ курчавую голову цѣловальника, покоящагося за стойкой, и высокую фигуру угрюмо-пынаго, пошатываю-

кагоси мушка. — Какъ ихъ, бѣсовъ, не лаять, не лаятъ? продолжайтъ онъ, намекая своими словами на трифоновскихъ посягателей. — Ты думаешь, ему это и въ самомъ дѣлѣ чугушка пошла?... Ем-му задрать нечего въ ла-апу!... Будьте вы покойны!... Ему не дозволяютъ во конечномъ времени, разбои, — онъ и скучить какъ пѣсь... Что такое чугушная дорога?...

Сдѣлавъ нѣсколько торопливыхъ шаговъ, Михаилъ Ивановичъ снова близко подходитъ, почти подбѣгаетъ къ угрюмому слушателю и продолжаетъ...

— Купецъ-то вонъ въ гробъ просится, — заройте меня живого!... Эва! новыя порядки вишь ему не по вкусу... А все потому, что ему съ приказнымъ нельзя обольванивать простого человѣка... И слава богу! И даже такъ, — что поздоровѣй бы Господь батюшка ихъ хлестанулъ... Очень великодушнo!... Потому они заморили, задушили простого человѣка. Черезъ ихнее обирание простой человѣкъ дуракомъ сталъ... болваномъ...

Говоря такъ, Михаилъ Ивановичъ не можетъ остаться на одномъ мѣстѣ. Глѣвъ заставляетъ его поминутно отходить отъ слушателя и тотчасъ же возвращаться къ нему.

— Почему простой человѣкъ — дуракъ, болванъ? Почему онъ въ жись свою сладкаго куска не ѣдалъ и сапогъ дѣльныхъ не нашивалъ?... Почему онъ за мѣсто этого получалъ по скулъ?... Потому-што его сапоги-то чужіе носили... Брать!... Голубчяки!... У чиновника-то, что чугушку лаетъ, небось вонъ домъ, а на какіе онъ труды нажить?... Жалованья ему всего грошъ! Откуда-а? Съ насъ! съ насъ христіанская душа! Наше все, — хрусталь!...

Михаилъ Ивановичъ любилъ посылать слушателямъ эпитеты въ родѣ «хрусталь», «спичка» и проч., незамѣчая, какъ и на этотъ разъ, что они не совсѣмъ соотвѣтствуютъ тѣмъ лицамъ, къ которымъ относятся. Михаилу Ивановичу некогда было разбирать, что пѣнный мушкетеръ въ грязи далеко не походитъ, напримѣръ, на хрусталь; ему нужно было говорить, высказываться.

— На наши! все на наши, брать!... Купецъ брюхо напелъ по какому случаю? По тому случаю, что съ рабочихъ либо такъ съ мушкетера дуцалъ; у мушкетера совѣсть, а у купца ее нѣту; вотъ онъ и загребаеть его когтями-то. Вотъ по какому случаю провскочить брюхо! Всѣ они дома строили и животы росли на нашъ счетъ, а нашъ братъ получалъ по скулъ... И не мало ихъ было!... Охъ и ние-ма-а-ю, календчикъ, было ихъ!... Задуженны ми ими — такъ-ли аккуратно...

Михаилъ Ивановичъ, произносящій послѣднія слова съ осо-

бенноу протажностію, вдругъ словно всныхиваетъ и подлетаетъ къ самой бородѣ слушателя.

— Почему я нищій? почти кричитъ онъ, ударя себя кулакомъ въ грудь, и пристально смотря въ лице мужика.— Скажи ты мнѣ, на какомъ основаніи до тридцати лѣтъ я дожилъ, нѣту у меня ни крова, ни пріюта?... Отвѣчай: имѣю ли я равномѣрную съ благороднымъ чловѣкомъ душу?... Говори мнѣ!

Часто случается, что во время этихъ разсужденій Михаилъ Ивановича, слушатель успѣетъ заснуть или уйти, но можно сказать навѣрное, что въ пылу гнѣва на прошлыя времена, Михаилъ Ивановичъ рѣшительно не замѣчаетъ этого; слушателемъ его можетъ быть курчавый затылокъ спящаго цѣловальника, ползущій по стойкѣ тараканъ — все равно. Теперь уже нужно имѣть только точку опоры для взора; ни вопросовъ, ни отвѣтовъ не требуется; все, что накопилось въ его груди, вырвалось наружу и хлынуло рѣвкой.

— Отвѣчай мнѣ, вопрошалъ онъ затылокъ цѣловальника: — на какомъ основаніи обязанъ я быть дубьемъ, ходить ошупкой? Предъ кѣмъ я грѣшенъ, предъ кѣмъ виновенъ? А потому, что я простой чловѣкъ! Простого званія! на этомъ основаніи я и виновенъ... Всякому мой хлѣбъ былъ нуженъ! Кабы я вѣлъ свой-то, трудовой хлѣбъ, сполна, значить, получалъ бы, что мнѣ слѣдуетъ, я, можетъ быть, чловѣкомъ бы былъ... Милашва моя!.. Можетъ быть, и я бы все понималъ, всякую причину, что къ чему... А то, разсуди ты самъ, какъ мнѣ осломъ-дуроломомъ не быть, коли я съ малыхъ дней нищимъ былъ. Вѣдь мнѣ каши-то съ малыхъ день въ ротъ не влетало—дуби-ина! А почему я недостоинъ каши? Почему въ нашей губерніи, коли кашу на столѣ, бабъ и ребятъ вонъ? А на томъ основаніи, что она другимъ требуется... Теперича, десятнику потребна корова, онъ къ мужику—взъ каши-то нашей горсточку себѣ... Сотскому требуется телега, чтобъ столярная, напрімѣръ—онъ опять къ намъ, ужъ побогѣ зацѣпляеть... Старостѣ охота пчелъ держать... головѣ требуется овецъ гуртами гонять, чиновниковъ угощать, домъ строить, хоромы — все къ намъ, все взъ нашей каши... А тамъ и надъ головами и надъ старшинами и надъ прочими—еще выше были; тѣ ужъ, братъ, на тройкахъ къ намъ залетывали съ бубенцами и все сплхвали, что-которое оставалось — ровно пожаромъ... Тѣмъ побогѣ пчелы требовалось, тѣмъ, братецъ ты мой, въ благородствѣ надобно состоять, гулять въ шляпкахъ, въ триякахъ! Вотъ оно по какому случаю мы и побиралися, и просили у проѣзжающихъ Христа-ради и ровно собачки куску радовались!.. Вотъ оно почему. Съ этаго съ го-

долу-то и редители наши помирали и сиротами мы оставались... Вот оно что, другъ ты мой, купидонъ, дубина стоеросовая, рыжий чортъ!

Безмольствующій затюкозь не слышитъ этихъ ругательствъ, и Михаилъ Ивановичъ можетъ безпрепятственно срывать на немъ свой гнѣвъ и дѣлиться своими обѣдами съ мертвой тишиной пустыннаго кабака.

— Вотъ отчего! продолжаетъ онъ. — По тому случаю мы дураки, что прижимка, напримѣръ, обдерка надъ нами была большая напущена! Вонъ чиновникъ-то орётъ... плохо жить стало... а вѣдь эту самую дубину мы прокармливали, мы ему, шалаю, сертуки, манишки шили... Я это знаю; я видѣлъ, по-вѣрьте нашимъ словамъ! Потому я не въ одной деревнѣ претерпѣлъ отъ этого разбою, а и въ городѣ его видѣлъ... Городской разбой пуше деревенскаго былъ... Тутъ простому человѣку совсѣмъ дыханія не было... Привела меня тетка въ городъ, нашлись добрые люди — мѣщане взяли меня жить къ себѣ. Дѣвушка была у нихъ одна—что за умища! Грамотѣ меня стала обучать, и можетъ, Господь бы далъ, въ люди бы я вышелъ, человѣкомъ бы былъ (при этихъ словахъ Михаилъ Ивановичъ съ особенною силою ударилъ себя въ грудь, нагибаясь надъ соннымъ слушателемъ). Человѣкомъ бы-ы! Такъ вѣдь нѣтъ! Не дали! Словно они дожидались меня, сироту, потому только было я въ тепло-то къ мѣщанину попалъ, а ужъ изъ кварталу бѣжить скороходъ. «А гдѣ здѣсь заблуждающій мальчишка?... А покажите его въ часть». А зачѣмъ? Что я преступилъ? А то, что солдату трубочки надо покурить, водочки хлебнуть, вотъ онъ и волочетъ меня въ кварталъ, потому, знаетъ, придуть, выкупать... Да еще что-о! Везетъ меня въ фарталъ-то на извозникъ, да и съ извозника-то колунуетъ: «Гдѣ бѣдетъ? Былъ у исповѣди, у причастія?» Да не на одномъ извозникѣ-то везетъ, а норовитъ отъ биржи до биржи, по закону, и со всѣхъ получить на свое прожитіе; потому, всѣмъ имъ, окромѣ мужика, не съ кого взять; безъ мужика-то имъ нечего старшему дать, а старшему тоже вѣдь надить помазывать кварталнаго, а кварталному частнаго... всѣ на нашъ счетъ; доброму человѣку дня было не взжить. Вонъ мѣщанинъ-то мнѣ пользу хотѣлъ сдѣлать, добро—такъ они на него набросались, какъ скорпіи! Придетъ выкупать меня изъ части—всѣхъ одѣлать—опять меня везутъ тѣмъ же порядкомъ на извозникъ, а черезъ двое сутокъ опять: «Гдѣ заблуждающій малютка?..» Мѣщанина-то разворили, другъ ты мой, меня-то по извозникамъ истресали ровно щепку... Подлая тварь! Пойми!.. Вотъ по какому случаю я чиновника-то новѣ у Трифонна оборвалъ... Мо-

жеть, потому я и мучаюсь, что требовался ему каменный домъ, либо хомутъ новыи — а онъ меня въ кварталѣ томиль и мѣщанина развораля... У-у! чтобъ вамъ!... А мало ихъ было, охотниковъ-то трубочки покурить, сладкаго кусочка пососать?.. Города строи! Что вы? Судѣайте милостя! Съ чего нашему городу быть?.. Кабы бабы наши кашей лакомились, небось бы, не оченно-то много эдакъ-то народу къ осьмому часу къ кіатру разлетались на жеребцахъ... Н-нѣтъ, братъ!.. Н-не очены! а то... Эй, кричить, задавлю, мужикъ! Берегись! моля, эво-ли заг-гибають! Не знаютъ, на какой манеръ ситость свою разыграть — а нашъ братъ нищій и чумовой ходять!.. Я, братъ, видѣль, какъ изъ кварталу меня господа чиновники Черемухины вынули на прокормленіе; тутъ я увѣдомился, сколь они съ чужихъ денегъ онагѣли: ипри да банкеты да кубирянья—весь и сказь!.. Голодны они — мужикъ, простой человекъ, терпять, дасть имъ кормъ, а накормить онъ ихъ — опять тоже ему вредъ и отъ эфтаго... Темерьче, посудя, жилъ я у мѣщанна, жена у него померла; осталось у него три дочка... То-есть, я тебѣ говорю, дѣвушки!.. Что же, братъ? Выбѣгутъ это на улицу погулять, анъ ужъ тутъ съ ситыми утробами погуливають разные народы... Вотъ и колесать.—«Мы васъ замужъ возьмемъ, благородные будете...» А тѣмъ и любе... Потому, благородными превосходнѣе быть, не чѣмъ этакъ-то, какъ они, по ночамъ иглой точать, слѣвннуть... Ну, и... Теперь вонъ на! поди! глянь!... ровно трапки по лужамъ валяются... Полюбуйтсвуя, поди!.. Можетъ, теперь бы у меня такая-ли супруга-пособница была, колибъ не ситость-то эта крадовая. Я почестъ полгода дорывался, чтобъ она на меня, на чумаряго взглянула; да по ночамъ ворочалъ на заводѣ, въ огнѣ да въ пламени, чтобъ мнѣ лишній рубъ достать, ей купить жамочку, значить, конька; полакомиться... А чиновникъ-то налетѣль съ мадерой, да съ гитарой, да съ полковнѣмъ платкомъ—анъ и взялъ!.. И нишь подъ носъ! Нашъ братъ ободраннй человекъ — пѣсеню-то поеть ровно рѣжетъ кожомъ, потому, голосъ-то нашъ въ огнѣ перекицѣль, а тотъ запоеть пѣсенку любодва—ай-люди! Потому, въ огнѣ онъ не горѣль, а больше нашего брата душиль... И бѣль онъ, и мадера, и на гитарѣ примѣрно... А нашего брата по сувѣ! Онъ вонъ шваркнулъ ее, Аннушку-то, разорвалъ ее словно собака тряпку завалиющую, да и побѣгъ къ осьмому часу къ кіатру, а нашъ братъ только жили свои въ работѣ висушилъ попусту, потому намъ ее ужъ взять нельзя... Аннушку-то, намъ невозможно этого—ужъ она набалована... Ея ужъ дай платочикъ шелковнй... Онъ шелковнй-то

взатовъ и нашему брату подходить къ лицу, да намъ объ эфтомъ надо бросить думать... вотъ! Потому, ми обязаны быть дураками, ошакѣлими, коровой дорожить, по собачьи жить... Потому, нашъ хлѣбъ другимъ надобился... Слышишь, рыжая ты шельма! Другіе нашъ хлѣбъ ѣли, бѣшеная ты собака!..

— Вонъ! внезапно поднимаясь во весь ростъ, гремитъ громадная фигура цѣловальника, сообразившаго, что причиною нѣ-котораго безпокойства, испытываемаго имъ во снѣ, было непре-станное разглагольствованіе Михаила Ивановича. — У-ди! У-убью...

Перепуганный скаткии кулаками и вытаращенными глазами цѣловальника, Михаилъ Ивановичъ пятится къ двери, зажимая рукою ротъ, чтобы расвирипѣвшимъ кашлемъ еще болѣе не разсердить врага, и такъ-какъ врагъ въ скоромъ времени выскакиваетъ намѣреніе броситься къ нему изъ-за стойки, то Михаилъ Ивановичъ и исчезаетъ вонъ изъ кабака. Спустя минуточку дрожи его дребезжать среди темной дороги къ Жолтикову. Но необходимость высказаться не прекращается краснорѣчивымъ внуше-ніемъ цѣловальника насчетъ молчанія; Михаилъ Ивановичъ снова ищетъ слушателя, огонька, и снова, завидѣвъ его, погоняетъ свою лошадь; и вездѣ, куда бы онъ ни привернулъ свою лошадь, — въ караулку ли при господскомъ саду, на мельницу, къ постоя-лому двору, — вездѣ слышится его чохоточная рѣчь.

— И очень великодѣшно, коли кого изъ этихъ грабителей чѣмъ-нибудь да припрутъ! Радъ я! Душевно. Одна мяѣ и утѣ-ха, что на это поглядѣть. Потому ошакѣли ми отъ нихъ, ду-раками и нищими стали... Въ прѣжнее время чиновникъ-то трифоновскій, онъ бы меня въ гробъ вогналъ ни за что... А те-перча, погодись!.. И слава-Богу!.. Теперча еще и простой чело-вѣкъ съ ними, пожалуй, потягается... Да-а!..

И затѣмъ, въ подтвержденіе своихъ словъ о господствѣ въ старое время прижимки надъ простымъ чело-вѣкомъ, Ми-хailъ Ивановичъ приводилъ множество фактовъ изъ своей біо-графіи. И дѣйствительно, фактовъ этихъ перебивало на его снѣи достаточное количество, потому что, въ качествѣ сироты и простого чело-вѣка, онъ отвѣдалъ прижимки и въ деревнѣ, и въ городѣ, гдѣ жилъ у мѣщанина, взвивалъ въ кварталѣ, по-бирался, и пр. — и наконецъ, въ казенномъ заводѣ, въ каче-ствѣ рабочаго. Результатомъ этой прижимки, по объясне-нію Михаила Ивановича, было одуреніе и обнищаніе простаго чело-вѣка, чтд и можно видѣть на нашемъ рабочемъ, на на-шемъ простомъ мужикѣ, представляющихъ образцы глупо-сти и тугоумія... Если самъ Михаилъ Ивановичъ умелъ отъ

этого тупоумія, и умѣть разсуждать о прижимѣ, то этому есть особенная причина, о которой Михаилъ Ивановичъ разсказываетъ не съ злостью и негодованіемъ, волнующими его при воспоминаніи о прошломъ, а съ какою-то необыкновенною тщательностью и стараніемъ...

— А потому, говоритъ онъ, разъясняя этотъ вопросъ:—что я имѣю пресіяніе моего ума!.. Вотъ-съ на какомъ основаніи я всю эту разбойничью механику понимаю и чувствую, и злюсь... Простой мужикъ дѣлается отъ этого баббесомъ, но я, по моему понятію, получаю чахотку... Вотъ-съ на какомъ основаніи. Въ теченіе времени моей жизни, встрѣтилъ я человѣка, который по щекѣ меня не билъ, но вѣдрилъ въ мою душу донатіе...

Михаилъ Ивановичъ любилъ поначитаться съ этимъ воспоминаніемъ изъ своей несчастной жизни, и говорилъ не слѣша, оставившаяся...

— Ну, въ то же самое время, продолжалъ онъ:— надо сказать такъ, что и этотъ человѣкъ, благодѣтель мой, въ первоначальное время нашего знакомства, тоже по щекѣ меня щелконулъ довольно благополучно... для собственной моей пользы... Именно-съ, для пользы, по той причинѣ, что нашъ братъ простой человѣкъ, столь отъ разныхъ народовъ за все, про все наскулѣнъ, что и пользу, ежели кочешь ему сдѣлать, то и въ ту пору безъ рукопашья не обойдешься... По этому случаю, благодѣтель мой Максимъ Петровичъ, въ достаточной степени меня съ печи за волосы сгромыхнулъ, въ первоначальное время знакомства.. Такое было дѣло... Докладывалъ я вамъ, что изъ части, когда мѣщанинъ померъ, взяли меня на провормленіе чиновники Черемухины. Бывши въ побирושкахъ, въ нищихъ, съ холоду, да съ голоду, да съ кварталу, очень мало я въ ту пору на человѣка сходствовалъ. Потому что живши въ кварталѣ, коротко и ясно можно потерять человѣческой либъ, и получить собачью манеру. По этому случаю, когда меня ввели въ черемухинскую кухню, то сталъ я хватать съѣстное, напримѣръ, сѣдобное. Сталъ рвать, набросился. Кухарка назвала меня въ ту пору «волчій ротъ». И такъ я набрасывался, тамъ набрасывался, до забвенія доходилъ. Отъѣдался, отъѣдался я тутъ быстро, посиѣшно; вся прислуга у нихъ очень торопливо отъѣдалась и щeki нагуливала, потому мужики всего наташутъ, не жалко... ѣшь! Хорошо. Какъ только привнѣ я въ сладкому куску, сталъ я свою бѣдность вспоминать, и стало мнѣ страшно: ну-ко, да выгнать отсюда—что тогда? Страшна мнѣ корма собачья показалась... Сталъ я объ себѣ думать... И дѣлаю такое замѣчаніе, что у всѣхъ народовъ

идеть грабежъ. Кухарка и кучеръ съ мужиковъ, баринъ и баринна—съ мужиковъ, все — повсюду—повсемѣстно идетъ ограбленіе человѣческое... Думаю: мужикъ мнѣ не дастъ, съ кого мнѣ?.. Думалъ-думалъ, затруднился въ мысляхъ, глядь—бѣжитъ ко мнѣ на печку барчукъ, махонькой, черемухинскій сынѣкъ,—«скажи сказочку...» Изволь. Сказалъ. Онъ и повадился ко мнѣ на печку шататься сказки слушать. «Э, думаю, другъ-пріятель; надо быть, тебѣ въ хоромахъ хвостъ-отъ присѣвають, что ты во мнѣ въ мужикѣ получаешь нужду»... Подумалъ такъ-то. Бѣжитъ барчукъ: «скажи сказку». «Дай копѣйку!» Эдакъ-то рѣзанулъ. «Дашь — сважу, нѣтъ—не будетъ разсказу... Я и то, молъ, языкъ весь отколотилъ, разсвазываючи тебѣ». Припугнулъ его такимъ манеромъ, и сталъ онъ мнѣ пятачки да грошники таскать и сталъ я ихъ попрятывать... И такъ было ловко научился я поколупывать съ него, такъ-то-ли пристально въ разбойники приготовлялся, анъ тутъ-то и подвернись ко мнѣ человѣкъ... Максимъ Петровичъ... семинаристѣкъ, племянникъ Черемухинскій. Часто онъ къ намъ въ кухню хаживалъ, дожидался, пока даденька, самъ Черемухинъ-то, проснутся,—полтинничекъ у него попросить... Когда тверезъ—тихий такой... «На сапоги, говорить»... А Черемухинъ: «То-то, говорить, на сапоги!...» И сердито на него смотритъ, а тотъ боится. Это когда тверезъ. Ну, а коли ежели да пьянъ, такъ ужъ тутъ никакого страха для него нѣту... Тутъ ужъ онъ кричитъ, бунтуетъ... И даденьку-то, такъ-то-ли поливаетъ... «Взятчики, разбойники... Докуда вы разбойничать будете... Провались вы и съ полтинниками...» Разъ зимой сенинулъ съ себя полшубокъ и шваркнулъ его объ земь. «Подавитесь вы имъ!...» и ушелъ... Бывало такъ, что и стекла онъ выбивалъ въ дому и ворота исписывалъ ругательскими словами... Вотъ я на этого человѣка и наскочалъ... Отъ него я и получилъ вдохновеніе напимѣръ. То-есть, сначала-то онъ меня за виски отворочалъ, а потомъ ужъ объяснилъ мнѣ существо... Лежу я съ барчукомъ на печкѣ и дѣлаю съ нимъ подлый поступокъ: продаю ему кошелекъ, а въ обмѣнъ требую съ него серебряную цѣпочку... Кошелекъ цѣна копѣйка, а цѣпочка стоитъ пять серебромъ. Желаю я ее получить. Барчукъ ничего не смислитъ, взялъ да и помѣнялся, а потомъ разсмотрѣлъ—въ слезы... «Отдай!» плачетъ. А я ему: «нѣтъ, говорю, не отдамъ, потому что ты видѣлъ что покупалъ. Назадъ не ворочають. Гдѣ у тебя глаза были?..» По базарному поступаю... Максимъ Петровичъ пьяный сидѣлъ, сидѣлъ слушалъ, слушалъ да шарахъ меня за волосы съ гечи... «Мошенникъ! воръ!... Съ какихъ лѣтъ мошенничаешь!... И безъ тебя много мошенниковъ!...» Да за ухо... за ухо... Тутъ

онъ меня щекотурялъ... Цѣпочку отнялъ, шваркнулъ: «краденую воруешь!...» Съ этого дня сталъ я его бояться... Страхъ почувствовалъ; боюсь встрѣтиться; анъ разъ несую водку господамъ изъ конторы, онъ — и валить, съ пріятелями пѣ-а-аннй. «Что такое? Стой! Куда? Водка!... Неси къ намъ... Тамъ братъ (у дяди-то) за другой бочкой пошлуть... Тамъ есть на что выпить...» Тутъ они меня поволокли въ свою квартиру—бѣдность непокрытая, тараканы... Я сию боюсь: — «Чего ты? Халуй! Рабы!... Съ заихъ лѣтъ мошенничаешь!...» Поругали вторительно, а потомъ скалились. «Поди сюда», говоритъ Максимъ Петровичъ. «Ты зачѣмъ мошенничаешь? Жить надо? Такъ нешто грабежомъ-то хорошо будетъ?... Давайте книжку, я его обучу... Какъ ты думаешь, грамота лучше грабежу?...» И сейчасъ сталъ меня учить. Тутъ я ничего не понялъ, потому пьяные они были; а мало-мало погода и самъ къ нимъ пошелъ... «Обучите», говорю. Тамъ ихъ много вутейниковъ-то было: кто слово поважетъ, кто такъ что-нибудь... Я и нахватался и не умѣю вамъ сказать какимъ манеромъ, только что сталъ я тутъ понимать, почему это нашъ братъ въ дырахъ, въ лаптяхъ, напиримѣръ. И въ первый разъ въ голову мнѣ влетѣло: «за что же, молъ, этакъ-то»... Разговоры ли ихніе, Максимъ Петровича, или грамата, ужъ вѣрно не могу объяснить, а что страсть сколько я разбойниковъ вдругъ увидалъ... И можетъ, Господь мнѣ и больше понятія бы далъ, только что пошло вдругъ во всемъ разстройство... Съ войны это разстройство пошло... Цѣлые дни, бывало, стоишь на улицѣ, смотришь какъ везуть на войну пушки да сабли. «Эдакіе, дивовался народъ, на человѣка страсти припасены»... Пошли тутъ наборы, мужики, бабы ревутъ, голосѣба по всему городу; у Черемухинныхъ идетъ огребанье невиданное, пьянство, жранье — Боже мой!... «Господи!» помню, жена Черемухина плачется: «когда это все кончится!...» Анъ скоро и кончилось... Прошла война, налетѣли ревизоры, всѣхъ взятчиковъ повязали... Тутъ пошло швырянье — упасы Богъ... Одинъ воръ, другой ополченцамъ сапоги на кардонной подошвѣ дѣлалъ, третій въ рекруты забривалъ безъ закону... Стали кидать, швырять подлецами: одинъ внизъ, другой вверхъ, третій торчмя головой... Черемухина выгнали въ другую губерню. Максимъ Петровичъ такъ-то-ли поспѣшно въ Питеръ ускорилъ. «Прощай, говорить, помни. Выпишу». Однако же, не выписалъ. Сталъ я у Птицыныхъ жить, у генераловъ,—и тамъ пошло все врозь. Всѣ сыновья ворами оказались. Плачь идетъ между грабителями. Поглядѣлъ, поглядѣлъ я—вижу, не до меня имъ, надѣлъ картузъ, пошелъ своего хлѣба нести. Въ ту пору

на казенный заводъ стали принимать людей со стороны, не казенныхъ стало быть,—я и попалъ въ заводъ... Въ лѣсу страшно когда ежели громъ да молонья, а тутъ, въ заводѣ еще страшнѣй. Потому въ лѣсу — дѣло божье, непонятное, тамъ страхъ беретъ, а тутъ злость, потому видишь, изъ-за чего громъ-то идетъ, изъ-за чего молота молотятъ, ножницы разъиваются, и нашъ простой человѣкъ не доѣстъ не допѣеть, а въ огнѣ горитъ... Пить бы надо — слабъ; не могъ, а все больше злился, потому, которые я получилъ отъ Максима Петровича мысли, то никакимъ родомъ онѣ у меня изъ головы не выходили. Злился, злился я; бѣсился, бѣсился, да одна подгулялъ и махнулъ въ арендателя камнемъ... Спасибо, скрость колесо камень проишло, а то-бъ въ каторгѣ быть. Да еще то облегчило, что ночью дѣло было, не могли вызнать кто такой, такъ что собственно по подозрѣннiю шесть мѣсяцевъ высидѣлъ... Вышелъ изъ заключенiя, вижу—ездѣ я бунтовщикомъ оказываюсь, никто не беретъ и на частныя мастерскiя не допускаютъ... Остался я одинъ, на кого надежда? Окромѣ Максима Петровича кто-жъ мнѣ защитникъ? Дай обладать чугунку... Я на него надѣюсь... Ночче, братъ, и имъ тоже очень мало готовыхъ кусковъ, не то время идетъ. И раль я, коли ежели кого изъ нихъ припрутъ, радъ... Купецъ-то зонъ: охъ-хо... Хорошо! Отлично!

Михаилъ Иванычъ, извѣстный давно на заводѣ за строитиваго и неповорнаго человѣка, послѣдней своей исторiей съ камнемъ и арендаторомъ, окончательно повредилъ себѣ; и такъ-какъ всѣ частныя заводчики смотрѣли на ропотъ его не иначе, какъ на бунтъ, то Михаилъ Иванычъ, выгнанный съ завода, остался буквально безъ куска хлѣба, ибо его нигдѣ не принимали. Въ эту пору его можно было встрѣтить въ небольшихъ подгородныхъ деревенькахъ, гдѣ онъ писалъ бабамъ письма и прошенiя, получая за работу яйцо, кусокъ хлѣба. Письма выходили такого рода: «Честь имѣю извѣстить васъ, единоутробная дочь наша Авдотья Андревна, что мы, родители ваши, съ маia мѣсяца сего ... года, состоимъ безъ куска хлѣба, и почтительнѣйше увѣдомляемъ васъ, что подавнiя отъ мирового посредника съ сего... мѣсяца настоящаго сего года — прекращены и т. д.» Извѣщанiя о деревенскихъ новостяхъ, Михаилъ Иванычъ всегда умѣлъ среди неурожаевъ и подавнiй вставить нѣкоторыя фразы, обрѣтавшiяся въ фондѣ его образованiя и просiанiя. Но такой работы было мало. Работы мужицкой — косьбы онъ исполнять не могъ, у него болѣли ноги отъ стоячей заводской работы, и поэтому дол-

тое время пробавлялся чѣмъ могъ: ловилъ рыбу, заспалъ гдѣ-нибудь въ гуртовщичьемъ сараѣ, откуда его выхлестывали длинные гуртовщичьи кнуты и т. д. Среди этой нищеты и одиночества, въ головѣ Михаила Ивановича воскресло воспоминаніе о Максимѣ Петровичѣ, и больная душа его тотчасъ же наполнилась какою-то неопредѣленною надеждою на его помощь, а больная забитая голова довела эту фантастическую надежду до громадныхъ размѣровъ. Большіе, быстрые глаза голоднаго Михаила Ивановича и его фразы на счетъ этихъ надеждъ, на счетъ чугушки и Петербурга, — весьма разсмѣнили юнаго потомка господъ Уткиныхъ, когда тотъ однажды вечеркомъ, проѣзжая по дорогѣ на старой громадной и худой лошади, случайно наѣхалъ на Михаила Ивановича, лежавшаго въ канавѣ и бормотаващаго:

— Нѣтъ, братъ, не то время... Дай чугушку обладать...

О барчукѣ Уткинѣ намъ покуда надо знать только то, что денегъ у него не было; что жилъ онъ въ имѣніи, подлежащемъ опиеси; думая, воочервѣхъ, основательно заняться подготовленіемъ къ практической дѣятельности, онъ въ то же время неменѣе основательно думалъ и овладѣть прикащичьей дочерью, и проч. и проч., и всѣ эти вопросы разрѣшалъ ввезающимъ выстрѣломъ изъ ружья въ глубинѣ отцовскаго сада, разговоромъ съ пріѣзжимъ изъ города гостемъ о современныхъ вопросахъ, которые прерывались тотчасъ по появленіи, гдѣ-нибудь вблизи, деревенской бабы; поѣздой въ городъ на гулянье и проч. Изъ всего этого слѣдуетъ, что барчукъ скучалъ, и среди скуки, лежащій въ канавѣ Михаилъ Ивановичъ могъ обратить на себя его вниманіе.

— Вы кто такой? спросилъ барчукъ, когда Михаилъ Ивановичъ высочилъ изъ канавы.

— Отставной рабочій... съ заводу-съ... Выгнанъ за бунты.

— За что?

— За бунтованія... Потому, что я бунтовался, производилъ, наприимѣръ, возмущенія... мятежи...

Это было до того любопытно, что Уткинъ тотчасъ же нашелъ нужнымъ сдѣлать полезное дѣло, пріютить Михаила Ивановича, тѣмъ болѣе, что это дѣло не стоить ни копейки. Михаилъ Ивановичъ поселился въ кухнѣ, и въ короткое время пошелъ у всѣхъ за большого чудака. Не одинъ барчукъ смѣялся всякій разъ, когда изъ устъ его выходили слова въ родѣ «прижимка», «къ осьмому часу», «увѣдомился» и проч. Причины этому были его рваные локти, поставленные рядомъ съ Петербургомъ и чугушкой. Въ сущности же, Михаилъ Ивановичъ былъ человѣкъ, потерявшій отъ отечественной прижимки въ тысячу разъ бо-

лѣе другихъ, вслѣдствіе того несчастія, которое онъ опредѣлялъ словомъ «просіяніе ума»; человекъ, которому осталась одна утѣха — созерцать мученія людей, привыкшихъ жить на чужой счетъ.

И если согласиться съ тѣмъ, что такіе люди были; что благодаря прижимкѣ, воздѣланной ихъ руками, росли цѣлны поколѣнія, — то Михаилу Иванычу предстоитъ большая потѣха.

II.

Въ ожиданіи чугунки.

Исполняя нѣкоторыя порученія барчука, Михаилъ Иванычъ хотя и не ѣлъ даромъ господскаго хлѣба, но и не былъ особенно заваленъ работой, такъ что, помимо поѣздокъ въ городъ по порученіямъ, у него оставалось еще достаточно времени, чтобы отдохнуть, отдышаться на свѣжемъ воздухѣ. И въ Жолтиковѣ была въ этому всякая возможность. Стоитъ оно на высокомъ холмѣ, окруженное лѣсами, оврагами, дугами. Заморенный городомъ, Михаилъ Иванычъ благоговѣетъ передъ природой, какъ не можетъ благоговѣть деревенскій житель; гроза здѣсь не то, что въ городѣ, въ рабочей слободѣ. Тамъ громъ колотить въ крышу, шатаетъ печную трубу, за которую нужно платить печнику; результаты ея — грязь по колѣно и лужи, по которымъ люди ходятъ съ проклятіями. Въ деревнѣ это явленіе принимало другой видъ, и Михаилъ Иванычъ могъ опредѣлять его только словами «премудрость», «благодать»... Собаки деревенскія, карауляція отъ лихихъ людей, тоже возвышались, по его понятію, деревню передъ городомъ, гдѣ ту же должность исполняли будочкики, сворачивающіе скулы...

— Собачка, говорилъ онъ: — она умница; а съ ней могу повзрять, а съ хожалымъ у меня игра слабая...

Густой старинный садъ, весь изрѣзанный заростающими дорожками, также манитъ Михаила Иваныча; по цѣлымъ часамъ онъ бродитъ въ этихъ заброшенныхъ аллеяхъ, слушая птицу, шумъ засѣи, а иногда и засыпаетъ сидя на подгнившей блѣдно-зеленой лавкѣ... Но озлобленная прижимкой душа Михаила Иваныча не могла долго быть покойной, тѣмъ болѣе, что на каждомъ шагу попадались вещи, гдѣ Михаилу Иванычу выглядывалъ чужой трудъ, потраченный безъ толку...

— Михаилъ Иванычъ! говоритъ барчукъ, торопливо проходя мимо него, по саду, чтобы ошарашить изъ ружья галку. — Такъ увиделись?...

— Я довольно аккуратно въ жизни своей увидѣлся, какъ

простому человѣку... начинаетъ Михаилъ Ивановичъ вслѣдъ барчуку; но въ этотъ моментъ раздается оглушительный выстрѣлъ, крикъ разлетающихся галокъ и лай собакъ...

— Эхъ, ума-то нагулялъ! пронычески шепчетъ Михаилъ Ивановичъ, качая головою. — Сколько чай хребтовъ на эдакую-то терю пошло... Прокъ!...

— Были у Синицына?... возвращаясь съ убитой галкой спрашиваетъ барчукъ.

— Былъ-съ.

Михаилъ Ивановичъ говорить съ сердцемъ, но старается скрыть это.

— Аффигишь не было-съ, разобранны... продолжаетъ онъ.

— Что жъ въ городѣ?

— На столбу объявлено воздухоплаваніе слона... въ ермитажъ... Рубь за входъ.

— Чортъ знаетъ, что такое!

— Во всѣхъ Европахъ одобряли монархи, прибавляетъ Михаилъ Ивановичъ, не скрывая сердца, и какъ бы говоря въ то же время: «стойшиш ли ты слона-то смотрѣть».

По уходѣ барчука, на травѣ остается мертвая птица. Михаилъ Ивановичъ смотритъ на нее и говорить:

— Вотъ это господское дѣло!... Хлопнулъ, и пошелъ. А ружье кто ему выработалъ?

Достаточно такого случая, чтобы всѣ соображенія Михаила Ивановича объ участи простаго человѣка поднялись цѣлымъ роємъ; черезъ пять минутъ по уходѣ барчука, его уже можно встрѣтить въ кабакѣ передъ цѣловальникомъ.

— Не безпокой!... Оставь меня! умоляетъ цѣловальникъ, съ трудомъ приподнимая тяжелую голову, покойно лежавшую на локтяхъ. — Не абезпокойвай меня.

— До ку-уда-а? надсѣдается Михаилъ Ивановичъ. — Докуда бѣдному человѣку разутымъ ходить? что на него работали, сколько денегъ на него дуromъ пошло?...

— Михайло! вскрикиваетъ цѣловальникъ. — Какія мои слова?

— Михаилъ Ивановичъ, что вы человѣка обезпокойваете? вмѣшивается цѣловальничка. — Ступайте отсюда. Вы Бога забыли.

— Н-недолго настрѣляетъ! Ниѣ-этъ... Вонъ ужъ приторговываютъ мужички домъ-отъ...

— Уд-ди! Я тебя сейчасъ... ту-исъ... Удиди!

— Эки боровы! гнѣвно-дрожащимъ голосомъ говорить Михаилъ Ивановичъ, и уходитъ куда-нибудь въ другое мѣсто досказывать то, что не удалось досказать здѣсь.

— Ха, ха, ха! грохочуть черезъ нѣсколько минутъ на мельницѣ... Кормили вѣли яво, а онъ въ галку.

— Д-да-а! братъ!... Кабы ежели бы онъ отдалъ...

— Держи карманъ! Отдалъ!... Хо, хо, хо...

У Михаила Иванича тагъ много накипѣло въ груди, что никакой слушатель не въ состояніи выслушать всего, что онъ желаетъ сказать. Это обстоятельство служитъ причиной, что всѣ считаютъ его чужакомъ, который почему-то злится, толкуя о какой-то галкѣ или о ружьѣ. Съ другой стороны, постоянная насмѣшка всѣхъ, отъ барчука до приемища, и отсутствіе достаточно внимательныхъ слушателей, заставляютъ его чувствовать себя совершенно одинокимъ, покинутымъ. Михаилъ Иваничъ, у котораго на умѣ, что, съ открытіемъ чугушки, ему совершенно необходимо съѣздить въ Петербургъ, вдругъ начинаетъ беспокоиться, что чугушка ужь открыта и ушла безъ него. Въ такомъ случаѣ, есибы у него и не было порученій отъ барчука, онъ выпрашивалъ бѣговья дрожжи и ѣхалъ въ городъ.

Часу въ восьмомъ утра дрожжи его торопливо мелькають по березовой аллеѣ, пролегающей мимо церкви и поповскихъ домовъ. Михаилъ Иваничъ, подкрѣпленный свѣжестью и блескомъ лѣтняго утра, весело похлестываетъ лошадь и весело смотритъ впередъ, не обращая вниманія на то, что какой-то краснобай кричитъ ему:

— Ушла!... въ ночь ушла!... ха, ха, ха.

Эта насмѣшка заставляютъ его еще поспѣшнѣй добраться до холма, съ высоты котораго открывается видъ на городъ, изобилующій золотыми крестами, красными и зелеными крышами. Картина эта не останавливаетъ его вниманія, — онъ смотритъ лѣвѣй, гдѣ видна желтоватая насыпь дороги, недостроенный вокзалъ, и толпы людей съ тачками...

— А вѣдь, пожалуй, и ушла! думаетъ онъ и быстро подкатываетъ къ вокзалу.

— Чтò, ребята, не ушла машина? адресуется онъ къ рабочимъ на лѣсахъ.

— Нѣтъ ишла!...

— Ай не обладили?

— Облаживаемъ.

— Ладьте, ребята!... Ладьте, матушки... Проворнѣй!

Тагъ-вагъ Михаилу Иваничу всегда остается очень много времени, то онъ позволяетъ себѣ шажкомъ объѣхать вокзалъ, оглядываетъ его и говорить:

— Тутъ ума надо!...

— По три сажени дровъ жреть съ маху! кричатъ рабочіе съ лѣсовъ, стуча топорами и шурша щекотурками.

— Стоять! Стоять этакой шутовкѣ и поболѣ!... съ увлеченіемъ говоритъ Михаилъ Ивановичъ, и въ заключеніе прибавляетъ:

— Ну, ладься... Облаживайте, ребята. Старайтесь, чтобъ ошибки какой не было...

Путь лежить въ городъ черезъ слободку Яндовище, гдѣ у Михаила Ивановича между рабочимъ народомъ много знакомыхъ, такъ-какъ здѣсь онъ самъ живаль долгое время. При въѣздѣ въ улицу, начинающуюся кузней, лицо Михаила Ивановича теряетъ то оживленіе, которое придадо ему утро и чугузка; лошадь, которую онъ начинаетъ называть «горьвая», «мертвая», — идетъ тихо; Михаилъ Ивановичъ ѣдетъ по тому царству прижиман, отъ которой единственное спасеніе, — Максимъ Петровичъ; ибо ни въ этихъ домищахъ, освѣвшихъ навадъ, во время приколачиванія къ нимъ нумера, ни въ этихъ трубахъ, положикъ на рѣшето, ни въ этихъ воротахъ, слѣпленныхъ изъ дощечекъ, — рѣшительно не усматривается того, по поводу чего Михаилъ Ивановичъ могъ бы сказать: «не то время!» какъ это онъ говоритъ при видѣ доживающаго произвола...

— Ваня! грустно сказалъ Михаилъ Ивановичъ, остановившаяся у одной кузни, лѣпившейся рядомъ съ крошечнымъ дворникомъ.

Высокій, черный и худой человекъ, стоявшій въ глубинѣ кузни у пылающаго горна, только обернулся на эти слова, вытаращенными глазами и не сказавъ ни слова.

— Ванюша! повторилъ Михаилъ Ивановичъ, привязавъ лошадь и входя въ кузню.—Что-о? Здорово! Обмякли дѣла?...

Вмѣсто отвѣта, Ваня сердито и торопливо засунулъ желѣзо въ горнъ и попрежнему, не говоря ни слова, вышелъ изъ кузни, при чемъ большіе вытаращенные глаза его какъ бы сказали: «въ кабагъ». Идя сюда проворно шедшаго Вани, Михаилъ Ивановичъ видѣлъ, какъ онъ, не оглядываясь и какъ бы мимоходомъ, овладѣлъ желѣзнымъ баутомъ, видѣвшимся изъ-за ставни одной хибарки, — и юркнулъ въ кабагъ. Нужно было не болѣе секунды, чтобы оторванный баутъ былъ грохнутъ на кабашную стойку, чтобы цѣловальникъ, мелькомъ взглянувши на него, — спихнулъ его куда-то въ яму подъ стойку, — и выставилъ воду.

— Это такъ-то? сказалъ Михаилъ Ивановичъ, взглянувъ на Ваню.

Но Ваня, молча совершившій все это, такъ же молча и торопливо выпилъ стаканъ водки, отошелъ въ уголъ и обернувшись оттуда, буркнулъ Михаилу Ивановичу:

— Обмѣло!...

И снова сжалъ ротъ, загадочно смотря на Михаила Иваннча глазами, какими смотрятъ нѣмые. Михаилъ Иваннчъ тоже смотрѣлъ на него...

— Они потеряли всякій стыдъ! пояснилъ цѣловальникъ.— Потому, что они въ настоящее время обирадываютъ другъ друга — въ лучшемъ видѣ. Даже удивляешься, прибавилъ онъ стѣдливо.

Но Михаилъ Иваннчъ, не обращая вниманія на это объясненіе, и глядя на Ваню, видѣлъ, что прижимая цвѣтеть и не увидаетъ. Она изуродовала человѣка до того, что онъ лишился возможности выразить то, что у него на душѣ, — а можетъ только тупо смотрѣть, молча плавать, скрипѣть зубами и вертѣть пулакомъ въ груди...

— Убѣчь отъ васъ, — одно! сказалъ Михаилъ Иваннчъ, вздохнувъ и отводя отъ Вани глаза.— Надо, надо убѣчь...

— Что, душишки, робко произнесла женщина, войдя въ кабакъ.— Бауту не получали ни отъ кого?

— Какіе бауты-съ! гордо отвѣтилъ цѣловальникъ, не поднимая глазъ.—Что такое-съ? Что вы считаете?... У васъ нѣтъ-ли чьихъ?..

— Я вить, такъ... Чуть... Что ты?

— То-то-съ!... Почему у Андрея трехъ досокъ въ крышѣ нѣту?...

— Увспросить нельзя! сказала женщина, улыбаясь беззубнымъ ртомъ.— Набрасывается...

— Отыщите-съ! заключилъ цѣловальникъ.

— То-есть, только бы Господь вынесъ! испуганный этимъ обманомъ и грабежомъ, проговаривалъ Михаилъ Иваннчъ.—Надо, надо въ Питерь!... Что это вы? отнесся онъ къ Ванѣ, который все время сновалъ и останавливался, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

— Жена! брякнулъ тотъ, хваталъ стаканъ и однимъ шагомъ очутился на улицѣ...

Михаила Иваннча рвануло за сердце.

— И что это еще эти шуры выдумываютъ? Гдѣ она? Я ей... сердито говорилъ онъ, догоняя Ваню... Чего они еще мудруютъ, не умудратся?... Вездѣ нашего брата обчищаютъ, а тутъ домой придешь избитый да измученный, — и тутъ тебя еще ожигаютъ! Одуражи! Баловаться-то не съ чего... Ошалѣли!...

Говоря такимъ образомъ, онъ дошелъ до Иванова жилья и отыскалъ его жену. Это была внемоденная, какая-то сырая женщина, младая, словно полинялое платье, въ которомъ она была.

— Что вы, Федосья Петровна, забунтовали? Что вы заставляете мужа воровать чужое, да въ кабакъ таскать? Почему такъ?

Али вы не знаете, что и безъ этого нашъ братъ терпѣть? Что вы-съ. Себя пожалѣйте.

— Я, Михаилъ Ивановичъ, не бунтуюсь... едва внятно и испуганно проговорила жена Вани.

Смущенный тономъ ея голоса, Михаилъ Ивановичъ, уже гораздо тише, продолжалъ:

— Какъ же не бунтуетесь? Ужь съ чего же нибудъ да пьеть оиъ? Ужь что нибудъ да...

— Потому что Иванъ Ивановичъ въ томъ имѣють сердце, что я не своимъ дѣломъ занимаюсь.

— А вы бросьте! У васъ свое хозяйское дѣло на рукахъ. Чтѣ вамъ въ чужое соваться? Вы и съ бабынь-то дѣломъ много помочи окажете... Вы, значить, держитесь своего...

— Чего жъ мнѣ, Михаилъ Ивановичъ, за свое дѣло держаться, коли нѣту у насъ никакого хозяйства? Печка развалится и совсѣмъ безпеченіе получимъ. Чтѣ я буду хозяйствовать? Полѣна дровъ нѣту.

Михаилъ Ивановичъ оглянулъ желье и молчалъ.

— А Иванъ Ивановичъ въ томъ сердчатъ, что я имъ хочу помочъ оказать. Когда у меня женскаго дѣла нѣту, я мужскимъ хочу заняться... Думаю: обучусь я ихнему мастерству. Все что-нибудъ добуду для дома... За это они и сердчатъ и бьютъ, коли увидятъ, что я на стангѣ занимаюсь. «Не твое дѣло! что ты баба можешь!...» Только у нихъ и словъ. «Не видано этого, чтобъ баба»... и бьютъ... «Дайте мнѣ обучиться!»—а они...

— Ахъ, оиъ, стоеросовая дубина! озлился Михаилъ Ивановичъ и вскочилъ.—Чучело! закричалъ оиъ на Ваню.—Что ты мудруешь? Да что вы? Вы очумѣли совсѣмъ...

Ваня стоялъ къ нему спиной и не отвѣчалъ.

— Какъ же ты не понимаешь, что жена хочеть тебѣ пользу дѣлать? Это вотъ никто тебѣ помочи не давалъ, такъ ты и не вѣруешь...

— Не видано! буркнулъ Ваня и заворочалъ мѣхами.

— Да дай ты ей обучиться-то, дубина!... Попадись къ вамъ человекъ съ понятіемъ, вы его въ гробъ вгоните... Вы очумѣли...

Михаилъ Ивановичъ долго вразумлялъ Ваню насчетъ пользы, которую ему хочеть оказать жена, но въ голову его собесѣдника рѣшительно не входила мысль о томъ, что кто нибудъ можетъ ему помочъ. Оиъ молча ворочалъ мѣхами и калилъ свое лицо среди летѣвшихъ искръ. Кромѣ отрывистаго «не видано», Михаилъ Ивановичъ не могъ добиться ни слова.

— Ну, чортъ тебя возьми! забѣшенно проговорилъ оиъ и

ушелъ. — Окопывайте... Тутъ съ вами самъ загремишь. Вотъ сдѣлай, сдѣлай съ ними... Ахъ, убѣгу, убѣгу!

— Надбавка? это будетъ! донеслось до Михайла Иванича, когда онъ старался поскорѣй выхлѣзть изъ этой ужасной стороны.

Эти слова, произнесенныя весьма самодовольнымъ голосомъ среди стонущаго царства прижимки, заставили его остановить лошадей.

— Кто надбавляетъ? отрывисто спросилъ онъ високаго подгулявшаго рабочаго.

— Проѣзжай, закричалъ тотъ.

— Пошелъ своей дорогой! Допроцигъ нашелся!... прибавилъ другой спутникъ.

— Ты не зѣвай! оборвалъ его Михайлъ Иваничъ. — Я, братъ, самъ зѣвать-то умѣю; а коли ежели у тебя спрашиваютъ, отвѣчай почеловѣчи. Что я тебѣ сдѣлалъ? Что ты пособачьи лаешь!.. Кто дастъ надбавку?

— Хозяинъ! тоже отрѣзалъ рабочій сердито и пошелъ въ кабакъ.

Михайлъ Иваничъ не оставилъ его и отправился вслѣдъ.

При его входѣ, небольшой котелокъ, хранившійся подъ полой одного изъ рабочихъ, тѣмъ же порядкомъ, какъ и баутъ, загремѣлъ подъ стойку. Два друга усѣлись за выпивкой.

— Кто такой надбавщикъ явился? спросилъ Михайлъ Иваничъ.

— Говорю: хозяинъ, новый... молодой...

— Надбавилъ?

— Ожидаемъ... Потому большое стараніе есть въ немъ объ насъ... Обхожденіе благородное... Собралъ всѣхъ посередь двора, пилъ чай вмѣстѣ... умѣстяхъ съ нами... Вы, говорить, потеряли образъ Божій... лихъ, напримѣръ... отъ этого вы н...

— Ну, ну! понукалъ Михайлъ Иваничъ.

— Ну... призываетъ къ себѣ, лежитъ на диванѣ и разговариваетъ: «Идешь ты, говорить, по базару, видишь картину, а понять не можешь,—обидно тебѣ?» Мы ему: «обнаковенно намъ стыдно»... Ну, надо грамоту... Календари выдалъ...

— Вычелъ?

— Дарромъ! Эва... Такъ — «на!» Чтобы справка была... какой, напримѣръ, теперича штрафъ... въ кое время... и все такое...

— Стараются, чтобы мы въ нему чувствовали стыдъ!.. присовокупилъ другой товарищъ рабочаго. — Теперь у насъ стыда нѣту. Мы разобьемъ року, идемъ какъ росписанные, словно господа въ шляпкахъ... Намъ горя мало... А въ то время, чтобы

мы стыдился этого... Вотъ въ чемъ! Чтобы мнѣ, говорить, не страшно было подойти къ вамъ... Потому вы въ родѣ чертей...

Какъ я благородны были планы новаго московскаго хозяина, не Михаилъ Иванычъ, узнававшій прижимку во всѣхъ видахъ и оболочкахъ, не могъ не замѣтить ея и здѣсь, хотя, быть можетъ, хозяинъ и не имѣлъ ее въ виду. Но такъ-какъ тотъ же хозяинъ, требовавшій отъ рабочихъ образа Божія, самъ жертвовалъ имъ только компаніей за чайнымъ столомъ, да календарями, которые стоятъ ему — грошъ, то злоба Михаила Иваныча закипѣла еще сильнѣй.

— Эхъ, чумовые! сказалъ онъ, тряся головой. — Неладенъ вашъ хозяинъ-то, погляжу я...

— Оставь, не говори.. Елова голова!.. Чай пилъ...

— Н-не ладенъ!.. настаивалъ Михаилъ Иванычъ. — Зачѣмъ тебѣ стыдъ?

— Эва! Дѣя аккурату... само собой... чтобы я его чувствовалъ...

Рабочій остановился.

— Ну, а коли ежели ты чувствовать его будешь, — складнѣй будешь, али нѣтъ? Ужь тогда ты не понесешь котелковъ въ кабакъ?

Рабочіе молчали.

— Теперича у тебя стыда нѣту, и то ты котлы въ кабакъ таскаешь, а какъ да стыдъ-то у тебя будетъ—ты и совѣмъ пропьешься. Теперь и безъ стыда ты пужливъ, теперь тебя хозяинъ и безъ образу можетъ оболванивать по вкусу... А со стыдомъ-то ты еще пужливѣй будешь. Тебѣ ужъ будетъ стыдно къ хозяину грубо подойти... Не нужно нашему брату стыда! зашумѣлъ Михаилъ Иванычъ. — Не надо-о! Съ насъ драть стыда нѣту — и намъ требуется вдвое того... Эхъ, тетери!..

— Это, батъ, ты вѣрно... Это ты...

— Онъ чаю-то съ вами на двургривенный выпилъ, а ты вонъ ужъ котелокъ-то женинъ тащишь... Тебѣ неловко къ нему подойти, попросить... Ты и будешь свое таскать, жену, ребятъ грабить... А пропьешь, онъ тебя за грошъ возьметъ: «Кабы ты имѣлъ образъ, я бъ тебѣ больше...» А вѣдь и образъ-то ты отъ него потерялъ...

— А именно что женинъ я котелъ спихалъ!..

— Ну, на что тебѣ календарь?..

— Ды я его пропилъ! завоочилъ мастеровой, и громкій хохотъ раскатился по кабаку.

— А зѣваешь, дуракъ! сказалъ Михаилъ Иванычъ мастере-

вему. — За что ты меня облажал вчера? Спросить у тебя, у дурака, нельзя ничего. После чая-то ровно собака съѣлася.

Хохотъ продолжался, но разсерженный Михаилъ Иванычъ ушелъ, не сказавъ никому ни слова.

Такия сцены наполняли безнадежностію душу Михаила Иваныча, и всякій разъ, насмотрѣвшись на нихъ, онъ искалъ случая сорвать на комънибудь сердце. «Куды лѣзешь!» кричалъ онъ тогда встрѣтившемуся купцу: «держи лѣвѣй, словая голова!» — «Но-но!.. Я, братъ, тебя за эти слова...» — «Нонче, братъ, и я тебя ожу, держи своей дорогой... Что купецъ, такъ и прѣй на человѣка...» Въ эти минуты ему необходимо было утѣшиться врѣлищемъ сценъ, гдѣ бы человѣкъ, имѣвшій въ рукахъ власть надъ простымъ человѣкомъ, самъ попадалъ въ лани къ прижимкѣ. И такой уголокъ былъ у Михаила Иваныча.

— Пойдемъ къ Арины! говорилъ онъ, хлестнувъ лошадь возгой.

Арина принадлежала къ числу тѣхъ субъектовъ, которые въ нынѣшнее время поднялись снизу вверхъ. Михаилъ Иванычъ недолюбливалъ ее за то, что она занималась ростовщицествомъ, то-есть все-таки болѣе или менѣе разбойничала; но онъ охотно прощалъ ей это занятіе ради тѣхъ страданій, которыя она вынесла во время долгаго подневольнаго житія въ крѣпостныхъ. Вся улица, гдѣ стоялъ домъ ея господъ, называла этихъ послѣднихъ звѣрями, и дѣйствительно это были какіе-то охотники воевать надъ простымъ человѣкомъ. Подѣзжая, напримѣръ, къ дому, баринъ не звонилъ и не стучалъ въ дверь, а только провозглашалъ: «ворота!», будучи почти увѣренъ, что голосъ его не можетъ достигнуть кухни, стоявшей въ глубинѣ двора. Крикъ этотъ повторялся нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока ктонибудь изъ прислуги случайно не замѣчалъ барина и не отворялъ воротъ. Но баринъ сидѣлъ на морозѣ, ждалъ — и начиналось дранье и бушеванье. Не было ни у кого такой заморенной, забитой прислуги, какъ у этихъ господъ. Она находилась у всѣхъ сосѣдей въ глубокомъ презрѣніи потому, что слыла за воровъ и мошенниковъ; нельзя было повѣсить сушить бѣлья, пустить дышать на улицу, чтобы все это тотчасъ же не было похищено ими. Арина находилась въ числѣ этой заморенной прислуги, и всю жизнь не видала свѣта Божьяго. Среди этого житія она сдѣлалась совершенной дурой. Странно было глядѣть на ея мснутанные глаза, когда она, бывало, позднимъ вечеромъ пробиралась въ какуюнибудь сосѣдскую кухню и тайкомъ продавала здѣсь молоко, или какойнибудь платокъ, цѣна которому былъ грошъ. Не одинъ Михаилъ Иванычъ могъ уважать ту непомѣрную силу

терпѣнія Арины, которое помогло ей, среди этого варварскаго жита, скопить кое-какія крохи, доставившія ей впоследствіи завидную долю вліянія надъ благородными. Послѣ крестьянской реформы, господа ея, убивше необходимостью отнять свои руки отъ щель и волость рабовъ, какъ-то скоро исчезли съ лица земли — умерли. Арина, въ эту пору уже старая женщина, подыскала себѣ какого-то юнаго дурака изъ кучеровъ, женила его на себѣ и стала отдавать подъ проценты деньги. Такъ-какъ вѣсть съ крестьянствомъ рухнуло благосостояніе и чиновной мелкоты, населяющей переулки, то Арина въ короткое время съумѣла изловчиться въ пользованіи такими терминми, какъ «строкъ», «процентъ», «подъ росписку», загнала въ вѣдра своихъ сундуковъ безпорочныя пряжки, шпаги, мундиры съ фалдами, купила домъ и могла жить въ свое удовольствіе.

— Ёшь! говорила она своему супругу.

— Надоѣло... буди... потагиваясь, говорилъ тотъ.

— Чего жь тебѣ? Можеть, тебѣ чего сладкаго, либо моче-наго?

— Пожижа-ба! Съ кислиной-ба чего!..

— Ну, съ кислиной. Вотъ объ чемъ! Коли бы не было... А то вѣдь — слави... Слава Богу...

Говоря такъ, она любила пориться въ своихъ сундукахъ, полюбоваться своимъ добромъ, переложить его съ мѣста на мѣсто, развѣситъ всѣ эти мундиры по заборамъ и посередь двора, ходила при этомъ близъ нихъ и, утомленнымъ голосомъ говорила слушателю:

— Куда человѣку безпокойно, коли ежели денегъ у него много... Ахъ, какъ ему безпокойно!.. Только мученье черезъ это... Охъ, деньги, деньги!..

Михану Иваничу было пріятно полюбоваться этимъ торжествомъ замореннаго человѣка, и онъ заѣзжалъ сюда отвести душу, хотя въ сундукахъ Арины покоились его двѣ рубашки и жилетка.

— Ну, что, корга, говоритъ онъ, входя къ Аринѣ: — какъ грабишь? все ли аккуратно обованиваешь?

Арина, одѣтая въ ваточную кацавейку, подноситъ водку какому-то мужичку, и говоритъ, не обращая вниманія на Михану Иванича:

— Кушайко-сь, Иванъ Евсѣвичъ!.. На доброе здоровье, дай Богъ вамъ счастливо!..

— Дай вамъ Господи! говоритъ мужичокъ.—Коли ежели Богъ дастъ, укупимъ его у господъ.

— Чего это? виѣшивается Миханъ Иваничъ.

— Дворецъ господскій имѣемъ намѣреніе...

— Дворецъ!.. жеманно и какъ бы недовольно говоритъ Арина.— Дворецъ господскій укупають... словно бы диво какое...

— Важно! важно, братъ! Тяни его! Вытягивай изъ чулка-то шерстяного, что утаилъ... Именно богатое дѣло... Вали!

— Хе-хе-хе!.. съ мужичкомъ мы тутъ... признаться... хихикалъ лисенскій Евсѣвичъ.

— Подбавьте! злобствуетъ Михаилъ Ивановичъ. — Очень пре-восходно! Вали въ лаптяхъ въ хороми, чего тамъ? Утрафьте, чтобы при господахъ, прямо съ корытами да онучами... Чего-о? Именно! Хектуру эту барскую — безъ вниманія!..

— Хектура намъ — тѣфу!.. Что намъ съ простору-то? Простору въ полѣ много...

— Что съ него, съ простору? тѣмъ же тономъ присовокупляетъ Арина.

— Намъ, главная причина—загѣво! Мы изъ яво, изъ дворца-то, загѣва одного надергаемъ — эво-ли кольки!..

— Дергай, братъ! Выхватывай его оттѣдова...

— А которая была эта хектура, — камень, напривѣрь, кирпичъ — рѣдкостные!.. Кабаковъ мы изъ него наладимъ по траву съ полсотни... Вѣрно такъ...

— Разбойничайте, — чаво тамъ? запрету не будетъ!

— Какой запретъ? Мы дѣла свои въ аккуратности, чтобы ни Боже мой...

— Ну, выкушайте! дай Богъ вамъ! заключаетъ Арина.

При выпиваніи водки, хитроватые глазки Ивана Евсѣвича за-жмуриваются, вслѣдствіе чего все лицо его изображаетъ агнца непорочнаго...

— Ишь, думаетъ Михаилъ Ивановичъ, глядя на нищенскую фигурку Евсѣвича: — узнай вотъ его!..

По части торжества прижимки, исходящей изъ простаго званія, у Арины большая практика.

Не успѣлъ потѣшить Михаила Ивановича убогонскій мужичокъ, какъ сама Арина выступаетъ на сцену съ рассказомъ, тоже пріятнымъ для Михаила Ивановича.

— И что это, я погляжу, говоритъ она, улыбаясь и какъ-то изнемогая: — и сколько это тепериче стало потѣхи надъ ихнимъ братомъ.

— Ну, ну, ну, торопятъ Михаилъ Ивановичъ.

— Даже ужасъ сколько надъ ними потѣхи! Онамедни идетъ, шатается... Я ополченецъ... возьмите въ залогъ галстухъ... военный... Смертушки мои, какъ погляжу на него...

Всѣ хохочутъ: и Михаилъ Ивановичъ, и Евсѣвичъ, и дуралей мужъ Арины осмалить свое глупое, толстое и масляное лицо.

— Что жь это вы, говорю, по вашему званію и безъ сапогъ? трясаь отъ смѣха, едва можетъ произнести Арина. — А лакей унесъ чистить, не приносаль.

Новый грохотъ, еще продолжительнѣе перваго.

— Обвязанъ я по визитамъ безъ сапогъ...

Смѣхъ захватываетъ у всѣхъ дыханіе, такъ что въ комнатѣ царить молчаніе, среди котораго смѣющихся хватаются за желудки, закидываютъ назадъ головы съ разинутыми ртами и потомъ долго стонуть, отплеиваются и отчиживаются.

— Хорошенько-о! Хорошенько, братъ!.. красный отъ смѣха, говоритъ Михаилъ Ивановичъ, нагибаясь къ Аринѣ и клоняя ее по плечу.

Эти сцены подрѣзали Михаила Ивановича, и пріятно настроивали его упавшій духъ. Но такъ-какъ на пути въ Жолтиково онъ имѣлъ обинженіе заѣхать въ лавку Трифонова, то ронетъ посѣтителей ее снова начиналъ звать Михаила Ивановича, и онъ начиналъ набрасываться на купцовъ и чиновниковъ, какъ собака...

— Хижина дяди Тома, исполненная декораторомъ Федоровымъ... сурово доглядывалъ онъ барчуку, возвратившись въ Жолтиково, и норовилъ уйдти.

— Куда вы? Погодите! останавливалъ барчукъ, лежавшій на кровати безъ сапогъ, съ книгой въ рукахъ, въ которой онъ перевертывалъ по тридцати страницъ сразу, думая о прикатицкой дочери и норовя при первой возможности отдѣлаться отъ книги. — А въ театрѣ?

— Больше ничего-съ. Съ бенгальскимъ освѣщеніемъ грота... волшебное... Рубъ. Одобралъ монархи...

И никогда скучавшему барчуку не приходилось получить отъ Михаила Ивановича другаго, болѣе ласковаго, отвѣта. Онъ уходилъ и ропталъ гдѣнибудь передъ пьянымъ дьячкомъ.

— Ты думаешь, это ему чугунная дорога въ самомъ дѣлѣ составляетъ препону?... Емму зацарралатъ нечего... во-отъ...

— Оставьте! будетъ вамъ!.. останавливали его.

Такъ проводилъ Михаилъ Ивановичъ время, ожидая чугунную дорогу и утѣшаясь соверпаніемъ обнищавшаго благородства.

III.

Раззоренные.

И нельзя сказать, чтобъ время убавляло эту потѣху; напротивъ, количество людей, поставленныхъ бездеходомъ въ трюга-

тельное и смѣшное положеніе, увеличивалось съ каждымъ днемъ. Еслибы сердце Михаила Ивановича не помнило того сладкаго куска, который въ дни его нищенскаго дѣтства случайно попалъ въ кухню Черемухинныхъ, то онъ бы могъ устроить себѣ славную потѣху, любуясь ихъ теперешнимъ разореньемъ. Но Михаилъ Ивановичъ помнилъ этотъ кусокъ, и узнавъ, что они разерились, сумѣлъ хоронить въ глубинѣ души свою злобную радость, хотя имѣлъ на нее полное право, если принять въ расчетъ прошлое Черемухинныхъ. Черемухины, Птицыны и другія родственныя фамиліи съ давнихъ поръ составляли одно личинное гнѣздо, какиѣхъ вездѣ было много и которыя дорого обходились народу. Родоначальникомъ этого гнѣзда былъ нѣкто Птицынъ, прибывшій въ нашъ городъ изъ какой-то другой губерніи, по приказаніи начальства, которое, оцѣнивъ его «рвеніе и энергію», далъ ему теплое мѣсто и возможность быть сытымъ. При поселеніи Птицына на теплое мѣстѣ, семейство его состояло, воиервыхъ, изъ глухой женивой матери, умѣвшей говорить только одну фразу: «Въ кармакъ-то, въ кармакъ-то поровни поболѣ»; во вторыхъ, изъ жены, которая конкурировала съ мамашей въ болѣе широкомъ пониманіи и изложеніи мыслей на счетъ кармака; затѣмъ, изъ нѣсколькихъ сыновей, воспитанныхъ въ страхѣ божіемъ и въ грабительствѣ, согласно нравоученіямъ бабки и матери, и нѣсколькихъ молчаливыхъ и забытыхъ дочерей... Все это населеніе, немедленно по прибытіи въ нашъ городъ, обзавелось благопріобрѣтеннымъ домоу о множествѣ заднихъ ходовъ и расправило свои необыкновенно цапки руки, разинуло свои глубокія пасти, потянуло къ этимъ рукамъ и пастьмъ толпы просителей и стало жить получая пряжи и благоволенія. Безропотныя дочери были выданы замужъ за людей, тоже желавшихъ быть очень сытими; люди эти тоже расправили пасти и цапки руки, тоже обзавелись сѣнями и задними ходами и, такимъ образомъ, поднялся воистину двенной разбой. Видимость этого разбоя была очень обыкновенна и вовсе не напоминала кровожадныхъ монголовъ, какими въ сущности были всѣ подобнаго свойства люди: это были чиновники, съ зелеными, непривлекательными лицами, съ потухшими глазами, сторбленными спинами; на просителей они въ дѣятельности вовсе не накидывались, а какии-то змѣйными головами потихонечку разговаривали съ ними въ сѣняхъ или на заднихъ крыльцахъ, денегъ у нихъ не выхватывали, а принимали ихъ тогда, когда просители долго передъ этимъ ползали на колыняхъ, умоляли... Полученныя ни за что ни про что чужія деньги устроили въ средѣ этого гнѣзда самыя идиллическія нра-

вы; совѣты глухой и начинавшей слѣпнуть бабы на счетъ кармана встрѣчались съ улыбкой, которую послать взрослому дѣтѣ, принимающемуся разсуждать о незнакомомъ предметѣ, ибо всѣ представители гнѣзда понимали на счетъ этого вторе болѣе. «Что вы учите, безъ васъ знаемъ!» самодовольно говорила ей родоначальница гнѣзда, жена Птицына, и павой ходила по дому, среди семейной бесѣды. О грабежахъ не было и помину; толковали объ отвлеченныхъ предметахъ, о душѣ, о царствіи небесномъ; ходили къ обѣднѣ, пили, спали, цаловали другъ у друга ручки, дѣлались добычей поровну, пьянствовали, родили, крестили и среди этой нечеловѣческой атмосферы росли дѣтей... Птицынъ утопалъ въ счастіи среди этого благолѣпія, гладилъ взяточниковъ-дѣтей по головѣ, точилъ слезы, совершалъ объѣзды по губерніи, при чемъ волостные головы и оголенные деревни пѣли «многая лѣта», единодушно отдавали послѣднія крохи на поднесеніе хлѣба-соли и проч..

Зрѣлище было умиленное, и только Михаилъ Ивановичъ, вращавшійся на заднихъ ходахъ, начиналъ подумывать о грабежѣ гдѣ-нибудь на другомъ полѣ, сознавая всю опасность положенія человѣка среди этихъ слугителей отечеству...

Пированье на чужой счетъ шло долго. Все гнѣздо объѣлось и опалось до потери сознанія, что могутъ существовать на свѣтѣ ревизоры, до потери счета рожденному числу дѣтей; многое множество было поглощено этою прорвою чужихъ денегъ, трудовъ, слезъ... и, наконецъ, настала война, пошли обличенія... Гнѣздо разорено было мгновенно. Черемухины, устроившіе свою жизнь на общихъ, вышензображенныхъ основаніяхъ, были выгнаны и переселились въ другую губернію... Въ семьѣ Птицыныхъ шолъ вой и плачь. Исчезновеніе кармана, изъ котораго можно было произвольно выхватывать сколько душа желаетъ, подорвало даже и идиллію семейной жизни.

— Въ карманъ-то, въ карманъ-то норови! едва дыша лепетала бабка.

— Прокарманили, матушка! Нечего наварманивать-то, плакала ея дочь и съ нѣжностью гладила по головѣ сына, попавшагося въ двадцати уголовныхъ дѣлахъ. — Подалуй меня, зайчикъ мой! говорила она ему.

— Отстаньте вы къ... Богу съ подалуями... Нашли время!.. До чего вы меня довели? оскаливался сынъ на матушку, которую ему не за что было уважать. — Что я отъ васъ видѣлъ, пользу какую? Вамъ только подавай... ризу сдѣлать дали обѣщаніе... Ну, и хваталъ... Вы — мать, развѣ я могу послушаться...

Птицынъ лежалъ въ параличѣ, и надъ нимъ тотъ же рабски погорный смѣхъ срывалъ свой гнѣвъ.

— А называетесь генералъ! Не умѣли во время подмазать ревизора... Вамъ жалъ... А небось, какъ съ меня, такъ подавай... Какъ принесешь—«сумнникъ»... А-а... Богъ васъ наказываетъ... Какой вы отецъ?.. Удавилюсь вотъ возьму!..

Неудивительно, что смѣхъ могъ говорить родителю такимъ образомъ: они были равны въ хищничествѣ.

Такия сцены заставили уйти Михаила Ивановича и искать своего хлѣба, и онъ съ тѣхъ поръ не видалъ ни Птицыннхъ, ни Черемукиннхъ до настоящаго времени. Въ тотъ большой промежутокъ Черемукинъ успѣлъ прожить на чужой сторонѣ всѣ наворованныя деньги, самъ Черемукинъ успѣлъ умереть, а жена его, раздавъ старшихъ дочерей замужъ, воротилась съ младшей дочерью, семнадцатилѣтней Надей, жить на родину. Это была несчастная, невинно страдающая женщина. Грабежъ и пьянство терзали ее въ домѣ отца, по волѣ котораго она вышла за Черемукина и снова попала въ область какого-то рабскаго прозвола, гдѣ ей было вдвое тяжелѣе, потому что, въ качествѣ жены, она должна была раздѣлять хищническіе нравы супруга. Ее мучило то, что дѣти ея выходять среди этой атмосферы какими-то уродами, тоже лгунами и лъстецами... Она что-то все хотѣла сдѣлать, старалась поправить, но ничего не сдѣлала, а только мучилась, молилась въ то время, когда хрипѣлъ пьяный мужъ, и подъ конецъ терпѣла отъ этого мужа самыя страшныя изгазанія; почему-то одна она оказалась въ его глазахъ виновницею всѣхъ его несчастій и достойна была поэтому всякихъ мученій. Уваженія между ними не было никакого, ибо Черемукинъ взялъ ее тоже потому, чтобъ, подъ защитою Птицына, дѣлиться съ кѣмъ нужно... Возвращаясь на родину, она думала чѣмъ-нибудь согрѣть свою измученную душу, но это оказалось невозможнымъ.

— Ты здѣшній, голубчикъ? спросила она у извожника, въѣзжая въ свою губернію.

— Здѣшній, матушка, казенный...

— Чтѣ поминишь ты, былъ у васъ начальникъ?...

И она назвала фамилію отца и потомъ мужа.

— Какъ не поминишь... Этакихъ разбойниковъ да не пом...

— Довольно, довольно, голубчикъ... Не про тѣхъ...

— Чтѣ онъ сказалъ? спросила Надя.

— Нѣтъ, не про насъ, ошибся. Такъ съ дуру, старалась она замать злыя мужичьи слова.

Холодно ей было на родиѣ.

Товарищи мужа, скомпрометированные тѣмъ же, чѣмъ и онъ, сторонились отъ нея, и, какъ пьянчужки, отрезвленные въ кварталѣ, сердито смотрѣли другъ на друга и на нее; инше изъ нихъ, перебравшись въ новые суды, перестали нюхать табакъ, стали бурить сигары, обрились, умылись и старались базаться людьми совершенно новыми или отдѣланннми заново. Всѣ внакомства, всѣ старинныя пріязни какъ будто и не существовали, всѣ они держались на «дѣлежѣ» и кончились вмѣстѣ съ нами. Все было пусто кругомъ; но переносить личную бѣдность было бы не такъ трудно и больно для Черемухиной, еслибы она не попиралась тѣми, которые съумѣли выбиться, подобно Аранѣ, изъ нищеты въ люди. Притѣры такого превращенія приходилось встрѣчать довольно часто, и всякій изъ превращенныхъ считалъ своею обязанностію взглянуть на разоренныхъ господъ, какъ на ровню, но что, конечно, имѣлъ полное право. Однажды, не дотянувъ до получения пенсін, она пошла заложить воротникъ къ Аринѣ, и еслибы не Михаилъ Иванычъ, бывшій тутъ, и узнавшій Черемухину, Арина бы потѣшилась надъ бѣдною, измученною женщиною, которая когда-то покупала у нея молоко.

— Ай вы разорились?.. рассматривая воротникъ говорила она съ жеманною небрежностію.

— Богу такъ угодно...

— Много васъ этакихъ-то... Жили-жили, что нажили?... Что жъ тебѣ дать за оборохъ твой!... рупь болѣ нельзя.

— Ну, ну, полегче! заступился Михаилъ Иванычъ.—Оборохъ? У тебя много ли этакихъ обороховъ было... Съ тебя, не Богъ-знаетъ, что тянуть, три-то рубли онъ двадцать разъ стоитъ.

Михаилъ Иванычъ говорилъ тѣмъ суровымъ тономъ, въ которомъ слышалось почти согласіе съ Ариной.

— Вынимай-ко деньги-то... Чего тамъ?... Со всякимъ случается...

— Воля божія, говорила убитая Черемухина.—Мы должны еѣ покоряться.

— Обнаковенно... Вынимай, вынимай! зеленую-то!.. заступился Михаилъ Иванычъ.

Благодаря заступничеству Михаила Иваныча, Арина не смѣла продолжать своей потѣхи надъ Черемухиними, и съ этихъ поръ, въ ожиданіи желѣзной дороги, Михаилъ Иванычъ сталъ заходить къ нимъ посидѣть, показывать.

Чтобы избѣжать всякихъ обидныхъ столкновеній, Черемухина жила въ глухой улицѣ, въ дешевой квартирѣ, не заводя ника-

жилъ новыхъ знакомствъ, и не возобновляла старыхъ; жила она небольшимъ пенсіонномъ, постоянно была дома, постоянно что-то вязала, выбравъ себѣ мѣстечко у окна, выходившаго во дворъ, и думала. Было объ чемъ ей подумать. Не послѣднее мѣсто въ ея размышленіяхъ занимала дочь Нада, которой было уже восемнадцать лѣтъ и которую надо было пристроить. Но женихи покуда не являлись и Черемухина полагала (про себя), что народъ избаловался, молодѣжь рыщетъ и не думаетъ жить почеловѣчески. Что касается то Нади, то она покуда не испытывала ничего кромѣ звѣрской скуки. Она успѣла уже познакомиться съ хованномъ мѣщаниномъ и его женой; узнала отъ нихъ, что «канка», есть то же, что индюшка, и что занятія хованина въ теченіе шестидесяти лѣтъ состояли въ томъ, что онъ скупалъ этихъ индюшекъ и отправлялъ ихъ въ Москву. Узнала также отъ солдата, который, возвратясь съ ученья, любилъ посидѣть на крыльцѣ и покурить трубочку, что прежде былъ тихій учебный шагъ и скорый шагъ, а теперь осталась одна пальба, а шаговъ нѣту; знала она также всѣхъ мальчиковъ, запускавшихъ змѣи середь улицы, ходила по хованскому саду, видѣла, благодаря его низенькимъ заборамъ, что дѣлается въ другихъ садахъ, посѣщала родныхъ и нигдѣ не находила ничего, кромѣ скуки. Даже лица, къ которымъ она обращалась съ извѣстіемъ «мнѣ скучно», — солдатъ, хованинъ, хованка надоѣли ей и прискучили, точно такъ же, какъ прискучила улица, на которую выходила окна дома, садъ, заборъ противъ оконъ.

Появленіе Михаила Ивановича, какъ новаго лица, было одинаково пріятно, какъ для Черемухиной, которая не видѣла въ немъ открытаго врага, такъ и для Нади, которая въ сопровожденіи его могла идти, куда ей хочется.

Михаилъ Ивановичъ помнилъ Надю маленькой дѣвочкой; въ дѣтствѣ онъ ее иногда каталъ на салазкахъ; увидавъ ее теперь взрослой и невѣстой и не находя въ ея молодости ни разоренья, ни пропалаго, надъ которымъ бы можно было потѣшиться простому челоуѣву — рѣшительно не могъ сердиться вблизи ея и робко ѣхался гдѣ нибудь у двери, если заходилъ посидѣть; а если провозжалъ куда нибудь Надю, то шелъ позади ея, какъ лакей.

Посѣщали они попрежнему тѣхъ же разоренныхъ родныхъ.

Какъ одинъ изъ множества результатовъ прижимки, — домъ Птицына, дѣдушки Нади, представлялъ въ эту пору нѣчто забытое, заброшенное всѣми. Сыновья и родственники разбрелись въ разныя стороны и, отвертѣвшись отъ уголовныхъ дѣлъ, имѣли гдѣ-то, какія-то весьма современныя мѣста — обру-

слин, водворяли, описывали и проч. Птицынъ, его жена и бабка, которая была еще жива, и сынъ Ваня, бывший, во времена лихонимства и процвѣтанія, еще мальчикомъ, всѣ со дня на день ожидали смерти, и умирая лежали въ четырехъ разныхъ комнатахъ, на четырехъ разныхъ кроватяхъ. Дѣйствительно умирающими были въ сущности двое: бабка, Птицынъ и сынъ. Жена Птицына слегла за компанію. Обыкновенно она проводила время въ ругательствахъ и брани, которая обрушивалась на мужа и на бабу; такъ-какъ на умирающаго сына обрушиваться было не за что, а еле-дышавшіе мужъ и бабка не доставляли достаточнаго матеріала для ругательствъ, ибо не оказывали никакого сопротивленія, то роспеканію подвергался всякій, кто только чѣмъ нибудь затрогивалъ ея вниманіе. Съ этими дѣлами она очень часто вставала съ смертнаго одра своего, высовывала голову въ окно и звонкій голосъ ея долго раздавался вдоль улицы...

— Что ты дѣлаешь, сиволопный ты этакой мужланъ! кричала она на водовоза, зацѣпившаго колесомъ ведро, поставленное на углу дома на случай дождя... Дубина!...

— Ну, не больно... Не бывалъ дубиной!... огрызнулся водовозъ...

Этого было довольно, чтобы всѣ оскорбленныя временемъ ввнутренности Птицыной закипѣли кипучей смолой.

— Ка-акъ? Мы подлме? восклицала она, захлебываясь отъ гнѣва, и торопясь оправдать его наваливаніемъ на водовоза такихъ словъ, какихъ онъ и не думаетъ произносить, понимая духъ времени по своему.—Какъ? Я подлячка?... Ахъ ты... Да я тебя въ старое-то время, въ порошокъ бы истерла и по вѣтру развѣяла. Ахъ, ты... Да, я...

Скоро помрачался умъ ея среди такихъ изрыганій, и черезъ нѣсколько времени можно было слышать, какъ изъ устъ ея вылетаютъ самыя нелогическія фразы.

— Мы здѣсь тридцать-восемь лѣтъ живемъ, а не подлме... Не подлячка я... Не подлячка!... У меня сыновья въ Польшѣ, а я не подлаа!

Навоевавшись вдоволь, она шла на смертный одръ, и скоро посылала за попомъ, читать отходную.

Почти всякій разъ, когда Надя, въ сопровожденіи Михаила Иваныча, входила во дворъ дѣдушки, навстрѣчу имъ попадался причтъ, уходившій домой.

— Умеръ дѣдушка? въ испугъ спрашивала Надя...

— Живы! всѣ живы! улыбаясь басилъ дьячокъ, любившій поговорить.— Они пять годовъ отходятъ-сь... н-н-н...

— Земли не принимает! бормоталъ про себя Михаилъ Иванчъ, въ которомъ начинала шевелиться злость.

— Хе-хе-хе... Нѣтъ-съ... Тѣлосложеніе крѣпко-съ, поясняя дьячокъ. — Крѣпче... оченно... Кажется, вотъ, вотъ, — нѣтъ!... Оживають!... Крѣпковаты, Господь съ ними.

— Крѣпче съ чужого-то! ворчалъ Михаилъ Иванчъ. — Кабы со своего... А то тыщу недуговъ на него напусти, не свернешь.

— Хе-хе-хе... Истинно, что въ жилу вы попали!| соглашался дьячокъ. — Потому оченно много генералитету по нонешнему времени представляется, ну, съ упираниемъ.. Не очень-то охотно души ихнія возлетаютъ, хе-хе. Тутъ у насъ страсть, что этакихъ... Кажется, вотъ глаза закатились, — совсѣмъ! а онъ, глядишь, очнулся да по щекѣ когонибудь и сблаговѣстилъ... Хо-хо-хо...

Во время этого разговора Нада стоитъ поодаль, ожидая Михаила Иванча: безъ него ей страшно и жутко войти въ этотъ мертвый домъ, въ этотъ пустынный дворъ, заростающій травой. Разсыпавшаяся бочка и гнилая, словно вставшая на дождѣ водовозка, пустыне сарай и грязная корова, — все это отдавало таюй пустынностію и заброшенностію, что Нада, прежде нежели идти далѣе, непременно обращалась къ Михаилу Иванчу.

— Михаилъ Иванчъ, идите сюда! говорила она нетерпѣливо... Будетъ вамъ разговаривать.

— Ишь, говорилъ Михаилъ Иванчъ, слѣдуя за Надей и глядя на разоренный дворъ: — ишь нагрожено.

И при этомъ ему представлялся тотъ же дворъ, оживленный жирными гучерами, толпами просителей, смѣющимися кухарками, и другими атрибутами счастливаго времени Птицыннихъ.

— Заглохло! запустѣло! бормоталъ онъ, останавливаясь и оглядывая кругомъ. — Кабы на свои настроилъ, небось, — былъ бы глазъ за всѣмъ. Нѣтъ охоты, на чужое натаскано...

Нада не сразу входила въ домъ дѣдушки. Она, занавѣшенная платками и одѣялами, заставленныя щитами изъ вакаихъ-то лоскутьевъ разноцвѣтныхъ шпалеръ, рисовали ей такую кромѣшную тьму, царящую внутри, что она невольно шла въ садъ. Но и здѣсь стояли заброшенныя деревья, съ гнѣздами паутины; въ густой травѣ еле замѣтны были слѣды дорожекъ, бесѣдка стояла безъ дверей. Михаилъ Иванчъ оглядывалъ все это, выгонялъ ногою откуданибудь пустую бутылку и говорилъ:

— Ишь! Пировать умѣли!... Все хинью пошло, все пракомъ...

— Михаилъ Иванчъ! за что вы не любите дѣдушку? спрашивала Нада.

— Да за что жъ мнѣ его любить-то?... Вашему родителю я

обязать, онъ меня призраде... а дѣдушка вамъ мало кому пользы сдѣлалъ.

— Отчего мнѣ не хочется къ нимъ идти? спрашивала Надя, не имѣя надлежащихъ основаній вступить за дѣдушку.

— Да чего хотѣться-то?... Кабы вы его любили. А то и вамъ его не за что любить-то.

Надя молча думаетъ о чемъ-то, но, наконецъ, говорить, дѣливо поднимаясь съ лавки.

— Нѣтъ, люблю!...

— ... За что любить-то?...

Надя не отвѣчаетъ потому, что дѣйствительно не понимаетъ, почему ей нужно любить дѣдушку. Однако, она еще разъ киваетъ головой, какъ бы повторяя: «нѣтъ, люблю»...

— Авдотья! говоритъ она кухаркѣ шопотомъ, входя въ кухню. — Что дѣдушка?

Прежде, нежели отвѣтить, кухарка въ злобномъ молчаніи ворочаетъ какими-то корчагами, ушатами и отвѣчаетъ совсѣмъ не на вопросъ:

— И только бы, только бы вынесъ Господы!...

Авдотья постоянно прокликаетъ Птициныхъ, потому что жизнь ея въ ихъ домѣ дѣйствительно каторжная. На всѣхъ четырехъ умирающихъ она одна прислуга; въ кухнѣ надъ ея головой висятъ четыре колокольца, за которые умирающіе дергаютъ каждую минуту, требуя то того, то другаго; вслѣдствіе этого въ кухнѣ ежеминутно идетъ звонъ, отъ котораго Авдотья потеряла человѣческій смыслъ. До нея здѣсь перебивало множество народу, и каждый изъ нихъ не могъ выжить одного дня, и Авдотья жила только потому, что ей некуда было дѣться съ двумя своими ребятами.

— И какой демонъ уживетъ здѣсь! говоритъ Михайль Ивановичъ, глядя на звонки. — Ишь колокольню какую выстроили... кажется, тыщи рублей не возьму, чтобы мнѣ тутъ... тьфу!

— Сама-то вдарить, вдарить въ колоколець, въ полночь, такъ съ печи кубаремъ и леташь... Всѣхъ ребятъ дураками сдѣлали... Съ испугу плачутъ! дрожащій отъ гнѣва и трудовъ голосомъ, говоритъ Авдотья, продолжая ворочать корчаги. — Баринъ, тотъ дѣлаетъ ударъ легкій. Барчукъ еще тише, а баба, да сама, такъ ужъ ровно бѣшеные! Пуще всего сама: поминутно, поминутно... Баба, та очнется разъ къ дню, а то и въ два, да ужъ и долбонетъ! Прибѣжишь къ ней, а она этакъ-то, ровно рыба, ротъ развѣваетъ: «въ варманъ-то», говоритъ...

— Опоздала! радостно рычитъ Михайль Ивановичъ, удариваясь при барышнѣ отъ болѣе вѣскихъ выраженій. — Ушли

карманы-то, убѣжали... хе-хе-хе... Ишь какъ они привыкли къ чужимъ карманамъ, такъ это даже удивительно, ей-Богу...

— Чтѣ жъ дѣдушка? спрашиваетъ Нада, какъ-то обезсиѣвъ отъ этихъ разговоровъ и узнавъ, что дѣдушки и бабушки живы, еле плетется въ комнату.

Въ комнатахъ прежде всего поражаютъ мракъ и духота, пропитанная ладономъ и запахомъ лекарствъ. Среди этого царства смерти нельзя было бы пробыть одной минуты, еслибы мертвую тьму не нарушалъ голосъ стенавшей и ругавшейся генеральши.

— Ну, какой ты генералъ! Ну, какъ тебя возможно назвать генераломъ? вопіала только что особорованная женщина, стоя надъ умирающимъ мужемъ.— Чтѣ ты нажилъ? Куда ты отъ меня прачеши, кому готовишь?

— Н-нѣту у меня! еле произносить мужъ. — Нѣту...

— Какъ у тебя нѣту, когда ты все на синовіе, да на затинны деньги жишь? Куда дѣвалъ? Умрешь вѣдь... тебѣ жать одна минута... Говори, куда ты дѣвалъ?

Но мужъ ужъ не отвѣчаетъ.

— Въ гробъ ты меня вогналъ! Кабы знала бы, не вышла бы за тебя... Этакого тирана... Этакого душегуба... Ты всѣхъ насъ въ нищіе ввелъ!... Ты сына въ гробъ вогналъ, погляди вонъ поди, полюбуйся на сына-то!...

— Михаилъ Ивановичъ! держась за его рукавъ, говорила Нада въ передней: — я не пойду къ нимъ...

— Дожили до какихъ лѣтъ! качая головою, говоритъ Михаилъ Ивановичъ. — Народъ губили, теперь вотъ Господь наказываетъ, сами себя ѣдятъ; ишь грызутся...

Большею частію, при входѣ Нади, генеральша спрашивала «кто тамъ?» и тогда Надѣ приходилось цаловать ея ручку, и сидѣть у одра, слушать оханье и брань черезъ стѣну съ мужемъ. Михаилъ Ивановичъ въ такое время стоялъ въ передней и злился, а когда ему приходило въ немоготу, онъ отправлялся дожидаться барышню за ворота. Но иногда имъ удавалось прямо изъ передней перебраться въ комнату, гдѣ лежалъ умирающій Ваня, который одинъ только изъ всѣхъ полумертвецовъ Птицынскаго семейства пользовался симпатіей даже Михаила Ивановича.

Самый сильный ударъ, какой только могла нанести жена Птицына мужу, состоялъ въ упрекѣ, что онъ уморилъ сына, хотя въ погибели этого человѣка принимали одинаковое участіе и отецъ и мать Ваня. Съ дѣтскихъ лѣтъ Ваня не былъ похожъ на то, чтѣ его окружало. Словно испугавшись того буйства и произвола, которые царили въ его семьѣ, онъ какъ будто бы отвернулся ото всѣхъ, притаился и пошелъ своей дорогой. У

него стала развиваться страсть къ музыкѣ. Михаилъ Иванычъ помнилъ, какъ, бывало, раннимъ утромъ, маленькій, бѣлокурый, очень похожій на тощаго котенка, Ваня, боясь испугать родныхъ, осторожно пикиаетъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, на желтенькой скрипкѣ, купленной въ игрушечной лавкѣ за двугривенный. Но въ этомъ мирѣ грабежа и веселаго житья, такое дѣло мальчика никому не казалось дѣломъ; смурганье нетвердаго и дряннаго смычка, пытавшагося извлечь изъ дрянныхъ струнъ и изъ дряннаго инструмента «Возлѣ рѣчки», непременно сопровождалось колотушками, дерганьемъ за ухо, ударомъ въ затылокъ; мать говорила: «Что ты, очумѣлъ, подѣ воскресене?» и хлопала по затылку; то же самое дѣлали братья, не говоря ни слова; то же самое дѣлалъ отецъ, говоря: «Учился бы лучше, по два года сидишь въ классѣ». Но поволочки эти оставались безъ отвѣта со стороны Вани; ударъ въ голову заставлялъ его жмурить глаза, каплями пота покрывалъ его лобъ съ прилипшими бѣлокурными волосами; голова его, отдернутая за ухо, снова еще плотнѣе прилипала подбородкомъ къ грифу скрипки, и смычокъ все-таки пилилъ, тихо, едва слышно, но рука, державшая его, судорожно сжимала его. Этакое упрямство вооружало противъ него родныхъ; отецъ Вани, въ благодарность за то, что начальство отличило его, давъ теплое мѣсто, хотѣлъ всѣхъ дѣтей повергнуть на пользу отечества, и заставлялъ Ваню служить, когда ему было не болѣе шестнадцати лѣтъ. Духота канцелярии, интересы чиновниковъ были совершенно несхожи съ тѣмъ настроеніемъ духа Вани, который образовала въ немъ страсть. Онъ мучился этой канцеляріей, терпѣлъ тысячи оскорбленій, чахъ въ постоянныхъ попрекахъ его глупости, срамащей отца, и все молчалъ и все бился впередъ. Прямо изъ канцелярии онъ бѣгалъ къ полковымъ музыкантамъ, заводилъ дружбу со всякимъ скрипачемъ, долго корпѣлъ по ночамъ, списывая ноты. Какихъ трудовъ стоила ему новая, порядочная скрипка, сколько нужно было времени ждать, пока соберется десять дѣльцовыхъ на ея покупку, такъ-какъ мать Вани отбирала у него все жалованье, оставляя на этотъ предметъ полтинникъ въ мѣсяцъ. Его называли «гудошникъ», «скоморохъ». Тяжелая болѣзнь заставила обратить на него вниманіе родителей. Имъ было жаль его какъ сына, тѣмъ болѣе, что до отца стали доходить слухи о талантѣ его сына; какая-то проезжая знаменитость случайно услышала его, и протрубила о немъ вплоть до скуднаго талантами Петербурга, приписывая себѣ честь открытія... Знаменитость перерыла его ноты, которыя онъ тщательно сохранялъ въ своемъ уголкѣ, и откопала какія-то

композиціи, въ которыхъ оказалось пропасть новаго: «Скачетъ галка по ельничку» русская пѣсня и баллада Пушкина о свящей царевнѣ привели его въ восторгъ.

О Ванѣ заговорило музыкальное общество города, къ нему приѣзжали губернскіе джентльмены; Ваню тащили въ люди, въ свѣтъ, его отецъ начиналъ гладить по головкѣ. Но Ваню убила радость, которую онъ перенесъ въ эти минуты, въ обществѣ онъ терялся, дѣлался дуракомъ, и большая фигура его, съ запуганными глазами, съ странными смѣшными усами, въ старомъ, задешевомъ купленномъ, фракѣ, была не больше, какъ смѣшна. И Ваня лежалъ и умиралъ...

Комната его была вся обвѣшана лубочными картинками, изображающими смерть съ косою, адъ, геенну, страшный судъ. Онъ былъ такъ боленъ, что считалъ себя возгордившимся передъ Богомъ, виновнымъ въ непочтении отца и матери, которые успѣли ему доказать, что онъ глубоко грѣшилъ, играя подъ воскресенья и подъ двунадесятые праздники. Религіозный ужасъ охватилъ его въ послѣдніе дни, и онъ лежалъ обернувшись къ стѣнѣ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Появленіе Нади и Михаила Ивановича не пробуждало его отъ забытья.

Несмотря на грустную картину умирающаго, въ комнатѣ Вани Надѣ было легче дышать; здѣсь было чисто и тихо; всѣ нотки и тетрадки Вани были аккуратно собраны и сложены въ одно мѣсто, и Надя любила ихъ разбирать. Каждый листокъ въ этихъ бумагахъ говорилъ о томъ непомятомъ трудѣ, съ которымъ Ванѣ стоило составить себѣ маленькій уголокъ, отдѣльный отъ широкихъ нравовъ семьи. Чего нѣтъ въ этихъ бумагахъ? Вотъ случайно уцѣлѣвшій номеръ газеты, съ фельетономъ о какомъ-то музыкальномъ вечерѣ въ Петербургѣ,—какъ тщательно и аккуратно сложенъ онъ! Авторъ его могъ бы умереть спокойно, еслибы зналъ, какъ цѣнятся, гдѣ-то въ темномъ уголкѣ, его строчки, нахватанныя, можетъ быть, ради хлѣба; вотъ портретъ какого-то музыканта, вырѣзанный изъ какого-то измятаго журнала, но онъ расправленъ, старательно наклеенъ на картонъ; вотъ афиша о концертѣ, въ которомъ онъ участвовалъ въ первый разъ.

— Уморили человѣка! говорить Михаилъ Ивановичъ, разсматривая Ванины бумаги. Надя не слышитъ его и не отвѣчаетъ. Въ рукахъ ея какіе-то доскутки, въ верху которыхъ написано «въ газету... послать». Доскутковъ этихъ оказывается множество. Это какіе-то отрывки изъ недоконченныхъ писемъ, разсказовъ, въ которыхъ видно неумѣнье владѣть перомъ, видно,

что мысль убита у писавшаго человѣка. Но содержаніе этихъ лоскутковъ почти одинаково.

«Дуетъ. Разсказъ И. П.—на. Въ одинъ майскій вечеръ, изъ — своей улицы вышелъ на большую улицу одинъ человѣкъ... У него была скрипка. Но въ этотъ восхитительный вечеръ молодому человѣку сдѣлали подлость. Съдобинъ, губернскаго франтъ, осель, дуракъ и подлець, сталъ подтрунивать надъ моимъ костюмомъ, говорилъ, что у привазныхъ снимають сапоги... Подлецы!...»

Разсказъ прерывался. За нимъ слѣдовалъ другой, съ описаніемъ іюньскаго вечера, но во всѣхъ ихъ, на трехъ строкахъ, описаніе красотъ природы уступало мѣсто описанію какой-нибудь мерзости, которую отгвалывала передъ «однимъ человѣкомъ», либо барышня, либо барчукъ. Почеркъ послѣднихъ строкъ каждаго лоскутка ясно говорилъ о томъ, что мерзостей и гадостей сдѣлано автору въ тысячу разъ больше, нежели было красотъ во всѣ августовскіе, ноябрьскіе, майскіе и другіе вечера въ мірѣ. Слушая осторожный шопотъ Нади, читавшей эти почти безграмотныя, но грустныя листки забытаго человѣка, Михаилъ Ивановичъ и здѣсь находилъ вещи, объясняемыя его взглядами.

— Ишь, шепталъ онъ. — За что они надъ человѣкомъ издѣвались? Вотъ чужія деньги-то... Обожрутса, облопаются на нихъ — и норовятъ потѣху изъ всего сдѣлать... Развѣ имъ, середь ситости этой, понять серьезнаго человѣка? У! бормоталъ онъ, уходя вслѣдъ за Надей.

Надя уходила съ тяжелымъ чувствомъ изъ этого дома..

IV.

Продолженіи скуки и скитаній. Супруги Печкины.

Такъ-какъ чугунная дорога все еще не достроивалась, то Михаилъ Ивановичъ продолжалъ проводить время попрежнему и сталъ шататься къ Черемухинимъ все чаще и чаще потому, что здѣсь, среди поборныхъ обстоятельствъ людей, ему было какъ-то покойнѣе вліться. Отравленный прижимкой, о которой было обстоятельно разсказано Черемухинимъ, Михаилъ Ивановичъ, однако, и здѣсь, среди покоя, не забывалъ толковать о новыхъ временахъ, о своихъ планахъ, а главнымъ образомъ о грабежѣ и разбоѣ.

— Надежда Андревна! Надежда Андревна! торопливо шеп-

талъ онъ, догоня Надю, гулявшую въ саду: — гляньте-во, вонъ веточки на солнцѣ грѣтся.

Надя, отъ скуки гулявшая по саду, смотрѣла куда указывалъ ей Михаилъ Ивановичъ. На лавочкѣ, въ сосѣднемъ саду, сидитъ отставной чиновникъ въ халатѣ, и подставивъ солнцу спину, потираетъ ее кулакомъ и поводитъ плечами.

— Ишь, словно котъ хмурится... Кости свои оттаиваетъ... Онъ теперь же пристрауень, а вы дайте ему оттаять, пойдетъ щелкать по карманамъ — любо два... Надежда Андревна! восклицалъ онъ чрезъ минуту. — Эво-эво... еще! Вонъ грабитель, на одѣлѣхъ растаялся... Ишь нажевалъ утробу...

Надя рассматривала рекомендуемыхъ ей Михаиломъ Ивановичемъ разбойниковъ съ тѣмъ же недоумѣніемъ и любопытствомъ, съ какимъ дѣти глядятъ, напримѣръ, на рыбу, плавающую въ коритѣ; она шевелитъ перьями, дышетъ, смотритъ и, должно быть, о чемъ-то думаетъ. И хотя существо оттаивающихъ грабителей было ей въ той же мѣрѣ незнакомо, какъ и существо размысленной молчаливой рыбы, но бормотанья Михаила Ивановича объ этихъ предметахъ внесли въ ея скуку какую-то неприятную черту. Надя слушала и смотрѣла на Михаила Ивановича только потому, что не на кого было смотрѣть и некого слушать, и несмотря на полное почти равнодушіе къ его сужденіямъ, дѣдушки и бабушки стали скучны ей не потому только, что у нихъ духота и темнота въ комнатахъ, а потому, что въ нихъ самихъ было что-то дурное, что они почему-то дурные люди. Улица и заборъ, видный въ окно и садъ, помимо того, что надѣли ей своимъ однообразіемъ, получили еще какую-то особенную ненависть Нади вслѣдствіе того, что кругомъ ихъ и за ними жили и живутъ опять-таки дурные люди.

— Скука! Михаилъ Ивановичъ! слышите, чтò я говорю? Скука! говорила она, лѣниво проходя по комнатамъ и ложась на старыя диванъ съ старинной Библиотекой для Чтенія въ рукахъ.

— Скука! ухмыляясь говорилъ Михаилъ Ивановичъ, сидя или стоя гдѣ-нибудь у протоки. — А потому что обмякла прижимка...

— Чтò?

— Прижимка обмякла; нѣту того грабежу... Черезъ это вы и случаете.

— Да развѣ я кого ограбила? съ неудержимымъ смѣхомъ спрашивала Надя.

Михаилъ Ивановичъ не смущался смѣхомъ и отвѣчалъ:

— Вы не грабили-сь, а жениховъ стало меньше... вотъ изъ-за чего и скука. Въ прежнее время женихъ былъ охочъ; доходъ

съ простаго челоуѣка у него вѣрній, онъ бралъ даму, не бояся... Первое дѣло, безъ дамы ему нельзя. Второе дѣло, ему одному не разорваться: онъ хватаетъ, жена должна прятать, выходить семейный домъ... И дѣвицы, женскъ полъ, скуки не знали. Потому мало-мало въ возрастъ пришла которая, сейчасъ сѣла къ окошечку съ шитьемъ, для блезиру, анъ ужъ грабитель-то и подползааетъ... Анъ ужъ онъ гдѣ-нибудь пошевеливается... Ужъ онъ гдѣ-нибудь тутъ, близу... Ну, и свадьба, и пошла дѣвица домой, пошла она въ чуланъ таскать цыплятъ даренныхъ. Только у васъ и дѣла... И скуки нѣту... А теперь трудно этакъ-то...

«Поеживается», «пошевеливается» и другія фразы, свойственныя простому званію Михаила Ивановича, смѣшали Надю; по-смѣявшись надъ ними, она снова углубляясь въ чтеніе глуубѣйшаго романа, по имени «Вѣтвь фуксія», и какъ-то, почти безъ собственной воли, снова задавала Михаилу Ивановичу вопросъ.

— Какъ будто только и дѣло, что цыплятъ таскать? говорила она, не глядя на Михаила Ивановича и перевертывая слѣдующую страницу.

— Да больше у васъ дѣловъ и нѣту... Какія у васъ, у благородныхъ, дѣла? Все у васъ готовое, заботы вамъ нѣтъ; приходитъ супругъ изъ должности, вы его успрашиваете: «Хорошо ли, душенька, услужилъ?» И въ губы его... «А въ каторжную работу сослалъ двадцать персонъ». И на оборотку васъ въ губы... Какія у васъ дѣла?...

Надя едва улыбається на этотъ отвѣтъ Михаила Ивановича и обончательно забываетъ его, заинтересовавшись героиней романа. Романъ прочтенъ; Надя снова ходитъ по хозяевамъ, разговариваетъ съ солдатомъ, смотреть, какъ хозяева кормятъ куръ, считаютъ цыплятъ, и вдругъ опять, среди этой скуки, неожиданно припоминаются слова Михаила Ивановича: «Какія у меня дѣла? думаетъ она. Не оттого ли скука, въ самомъ дѣлѣ, что жениховъ нѣту!»... Она думаетъ; ничего не придумываетъ, и глядишь, при слѣдующемъ появленіи Михаила Ивановича, снова задаетъ ему вопросъ:

— А если я не хочу вашихъ жениховъ?

— А вамъ этого нельзя... Женихъ требуется, только онъ очень мудренъ нонче сталь, вывелся... А безъ жениха вамъ невозможно. Потому вы такъ прилажены...

— Какъ я прилажена?

— А такъ, чтобы на чужое жить... Тепериче маменька васъ кормитъ, одѣваетъ, а замужъ выйдете— супругъ станетъ награждать... Вы такъ приучены... Въ прежнее время въ вашемъ зва-

ниъ всё на чужое жили... Вы извольте взглянуть на прабабушку вашу... Имъ, можетъ быть, сто годовъ, онѣ чуть дышуть, а очнутса—нервнымъ долгомъ лопочеть: «въ карманъ-то норови!» Ишь вѣдь-съ! Съ малыхъ дѣнь все на чужое приучена... Или опять, дѣдушку вашего возьмемъ съ бабушкой. Дожили они до вѣку, до шестидесяти лѣтъ, и нѣтъ у нихъ другихъ словъ между собой, окромѣ ругательствъ... Чай сами слышали, какъ она его частить... А потому, что ей скука. Покуда на чужое жили, покуда таскали ей дары, напримѣръ, она и мужа любила, и жила весело. Какъ чужой карманъ изъ рукъ ея выхватили,—они врозь. И помянуть имъ на старости нечего... А кабы они своимъ трудомъ кусокъ-то брали, кабы въ однихъ оглобляхъ-то шли, небось бы нашлось, чтѣ въ эдакомъ преклонѣ вспомнать... А то вонъ набрасывается на всѣхъ, только и всего... Дѣловъ никакихъ не было,—вотъ изъ-за чего...

— У васъ все никто ничего не дѣлаетъ! У васъ всё на чужое!...

— Обнаговенно! Вашъ дяденька-то, Иванъ Петровичъ, вонъ умирають, а по какому случаю? потому, что надъ ними потѣшались въ людяхъ, не понимали ихняго сурьезу... Сами читали въ сочиненіяхъ у нихъ... Развѣ я, примѣрно, посмѣю эдакъ-то хантъ человѣка, какъ они его хаяли? А потому, что съ чужаго, съ жиру... Имъ бы только баловаться... И баловались всё... Какъ же не всё-то-съ? Изъ-за чего мы ободраны?

Тутъ начинался длинный разговоръ о прижимкѣ, котораго Нада почти не слушала, ибо Михаилъ Ивановичъ успѣлъ уже изложить его нѣсколько разъ. Но скука ея еще болѣе дѣлалась содержательною. Непременные результаты всеобщаго ничегонедѣланія, которые она видѣла собственными глазами, посѣщая дѣдушекъ и бабушекъ, заставляли ее снова адресоваться къ Михаилу Ивановичу.

— А у меня есть дѣло? вдругъ спрашивала она его.

— Какое у васъ дѣло? У васъ нѣту. Кабы вы были простаго званія, у васъ бы было дѣло. У простаго человѣка дѣловъ много... Онъ скуки не знаетъ... Никто не привидывалъ, чтобы, напримѣръ, мужикъ шаталса, да валялся эдакъ-то, да зѣвалъ: «миѣ скучно!» Отредься и не было такого мужика... У простаго человѣка забота,—скуки нѣту... Дѣла у него...

— Какія дѣла?

— Мало ли дѣловъ-съ! Дѣловъ простому человѣку много... Возьмите вонъ Авдотью, у дѣдушки служить. Башмакъ на ней надѣтъ—онъ у ней свой! Надѣть его выработать... Вотъ она годъ цѣлый ворочаетъ корчаги, да ушаты, — и сошьетъ башмаки... вотъ и дѣла...

И Михаилъ Иванычъ высчитывалъ множество простонародныхъ дѣлъ, вращавшихся въ области «обужи» и «одѣжи» и прочихъ, незамысловатыхъ предметовъ. Нада высказывала сомнѣніе на счетъ того, чтобы кухаркѣ было особенно весело среди этихъ дѣлъ; на что Михаилъ Иванычъ приводилъ тотъ доводъ, что хотя кухаркѣ и не весело, но за то ея и не вляютъ никто такъ, какъ вляютъ ея дѣдушку, жившаго гораздо веселѣй кухарки... Въ подтвержденіе своихъ словъ о вредѣ этого веселья на чужой счетъ, онъ приводилъ еще и тотъ фактъ, что дѣдушка Нади не можетъ умереть въ теченіе пяти лѣтъ,—обзавелся болѣзнями, которыхъ не узнаютъ доктора, тогда какъ съ простымъ человѣкомъ ничего этого, будто бы, не бываетъ.

Несмотря на односторонность взглядовъ Михаила Иваныча, бормотанье его о грабежахъ и разбояхъ сдѣлало то, что въ головѣ Нади зашумѣлъ цѣлый рой совершенно новыхъ для нея размышлений. Прежде всего почему-то оказывалось, что скука ея происходитъ оттого, что нѣтъ жениховъ; но если и случится женихъ, то ей придется заниматься какими-то злодѣйскими и гадкими дѣлами,—примѣромъ чему дѣдушка и бабушка и умирающій Ваня. Причина всѣхъ этихъ злодѣйствъ,—чужія деньги. Надо имѣть свои. Своихъ нѣтъ. Свои у кухарокъ, у кучеровъ. У нихъ нѣтъ скуки. Неужели надо идти въ кухарки?

Такимъ образомъ результаты, добытые Михаиломъ Иванычемъ среди житія въ области прижимки, оказались пригодными для тѣхъ лицъ, нравы которыхъ въ прежнее время держались этой прижимкой, слагались, благодаря ей, въ извѣстныя формы, и которые уничтожились, развалились сами собою, вслѣдствіе того, что прижимка обмякла. Новое время незамѣтно строитъ новыя нравы, и никакой Михаилъ Иванычъ въ мірѣ не подозреваетъ того, что бормотанье его о чужихъ деньгахъ, о жизни на чужой счетъ, можетъ заставить кого-нибудь крѣпко задуматься; точно также, какъ никакая Нада, изъ числа множества подобныхъ Надей на русской землѣ, съ тоскою и томленіемъ проводящая дни за днями, рѣшительно не подозреваетъ, что время, словно по вѣтру, донесетъ къ ней, устами какого-нибудь Михаила Иваныча, такія думы и тоскованья, о существованіи которыхъ она и слыхомъ не слыхала.

Такъ-какъ бормотанья Михаила Иваныча, продолжавшіяся съ значительнымъ однообразіемъ, не представляли, съ теченіемъ времени, ничего новаго для Нади, и переполнивъ ея скуку смѣшеніемъ множества вопросовъ, ни разрѣшить ихъ, ни прибавить

къ нимъ ничего не могли, то смутная потребность ихъ разгадки заставила Надю прибѣгнуть къ содѣйствию другихъ лицъ и собственныхъ наблюденій. Но другія лица, находившіяся вкругъ нея, мало помогали этой разгадкѣ. Хозяинъ, хозяйка, хозяйская кухарка, мать Нади, солдатъ, — вотъ кто состоялъ въ числѣ рѣшителей ея вопросовъ. И Надя до такой степени не подозрѣвала, что, кромѣ скуки, ее томятъ какіе-то вопросы, что она дѣйствительно обращалась даже къ этимъ лицамъ за содѣйствіемъ.

Стоитъ она среди хозяйской кухни, смотреть, какъ запотѣлая и растрепанная кухарка ворочаетъ какіе-то чугуны и корыта; смотреть на ея грязныя ноги, изорванные башмаки, и никакъ не можетъ согласиться съ тѣмъ выводомъ Михаила Иваныча, что помощію этого ворочанья, т.-е. зарабатыванія себѣ башмаковъ, платьевъ, чулокъ, можно избѣжать и скуки, и такихъ уродствъ, которыя представляютъ собою дѣдушка и бабушка.

— Авдотья! говоритъ она: — скучно тебѣ таскаться...

— Есть мнѣ когда скучать! не дослушавъ вопроса, весьма сердито отвѣчаетъ Авдотья, громкая печной заслонкой и стремительно пихая внутрь печи ухватъ.

Надя смотритъ на Авдотью, и въ ея лицѣ, въ ея манерахъ, съ которыми та справляетъ кухонныя дѣла, замѣчаетъ гораздо болѣе вражды, злобы, нежели скуки. Пихая ухватъ въ печь съ тѣми приемами, съ какими солдатъ вонзаетъ штыкъ въ брюхо непріятеля, Авдотья, очевидно, не чувствуетъ скуки. Но путь, посредствомъ котораго Авдотья достигаетъ этого, путь, усѣянный кочергами, ухватами, коровниками, грязью и пр. и пр., ужасаетъ Надю. Она ни за что не желаетъ быть кухаркой, и вопросъ остается съ прежнею силою томительности.

Къ тѣмъ же точно безплоднымъ результатамъ приходила она, обращаясь къ матери, къ хозяину, къ солдату. Мать, никогда не думавшая ни о чемъ, кромѣ того, что «какъ бы мужъ пьяный не разбилъ головы», да «какъ бы не пойти по міру», рѣшительно не могла ничего сообразить для отвѣтовъ Надѣ, и при всякомъ ея вопросѣ продолжала отмахиваться спицей, говоря: «что мена старуху спрашивать... Я человекъ старый...» Солдатъ, къ которому Надя однажды обратилась съ вопросомъ на счетъ скуки, отвѣтилъ ей пространнѣе, нежели кухарка и мать. Главная причина скуки, по его понятіямъ, было потрафить начальству.

— Въ случаѣ, ежели ты, примѣрно, слабъ въ артикулѣ, то тебѣ скучно... говорилъ онъ Надѣ.—По той причинѣ, начальство тобой не довольно. А начальство тоже, другъ ты мой, пренеприятно надсаждается надъ тобой... Такъ-то-са... Заслужи ты

одобреніе, и скуки нѣту... Да, нашему брату скуки нѣту... у насъ и пѣсня есть этакая...

На ученьи ничего,
Ну только, впрочемъ, чинало...

Тавъ-то-ся... Заслужи одобреніе...

Нада не знала, какъ и у кого заслужить одобреніе, и обращалась съ этимъ вопросомъ къ хозяйну. Хозяинъ долго не думалъ надъ вопросами, которые ему задавала Нада, и къ чему бы они ни относились, онъ всё ихъ разрѣшалъ сразу, говоря:

— Женишка бы вамъ, вотъ что-съ! Заслужите его одобреніе... ну, и все слава Богу... Эхъ бы поцаровали!...

— Я не про жениха у васъ спрашиваю... Я говорю, отчего дѣдушка съ бабушкой бранятся, а вы не бранитесь съ Анной Ивановной...

— Это мы потолкуемъ опосля!... улыбаясь, отвѣчалъ лисній мѣшанинъ и прикасался пальцами къ ея плечу.—А что одно: женишка бы вотъ!... Онъ вамъ дастъ познаніе... будьте покойны...

Нада и смѣялась и сердилась.

Съ теченіемъ времени, въ множества запутавшихъ вопросовъ началъ особенно вылегать одинъ, и именно на счетъ того, что почему-то дѣйствительно требуется женишка. Въ этомъ одинаково были согласны и мать, и солдатъ, и хозяйнъ, и Михаилъ Ивановичъ; всё они хоромъ вопіяли о необходимости этого предмета, помощію котораго всё вопросы разрѣшаются во мгновение ока. Все это сердило Надю. Но скоро къ этому хору присовокупился еще новый голосъ, который съумѣлъ такъ повернуть дѣло, что Нада даже стала бояться пренебрегать женихами.

Голосъ этотъ принадлежалъ Ариинѣ — закладчицѣ. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что Черемухина была ей «подвержена» вслѣдствіе заклада ей воротника, Арина стала отъ времени до времени посѣщать ее, дабы въ то же время потѣшать себя созерцаніемъ ея разоренья. Входила она обыкновенно расчаваясь и охая, и полагая при этомъ, что такъ именно поступаютъ благородныя дамы и богатые люди. Жеманно поздоровавшись съ Черемухиной, она, вкряхтя, усаживалась на старинное кресло и вступала въ разговоръ.

— Ну, какъ живете? утомленнымъ голосомъ говорила она.— Эко бѣдность-то у васъ какая!... Чать жить-то вамъ нечѣмъ?...

— Мы пенсію получаемъ, не глядя на Арину, отвѣчала Черемухина и старалась скрыть свой гнѣвъ въ вазальныхъ спицахъ, которыя необыкновенно проворно начинали ходить въ ея рукахъ.

— Велика ваша пенсія! чать, копѣйку какую выдаютъ... Нонѣ, братъ, очень трудно вамъ... Тагъ-то-ся... Чтѣ жь дочку-то замужъ поровнишь?...

— Не вѣтъ же въ дѣвкахъ ей сидѣть...

— Ну, мудрено это для васъ!... Кто ее возьметъ, ищущую-то?

— Не все миллионщицы...

— Ну, и безъ гроша-то тоже не очень много охотниковъ найдется... За дьячка, пожалуй, выдашь...

— Придется, и за дьячка! соглашалась, скрѣпя сердце, Черемухина, чтобы хоть какъ-нибудь зажать этотъ злой ротъ.

— Чему приходится-то? Приходится-то нечему, и такъ выдать не мнешь. Чему тутъ приходится? Нонѣ, братъ, не то время! Не старое, сударина, время стоять. Въ прежнее время съ доходовъ, сколько хошь жонъ набери, по тыщи дѣтѣвъ въ годъ рожай, всѣмъ хватить... Ну, теперь не очень-то!... Много тоже изъ вашего брата пошло на улицу молодцовъ зазывать... Вонъ у насъ генеральская дочь, а глянько-сь, день въ день по утрамъ домой приходитъ, шатается... Тагъ-то ся... Кто ее возьметъ? заключила она, кивая на Надю и глядявываясь на нее весьма несимпатичнымъ взглядомъ.

Налюбовавшись надъ разореніемъ Черемухинныхъ, Арина, наконецъ, поднималась съ кресла, говоря, что «посидѣла бы, да вишь стулья-то у васъ еле живы... голову свихнешь», и уходила.

— Эко бѣдность-то, бѣдность-то какая!... шептала она при этомъ, и повачивая головою, оглядывала всѣ углы въ жилищѣ Черемухинныхъ.

Такия посѣщенія Аринны сдѣлались все чаще и чаще, и благодаря ея разговорамъ объ участи Нади и о томъ, что ее никто не возьметъ, «женихъ» принявъ въ глазахъ послѣдней какое-то неотразимое значеніе. Тонъ, которымъ говорила Арина, очень близко подходилъ къ тону ругательства, и слушая эти ругательства, Нада какъ-то перепугалась своего положенія. Не зная, почему ее бранять, и не зная, какъ «заслужить одобреніе», т.-е. приобрѣсть хоть сколько-нибудь спокойное состояніе духа, она, благодаря разсужденіямъ Аринны, потеряла всякую надежду достигнуть этого съ помощію даже жениха, ибо оказывается, что ее еще и не возьметъ никто.

«Кто ее возьметъ?...» звучало въ ея ушахъ даже въ просонкахъ.

И если принять въ расчетъ обстановку Нади, томившейся среди какого-то захолустья, бѣткомъ набитаго отживающими людьми, къ которымъ сама собою уничтожилась всякая симпатія, то будетъ понятно, почему въ это время Нада охотно бы вышла

за любого, пожелавшаго сдѣлать ей предложеніе. Беззащитность ея положенія и ея вопросовъ была до того велика, что ради необходимости какъ-нибудь разрѣшить ее, она стала даже ободрять себя въ намѣреніи выйти поскорѣе замужъ, поддѣрпывая это намѣреніе тѣмъ, что дѣдушка и бабушка, нравы которыхъ сдѣлались для нея страшными, — старики, умирающіе люди, и что молодые живутъ не такъ.

Это намѣреніе было бы приведено въ исполненіе самымъ поспѣшнымъ и самымъ легкомысленнымъ образомъ, еслибы только нашлся человекъ; на котораго бы не было противно глядѣть; но всѣ женихи, которыхъ начали рекомендовать какія-то охотницы до браковъ, блистали крайне неудовлетворительными физіономіями, и отталкивали Надю, а восторныхъ, нѣкоторыя, выработанныя прошлымъ временемъ формы брака, которыя удалось встрѣтить ей, остановили ее отъ этой рѣшимости и дали ея мыслямъ совсѣмъ другой оборотъ.

V.

Земной рай.

Въ этомъ смыслѣ, прежде всего, оказало помощь Надѣ семейство Печкиныхъ; съ этою фамиліею Надя познакомилась, во-первыхъ, потому, что Софья Васильевна, жена Печкина, оказалась подругою ея дѣтства, а восторныхъ потому, что сваха отозвалась о Печкиныхъ почти съ благоговѣніемъ.

— Пройди ты всю подвселенную, нигдѣ ты этого раю земнаго не сыщешь!.. говорила она Надѣ:—Софья-то Васильевна—вотъ какъ ты же сирота, еще голѣй тебя была, а теперь глядь-во-сь!... Ровно принцесса живетъ... Да что ей? Ни о чемъ заботушки нѣту, живетъ замужемъ, ровно за каменной горой, даромъ что за не очень-то молодого выскочила...

Въ словахъ свахи скрывалась тайная цѣль возвеличить въ глазахъ Нади пожилаго телеграфиста съ рыжими волосами и съ полупольскимъ выговоромъ; но Надю, главнымъ образомъ, интересовало видѣть подругу, съ которой она не видалась съ тѣхъ поръ, когда еще маленькими дѣвочками онѣ катались на салазкахъ, и которая теперь живетъ въ земномъ раю; да и скука, требовавшая чего-нибудь новаго, кромѣ бормотаній Михаила Иваныча о грабежахъ, тоже въ достаточной степени помогла скорѣйшему посѣщенію земнаго рая. Михаилъ Иванычъ, знавшій Печкина, какъ посѣтителя трифоновской лавки, взялся ее проводить туда.

Узенькій переулочъ, гдѣ былъ рай, привѣтствовалъ нашихъ

путниковъ, помимо пустынности и тишины лѣтнаго полдня, длинными заборами, тавувшимися по одной сторонѣ его, и нѣсколькими домами, смотрѣвшими въ эти заборы съ другой стороны; наглухо захлопнутыми и мертво-молчаливыми воротами дома Печкиныхъ, съ своей стороны, прибавили нѣкоторую дозу тяжести къ тому тяжелому впечатлѣнію, которое производилъ переулочекъ. Но скука Нади, жаждавшая какого-нибудь исхода, съумѣла перетолковать эту смерть, восившуюся по переулку и вѣвшую отъ воротъ, какъ плотную ограду жизни, болѣе веселой, нежели ея жизнь.

Помощью веревки, протанутой черезъ заборъ къ колокольчику, взявъ вѣдръ рая были извлечены предварительно нѣсколько собакъ, оскаленные, захлебывающіеся, рѣда которыхъ внезапно появились въ десяткахъ, незамѣтныхъ до сихъ поръ дыръ: въ заборахъ, въ подворотняхъ, на вершинѣ заборовъ, и проч. Стараніями Михаила Ивановича и кухарки, отворившей ворота, полчища, охранявшія райскія двери, были разогнаны.

— Дома барыня? спросила Нада кухарку.

— Гдѣ имъ быть... Сталь-быть дома...

— Чтѣ она дѣлаетъ?

— Чтѣ ей дѣлать? Почиваютъ поди—либо такъ...

— Дѣлать ей нечего, обнаковенно, подбавилъ Михаилъ Ивановичъ.

— Обнаковенно! согласилась кухарка: — Дѣловъ у нихъ нѣту никакихъ, живутъ ровно королевны... рай земной.

Говоря такъ, она, между тѣмъ, съ большими усиліями отнимала отъ двери сѣней довольно основательную дубину, которою двери эти были приперты; и когда дубина была брошена на землю, кухарка прибавила:

— Ишь вогналъ какъ, — насилушви одолѣла...

— Кго это? сдѣлавъ шагъ въ сѣни, не могла не спросить Нада.

— Да это нашъ... баринъ... улыбаясь отвѣчала кухарка... Бережетъ ее... чтобъ не было ей безпокойства... Тоже боится, не ушла бы...

— Какъ не ушла?

— Да такъ ему взбрело: не ушла бы, мошь... Такъ. А вуды ей уйти-то?... Коли бы у нее дѣло... а то... вуды ей?.. Ей и такъ некуда... Навакой заботы нѣту, ровно царца...

Михаилъ Ивановичъ не упустилъ случая поддакнуть при словахъ кухарки «кабы дѣло» и упомануть на счетъ того, что мошь на чужое... Но Нада сначала посмотрѣла на нихъ обонхъ, и словно задумавшись, тихо пошла вдоль пустыняникъ сѣней. Шаги

ея сдѣлались еще тише, и какъ будто даже боязливѣе, когда тяжелая дверь, обитая войлокомъ, ввела ее въ переднюю, въ которой, кромѣ темноты со всѣхъ сторонъ, пахнулъ на нее смертный тяжелый воздухъ, съ запахомъ сырой гнили. Надѣ хотѣлось кашлянуть, но тишина остановила ее отъ этого... Та же тишина и тотъ же воздухъ преслѣдовали ее въ двухъ, трехъ комнатахъ, по которымъ она шла вслѣдъ за кухаркой, и гдѣ декорация рая состояла изъ продавленныхъ стульевъ, пыли на шатнувшихся столахъ, зеркала съ портретомъ дамы наверху, картинъ, въ родѣ схимнива, посѣщаемого Александромъ Благословеннымъ, зеленыхъ сторъ, пожелтѣвшихъ снизу и въ десять разъ уменьшавшихъ то количество свѣта, которое за минуту ощущала Надя на улицѣ. Словно туча вдругъ нанеслась на ясное небо, когда она вошла въ этотъ рай, и она совершенно испугалась, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, когда кухарка вдругъ довольно громко произнесла:

— Вотъ они... Пожалуйте... Почивали.

На широкой кровати, съ изматой первиной и множествомъ толстыхъ подушекъ, воссѣдало какое-то растрепанное существо съ развязавшейся косой, спутанными на лбу волосами и необыкновенно, почти смертельно испуганными глазами. Изъ-подъ желтой, покрытой пятнами блузы, съ распахнутымъ отъ горла донизу разрѣзомъ, высовывались ноги, изъ которыхъ на одной чуюлокъ спускался почти до полу, а на другой его не было совсѣмъ; королева или принцесса, словомъ, обитательница земнаго рая, упиралась руками въ перину, чтó вмѣстѣ съ ужасающимъ выраженіемъ глазъ, напоминало человѣка, надъ которымъ внезапно грянулъ громъ, раздался выстрѣлъ. При видѣ этого существа, Надя остановилась въ нѣкоторомъ изумленіи, и въ комнатѣ нѣкоторое время царствовала бы мертвая тишина, если бы не залегшій во время сна носъ королевы, который прорѣзываетъ эту тишину разнотонными, отрывистыми звуками.

— Непривычны они, объяснила кухарка этотъ испугъ барини и ея выраженіе лица. — Живутъ въ покоѣ, никакого страха не знаютъ... и вспужалісь... Вы обождите, они отойдутъ, потому, оченно большой покой имѣютъ...

— Соня... Соничка! съ робостью начала Надя; но прежде, нежели ей удалось расшатать это райское спокойствіе, ей нужно было не робкимъ, но усиленно-громкимъ голосомъ повторить, что «помнишь ли... Нада!.. Я Надя, Черемухина... На салазкахъ-то...» Нужно было также потрогивать Софью Васильевну за плечо, за руку... Но когда Софья Васильевна, наконецъ, поняла, въ чемъ дѣло, и нѣсколько разъ поцаловалась съ Надею,

грѣшко ее обнимавшей, испугъ ея съ внезапною быстротою зашвырнулся слезами, которыя хлынули цѣлымъ потокомъ, какъ вода на прорвавшейся плотинѣ... Лицо и корпусъ Софьи Васильевны, продолжавшей сидѣть на кровати, какъ-то вдругъ осѣли, раздѣлись въ стороны, сдѣлались шире, и по всей ихъ ширинѣ бушевалъ потокъ слезъ неудержимо. Обиліе воды было до того ужасно, что Нада невольно выпустила подругу изъ своихъ объятий, и отошла къ сторонѣ, словно боясь замочить ноги.

— Непривычны, объяснила кухарка:—ни заботы, ни печали не знаютъ... Живутъ какъ въ раю... вотъ слезъ-то и набралось... Вы обождите; они склинутъ...

Нада рѣшилась переждать, когда все это кончится, и при видѣ этого невѣроятно громаднаго испуга и этого невѣроятно громаднаго рева, среди котораго Софья Васильевна могла произнести «Мил...лая... Надъ... на...ми...», ей стало почему-то досадно. Во всемъ этомъ не чувлось ей даже и того ничтожнаго интереса и смысла, которые все-таки были въ захоластьѣ, гдѣ жила Нада. Эта досада, уменьшавшаяся по мѣрѣ того, какъ слезы начали мало по малу пересыхать на распушемъ и раскрасившемся лицѣ Софьи Васильевны, — вдругъ была еще болѣе усилена появленіемъ новаго лица. Среди новыхъ восклицаній Софьи Васильевны, донесся изъ передней крикливый, разсерженный, но старческий и дребезжащій голосъ ея супруга.

— Кто такой? Ты что? Что такое? Это что? Что это такое?.. бормоталъ онъ, натыкаясь на распертыя двери крыльца, на валяющееся полѣно, и съ изумленіемъ встрѣчая въ передней фигуру Михаила Иваныча.

— Что ты? Что ты орешь? донесся до Нады неменѣе злобный отвѣтъ Михаила Иваныча, который не могъ относиться къ Печкину равнодушно, зная его мнѣнія по трифоновскимъ бесѣдамъ. — Съ барышней пришелъ, что орешь-то?.. Колупнуть не дали...

— Чтѣ мнѣ съ барышней? Чтѣ такое — съ барышней? Мнѣ плевать! Я боленъ... Съ барышней, съ барышней... что такое? въ чемъ дѣло?.. Расперто!.. Что такое? Софья! Софья!.. Что такое?..

Слова эти, раздававшіяся почти одновременно въ передней, въ залѣ гостиной, вмѣстѣ съ торопливыми звуками шаговъ, наконецъ раздѣлись и вблизи Нады, въ спальнѣ, гдѣ на порогѣ появился Печкинъ, длинный и дряблый чиновникъ, съ растеряннымъ, кислымъ и осерженнымъ лицомъ. Не обращая на Надю никакого вниманія, онъ бросилъ шапку, фильдековсыя перчатки, скинулъ сюртукъ и все время вопилъ:

— Что это такое? Азулина! Соны! Боленъ я! Господи!..

— Дай ей съ барышней-то повидаться, усовѣщевала Печкина кухарка.

— Что такое? Барышня! Что мнѣ барышня? Съ барышней, съ барышней... Я боленъ... Говорю вамъ—баба сглазила... Господи!.. Росперто... растворено... Да сдѣлайте милость... Софья! Баба слопала. О, Боже мой!.. Сприсни!.. Сприсни ради Христа!

Сердитая чужь, которую Печкинъ сигналъ не переставая, и сопряженный съ этою чужью гвалтъ заставилъ Надю уйти въ другую комнату. Отсюда она съ большимъ испугомъ глядѣла на этихъ людей, обитателей раа, кропившихъ и брызгавшихъ другъ друга святой водой, сердившихся, кричавшихъ, испуганныхъ и въ помраченіи ума натызавшихся одинъ на другаго. Все это до того изумило ее, что она, издали сказавъ Софьѣ Васильевнѣ «прощай», «приду», бѣгомъ бросилась вонъ изъ комнаты.

— Михайло Иваныч! крикнула она ему въ какомъ-то ивнеможеніи, и тотъ, отвѣчая на отчаяніе, слышавшееся въ ея голосѣ, бросился вслѣдъ за ней.

Очутившись на улицѣ, Нада перевела духъ и, взглянувъ на Михаила Иваныча, сказала:

— Господи! Чтѣ это?..

— Черти! отвѣчалъ Михаилъ Иванычъ. — Облопались... Сглазила! Эшь вѣдь, что выдумаетъ! сглазить такого дьявола... Ему зацарапать нечего въ ла-апу!..

На этотъ разъ обыкновенныя бормотанья Михаила Иваныча на счетъ грабежей не казались Надѣ скучными; напротивъ, они освѣжали ея голову, пораженную сценами райской жизни, обставленной припертыми воротами, одурѣвшими людьми.

А въ сущности, будущность Нади едва-ли могла быть лучше участи Софьи Васильевны, которая дѣйствительно пользовалась самымъ лучшимъ положеніемъ, какое только возможно въ томъ кругу, гдѣ живутъ не трудась. До замужства съ Печкинмъ, полтора года тому назадъ, Софья Васильевна имѣла рѣшительно тѣ же самыя шансы на самостоятельную жизнь, какъ и случавшая въ настоящее время Нада. По выходѣ изъ пансіона, она, какъ сирота, жила у вдовой пожилой тетки, гдѣ занятія ея состояли въ томъ, что она тихонько ходила изъ комнаты въ комнату, тихонько читала «Юрія Милославскаго», тихонько поливала цвѣты. Были ли у нея какіе-либо планы на счетъ будущности — рѣшительно неизвѣстно; пансіонская наука, представлявшая смѣшеніе Гибралтаровъ съ заповѣдями и Мамаевъ съ перешейками, особенно опредѣленныхъ цѣлей въ жизни ей не дала, сдѣлавъ изъ нея сущ-ство, о которомъ, при самомъ

тщательномъ наблюдѣніи, можно было сказать только то, что она румяная и добрая... Все это, такъ сказать, облизывало Софью Васильевну отнюдь не дѣлать шагу на томъ пути, гдѣ ничего не могутъ сдѣлать перегорѣвшія въ огнѣ руки Михайловъ Ивановичей, и идти только туда, куда ее поведутъ и гдѣ ей помогутъ. И вотъ является какой-нибудь руководитель, которому нужна жена, беретъ ее, ведетъ въ свой домъ и наполняетъ пустой сосудъ собственными интересами. И каковы бы ни были они, всякая Софья Васильевна должна быть несказанно благодарна за нихъ, ибо чѣмъ бы могла наполнить она свое существованіе, еслибы у мужа не было охоты водить куръ, еслибы онъ не любилъ драться, напиваться, еслибы не направилъ взятаго имъ автомата къ интересамъ толкотни на базарѣ, крика съ торговками, дебоша съ кухаркой по случаю пропавшаго куска сахара? И если принять въ расчетъ, что путь, по которому должны идти всѣ имѣющіе въ запасѣ одинъ только румянецъ, усѣянъ дебошами супруговъ, увѣчьями и прочими ужасами зачлустной тишины, то положеніе Софьи Васильевны дѣлается дѣйствительно райскимъ, ибо Павелъ Ивановичъ Печвинъ, взявшій ее для собственной надобности, избавилъ ее отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ терній, ибо женился на ней въ то время, когда всякая возможность къ интересамъ, вращающимся между курами и пьяными драками, была устранена.

До сорокапятилѣтняго возраста Павелъ Ивановичъ не чувствовалъ крайней необходимости въ супругѣ, такъ-какъ, принадлежа къ числу людей, успѣвавшихъ по службѣ и не употребляя воды, онъ одинъ вилъ свое гнѣздо, при самой незначительной помощи толстой и жирной бабы, которая жила у него единственно только для порядка. Тщательность, съ которою Павелъ Ивановичъ вникалъ въ чѣлость кусковъ сахара и копѣекъ, придержанпыхъ бабою у себя во время покупки провизіи, дѣлала его самаго болѣе похожимъ на бабу, нежели на чиновника. Благодаря этой рачительности, у него выросъ собственный домъ, собственное хозяйство, и благосостояніе вообще достигло до такой степени совершенства, что въ помощницѣ или женѣ не чувствовалось ни малѣйшей надобности; только нѣкоторые порывы жирной бабы, порывившей, повременамъ, отправить въ деревню «къ своимъ» какую-нибудь ложку или носовой платокъ чѣною въ гривенникъ, заставляли отъ времени до времени вступать въ разговоры со свахой на счетъ невѣсты, но, благодаря находчивости бабы (у которой въ Москвѣ, въ воспитательномъ домѣ, было нѣсколько ребятъ), всѣ непріятности съ баринномъ улаживались, устранялись и переговоры со свахой обанчивались ничѣмъ. И Павелъ

Иванычъ никогда бы не задумался на счетъ женитьбы серьезно, еслибы руководствовался интересами исключительно хозяйскими и еслибы духъ времени не ворвался въ среду его установившагося міросозерцанія. Необходимо замѣтить, что внутренній міръ Павла Иваныча былъ до сего времени тоже въ полномъ благосостояніи: онъ никогда не думалъ о томъ, почему, напримѣръ, начальство можетъ получать двойные прогонны, распекать, выгонять, гнуть въ бараній рогъ и проч., а онъ, Павелъ Иванычъ, ничего этого дѣлать не можетъ. Почему онъ, отправляясь на службу, долженъ строчить разныя бумаги, брать взятки, вытаскиваться передъ совѣтникомъ, и почему должны ему давать эти взятки, требовать вытаски и проч. Павелъ Иванычъ принималъ все это съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ люди убѣждаются, что солнце, напримѣръ, свѣтитъ, что подъ ногами земля, надъ головою небо; объ этомъ даже и не думаютъ. Павелъ Иванычъ дѣлалъ все это исправно и жилъ поэтому весьма счастливо до тѣхъ поръ, пока время не пошатнуло этого міросозерцанія. Съ нѣкоторыхъ поръ стало оказываться, что взятка— вещь гнусная и что Павелъ Иванычъ подлець, тогда какъ онъ считалъ себя честнымъ человѣкомъ. «Развѣ я что укралъ?» говорилъ онъ въ подтвержденіе этого. Начальство, которое прежде только распекало, которое прежде отличалось опытностью и дряхлостью, стало замѣняться казими-то шелкоперами, которые носили пестрыя брюки, вурлили въ присутствіи сигары, не брвали бороды, выговали вонъ безъ суда и слѣдствія, не желали видѣть доказательства честности въ безпорочной пражкѣ. Все это и множество другихъ либеральныхъ реформъ, похожихъ на спускожденіе къ пестрымъ брюкамъ, вломились въ умственный міръ Павла Иваныча и произвели въ немъ первыя потрясенія; Павелъ Иванычъ впервые сталъ ощущать тоску, возвращаясь изъ должности въ доно своего благоустроеннаго хозяйства; впервые подъ ея влияніемъ онъ сталъ ощущать, что разговоры послѣ обѣда съ бабой о разныхъ разностяхъ, которые въ прежнее время онъ такъ любилъ, не идутъ къ дѣлу и не помогаютъ. Какъ человѣкъ набожный, онъ возлагалъ большую надежду на помощь Божію, надѣясь, что всѣ эти брюки, честности и бороды прейдутъ, ибо посылаются въ наказаніе народамъ за беззащитія и блудную жизнь, но въ сущности это были только самыя легкіе удары начинающагося землетрасенія. За бородами и проч. пришли времена, когда вдругъ мужики перестали давать взятки. Въ былое время, Павелъ Иванычъ напишетъ бумажку и знаетъ, что ему сейчасъ дадутъ и что потомъ это давіе онъ положить въ карманъ; а тутъ пришло такъ, что онъ только пишетъ бу-

мажи, а въ карманъ ничего не владеть и не знаетъ, чѣмъ занять оскорбленную руку. Затѣмъ, пошли новые суды, неповиновеніе въ народѣ и, въ томъ числѣ, кухарки—все это вмѣстѣ внесло въ душу Павла Ивановича множество самыхъ непримиримыхъ вещей; не говоря о существѣ этихъ вещей, можно указать только на силу ихъ томительности, исходящей изъ того, что Павелъ Ивановичъ принужденъ былъ всѣми этими цовизнами къ размышленіямъ о чемъ-то такомъ, о чемъ онъ прежде и не думалъ. Ради забвенія этой тоски, съ которою непосредственно соединялась боль въ спинѣ и вѣстцѣ, ломота костей, нитье рукъ и ногъ, Печинъ сталъ шататься въ лавку Трифонова, которая уже успѣла прославиться своими успокоительными свойствами, но у Трифонова хотя и было очень много вещей, совершенно непамятовавшихъ современности, однакоже, не получалось и поднаго успокоенія, потому что и сюда, отъ времени до времени, залетали слухи о фальшивой монетѣ, о желѣзной дорогѣ... Въ концѣ концовъ все это до того повалило Павла Ивановича, до того уронило его въ собственномъ уваженіи, что требовалось нѣчто весьма основательное, дабы привести въ порядокъ душу Павла Ивановича.

Онъ рѣшился жениться, обновить свою жизнь; для этого онъ пошелъ и взялъ Софью Васильевну, которой самой некуда было идти и которая безъ посредства Павла Ивановича должна бы была погибнуть, какъ муха, или весь вѣкъ потихоньку поливать цвѣты и утрачивать румянецъ. Румянецъ этотъ первоначально былъ пораженъ благополучіемъ въ лицѣ 45-лѣтняго Павла Ивановича и сталъ громко и горько плавать, но когда былъ поставленъ подъ вѣнецъ и спрошенъ: «согласны ли?», то отвѣчалъ, что «согласенъ». Послѣ этого онъ пересталъ плакать, сказалъ себѣ «ну, чтожъ!», окаменѣлъ, одервенѣлъ и, въ качествѣ пустаго сосуда, началъ наполняться интересами супруга. Окаменение и одервенение являются прямымъ результатомъ житья подъ чьею-либо властью; Софья Васильевна не могла избѣгнуть его, но за то самая власть, взявшая ее, была изумительно ничтожна: она требовала только одного, и именно только того, чтобы Софья Васильевна признавала ее за эту власть въ то время, когда всѣ считаютъ ее за бичто. Софья Васильевна незначѣмъ было безнокониться, что мужъ пьянъ и разобьетъ голову, прибьетъ ее и проч.—Павелъ Ивановичъ не пилъ ни одной капли; незначѣмъ было ей тревожиться хозяйствомъ, устройствомъ спокоеа, благоденствія—все это было устроено прежде ея прихода; ей нужно было только слушать ропотъ Павла Ивановича на современность и лучше, ежели бы она не понимала его. Софья Васильевна была

счастлива и въ этомъ отношеніи, ибо ропотъ Павла Иваныча былъ лишонъ всякой логики. Разоженный, напримѣръ, сразу множествомъ новыхъ явленій, онъ въ бѣшенствѣ ходилъ по комнатамъ и вопилъ:

— Желѣзная дорога! Ну, что такое желѣзная дорога? Желѣзная дорога, желѣзная дорога!.. А что такое? въ чемъ дѣло?.. Неизвѣстно!

Отвѣчать что-нибудь на такія фразы или возражать на нихъ— вещь весьма небезопасная, ибо Павелъ Иванычъ и сердится на желѣзную дорогу собственно только потому, что она, наряду съ другими явленіями, тоже какъ будто возражаетъ ему и мѣшаетъ съ прежнею ясностью видѣть кругомъ себя. Софья Васильевна не понимаетъ ничего и молчитъ. А Павлу Иванычу легче, его слушаютъ.

Такимъ образомъ, у Софьи Васильевны не оказывалось никакой заботы, кромѣ заботы слушать брѣзжанія Павла Иваныча, и слѣдовательно, румянецъ ея и знакомство съ перешейками, нашли самый подходящій пріютъ для себя, тѣмъ болѣе подходящій, что одервененіе Софьи Васильевны уничтожило и ту тѣнь труда, которая могла заключаться въ заботѣ слушать Павла Иваныча. Она слушала его и не слыхала ничего и это было отлично...

Такъ и пошла ея райская жизнь.

Избавленная отъ всякихъ заботъ и трудовъ, Софья Васильевна могла спать, просыпаться, обѣдать и опять спать; окамененіе ея росло и дѣлалось способнымъ воспринять съ твердостью камня самыя раздражающія брѣзжанія Павла Иваныча, дѣлало ихъ даже незамѣтными, несмотря на то, что, согласно съ безпрестаннымъ наплывомъ новыхъ явленій, оно дѣлалось какъ-то безтолковѣе и длиннѣе. Разоренный умъ Павла Иваныча, ободренный сначала появленіемъ Софьи Васильевны, съ теченіемъ времени снова почувствовалъ потребность подрѣпить себя чѣмъ-нибудь новымъ, помимо Софьи Васильевны; загроможденная фальшивыми бумажками, ограбленными почтами, нотаріусами и проч., мысль Павла Иваныча выводила его то на необходимость лечиться, ставить банки, пивки, то на необходимость усерднѣе приобѣгнуть къ Богу и, наконецъ, совершенно неожиданно для него самаго, вывела его къ необходимости построже смотрѣть за женой... Это было до того ново и до того во власти Павла Иваныча, что ему снова стало покойнѣе и легче, если онъ, возвратившись изъ должности, шопотомъ спрашивалъ кухарку:

— Что моя жена... ничего?...

Кухарка передавала объ этомъ барынѣ, но ей было все равно...

Точно также ей было все равно, послѣ того какъ Павелъ Ивановичъ, въ видахъ новаго ободренія самаго себя, выказалъ намѣреніе заперать ее снаружи, упирая дубинкой въ двери и проч. Она снова ходила, теряла человѣческой ликъ и нравъ, теряла съ каждымъ днемъ потребность опрятности, и такимъ образомъ получились тѣ результаты райской жизни, которые повергли Надю въ величайшее изумленіе.

Но прелести житія на чужой счетъ сдѣлались для Нади гораздо яснѣе въ послѣдствіи. Раздумывая надъ положеніемъ Софьи Васильевны, она постепенно задумалась до того, что Сонечка достойна величайшей жалости; но въ влияніемъ этой мысли, она снова отправилась въ ней, снова перенесла всѣ эти полѣнья, слезы, объятія, и добилась все-таки того, что увела Софью Васильевну съ собой; большихъ трудовъ ей стоило уговорить ее не трепетать и не вздрагивать отъ уличнаго шума, который весь и состоялъ только въ томъ, что какой-то мужикъ везъ куда-то песокъ; не бросаться въ стороны отъ прохожихъ, не ахать хватаясь за грудь при крикѣ лавочнаго сидѣльца и проч. Кое-какъ наконецъ Софья Васильевна была приведена въ домъ Черемухиныхъ и облакана; успокоить ея тревогу, по поводу того обстоятельства, что скажетъ мужъ, — не было никакой возможности, несмотря на одинаковыя старанія Черемухиной, Нади и Михаила Ивановича.

— Да что ты, матушка, уговаривала ее Черемухина: — велика бѣда разъ изъ дому въ гости ушла...

— Что вы ужъ очень-то? успокаивалъ Михаилъ Ивановичъ. — Велика фра!... Да шутъ съ нимъ... пущайко-сь подумаетъ, нечѣмъ колымаи-то припрать...

Никакое изъ подобнаго рода увѣщаній не могло хотъ на вершю поколебать того отчаяннаго страха, который вдругъ стала чувствовать Софья Васильевна къ мужу, невнушавшему ей до сихъ поръ ничего, кромѣ полнаго равнодушія. Нада водила ее по саду, по двору, знакомила съ хозяевами, показывала людей, спавшихъ за заборами на перивахъ, и проч. и проч. Софья Васильевна какъ-то вдругъ начинала радоваться всему, что ей показывала ей Нада, и тотчасъ же впадала въ уныніе.

Къ концу вечера эти старанія сдѣлали то, что вмѣстѣ со страхомъ къ мужу, въ сердцѣ Софьи Васильевны воспиталось уже крошечное зерно упрямства; ей уже не хотѣлось домой, а когда Нада предложила ей остаться и ночевать, говоря на счетъ Павла Ивановича: «пусть его», то Софья Васильевна залилась слезами.

Успокоивая ее, Нада шла съ ней изъ саду, в тоже нѣсколько

испугалась, встрѣтивъ кухарку Печкиныхъ, которая за минуту предъ этимъ захывавшись вбѣжала въ ворота.

— Матушка! Софья Васильевна! Пожалуйте скорѣе домой! испуганно говорила она. — Павелъ Ивановичъ такой сдѣлалъ шумъ, такой шумъ...

Тутъ перепуганной на смерть Софьѣ Васильевнѣ и Надѣ она рассказала, что Павелъ Ивановичъ, не найдя дома жены, и не зная, гдѣ она, распушилъ ее, кухарку, и хотѣлъ тотчасъ же объявить полиціи о розыскѣ сбѣжавшей съ офицеромъ жены; кухаркѣ нужно было много времени чтобы убѣдить барина, что никакого офицера тутъ не было и въ поминѣ, а приходила «барышня». Павелъ Ивановичъ никого не слушалъ, кричалъ на весь домъ: «барышня, барышня? Что мнѣ съ барышней? Что такое? въ чемъ дѣло?» и сталъ бѣгать по лавкамъ, рассказывать всѣмъ, что «пришелъ домой, а жены нѣту», спрашивалъ всѣхъ «не видали ли», заглянулъ даже въ нѣкоторые кабаки и трактиры... Наконцѣ кухарка, благодаря свукѣ обитателей тѣхъ улицъ, по которымъ Надя и Софья Васильевна достигли дома Черемухиныхъ, отыскала ихъ и требовала немедленнаго возвращенія.

Досада схватила сердце Нади при этомъ рассказѣ объ офицерѣ, будочникахъ, кабакахъ и трактирахъ, и при видѣ убитой фигуры Софьи Васильевны, которую тащутъ въ наполненный этими прелестями рай.

— Она не хочетъ! Она не пойдетъ! сказала она кухаркѣ довольно рѣшительно.

— Какъ это можно не идти! Гдѣ это видано! въ ужасѣ отвѣчала кухарка. И ея слова были подтверждены хоромъ нѣсколькихъ зрителей, въ числѣ которыхъ былъ хозяинъ, хозяйка, солдатъ и проч.

— Да она хочетъ здѣсь! убѣждала Надя публику.

— Мало чего нѣтъ! Она хочетъ тутъ, а мужъ хочетъ тамъ... Нѣтъ, ужъ это что же... Нѣтъ, ужъ иди... Какъ жена можетъ уйти?... говорила публика.

— Онъ, пожалуй, осерчаетъ да прогонитъ... подбавила кухарка. — Они вонъ, Павелъ Ивановичъ-то, чаю не пьютъ безъ нихъ... Этого нельзя.

— Да онъ одинъ напейся, развѣ не все равно? отставала Надя Софью Васильевну.

— Супругъ желаетъ, чтобы вмѣстѣ! сударушка! со всѣмъ усердіемъ объясняла ей кухарка: — такое его желаніе, должна же супруга ему сдѣлать по вкусу...

— А она здѣсь желаетъ быть... долженъ онъ ей позволить.

— Матушка! продолжала кухарка: — такое его желаніе, чтобы

чай съ нею... Онъ такъ желаетъ... Должна она себя принево-
лить...

Толпа подтверждала справедливость разсужденій кухарки; ста-
рушка Черемухина, выглянувшая изъ комнаты на этотъ шумъ,
тоже не была противъ общаго мнѣнiя и высказала это довольно
осторожно, что, молъ, конечно, жаль, а все-таки; но самое полное
доказательство правды этихъ мнѣнiй, — было внезапное появле-
нiе самаго Павла Иваныча; онъ торопливыми шагами направился
къ женѣ, въ самую середину толпы и вслѣдъ за тѣмъ изъ раз-
гнѣванныхъ устъ его полилась дребезжащая и крайне сердитая
дичь и чуть.

— Это что такое?... Что это такое?... захлебываясь отъ уста-
лости и волненiя задрезжалъ онъ, глядя на Софью Васильевну: —
я чаю не пилъ... Вѣдь это вѣдь...

— Я съ Надеей! едва внятно произнесла Софья Васильевна.

— Съ Надеей? почти вскрикнулъ Павелъ Иванычъ, выпячивая
грудь впередъ и растопыривая руки.

— Что такое: съ Надеей? Что мнѣ съ Надеей? Съ Надеей съ На-
дей, а я... я чаю не пилъ...

— Ваша кухарка... начала-было Надя...

— Кухарки! еще громче вскрикнулъ Печкинъ и еще больше
качнулся назадъ.— Что мнѣ кухарка? позвольте васъ спросить?
что такое? кухарка кухарка, а между тѣмъ... а-а... Вѣдь это не-
возможно!...

Сердитая чуть, сыпавшаяся изъ Печкина и провозносима до-
вольно громкимъ и кривымъ голосомъ, въ которому присо-
единялись голоса одобравшей публики, — привлекла вниманiе всѣхъ
до кого только могли достигнуть эти звуки; в такъ-какъ кру-
гомъ были главнымъ образомъ слушающiе люди, то двѣ или
три минуты продолженiя этого крика, — и на дворѣ Черемухиныхъ
собралась бы толпа. Старушка Черемухина, знакомая съ права-
ми захоlustьевъ, посиѣшила предупредить образованiе формаль-
ной сцены, и пригласила Печкиныхъ въ комнату; она объяснила
Павлу Иванычу, въ чемъ дѣло, уговорила его не беспокоиться и
затѣмъ ласково проводила супруговъ за ворота. Надя съ грустью
разсталась съ Софьей Васильевной и долго не могла успокоить-
ся насчетъ того, что значить въ рукахъ супруга такая ничтож-
ная фраза: «я не пилъ чю!»

По уходѣ Печкиныхъ, захоlustье, разбуженное супружескимъ
вопросомъ, продолжало обсуждать его, и Надя принимала въ
этихъ разсужденiяхъ живѣйшее участiе. Желая уронить въ объмахъ
глазахъ значенiе Павла Иваныча, она высчитала передъ хозяй-
ской кухаркой, съ которой шли разговоры, всѣ его злодѣянiя въ

видѣ колѣннѣвъ, ворчанья и проч. И заключила тѣмъ, что еслибы ей пришлось съ этимъ человѣкомъ пробыть одинъ день, то она бы умерла или ужъ по крайней-мѣрѣ ушла бы прочь.

— И, матушка, отвѣтила ей кухарка: — уш-ла! Куды пойдешь-то, посуди сама... Вѣдь ты два безъ супруга-то не продишешь! Повертись, повертись на врѣлечѣ, да и придешь опять... Кабы вы были простого званія, онъ бы, мужъ-то, такъ-то не привередничалъ... А то вы благородные, по этому случаю вамъ надѣтъ исполнять его приказъ.

— А простого званія? спросила Нада: — а ты?

— Я-то? Мой мужъ такъ-то не смѣетъ... ему не расчесть надо мной потѣхи потѣшать. Потому онъ знаетъ, что ежели ему рубъ серебромъ понадобится, я ему дамъ, помогу изъ своихъ трудовъ, изъ своихъ достатковъ, а ежели онъ пьянъ напьется, да придетъ ко мнѣ шумѣть, такъ я его тоже могу и въ часть засадить... Потому я сейчасъ взяла изъ своихъ денегъ гривенникъ, дала его бутешнику, онъ его такъ-то ли въ часть запретъ... такъ-то-съ...

— Да вѣдь и онъ тоже можетъ бутешнику дать гривенникъ?

— Счаужь не дастъ, дастъ; только ему же хуже... Въ чужихъ людяхъ той помочи-добра не сыщешь, что въ женѣ мужъ, а въ мужѣ жена... Мы и не допускаемъ себя до эфгаго... Къ примѣру сказано... А у благородныхъ-то этого нельзя; благородный-то хоть что хошь городи надъ женой, ей и бутешникъ помочи не окажетъ, потому, какъ онъ барана въ часть петащить? Такъ она и должна себя потрафлять по мужу... Потому ей безъ мужа не съ тѣмъ вѣзаться...

Почти то же самое высказывали и другіе обсуждавшіе этотъ вопросъ. Михаилъ Ивановичъ, и солдатъ, и хозяинъ, и хозяйка, и во всѣхъ ихъ рѣчахъ непремѣнно упоминалось о какомъ-то «своемъ трудѣ», «своихъ деньгахъ», какъ единственныхъ средствахъ, съ помощію которыхъ можно избѣжать всѣхъ этихъ безобразій.

Долго вечеромъ Нада думала обо всемъ, что ей пришлось видѣть, и рѣшительно не могла придти къ иному выводу, кромѣ того, что кухаркѣ дѣйствительно лучше жить, нежели благородной барынѣ или барышнѣ.

Глава Успенскій.

ВОСПОМИНАНИЕ НОЧИ 4 ДЕКАБРЯ.

(Изъ «Chatiments» Виктора Гюго).

Ребенокъ былъ убитъ, двѣ пули — и въ високъ!
Мы въ комнату внесли малютки тѣло:
Весь черепъ раскроенъ, рука заостенѣла,
И въ ней — бѣдняжка! — онъ держалъ волчокъ...

Раздѣли мы съ униженіемъ нѣмымъ
Трупъ окровавленный, и бабушка, старуха
Сѣдая, наклонилася надъ нимъ
И прошептала медленно и глухо:
— Какъ поблѣднѣлъ онъ... Посвѣтите мнѣ...
О, Боже! волоса въ крови склеились!

Ночь будто гробъ темнѣла. Въ тишинѣ
Къ намъ выстрѣлы порою доносились:
Тамъ убивали, какъ убили тутъ...

Ребенка простынею бѣлой
Она окутала и трупъ оконченѣлой
У печки стала грѣть. Напрасный трудъ!
Обвѣявъ смерти роковымъ дыханьемъ
Лежалъ малютка, холоденъ какъ ледъ,
Рученки опустивъ, отерывши ротъ,
Везчувственный къ ея лобзаньямъ...

— Вотъ посмотрите люди добрые — она
Заговорила вдругъ, прерывая рыданья:
Они его убили!... У окна
Онъ здѣсь игралъ... и въ бѣдное созданье,
Въ ребенка малаго — ему еще восьмой
Годочекъ былъ — они стрѣляютъ!... Что же
Т. СЛХХХІІ. — Отд. I.

Онъ сдѣлалъ имъ, малютка бѣдный мой?...
 Какъ былъ онъ тихъ и кротокъ, о мой Боже!...
 Съ охотою ходилъ онъ въ школу... да,
 И всѣ учителя его хвалили,
 Онъ письма для меня писалъ всегда —
 И вотъ, разбойники, они его убили!...
 Скажите мнѣ: не все ль равно
 Для господина Бонапарта было
 Убить меня?... Я смерти жду давно...
 Но онъ... дитя...

Рыданьемъ задушило

Старухѣ грудь и не могла она
 Сказать ни слова долго... Мы стояли
 Вокругъ несчастной, полные печали,
 И сердце надрывалось въ насъ...

— Одна,

Одна останусь я теперь... Что будетъ
 Со мною старой?... Пусть Господь разсудитъ
 Меня съ убійцами! За что они въ нашъ домъ
 Пустили выстрѣлы? Вѣдь не кричалъ малютка:
 Да здравствуетъ республика!...

Лицомъ

Она склонилась въ тѣлу... Было жутко
 Старухи горькимъ жалобамъ внимать
 Надъ трупомъ отрока окровавленнымъ...

Несчастлива! Могла ль она понять
 Что тотъ, кого зовутъ Наполеономъ
 Принцъ и оборвышъ; что въ душѣ своей
 Онъ жаждетъ жить въ чертогѣ золоченомъ,
 Что надобно ему прислугу, лошадей,
 И денегъ для игры и для любовницъ жадныхъ;
 Что хочетъ онъ въ Сенъ-Клу на выходать парадныхъ
 Предъ челядью дворцовой роль играть,
 Что для него привѣтъ лакеевъ сладокъ,
 Что ради этого онъ привился спасать
 Религію, семью, общественный порядокъ,
 И сталъ дѣтей и жевщицъ убивать!

В: Бурженивъ.

РЫЦАРИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Графъ Телятниковъ, старикъ.
Графиня Амалия Егоровна, жена его, 35 лѣтъ.
Настя, дочь графа отъ перваго брака.
Кукукъ, домашній секретарь графа, 25 лѣтъ.
Семенъ Ивановичъ Козлякинъ, управляющій имѣніемъ Телятниковыхъ.
Петръ Семеновичъ, сынъ его.
Губернаторъ.
Исправникъ.
Марфа Петровна, экономка въ усадьбѣ Телятниковыхъ.
Иванъ Павловичъ, камердинеръ графа.
Луиза, камермелкенъ графини Амалии Егоровны.
Поваръ Телятниковыхъ.
Глаша, горничная въ домѣ управляющаго.
Евѣхій, кондукъ, отецъ ея.
Гальпинъ, богатый купецъ изъ евреевъ.
Васька, дворовый мальчикъ.
Крестьяне.
Старикъ дворовый.
Дворовые и разномысленные.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Телятниковыхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дворъ передъ господскимъ домомъ въ богатой усадьбѣ. Нагнѣво жилой флигель. Направо садъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Семенъ Ивановичъ и крестьянинъ.

Сем. Иван. — Нѣтъ, это, други братчики, не такъ... не такъ... это вы не такъ, неправильно рассуждаете...

1-й крест. — Какъ же не такъ-то, Семенъ Ивановичъ?... Какъ не такъ?... Точно бы вѣрно выходить...

Сем. Иван. — Нѣтъ, невѣрно... совсѣмъ невѣрно... Вѣдь господскую-то повинность надо же справлять... Вѣдь казвѣ ты платишь?... Вѣдь не отречаешься платить за душу свою... Ну, и помѣщику нужно отработать за землю, которую онъ далъ...

2-й крест. — Стой-ко, Семенъ Иванычъ, стой... Ты слушай, что я тебѣ буду говорить...

Сем. Иван. — Ну, слушаю: говори...

2-й крест. — Вотъ что: вѣдь земля-то намъ дадена?...

Сем. Иван. — Ну...

2-й крест. — Да ты говори: дадена, али нѣтъ?...

Сем. Иван. — Ну, дадена...

2-й крест. — Отъ царя, значить, указано: дать мужикамъ земли по эстольку... Указано, вѣдь?... Ты говори...

Сем. Иван. — Ну, указано... Ну, что же?...

2-й крест. — А ты постой... Ну, коли указано: земли мужикамъ дать... И дали земли... Стало, земля наша... За что же намъ за нее работать, али деньги платить, коли она наша?..

Прочіи крест. — Вотъ вѣрно рассказалъ... Вотъ, дядя Аксентъ, вѣрно. Вотъ ты теперь, Семенъ Иванычъ, и скажи противъ него...

Сем. Иван. — Да и скажу, сейчасъ скажу...

Крестьяне. — А ну-ка, ну...

Сем. Иван. — Ты отвѣчай-ка мнѣ: душа-то у тебя своя, али нѣтъ?... Ну, отвѣчай?...

2-й крест. (*подумать*). — Ну, своя...

Сем. Иван. — Ну, вотъ видишь: хоть душа у тебя своя, а ты за нее платишь же въ казну, значить, подушное...

3-й крест. — Ишь ты, Семенъ Иванычъ, что смостить... Вишь, куда метнулъ... Не туда... Такъ это надо такъ говорить, что душа-то у насъ не своя, а Божья... Вотъ что... Да и смѣннелъ ты казну съ бариномъ... Казна-то, чай, царская, да и мы-то теперь стали царскіе... Вотъ что...

Сем. Иван. — Ну, а если вы царскіе, такъ надо и всѣ царскіе приказы исполнять съ вротостію и безпрекословно, а въ царскомъ указѣ сказано: отъ помѣщиковъ земли взять и дать крестьянамъ, а мужикамъ за эту землю на помѣщика работать, али оброкъ платить по положенію...

1-й крест. — Да точно ли это въ указѣ-то царскомъ прописано?...

Сем. Иван. — Ужъ стало быть прописано, коли я вамъ говорю... Я врать не стану: вы меня знаете (*слышнень колокольчикъ... Вся омазываются, смотрятъ въ даль*). Постойте-ка, братцы, кто это ѣдетъ... Да видно эстафета: на одной лошади...

Такъ вѣсть... Вотъ ямщикъ идетъ (*машетъ рукой*)... Ступай сюда... Сюда...

Ямщикъ (*входитъ*).

Сем. Иван. — Чтò, эстафета, что ли?...

Ямщикъ (*подходя*). — Штафеть... (*Вынимаетъ изъ сумки и подаетъ*).

Сем. Иван. — Телеграмма... Ну, ступай, братъ...

Ямщикъ. — На часекъ, Семенъ Ивановичъ.

Сем. Иван. — Ступай, подожди въ конторѣ... (*Ямщикъ уходитъ*).

Сем. Иван. (*читая телеграмму*). — Вотъ тебѣ на... Сегодня прѣдутъ... Господа сегодня прѣдутъ... Экой порядокъ: три дня телеграмма шла... Отъ этаваго лица и три дня... Ни кого-то они не боятъ, эти телеграфщики... Чтò я теперь буду дѣлать?.. Ничего не приготовлено... (*кричитъ во флигель*) Васья! (*выскакиваетъ мальчикъ*). Поди, бѣги въ домъ, скажи Марѣ Петровнѣ, что господа сейчасъ прѣдутъ, прибавили бы тамъ все... (*мальчикъ бѣжитъ*). Погоди, стой... Поддай мнѣ другой сертукъ... а я самъ схожу... (*мальчикъ возвращается*). Да нѣтъ, ступай... Глаша! Глаша!...

Глаша (*выходя изъ дома*). — Чтò угодно, Семенъ Ивановичъ?

Сем. Иван. — Глаша... Дай, душенька, мнѣ сертукъ хорошій... Да нѣтъ, погоди, я лучше самъ схожу, переод нусь (*къ Васькѣ*). А ты бѣги скорѣе, скажи... Пойдемъ, Глаша, помоги мнѣ (*уходитъ въ дождь вмѣстѣ съ Глашей*).

Васья (*бѣжитъ припрямывая и кричитъ*). — Господа ѣдутъ, господа ѣдутъ... Марезъ Петровна, баре ѣдутъ...

1-й крест. — Ишь ты... чтò значить...

2-й крест. — Ты говори, голова... Тоже служить... на нихъ... Жалованье получаетъ... Тоже робѣеть.

Прочіе крест. — Какъ не робѣтъ, паря...

3-й крест. — До кого хошь доведись. Дѣло такое: начало... Пожалуй, смѣнить, а у него семья...

1-й крест. — По намъ пускай бы жилъ; ничего...

2-й крест. — Онъ ничего... Онъ человѣкъ стоящій... Въ немъ хитрости нѣтъ...

3-й крест. — А за барское стоитъ...

1-й крест. — Къ тому пристаень... Таково его дѣло, обязанность его такая... Чтò намъ нѣтъ, что ли?...

3-й крест. — Постой, поглядимъ: какіе такіе... Чтò намъ... мы ничего. Вотъ тутъ въ сторонѣ вставемъ поглядимъ...

1-й крест. — Ровно какъ такъ, ничего, за своею нуждой..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ТЪ ЖЕ И МАРФА ПЕТРОВНА.

МАРФА ПЕТР. (*выбывая изъ дома въ сопровожденіи Васюки*). — Семень Иванычъ, Семень Иванычъ, да гдѣ вы?... Семень Иванычъ!...

СЕМ. ИВАН. (*выходя изъ флигеля*). — Что, Марфа Петровна, слышала?

МАРФА ПЕТР. — Да что же вы со мной сдѣлали?... Какъ же вы это раньше-то не сказали?...

СЕМ. ИВАН. — Да сейчасъ, матушка, узналъ, сейчасъ только телеграмму получилъ... три дня шла..

МАРФА ПЕТР. — Что жь я теперь буду дѣлать?... Ни комнаты хорошенько не прибрать, ни постели не приготовлены... Хлѣбъ-соль бы надо... Теперь всю посуду бы надо выставить... Чай, ужинъ приготовить... Ахъ, Боже мой! ахъ, Создатель мой! что я буду дѣлать?...

СЕМ. ИВАН. — Такъ вы подите, хлопочите...

МАРФА ПЕТР. — Да, вамъ легко сказать: теперь народишко-то весь въ разбродѣ, никого не соберешь...

СЕМ. ИВАН. — Васюку сейчасъ послать можно, чтобы звалъ...

МАРФА ПЕТР. — Ахъ, что вы говорите!.. Поднимемъ теперь въ домъ возню, пыль... а они вдругъ пріѣдутъ... Ахъ, Создатель мой, даже мысли свои сообразить не могу, мысли всѣ пѣз головы растеряла, взаться не знаю за что...

СЕМ. ИВАН. — Ну, какъ вы тутъ хотите, а я по своимъ дѣламъ побѣгу (*уходитъ*).

МАРФА ПЕТР. — Сорокъ лѣтъ при ключахъ, такой оказіи не бывало... Господа пятнадцать лѣтъ въ усадьбѣ не бывали, вдругъ пріѣдутъ... Хвать ничего нѣтъ, ничего не приготовлено... Къ чаю булокъ нѣтъ... Можетъ, и сливокъ топленыхъ нѣтъ... Хороша, скажутъ, ключница, хороша экономка... Скажутъ, дура старая: не за что хлѣбомъ кормить... Не перенесу, не перенесу... Мысли мои, гдѣ мысли мои... ничего собрать не могу... Бѣжать хоть, что нибудъ (*бѣжитъ въ одну сторону, потомъ оборачивается и бѣжитъ въ другую, остается жива*). Нѣтъ, что я думала, что я дѣлать-то хотѣла, приказать вѣдь что-то хотѣла... Ахъ, дай Богъ память... Ахъ, да, сливки... Сливки... На скотную послать... Васюка, Васюка (*оглядывается*)!.. И того нѣтъ... Ну вотъ, никого нѣтъ (*увидя крестьянъ*)... Братцы, голубчики, помогите вы старухѣ, добѣгите кто нибудъ до людской: сбейте вы тамъ народишку побольше, чтобы шла

сюда, бѣжали скорѣе (къ одному изъ крестьянъ)... Паренекъ, сбѣгай ты, на ногу-то полегче...

ПРОЧІЕ КРЕСТ. — Павлушка, бѣги скоренько (*Павлушка благославилъ*)...

МАРФА ПЕТР. (*встѣдъ ему*). — Родименькій голубчикъ, да забѣги на скотную, скажи скотницѣ... нѣтъ, ничего не говори: позови только ко мнѣ...

ПАВЛУШКА. — Къ тебѣ позвать, чтобы къ тебѣ шла!..

МАРФА ПЕТР. — Да, да, чтобы скорѣй бѣжала... ко мнѣ, въ домъ... Я въ домъ пойду, въ кладовую (*вытаскиваетъ изъ кармана связку ключей*)... Куда мнѣ идти-то, батюшки мои?.. Дай Богъ память... Эва эта Маринка, вѣдь, сидитъ тамъ не выбѣжить... И горя мало... Точно не ея дѣло... Ахъ да, посуду вынять... Вотъ я о булкахъ-то и позабыла... Маринка, Маринка!.. Ну, хорошо же, погодн. Сидитъ тамъ (*идетъ къ дому и встрѣчается съ Петромъ Козлякинымъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ ЖЕ И ПЕТРЪ СЕМЕННЧЪ.

ПЕТРЪ СЕМ. — Марфа Петровна, что это вы въ какихъ попыхахъ... Я въ первый разъ вижу, какъ вы бѣгаете...

МАРФА ПЕТР. — Какъ, мой родной, да вы развѣ не слышали, чтѣ у насъ надѣлалось: господа сейчасъ приѣдутъ.

ПЕТРЪ СЕМ. — Вотъ что...

МАРФА ПЕТР. — А мы ничего не знали... у насъ ничего не приготовлено... Вотъ и хлопочу теперь... Всѣ мысли растеряла... Вотъ и опять забыла, зачѣмъ шла... Ахъ, Создатель ты мой...

ПЕТРЪ СЕМ. — Вотъ и батюшка бѣжитъ, и тотъ въ такихъ же хлопотахъ...

СЕМ. ИВАН. (*входя къ нему*). — Слышалъ, братъ...

ПЕТРЪ СЕМ. — Слышалъ, слышалъ, батюшка! только зачѣмъ же вы такъ бѣгаете на старости лѣтъ?

СЕМ. ИВАН. — Нельзя, братецъ: въ распахъ захватили...

МАРФА ПЕТР. — Чтѣ вы, Семенъ Иваннчъ, народишку-то нашия какого выбудъ?

СЕМ. ИВАН. — Нашелъ, нашелъ, и распорядился: велѣлъ поприодѣться, почиститься, да собраться сюда, все-таки встрѣтить... Верхового въ городъ за провизіей послалъ; въ пруду велѣлъ рыбы наловить...

МАРФА ПЕТР. — А ко мнѣ-то въ домъ никого не отрядили?..

СЕМ. ИВАН. — Да вѣдь вы не велѣли.

МАРФА ПЕТР. — Ахъ, что же вы теперь сдѣлали?... Что же я буду безъ народу дѣлать? У меня въ домѣ одна Маринка, да вотъ и та сидитъ тамъ, точно и дѣла нѣтъ...

СЕМ. ИВАН. — Такъ сейчасъ можно послать... (*Оглядывается*). Да вотъ бѣгутъ... Это въ вамъ...

МАРФА ПЕТР. — Ну, слава Богу... (*Смѣшекъ колокольчикъ*).

СЕМ. ИВАН. — Ъдутъ.

МАРФА ПЕТР. (*Вскрикиваетъ*). — Ахъ! (*Поспѣшно бѣжитъ къ дому и замыкавшись садится на ступенькахъ крыльца. На дворъ прибѣгаетъ нѣсколько дворовыхъ, впереди изъ Васна, она кричатъ: ѡдутъ, ѡдутъ... За ними появляются другіе*).

МАРФА ПЕТР. (*съ крыльца, кричитъ къ дворовымъ*). — Сюда! сюда... Подите, хоть двери отворите настежь... Да высадить господъ поможете.

СЕМ. ИВАН. (*къ дворовымъ, которые всея было толпой двинулись къ дому*). — Погодите, погодите... Это одинъ тарантасъ: можетъ быть, еще только прислуга прислана... Такъ и есть: вотъ стали, вылѣзаютъ... Это петербургскія дворецкія, камердинеръ графа... Иванъ Павлычъ, я его узналъ... Вотъ сюда идетъ... Погодите...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ, ИВАНЪ ПАВЛЫЧЪ, ПОВАРЪ И ЛУИЗА.

ИВАНЪ ПАВЛ. (*входя*) — А гдѣ тутъ управляющій?..

СЕМЕНЪ ИВАН. (*подходя къ нему*). — Здравствуйте!... Не узнали меня... я васъ узналъ...

ИВ. ПАВЛ. — А-а, помню... разъ въ Петербургѣ у генерала были, деньги привозили...

СЕМ. ИВАН. — Два раза...

ИВ. ПАВ. — Вспомнилъ, вспомнилъ... Теперь узналъ... Ну, съ, мое почтенье (*протягиваетъ руку*).

СЕМ. ИВАН. (*раскланивается, не подавая руки*). — Скоро будутъ господа?..

ИВ. ПАВ. (*отдерывая назадъ свою руку съ досадой грубо*). — Вслѣдъ за мной... Все ли у васъ готово!..

СЕМ. ИВАН. — Что графъ изволил приказывать!..

ИВ. ПАВЛ. — Извѣстно, что: чтобы все было готово... Кажется, сами должны знать... на то управляющій!... Указать намъ комнаты; мнѣ, вотъ и повару, ихъ камермеденъ...

СЕМ. ИВАН. — Поварь въ кухню, а вамъ вотъ Марфа Петровна укажетъ комнаты... Марфа Петровна, укажите имъ, матушка...

МАРФА ПЕТР. (*подходя*). — Пожалуйте, батюшка, пожалуйте... Пожалуйте, мадамъ...

ПОВАРЬ. — Провизія готова ли для ужина?...

СЕМ. ИВАН. — Сейчасъ будетъ...

ПОВАРЬ. — Велите затопить плиту, да судомойку мнѣ и поваренка...

СЕМ. ИВАН. (*обращаясь къ толпѣ дворовыхъ*). — Анисимовъ! Поди, проводи его на кухню, и распорядись тамъ... что имъ нужно...

ГОРНИЧНАЯ. — Мнѣ кто будетъ помогать... разбирать гардеробъ, мыль, глядиль... Я самъ одевайтъ только... ундѣ куафюръ... Мнѣ двухъ дѣвокъ и пранска...

СЕМ. ИВАН. — Это вотъ все ужь къ Марфѣ Петровнѣ относится, къ ней обращайтесь...

ИВ. ПАВЛ. (*входя на крыльцо*). — Эй вы, управляющій! чай будутъ кушать на воздухъ... приказала приготовить...

МАРФА ПЕТР. — Гдѣ же на воздухъ: на балконѣ, или въ бесѣдкѣ, въ саду!..

ИВ. ПАВЛ. — Ну, ужь этого не знаю: это ваше дѣло... Да чтобы посторонняго народу не было никого, чтобы не беспокоить съ дороги... Зачѣмъ эга сволочь здѣсь, мужичье?.. Ихъ убрать отсюда... Терпѣть не могу... сиволопы. (*Показываетъ Луизу на толпу*). Вотъ у насъ какіе французы-то, шадше, видала? (*Луиза смеется*). Ну, старуха, веда, да намъ самоваръ поскорѣ съ дороги... (*Къ повару*). Мосье поварь, распорядитесь тамъ по кухнѣ, да приходите къ намъ, сюда, чай пить и захватите тамъ, знаете, насчетъ того всего... и съѣстнаго и питейнаго. (*Поварь киваетъ головой и уходитъ. Къ Марфѣ Петровнѣ*). — Ну, госпожа, вагъ васъ тутъ величаютъ!.. Аля маршъ...

МАРФА ПЕТР. (*отворяя дверь*). — Милости просимъ, дорогіе гости. (*Уходитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

КОЗЯВИНЪ, ПЕТРЪ, КРЕСТЬЯНЕ И ДВОРОВЫЕ.

КОЗЯВИНЪ (*обращаясь къ крестьянамъ и дворовымъ*). — Ну, дружки, братчики, пова поотойдите... Я хотѣлъ-было по старымъ порядкамъ всей семьей господъ встрѣтитъ съ хлѣбомъ съ солью, да не угодно... Чгѣ дѣлать-то—вамъ же покойнѣе.

Одинъ изъ дворовыхъ. — Видно, Семенъ Ивановичъ, насъ и изъ усадьбы вонъ всѣхъ поговать...

КОЗЯВИНЪ. — Ужь не знаю, дружки, не знаю... Потому

все видно будетъ... Подождите... Можетъ быть, вѣдь этотъ халуй, вѣдь—это халуй, братцы, такой же, какъ вы, только что онъ вотъ въ Петербургѣ важности-то набрался, а то въ десять разъ хуже, чѣмъ вы... можетъ быть, онъ это отъ себя все выдумываетъ... такъ вы на случай выйдите со двора-то, да тамъ въ проспектъ, хоть у моста и постоите, встрѣтите господь, поклонитесь имъ, а я ужъ расскажу послѣ, что это вы хотѣли встрѣтить своихъ старыхъ господъ...

Дворовый. — Да ужъ насчетъ земли-то похлопочите, Семенъ Ивановичъ, а то куда мы, вдругъ такъ, съ ребятишками-то дѣнемся.

Козьявкинъ. — Да ужъ насчетъ этого вы будьте покойны: я просить буду... Сдѣлаютъ ли, не знаю, а просить буду... за семейныхъ... Ну, а холостые да молодые ужъ сами хлѣбъ промыслите. Теперь свобода вамъ дана: кто въ силахъ, такъ самъ о себѣ долженъ думать... дѣлать-то нечего... да оно и резонно... А можетъ быть, которыхъ изъ васъ и сами наймутъ въ услуженіе...

Стар. лаб. — Кажется бы, и вашу службу не надо забывать... Я вотъ шестьдесятъ-пять лѣтъ во дворѣ... Бывало, такимъ-то пенсіи клали да на паекъ сажали, будь только снѣгъ, покоенъ... а не то, что такъ...

Козьявкинъ. — Ну, ну, погодите... это все видно будетъ... Теперь не время... И, вѣдь, самъ по себѣ нечего сдѣлать не могу: не мое добро, вы знаете... А просить—ужъ ссазалъ буду, такъ буду... Подите же съ Богомъ... Ступайте (*дворовые мнимо расходятся*).

Козьявкинъ (*садясь около сына*). — Ухъ, усталъ маленько...

Петръ Сем. — Северное, батюшко, ваше положеніе.

Козьявкинъ. — А что? Почему ты такъ находишь?.. Хлопотливо, да это ничего: я привыкъ, мнѣ безъ дѣла хуже, какъ разъ захвораю...

Петръ Сем. — Нѣтъ, я говорю про ваше нравственное положеніе... Развѣ легко переносить выходи вотъ этакого мерзавца, какъ этотъ разжирѣвшій, вабалованный лакей, который еще осмѣливается вамъ руку протягивать...

Козьявкинъ. — Э, другъ мой милый, поживешь, обломаетъся! жизнь, особливо къ кому она не очень ласкова, такъ тебѣ усмирять: куда и гордость дѣнется! такъ ты приучишь ее молчать, что она и голоса не подастъ, и иной разъ, точно ея и вѣтъ въ тебѣ и не было...

Петръ Сем. — Или опять это: желать сдѣлать добро бѣднелу, вотъ хоть бы этимъ дворовымъ, и не имѣть къ тому воз-

возможности, сознавать обязанность человека богатаго быть и снисходительнымъ, и великодушнымъ, а между тѣмъ дѣйствовать противъ своего убѣжденія и служить эгоистичнымъ интересамъ одного лица и богатаго и пресыщеннаго.

Козявкинъ. — Ахъ, Петруша, Петруша, что же дѣлать-то, другъ, что дѣлать-то... Надо же какъ-нибудь кормиться... На другую службу я негоденъ, да и неспособенъ... А ѣсть надо... Люблю деревню, лѣсъ, поле... Да признаться тебѣ сказать: думается, что в пользу кой-какую дѣлаю; я вотъ мужика-то русскаго хорошо знаю, и онъ меня понимаетъ; случается, иной разъ удастся и добро сдѣлать... правда, что не въ своего кармана, иной разъ даже в передъ довѣрителями для этого душой покрывишь... Э-эхъ, судьба судьба! какъ бы дала она мнѣ обезпеченное состояніе, зналъ бы я теперь, какъ жить, чтобы и себѣ, и людямъ, было хорошо и не въ обиду... Ну, а нѣтъ, такъ и за эту долю Бога благодарю... А гордость-то, и самолюбіе, и все подобное и попридавши въ себѣ: дѣлать-то нечего...

Петръ Сем. — Батюшка, да вы не подумайте! я не хотѣлъ своими словами ни огорчить, не упрекнуть васъ... Мнѣ только горько и обидно, что вы на старости лѣтъ должны сносить такое зависящее положеніе... Ради Бога... не сказалъ ли я чего неприятнаго, обиднаго?.. Я не хотѣлъ этого...

Козявкинъ. — Что ты, что ты, дружище! Развѣ я тебя не знаю? Нѣтъ, я не въ тому. Просто, захотѣлось высказаться — бывають, вѣдь, такія минуты... Мнѣ тоже хочется, чтобы въ тебѣ осталась добрая обо мнѣ память... Неужто ты думаешь, что я иной разъ не страдаю, не тягочусь своей долей... Правда, я не учился столько, какъ ты, а тоже кое-что читаю, думаю; въ молодости тоже и самоувѣренность, и самолюбіе были, вѣрилъ въ свои силы, ожидалъ отъ себя и Богъ знаетъ чего... Ну, это все прошло... И теперь иной разъ нападаетъ на душу и досада, и злоба какая-то: чувствуешь, что служишь людямъ, которые не больно честно, и хорошо дѣлають, да знаешь, что силежки нѣтъ на борьбу... Ну, и молчишь... лишь бы только самого оставили въ покоѣ...

Петръ Сем. — Я только одному удивляюсь, батюшка, какъ вы не ознакомились, не возненавидѣли этихъ людей...

Козявкинъ. — А вотъ что примиряетъ (*указываетъ окрестъ себя*). Вотъ эти деревья столѣтнія... эта степь благоуханная... небо это ясное... Какъ, бывало, нехорошо на душѣ, и уйдешь въ поле, или въ лѣсъ, куда-нибудь, одинъ, подальше... да подышешь этимъ сладкимъ воздухомъ, побудешь въ этой тиши благодатной — все и на сердцѣ улажется, и кровь потечетъ ров-

нѣ! Въ городѣ, можетъ быть, и я бы озлобился... Здѣсь вотъ, слава Богу, слишкомъ десять лѣтъ одинъ прожилъ, теперь вотъ только приходится (съ зрстой улыбкой) своимъ космодъ встрѣчать... Я этимъ мѣстомъ очень доволенъ...

Петръ Сем. — А что это за люди, батюшка? мнѣ не приходилось спрашивать васъ о нихъ...

Козявкинъ. — Да признаться сказать, я и самъ ихъ не знаю хорошенько; видѣлъ и говорилъ съ генераломъ только три-четыре раза, какъ опредѣлялся, да деньги какъ-то возилъ въ Петербургъ. Знаю, что онъ весьма значительный человѣкъ въ Петербургѣ, видное мѣсто занимаетъ, большимъ дѣльдомъ считался, а теперь вотъ, изъ газетъ видно, въ отставку вышелъ: по своей ли волѣ, или приказали—не знаю. Старикомъ ужъ женился на второй женѣ, на какой-то баронессѣ, дѣтей отъ нея нѣтъ, а отъ первой жены дочь, ужъ невѣста... Этихъ двухъ еще и совсѣмъ не видалъ... Они въ Петербургѣ намъ, низкимъ людямъ, не показываются, къ нимъ нашему брату, слава Богу, доступу нѣтъ... А имѣніе-то отъ первой жены, оно собственно барышня принадлежит; генераль только, разумѣется, всѣмъ распоряжается, какъ отецъ и попечитель...

Петръ Сем. — Такъ дочка-то богатая невѣста?

Козявкинъ. — Еще бы. Имѣніе-то ты знаешь: золотое дно. Говорятъ, имъ только и живутъ; у самого-то графа, вѣжета, маленькое имѣніе, у второй жены тоже ничего нѣтъ; говорить, онъ чрезъ покойницу, первую жену, и въ люди вышелъ... Богата невѣста!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ И МАРѢА ПЕТРОВНА.

Марѣа Петр. (*подходя и омыдываясь назадъ*). — Ну, слава Богу, усадила за самоваръ... пьютъ... Что, Семень Иванчъ, каковы? съ какимъ форсомъ... петербургская-то прислуга...

Козявкинъ. — Да, Марѣа Петровна, народъ строгій... съ амбиціей...

Петръ Сем. — А вы угождайте больше, Марѣа Петровна, ухаживайте за ними хорошенько, такъ они гнѣваться не будутъ, и простятъ, если какой безпорядокъ...

Марѣа Петр. — Ну, а ты, коли фаворитъ мой, такъ не зубоскаль... Я этого не люблю... Я стара угождать такой сволючи: я сама тридцать лѣтъ здѣсь въ домѣ живу... Это не господа! Не бранитесь же мнѣ съ ними съ перваго раза... Ну, а

вѣдь будутъ больно ломаться, такъ тоже я поваднн не дамъ большой, не бойся!

ПЕТРЪ СИМ. — Ну, не сердитесь, Марѳа Петровна. Я вѣдь такъ только, пошутилъ.

МАРѢ ПЕТР. — Не серджусь я, а вотъ что: я, вѣдь, за дѣломъ за казвмъ-то шла къ вамъ, Семенъ Иванчъ... Ахъ, дай Богъ память... вотъ этотъ баласнигъ-то сбнлъ мена! Да... ну, булн-то у мена врядъ ли поспѣютъ, а хлѣбъ бнсввнтннй велѣла сдѣлать... Ужъ какъ они тамъ хотятъ, а съ хлѣбомъ-солью нужно встрѣтить. Да, вотъ вѣдь, зачѣмъ я шла къ вамъ; вспомнила: гдѣ чай-то готовить, какъ вы мнѣ посовѣтуете? Велѣли, чтобы на воздухъ... А? какъ вы думаете, Семенъ Иванчъ, я никакъ немогу придумать... И тамъ думаю, хорошо, и тутъ хорошо—а ну, какъ не понравится?

ПЕТРЪ СИМ. — Такъ вы вотъ какъ сдѣлаете, Марѳа Петровна: я вамъ посовѣтую... Вы велите здѣсь вотъ столъ чайный приготовить, вотъ здѣсь на виду, подъ деревомъ; они прнѣдутъ и увидятъ, что все приготовлено... Коли понравится, такъ здѣсь будутъ чай пить, а не понравится, такъ сейчасъ и перенести можно куда велеть. Вы имъ такъ и объясните.

МАРѢ ПЕТР. — А что, вѣдь онъ дѣло говорить, Семенъ Иванчъ?...

ПЕТРЪ СИМ. (съ улыбкой). — Да ужъ я вамъ вѣрно говорю, что лучше не надо и не придумаешь.

МАРѢ ПЕТР. (размышляя). — А право, дѣло... Ай-да фаворитъ! Ну, спасибо, надоумилъ, уменъ! не даромъ учился этакъ много лѣтъ...

ПЕТРЪ СИМ. — То-то, Марѳа Петровна, а вы во мнѣ сомнѣваетесь: говорите, что пути изъ меня не будетъ...

МАРѢ ПЕТР. — Ну-ка, полно, вѣдь мнѣ невогда съ тобой балавать-то... Надо бѣжать хлопотать, пова не наѣхали...

СИМ. ИВАН. (поднимаясь). — Пойти и мнѣ побывать въ контору. (Уходитъ. Въ это время на балконъ мавнаго дома появляются: Иванъ Павлчъ, поваръ и горничная).

МАРѢ ПЕТР. (увидя ихъ, останавливается въ недоумѣнн). — Ахъ, батюшки мои! Чтѣ это?.. Господа! что это вы дѣлаете?..

ИВ. ПАВЛ. (небрежно). — Это насчетъ чего такого?..

МАРѢ ПЕТР. — Да какъ же вы такъ, безъ мена, черезъ всѣ парадныя комнаты, да и на балконъ... Развѣ это можно?..

ИВ. ПАВЛ. (смотрнтъ на повара и Луизу и хохочетъ. Тѣ также смеются. Къ Марѳе Петровнѣ). — А почему же это нельзя?

МАРѢ ПЕТР. — Да какъ же можно?.. Вы такіе образованше,

петербургскіе... изъ себя представляете... и не имѣете вы уваженія къ господскому дому? Неужто господа вамъ это позволяютъ: по всѣмъ параднымъ комнатамъ ходить — и на балконъ?

Ив. Павл. — Ну, ты, баушка, какъ тебя тамъ прозываютъ... Милитриса Кярбитъевна, что-ли?.. (*Поваръ и юрничная хохочутъ*). Это не твоего ума дѣло... Вотъ ты тамъ посуду послѣ насъ прими, мы чай отпили — это твое разсужденіе... А съ нами не умничай... Мы вотъ захотѣли чистымъ воздухомъ насладиться — и на балконъ вышли... (*Обращаясь къ юрничной*) Довольно пріятный видъ...

Луиза. — Да... такъ, нишево... Нешисто...

Ив. Павл. — Запущенность деревенская... Какая ужъ здѣсь чистота, можетъ ли быть... Какъ теперь взять острова...

Поваръ. — Или Царское...

Луиза. — О, да!

Марѳа Петр. (*стоявшая съ растопыренными руками, какъ бы ошеломленная*). — Да что мнѣ это, во снѣ, что-ли?.. Да какъ ты это смѣешь такъ со мной говорить, невѣжа! Я здѣсь не кое-кто... Труднѣе лѣтъ господское добро берегу... А вы кто такіе? Что за народъ, откуда? Вы, можетъ, жулики какіе, мошенники... Да неужто господа это позволять надо мной надругаться за мою службу?

Ив. Павл. — Ну, старуха, а ты потише! Твоя служба здѣсь была клушей сидѣть: невелика фигура... Я самъ при графѣ пятнадцать лѣтъ, онъ безъ меня ничего не дѣлаетъ, отъ меня никакихъ секретовъ нѣтъ; можетъ быть, я двадцать человѣкъ на службѣ осчастливилъ, меня ни одинъ чиновникъ не миновалъ, никто говорить не могъ съ графомъ мимо меня. И онъ въ меня вѣритъ и уважаетъ, потому знаетъ, какой я человѣкъ... Такъ ты пойми это и помни... Если я что дѣлаю, такъ, значитъ, могу и право имѣю такое... Безъ меня не обойдутся, а тебя, можетъ быть, завтра же здѣсь не будетъ... потому ты старуха безтолковая и никакихъ новнхъ порядковъ не знаешь, а воротнись по старому... Ну, слыхала? Ступай же своей дорогой, да впередъ не суйся!

Марѳа Петр. (*сквозь слезы*). — Боже мой, Господи! вотъ до чего дожила!.. (*Медленно, утило опустила голову, идетъ къ дому*.)

Поваръ (*ухмыляясь*). — Отдѣлаліи...

Петръ Сем. (*про себя*). — Бѣдная Марѳа Петровна, кончилось твое мирное царствіе! (*Уходитъ во флигель*.)

Ив. Павл. — И затѣмъ это имъ вдумалось изъ Петербурга

въ эту глушь ѣхать? Я не понимаю... Самъ мнѣ, самъ говорилъ: я, говорить, теперь вышелъ въ отставку, чтобъ имъ себя показать, что я съ ними несогласенъ! Онъ ужасно недоволенъ всѣми этими реформами, то-есть новыми этими... реформы они называются: онъ мнѣ самъ говорилъ... Я, говорить, теперь вышелъ: пускай ихъ, а знаю, говорятъ, что безъ меня не обойдутся, придуть, поклонятся! Я эту питербургскую нравственность довольно пональ: вертится на глазахъ человѣкъ, ну, его и помнать, а съ глазъ долой — и забыли, и не вспомнать: тамъ будь хоть въ вашихъ хочешь чинахъ — не вспомнать! Ну, и какую они могутъ найдти здѣсь себѣ пріятность? Никакой...

Поваръ. — Именно. Вы бы посмотрѣли, Иванъ Павлычъ, кухня какая... Я взомель — просто думаль не туда: грязь, чернота, непорядокъ... Не знаю, какъ и готовить. Опять правизин хорошей, я думаю, ни за какія деньги не достанешь...

Иванъ Павл. — Да нѣтъ, опричь этого... Это были бы деньги, все можно выписать... А какое имъ здѣсь общество можетъ быть? Развѣ можетъ у нихъ быть здѣсь какое знакомство? Помѣщики все мелкота, надо полагать, потому почище всѣ въ Питербургѣ живутъ... А придетъ зима... тутъ чгд будутъ дѣлать? со скуки помрутъ!

Поваръ (*пожимая плечами*). — Не понимаю... Я думаю, долго не выживу здѣсь: попрошу расчесть и опять назадъ, въ Питербургъ... Да помилуйте, здѣсь пропадешь! Положимъ, онъ мнѣ десять рублей въ мѣсяцъ прибавилъ, да что жъ изъ этого? Свое удовольствіе дороже! И что же мнѣ эти десять рублей, если никакихъ обѣдовъ не будетъ... да еще, пожалуй, и провизія-то своя, деревенская, а не покупная? Чго жъ мнѣ за интересъ?..

Луиза (*обращаясь къ Ивну Павлычу*). — Скажите: здѣсь бываетъ возла?..

Ив. Павл. — Козла? Какъ не бывать, мадамъ... Да зачѣмъ вамъ нуженъ козель?

Горничная. Я будетъ пить его...

Ив. Павл. — Козла-то пить? (*Хочетъ. Поваръ тоже смеется*).

Луиза. — Что вы смѣшили?.. Да... Я не хотѣлъ ѣхать сюда... Мнѣ фрау грейниъ говорилъ: либо Луиза, поѣхаль со мной, я вашъ любль, вамъ куафюръ любль, вы болѣнн, у васъ грудочка нашель, вамъ надо деревня, козель пить, я вамъ дамъ козель пить... Да... Я говорилъ докторъ, онъ сказалъ: да, это вамъ карошъ: деревня, козель пить... Я сказалъ фрау грейниъ:

карашо, я съ вамъ ѳвиль деревня, козелъ пить... (Черезъ дворъ пробѣгаетъ дворовый мальчикъ съ крикомъ: «ѳдутъ, ѳдутъ!»)

Ив. Павл. — Слышите, наши ѳдутъ. Надо идтеть. (Онъ и прочіе уходятъ съ балкона. На дворъ подымается суматоха. Изъ дома выносятъ столъ для чая, несутъ самоваръ, сервизъ, разныя чайныя принадлежности. Марѳа Петровна вытѣкаетъ изъ дома, ставитъ на столъ разныя вещи и снова уходитъ. Наконецъ, появляется у крыльца дома съ подносомъ, на которомъ хлѣбъ, и на немъ соломка. Входитъ Семенъ Ивановичъ. На крыльцѣ стоитъ Иванъ Павловичъ. Поваръ пробѣгаетъ черезъ дворъ въ кухню. Съ разныма стерога появляются мужики, бабы, дѣти крестьянскіи, дворовые мальчики и дѣвочки. Входятъ Телятневъ, Амалія Егоровна, Настя и фонъ-Кукукъ. Всмѣдъ за ними цѣлая толпа дворовыхъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Графъ Телятневъ, графиня Амалія Егоровна, Настя, Кукукъ, Семенъ Ивановичъ, Марѳа Петровна.

Гр. Телят. (раскланиваясь съ улыбкой). — Здравствуйте, здравствуйте!

Дворовныя. — Батюшка, благодѣтель, ваше сіятельство, отецъ нашъ!.. Матушка графиня! барышня графинюшка! ангелъ небесный!..

Сем. Иван. (подходя). — Имѣю честь поздравить съ прїѣздомъ ваше сіятельство!..

Гр. Телят. — А-а, здравствуйте, мой почтеннѣйшій!.. Какъ поживаете? Вотъ, представляю, моя жена, дочь... (Къ нимъ) Здѣшній управляющій... (Семенъ Ивановичъ раскланивается. Амалія Егоровна и Настя киваютъ).

Марѳа Петр. (подходя). — Хлѣбъ да соль на доброе здорье и всякое благополучіе, ваше сіятельство...

Гр. Телят. — А-а, старушка Божья, здравствуй, здравствуй! Ты еще жива?.. Очень радъ тебя видѣть. (Обращаясь къ жемъ и дочери) Вотъ, представляю, это наша домоправительница, экономка и ключница...

Марѳа Петр. (къ матери). — Позвольте ручку поцаловать, ваше сіятельство...

Гр. Ам. Егор. — Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ?.. Это не нужно со всѣмъ...

Марѳа Петр. (къ дочери). — Ангелъ вы мой, барышня вы моя... Господи, дожила же, что и васъ увидѣла. Вся въ маменьку... (Плачетъ и цалуетъ Настю.)

Настя. — Ты развѣ знала, душенька, мою мамашу?..

Марфа Петр. — Я-то? Да съ дѣтства, съ малолѣтства знала.. Какъ невѣстой въ Петербургъ повезли, до той минуточки не разставалась съ ней...

Гр. Ам. Егор. — Ну, однако, это довольно... Такъ много народа, шума... Я устала... Гдѣ же мы будемъ чай пить?

Марфа Петр. — Вотъ, матушка, я здѣсь приготовила: не знаю, понравится ли? А то можно и въ другое мѣсто столъ перенести...

Гр. Ам. Егор. — Я полагаю, что есть здѣсь мѣста болѣе пріятныя и удобныя... Но теперь все равно, только (*обращаясь къ мужу*) пожалуйста, велите народу, чтобъ шель... Къ чему эта встрѣча?.. Это скучно...

Гр. Телят. — Это ужъ, матушка, русскій обычай... любовь къ своему помѣщику... безъ этого нельзя...

Гр. Ам. Егор. — Ну, да, я знаю: эта любовь — чтобы потомъ чтонибудь выпросить! Велите же имъ всѣмъ уйдти! Мсьѣ управляющій, велите разойдтись этому народу по домамъ... Объясните, что мы очень благодарны, но просимъ дать намъ отдыхъ съ дороги.

Сем. Иван. — Я имъ скажу... Они сейчасъ уйдуть... (*Говоритъ потихоньку толпѣ. Вся уходитъ.*)

Гр. Телят. (*также обращаясь къ толпѣ*). — Прощайте, прощайте, друзья, идите себѣ съ Богомъ...

Кукукъ (*столомаса къ графинѣ Амаліи Егоровнѣ*). — Вы отлично понимаете преданность русскаго человѣка: восторги по приказанію, преданность изъ-за собственной выгоды...

Гр. Ам. Егор. (*живая головою*). — О, я знаю, меня не проведуть... Низкопоклонные, гадкіе и своекорыстные...

Гр. Телят. — Нѣтъ, право, какъ ни ломаютъ, ни портятъ русскій народъ всѣми этими новыми затѣями, которыхъ онъ со всѣмъ не требуетъ, но онъ все такой же добрый, безхитростный, любящій. Жалко, жалко, что старается уничтожить въ немъ всѣ эти патриархальныя его доблести. Съ каждымъ днемъ я все больше и больше убѣждаюсь, что я правъ и что они портятъ и губятъ русскій народъ... Ну-съ, господнѣ управляющій, какъ вы поживаете, какъ идетъ ваше хозяйство?

Сем. Иван. — Благодарю Бога, ваше сіятельство, идетъ себѣ...

Гр. Телят. — Ну, что же, какъ отражаются на народъ новыя реформы?

Сем. Иван. — Пока еще они не уяснили ихъ себѣ, ваше сіятельство, и плохо ихъ понимаютъ...

Гр. Телят. (*улымаясь*). — Я такъ и зналъ. Я это всегда говорилъ. Ну, такъ у васъ, значить, все тихо и спокойно, потому что движеніе между крестьянами было только тамъ, гдѣ находились добрые люди втолковать ихъ новыя права, объяснять имъ ихъ свободу и независимость отъ помѣщика... Вы, конечно, руководствовались мои наставленіями, которыя я вамъ общалъ, и не сбывали народъ безъ надобности съ его вѣковыхъ привычекъ и понятій?

Сем. Иван. — Здѣшній народъ очень тихій и мирный... У васъ, благодаря Бога, все покойно, ваше сіятельство...

Гр. Телят. — Это дѣлаетъ вамъ честь... Я всегда говорю, что какъ бы стараются испортить нашъ добрый народъ, но, если помѣщикъ понимаетъ духъ крестьянъ и имѣетъ хорошихъ исполнителей своей воли, тамъ не можетъ быть никакихъ безпорядковъ... Присядьте. (*Семенъ Иванычъ кланяется*). Ну, какъ ваше семейство? всѣ здоровы? вы вѣдь, кажется, имѣете семейство?

Сем. Иван. — И очень большое, ваше сіятельство... Старшій сынъ кончилъ курсъ въ университетѣ и теперь живетъ здѣсь у меня...

Гр. Телят. — Вотъ какъ... Ну, и что же, выгнать?..

Сем. Иван. — Какъ-съ?

Гр. Телят. — Я говорю, сынъ-то выгнать, какъ всѣ нынѣшніе молодые люди?

Сем. Иван. — Извините, ваше сіятельство... Я не совсѣмъ... Онъ на юридическомъ факультетѣ кончилъ...

Гр. Телят. (*улыбаясь*). — А-а, вы, значить, даже не знаете этого новаго слова... Ну, тѣмъ лучше, я очень радъ. Это мнѣ особенно рекомендуетъ и васъ, и вашего сына... Можетъ быть, ему нужна моя рекомендація на службу? Я еще могу кое-что сдѣлать...

Сем. Иван. — Безмѣрно благодаренъ за ваше участіе, ваше сіятельство...

Гр. Телят. — Съ удовольствіемъ... Я могу написать, дать ему письма... Вы мнѣ представьте его, покажите.

Сем. Иван. — Онъ почтетъ себѣ за великую честь и счастье явиться къ вашему сіятельству... только... извините, ваше сіятельство... не осудите... онъ днѣ у меня немножко, конфузливъ... свѣта еще не видалъ...

Гр. Телят. — Это ничего. Это прекрасно въ молодомъ человѣкѣ, когда онъ скромнень. Ничего, мы его ободримъ. Давайте-ка его сюда сейчасъ. Кстати, вотъ ему и товарищъ будетъ, нашъ Кузукъ... тоже недавно изъ университета. Позовите, позовите его сюда...

Свм. Иван. — Сію минуту, ваше сіятельство... Не оставьте своимъ покровительствомъ!

Гр. Телят. — Посмотримъ, посмотримъ... Я радъ помочь скромному и дѣльному молодому человѣку. Я вотъ только этихъ верхоглядовъ, нигилистовъ не люблю, о которыхъ вы, къ счастью, здѣсь даже и не слыхали... Ну, подите же, позовите вашего сына. (*Семенъ Ивановичъ кланяется и уходитъ*).

Гр. Телят. (*потминаясь*). — Ну, теперь можно выпить чаю... Какой славный воздухъ, — не правда ли?

Кукукъ. — Прелестный!

Гр. Телят. — Да, въ Петербургѣ такимъ не дышуть. Во всякомъ случаѣ, мнѣ полезно отдохнуть и пожить въ деревнѣ.

Кукукъ. — О, конечно, ваше сіятельство, безъ сомнѣнія...

Марѳа Петр. — У насъ здѣсь благодать, ваше сіятельство... истинное благораствореніе... Давно бы вамъ къ намъ пожаловать, ваше сіятельство. (*Амалия Егоровна съ удивленіемъ смотритъ на Марѳу Петровну, заговоришю, когда ее не спрашивали, и потомъ взлядываетъ на мужа и Кукука, стисходительно улыбаясь. Кукукъ ухмыляется*).

Настя. — А какое молоко чудесное, папа!.. попробуй. Я такого не пивала...

Марѳа Петр. — Это отъ вашихъ коровокъ, ваше сіятельство, отъ вашихъ собственныхъ коровокъ! А въ Петербургѣ вѣдь все покупное, хорошаго не получите. Ваша мамаша покойница, — дай ей Богъ царство небесное, — любила коровокъ. (*Амалия Егоровна упорно и строго смотритъ на Марѳу Петровну*).

Гр. Телят. — А какая-то у насъ порода? Я не спросилъ управляющаго... Надо будетъ выписать хорошаго, породистаго скота. Теперь сельское хозяйство, и особенно скоть, въ модѣ... (*Саркастически улыбається*) Ну, что же? Прежде занимался высшими вопросами, а теперь разведеніемъ коровъ займусь... Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ въ этомъ не окажусь неспособнымъ. (*Желчно смѣется*). Кукукъ, вы занимались, какъ говорили мнѣ, сельскимъ хозяйствомъ, и любите его: скажите-ка, какія породы скота считаете лучшими?

Кукукъ. — Да конечно, голландская и тирольская... Хороши тоже многіе виды англійской породы. Вѣдь тутъ выборъ, ваше сіятельство, зависитъ много отъ дѣли, для которой покупаете: для молока, для мяса, или для работы... Но главное дѣло въ томъ, знаетъ ли вашъ управляющій правила рациональнаго ухода за рогатымъ скотомъ, понимаетъ ли онъ вообще рациональное хозяйство...

МАРГА ПЕТР. — Семенъ Иваничъ? Да онъ, батюшка, у насъ первымъ хозяиномъ во всей округѣ счѣтается. Претивъ него...

Ам. Егор. (къ Маргѣ Петровнѣ). — Милая моя, я вамъ захочу разъ навсегда: никогда не вмешивайтесь въ разговоръ, когда васъ не спрашиваютъ... Это большое невѣжество...

Гр. Телят. (хохоча). — Какъ старуха горячо-было вступилась за своего сожителя...

МАРГА ПЕТР. — Я, матушка, ваше сѣятельство, къ слову только... Извините меня великодушно.

Ам. Егор. — Молчите!.. Это, наконецъ, скучно... Пойдите отсюда и пришлите кончить чай мою камермедхень... (Марга Петровна хочетъ что-то отъчать, но, встрѣтя грозный взглядъ Амаліи Егоровны, сконфуженно опускаетъ голову и уходитъ со слезами на глазахъ).

Гр. Телят. (съ улыбкой). — Ну, что ты, шоп аміе, какъ безпощадно выбила старуху изъ ея позиціи!..

Ам. Егор. — Ахъ, онъ ужасно скучны, эти болтливыя старухи ключницы. Нужно оградить себя отъ этой болтовни разъ навсегда. Это остатки привычекъ старыхъ русскихъ помѣщиковъ — держать около себя этихъ говорящихъ и страшно надоѣдающихъ попугаевъ. (Обращаясь къ Кукуку) Правда?

Кукукъ. — Это совершенно справедливо: отсутствіе какихъ-либо высшихъ интересовъ, какой-либо дѣятельности, скука деревенской жизни всегда наполнялись праздною болтовней... Становился нуженъ или путь, или, какъ вы очень остроумно выразились, графиня, говорящіе попуган.

Гр. Телят. — Такъ-то такъ, но старуха имѣла очень жалкій видъ, когда пошла отсюда...

Настя. — И мнѣ ее ужасно жалко... Она, бажется, табакъ добралъ.

Ам. Егор. — Ну, что же... Сожалѣвіе очень похвальное и даже великодушное чувство, но нельзя жертвовать ему своей свободой, привычками и порядками. (На крыльцѣ флигеля показывается Семенъ Иваничъ и, вслѣдъ за нимъ, Петръ Семеновъ).

ПЕТРЪ СЕМ. (стололоса). — Ахъ, какъ мнѣ это непріятно, батюшка!

Козьявкинъ (также). — Ну, пойдемъ же, пожалуйста, пойдѣмъ... Некоршо, для меня некоршо. Они такъ ласковы, такъ интересовались... И для тебя, можетъ быть, полезно...

ПЕТРЪ СЕМ. — Да милостей я не хочу... Въ этомъ умъ вы извините меня...

Козявкинъ. — Да ну, ну, не надо... только представься и будь повнимательнѣе... Сдѣлай это для меня.

ПЕТРЪ СЕМ. — Пойдемте, пойдемте.

Ам. Егор. (*продолжал разговоръ*). — Вообще здѣсь много нужно намѣнить, чтобы сдѣлать жизнь сколько-нибудь сносною: мнѣ вотъ ужасно не понравилось въ управляющемъ, зачѣмъ было выставлять на показъ эту толпу голодной и оборванной челяди... дворовыхъ. И зачѣмъ они здѣсь, ихъ давно слѣдовало выгнать изъ имѣнія: они теперь свободны... могутъ идти куда хотятъ...

Гр. Телят. (*глубокомысленно*). — Н-да... Объ этомъ надо подумать.

Ам. Егор. — Не о чемъ тутъ думать: просто сказать, чтобы шли куда хотятъ. Думать о нихъ, значить, поощрять тунеядство... Я такъ понимаю...

Гр. Телят. (*думал*). — Н-да... Гм...

Козявкинъ (*подходя съ Петромъ Семеновичемъ*). — Позвольте, ваше сіятельство, по вашему приказанію, представить... Вотъ мой сынъ...

Гр. Телят. — А-а, молодой человекъ. Очень радъ... (*протягиваетъ два пальца*).

Козявкинъ (*къ Амаліи Егоровнѣ*). — Ваше сіятельство, позвольте представить... (*Амалія Егоровна киваетъ головой, внимательно, но свысока осматривая Петра Семеновича*).

Козявкинъ (*къ Настѣ*). — Ваше сіятельство, сынъ мой старшій...

Настя. — Bonjour.

Гр. Телят. (*сказывая на Кукуку*). — А это секретарь мой, герръ Кукукъ; вотъ познакомиться. Тоже недавно изъ университета. (*Петръ Семеновичъ, со встлнн неловко раскланывающійся, подаетъ Кукуку руку*).

Кукукъ (*съ принужденной любезностью*). — Очень пріятно познакомиться... изъ какого университета?

ПЕТРЪ СЕМ. — Изъ московскаго... А вы?

Кукукъ. — Я кончилъ въ Дерптѣ, потомъ два года занимался за границей.

Гр. Телят. (*къ Петру Семеновичу*). — Ну-съ, подойдите сюда... Дайте мнѣ съ вами покороче познакомиться. Да вы не конфузьтесь: мы въ деревнѣ, стало быть, безъ чиновъ. Присядьте... (*Петръ Семеновичъ садится*). Ну, чѣмъ же вы здѣсь занимаетесь?

ПЕТРЪ СЕМ. — Да пока ничего не дѣлаю: гуляю, хожу на олоту, рыбу ловлю...

Козявкинъ. — Страсть у него, ваше сіятельство...

Гр. Телят. — Да, ну, вы отдыхаете теперь — это понятно: лѣтъ десять учились... Ну, а потомъ, что вы хотите съ собой дѣлать?

Петръ Сям. — Еще пока не знаю... не рѣшился окончательно...

Гр. Телят. — Конечно, хотите поступить на службу?..

Петръ Сям. — На какую-съ?

Гр. Телят. (съ улыбкой). — Да, конечно, въ гражданскую, не въ военную же вамъ идти...

Петръ Сям. — Нѣтъ, я думалъ, что вы спрашиваете про частную и государственную службу...

Гр. Телят. — Да частная служба такая же можетъ быть для васъ?.. Вѣдь вы не специалистъ, не техникъ какой-нибудь...

Петръ Сям. — Я ожидаю судебной реформы. Хочу посвятить себя адвокатской дѣятельности.

Гр. Телят. — А-а, вы тоже реформы ждете... Гм... Нынче всѣ реформы идутъ, только о реформахъ и думаютъ... На деньги, на средства, на подготовки, а всѣ кричатъ, требуютъ реформы, реформы подавай!..

Петръ Сям. — Мы ничего не кричимъ и ничего не требуемъ, графъ... Мы только ждемъ и благодаримъ, когда получаемъ...

Гр. Телят. — Вы, видно, тоже изъ нигилистовъ, молодой человекъ, хоть вашъ отецъ-старикъ и увѣрялъ меня, что не понимаетъ даже этого названія... Признайтесь: изъ нигилистовъ?

Петръ Сям. — Я тоже не понимаю, графъ, этого слова... По моему, оно неудачно выдуманно, неудачно прилѣплено, случайно вошло въ моду и ровно ничего не значить...

Ам. Егор. — Однако, я чувствую сырость въ воздухѣ...

Кукукъ. — Да, графиня, вамъ недурно бы идти въ комнату.

Ам. Егор. — Я тоже думаю. (*Приподнимается*). Анастаси, пойдемъ.

Настя. — Нѣтъ, шатап, я еще хочу немножко осмотрѣть садъ. Кукукъ, пойдите со мной.

Кукукъ. — Съ удовольствіемъ.

Ам. Егор. — Ну, какъ хочешь... я пойду...

Козявкинъ. — Прикажете проводить, ваше сіятельство?

Ам. Егор. — Графъ, вы остаетесь или идете?

Гр. Телятн. — Да, я тоже иду... (*поднимается*).

Козявкинъ. — Прикажете слѣдовать за вами, ваше сіятельство?..

Гр. Теляти. — Нѣтъ, можете остаться... Вашъ докладъ о дѣлахъ по имѣнію ежедневно въ девять часовъ утра... Я встаю рано. А жалко мнѣ васъ, старикъ: вашъ сынъ самонадѣянъ и самоувѣренъ, какъ всѣ вышшіе молодые люди... Ему пора бы ужъ быть вашимъ помощникомъ, а не фантазировать... Впрочемъ, желаю ему успѣха...

Ам. Егор. — Графъ, я иду васъ.

Гр. Теляти. — Иду, иду... Pardon... (*уходитъ изъ дома*).

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Козявкинъ и Петръ Семеновичъ.

Петръ Сем. — Ну, вотъ видите, батюшка, я исполнилъ ваше желаніе, вынесъ пытку этого пріятнаго знакомства, велъ себя, кажется, скромно: что же вышло изъ всего этого? Вашъ графъ получилъ обо мнѣ, кажется, очень невыгодное мнѣніе...

Козявкинъ (*задумчиво*). — Да, Петруша, да... Конечно... ты самъ себя хозяинъ... А въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли бы было попросить его о мѣстѣ и прямо поступить на службу?..

Петръ Сем. — Батюшка, мы знаемъ другъ друга: намъ не нужно много говорить. Вся жизнь моя для васъ, если нужно... только одного не отнимайте: я хочу быть обязанъ только вамъ, и никому болѣе... Я хочу самъ себя прокладывать дорогу!

Сем. Иван. — Какъ хочешь, какъ хочешь, другъ... Я ничего не требую. Я только думалъ: не лучше ли, не легче ли... Они сильны, они могутъ много сдѣлать... и онъ такъ былъ расположенъ!.. (*Входитъ Марѳа Петровна, горько плача*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Марѳа Петровна.

Марѳа Петр. (*плача*). — Голубчикъ! Семенъ Ивановичъ! прогнали, прогнали, оковфузили старуху, при всей дворнѣ, перелъ всѣми своими петербургскими холопами... Молчать заставляли, прочь прогнали! Это за всю службу, за любовь мою, за заботу... Я для ихъ добра всю жизнь свою положила, каждую кроху берегла... Ты знаешь! И за это за все оковфузили, прочь прогнали! (*рыдаетъ*).

Петръ Сем. — Вотъ, батюшка, эти люди каковы... Деликатности даже нѣтъ въ нихъ, а вы еще ждете отъ нихъ добра. Эхъ, полноте, Марѳа Петровна, голубушка, не печальтесь: такой хорошій человекъ, какъ вы, не пропадетъ...

Марѳа Петр. — Ахъ, фаворитъ ты мой милый, да вѣдь

мнѣ не одну себя жаль: мнѣ ихъ-то жаль, добра-го ихняго жаль. Вѣдь я жизнь тутъ положила, вѣдь мнѣ все точно свое мило... Мнѣ барышню-то жаль: вѣдь маменька-то у нея ангелъ была, а в барышню-то со мной точно чужая, не своя...

Козьявкинъ. — Еще она не осмотрѣлась: погодите, Марѳа Петровна, оглядится, узнаеть, что въ этомъ имѣнии ея мать жила, станеть васъ про нее разспрашивать. Погодите еще, какъ васъ полюбить...

Марѳа Петр. — Милые вы мои, неподобные, добродѣтельные вы люди, поддержите вы меня... разговорите! я всѣ мои свои растеряла... Пронзили они мое сердце...

Петръ Сем. — Ну, пойдите, пойдите къ намъ, Марѳа Петровна, чайку повьемъ, про старину поговоримъ, я васъ развесаю...

Марѳа Петр. — Знаю, знаю, что ты меня развеселишь, какъ нитю... Ну, пойдёмъ... *(Идетъ вмѣстѣ съ Козлякинъ и Петромъ Семеновъ, но на крыльцо вдругъ останавливается)*. Ахъ, батюшки мои, что я забыла-то: опару-то для булокъ на завтра не велѣла поставить... И чай-то съ сахаромъ не убратьъ, и самоваръ не принять... Нѣтъ, нѣтъ, побѣгу... *(Торопливо ступаетъ съ крыльца и подходитъ къ столу)*.

Петръ Сем. — Ну, такъ приходите послѣ. *(Уходитъ съ отцомъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Марѳа Петровна. Настя и Кукукъ *(выходятъ изъ сада)*.

Кукукъ *(идя возлѣ Нести, зорячо)*. — Вы никогда не поймете, что во мнѣ происходитъ... Вашъ взглядъ, ваше слово, прикосновение руки вашей... заставляютъ трепетать каждый мой нервъ! Я не помню себя. Для того только, чтобы быть съ вами, видѣть васъ, я готовъ на все, готовъ...

Настя *(осматриваясь быстро)*. — Смотрите, тутъ есть кто-то... *(оба уходятъ поспѣшно)*.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Марѳа Петровна одна.

Вишь ты, нѣмецкая душа... какъ увивается. Чувствуетъ, что господское дитя... Плуть народъ, эти нѣмцы, охъ, плуты... Вотъ, кажется, ни въ жизнь бы на свою землю не пустила. *(Прибираетъ со стола)*.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ въ деревенскомъ домѣ графа Телятнева. Большая комната, около стѣнъ турецкіе диваны, затѣйливое большое бюро, массивное волтеревское кресло, часы въ огромномъ футлярѣ, вся мебель тяжелая, съ рѣзьбой, стариннаго фасона. По стѣнамъ арматура изъ ружей и охотничьихъ принадлежностей. Прямо окна и дверь въ садъ, налево въ уборную, направо во внутреннія комнаты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Гр. Телят. (*одино, читаетъ газету*). — Гм... И это называется литературой... (*Бросаетъ газету*). Ни одной газеты нельзя въ руки взять безъ того, чтобы не разстроиться... Радуются... Чему они радуются? Все развнчиво, все идетъ врознь, все распадается, что строили вѣка... а они радуются... это понятно: они нарочно лгать правительству, представлять въ розовомъ свѣтѣ, чтобы подвинуть его на новыя реформы. О, знаемъ мы васъ... Насъ не проведете, не обманете! И кто же это, кто? Голыши, пролетаріи, оборвыши—вотъ наши писатели, вотъ наши дѣятели и судьи, вотъ кто думаетъ руководить и устроить... Гм... хорошо будетъ порядокъ! А мы уже отсталые люди, не понимаемъ требованій вѣка, мы въ сторонѣ, не у дѣлъ... Посмотримъ, посмотримъ! Когда все спутается, все разстроится, начнется серьезное броженіе... тогда... тогда... и мы... тогда и насъ позовутъ! (*Задумывается. Черезъ кабинетъ изъ оутреннихъ комнатъ съ уборную проходитъ Иванъ Павловичъ*).

Гр. Телят. (*какъ бы очнувшись отъ забытья*). — Чтѣ, много просителей?

Ив. Павл. — Какихъ просителей?... Только одинъ управляющій дожидается.

Гр. Телят. — Да... Ну, да...

Ив. Павл. — Вы думали, что въ Петербургъ... Нѣтъ, здѣсь Старое Вороново... Видно, Петербургъ-то ужъ не воротится...

Гр. Телят. — Почему не воротится... почему? Почему ты знаешь?...

Ив. Павл. — Да такъ: видно по всему.

Гр. Телят. — Вздоръ... Позовутъ... Не можетъ быть...

Ив. Павл. — Только, ваше сіятельство, я васъ хотѣлъ просить: вы меня отпустите...

Гр. Телят. — Куда отпустить?... Чтѣ это значить?

Ив. Павл. — Такъ, совсѣмъ отпустите... Я въ Петербургъ поѣду...

Гр. Телят. — Послушай, братецъ... что ты этъ. Я къ тебѣ привыкъ... сколько лѣтъ... Чѣмъ ты недоволенъ?

Ив. Павл. — Да я не могу сказать: я вами доволенъ... Только съ этимъ мужчиною я здѣсь жить не могу. Я къ публикѣ привыкъ. Я, слава Богу... со мной всѣ съ почтеніемъ обходились... Какіе чиновники, бывало... и тѣ руку подаютъ. А здѣсь чтѣ... Какой-нибудь дрянъ, управитель, и тотъ носъ дереть, знать тебя не хочеть...

Гр. Телят. — Нѣтъ, ты послушай, Иванъ... Ты не обращай на это вниманіа! Я къ тебѣ привыкъ. Ну, и ты мои привычки знаешь... Кого же я здѣсь возьму? Это, братецъ, будетъ безчестно, неблагоугодно съ твоей стороны, если и ты меня оставишь... Ты лучше прямо скажи: можетъ быть, ты... въ Петербургѣ какіе-нибудь тамъ лакейскіе доходы имѣлъ... какъ мой приближенный? Ну, а здѣсь тебѣ жалованья твоего мало, такъ ты прямо скажи: я готовъ тебѣ прибавить съ удовольствіемъ...

Ив. Павл. — Да за это покорнѣйше васъ благодарю. Конечно, какое мое жалованье, велико ли: на черныи день не много скопишь... А нѣтъ, право, признаться сказать: мѣстополюженіе, жизнь мнѣ здѣшняя не нравится. Ну что, просто скука... Слова не съ кѣмъ сказать деликатнаго...

Гр. Телят. — Погоди, братецъ, а ты погоди... Я тебѣ говорю... я знаю, позовуть... безъ меня не обойдутся... Еще лучше будетъ... погоди.

Ив. Павл. — Да это, конечно, дай Богъ, этого я не знаю, какъ тамъ дѣла будутъ... А только что право, ваше сіятельство, если можно, лучше бы вы меня отпустили...

Гр. Телят. — Да какъ же можно, братецъ, что ты! Я къ тебѣ привыкъ... Ты все знаешь: какъ мнѣ угодить и одѣться подать, и все... Сколько лѣтъ жвешь при мнѣ. Да я тебѣ съ удовольствіемъ десять, ну, пятнадцать рублей въ мѣсяцъ прибавлю... только ты, пожалуйста, оставь эту глупость.

Ив. Павл. — Покорнѣйше васъ благодарю... Конечно, и у меня тоже привычка къ вамъ: жалко васъ оставить... А то право скучно... просто неприятно... тоска! Позвольте! *(Подходитъ къ графу Телятневу и поправляетъ на немъ парикъ)*.

Гр. Телят. *(съ безпокойствомъ, заглядывая въ зеркало и слегка дотрогиваясь рукою до парика)*. — А чтѣ?... что такое? Переѣхалъ, ослабъ, что ли?

Ив. Павл. — Нѣтъ, такъ немного... безпорядокъ... не люблю!

Гр. Телят. — А сзади: ничего?... Хорошо? не выбилось?

Ив. Павл. (*съ достоинством*). — Пока я при васъ, не покоюйтесь: не выбьется... одного волоска не допущу!

Гр. Телят. — Однако, пора принимать: дай сюртукъ и позови...

Ив. Павл. — Ничего, подождеть: я вамъ хотѣлъ сказать... Управителява горничная, Глаша, изъ нашихъ дворовыхъ, изъ здѣшнихъ, такая красавица, просто...

Гр. Телят. — Будто ужъ и красавица?

Ив. Павл. — Вы не повѣрите, чтобы въ такомъ низкомъ родѣ... а просто... дѣйствительная прелесть! И не то, чтобы какая-нибудь грубость такая и полнота, а нѣжность, субтильность, однимъ словомъ точно нѣмка или барышня... Не повѣрите: лучше Фредерикъ!

Гр. Телят. — Неужели?

Ив. Павл. — Дѣйствительно говорю вамъ... Да вотъ сами посмотрите. Дворовыхъ всѣхъ сегодня пригнали сюда, къ вамъ... Я велю, чтобы отецъ и ее привелъ...

Гр. Телят. — Ну, и какъ же?...

Ив. Павл. — Вотъ то-то и есть, на счетъ этого трудно... Важность такая: и не подходит! И кажется, управителевъ сынокъ за ней... грамотѣ обучилъ, и она ужъ у нихъ давно, маленькой взяла...

Гр. Телят. — А отецъ съ матерью кто?

Ив. Павл. — Матери нѣтъ, а отецъ вонюхъ, зовуть: Евтихій... Да это что? А вотъ что я надумалъ: надо ее барышнѣ назначить въ горничная и жалованье хорошее положить...

Гр. Телят. — Bravo... Дѣйствуй. А глаза хороши?

Ив. Павл. — У-у, стрѣлы!

Гр. Телят. — А свѣжа?

Ив. Павл. — Наливная... одно слово, персикъ!

Гр. Телят. — Да ты самъ, кажется, врѣзался въ нее?...

Ив. Павл. — Нѣтъ, это что: для меня все одно... (*Стукъ въ двери и голосъ графини: можно войти?*)

Ив. Павл. — Ея сіятельство...

Гр. Телят. (*съ смущеніем*). — Сейчасъ, сейчасъ, шоп ашіе... только одѣнусь... Я не ожидалъ такъ рано... (*Къ Ивану Павловичу*). Пойдемъ въ уборную... Entrez... (*Уходитъ въ уборную въ сопровожденіи Ивана Павловича*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ГРАФИНЯ И ГРАФЪ ТЕЛЯТНЕВЪ.

ГРАФИНЯ (*входитъ и садится*).

Гр. Телят. (*входитъ одѣтый*). — Bonjour, шоп ашіе (*ча-*

луетъ графиню въ лобъ). — Вотъ никакъ не ожидалъ такого ранняго посѣщенія.

Графиня (къ Ивану Павловичу). — Вы можете идти и скажите управляющему, чтобы онъ подождалъ. (Иванъ Павловичъ уходитъ).

Графиня (къ мужу). — Я нарочно пришла сегодня пораньше, чтобы переговорить съ вами наединѣ.

Гр. Телят. — Что случилось, моп аміе? Ты вѣшь будто встревожена?...

Графиня. — Ничего не случилось пока, и я нисколько не встревожена, но пришла, чтобы спросить васъ нежного сосредоточиться и подумать о нашемъ будущемъ.

Гр. Телят. — Я готовъ, моп аміе, я готовъ; но что такое, въ чемъ дѣло? я не понимаю.

Графиня. — Дѣло очень просто: вы имѣсто потеряли и, конечно, безвозвратно.

Гр. Телят. — Почему знать, моп аміе, я этого не думаю... напротивъ, я ожидаю.

Графиня. — Я ничего не ожидаю. Дайте же мнѣ досказать. Пенсіонъ, который вы получаете, не можетъ давать намъ средства къ той жизни, къ которой мы привыкли; ваше и мое имѣніе мы уже почти прожили. Что же остается? Дочь ваша подрастаетъ, и я не думаю, чтобы долго можно было срывать отъ нея, что она единственная и полная хозяйка въ этомъ имѣніи, гдѣ мы теперь живемъ, особенно нова здѣсь остаются эта старуха-ключница, управляющій и вся старая дворня. А жить насчетъ и по милости вашей дочери, которая пойметъ, что она хозяйка, а мы нахлѣбники, я этого выносить не могу... Какъ же вы объ этомъ думаете?

Гр. Телят. — Гм... Мнѣ кажется, что ты напрасно и преждевременно тревожишься... Настя еще совсѣмъ ребѣнокъ и не имѣетъ никакихъ корыстныхъ понятій о собственности. Были бы удовлетворены всѣ ея прихоти, и ей больше ничего не надо, она больше ни о чемъ и думать не захочетъ.

Графиня. — Какъ всегда, вы говорите вздоръ и думаете только о завтрашнемъ днѣ, а я говорю о цѣлой жизни. Настю нельзя же на всю жизнь сдѣлать ребѣнкомъ, она можетъ и влюбиться и замужъ выйти, и тогда, если не она, такъ мужъ потребуетъ.

Гр. Телят. — Ну, за кого здѣсь ей выйти, моп аміе, если даже въ Петербургѣ мы умѣли удалять... Притомъ, вашъ надзоръ...

Графиня. — Вѣчно держать ее въ рукахъ я не берусь. Если она даже и не выйдетъ замужъ, такъ можетъ случайно

узнать о своихъ правахъ, и года черезъ два-три, сдѣлавшись совершеннолѣтней, устранить васъ отъ распоряженій ея имѣніемъ.

Гр. Телят. — Ну, что это, шоп аміе, за предположенія... наша Настя, которая такъ воспитана, чтобы она...

Графиня. — Ну, однако, это скучно. Наконецъ, вѣдь и вы не вѣчны... чѣмъ же вы думаете обезпечить меня?

Гр. Телят. — Однако, шоп аміе, я надѣюсь... я увѣренъ...

Графиня. — Ну, послушайте же меня, чтобы не говорить долго пустяковъ. Я считаю необходимымъ часть этого имѣнія обратить поскорѣе въ денежный капиталъ, а чтобы этого достигнуть умно и безъ излишнихъ разговоровъ, то предварительно нужно удалить, во первыхъ, эту старуху-экономку, которая, къ тому же, очень болтлива и неврилична, а потомъ прогнать и вашего честнаго управляющаго, который мнѣ очень подозрителенъ, да и дѣла не понимаетъ, и наконецъ, выгнать вонъ изъ имѣнія всю эту стаю тунеядцевъ, вашу старую дворню.

Гр. Телят. — Да это все весьма... весьма резонно и очень предусмотрительно, такъ-сказать, въ теоріи. Но на практикѣ это нельзя такъ легко исполнить, какъ тебѣ кажется, шоп аміе. Напримѣръ, за что я прогоню эту преданную и вѣрную старуху, или управляющаго, который ведетъ свое дѣло безукоризненно? Вѣдь надобно же резонъ. Наконецъ, обратить часть имѣнія въ деньги... но вѣдь въ этихъ деньгахъ я, какъ опекунъ и попечитель, долженъ буду дать отчетъ опекѣ.

Графиня. — Ахъ, какъ это все глупо... извините вы меня! Есть лѣса, напримѣръ, которые можно продать на срубъ, никого не спрашивая и никого объ этомъ не увѣдомляя. Да дайте вы мнѣ только дѣльнаго, способнаго и преданнаго человѣка, и я вамъ берусь все обдѣлать. А резонъ прогнать старуху и управляющаго очевидный: первая глупа, стара и ненужна, а второй былъ хорошъ прежде, но не можетъ вести хозяйство на новыхъ основаніяхъ; вы помните, что говорилъ Кукукъ?

Гр. Телят. — Ну, да это правда. Раціональное хозяйство я самъ хорошо знаю и понимаю.

Графиня (*насмѣшливо*). — Конечно, вы человѣкъ всесвѣдущій, кто же этого не видитъ?

Гр. Телят. (*обидѣвшись, съ упрекомъ дотрогивается до руки графини*). — Однако, шоп аміе, вы хотите меня оскорблять.

Графиня (*стохватившись*). — Я нисколько не намѣрена оскорблять тебя, но вѣдь это невыносимо, когда я вижу, что ты не хочешь шагу сдѣлать, чтобы обезпечить и успокоить меня.

Гр. Телят. (*съ достоинствомъ*). — Но вы не забывайте, гра-

Фвня, что дѣло касается также моей дочери и что вы требуете, чтобы я для васъ похизалъ ей имущество...

Графиня (*строю*). — О, если вы такъ начали говорить со мной, такъ я вамъ напомиу и докажу тысячу случаевъ, гдѣ вы расточали и похизали имущество.

Гр. Телят. (*сконфуженно и робко*). — По вашимъ же настояніямъ, можетъ бытъ...

Графиня. — А! такъ вы по моимъ настояніямъ нанмали отдѣльную квартиру на Морской, меблировали ее и возли туда брилліантовна колье? Не мнѣ ли ужъ вы ихъ дарили тамъ? (*Графъ совершенно смущеннымъ опускаетъ голову*).

Графиня. — Вы думаете, я не знаю всѣхъ вашихъ походе- ній, дѣловой человекъ? Впрочемъ, это вздоръ, я на это не обращаю никакого вниманія, живите какъ хотите, журуйте, но только не забываете же вашихъ обязанностей относительно меня и не размыривайте передо мной добродѣтельного человекъ. Не забываете, что я шла за васъ, считая васъ богачомъ. Не забывайте вашихъ клятвъ и обѣщаній устроить, обезпечить меня. Прогнать старуху я беру на себя; чтобы это было благовидно, я ей назвачу небольшой пансіонъ, а вы откажите управляющему, и чтобы онъ ушелъ не очень недовольный, сдѣлайте ему хорошій денежный подарокъ.

Гр. Телят. — Но вѣдъ надо же, по крайней-мѣрѣ, прінскать сначала другого управляющаго.

Графиня. — Я ужъ нашла его! управляющимъ будетъ Кукува, который, я увѣрена, не откажется, потому что онъ самъ намекалъ мнѣ, что ему здѣсь скучно, много свободнаго времени и онъ хотѣлъ бы заняться хозяйствомъ... А что онъ предастъ намъ, и будетъ все дѣлать по нашему приказанію, въ этомъ я увѣрена... Чтѣ жъ, вы согласны на это?

Гр. Телят. — Конечно... ты знаешь, что твоя воля для меня всегда... Только я думалъ, что не нуно бы такъ торопиться.

Графиня. — Напротивъ, это нуно сдѣлать немедленно, сейчасъ же, чтобы они не успѣли натолковать Настѣ. Нуно позвать Кукува и переговорить съ нимъ: опредѣленно. Я надѣюсь, вы не пожалѣете дать ему хорошее содержаніе... Сколько получаетъ у васъ этотъ управляющій?

Гр. Телят. — Онъ получаетъ тысячу двѣсти рублей въ годъ, кажется... если только не ошибаюсь.

Графиня. — Ну, Кукуву можно дать двѣ съ половиной, или даже три, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ исполнять у васъ по прежнему должность секретаря.

Гр. Телят. — Успѣетъ ли онъ, топъ аміе, двѣ должности?

Я намѣренъ былъ диктовать кой-какія соображенія... проекты... знаешь, чтобы не дать тамъ забыть о себѣ... Нужно непременно о себѣ напоминать, нужно иногда разбить ихъ, указать имъ ошибки, дать свои соображенія, чтобы они видѣли, что я имъ необходимъ, что безъ меня... ты понимаешь?

Графиня (*съ худо скрытой насмѣшкой*). — Ну, мы это увидимъ... Пока придетъ вамъ вдохновеніе и вы обдумаете ваши проекты, можно будетъ прислать для письмоводства другого человека... (*Звонитъ; уходитъ Иванъ Павловичъ*). Вы, вѣстна, хотѣли позвать управляющаго?

Гр. Телят. — Да... Управляющаго во мнѣ... (*Иванъ Павловичъ уходитъ*).

Гр. Телят. — Ахъ, соображеніе, топ аміе! Сегодня управляющій должевъ представить спасоужъ всѣхъ дворовыхъ... Онъ настаиваетъ, то-есть убѣдительно просить меня, чтобы бывшимъ дворовымъ подарить вѣскольго десятинъ земли, выстроить имъ дома, или дать по крайней мѣрѣ лѣсу на постройку...

Графиня. — Это съ какой статья? Привармливать и держать около себя воровъ и еще дарить имъ землю, лѣсъ? Это что такое?...

Гр. Телят. — Позволь, позволь, не перебивай меня... Онъ въ этомъ видитъ средство съ одной стороны уменьшать, такъ-сказать, число голодныхъ пролетаріевъ, а съ другой — отвратить ропотъ старыхъ слугъ...

Графиня. — Но мы не обязаны... Ни законъ, ни здравый смыслъ...

Гр. Телят. — Позвольте, позволь. (*Съ насмѣшкой*). Я прошу слова, какъ выучились говорить наши молодые реформаторы... Здѣсь-то, въ этомъ его ходатайствѣ, я и найду резонъ отказать ему подь благовиднымъ предлогомъ... Вотъ соображеніе... ты понимаешь?

Графиня. — Да... ну, это другое дѣло... Это благоразумно.

Гр. Телят. (*съ торжествомъ ухмыляясь*). — Я надѣюсь, ты согласишься, топ аміе, что я не потерялъ еще волюнѣ дипломатическую тонкость и взобрѣтательность...

Графиня. — Я въ этомъ никогда и не сомнѣвалась...

Гр. Телят. — Мерсі, топ аміе. Но я все таки думаю нѣкоторыхъ изъ дворовыхъ оставить... немногихъ, и преимущественно изъ молодыхъ, вотъ, направимъ, выбрать фореятора, лакеевъ, горничныхъ, а прочихъ прогнать...

Ив. Павл. (*пріотворяя дверь*). — Управляющій...

Гр. Телят. — Пусть войдетъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ ЖЕ И СЕМЕНЪ ИВАНИЧЪ.

Гр. Телят. (*принимая важную осанку*). — Что скажете?

Сем. Иван. — Ничего особеннаго, ваше сіятельство. При-
несь, по вашему приказанію, списокъ дворовыхъ.

Гр. Телят. — Подайте.

Сем. Иван. (*подавая списокъ*). — Извините, ваше сіятель-
тельство, я здѣсь, по вашему приказанію, съ 9-ти часовъ,
ждалъ безъ дѣла слишкомъ часть, а тамъ работа безъ присмо-
тра... Я хотѣлъ васъ просить, не позволите ли мнѣ явиться къ
вамъ по вечерамъ...

Гр. Телят. (*разсматривая списокъ*). — Вечера я посвящаю
отдыху и не занимаюсь дѣлами.

Графиня. — Неужели вы и безъ насъ постоянно, цѣлый
день на работахъ?

Сем. Иван. (*простодушно*). — Постоянно, ваше сіятельство,
бевотходно...

Графиня (*съ тонкой ироніей*). — Какая дѣятельность... Это
васъ, я думаю, утомляетъ въ ваши года?

Сем. Иван. — Привычка, ваше сіятельство, отъ движенія я
никогда не устаю. Вотъ сидѣть безъ дѣла не могу.

Графиня. — Но для управляющаго, мнѣ кажется, не нужна
излишняя суетливость.

Гр. Телят. — Какой северный, некрасивый почеркъ.

Сем. Иван. — Деревенскій писарь, ваше сіятельство, деше-
веньскій. А книги я самъ веду, у меня контора небольшая, де-
шевая...

Гр. Телят. — Но вы должны были бы имѣть въ виду, что
этотъ списокъ готовится для меня...

Сем. Иван. — Если вы прикажете, я найду хорошаго пи-
саря...

Гр. Телят. (*насмѣливо*). — Благодарю васъ... (*къ графинѣ*).
Вообрази, топ атіе, здѣсь кормилось 205 душъ дармоедовъ...
двѣ-сти-пять человекъ дворовыхъ!...

Графиня. — Двѣсти-пять... это ужасно!... (*Къ Семѣну Ива-
нчу*). Скажите, что же они у васъ дѣлали, неужели только
хлѣбъ ѣли и больше ничего?

Сем. Иван. — Это, ваше сіятельство, зло общее во всѣхъ
большихъ имѣніяхъ; въ былое время здѣсь былъ домашній
театръ, оркестръ, псовая охота; всѣ эти актеры, музыканты и
писари, со своими семействами, народъ ни къ чему неспособ-
ный... и притомъ народъ старій...

Графиня. — И вѣроятно, пьяный...

Свм. Иван. — Да и не безъ того...

Графиня. — Какъ же вамъ не стыдно было держать ихъ на даровомъ хлѣбѣ и обременять ими имѣнiе? Отчего вы ихъ давно не прогнали?

Свм. Иван. — Да куда же я ихъ прогоню, ваше сіятельство?...

Графиня. — Да куда хотѣть, намъ что до этого за дѣло... особенно теперь, когда они освобождены!

Свм. Иван. — Они ждуть милости отъ вашего сіятельства...

Графиня. — Какой это и за что? За то, что даромъ ѣли господскій хлѣбъ?

Свм. Иван. — У нихъ свои понятiя: они думаютъ, что служили въ свое время маменькѣ и дѣдушкѣ графини Настасьи Павловны. *(Графиня многозначительно взглядываетъ на графа. Графъ хмурится).*

Гр. Телят. — И какъ небрежно составленъ этотъ списокъ, не показано, кому сколько лѣтъ... Напримѣръ, вотъ тутъ конюхъ Ев-ти-хій... Странное има!... и его дочь Глафара... а сколько имъ лѣтъ — неизвѣстно... и потомъ другіе...

Свм. Иван. — Они всѣ собрались, чтобы лично явиться и просить ваше сіятельство о милости.

Графиня. — Я удивляюсь, какъ вы рѣшаетесь безповоить графа такими пустяками. Какая тутъ можетъ быть милость?

Свм. Иван. — Они немного просятъ, ваше сіятельство: влочка земли и десятка три бревенъ на семью, чтобы поставить хату.

Гр. Телят. — Позвольте... Однако, въ общей сложности это выйдетъ довольно значительный подарокъ, и притомъ расходъ непроезводительный... А вы, конечно, знаете, что я отвѣчаю за всякій рубль, который расходуется въ этомъ имѣнiи... и не позволю себѣ ни одной копейки истратить безъ пользы...

Свм. Иван. — Они намѣрены просить молодую графиню, какъ наследницу...

Гр. Телят. — Ну, молодая графиня еще ребѣнокъ, который ничего не понимаетъ въ дѣлахъ.

Графиня. — И которая такъ воспитана, что даже испугается приближенiя этой грязной толпы. Нѣтъ, прошу васъ оставить всякую мысль безповоить графиню Анастасiю. Говорить это съ вашей стороны большая безтактность, и даже дерзость...

Свм. Иван. — Извините, ваше сіятельство, я объяснилъ только ихъ намѣреніе.

Графиня. — Вы должны были съ разу растолковать имъ недѣльность ихъ намѣренія и отклонить отъ него.

Гр. Телят. — Да, они все еще помнят старину... ту патриархальность, простоту отношеній къ помѣщикамъ...

Графиня. — Которая, конечно, немислима по отношенію къ намъ... и г. управляющій долженъ бы это понимать.

Сем. Иван. — Извините, ваше сіятельство, я дѣйствительно, можетъ быть, одичалъ въ деревнѣ... Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, нужно же подумать объ участи этихъ несчастныхъ; нѣкоторые изъ нихъ должны вѣдь съ голоду помереть, или по міру собирать, если ихъ выгнать безъ всякой помощи...

Графиня. — Мнѣ странно; я думала, что вы должны заботиться исключительно только объ интересахъ имѣнія, которымъ вы управляете, а вы...

Гр. Телят. — Позвольте, топ аміе. Къ чему продолжительный разговоръ... Подите объявите дворовымъ, что ни я, ни графиня Анастасія, не соглашаемся на ихъ просьбу и привазываемъ, чтобы они немедленно оставили имѣніе. Изъ молодыхъ же отберите нѣкоторыхъ и приведите ко мнѣ. Вотъ я скажу кого.

Сем. Иван. — Ваше сіятельство, они мнѣ не повѣрятъ, и не послушаютъ меня... Неудобно ли будетъ вамъ самимъ объявить это приказаніе...

Гр. Телят. — Чтѣ-съ? Вы предлагаете мнѣ исполнять ваши обязанности. Хорошо, я иду, но помните, что мы съ вами разошлись, и что я недоволенъ вами... (*Встаетъ*). Идемте.

Графиня. — Гм... хорошъ управляющій, который не можетъ самъ распорядиться въ такомъ дѣлѣ и беспокоить владѣльца...

Сем. Иван. — Извините, ваше сіятельство; я, кажется, ничего... Я не хотѣлъ...

Гр. Телят. — Довольно-съ... Послѣ-съ... Идемте... Я вамъ покажу, какъ нужно распоряжаться. (*Уходитъ съ двери въ садъ. Вслѣдъ за нимъ идетъ понуривши голову Семенъ Ивановичъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Графиня и Иванъ Павлычъ.

Графиня (*съ презрительной улыбкой провожаетъ глазами уходящихъ, потѣмъ звонитъ. Входитъ Иванъ Павлычъ*).
 Графиня. — Гдѣ господиновъ Кукукъ?

Ив. Пав. — Не могу вамъ доложить-съ, а кажется занимаютъ съ молодой графиней, на фортопіано, музыкой.

Графиня. — Попросите его ко мнѣ поскорѣе. (*Иванъ Павлычъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Графиня (*одна, подходит къ окну*). — Какая огромная толпа! Что за лива, что за рубища! (*Пауза*). На колѣни упала... ву да! тувейдцы... (*Пауза*). Ахъ, жалкій гамень!... онъ уже среди женщинъ, среди этихъ грязныхъ тварей... ха-ха-ха... Пускай, пускай... На здоровье! (*Смеется. Входитъ Кукукъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ГРАФИНЯ И КУКУКЪ.

Кукукъ. — Вы меня звали?... Вы смѣтаете, графиня?

Графиня (*указываетъ въ окно*). — Смотрите... Графъ выбираетъ для меня горничныхъ... (*Смеется*).

Кукукъ (*скромно умбається и конфузливо отступаетъ отъ окна*). — Графиня...

Графиня. — Полноте, притворщикъ, развѣ вы не такой же?

Кукукъ (*со скромнымъ достоинствомъ оскорбленной невинности*). — Графиня, развѣ я подалъ поводъ?

Графиня (*лукаво грозитъ ему*). — Смотрите, не попадитесь, худо будетъ... Слушайте! вы не обманывали меня, когда уѣзжали въ своей преданности?

Кукукъ (*съ экстазомъ*). — Графиня, тысячу разъ повторяю подъ клятвой, что люблю васъ больше матери! Вы для меня все, вся моя надежда, все мое будущее... Вы сами знаете, чѣмъ я вамъ обязанъ...

Графиня. — Пока еще немногимъ...

Кукукъ. — Нѣтъ, графиня, я былъ бѣденъ, едва не умираю съ голода въ этомъ проклятомъ русскомъ городѣ, куда прѣхалъ всать счастья и карьеры... Вы спасли меня, дали мнѣ благосостояніе, окружили заботой, вниманіемъ...

Графиня. — Ну, довольно... (*Съ нѣжностью протягиваетъ ему руку. Она целуетъ ее подобострастно*). Вы славный юноша, Кукукъ. Я сама люблю васъ, какъ мать... нѣтъ, больше, нежели мать... (*Кукукъ припадаетъ къ рукѣ графини. Она съ любовью приподнимаетъ его за лобъ и смотритъ ему въ лицо*). Я составляю карьеру юношѣ, я сдѣлаю ему счастье, если... если онъ не взмѣнитъ мнѣ... (*Кукукъ ловитъ руку графини. Она беретъ его золоту руками и целуетъ въ лобъ. Потомъ быстро охладываетъ и принимаетъ обыкновенное выраженіе*). Слушайте, вы будете управляющимъ этого имѣнія, будете получать три

тысячи жалованья, но должны слѣпо исполнить всѣ мои приказанія... не дѣлать ничего безъ моего вѣдома... Вотъ условія.. Согласны? Довольно съ васъ этого жалованья, или мало? говорите скорѣй...

Кукукъ (*съ сияющимъ лицомъ*). — Графиня, еслибы вы сказали: вотъ тебѣ работа, отъ которой ты не будешь имѣть покоя ни днемъ, ни ночью, и за это ты будешь получать только кусокъ русскаго чернаго хлѣба, но будешь жить со мною... я и на это согласился бы съ радостью! Но то, что вы мнѣ предлагаете, выше всѣхъ моихъ надеждъ, всѣхъ моихъ ожиданій! Я вамъ слуга на всю мою жизнь... вы можете распоряжаться мною, какъ... какъ собаченкой!

Графиня. — Ну, довольно... Больше пока ничего не нужно... Подите, посмотрите въ окно, что тамъ дѣлается и рассказывайте мнѣ...

Кукукъ (*подходить къ окну*). — Графъ стоитъ около какой-то хорошенькой дѣвушки...

Графиня. — Это и ненужно было рассказывать, это разумеется само собой; онъ предложитъ ее въ горничныя, или ко мнѣ, или къ дочери, я соглашусь, и онъ будетъ думать, что проведъ меня. Это неинтересно... Дальше...

Кукукъ. — Камердинеръ Иванъ Павловичъ стоитъ съ другой стороны этой дѣвушки и что-то шепчетъ ей...

Графиня. — Вѣрный слуга помогаетъ своему господину, это тоже известно и неинтересно... Оставьте въ покоѣ эту красавицу, мы еще ее увидимъ... Она, кажется, и васъ интересуетъ больше всего другого...

Кукукъ (*съ упрямомъ*). — Графиня!

Графиня. — Ну, хорошо, хорошо... Дальше что еще вы видите?..

Кукукъ. — Графъ говоритъ что-то съ толпою... Отдѣлаться изъ нея нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ... к...х...м...

Графиня. — Знаю, въ томъ числѣ и ту красавицу... Опять о ней... Новый управляющій неваженъ...

Кукукъ (*жалобно*). — Графиня, да не конфузьте меня!

Графиня (*съ довольной улыбкой*). — Ну, ну...

Кукукъ (*смотря въ окно*). — Толпа была на кофѣяхъ, потому всѣ поднялись, очевидно, недовольны чѣмъ-то... Начинаятъ шумѣть... Графъ сердится... Нѣкоторые надѣваютъ шапки передъ графомъ... говорятъ шумно... машутъ руками... Графъ успѣшно идетъ вназадъ...

Графиня. — Отойдите отъ окна къ дверямъ и ожидайте графа. (*Кукукъ становится въ скромную позу молчанія*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ же и графъ Телятниковъ, за нимъ Иванъ Павловичъ.

Гр. Телят. (*входитъ сильно встревоженный*). — Вообрази, топ амиё, у меня бунтъ въ имѣніи... Эта толпа надѣлала мнѣ грубостей, дерзостей. Кричатъ: мы тебя знать не хотимъ, у насъ есть помѣщица, графиня Настасья Павловна... Она наследница, а не ты... ты только опекунъ (*Кукукъ дѣлаетъ невольное движеніе*). — Подайте намъ ее, она все для насъ сдѣлаетъ...

Графиня. — Вотъ видишь, топ шер, какъ слова мои оправдываются... и во всемъ этомъ виноватъ управляющій! Это онъ распустилъ такъ народъ!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ же и Семень Ивановичъ.

Сем. Иван. (*объявъ взволнованный*). — Успокойтесь, ваше сіятельство... Это ничего, это отъ глупости. Народъ затихъ и разошелся...

Гр. Телят. — Я вамъ отказываю, милостивый государь! Вы никуда не годитесь... Такъ распустить народъ... Допустить меня до такого оскорбленія.

Сем. Иван. — Ваше сіятельство, да чѣмъ же я-то виноватъ? Я васъ предупреждалъ...

Гр. Телят. — Чтò вы предупреждали? о чемъ? Вы просили за эту голодную стаю... Вы заставили меня идти къ этой толпѣ...

Сем. Иван. — Я васъ просилъ сдѣлать для нихъ ничтожное благодѣяніе...

Гр. Телят. — Извольте идти вонъ. Вы не управляющій больше... Приготовьте къ сдачѣ дѣла...

Сем. Иван. — Вотъ благодарность за двѣнадцатилѣтнюю честную службу... Вы могли мнѣ отказать всегда, но зачѣмъ же такъ грубо... Я не заслужилъ... Я дворянинъ, ваше сіятельство.

Гр. Телят. — Оставьте меня, я вамъ говорю...

Графиня. — Успокойтесь, графъ... (*Указываетъ Ивану Павловичу глазами на Семена Ивановича*).

Ив. Павл. — Выходите... Пошелте, пошелте вонъ (*хочетъ взять его за плечо*).

Сем. Иван. (*отшатываясь*). — Прочь... халудъ (*уходитъ*)!

Кукукъ. — Ваше сіятельство, не прикажете ли обратиться въ полицію?

Гр. Телят. — Ахъ, да, мой любезнѣйшій, напишите сейчасъ же письмо къ губернатору, выразите, что у меня въ имѣннѣ бунтъ, что я прошу его помощи и защиты, что исправникъ у меня еще не бывалъ... Въ такомъ родѣ... И принесите ко мнѣ.. Я подпишу и сейчасъ же послать...

Кукукъ. — Сію минуту, ваше сіятельство. (*Уходитъ*).

Гр. Телят. — Ахъ, какъ я измученъ...

Графиня. — Ну, успокойся, мон снеч, я тебя оставлю... Отдохни, успокойся. (*Уходитъ*).

Ив. Павл. — Нигуда негодная тварь этотъ управляющій. Тоже важничаетъ, а самъ за одно съ мужиками... Давно бы его пора шугнуть.

Гр. Телят. (*отдаетъ знакъ Ивану Павлычу*). — Прими. (*Иванъ Павлычъ снимаетъ съ него парикъ*).

Занавѣсъ падаетъ.

ДВѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Садикъ передъ домою управляющаго въ имѣннѣ Телятнева. Съ лѣвой стороны виднѣя фасадъ небольшого одноэтажнаго флигеля, съ балкономъ, выходящимъ въ садъ. Около дома деревья, подъ ними деревянные скамья и столъ. Сзади дворъ усадьбы.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сѣменъ Иванычъ и Петръ (*сидятъ на скамьѣ подъ деревомъ*).

Петръ. — Меня, батюшка, больше всего бѣситъ эта неделикатность, это презрѣніе къ человѣческому достоинству, какое-то тупое, бессмысленное высокомеріе, которое они показали относительно васъ.

Сем. Иван. — Ну, что же дѣлать, послужилъ, поработалъ для нихъ, казалось, устроилъ, привелъ имѣніе въ порядокъ... Теперь сталъ ненуженъ. Что же дѣлать? Насильно мнѣ не будешь... Другой бы на моемъ мѣстѣ обворовывалъ ихъ, набилъ бы себѣ карманъ и горюшия бы не зналъ... Ну, а я вотъ теперь голъ, какъ соколы, бѣдствовать долженъ, пока другаго мѣста не найду... Что жъ, я ихъ очень обвинять не могу... Они имѣли полное право отказать мнѣ во всякое время... только можно бы, конечно, поделикатнѣе. Не обрывать тагъ, не обижать человѣка... Ну, на то они вельможи... Они на нашего брата не смотрятъ, какъ на людей... Ну, Богъ съ ними; авось безъ куска хлѣба не останусь; найду же себѣ какое-нибудь мѣсто...

Петръ. — Батюшка, вы меня какъ ножомъ рѣжете... Мнѣ бы надо теперь помогать вамъ, своимъ трудомъ освободить васъ отъ всякой заботы, а я самъ еще живу на вашъ счетъ.

Сем. Иван. — Что ты, что ты, Петруша! нѣтъ, я совсѣмъ не къ тому... А жилъ я широко, надо бы поскромнѣе, беречь бы надо вотъ на такой черный день, а я не умѣю, привилъ съ молодости, всегда все проживалъ, вотъ теперь и плохо...

Петръ. — Да полноте, батюшка, развѣ я не знаю, какая ваша широкая жизнь и куда вы проживали? На насъ же, на дѣтей вашихъ, на мое же образованіе... Я стоилъ вамъ ежегодно, до сихъ поръ, чуть не въ половину вашего годового заработка, и мнѣ, безсовѣстному, до сей минуты въ голову этого не приходило! А вотъ теперь пришла бѣда... я вамъ и помочь не умѣю... Право, я готовъ... Да, я это сдѣлаю...

Сем. Иван. — Чтò, чтò такое?

Петръ. — Послѣ, послѣ, батюшка... Теперь не скажу... (*Входитъ Евтихій*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Т ѣ ж е и Евтихій.

Сем. Иван. — Что тебѣ, Евтихій?

Евтихій. — Я къ вамъ, Семень Иванычъ, къ вашей милости...

Сем. Иван. — Ну, что же тебѣ?

Евтихій. — Вы теперь, Семень Иванычъ, увольняетесь отъ насъ, значить, отъ управительской этой самой должности, отходите...

Сем. Иван.. — Ну, да. Что же?

Евтихій. — Это самое такъ... то-есть мы слышали это... Всѣ про это ужъ... то-есть извѣстны...

Сем. Иван. — Да, братецъ, да, что дѣлать? ужоу... Я и не скрываю этого...

Евтихій. — Потому самому, какъ вамъ господа отказываютъ и на ваше мѣсто другого, то-есть, призначають... этого самаго нѣмца, то-есть, привознаго... чтò изъ Питера навезли...

Сем. Иван. — Ну, да, да... Что же тебѣ? Ты говори, чтò тебѣ нужно? Я тебя знаю, ты всегда издалека начинаешь... А мнѣ некогда, такъ ты говори поскорѣй...

Евтихій. — Я насчетъ своей Глашки, Семень Иванычъ... Такъ-какъ есть я ей теперича отецъ, и проживаетъ она у васъ...

Сем. Иван. — Ну...

Евтихій. — Такъ согласенъ я ее теперича взять 'отъ васъ къ себѣ...

Сем. Иван. — Зачѣмъ же?.. Я ей не отказываю: она мнѣ нужна... дѣти ее всѣ любятъ... Живеть у насъ съ малолѣтства; и мы къ ней привыкли, и она къ намъ. Не бойся, прокормлю и одѣну...

Евтихій. — Никакъ нѣтъ, Семенъ Ивановичъ, я согласенъ ее теперича принять отъ васъ... Какъ она есть мнѣ дочь и должна находится при мнѣ и старость мою пропитывать...

Сем. Иван. — Послушай, Евстихій, она молоденькая дѣвочка: будетъ съ нею, что и сама себя прокормить и одѣнетъ... А ты еще самъ не старъ, можешь работать и прокормить себя.

Евтихій. — Никакъ нѣтъ... Я отецъ, я ей баюваться не дамъ... У меня живи смирно и степенно...

Сем. Иван. — Да что ты, Евтихій, выпивши что-ли?.. Что ты развѣ слышалъ про нее что дурное?..

Евтихій. — Ничего я этого не знаю и пьяности во мнѣ никакой нѣтъ. А какъ есть я отецъ и желаю я получить себѣ дочь свою... для пропитанія моего...

Сем. Иван. — Да глупый ты человекъ, вѣдь возьмешь ты ее отъ меня, долженъ же будешь куда-нибудь въ горничныя отдать за какіе-нибудь полтора-два рубля въ мѣсяць... Мало ли ихъ теперь бѣгаетъ, мѣстъ ищеть, какъ вольными стали... Много ли же она тутъ можетъ тебѣ удѣлить изъ своего жалованья?

Петръ. — Батюшка, да Глаша, можетъ быть, сама не захочетъ уйти отъ насъ: вы бы ее спросили, чѣмъ съ нимъ толковать...

Евтихій. — Нѣтъ, этого никакъ не можетъ быть, чтобы дочь могла противъ меня, какъ есть я теперича ей отецъ... Такого закона нѣтъ... Я черезъ судъ могу вытребовать...

Сем. Иван. — Ну, коли такъ... коли желаешь погубить дочь, бери ее... Бери, бери!

Евтихій. — Какъ теперича господа наши жамають ее къ себѣ взять въ слуги въ горничныя.

Сем. Иван. — А-а, вотъ что! Мало у нихъ другихъ, непременно эту нужно...

Евтихій. — И самъ этотъ самій Иванъ Павловичъ, дворецкій, сказалъ мнѣ: Евтихій, слушай! теперича господа берутъ твою дочку къ себѣ въ услуженіе... чувствууй это... черезъ это и ты самъ счастливъ будешь, и старость свою пропитаешь...

Сем. Иван. — Ну, я тебѣ сказалъ: бери ее, губи! Бери же, бери... Говорить больше нечего.

ПЕТРЪ. — Батюшка, да это что же такое? Развѣ вы не понимаете?

СЕМ. ИВАН. — Чтò же мнѣ дѣлать? Развѣ ты не видишь, что это рѣшено. Я не имѣю отцовскихъ правъ...

ЕВТИХІЙ. — Если же, говорить, что наконецъ ты напротивъ будешь дѣлать, сейчасъ со двора долой... А я со двора не желаю, потому мы привычны...

ПЕТРЪ. — Батюшка, да вы вслушайтесь въ его слова!

СЕМ. ИВАН. — Все, другъ, слышу и понимаю (*разгорячаясь постепенно*). Это на нихъ похоже: ужь боли начали бить человека, такъ бьютъ до конца... Все топчутъ въ грязь: и его самого, и его близкихъ, и все, чтò его окружаетъ (*къ Евтихию*). Дуракъ, еще отцомъ себя похваляется! Бери, губи свою дочь! Я не могу тебѣ помѣшать... Я видѣть тебя не могу (*махнетъ рукой и поспѣшно уходитъ въ домъ*)...

ЕВТИХІЙ. — Что жь, это какъ угодно, а я не дуракъ. И Иванъ Павловичъ говорить: будешь, говорить, служить хорошо, и тебѣ будетъ хорошо... Жалованье, говорить, положить хорошее и ты, говорить, будешь при мѣстѣ (*медленно уходитъ*)... Что жь, глупости тутъ нѣтъ никакой... А какъ есть я отецъ, завсегда могу... потому самому дочь должна при отцѣ, и процитывать. Это какъ угодно... Вотъ что (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ПЕТРЪ (*одинъ, сидитъ задумавшись и опустя голову на руки*). — Вотъ еще радость. Бѣдная Глаша! Чьи это замыслы, старика или этого нѣмца провлятаго? А это не случайность: они рассмотрѣли ея красоту... О-о (*нервно сжимаетъ кулакъ*)! И не имѣть силъ вамъ помѣшать! Да нѣтъ, вы тутъ ничего не сдѣлаете: Глаша не такая дѣвушка... Ну, а если... Дята, дята! вотъ твои мечты! А тутъ еще обязанность подумать объ отцѣ... Вотъ она начинается жизненная борьба, на которую мы такъ легко и свысока смотрѣли, сидя на студенческой скамьѣ...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПЕТРЪ и ГЛАША (*выбѣгаетъ изъ дому*).

ГЛАША (*подбѣгаетъ къ Петру вся въ слезахъ*). — Петръ Семеновъ, слышали?

ПЕТРЪ (*мрачно*). — Слышалъ, Глаша.

ГЛАША. — Чтò же вы мнѣ скажете: чтò мнѣ дѣлать?

ПЕТРЪ. — Я объ этомъ думалъ, Глаша, и ничего пока не выдумалъ... Не слушать отца — невозможно: онъ, пожалуй, упо-

требить насиліе, будетъ бить тебя... Я этого не вынесу... вый-дегь бѣда. А послушать, идти туда... Бѣдная Глаша!...

Глаша. — Да я бы ничего, пошла, да какъ же это я съ вами-то разстанусь, со всѣми... Я вѣдь ужъ привыкла... Да и васъ-то я не буду видѣть!

Петръ. — Голубушка моя, я самъ радъ Богъ-знаетъ что сдѣлать, чтобы не разлучаться съ тобой, да ничего не придумаю... Денегъ бы дать твоему отцу, тогда онъ согласился бы тебя не трогать у насъ — да ихъ нѣтъ ни у меня, ни у отца... Жениться мнѣ на тебѣ: ты знаешь, я бы и отъ этого не прочь, но теперь не время: отецъ и безъ того огорченъ потерей мѣста, а тутъ, если сказать ему, что хочу жениться на тебѣ, значить окончательно убить его! что дѣлать, вѣдь ужъ его предразсудковъ не переломить... погоди, Глаша, дай мнѣ подумать: я, можетъ быть, рѣшусь для тебя и для отца на то, чего никогда бы не сдѣлалъ для самого себя...

Глаша. — Такъ что же теперь-то дѣлать? Отецъ зоветъ въ господамъ идти.

Петръ. — Иди, пока... Глаша! понимаешь ли ты, чего мнѣ стоить эти слова! Потерпи, моя голубушка, потерпи! Поживи пока тамъ у тѣхъ проклятыхъ, пока я какънибудь устроюсь... Только знай, Глаша, и помни, что тамъ тебя ожидаютъ гадкія преслѣдованія... я не знаю чьи... старіеъ или новыя управляющій, но это непремѣнно будетъ... Смотри же, Глаша, помни, что я... люблю тебя, что ты, можетъ быть, будешь моею женой...

Глаша. — Ну, ужъ объ этомъ — ты не безпокойся: скорѣе зарѣжу или сама зарѣжусь, чѣмъ дамъ до себя комунибудь дотронуться...

Петръ. — Вѣрю, вѣрю тебѣ, моя милая, только ты не знаешь, какіе бываютъ люди...

(Голосъ Евтихія за сценой). — Глашка, Глашка, гдѣ ты?

Глаша. — Вотъ отецъ зоветъ... Надо идти... За меня не бойся... Ты-то не разлюби!

(Голосъ Евтихія). — Ахъ ты анаеема... Глашка!

Глаша. — Ну, прощай (быстро цалуетъ Петра въ лобъ и убѣгаетъ въ домъ).

Евтихій (появляясь съ другой стороны дома, издали). — Глашка!... Что ты думаешь? прятаться, что ли?

Глаша (отворяя окно съ бока). — Да чего ты, батюшка, кричишь? Я здѣсь...

Евтихій. — Такъ чего жъ ты не идешь, коли тебѣ сказано!

Глаша. — Сейчасъ иду. Дай же собраться...

Евѣхій. — То-то... чтобы живо... ты у меня не думай (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ПЕТРЪ (*одинъ*). — И отказаться отъ своихъ убѣжденій, отъ своихъ намѣреній съ перваго же шага въ жизнь?... Унижаться? Кланяться тѣмъ, кого презираешь? Боже, да развѣ это не подвигъ своего рода, развѣ я буду дѣлать это для себя, ради своихъ выгодъ? Пускай ихъ издѣваются, пускай тѣшатся моимъ униженіемъ... Можетъ быть, прядетъ и наше время. (*Вдали показывается постыжно идущая къ дому управляющаго Марѣа Петровна*). А-а, вотъ кому поручу я Глашу, вотъ кто предостережетъ и защититъ ее, если будетъ нужно: Марѣа Петровна!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ПЕТРЪ и МАРѢА ПЕТРОВНА.

МАРѢА ПЕТР. — А-а, ты здѣсь, фаворитъ?... Ну, поздравляй меня: и я съ аттестатомъ!

ПЕТРЪ. — Что это значитъ, Марѣа Петровна?

МАРѢА ПЕТР. (*сквозь слезы*). — Вотъ, фаворитъ, не понимаешь... И я отставку получила.

ПЕТРЪ. — Какъ такъ... за что?

МАРѢА ПЕТР. (*со слезами*). — Какъ за что? За то же, за что и твой отецъ... За службу вѣрную, за то, что объ ихъ добрѣ радѣла, да служила имъ 40 лѣтъ. Что, возьмете ли меня съ собой-то? Мнѣ вѣдь жить негдѣ: родныхъ нѣтъ, ни передъ собой, ни за собой...

ПЕТРЪ. — Да, разумѣется, Марѣа Петровна, съ радостію... Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

МАРѢА ПЕТР. — Да знаю, знаю: въ васъ-то я не сомнѣваюсь... Вотъ и поѣдемъ всѣ вмѣстѣ, какъ ссмыльные (*смететъ плача*). Да, другъ, одолѣли насъ нѣмцы проглатые, изъ своей земли гонять!

ПЕТРЪ. — Какъ же это случилось, Марѣа Петровна?

МАРѢА ПЕТР. — Какъ случилось? да просто... Растосковалась я больно о Семейѣ Иваничѣ; дай, думаю себѣ, попытаю счастья, попрошу молодую графиню: не упрости ли она графа, чтобы оставилъ его? Вздумавши да и пошла... Сейчасъ эта собака — нѣмеа, какъ ее, Лувизеа что ли, не пускать меня... А ужъ не разъ я пробовала съ ней поговорить, а все не допускаютъ. Я и рассердилась: какъ, говорю, ты, нѣмчура про-

тухлая, можешь не допускать меня до моей барышни,—взяла да и толкнула! Та сейчас въ слезы, да къ графинѣ побѣжала. Я взошла, и только было съ барышней одну рѣчь сказала, смотрю—летитъ сама. И напустилась на меня: какъ я смѣю драться въ ихъ домѣ, что я старая невѣжа, глупая, вздорная старуха, что мы не умѣемъ служить. Я все это выслушала, да и брани: умѣли, я говорю, мы служить и служила, пока здѣсь нѣмцы проклятые не завелъсь; они, я говорю, всему нашему русскому роду противники! И забыла совсѣмъ, что вѣдь и она изъ нѣмокъ. Ну, ужъ она тутъ, извѣстно, сейчасъ мнѣ билетъ. Вонъ, говорятъ, чтобы и духу твоего не было. Графъ, говорить, хотѣлъ тебя съ певсией отставить, а теперь, говорить, и такъ хороша... Да взяли меня рабу Божию ея хрейлины подъ ручьи да и изъ дома вывели, даже всплкнуть не дали... Да я таки и не плавала, очень ужъ въ сердце взошла. На дворѣ ужъ, сюда идя, всплкнула... хотѣла-было съ другаго крыльца къ графу идти, и тамъ не допустили...

Петръ. — Да и не надо... Плюньте вы на нихъ, бросьте вы ихъ, Марѳа Петровна. Живите съ нами...

Марѳа Петр. — Да ужъ больше, другъ, нечего дѣлать... А горько (плачетъ), ахъ горько! Куда всѣ мои труды пропали? для кого я жила? о комъ всю жизнь думала? Привыкла, вѣдь, тоже: всякій уголокъ въ домѣ милъ, дорогъ... Ну, Богъ съ ними, самнмъ имъ счастья не будетъ.

Петръ. — А вотъ, Марѳа Петровна: кого гонять изъ дома, а кому счастье, силой въ домъ берутъ... Слышали про Глашу-то?

Марѳа Петр. — А что такое? Да, да, я точно видѣла ее, какъ съ параднаго крыльца хотѣла къ графу войти. Дворецкій на крыльцѣ стоялъ, а точно она къ дому подходила... Я и подумала: что молъ ей тутъ дѣлать, видно, молъ, не она...

Петръ. — Нѣтъ, она, Марѳа Петровна, она. Отецъ насильно одѣветъ, и ему милости большія обѣщаютъ... Какъ вы объ этомъ думаете?

Марѳа Петр. — Это, братъ, какия-нибудь штуки... Не испортили бы они дѣву-то... Жалко будетъ. Вотъ дѣла-то пошли у насъ какия... Хорошо. Да гдѣ отецъ-то?..

Петръ. — Онъ дома, либо въ конторѣ... Подите къ нему.

Марѳа Петр. — Идти, идти... Порадовать, что кошъ не онъ одинъ, и я съ нимъ... Нужно ему очень этакое оляжье на шею... Своя семья мала... Вотъ, молъ, тебѣ еще прибавка... А ты что будешь дѣлать?

Петръ. — А я здѣсь поспѣю.

МАРГА ПЕТР. — Ну, сиди. Я пойду къ отцу. Да у меня смотри: не тоскуй... Что-то рожеца-то мнѣ твоя не по мысли... Смотри, фаворитъ! объ отцѣ-то больше думай. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ПЕТРЪ *(однѣ)*. — И объ отцѣ, и о Глашѣ. Правда, старуха. А о себѣ позабыть надо. Къ чорту гордость и всѣ мечты юности! Пойду поклониться графу и просить пощады и милости... Жизнь! принимай же меня: иду огунуться въ твои грязныя волны. Утѣшься, старое поколѣніе! не всѣ выставляютъ въ борьбѣ... Иные падаютъ, унижаются, на колѣняхъ просятъ пощады, и со смиреніемъ принимаютъ твои мудрые уроки. Вотъ я въ числѣ ихъ. *(Уходитъ. Сцена на нѣсколько минутъ остается пустою. Слышенъ постепенно приближающійся колокольчикъ. Къ флигелю управляющаго подѣзжаетъ легонькій тарантасъ, въ которомъ сидитъ исправникъ, на козлахъ разсыльный изъ отставныхъ солдатъ. Разсыльный лихо соскакиваетъ съ козелъ и высаживаетъ исправника. Семенъ Иванычъ сходитъ съ балкончика въ садъ и идетъ къ нему на встрѣчу)*.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

(Исправникъ, разсыльный, Семенъ Иванычъ).

ИСПРАВНИКЪ *(разсыльному)*. — Вережкинъ! Бѣги, чтобы всѣ дворовые явились сюда, ко мнѣ... Живо!.. Всѣ ли въ сборѣ?.. Я еще вчера сотскнямъ привазалъ, чтобы всѣ были въ сборѣ и ждали меня... Смотри же, команду у меня... Чтобы не ждали! *(Увидя подходящаго Семени Иваныча)*. А-а... Здравствуйте, батюшка, что у васъ тутъ надѣялось? *(Идетъ вмѣстѣ съ Семеномъ Иванычемъ къ скамьѣ, на которую и садятся)*.

СЕМ. ИВАН. — Да ничего не надѣялось, такъ, пустыни...

ИСПРАВНИКЪ. — Какія пустыни?.. Что вы мнѣ тутъ рассказываете?.. Я получилъ отъ начальника губерніи замѣчаніе, что у меня въ уѣздѣ беспорядки, дворовые тутъ взбунтовались, овазали дерзости графу, и что онъ получилъ объ этомъ свѣдѣніи помимо меня... А вы, батюшка, и не предупредили меня... А развѣ это хорошо?.. Не могу же я каждую минуту быть всадъ, во всемъ уѣздѣ. Да и вы, батюшка, тутъ запутались..

СЕМ. ИВАН. — Я?.. Это какимъ образомъ?..

ИСПРАВНИКЪ. — Да-съ... Да и запутались-то не на шутку... Вашъ графъ писалъ въ губернатору, что вы возбуждали умы крестьянъ внушеніемъ несбыточныхъ надеждъ на возможность... преувеличенія ихъ правъ... что-то въ этомъ родѣ. Очень хо-

рошо, красно выражено. Чтѣ это вы, батюшка, сдурѣли что-ли на старости лѣтъ? Неужто вы не знаете, чѣмъ это пахнетъ?

Сем. Иван. — Да что вы, Ксенофонтъ Иванчъ, какъ вы выражаетесь обо мнѣ? Хотя я и отставной управляющій, а все-таки дворянинъ, и вамъ бы такъ обо мнѣ говорить не слѣдовало, особенно не разобравши дѣла...

Исправникъ. — Нѣтъ, батюшка, заговоришь, какъ тебя рвутъ на части: тамъ тѣло, убійство, а здѣсь вотъ дураки забунтовались, а вашъ графъ еще жалуется въ письмѣ къ губернатору, что я не посѣтилъ его по прїѣздѣ и чрезъ то какъ бы оказалъ неуваженіе къ его заслугамъ и общественному положенію... пшеть-то хорошо... и тѣмъ самымъ способствовалъ движенію умовъ... Вотъ вѣдь они какъ валяютъ! Такъ неужто мнѣ трудно было явиться къ нему, какъ бы вы меня предупредили? Я бы явился... Я знаю, что онъ особа... Да правду сказать: прочиталъ въ газетахъ, что уволенъ отъ службы... Ну, думаю себѣ, всѣхъ не наѣздъхся встрѣчать: успѣю, когда по дорогѣ. А онъ, видно, хотъ и въ отставкѣ, да все еще тузъ... Вѣдь самъ губернаторъ ѣдетъ усмирять!

Сем. Иван. — Да кого они усмирять-то хотятъ?.. Никакого бунта не было...

Исправникъ. — Да чтѣ же было такое? расскажите вы мнѣ откровенно.

Сем. Иван. — Да просто пришли дворовые земли у него просить: казихъ-нибудь двѣ-три десятины, хаты себѣ построить.

Исправникъ. — Ну.

Сем. Иван. — Ну, попросилъ я его, чтобы онъ къ нимъ вышелъ... Онъ вышелъ. Они въ ноги къ нему, на колѣни, просятъ. Онъ имъ на это сталъ рацею читать, что было время, когда помѣщики были отцами, а они дѣтьми, что тогда помѣщики ихъ кормили и одѣвали, а теперь они стали свободны и должны трудиться... Они говорятъ: мы, говорятъ, всю жизнь на васъ работали, а теперь стали стары и что они не Богъ знаетъ чего просятъ... Онъ ихъ тунеедцами назвалъ, лѣнтями, а самъ въ это время женщинъ дворовыхъ осматривалъ... хорошенкыхъ въ горничныя отбиралъ...

Исправникъ (*омядываясь*). — Те-те-те... Ну, батюшка, вы этого не говорите... Что это, вы точно какой молодой либералъ... А-а-а... Мало ли мы что замѣчаемъ, да не про все говорить можно... (*качаетъ головой*). Удивляюсь вамъ... Это вѣдь не про кого-нибудь... Ну-съ, чтѣ же дальше?..

Сем. Иван. — Чтѣ дальше?.. Извѣстно, толпа... зашумѣла,

заворчала: мы, говорятъ, къ самой барышнѣ пойдемъ; она наша помѣщица, а вы опекунъ... Вы не сдѣлаете, она сдѣлаеть...

Исправникъ. — Ишь, мерзавца... Ну-съ?..

Сем. Иван. — Ну, онъ, разумѣется, съ непривычки испугался, думалъ, что бунтъ... поскорѣе домой...

Исправникъ. — А они что?..

Сем. Иван. — Да ничего... Остался я съ ними, ругнуть хорошенько, заставилъ молчать... Они и разошлись себѣ смирнохонько.

Исправникъ. — Это такъ... это такъ... Ну...

Сем. Иван. — Больше ничего и не было...

Исправникъ. — А я вамъ вотъ что скажу: во всемъ посредники виноваты... Это бы вотъ ихъ дѣло: и толковать, и внушать, и строгость оказать... А они знать ничего не хотятъ... Ъдутъ на насъ, на полицію, а сами роль разыгрываютъ, только нѣжности разныя передъ народомъ показываютъ... корчатъ изъ себя я не знаю что... представителей какихъ-то. (*Оглянувшись и увидя толпу подходящихъ дворовыхъ*). А-а, голубчви! идуть!.. Я васъ успокою... У меня не зашумите... (*Возвышая голосъ*). Подходите сюда, ближе... (*Встаетъ и принимаетъ позу*). Чтò вы тутъ, шумѣть вздумали... бунтъ поднимать... помѣшкву неуваженіе оказывать?

Голосъ изъ толпы. — Ничего мы... не...

Исправникъ (*зрочно*). — Молчать!.. Кто тутъ ротъ развѣваетъ? Чтò я съ вами разговаривать пріѣхалъ? Ракалія! Кто у васъ зачинщикъ тутъ?.. (*Толпа молчитъ*). Чтò молчите? Огвѣчать, когда спрашиваю...

Старикъ дворовый. — Какіе зачинщики?.. Никакихъ зачинщиковъ нѣтъ...

Исправникъ. — А-а! ты старый хрѣвъ! Разсмыльный, взяты его! (*Разсмыльный отводитъ старика въ сторону*). Ну, кто еще? (*Въ толпѣ мухой, неясный ропотъ*). Молчать!.. (*Всѣ затихаютъ. Черезъ толпу продирается другой разсмыльный*).

Разсмыльный (*въ попыткахъ*). — Ваше высокоблагородіе, господь губернаторъ взволеви пріѣхать!

Исправникъ. — А-а... Слышали?.. Самъ губернаторъ пріѣхалъ... Служать у меня: сейчасъ всѣ по своимъ мурьямъ, забирать пожитки, и чтобы къ вечеру ни одной души въ усадьбѣ не оставалось! выѣзжать въ деревню, въ городъ, куда хотите... къ чорту! Сотскіе, разсмыльные, наблюдать: чтобы ни одного человека не осталось въ усадьбѣ, кто не при должности!

Разсмыльный. — Ваше высокоблагородіе, а старика куда?

Исправникъ. — Въ контору... Тамъ увидимъ... (*Къ толпѣ*).

Ну, маршъ... Да ни гу-гу у меня... *(Толпа молча, тихо уходитъ. Исправникъ, проводивши ее глазами, съ достоинствомъ смотритъ на Семю Ивановича).* Вотъ вамъ и бунтъ... Пойду къ губернатору... Прощайте. *(Киваетъ головой, молодецки поправляетъ фуражку и уходитъ).*

Сем. И в а н. — Бунтъ? какой тутъ бунтъ? Нивакого не было... Вольно же вамъ его выдумывать... *(Уходитъ съ долъ).*

(Занавѣсъ падаетъ).

ДВѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Парадная гостиная въ домѣ графа Телятнева въ деревнѣ. На задней стѣнѣ открытыя двери въ приемныя комнаты. Направо двери во внутреннія комнаты.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Н а с т я и Л у н з а.

Н а с т я. — Ну, скажи же ему, что я здѣсь и жду его...

Л у н з а. — О, онъ зичасъ... Летнль къ вамъ. Охъ, какъ онъ любилъ васъ... Этоть Кукукъ... Зичасъ *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Н а с т я *(одна)*. — Сторожите, сторожите, баронесса, моя милая, названная шатап... *(Съ улыбкой)*. Самые близкіе, самыя вѣрныя ваши слуги, мои сторожа, измѣняютъ вамъ... *(Съ сердцемъ)*. Чтѣ за гадость, чтѣ за мерзкое положеніе! въ 18 лѣтъ быть вѣчно подъ надзоромъ... Ни съ вѣмъ не говори, никуда одна не ходи... Те неприлично, то ты неопытна... Ну, вотъ, баронесса, я буду говорить съ однимъ Кукукомъ... Вы позволяете?.. вы вѣрите въ его любовь къ вамъ? Ха-ха-ха... Вѣрьте, вѣрьте...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Н а с т я, К у к у к ъ и Л у н з а.

Л у н з а *(указываетъ Кукуку Настю и сама остается у дверей на сторожѣ)*.

К у к у к ъ *(подходя къ Настѣ)*. — Насъ тутъ никто не услышитъ?..

Н а с т я. — Чтѣ такое? говорите скорѣй... Графиня еще не одѣта...

К у к у к ъ. — Важная тайна...

Н а с т я. — Приятная для васъ и, можетъ быть, небольшая для меня...

Кукукъ. — Я скажу вамъ ее, но дайте слово, для собственной вашей пользы, что вы до времени не подадите вида о томъ, что узнаете отъ меня...

Настя. — Даю, если это нужно...

Кукукъ. — Помните и то, графиня, что, можетъ быть, открытіе этой тайны погубитъ меня...

Настя. — Почему это?

Кукукъ. — Потому что измѣнить ваши отношенія ко мнѣ, лишить меня счастья пользоваться хоть малой долей вашего расположенія.

Настя. — Посмотримъ.

Кукукъ. — Но я все-таки скажу, хоть и рискую своимъ счастьемъ, всѣмъ, что только дорого мнѣ въ жизни, скажу потому, что невѣдѣнность можетъ повредить вамъ.

Настя. — Ну, мерси... Говорите.

Кукукъ. — Все, что только вы здѣсь видите, начиная отъ этого стула до послѣдней точки на горизонтѣ, все, что видите вашъ глазъ изъ этого окна — все это принадлежитъ одной вамъ, графиня Анастасія Павловна... Вы единственная владѣтельница всего этого громаднаго имѣнія и всѣхъ огромныхъ доходовъ съ него, которые проживаютъ теперь не вы, а графиня Амалия Егоровна и отчасти вашъ батюшка. Отъ васъ это скрывали, вамъ внушали постоянно, что вы небогатая невѣста.

Настя. — И вы это вѣрно знаете?

Кукукъ. — Къ счастью, всѣ ваши имѣнія теперь отданы мнѣ въ управленіе, и конечно, ужь будутъ сбережены... Мнѣ должны были открыть это вашъ отецъ и ваша мачаха и, подъ страхомъ изгнанія изъ дома, мнѣ запрещено говорить вамъ объ этомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что вы молоды, неопытны, что сознание себя богатой можетъ вывести васъ изъ повиновенія отцу, и испортитъ вашъ характеръ, что вы и теперь иногда показываете свою самостоятельность и непочтеніе къ мачихѣ, а тогда не будетъ уже и силъ справиться съ вами...

Настя. — Они не ошиблись.

Кукукъ. — Но тутъ не та причина: я не знаю, но отъ меня не скроется, что именно затѣвается противъ васъ. Можетъ быть, хотятъ разворить имѣніе, выбрать изъ него какъ можно болѣе денегъ... Это еще мы увидимъ... И конечно, я буду знать что дѣлать, и предупрежу васъ во время.

Настя. — Да, я теперь понимаю, для чего за мною этотъ надзоръ, это запрещеніе разговаривать съ прислугой... Теперь я все понимаю. Но почему я не должна подавать вида, что мнѣ это извѣстно?

Кукукъ. — Во первыхъ, потому что вы несовершеннолѣтныя и не имѣете права распоряжаться имѣніемъ безъ попечителя, а попечитель вашъ отецъ... Слѣдовательно если замѣтять, что вы все знаете, то поторопятся привести въ исполненіе свои замыслы, а меня будутъ подовѣрывать и пожалуй удалить—и кончится тѣмъ, что вамъ останется разоренное имѣніе, а деньги ваши перейдутъ въ руки вашей мачехи...

Настя. — О-о! чтобы этого не случилось, я съумѣю не только молчать... Я готова на все... Но когда же я получу право распоряжаться своимъ имѣніемъ?

Кукукъ. — Года черезъ три, когда исполнится ваше совершеннолѣтіе, или... или тотчасъ, какъ выйдете замужъ... Графиня Настасья Павловна, знатная и богатая, конечно найдетъ скоро жениха тоже знатнаго и богатаго... и полюбитъ его...

Настя. — Да, я думаю... особенно въ этой глуши...

Кукукъ. — И она будетъ съ презрѣніемъ смотрѣть на своего стараго, вѣрнаго друга, который не имѣетъ ни блестящаго имени, ни состоянія, ничего, кромѣ истиннаго, преданнаго сердца... Тогда, хоть дайте мнѣ возможность быть возлѣ васъ, служить вамъ, жить для васъ, умереть за васъ, если нужно... дайте хоть дышать однимъ съ вами воздухомъ! (*Луиза кашляетъ*).

Настя. — Ступайте... Кто то идетъ. (*Выразительно смотритъ на него*). Не бойтесь ничего... Я не замѣню вамъ... (*Кукукъ уходитъ въ боковую дверь*).

Луиза (*ожидаясь чтобы Кукукъ ушелъ и стоя въ двери говоритъ, обращаясь въ другую комнату*). — Вамъ кого? Графиня Анастаси?... Нѣтъ, нѣтъ... здѣсь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Иванъ Павлычъ и Глаша, потомъ графъ Телятневъ.

Ив. Павл. (*указывая на Глашу*). — Ваше сіятельство! его сіятельство графъ приказали васъ спросить, не угодно ли вамъ взять вотъ ее въ горничныя къ себѣ?..

Настя. — Ахъ, какая миленькая!

Ив. Павл. — Красавица-съ.

Настя. — Откуда это?

Ив. Павл. — Изъ зашнивкѣ дворовыхъ...

Луиза. — А что умѣетъ дѣлать?

Глаша (*отрывисто*). — Ничего не умѣю.

Луиза. — Нишево.

Ив. Павл. — Вреть, все умѣетъ... Она еще грамотная.

Настя. — Грамотная!.. Кто жь тебя учишь, моя милая?.. *(Глаша молчитъ и конфузится)*. — Что жь ты не отвѣчаешь. Не конфузься...

Ив. Павл. *(улымается)*. — Что жь не отвѣчаешь ея сіятельству: кто грамотѣ тебя учишь... Управителевъ сынъ учишь, ваше сіятельство... вотъ она и стыдится сказать...

Графъ *(входитъ)*. — Вотъ я тебѣ, шоп анге, какую горничную подсылаю... Не правда ли хорошенькая? *(Садится)*.

Настя. — Да, папа... Но что же она молчать... и лицо у нея недовольное какое-то...

Ив. Павл. — Не хочеть сказать, ваше сіятельство, кто ее грамотѣ обучаетъ... *(Улымается)*.

Гр. Телят. — Ха, ха, ха... Отчего же ты не хочешь сказать? Подойди сюда ко мнѣ. Ну, подойди сюда! *(Глаша стоитъ неподвижно)*.

Ив. Павл. — Что жь ты за невѣжа!.. Слышишь, что его сіятельство изволятъ приказывать...

Гр. Телят. — О-о, она упрямая... Ну *(подходитъ къ Глаши)*. Видишь, какая непослушная: за это тебѣ надо уши выдрать... *(Хочетъ взять ее за ухо. Глаша отшатывается. Въ эту минуту съ истинною входить графиня)*.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ГРАФИНЯ.

Графиня *(входя)*. — Что это такое?

Гр. Телят. *(смутившись)*. — Да вотъ... вотъ... новую горничную... и такая упрямая... грубая. *(Садится)*.

Графиня. — За то хорошенькая? Кому же вы это выбрали ее?

Гр. Телят. — Да вотъ Настѣ, или... тебѣ, шоп аміе, если угодно...

Графиня. — Ахъ, я возьму съ удовольствіемъ, если только она умѣетъ что-нибудь дѣлать...

Настя. — Папа ее мнѣ назначилъ, папапа... и она ничего не умѣетъ дѣлать...

Графиня. — Въ такомъ случаѣ, значить, и для тебя она не годится.

Настя. — Фрейлингъ Луиза ее будетъ приучать...

Гр. Телят. — Да, да... Ну, привыкнетъ понемножку...

Графиня *(съ насмѣшкой)*. — Да, развѣ такъ, привыкнетъ... Ну, хорошо, отведите ее въ комнату графини Настасьи Павловны... *(Входитъ Петръ Семеновъ, Глаша невольно вскрикиваетъ. Въ оборачиваются съ изумленіемъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ПЕТРЪ СЕМЕНЧЪ.

Графиня. — Что это значить? Безъ доклада?

Ив. Павл. — Что вы это?.. ступайте отсюда.

Петръ Сем. — Извините меня, графъ...

Графъ — Что вамъ нужно?.. Кто вы такой?..

Петръ Сем. — Вы не узнали меня, графъ? Я сынъ бывшаго вашего управляющаго, Козявина...

Графъ. — Что жъ, вы развѣ не знаете, что безъ доклада нельзя входить, особенно во внутренніе апартаменты. Это невѣжество... дерзость (къ *Ивану Павлычу*). Развѣ тамъ нѣтъ никого?

Петръ Сем. — Графъ, не гнѣвайтесь ни на кого... Я знаю этотъ домъ съ дѣтства, и потому зналъ какъ пройти, чтобы меня никто не могъ остановить...

Графиня. — Вотъ это оригинально... Такъ ходять только воры...

Петръ Сем. — И тѣ, графиня, которые хотять милости просить. Не велите меня выгонять. Позвольте высказать мнѣ мою просьбу...

Графъ. — Что такое? Вы пришли дерзости говорить?..

Петръ Сем. — Нѣтъ, графъ, милости просить...

Графиня (*Луизъ*). — Уведите ее (*показываетъ на Глашу*). Что вы встали (*Луиза выводитъ Глашу*). Анастаси, уйдите и вы отсюда.

Настя. — Мнѣ нельзя быть здѣсь?

Графиня. — Вы видите, какой это господинъ... Можетъ быть, онъ будетъ говорить такіа вещи, что вамъ неприлично слушать...

Настя (*съ усмѣшкой*). — А! неприлично? (*уходитъ*).

Графъ. — Да я вовсе не хочу его слушать... Уйдите, а то я велю васъ вывести...

Графиня. — Можетъ быть, онъ напрашивается на скандалъ... Лучше выслушайте его!

Графъ. — Я знаю, о чемъ онъ хочеть просить: чтобы я оставилъ отца. Это невозможно. Я напередъ отказываю. Это дѣло конченное...

Петръ Сем. — Нѣтъ, графъ, я за себя хочу васъ просить... Дайте мнѣ какое-нибудь мѣсто.

Графъ. — Вамъ... у меня нѣтъ мѣста для васъ. Было время, я самъ предлагалъ вамъ содѣйствіе, но вы сказали, что ждете реформы, что въ настоящее время нѣтъ достойнаго васъ мѣста.

ПЕТРЪ СЕМ. — Последняго, положимъ, я не говорю... Но все равно, я смирился, и прошу вашей протекціи, вашего покровительства.

ГРАФЪ. — Нѣтъ, мой любезный, не тотъ тонъ, не та манера. Вы меня не проведете... Для такихъ людей, какъ вы, я ничего не сдѣлаю...

ПЕТРЪ СЕМ. — Не все ли вамъ равно, какой тонъ, какая манера: васъ просятъ, предъ вами унижаются, сознаютъ вашу силу... Чего жъ вамъ еще больше? Мой отецъ остался безъ куска хлѣба, и я прошу у васъ дѣла, чтобы помочь ему.

ГРАФЪ. — Немного поздно, мой милый. Было время, когда я самъ вызывался быть вашимъ покровителемъ... Вы съ презрѣніемъ, съ оскорбительнымъ для меня спокойствіемъ, отринули мою услугу... Вы ждали реформъ... Ну, и ждите ихъ... ха, ха, ха...

ПЕТРЪ СЕМ. — Ничего нѣтъ легче, какъ сытому смѣяться надъ голоднымъ. Ну, а еслибы я у васъ попросилъ мѣста какогонибудь эконома, ключника... вы и то бы мнѣ не дали?

ГР. ТВЛЯТ. — Нѣтъ, эти мѣста васъ недостойны, я тѣмъ болѣе не далъ бы вамъ такого мѣста...

ПЕТРЪ СЕМ. — Такъ уважьте, по крайней мѣрѣ, другую мою просьбу: отпустите Глашу, которая вамъ совсѣмъ ненужна и которую вы берете въ горничныя только изъ прихоти, только потому, что она хорошенькая...

ГР. ТВЛЯТ. (*встрепенувшись*). — А какое вамъ дѣло до нея?

ПЕТРЪ СЕМ. — Она моя ученица... Она нянька моихъ маменькиныхъ братьевъ и сестеръ... Она съ дѣтства живетъ въ нашемъ семействѣ, какъ родная, какъ дочь и сестра...

ГРАФНЯ. — Ну, эту просьбу, какъ мнѣ кажется, можно бы уважить, графъ... Впрочемъ, какъ вы знаете... это ваше дѣло...

ГР. ТВЛЯТ. — Она свободна, она не силой взята... Ничего крѣпостнаго права нѣтъ... Если захочетъ, сама можетъ уйти... Объ этомъ странно и просить, хотя понятно, почему молодой человекъ хлопочетъ за хорошенькую дѣвушку, которая съ нимъ жила и которую съ нимъ разлучаютъ...

ПЕТРЪ СЕМ. (*встлкнувъ*). — Ахъ, вы.

КУКУКЪ (*объявъ*). — Губернаторъ пріѣхалъ!

ГР. ТВЛЯТ. (*спокойно*). — Встрѣтите его, просите сюда. (*Къ Петру*) Уходите же, подите отсюда... (*Петръ Семеновичъ уходитъ*).

ГРАФНЯ (*обращаясь въ сосѣдную комнату*). — Кто тамъ? Позовите графиню Настасію Павловну... (*Усаживается на диванъ*).

ГР. ТВЛЯТ. — Этотъ пріездъ доказываетъ мнѣ, пошаміе, что мой кредитъ въ Петербургѣ еще не совсѣмъ потерянъ.

(Медленно поднимается и тихо идетъ къ дверямъ, идетъ и остричь часть губернатора).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Графъ, графиня, Настя, губернаторъ и Кукувъ.

Гр. Телят. *(раскланиваясь съ губернаторомъ)*. — Очень благодаренъ, ваше превосходительство, за ваше вниманіе къ моей просьбѣ...

Губернаторъ. — Ваше сіятельство! Я и безъ этого не пріятнаго случая счелъ бы долгомъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

Гр. Телят. — Прошу васъ, ваше превосходительство... Позвольте познакомить съ моей женой... Mon amie, monsieur le gouverneur... и защитникъ. *(Губернаторъ раскланивается. Оба садятся)*.

Губернаторъ *(обращаясь вкѣсть къ графу и къ графинѣ)*. — Мнѣ очень грустно, что въ такое кратковременное пребываніе въ моей губерніи вы уже встрѣтили непріятность...

Гр. Телят. — Что дѣлать. Мы всѣ, помѣщики, въ настоящее время должны быть къ этому готовы. Я говорилъ всегда, и доказывалъ, что такой крутой поворотъ не можетъ обойдтись безъ сильныхъ потрясеній...

Губернаторъ. — Мнѣ особенно досадно, что именно вы, нашъ дорогой гость, встрѣтили эту непріятность. Вообще въ моей губерніи вся эта реформа, конечно, благодаря принятымъ мѣрамъ, совершилась чрезвычайнo тихо и спокойно, и для меня тѣмъ не пріятнѣе было полученное отъ васъ извѣстіе. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что вы вновь не были обезпкоены... Я тотчасъ же послалъ сюда исправника... Онъ здѣсь?..

Кукувъ. — Исправникъ здѣсь и дѣлаетъ распоряженіе...

Гр. Телят. — Но, скажите пожалуйста... Вы говорите, что у васъ вся реформа совершилась очень спокойно... Неужели же вы не замѣчаете, что она не принесла пока никакой существенной пользы, и не обошлась безъ нравственныхъ и экономическихъ потрясеній, о которыхъ я предсказывалъ? Развѣ нашъ мужикъ сталъ лучше? Онъ сталъ больше пить, больше дѣниться, не платитъ оброчковъ, неакуратно отбиваетъ барщину... Хлѣба въ государствѣ меньше, потому что половина помѣщичьихъ полей не обработана...

Графиня. — И какъ это дурно сдѣлано, что крестьянамъ дана земля! Русскій крестьянинъ гднивъ и безпечень, а нмѣя кусокъ хлѣба со своей земли, онъ, разумѣется, не пойдетъ работать!

Гр. Телят. — Нѣтъ, вы мнѣ скажите, ваше превосходительство, откровенно, неужели вы не замѣчаете въ вашей губерніи всего того, что я высказалъ?

Губернаторъ. — Я не могу утверждать противнаго, но... съ другой стороны, посмотрите, какъ поднялся духъ крестьявъ, какъ они быстро стали развиваться, какая пошла грамотность... Напримеръ, въ моей губерніи, за эти три — четыре года, я открылъ двѣсти слишкомъ школъ...

Гр. Телят. — Ну, насчетъ этого, вы извините меня, ваше превосходительство, я не отсталый человѣкъ, не обскурантъ, уважаю и люблю просвѣщеніе, но относительно народнаго образованія у меня особенный взглядъ. Я всегда говорилъ: школа для нашего народа — это церковныя книги, псалтырь и... часовни! Больше ему ничего не нужно... (*Входитъ Настя*) Моя дочь, графиня Настасья Павловна. Monsieur le gouverneur.

Губернаторъ (*раскланиваясь и любезничая*). — Нравится ли вамъ деревенская жизнь? Не скучаете ли о Петербургѣ?

Настя. — Нѣтъ, мнѣ очень весело здѣсь. Я не скучаю...

Губернаторъ. — Много гуляете, наслаждаетесь природою?

Настя. — Да, гуляю.

Гр. Телят. — Такъ я возвращаюсь, ваше превосходительство, къ народному образованію...

Кукукъ. — Извините, ваше сіятельство. (*Къ губернатору*) Ваше превосходительство, исправникъ проситъ позволенія видѣть васъ.

Губернаторъ (*къ графу*). — Pardon, mon prince. (*Къ Кукуку*) Я сейчасъ выйду къ нему... Потрудитесь сказать, чтобы подождать.

Графиня. — Да зачѣмъ же вамъ беспокоиться... Приглашите сюда прѣдти.

Губернаторъ. — Если вы позволите. (*Кукуку*) Такъ потрудитесь сказать, чтобы сюда пришелъ... (*Кукукъ уходитъ*).

Губернаторъ (*съ улыбкой графу*). — Ему порядочно досталось отъ меня за эту исторію...

Гр. Телят. — Ну, зачѣмъ же! Онъ не такъ виноватъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и исправникъ.

Губернаторъ. — Ну, что у васъ тамъ? Волнуются?

Исправникъ. — Все успокоилъ, ваше превосходительство... все кончено.

Губернаторъ. — А волновались серьезно?

Исправникъ. — Сначала начали-было разговаривать, окружили меня... Я нѣкоторыхъ арестовалъ, другимъ сталъ дѣлать внушеніе, — вдругъ прибѣжалъ разсильный съ новѣстіемъ, что ваше превосходительство изволили пріѣхать... Вижу, нѣма вашего превосходительства нагнало на нихъ страхъ. Я этимъ воспользовался, прикрикнулъ на нихъ, говорю: слышите, кто пріѣхалъ? Они стыхли, стали отступать... Я знаю духъ народа, ваше превосходительство... Я на нихъ — и всѣ смирились.

Губернаторъ (*сія отъ удовольствія, къ графу*). — Они здѣсь знаютъ меня, ваше сіятельство... Онъ правду говоритъ, что мое нѣма иногда можетъ много сдѣлать: бывали примѣры не разъ... (*Къ исправнику*) Ну, какъ же вы распорядились?

Исправникъ. — Часа черезъ два не останется въ имѣніи ни одного праздноватающагося двороваго, кромѣ тѣхъ, которые въ должности при экономіи...

Губернаторъ. — Ну, спасибо. Вы немножко загладили вашъ промахъ... Теперь позвольте мнѣ просить ваше сіятельство простить исправника за невѣжество, которое онъ сдѣлалъ, не явась къ вамъ до сихъ поръ. Онъ чиновникъ распорядительный, и я удивляюсь его промаху.

Исправникъ. — Простите великодушно, ваше сіятельство: собирался ежеминутно явиться, но просто не имѣлъ возможности: вдругъ три слѣдствія объ убійствахъ и грабежахъ...

Гр. Телят. — Я не имѣю ни малѣйшей претензіи, и только сожалѣлъ, что не имѣлъ удовольствія познакомиться съ вами... Будьте знакомы... (*Протягиваетъ ему два пальца*).

Исправникъ (*подобострастно жметъ поданные два пальца обѣими руками*). — Вы счастливите меня, ваше сіятельство, вашимъ милостивымъ вниманіемъ.

Губернаторъ (*къ исправнику*). — Ну, вы теперь можете отправляться... Я васъ не задерживаю: я знаю, что у исправника не бываетъ минуты свободной. Только смотрите, чтобы у меня здѣсь все было спокойно.

Исправникъ. — Будьте покойны, ваше превосходительство...

Губернаторъ. — Ну-съ, прощайте... (*Исправникъ со всеми раскланивается и уходитъ*).

Графиня. — Monsieur le général, мнѣ жалко этихъ бѣдныхъ людей, которые должны отсюда уйти, и я хотѣла бы имъ помочь, но такъ, разумѣется, чтобы это не служило къ поощренію тунеядства и бродяжничества. Позвольте мнѣ для этой цѣли вручить вамъ, на первый разъ, пятьсотъ рублей...

Губернаторъ. — Ахъ, очень вамъ благодаренъ, графиня... Это очень благая мысль и примѣръ для прочихъ помѣщиковъ.

Прошу вас написать ко мнѣ письмо съ выраженіемъ вашихъ желаній: мы о вашемъ пожертвованіи напечатаемъ въ газетахъ и положимъ основаніе богадельнѣ собственно для старыхъ дворовыхъ людей.

Кукукъ. — Позвольте и мнѣ, ваше превосходительство, изъ моихъ небольшихъ средствъ пожертвовать для той же цѣли пятьдесятъ рублей.

Губернаторъ. — Bravo, молодой человекъ, bravo! Благодарю васъ... Дайте мнѣ вашу руку... (*Жметъ руку Кукука*).

Кукукъ. — Я очень люблю русскихъ людей, ваше превосходительство, и всегда, по мѣрѣ силъ моихъ, готовъ служить имъ...

Губернаторъ. — Опять bravo!.. Похвально!.. великолѣпно!..

Гр. Телят. — Кстати, позвольте мнѣ просить, ваше превосходительство, за этого молодого человека... Онъ будетъ управляющимъ у меня... Но онъ получалъ блестящее воспитаніе, слушалъ науки въ двухъ нѣмецкихъ университетахъ, и притомъ, скажу въ глаза, человекъ прекрасныхъ качествъ и былъ бы весьма полезенъ на службѣ. Онъ желалъ бы служить подъ вашимъ начальствомъ...

Губернаторъ. — Ахъ, очень радъ... Мы дорожимъ такими чиновниками. Куда же вы желаете поступить?

Кукукъ. — Я желалъ бы служить при особѣ вашего превосходительства... чиновникомъ особыхъ порученій.

Губернаторъ. — Очень радъ-съ... Это возможно... Съ большимъ удовольствіемъ: можете считать себя опредѣленнымъ. Только предупреждаю васъ, молодой человекъ, я очень требователенъ въ исполненіи моими чиновниками ихъ служебныхъ обязанностей...

Кукукъ. — Я не боюсь труда, ваше превосходительство...

Графиня. — Но, monsieur le général, такимъ образомъ вы вѣдь отнимаете его у насъ, а онъ мужу необходимъ: управляетъ имѣніемъ...

Губернаторъ (*вмолоса*). — Ну, это возможно сдѣлать... Мы это устроимъ. Онъ жить будетъ здѣсь, и станетъ заниматься хозяйствомъ... (*Къ графу*) А что жъ, вы стараго управляющаго удаляете?

Гр. Телят. — Да, онъ не годится въ настоящее время... не имѣетъ знаній, отсталъ, и притомъ, давно здѣсь живетъ: поспихался съ мужиками, съ дворовыми... (*Неожиданно выходитъ изъ сосѣдней комнаты и подходитъ прямо къ губернатору Петръ Семеновъ. Вся съ изумленіемъ пересматриваются*).

Петръ Сем. — Господинъ губернаторъ! Никѣмъ незамѣченный, я стоялъ въ сосѣдней комнатѣ и слышалъ, какія здѣсь

раздаются великія и богатія милости... и самъ тоже пришелъ просить васъ.

Губернаторъ (съ удивленіемъ). — Кто это?

Петръ Свм. — Я кандидатъ русскаго университета; отецъ мой лишился мѣста и не имѣеть средствъ поддерживать свою семью: я старшій сынъ, воспитанный отцомъ на его трудовыя деньги, считаю себя обязаннымъ содержать его и все семейство, и потому пришелъ просить васъ, господинъ губернаторъ, дать мнѣ мѣсто, хоть такое же, какое вы обѣщали этому господину (*указываетъ на Кукука*), или куда ужъ намъ!.. хоть такое, чтобы я могъ прокормить мою семью...

Губернаторъ (къ графу). — Онъ помѣшанъ?

Гр. Телят. — Да, какъ вся нынѣшняя молодежь.

Губернаторъ. — Послушайте, молодой человекъ, я васъ велю...

Ив. Павл. (*входя*). — Готово кушать.

Графиня (*вставая*). — Милости прошу... (*Губернаторъ подаетъ ей руку и идетъ къ дверямъ*).

Гр. Телят. (къ Ивану Павловичу). — Вывести его и не пускать въ другой разъ... Что за беспорядокъ!

Ив. Павл. (*подходя къ Петру Семеновичу*). — Идите вонъ... Ишь ты какой еще молодецъ! Въ батюшку, видно, пошедь... такой же! (*Петръ Семеновичъ уходитъ*).

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Маленькая комната въ квартирѣ Козавкина въ имѣніи гр. Телитнева. Жесткая бѣдная мебель. Дверь на балконъ и въ садъ открыта. На стѣнѣ висятъ два охотничьихъ ружья.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПЕТРЪ (*одинъ; сидитъ мрачный у закрытаго окна, облокотясь на него, и смотритъ въ даль*). — Прощайте, знакомыя мѣста, не видать мнѣ васъ больше. Все, что напоминало мнѣ мое дѣтство, мои первые радости въ жизни, все здѣсь остается, все это чужое. . И это озеро, на которомъ такъ весело проводился дѣльные дни, то съ удочкой, то съ ружьемъ... И этотъ садъ... Не та ли это лодка видна, въ которой мы разъ ѣхали съ Глашей по озеру? Было тихо... чудный вечеръ... солнце садилось за деревьями... изъ камышей выстреливали испуганныя утки... Я бросилъ весла... лодка плыла сама собой... едва двигалась... Я смотрѣлъ и любовался всѣмъ, что было вокругъ меня... невзначай взглянулъ

на Глашу, а она смотрѣла на меня, только на меня одного... Ни одного слова не было тогда сказано между нами, но у меня сдѣлалось такъ хорошо на душѣ, какъ никогда. Мнѣ всегда казалось, что та жизнь, которую мы жили, никогда не измѣнится, что все, что меня окружаетъ, мое, мнѣ принадлежитъ... и что измѣнить мою жизнь зависить отъ меня одного, что другой воли и власти нѣтъ... А вотъ и Глашу отняла... и я не знаю, что дѣлать, чтобы воротить ее... и она чужая мнѣ. *(Въ дверяхъ показывается Марѳа Петровна и долго пристально смотритъ на Петра).*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ПЕТРЪ И МАРѢА ПЕТРОВНА.

МАРѢА ПЕТР. *(подходя къ Петру).* — Фаворитъ! да что съ тобой подѣлалось?

ПЕТРЪ. — Ничего, Марѳа Петровна.

МАРѢА ПЕТР. — Какъ ничего, развѣ я не вижу! Куда и притъ дѣвалась, и рожца-то у тебя за эти дни другая стала: исхудалъ совсѣмъ... Ну, на отца нечего дивить, что ходитъ какъ шальной. Мѣста лишился, надо подумать о семьѣ, о дѣтихъ. А ты что это?

ПЕТРЪ. — А мнѣ, Марѳа Петровна, развѣ не надо думать о семьѣ?

МАРѢА ПЕТР. — Да ты думай, да зачѣмъ же этакъ-то... Пускай отецъ, вонъ тотъ ходитъ, сбрасаетъ въ дорогу-то... возьметъ какую вещь въ руки, да такъ и стоитъ точно его прикутъ къ мѣсту. А ты что это? Тебѣ о чемъ тосковать? Вотъ пойдѣмъ въ городъ: отецъ станетъ хлопотать о мѣстѣ какомъ и ты къ мѣсту опредѣлишь.

ПЕТРЪ. — Къ какому, Марѳа Петровна?

МАРѢА ПЕТР. — Къ какому? На службу... въ канцелярію!

ПЕТРЪ. — Въ канцелярію...

МАРѢА ПЕТР. — Ну, да... а либо... Какъ ихъ тамъ... Ахъ, дай Богъ память... въ палату... вотъ...

ПЕТРЪ. — Опредѣлюсь, Марѳа Петровна, съ радостію опредѣлюсь, только бы приняли.

МАРѢА ПЕТРОВНА. — Ну, какъ не принять. Чтой-то, тебѣ-то? Этакихъ ли принимаютъ! Смотри-ка, вонъ поповъ сынъ какъ служить... столоначальникъ въ этой палатѣ-то, большіе доходы получаетъ, такъ онъ не то, что ты, не этакого ученья... а тебя какъ не принять!

ПЕТРЪ. — Разумѣется, Марѳа Петровна, надо бы принять... Буду проситься, кланяться...

МАРѢА ПЕТР. — Ну, да... Ахъ, батюшки, вѣдь, я зачѣмъ-то шла? Что-то взять хотѣла... Вотъ и заблала! Вѣдь я укладываюсь тамъ: отецъ-то ничего безъ меня не сдѣлаетъ. Идти... А ты, смотри же у меня, не тоскуй...

ПЕТРЪ. — Я съ вами пойду, Марѳа Петровна, помогать вамъ буду собираться въ дорогу...

МАРѢА ПЕТР. — Ну-ка, ну... Это ужъ не твое дѣло: безъ тебя управимся... Поди-ка съ Богомъ, помнись... полно (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ПЕТРЪ, ПОТОМЪ ГЛАША.

ПЕТРЪ (*одинъ*). — Буду, буду, Марѳа Петровна, кланяться и просить... Ужъ попробоваль, ничего... съ поклона голова не валится... Авось хоть писаремъ сдѣлають: рубля три въ мѣсяцъ дадутъ, на первый разъ...

ГЛАША (*входитъ въ дверь. Петръ радостно вскрикиваетъ*). — Урвалась: проститься съ вами...

ПЕТРЪ (*мрачно*). — Проститесь, Глаша?

ГЛАША. — Да, вѣдь вы сегодня ѣдете, али завтра?

ПЕТРЪ. — Не прощаться бы тебѣ нужно, Глаша, а ѣхать съ нами.

ГЛАША. — Такъ что? развѣ я бы не рада... Одно слово скажите, такъ убѣгу потихоньку, и отецъ меня не удержатъ... Да я и то, кажется, скоро убѣгу. Силы моей нѣтъ, надоѣли... Пристають.

ПЕТРЪ. — Кто же?

ГЛАША. — Да оба: и старикъ, и лакей-то его, только тѣмъ и спасаюсь, что сижу безвыходно въ барышнинной комнатѣ, такъ и туда стали приходять, когда ея нѣтъ... такіе безсовѣстные...

ПЕТРЪ (*порывисто обнимая ее и привлекая къ себѣ*). — Глаша! милая! ты, я думаю, презираешь меня?

ГЛАША. — За что? за что? Что вы?

ПЕТРЪ. — А за то, что я не умѣю, не могу освободить тебя... Не могу, Глаша, милая! А я люблю тебя... потерпи немножко... дай мнѣ только осмотрѣться, что съ нами будетъ со всѣми. А долго я тоже не выдержу: скажу отцу... только мнѣ теперь его жалко. Глаша, голубчикъ, не презирай меня... Глаша, я сидѣлъ здѣсь и думалъ о тебѣ... Смотри, вотъ озеро, вонъ лодка... Помнишь, мы катались съ тобой вечеромъ, помнишь Глаша?

ГЛАША (*припадая къ нему на плечо, рыдаетъ*). — Люблю я вась, люблю, голубчикъ, радость вы моя! (*Въ дверяхъ съ балкона выглядываетъ Иванъ Павлычъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ИВАНЪ ПАВЛЫЧЪ.

ИВ. ПАВ. — Вотъ такъ и есть... Ай-да смиренница! (*Глаша и Петръ вскакиваютъ*).

ПЕТРЪ (*съ бѣшенствомъ схватываетъ стулъ*). — Что тебѣ надо? Дьяволы! Я убью тебя! (*Замахивается стуломъ, Глаша его удерживаетъ*).

ИВ. ПАВ. — Ого... Вотъ еще какой разбойникъ... Не бойсь: усмиримъ... погоди! (*Скрывается*).

ГЛАША (*Петру*). — Что это вы, голубчикъ мой... зачѣмъ?.. Стоять ли онъ того? Они, пожалуй, что сдѣлаютъ съ вами...

ПЕТРЪ. — Пускай бы дѣлали чтонибудь поскорѣе... Глаша, я истерзанъ; они мнѣ жизнь опротивили...

ИВ. ПАВ. (*заглядывая снаружи дома, съ окна*). — А на тебя, голубка, я отца приведу... Пусть онъ тебя вздуетъ!

ПЕТРЪ (*бросаясь къ окну*). — Уйдешь ли ты, анаема?.. (*Глаша его удерживаетъ*).

ИВ. ПАВ. (*отскакивая отъ окна*). — Руки, братъ, коротки... Подожди, я дамъ тебѣ разбойничать... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТЪ ЖЕ, СЕМЕНЪ ИВАНЫЧЪ И МАРФА ПЕТРОВНА (*обнимаютъ*).

СЕМ. ИВАН. — Что тутъ такое? Что случилось? Петруша, что ты... какой?..

ПЕТРЪ. — Имъ мало гнать насъ... унижать... Они холопей своихъ посылаютъ къ намъ въ домъ... и здѣсь, дома, намъ нѣтъ покоя...

СЕМ. ИВАН. — Да что такое? Ты Расскажи мнѣ толкомъ. Глаша, что такое?

МАРФА ПЕТР. — Да говори же хоть ты, дѣвка, чтой это?

ГЛАША. — Я пришла проститься съ вами...

МАРФА ПЕТР. и СЕМ. ИВАН. — Ну...

ГЛАША. — А тутъ Иванъ Павлычъ...

СЕМ. ИВАН. — Что онъ? что онъ сдѣлалъ?

ПЕТРЪ. — Что? Они вмѣстѣ съ своимъ баринкомъ преслѣдуютъ нашу Глашу, хотятъ озорить ее. Онъ осмѣлился даже здѣсь преслѣдовать ее, здѣсь, въ домѣ ея второго отца,

за глазахъ челоуѣка, который ее любить безъ памяти... жить безъ нея не можетъ... Батюшка! простите меня! я не могу больше терпѣть, не могу больше молчать... я люблю ее! не отдавайте, не пускайте ее туда...

Марѳа Петр. — Ахъ, фаворитъ, вотъ оно что... вотъ о чемъ онъ тосковалъ-то.

Петръ. — Батюшка, мнѣ жалко васъ, мнѣ стыдно передъ вами: вы и безъ того страдаете... (*Обнимаетъ отца*).

Сем. Иван. — Ничего, ничего, Петруша... Что дѣлать! Я не того ждалъ, ничего, Петруша, ничего... Ну, что же? Такъ Богу угодно... Глаша, она дѣвушка хорошая... Только вотъ отецъ-то ея... родня вся ихъ... Да вотъ и денегъ-то нѣтъ—теперь, ты еще безъ мѣста... я тоже. Ахъ, Боже мой, я этого не ожидалъ... Я думалъ... надѣялся... (*Петръ дѣлаетъ жестъ досады*). Петруша, да это ничего... Я согласенъ, согласенъ...

Марѳа Петр. — Ну, фаворитъ, и я не того ждала отъ тебя...

Глаша. — Да вѣдь, я не прошу.. ничего.

Марѳа Петр. — А ты молчи, тебя не спрашиваютъ... А насчетъ денегъ не безпокойтесь... У меня есть на черный день... Вы меня прокормите.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, Иванъ Павлычъ, Евтихій и двое кучеровъ,
(*Сзади изъ дверей вымалдываютъ еще нѣсколько дворовыхъ*).

Ив. Павл. (*кучерамъ*). — Вотъ возьмите-ка, скрутите этого молодца (*указываетъ на Петра*).

Сем. Иван. — Что-о?... Вязать моего сына, вязать?... Ахъ ты холопъ, ты забился... Я дворянинъ и олъ, мой сынъ, дворянинъ! Да избави васъ Богъ дотронуться... своими старческими руками голову развозжу первому...

Евтихій. — А какъ есть я отецъ и она должна мнѣ всегда все повиновение (*подходитъ къ Глашѣ съ поднятой рукой. Та отскакиваетъ*).

Петръ (*бросается на встрѣчу Евтихія*). — Не смѣй!

Ив. Павл. (*къ кучерамъ*). — Да что вы смотрите... Берите его...

Петръ (*хватая ружье*). — Попробуй!

Марѳа Петр. — Да подождите же... Что вы, на безсудной землѣ, что ли? Понозовщину, что ли, хотите дѣлать? Да войдите всѣ въ помѣщичку и въ помѣщичѣ... Пускай они рассу-

дять. Пускай они револьв дадутъ... Что вы? Что вы? что за буяństwo.

Ив. Павл. — Пойдемъ, пойдемъ, пускай васъ шугнуть ко-рошенько отсюда...

Сем. Иван. — Дѣло, старуха. Идите къ графу. Идите вонъ отсюда: мы всё къ графу идемъ... Не бойтесь: не убѣ-жимъ, въ вашихъ рукахъ... Велитъ графъ, такъ и послѣ возь-мете и свяжете и его... и меня, всѣхъ... Вы силу имѣете...

Ив. Павл. (*услыхалъ*). — Пойдемте, ребята... Приходите, приходите. Я вамъ покажу себя... Вишь ты, еще изъ ружья хотѣлъ... Погоди, братъ (*уходитъ*)...

Евтихій. — То-есть какъ уже оттаю... Первый сортъ...

Марѳа Петр. (*останавливая Евтихія*). — Дуракъ... Онъ на ней жениться хочеть: барыней будетъ. Я ей приданое дамъ...

Евтихій. — Онъ? (*указываетъ на Петра*) на Глашкѣ, И какъ есть я теперича отецъ и она должна... мнѣ пропитаніе...

Марѳа Петр. — И пропитаніе тебѣ будетъ. А теперь пока ступай въ свое мѣсто. Мы къ графу идемъ...

Евтихій. — Нѣтъ... и я теперича могу къ графу... Атаке, братъ, Иванъ Павловичъ!

Марѳа Петр. — Ну, такъ пойдемте всѣ... Пойдемъ, Семень Ивановичъ, пойдемъ фаворитъ... Глаша, и ты... Ишь ты, егоса, что наегозвива! Идите, идите (*отводитъ Семена Иванича въ сторону*). Вы ничего теперь не говорите. Еще, можетъ, угаръ и пройдетъ... А то онъ теперь чудесъ натворитъ, если что... А ну, если и быть, такъ что дѣлать-то. Ничего. Она дѣ-вушка славная.

Сем. Иван. — Такъ видно Богу угодно, Марѳа Петровна... Самъ воспиталъ, самъ недосмотрѣлъ. Мнѣ она ничего, толь-ко эта родня...

Марѳа Петр. — Ну, вотъ невидаль велика... Пускай сами какъ знаютъ. У васъ другія дѣти есть... Другого сына на графинѣ женишь... Ну, пойдемте-ка, пойдемте (*идутъ къ дво-рякъ*)...

(*Перемена декораціи*).

(Одна изъ внутреннихъ комнатъ въ домѣ графа Телятнева. Одна дверь въ задней стѣнѣ, другая направо)...

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Графиня, потомъ Кукучъ.

Графиня (*ходитъ въ волнении по комнатѣ*). — Что онъ какъ медлитъ?... Этотъ графъ умничаетъ... Передъ каждымъ встрѣч-

нимъ, передъ жидомъ-покупателемъ хотеть показать, что онъ знатокъ всякаго дѣла и великій хозяинъ... О, какъ мнѣ опротивѣлъ этотъ вѣчный страхъ передъ дѣвчонкой, которая, кажется, инстинктивно понимаетъ свои права и подъ видимой покорностью скрываетъ до времени ненависть ко мнѣ. Я по глазамъ, по этимъ сѣрымъ русскимъ глазамъ, вижу, что она ненавидитъ меня и... и презираетъ... Какимъ бы то ни было образомъ, но я должна себя обезпечить... О, она все еще останется богата, а я? Этотъ старикъ представлялъ изъ себя миллионера... онъ не сказалъ мнѣ, что живетъ на счетъ дочери. И позволить себя одурачить мнѣ, баронессѣ, предки которой... сдѣлаться женой русскаго старика для того, чтобы остаться нищей... О, никогда (*сходитъ Кукукъ*)! Наконецъ-то... Ну, что?...

Кукукъ. — Все то же, графиня... За 2 тысячи десятинъ жидъ даетъ только 100 тысячъ, а графъ упрямится, и я боюсь какъ бы не разошлось дѣло.

Графиня. — Какъ? вы не умѣете даже этого сдѣлать? вы не умѣете убѣдить его?... Да развѣ съ нимъ надо разсуждать?— ему нужно принаживать...

Кукукъ. — Графиня, я не вы... Онъ меня не станетъ слушать и пожалуй еще заподозритъ въ сдѣлкѣ съ покупателемъ.

Графиня. — Я не хотѣла показывать себя участницей въ этомъ дѣлѣ... Я думала, что и одной умной нѣмецкой головы достанетъ, чтобы устроить это дѣло... Я вамъ сказала, что мнѣ нужно это сдѣлать во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе... Я вамъ открыла больше, нежели слѣдовало... Я ввѣрилась вамъ. Мнѣ надоѣла эта жизнь подъ вѣчнымъ страхомъ остаться нищей и женой старика. Кукукъ! я васъ выведу въ люди, я вамъ дамъ общественное положеніе... наконецъ я люблю тебя... ты это знаешь... Ты долженъ, обязанъ помочь мнѣ...

Кукукъ. — Графиня, да развѣ вы не видите, что я только и живу для васъ? Развѣ я не понимаю, что моя судьба связана съ вами, что безъ васъ я буду раздавленъ, уничтоженъ, что здѣсь, въ этой чужой землѣ, у меня только одинъ другъ — это вы, графиня. Чего мнѣ ждать отъ этой грубой невѣжественной массы?... Куда я ни посмотрю вокругъ себя, вездѣ встрѣчаю только враждебныя, зловѣщія лица... Путь мой намѣченъ, графиня: я долженъ идти всюду за вами. Повторяю, тысячу разъ: я всѣмъ вамъ обязанъ и моя жизнь отдана вамъ на службу... Я дѣлаю и буду дѣлать только то, что въ вашихъ интересахъ... И въ этомъ дѣлѣ я еще не высказалъ вамъ моихъ намѣреній...

Графиня. — О, я знаю, что эта свѣтлая, умная голова

мнѣ предана и она поможетъ мнѣ... Ну, говори же, чтѣ же нужно дѣлать?

Кукукъ. — Графа стѣсняеть, и очень основательно, форма этого дѣла, которая носить въ себѣ видъ обмана. Она его шокируетъ, но не самая суть дѣла... Еслибъ онъ былъ покоенъ въ томъ отношеніи, что форма освободить его отъ всякаго предположенія объ отвѣтственности впослѣдствіи, онъ сейчасъ же согласился бы (*съ улыбкой*)... онъ боится васъ, но опасается скомпрометроваться передъ дочерью тайною продажей ея имущества... И я придумалъ какъ выйти изъ этого.

Графиня. — Ну, говори, говори, моя умница...

Кукукъ. — Убѣдите графа, чтобы онъ совершилъ формальный контрактъ на продажу лѣса за ничтожную какую нибудь сумму, чтобы графиня Анастасія подписала его, а онъ бы изъяснилъ согласіе, какъ попечитель... Такимъ образомъ у графа будетъ документъ... А главную сумму онъ получить теперь же, одновременно...

Графиня. — Но если дочь не согласится подписать?

Кукукъ. — Графиня Анастасія? когда и отецъ, и вы слажете ей, что это необходимо? (*съ усмѣшкой*). Да объ этомъ и думать не стоить... Даже и вамъ не нужно ничего говорить... Я берусь сходять къ ней и получать отъ нея подпись контракта, безъ всякихъ объясненій и разговоровъ. Вы пригласите къ себѣ графа, и переговорите съ нимъ, а я пойду, уломаю покупателя.

Графиня. — Bravo! Идите же (*звонитъ*); когда я уговорю графа, я позову васъ вмѣстѣ съ покупателемъ (*выходитъ слуга*).

Графиня. — Попросите во мнѣ сюда графа (*слуга уходитъ*). И ты вѣришь въ успѣхъ?

Кукукъ. — Какъ въ то, что скорѣе графиня меня разлюбитъ, нежели я ее.

Графиня. — Увидимъ... Ну (*подастъ ему руку. Кукукъ целуетъ ее*). Милый! умный! Мое счастье—твое счастье... Иди же скорѣй... (*Кукукъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Графиня (*одна*). — Сколько въ немъ рыцарскаго... Какъ видѣнъ нѣмецъ... Скромный, нѣжный, сентиментальный, когда нужно онъ преобразуется, становится дѣльцомъ, практикомъ, готовъ пожертвовать жизнью за любимую женщину. О, поскорѣе бы, поскорѣе сбросить и мнѣ съ себя эту искусственную важность и замкнутость... Ты узнаешь, Артуръ, какъ умѣютъ любить женщины въ мои года. (*Задумывается*).

Графиня. — Хорошо, я вамъ помогу, научу васъ, но дѣлайте же сію минуту. Вы можете заключить съ купцомъ контрактъ отъ имени дочери на 10, на 15 тысячъ... за всеъ дѣсь... съ тѣмъ, чтобы онъ сейчасъ же отдалъ вамъ въ замѣнъ этого контракта 100 или 150 тысячъ. Дочь ваша должна подписать этотъ контрактъ и ничего не будетъ знать объ остальномъ... Ея подпись будетъ гарантировать васъ и отъ скандала и отъ процесса... Вы понимаете?

Гр. Телят. — А, ну вотъ... это дѣло другое... Эта блестящая мысль: въ этихъ дѣлахъ прежде всего форма...

Графиня. — Такъ вы согласны?

Гр. Телят. — Я согласенъ (*графиня звонитъ*). Я готовъ, шоп аміе... Съ согласія дочери, я готовъ, съ удовольствіемъ. (*Входитъ слуга*).

Графиня (*слугу*). — Позовите управляющаго съ тѣмъ... гостемъ, который у него тамъ... (*Слуга уходитъ*).

Гр. Телят. — Ты, шоп аміе, не должна думать, чтобы я не заботился о тебѣ и не хотѣлъ... но я не желалъ, чтобы дочь моя могла впоследствии сказать своему мужу...

Графиня. — Довольно, графъ. Я требую только должнаго, только части того, что мнѣ обѣщано... Я свято исполнила свои обязанности относительно васъ и вашей дочери. Я ничѣмъ не уронила вашего достоинства и вашего имени... я умѣла закрывать глаза и затыкать уши передъ вашими грѣшвами. Никто, ни одинъ человѣкъ не смѣлъ сказать, что мы живемъ несчастливо и посмѣяться надъ нами. Я наблюдала за каждымъ шагомъ вашей дочери, я воспитывала ее, какъ родную дочь и дала ей тотъ тонъ и тотъ savoir vivre, который должна имѣть дочь русскаго графа, и которыхъ она не имѣла бы, оставаясь на вашихъ рукахъ, безъ моего надзора.

Гр. Телят. — Я благодаренъ тебѣ, шоп аміе... Я всегда гордился тобой...

Кукукъ (*пріотворяя дверь*). — Можно войти?..

Графиня. — Войдите.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Кукукъ и Гальпинъ.

Гр. Телят. (*къ Гальпину*). — Вотъ что, мой любезный, хочешь ты согласиться на такія условія: ты заплатишь мнѣ за дѣсь 200 тысячъ, но съ тѣмъ, что 150 тысячъ отдашь теперь единовременно, а въ 50 ми сдѣлаемъ контрактъ.

Гальпинъ. — Позвольте сказать мнѣ, васе сіятельство... Вѣрьте цести, не могу.

Кукукъ. — Значить, ваше сіятельство, согласны разсрочить вырубку лѣса на нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, на 10, на 15, а контрактъ хотите совершить въ меньшей суммѣ для уменьшенія расходовъ?

Гр. Телят. — Ну, да, конечно...

Кукукъ. — Въ такомъ случаѣ, Гальпинъ, вамъ это очень выгодно.

Гальпинъ. — Сто я вамъ скажу... Я скажу вамъ со всею откровенностью... Вѣрьте мнѣ... Хотите вы мнѣ вѣрить, васе сіятельство, сто я вамъ скажу?... Больше 110-ти тысяць дать нельзя...

Гр. Телят. — Ну, какъ нельзя... Чтò ты мнѣ говоришь?... За двѣ тысящи десятинь?

Гальпинъ. — Васе сіятельство... деньги вдругъ... Сколько денегъ, вы то сдумайте... сколько денегъ 100 тысяць сидасъ на столъ владу... Ухъ, сколько... Нехай Богъ боронить...

Гр. Телят. — Что жъ ты меня соблазниаешь этими деньгами. (Съ усмѣшкой). Ты думаешь, что я не видывалъ столько денегъ...

Гальпинъ. — Какъ я могу это думать... Я знаю... Я, слава Богу, знаю съ кѣмъ я дѣло имѣю... Я знаю, сто вамъ значать сто, двѣсти тысяць... ницево... А я цѣловѣкъ камерцескій... для меня это много денегъ... Боже сохрани, сколько!

Гр. Телят. — Ну, хочешь, послѣднее слово 150 тысяць, 120 сейчасъ, а въ тридцати напишемъ контрактъ...

Гальпинъ. — Васе сіятельство... Нехай Богъ мнѣ такъ помогаетъ, какъ я вамъ желаю... Сто-двадцать тысяць и больше не могу... вѣрьте цести, не могу...

Графья. — Ну, отдайте ему, графъ, за 140.

Гальпинъ. — Мидамъ, васе сіятельство... Нехай Богъ моихъ дѣтей обидеть, если можно...

Кукукъ. — Полноте, полноте, Гальпинъ, стыдитесь, какъ за таковой лѣсъ не дать 140 тысяць... Вы должны согласиться...

Гальпинъ. — Сто вы мнѣ говорите... Развѣ я смѣю торговаться съ графомъ... Я знаю, съ кѣмъ я дѣло имѣю...

Гр. Телят. — Ха-ха-ха... А самъ торгуется... Ну, такъ что же рѣшительно, послѣднее слово?

Гальпинъ. — Вамъ угодно знать послѣднее слово?...

Гр. Телят. — Да.

Гальпинъ. — Стобы больше и не говорить ницево...

Гр. Телят. — Ну, да, да.

Гальпинъ. — Извольте, 125... Больше ни одного рубля не можно.

Гр. Телят. — Ну, Кукукъ, подите напишите условіе по формѣ... въ 20 тысячъ, а 110 тысячъ онъ мнѣ отдастъ на руки.

Гальпинъ. — Нѣтъ, ваше сіятельство, 105 тысяць... ей-Богу, не можно больше, послѣднее слово...

Гр. Телят. — Ну, ну, какъ не можно... Можно, можно, заплатишь... И впередъ будешь знакомъ.

Кукукъ. — Пойдемте, пойдемте... Стыдитесь.

Гальпинъ. — Вѣрите Богу, обидно, только ужъ знаю, съ кѣмъ дѣло имѣю... Надѣюсь, ваше сіятельство, не оставите, когда сто слудится... Какое дѣло...

Гр. Телят. — Хорошо, хорошо... Разумѣется... Тутъ надо дочери подписаться подъ условіемъ, а потомъ мнѣ. Когда будетъ готово, я васъ позову, а вы приготовьте деньги...

Кукукъ. — Я, ваше сіятельство, прямо снесу условіе къ графинѣ Настасѣ Павловнѣ, а потомъ принесу къ вамъ.

Гр. Телят. — Ну, хорошо.

Гальпинъ. — Прощайте, ваше сіятельство. *(Расшиаркивается передъ графомъ)*.

Гр. Телят. — Прощайте, другъ любезный, до свиданія... *(Подаетъ ему назадъ, не смотря, одинъ палецъ руки. Гальпинъ пожимаетъ руку, присядая встѣмъ тѣломъ)*.

Гальпинъ *(графинѣ)*. — Прощайте, мадамъ, ваше сіятельство...

Графиня *(молча, гордо киваетъ головой. Кукукъ и Гальпинъ уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Графъ, графиня, потомъ Иванъ Павловичъ.

Графъ. — Ну, вотъ, топ аміе, теперь ты не можешь сказать, чтобы я не хотѣлъ сдѣлать пріятнаго для тебя...

Графиня. — Когда я вижу участіе ко мнѣ съ твоей стороны, я не буду роптать. *(Входитъ Иванъ Павловичъ)*.

Графъ. — Что тебѣ?

Ив. Павл. — Помилуйте, ваше сіятельство, увольте меня: здѣсь жить нельзя... того смотри, что убьютъ...

Графъ. — Чтò такое ты говоришь?..

Ив. Павл. — Да какъ же, помилуйте, меня сейчасъ было-застрѣлили... Богъ только спасъ...

Графъ. — Да кто же это?

Ив. Павл. — А вотъ этотъ сумасшедшій, стараго управляю-

щаго снѣгъ... Прохожу я мимо ихъ квартиры, окошки низенькія, я и заглянулъ... Смотрю, а тамъ... (къ графинѣ). Извините, ваше сіятельство... Тамъ наша Глафира съ этимъ молокососомъ въ любовныхъ интересахъ время проводить... Я не вытерпѣлъ, хотѣлъ ей замѣчаніе сдѣлать, потому нехорошо, всенародно можно сказать, а она должна помнить, при комъ она служить... А онъ хватъ за ружье да стрѣлать въ меня... Вотъ у меня свидѣтели есть... Вы меня извольте уволить... какъ вамъ угодно.

Графъ. — Какъ это, у меня въ домѣ?.. Я имъ покажу себя... Позвать ко мнѣ старика отца...

Ив. Павл. — Да они и то сами хотѣли идти къ вамъ... Глафиру требовать къ себѣ...

Графъ. — Гм... хорошо... Я имъ покажу себя...

Графиня. — Не оставитъ ли? не вышло бы скандала какого?..

Графъ. — О, нѣтъ, я не могу же оставить этой дерзости безъ наказанія. Я за него долженъ заступиться... У меня жить нѣкто не будетъ тогда... Я спасъ этого молокососа, упрямилъ тогда губернатора, чтобы онъ не обращалъ вниманія на его выходку... А они такъ платятъ... О, они не знаютъ, съ кѣмъ шутятъ. Иванъ, чтобы тутъ были люди: я его связаннаго отправлю въ городъ, прямо къ губернатору...

Ив. Павл. — Люди тутъ есть...

Графъ. — Вотъ они, реформаторы, молокососы, непризнающіе ни властей, ни закона... Я тебя усмирю, голубчикъ...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, Настя и Кукучъ, а потомъ *продолженіе сцены* входятъ Семенъ Ивановичъ, Марфа Петровна, Петръ и Глаша.

Настя (*выходитъ съ бумагою съ рукавъ*). — Папаша, что вы какъ взволнованы?

Графъ. — Такъ, ничего, мой другъ, пустяки... Чтѣ, написала?

Настя. — Вы хотите продавать мой лѣсъ, папа?..

Графъ и графиня (*вмѣстѣ невольны*). — Какъ твой?..

Графъ (*поправляясь*). — То-есть, да, мой другъ, отчасти твой...

Настя. — Чтѣ это значить, отчасти?... Имѣніе мое, следовательно, и лѣсъ мой... Не дешево ли, папа, вы хотите его продавать... за 20 тысячъ 2 тысячи десятинъ...

Графиня. — Ты развѣ знаешь, мой другъ, цѣну лѣсамъ?.. Ты считаешь себя опытиѣе отца?

Настя. — Нѣтъ, папаша, благодаря вашему воспитанію, я ничего не знала... Но лѣсъ я продавать не хочу...

Графиня. — Развѣ вы можете что нибудь хотѣть, или не хотѣть?... Вы еще очень молоды, чтобы распорядиться самостоятельно: только отецъ вашъ имѣетъ это право...

Настя. — Вы, можете быть, желали бы, графиня, чтобы папа имѣлъ право и все мое имѣніе подарить вамъ безъ моего согласія?

Графиня. — Что это значить? (*Почти съ воплемъ*) Кукукъ! (*Кукукъ стоитъ блѣдный, съ опущенными внизъ глазами*).

Настя. — Это значить, графиня, что я хочу васъ освободить отъ заботы о моемъ воспитаніи, о моей нравственности и... о моемъ имѣніи... Для этого я выхожу замужъ за Кукука...

Графъ (*схватывая себя за голову*). — Нѣмецъ проклятый!..

Графиня (*истерически*). — За Кукука!.. За эту низкую тварь, за этого презрѣннаго... обманщика... авантюриста?.. Ха, ха, ха!.. Съ Богомъ!.. съ Богомъ!..

Настя (*язвительно*). — Я знала, графиня, что мой выборъ вамъ не понравится...

Графъ. — Но я тебѣ не позволю, Настя... Я, какъ отецъ, не позволяю тебѣ... Ты забываешь, чья ты дочь, кто ты и кто онъ...

Настя. — Нѣтъ, папа, вы позволите, вопервыхъ, потому что я никому не могу принадлежать... кромѣ его... восторныхъ, я клявусь вамъ, всю жизнь не разставаться съ вами, поконтъ, дѣлать васъ... Вы найдете дочь, которой до сихъ поръ не имѣли, по милости... графини... Вѣдь такъ, папаша, да... вы позволите?

Графиня. — Позволяйте, графъ, позволяйте скорѣе... Это верхъ моего торжества!.. Лучшей мести, бѣльшаго униженія для васъ я не могла бы выдумать, какъ устроивши эту блестящую партію... Поздравляю васъ, мадамъ Кукукъ! (*Истерически хохочетъ и вытираетъ слезы*.)

Марья Петр. — Нѣтъ, не могу. (*Подбѣгаетъ къ Настѣ и падаетъ передъ ней на колѣни*). — Матушка графиня! что ты хочешь дѣлать? Не ходи за него, родная... Вѣдь онъ нѣмецъ... Подумай только: нѣмецъ, супостатъ, а ты графиня? Онъ проходимецъ, вѣдь... у него ничего нѣтъ, ни души христіанской, ни чина, ни имѣнія!

Настя. — Поздно, старушка... Пораньше бы ты мнѣ говорила, а теперь поздно... я дала слово — и сдержу его...

Сим. Иван. (*подходя*). — Оставьте, Марья-Петровна, тутъ

намъ нечего дѣлать... Графиня! позвольте мнѣ взять Глашу: она воспиталась и выросла у меня, какъ дочь...

Настя. — Возьмите... Она мнѣ ненужна.

Сем. Иван. — Благодарю васъ. (*Къ графу*) Прощайте, ваше сіятельство... Пускай Богъ васъ проститъ за мои обиды. Вы и безъ того довольно наказаны... Сами виноваты! отогрѣли змѣю... Прощайте.

Гр. Телят. — Настя! Настя! пощади ты меня и себя! Подумай, ты моя дочь, графиня, а онъ, этотъ ничтожный нѣмецъ, твой мужъ! зять мой! Нѣтъ, я не переживу этого сраму... Посмотри ты на него. Его срамятъ, ругаютъ въ лицо, а онъ и рта не можетъ открыть, слова не можетъ сказать въ свою защиту.

Кукукъ. — Я слишкомъ себя уважаю, графъ, чтобы отвѣчать на лай бессильной зависти и злобы... Вы можете считать меня плебеємъ, но за то имя мое ничѣмъ не запятано... Я нѣмецъ и горжусь этимъ. Въ моихъ рукахъ много доказательствъ, компрометирующихъ нѣкоторые лица, но меня никто не въ силахъ унизить въ глазахъ графини Настасьи Павловны... Я знаю себѣ цѣну.

Петръ. — Не храбритесь, Кукукъ! Цѣна вамъ невысокая и роль ваша здѣсь незавидная. Въ мутной водѣ рыбу ловить еще небольшое достоинство даже для нѣмца...

Кукукъ — Съ вами я раздѣляю послѣ, не здѣсь.

Петръ. — Знаю! черезъ полицію и ложные доносы—это ваше дѣло. (*Къ графу*). Не печальтесь, графъ! вы сильны, и выведете его въ люди... Мы далеко не пойдемъ, а Кукукамъ на Русь дорога широкая.

Занавѣсъ падаетъ.

АЛЕКСѢЙ ПОТВЪХИНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭПИЗОДЫ.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЛУИ-ВЛАНЪ.

(Paris en decembre 1851, соч. Тено).

Книга, заглавіе которой мы сейчас назвали, останавливается на переворотѣ 51 года, то-есть на томъ моментѣ жизни французской республики, когда президентъ ея, Луи-Наполеонъ, на-шелъ возможнымъ не перемониться больше съ стѣснительнымъ для него представительнымъ собраніемъ и захватить всю власть въ свои руки. Моментъ, какъ извѣстно, былъ выбранъ весьма удачно и переворотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Семь милліоновъ голосовъ одобрили поступокъ Наполеона, и закрѣпили за нимъ похищенную имъ власть. Своею книгою авторъ имѣлъ въ виду познакомить современную Францію съ тѣми насильственными средствами, которыя употреблены были Наполеономъ и партіей его приверженцевъ, для достиженія такой блестящей, по послѣдствіямъ и успѣху, цѣли, и на основаніи данныхъ, заимствованныхъ исключительно изъ официальныхъ документовъ, изъ «Монитѣра», «Конституціонела», отчетовъ различныхъ слѣдственныхъ комиссій, доказать, что въ своихъ стремленіяхъ Луи-Наполеонъ не всегда оставался на стандартѣ абсолютной справедливости и добродѣтели, а гдѣ ему было нужно, позволялъ себѣ употреблять даже такіа неблаговадныя мѣры, какъ кровопролитія, заключенія, ссылки, изгнанія и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, въ книги Тено дѣлается яснымъ, что Луи-Наполеонъ имѣлъ очень незавидное понятіе о добродѣтели и пользовался вышеозначенными средствами безъ особеннаго смущенія и конфузливости. Результатъ, къ которому долженъ придти французскій читатель, очевиденъ: если Луи Наполеонъ человекъ, лишенный добродѣтели, то терпѣть дольше его владычество было бы позоромъ для Франціи, ergo... Такое слѣдствіе, говоримъ мы, мо-

жетъ вывести для себя французскій читатель изъ книги г-на Тено. Но для насъ, людей совершенно постороннихъ ннѣшней правительственной системѣ Франціи, и потому болѣе безпристрастныхъ, дѣло это представляется въ нѣсколько иномъ видѣ. Если Луи-Наполеонъ при совершеніи переворота 1-го декабря прибѣгъ къ мѣрамъ насилія и т. д., то вѣдь съ другой стороны мы знаемъ также и то, что точно такія же насилія, только въ еще болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, позволяла себѣ и та республиканская партія, въ которой причисляетъ себя г-нъ Тено и во имя которой онъ и его партія такъ громятъ теперь императорское правительство; если поступки Луи-Наполеона не всегда соотвѣтствовали его словамъ, что, конечно, весьма нехорошо, то отъ кого же, если не отъ республиканской партіи, вышелъ первый примѣръ систематическаго надувательства голодающаго народа и не менѣе систематической кровавой расправы съ нимъ, когда, доведенный до отчаянія, онъ настойчивѣе прежняго сталъ требовать болѣе опредѣленныхъ отвѣтовъ и ясныхъ дѣйствій; если Наполеонъ силою оружія разогналъ національное собраніе, законно избранное народомъ, то вѣдь онъ же и обратился послѣ къ народному суду, представилъ свой поступокъ на его одобреніе и народъ семью милліонами голосовъ рѣшилъ дѣло въ его пользу; но на чье одобреніе, спрашивается, отдали свои дѣйствія Кавеньякъ и его партія, и чѣмъ впоследствии, когда при выборѣ президента, волею-неволею, пришлось обратиться къ народному голосу, отвѣтилъ имъ этотъ народъ? Вотъ почему для насъ въ исторіи декабрскаго переворота не столько важенъ вопросъ о характерѣ дѣйствій Луи-Наполеона, сколько важны тѣ причины, которыя обусловили для Луи-Наполеона возможность подобныхъ дѣйствій и обезпечили ему успѣхъ; съ другой стороны даже въ смыслѣ характеристики личности Наполеона событіе 1-го декабря, по нашему мнѣнію, не можетъ быть надлежащимъ образомъ понято и оцѣнено внѣ связи съ нѣкоторыми предшествовавшими событиями, въ ряду которыхъ оно составляетъ если не неизбѣжное, то весьма естественное заключеніе, и поэтому, мы думаемъ, будетъ нелишнимъ, въ видахъ уясненія истиннаго смысла декабрскаго событія, вкратцѣ пробѣжать рядъ мѣръ и дѣйствій, принятыхъ и совершенныхъ различными партіями, поочередно раздѣлявшими правительственную власть надъ Франціей въ промежутокъ времени отъ 24-го февраля 1848 по 1-е декабря 1849 года.

Несмотря на радостную вѣсть, возвѣщенную народу утромъ 24-го февраля въ многочисленныхъ прокламаціяхъ и поднесенную сражавшимся на баррикадахъ самимъ Одилономъ Барро о

томъ, что г-нъ Тьеръ и онъ О. Варро, назначены министрами и что, стало-быть, все обстоятъ какъ нельзя лучше — возстаніе не унималось. Конечно, уступка, пріобрѣтенная народомъ въ лицѣ этихъ двухъ великихъ людей, была громадна. Одинъ изъ нихъ, г-нъ Тьеръ, никогда и не скрывалъ своей душевной симпатіи къ оборванной, и особенно, бунтующей *sapaille*, а другой, О. Варро, только за два дня передъ тѣмъ заявилъ неслыханный примѣръ храбрости, убоявшись явиться на имъ самимъ же созданный банкетъ, за что и получилъ домашній репримандъ отъ своей собственной супруги. Но при всей великости этой уступки, народъ, упоенный успѣхомъ, нашелъ, что этого ужъ теперь для него мало, и что вообще пора покончить съ Орлеанскимъ домомъ, какъ прежде закончили съ династіей Бурбоновъ. На объявленіе генерала Жерара объ отреченіи Луи-Филиппа въ пользу своего внука, графа Парижскаго, толпа отвѣтила крикомъ: «да здравствуетъ республика!» Крики эти раздавались теперь все чаще и чаще и вскорѣ огласились ими стѣны самаго Тюльери, изъ котораго только что успѣлъ убраться несчастный король (не забывшій, однакоже, захватить свой портфель съ банковыми билетами). Съ этой минуты судьба монархіи была рѣшена, и если Ламартинъ и увѣряетъ, что стоило ему только обратиться въ палатѣ депутатовъ къ герцогинѣ Орлеанской со словами: «встаньте, герцогиня!» и регенство было бы спасено, то фразу эту слѣдуетъ понимать, какъ одну изъ тѣхъ поэтическихъ лиценцій, на которыя такъ щедръ сей медоточивый мужъ. Последніими похоронными словами надъ монархіей были слова Ларошжаклена, воскликнувшего въ палатѣ депутатовъ: «Палата не значитъ теперь ничего, ровно ничего!» Вслѣдъ за этимъ новыя толпы народа, нахлынувшія кто изъ Тюльери, кто прямо съ барикадъ, положили конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и прямо заставили провозгласить временное правительство. Въ составленный на-скоро списокъ членовъ временнаго правительства вошли имена: Дюпонъ-де-л'Ора, Ламартина, Араго, Маря, Гарнье-Пажеса, Ледрю-Роллена и Кремье, изъ которыхъ имена Маря и Гарнье-Пажеса встрѣчены были съ значительнымъ неудовольствіемъ. Еще раньше этого народъ, собравшійся около редакцій «Насіонала» и «Реформы», главныхъ центровъ республиканскаго движенія, провозгласилъ временное правительство, составленное по общему соглашенію этихъ двухъ редакцій, въ которое, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, выбраны были Луи-Блявъ, главный редакторъ «Реформы» Флоконтъ, редакторъ «Насіонала» Арманъ Мара, и, наконецъ, по единодушному требованію народа, слесарный подмастерье, Альберъ. Времен-

ное правительство выбрало мѣстомъ своихъ засѣданій «Hotel-de-ville», гдѣ оно снова было признано радостными криками торжествующаго народа.

Этимъ собственно и окончилось февральское возстаніе, но вмѣстѣ съ нимъ окончилось также и единодушіе въ дѣйствіяхъ тѣхъ двухъ партій, которыя заправляли тогда событіями: партіи умѣренныхъ и партія истинныхъ республиканцевъ. Онѣ соединились между собою въ виду и для сраженія общаго врага: легитимистовъ и орлеанистовъ, забывая на время, что идеалы, во имя которыхъ онѣ подняли знамя возстанія, были различны у одной и другой и что по отношенію къ окончательнымъ результатамъ возстанія онѣ стояли другъ къ другу въ такой же позиціи, въ какой каждая изъ нихъ находилась въ своимъ побѣжденнымъ врагамъ. Умѣренные республиканцы видѣли въ республикѣ непосредственную цѣль своихъ стремленій; она была для нихъ вышнейю политическою формою, за которой все остальное могло, да не только могло, но и должно было остаться по прежнему; подъ кровомъ ея слѣдовало, по ихъ мнѣнію, сохранить прежній экономическій и общественный порядокъ, унаслѣдованный отъ предковъ, предоставивъ ему свободу самостоятельно развиваться, хотя бы до самыхъ крайнихъ выводовъ. На всѣ стремленія къ установленію болѣе справедливыхъ общественныхъ отношеній, къ дѣйствительному, а не къ номинальному улучшенію быта огромнаго сословія рабочихъ, они смотрѣли, какъ на пустыя и опасныя химеры, противъ которыхъ необходимо бороться; словомъ, они относились къ нимъ точно также, какъ ихъ недавніе враги: орлеанисты и легитимисты. Не такъ смотрѣли на дѣло истинные республиканцы. Для нихъ республика со всѣми своими по истинѣ драгоценными приобрѣтеніями: свободой слова, общей подачей голосовъ и т. д. была только средствомъ къ достиженію болѣе важныхъ преобразованій, и въ осуществленіи этихъ преобразованій они видѣли первую и самую главную задачу новой республики. Они говорили, что прекрасныя слова: свобода, равенство, братство, которыя приняла своимъ девизомъ республика, останутся пустыми словами, если людямъ не доставлена будетъ возможность завоевать себѣ эту свободу, равенство и братство, и что забота о доставленіи людямъ такой возможности должна лежать на правительствѣ. Рабочіе, говорили они, соединившись съ нами и принеся намъ въ помощь свою кровь и жизнь, имѣли въ виду не одну переимѣну правительственной формы, которая сама по себѣ вещь для нихъ совершенно безразличная: они видѣли въ республикѣ надежду на матеріальное улучшеніе своего быта, на эманципацію своего тяжелаго труда, и

обмануть эту его надежду значило бы идти по стопамъ прежнихъ правительствъ и въ концѣ-концовъ подвергнуться одинаковой съ ними участи. Этотъ разладъ въ мнѣніяхъ и стремленіяхъ двухъ партій, на время соединившихся между собою противъ общаго врага, обнаружился тотчасъ же по организованіи временнаго правительства и продолжался во все время его существованія. Во временномъ правительствѣ преобладали умѣренные республиканцы; представителями же рабочихъ интересовъ явились только два человѣка: Луи-Бланъ, ученіе котораго въ то время было наиболѣе распространено между рабочими, и работникъ Альберъ. Само собою разумѣется, что при такомъ численномъ неравенствѣ двухъ партій, составлявшихъ тогдашнее правительство республики, рабочій вопросъ очень скоро былъ бы совершенно отодвинутъ въ сторону и, быть можетъ, забытъ, еслибы за Альбера и Луи-Блана не стояла уличная толпа, все еще сильная и опасная, съ которой шутить было тогда неудобно. Волею-неволею пришлось показать видъ, что намѣрены заняться этимъ вопросомъ, и вотъ начинается цѣлый рядъ громкихъ общаній, уловокъ и обмановъ, рассчитанныхъ единственно на отсрочку вопроса до болѣе удобной минуты, когда, укрѣпившись въ своей позиціи, можно будетъ дѣйствовать рѣшительнѣе подъ внушительнымъ покровительствомъ пушекъ и солдатъ. Но прежде, чѣмъ будемъ говорить объ этомъ, мы должны на время возвратиться въ нобѣжденнымъ партіямъ.

Февральскія событія и въ особенности неожиданный исходъ ихъ, поразили всѣхъ удивленіемъ. Народъ развернулъ въ эти дни такую силу и настойчивость, а правительственными партіи выказали такую неслыханную беспомощность, трусость и отсутствіе всякихъ принциповъ, что нечего было и думать о какомъ бы то ни было сопротивленіи или протестѣ. Система Луи-Филиппа, мелочная и обмельчавшая все, до чего только касалась, проповѣдовавшая исключительное поклоненіе золотому тельцу, дала свои плоды. Въ минуты опасности несчастный король былъ оставленъ всѣми, даже своими собственными дѣтьми, и ни одна рука не поднялась на защиту погибшей династіи. Уже вечеромъ 24-го февраля, архіепископъ парижскій приказалъ пѣть въ церквахъ «*Domine salvum fac populum*» вмѣсто «*Domine salvum fac regem*». Посланіе, обнародованное имъ по этому поводу, оканчивалось слѣдующими словами: «Въ виду великихъ событій, совершившихся въ столицѣ, первымъ движеніемъ нашимъ было оплакивать судьбу тѣхъ, которыхъ смерть поразила такъ неожиданно; мы оплакиваемъ ихъ всѣ, потому что они были наши братья; потому что они еще разъ показали

намъ, сколько великодушія, безкористія и уваженія къ собственности заключено въ сердцѣ парижскаго народа». И эти слова о великодушїи парижскаго народа не были пустыми словами. Благородное поведеніе его въ Тюльери и во все время послѣ революціи, его заботливость объ охраненїи общественнаго спокойствія и собственности засвидѣтельствованы даже его врагами. Ультрамонтанскій журналъ «L'Univers» напечаталъ слѣдующее объявленіе: «Богъ говоритъ голосомъ событій. Революція 1848 г. есть явное дѣйствіе провидѣнія. Заговорами никогда бы не измѣнить въ такое короткое время и такимъ кореннымъ образомъ человѣческія общества. Кто во Франціи думаетъ нынѣ защищать монархію? Кто можетъ объ этомъ думать? Монархія не имѣетъ больше приверженцевъ. Нѣтъ лучшихъ и болѣе искреннихъ республиканцевъ, какъ французскіе католики». Вотъ что говорили тогда представители іерархіи и католичества. Точно такую же готовность къ признанію водворившейся республики выказали и другіе, и въ числѣ ихъ лица, занимавшія весьма высокія должности и бывшія искренними приверженцами Орлеанской монархіи. Маршалъ Бюжо, самый яростный врагъ республиканцевъ, почти единственный человекъ изъ всѣхъ окружавшихъ въ несчастное утро 24-го февраля Луи-Филиппа, до самой послѣдней минуты сопротивлявшійся отреченію его, ругаясь подавать востаніе, если ему дозволено будетъ дѣйствовать по своему — тоже нашелъ нужнымъ обратиться къ временному правительству съ слѣдующимъ письмомъ: «Совершившіяся событія, необходимость соединиться всѣмъ для огражденія внутреннего порядка и внѣшней безопасности ставятъ мнѣ въ долгъ предложить свой мечъ къ услугамъ установленнаго правительства. Защиту отечества я всегда считалъ одною изъ священнѣйшихъ обязанностей». Подобныя же письма съ изъявленіемъ своей преданности республикѣ получены были и отъ генераловъ: Шангаріе, Удино, Жерара и многихъ другихъ. Въ свою очередь, и легитимисты не остались въ сторонѣ. Они также поспѣшили, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, господъ Монталамбера и Фалу, заявить свою приверженность къ республикѣ, и какъ еще заявить! Обращаясь къ своимъ избирателямъ, Монталамберъ почелъ необходимымъ выразить свое сожалѣніе, что не успѣлъ своевременно познакомиться съ ученіемъ социализма. «Что касается политики, то мое знамя было всегда одно и то же: свобода во всемъ и для всѣхъ. Я требовалъ свободы обученія, свободы ассоціации, какъ основы и гарантіи всякой другой свободы. Мнѣ, быть можетъ, слѣдуетъ упрекать себя въ томъ, что до сихъ поръ раздѣлялъ, не скажу равнодушіе, но

невѣжество болѣе части политическихъ дѣателей относительно тѣхъ социальныхъ и экономическихъ вопросовъ, которые заняли нынѣ такое значительное и справедливое мѣсто въ стремленіяхъ страны. Но если согласіе моихъ согражданъ снова откроетъ для меня политическую дорогу, то я общаюсь честно и безъ всякой задней мысли работать для утверженія конституціи республики». Другой представитель легитимизма, Фалу, выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ слѣдующимъ образомъ: «Не могу окончить этого письма, чтобы не заявить здѣсь, какъ ни изумить это моихъ друзей, отдѣленныхъ отъ театра событій, моего удивленія парижскому народу. Мужество его граничитъ съ геройствомъ, истинныи его такъ благородны, такъ деликатны, что въ этомъ онъ далеко превзошелъ всѣ другіе политическіе классы, господствовавшіе надъ Франціей, въ теченіе послѣднихъ 60-ти лѣтъ. Съ ружьемъ въ рукахъ, охваченный опасностью и триумфомъ, онъ держалъ себя такъ, какъ не мѣшало бы, повременамъ, держать себя людямъ болѣе хладнокровнымъ. Онъ придалъ своей побѣдѣ характеръ святости; присоединимся же къ нему, чтобы защищать его отъ соблазновъ и соvrраченія».

Были ли эти послѣднія изъясненія сочувствія и привязанности искренни, или же они вытекали изъ расчетливаго желанія отклонить отъ себя на время подозрительное вниманіе враговъ, чтобы въ тишинѣ и на волѣ тѣмъ вѣрнѣе устроить подкопы — это другой вопросъ. Весьма вѣроятно, что между этими людьми, такъ неожиданно обратившимися въ республиканское исповѣданіе, было много и такихъ, которыхъ обращеніе было искренне, по крайней мѣрѣ, въ первое время общаго энтузіазма, которые въ самомъ дѣлѣ увлечены были величественной картиной торжествующаго народа, великодушно отказывающагося отъ всякой мысли о мести за долговременное рабство или о насильственномъ восстановленіи своихъ человѣческихъ и общественныхъ правъ. Но преобладала ли въ этихъ обращеніяхъ искренность или хитрость, во всякомъ случаѣ, факты эти доказываютъ несомнѣнно, что въ первые дни февральской республики враги ея были до того обезсилены и нравственно уничтожены, что нельзя было ожидать съ ихъ стороны никакой серьезной попытки въ возвращенію утраченной власти. Они хорошо сознавали, что подняться теперь противъ временнаго правительства, когда это правительство поддерживала еще не остывшая отъ побѣднаго триумфа народная масса, значило бы только усилить его, или, еще хуже, доставить преобладаніе въ немъ тѣмъ элементамъ, которыхъ они имѣли основаніе опасаться

больше всего. Какъ ни неприятно звучало для ихъ ушей имя «республика», но они, по крайней мѣрѣ, могли утѣшиться тою мыслью, что изъ всѣхъ золъ ихъ постигло самое лучшее, что если ужъ пришлось выбирать между республиканскими правительствами, то правительство 24-го февраля, съ перевѣсомъ умѣренныхъ республиканцевъ, было самое подходящее, на которомъ еще можно помириться. Это лучше всего доказывается дѣйствіями учредительнаго собранія, въ которое вошло большинство старыхъ партій. Какъ извѣстно, оно выразило полное свое одобреніе дѣйствіямъ временнаго правительства и снова передало ему власть въ качествѣ исполнительной коммисіи. Поженіе, принятое старыми партіями, было какъ нельзя болѣе на руку умѣренной части временнаго правительства. Сами они, какъ мы уже замѣтили, имѣли гораздо болѣе общаго со старыми партіями, чѣмъ съ своими, болѣе радикальными товарищами, хотя, конечно, никогда не сознавались въ томъ. Всѣ ихъ дѣйствія, какъ увидимъ, были запечатлѣны явнымъ стремленіемъ поправиться именно этимъ партіямъ, считавшимся официально ихъ врагами. Поэтому, благоразумный способъ дѣйствія, принятый старыми партіями, былъ большимъ подспорьемъ для временнаго правительства, которому чрезъ то доставлена была широкая возможность лавировать во всѣ стороны и соображать свои дѣйствія со своими личными склонностями и симпатіями, не стѣняясь никакими обѣщаніями или неприятными обязательствами. Еслибы старыя партіи привали болѣе вызывающее положеніе, еслибы, оправившись отъ перваго удара, онѣ уже съ самаго начала повели дѣло реакціи съ тою же горячностью и ни предъ чѣмъ не отступающей настойчивостью, которую они обнаружили тотчасъ послѣ іюньскихъ событій, временному правительству пришлось бы тѣснѣе примкнуть къ союзу съ рабочими и, кто знаетъ, на какія уступки пришлось бы тогда согласиться. Теперь же, благодаря пріятельской догадливости реакціонеровъ, оно было избавлено отъ такой печальной необходимости, могло говорить съ рабочими болѣе свободно и при случаѣ дать надлежащій отпоръ ихъ безразсуднымъ вымогательствамъ.

Само собою разумѣется, на первыхъ порахъ задача лавирования представляла очень много трудностей. Противъ умѣренныхъ республиканцевъ стояла вооруженная и неулегшая еще толпа, требовавшая радикальныхъ мѣръ и улучшеній и готовая поддержать свои требованія всѣмъ страшнымъ авторитетомъ своей силы и численности. Поэтому необходимы были нѣкоторыя уступки. Но мало по малу они убѣдились, что при всей своей наружной непреклонности и дерзости, народъ весь-

ма далеко отъ насильственныхъ дѣйствій и легко даетъ себя убаюкивать пустыми обѣщаніями и чувствительными фразами. Разъ убѣдившись въ этой слабости массы и ея искренней готовности достигать улучшеній мирнымъ и законнымъ путемъ, они рѣшились недѣлать больше никакихъ компрометирующихъ уступокъ и держать ее на обѣщаніяхъ до тѣхъ поръ, покуда не придется болѣе дѣйствительное средство парализовать ея грозную силу и безнаказанно нарушить данныя обѣщанія. Люди, стоявшіе тогда во главѣ рабочаго движенія и искренне раздѣлавшіе идеи и стремленія рабочихъ, конечно, очень хорошо видѣли нечестную игру, на которую пустились умѣренные члены временнаго правительства, — они и протестовали. Но на окончательный разрывъ съ временнымъ правительствомъ, разрывъ, который неизбежно долженъ былъ бы повести за собою новую междоусобную борьбу, они не рѣшались, въ надеждѣ что правительство само, наконецъ, откажется отъ своего опаснаго образа дѣйствія. Они, — эти представители такъ-называемаго социализма, на которыхъ привыкли смотрѣть какъ на шайку отчаянныхъ головорѣзовъ, готовыхъ на всякія злодѣянія, дышавшихъ разрушеніемъ и грабежемъ, — думали, что нѣтъ ничего хуже междоусобныхъ смутъ и насильственныхъ переворотовъ. О Луи-Бланѣ, засѣдавшемъ въ временномъ правительствѣ и пользовавшемся громадною популярностью между работниками, мы будемъ подробно говорить ниже. Здѣсь же мы приведемъ прокламацію Кабэ, клубу котораго приписываютъ на вѣсть какія разрушительныя тенденціи и революціонныя дѣйствія. Вотъ что онъ писалъ на второй день послѣ февральскаго возстанія, когда ничто не побуждало его къ умѣренности или скрытности.

«Единство, порядокъ и дисциплина, вотъ единственныя средства, которыя могутъ обезпечить народу плоды его побѣды, ограждая его права и интересы.

«Соединимся вокругъ временнаго правительства, замѣнившаго то, которое обогрѣло себя кровью гражданъ.

«Мы должны поддерживать временное правительство, которое объявило себя республиканскимъ и демократическимъ, провозгласило державность и нераздѣльность націи, признало своимъ принципомъ: братство, равенство и свободу.

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны требовать и всѣхъ послѣдствій этого принципа.

«Будемъ требовать естественнаго и неограниченнаго права ассоціацій, собранія, сужденія; свободы личной, свободы прессы, безъ ограниченій, безъ залоговъ и штемпельныхъ пошлинъ.

«Будемъ вѣрны нашимъ принципамъ братства, гуманности и

умѣренности, разума и справедливости; пусть постояннымъ нашимъ девизомъ будетъ: *прочь лесть, прочь насилія и посягательства на чужую собственность*; но оставемся непоколебимы въ требованіи мѣръ, допускаемыхъ справедливостью, для уничтоженія нищеты.

«Сохрани насъ Богъ требовать непосредственнаго осуществленія нашихъ коммунистическихъ доктринъ. Мы всегда говорили, что желаемъ осуществленія ихъ путемъ обсужденія, силою общественнаго мнѣнія, согласіемъ каждаго въ отдѣльности и волею всего народа: останемся же вѣрны нашимъ словамъ».

Вотъ каковы были люди, заправлявшіе тогда народнымъ движеніемъ и противъ которыхъ умѣренные республиканцы считали себя вправѣ бороться всѣми подземными средствами лжи, предательства, клеветы и обмановъ. Подумаешь, эти люди ни въсть чего хотѣли, имѣли дѣйствительно глупость помышлять о немедленномъ примѣненіи своихъ безразсудныхъ химеръ! Ни чуть не бывало. Они требовали не больше того, что сами же умѣренные республиканцы провозгласили въ своей программѣ. Они требовали свободы прессы, братства, равенства и т. д. Правда, они прибавили требованіе, чтобы правительство выказало нѣкоторую заботливость о судьбѣ бѣдныхъ классовъ; но вѣдь такую заботливость обѣщала каждая правительственная партія, начиная Наполеономъ I и кончая Наполеономъ III? Какъ же было отказаться отъ нея временному правительству, обязанному своею властью исключительно волѣ народа? Въ чемъ же состояла вина истинныхъ республиканцевъ, съ такою готовностью присоединившихся къ программѣ самаго правительства и ограничившихъ свои желанія добросовѣстнымъ исполненіемъ этой программы? Вина ихъ была громадная. Они выдавали тайну правительства. Правительство вовсе не думало объ осуществленіи своихъ обѣщаній, оно вовсе не рассчитывало придать какое либо серьезное значеніе золотымъ фразамъ, цѣлыми васадами лившимся изъ сладкоглаголивыхъ устъ г. Ламартина. На фразы Ламартина оно весьма благоразумно смотрѣло, какъ на невинныя уграженія разбалававшагося поэта, и охота же было добрымъ людямъ видѣть въ нихъ иѣчто болѣе серьезное! Оно провозгласило равенство и свободу, — такъ что изъ того? Неужели изъ этого слѣдовало, что оно обѣщаетъ осуществить ту свободу и то равенство, которыя угодно было вычитать въ этихъ словахъ господамъ социалистамъ? Оно обѣщало свободу и равенство— правда! Но пусть же ему дозволено будетъ имѣть на эти предметы свой собственный взглядъ и сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ этимъ своимъ взглядомъ. Не отвѣчать же ему за то, что социа-

листамъ угодно было видѣть въ словѣ «свобода» нѣчто большее свободной конкуренціи, въ словѣ «равенство» нѣчто высшее равенства предъ полицейскими сержантами. Своими толкованіями и простыми фактомъ присоединенія къ правительственной программѣ, социалисти придали словамъ правительства не то значеніе, которое они имѣли въ его устахъ, и тѣмъ возложили на него отвѣтственность за вещи, въ которыхъ оно было совершенно неповинно. Они поддерживали и питали несбыточныя и гибельныя химеры въ народѣ, котораго правительство опасалось пуще всего, пуще своихъ признанныхъ враговъ-реакціонеровъ. И потому необходимо было бороться съ ними, чтобы въ нихъ побѣдить и народъ.

Мы уже сказали, что съ самыхъ первыхъ дней всѣ помисли большинства временнаго правительства были обращены на то, чтобы какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ народа и его назойливыхъ друзей. Для этого придумана была цѣлая система шпионства, которое тщательно скрывали отъ демократическаго меньшинства правительства и котораго назначеніе было слѣдить за этимъ самымъ меньшинствомъ и людьми, пользовавшимися вліяніемъ на работниковъ. Честь основанія этого прекраснаго учрежденія, говорятъ, принадлежитъ музѣ Ламартина. Внесиваемы были всяческіе предлоги и хитрости, чтобы снова ввести въ городскія укрѣпленія войска, высланныя изъ Парижа по требованію народа, чтобы снова расположить къ себѣ это войско, считавшее свою воинскую честь оскорбленной бездѣйствіемъ, на которое оно осуждено было въ февральскіе дни, и жаждавшее теперь случая помѣриться съ народомъ и повзвѣтаться съ нимъ за понесенныя обиды. Приложены особенныя старанія всеми позволенными и не позволенными способами фанатизировать муниципальную гвардію, которая, по самому характеру своему, состояла на болѣею части изъ состоятельныхъ классовъ, и довели таки ее наконецъ до такого вступленія, что встрѣтивши разъ Луи-Влана, эти достойные защитники буржуазныхъ порядковъ избили его до полусмерти. Все это однако же ничто въ сравненіи съ тою громадною интригой, которая поведена была противъ самаго главнаго требованія народа и которая ляжетъ несмываемымъ позоромъ на имена многихъ членовъ тогдашняго правительства. Но объ ней мы расскажемъ въ подробности ниже. Здѣсь мы приведемъ еще одинъ примѣръ, явственнѣе прочихъ доказывающій высказанную нами мысль, что, по внутреннимъ убѣжденіямъ и сердечнымъ склонностямъ умѣренныхъ республиканцевъ, влекло больше къ реакціонерамъ, чѣмъ къ истиннымъ республиканцамъ. Мы говоримъ о выборахъ въ учредительное собраніе

Временное правительство было революционное, избранное возставшимъ народомъ. Первый вопросъ, который предстояло ему рѣшить, былъ тотъ, какъ оно отнесется къ собственной своей власти. Должно ли оно считать себя облеченнымъ диктаторскимъ полномочіемъ, обязаннымъ отдавать отчетъ народнымъ представителямъ уже по совершении главнѣйшихъ реформъ, требуемыхъ измѣнившимися государственными условіями, или же оно ограничится лишь необходимѣйшими мѣрами второ-степенной важности, стараясь немедленно созвать учредительное собраніе? Меньшинство правительства настаивало на рѣшеніи въ первомъ смыслѣ. Оно говорило, что въ виду крайняго невѣжества и глубокаго духовнаго и нравственнаго рабства сельскаго населенія, численностью своею далеко превосходящаго болѣе просвѣщенную часть населенія большихъ городовъ, въ виду громадныхъ матеріальныхъ средствъ, принадлежащихъ старымъ партіямъ и передающихъ вліяніе надъ сельскимъ людомъ исключительно въ руки этихъ враговъ новаго порядка, рѣшиться на немедленное созваніе учредительнаго собранія, долженствующаго выйти изъ всеобщей подачи голосовъ, значитъ уступать власть врагамъ республики и навсегда отказаться отъ надежды на желанныя и необходимыя преобразованія. Оно требовало поэтому, чтобы правительство на свой собственный страхъ праступило къ осуществленію этихъ главныхъ реформъ, которыя не замедлили бы расположить къ нему массу народа и болѣе или менѣе ослабили бы вліяніе враждебныхъ партій. Опасенія меньшинства, какъ извѣстно, вполне оправдались. Лишь только собралось національное собраніе, какъ тотчасъ же стало замѣтно, что большинство его воодушевлено духомъ, очень мало благопріятнымъ казнымъ бы то ни было серьезнымъ улучшеніямъ. Благодаря многимъ ошибкамъ временнаго правительства, между прочимъ новому поземельному налогу, упавшему исключительно на бѣдное сельское населеніе, всеобщая подача голосовъ снова вывела на политическую арену большинство прежнихъ реакціонерныхъ партій. Съ тѣхъ поръ реакція начала хозяйничать съ обычною своею безцеремонностью, и такъ благополучно привела французскую республику къ мирной пристани декабрьской имперіи. Все это очень хорошо предвидѣло меньшинство временнаго правительства и многіе представители социалистическихъ клубовъ. Они предостерегали правительство отъ опасности, угрожающей со стороны присмирѣвшихъ на время реакціонеровъ. Народъ сдѣлалъ демонстрацію, требуя отсрочки выборовъ хоть на такое время, чтобы ему можно было ознакомиться съ своими новыми обязанностями и тѣми людьми, которымъ ему предстоитъ избр-

ратъ. Но ничто не помогло. Демонстрація народа лишь пуще наугала временное правительство и еще болѣе утвердила его въ мысли о необходимости скорѣйшаго созванія національнаго собранія, чтобы положить конецъ всякимъ дальнѣйшимъ демонстраціямъ и навойливому виѣшателству народа. Умѣренные республиканцы прекрасно понимали, какой могучій оплотъ противъ народныхъ требованій приобрѣтутъ они въ консервативныхъ элементахъ будущаго собранія, и рѣшились всѣми мѣрами ускорить его созваніе. Преврасныя слова о самодержавной волѣ народа, которой предстоитъ высказаться путемъ всеобщей подачи голосовъ, и т. д. послужили только прирнтіемъ для болѣе вещественныхъ надеждъ — съ помощью консервативнаго собранія удержать движеніе въ границахъ, пріятныхъ для буржуазныхъ интересовъ. Правда, для этого придется войти въ соглашеніе съ реакціонерами и, быть можетъ, поступиться такъ-называемыми принципами, — но что за бѣда? На всѣ такіе непредвидѣнные случаи уже издавна существуютъ хорошія слова: общественное спасеніе, священныя права личности и т. д., которые не откажутся сослужить службу и на этотъ разъ.

Говоря о требованіяхъ народа, встрѣтившихъ такое упорное и враждебное сопротивленіе отъ умѣренныхъ республиканцевъ, мы еще ни разу не упомянули о томъ, въ чемъ собственно заключались эти требованія. Быть можетъ, они были такого свойства, что осуществленіе ихъ было на самомъ дѣлѣ невозможно; быть можетъ, опьяненный своей легкой побѣдой, народъ въ самомъ дѣлѣ сталъ заявлять несбыточныя желанія, которыми, при всей доброй волѣ, правительству невозможно было удовлетворить. Или, быть можетъ, требованія свои, хотя и сбйточныя и осуществимыя, народъ заявлялъ въ слишкомъ грубой формѣ, такъ что согласиться на нихъ, значило бы уронить высокое значеніе правительства, и последнее, изъ уваженія къ самому себѣ, принуждено было отказать въ нихъ?— Посмотримъ же, каковы были неосуществимыя химеры народа и въ самомъ ли дѣлѣ форма его требованій была такъ безцеремонна, какъ ее старались изобразить многіе радѣющіе историки.

Самымъ яростнымъ нападаніемъ со стороны добрыхъ людей, такъ-называемыхъ друзей порядка и тишины, подвергались, какъ извѣстно, слѣдующія три постановленія февральскаго правительства: *Право на трудъ*, *моксембургская коммиссія* и *национальная мастерскія*. Около нихъ вертятся всѣ обвиненія францужской республики въ непрактичности и разрушительномъ характерѣ ея стремленій, въ нихъ и ихъ послѣдствіяхъ видятъ самое яркое доказательство несостоятельности теорій, нѣсколько

удаляющихся от общепринятых взглядовъ. Мы поэтому рассмотримъ всё эти три постановленія, въ самомъ дѣлѣ играющія весьма важную роль въ печальной судьбѣ февральской республики.

25-го февраля, въ залу засѣданія временнаго правительства явился съ оружіемъ въ рукахъ рабочій Мартъ, и указывая на Гревскую площадь, запруженную народомъ, потребовалъ признанія права на трудъ. Ламартинъ попробовалъ было испытать на немъ охлаждающіе души своего краснорѣчія, но рабочій, измѣривъ его презрительнымъ взглядомъ, крикнулъ: «Будетъ фразы!» Ламартинъ отомелъ, и вслѣдъ за этимъ была составлена слѣдующая прокламація: «Временное правительство обязывается обеспечить существованіе рабочимъ доставленіемъ имъ работы; оно признаетъ, что работники имѣютъ право соединяться между собою, чтобы обеспечить доходность своего труда». Вотъ какимъ образомъ произошло это знаменитое «право на трудъ», которымъ, какъ мы увидимъ ниже, воспользовались вовсе не работники — ихъ трудъ и не думали обеспечить — а само же временное правительство. Въ требованіи «права на трудъ», очевидно, выразилось вліяніе ученія Луи-Блана. Оно было главнымъ слѣдствіемъ его теоріи «Организаціи труда». Сущность этого ученія, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что для уничтоженія промышленной конкуренціи, въ вынѣшнемъ своемъ развитіи ведущей къ полному порабощенію огромнаго класса рабочихъ и мелкихъ промышленниковъ и въ концѣ-концовъ выраждающейся въ безграничную монополію, правительство должно взять производство въ свои руки и, устройствомъ собственныхъ мастерскихъ, фабрикъ и т. д., доставить мелкимъ производителямъ возможность конкурировать съ большими. Черезъ такое сліяніе силъ, инѣ совершенно пропадающихъ или идущихъ въ рабство къ большимъ капиталамъ, конкуренція должна мало-по-малу совершенно исчезнуть — ни одно частное производство не въ состояніи будетъ выдержать конкуренціи съ правительственнымъ производствомъ въ такихъ большихъ размѣрахъ — и нынѣшняя конкуренція или, что все равно, монополія замѣнится ассоціаціей. Для каждаго рода индустриіи должны быть устроены особенныя мастерскія, которыя должны находиться въ опредѣленной связи, какъ между собою, такъ и между мастерскими другихъ производствъ, чтобы чрезъ то конкуренція между отдѣльными мастерскими сдѣлалась невозможною. Какъ бы мы ни смотрѣли на эту систему, согласимся ли съ ея противниками, что такое сосредоточеніе всего производства въ рукахъ правительства должно гибельно отозваться на самое про-

изводство, совершенно вытѣсняя изъ него личную инициативу, или мы скажемся менѣе трусливыми относительно правительственнаго вмѣшательства, принимая во вниманіе, что модъ правительствомъ теорія Лун-Влана разумѣть далеко не систему Лун-Наполеона, — во всякомъ случаѣ очевидно одно, что теорія эта не заключаетъ въ себѣ ничего разрушительнаго и анти-соціальнаго. Семья и собственность, т.-е. элементы, которыми мы привыкли считать основами современнаго общества, остаются ею совершенно нетронутыми. Получивши свою плату, которая тѣмъ только и будетъ отличаться отъ обыкновенной платы за трудъ, что будетъ нѣсколько выше ея, работникъ получаетъ ее въ полное свое распоряженіе, можетъ дѣлать съ нею что и какъ ему угодно, сохраняя при томъ увѣренность, что на старости лѣтъ ни ему, ни его семьѣ не придется пропадать безъ куса хлѣба. Все, чего эта теорія требуетъ, это то, чтобы блага отъ ассоціаціи людей въ государство распространены были и на бѣдную классъ, который до сихъ поръ забывался государствомъ. Когда парижскій народъ требовалъ «права на трудъ», онъ имѣлъ въ виду именно устройство подобныхъ мастерскихъ, гдѣ бы онъ могъ собственнымъ трудомъ добывать свое насущное пропитаніе, а не то, какъ увѣрили его доброжелатели, чтобы ему дозволено было тунеядствовать насчетъ трудящейся и имущей части населенія. Что въ этомъ требованіи не заключалось ничего противнаго ни современному общественному порядку, ни экономическимъ законамъ, лучше всего видно изъ отзыва о немъ Д.-С. Милля: «Странно, говоритъ Милль, что этотъ актъ временнаго правительства (т.-е. признаніе «права на трудъ») нашелъ самихъ яростныхъ критиковъ именно въ тѣхъ журналистахъ, которые неистощимы въ похвалахъ «закону о бѣдныхъ» королевы Елисаветы. Трудно понять, почему одни и тѣ же люди считаютъ дурнымъ для Франціи то, что они такъ одобряютъ относительно Англіи и Ирландіи. «Право на трудъ» есть тотъ же «законъ о бѣдныхъ», и ничего болѣе. Обеспечить помощь тѣмъ, кто не можетъ работать, работу тѣмъ, кто можетъ —, вотъ актъ Елисаветы, и вотъ то непростительное обѣщаніе за которое такъ порицаютъ временное правительство. Временное правительство не только не обѣщало болѣе того, что давалъ актъ Елисаветы, но сдѣлало свое обѣщаніе способомъ и на условіяхъ далеко благоразумнѣйшихъ. Въ англійской приходской системѣ, законъ признаетъ за каждымъ право требовать работы или средствъ къ существованію безъ работы — лично для себя. Временное правительство не допускало такого права; оно не думало раздавать милостыню отдѣльнымъ

личностямъ; оно хотѣло дѣйствовать на общій рабочій рынокъ; цѣль его была, посредствомъ кредита, отпущаемаго государствомъ, создать требуемое количество производительнаго труда тамъ, гдѣ очевидно чувствовался недостатокъ въ немъ. Но оно вовсе не думало возложить на государство обязательство принуждать работу для А или В; выборъ рабочаго люда оно оставило себѣ. Оно никого не думало освободить отъ обязанности добывать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ. Что оно взяло на себя — это только то, чтобы хватало работн на всѣхъ, желающихъ трудиться. Безполезно прибавлять, что вмѣшательство государства въ пользу рабочихъ, взятыхъ коллективно, какъ масса, имѣетъ несравненно менѣе вредное вліяніе, чѣмъ вмѣшательство прихода, которое состоитъ въ томъ, чтобы принудить работу всякому, кто не имѣетъ достаточно честности и достаточно энергіи поискать и найти ее самому. «Право на трудъ», какъ его понимало временное правительство, не подлежитъ возраженіямъ, которыя можно дѣлать противъ «закона о бѣдныхъ». Оно подлежитъ только одному фундаментальному возраженію—тому, которое основывается на принципѣ народонаселенія, но съ точки зрѣнія тѣхъ, кто считаетъ себя въ правѣ не обращать вниманія на принципъ народонаселенія, «право на трудъ» есть самая бесспорная изъ нравственныхъ истинъ, а признаніе его — самая священная изъ политическихъ обязанностей». Это Милль писалъ въ 1849 году, но уже въ то время въ его словахъ заключалась громадная ошибка. Онъ приписываетъ временному правительству такія намѣренія, которыхъ оно никогда не думало приводить въ исполненіе. Оно скорѣе согласилось бы устроить у себя нѣчто въ родѣ «закона о бѣдныхъ», составляющаго истинную язву англійскаго государственнаго быта, безграничнымъ расположеніемъ пролетаріата, чѣмъ дѣйствовать въ смыслѣ признаннаго имъ «права на трудъ». Оно признало его потому, что не признать его при тогдашнихъ обстоятельствахъ было невозможно. Вслѣдствіе финансового и промышленнаго кризиса, неизбѣжно послѣдовавшаго за февральскими днями, громадная масса рабочихъ всякаго рода осталась рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ существованію, многія мастерскія закрылись, на многихъ фабрикахъ приостановлена была работа, и вся эта масса голоднаго народа наводнила Парижъ и ждала рѣшенія своей участи отъ временнаго правительства. И потому послѣднее должно было признать «право на трудъ». Но какъ оно исполнило свое обѣщаніе? Отвѣтомъ на это служатъ люксембургская конференція; гдѣ, вмѣсто хлѣба, рабочихъ кормили теоретическими разсужденіями, и націо-

нальные мастерскія, устроенныя съ единственною цѣлю не теоретически, а на практикѣ доказать народу, и въ особенности его врагамъ, всю нелѣпность и непрактичность новыхъ теорій ихъ исповѣдуемыхъ и, такимъ образомъ, подорвать въ народѣ вредитъ тѣхъ людей, которые выдавали ему эти теоріи за способности осуществиться и пособить его нуждѣ. Въ люксембургскихъ конференціяхъ и національныхъ мастерскихъ заключается вся исторія французской республики, и въ нихъ коренится главная и почти единственная причина ея несчастнаго исхода. Люксембургскія конференціи, приведшія требованія народа къ самому максимуму возможныхъ, при тогдашнемъ его настроеніи, уступокъ, должны были невольно поселить въ народѣ сильное овлобленіе противъ правительства, не думавшаго удовлетворить и этимъ справедливымъ требованіямъ, а національныя мастерскія, устроенныя съ эхидной и злостной цѣлю и веденныя самимъ нелѣпнымъ образомъ, должны были привести къ непріязненному столкновенію съ правительствомъ—столкновенію, которое, какъ извѣстно, началось майскимъ нападеніемъ на національное собраніе и окончилось июньскимъ убійствомъ. Мы остановимся на этихъ двухъ явленіяхъ нѣсколько подробнѣе.

28-го февраля народъ снова собрался на Гревской площади, и поднялъ передъ окнами ратуши знамена, на которыхъ было написано: «Министерство работы, устройство труда». Въ то же время была отправлена депутація въ залу засѣданія временнаго правительства, для изложенія ему этого требованія. Луи-Бланъ настаивалъ на исполненіи, говоря, что разъ признавши «право на трудъ», онъ не видитъ, почему бы правительству не согласиться на учрежденіе министерства, которое служило бы для народа самымъ вѣрнымъ ручательствомъ въ томъ, что правительство дѣйствительно думаетъ объ осуществленіи своихъ обѣщаній. Противъ этого сильно возсталъ поэтъ Ламартинъ. Онъ говорилъ, что правительство не имѣетъ учредительной власти, что въ предметахъ такой высокой важности правительство не имѣетъ права принимать рѣшенія, не вспросивши предварительно согласія національнаго собранія, что онъ не понимаетъ ни цѣли, ни важности подобнаго министерства и что, наконецъ, онъ никогда не понималъ и никогда не пойметъ, чего они тамъ хотятъ съ своей организаціей труда. Большинство присоединилось къ мнѣнію Ламартина. Но когда Луи-Бланъ объявлялъ, что въ случаѣ отказа онъ возьметъ свою отставку, то ему предложили вмѣсто министерства назначить комиссію, которая, подъ его предсѣдательствомъ, займется изслѣдованіемъ рабочаго вопроса и изготовленіемъ проектовъ закона для представленія

нх національному собранію. Луи-Бланъ очень хорошо предвидѣлъ, что согласиться на такое предложеніе значило бы разъ навсегда отказаться отъ всякой надежды на сколько-нибудь широкое осуществленіе своихъ сокровенныхъ плановъ, что заниматься теперь теоретическими вопросами, когда слѣдовало дѣйствовать, значило бы дискредитировать свою теорію въ глазахъ самихъ рабочихъ, навлечь на себя ихъ презрѣніе и справедливое негодованіе, что, удаливъ его въ комиссію безъ всякаго бюджета, безъ всякихъ дѣйствительныхъ средствъ, безъ административной исполнительной власти, правительство только имѣло въ виду то, чтобы выказать его несостоятельность передъ рабочими и тѣмъ парализовать его вліяніе на нихъ. Луи-Бланъ видѣлъ эту хитрую ловушку, поставленную ему его противниками, и настаивалъ на своей отставкѣ. Но тутъ поднялся Араго, и во имя своихъ сѣдницъ, во имя старой и искренней дружбы, такъ долго связывавшей его съ Луи-Бланомъ, сталъ его упрощать взять назадъ отказъ. Онъ представлялъ ему, что этотъ отказъ въ такую серьезную минуту можетъ повлечь за собою новое возстаніе народа, которое еще Богъ-знаетъ чѣмъ можетъ окончиться для молодой, неустановившейся республики. Онъ вызвался самъ засѣдать въ комиссіи въ качествѣ помощника Луи-Блана. Мы уже сказали, что Луи-Бланъ по своимъ личнымъ убѣжденіямъ былъ врагъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, и потому уступалъ. Тотчасъ же была введена народная депутація, которой объявили назначеніе временной комиссіи. Предсѣдателемъ въ ней назначенъ Луи-Бланъ, а помощникомъ его — рабочий Альберъ. Мѣстомъ для засѣданія отведенъ Люксембургскій дворецъ. Декретъ объ учрежденіи временной комиссіи съ участіемъ самихъ рабочихъ, прочитанный народу Луи-Бланомъ, встрѣченъ громкими взрывами радости и восторга.

Такимъ образомъ ми видимъ, что люксембургская комиссія была придумана самими умѣренными членами временнаго правительства, а не вынуждена у нихъ ихъ врагами социалистами, что она послужила для нихъ единственнымъ исходомъ, чтобы отсрочить матеріальнаго преобразованія, настоятельно требовавшихся народомъ. Въ своей исторіи національныхъ мастерскихъ, директоръ ихъ Эмиль Томъ прямо признается, что правительство съ великимъ удовольствіемъ допустило устроиться люксембургскому опыту, потому что, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ имѣть великолѣпный успѣхъ: именно тотъ, чтобы доказать всю пустоту мечтательныхъ теорій Луи-Блана. Благодаря этому опыту, рабочіе не дадутъ больше себя увлечь подобными нутяками, ихъ обожаніе къ Луи-Блану исчезнетъ, и Луи-Бланъ пере-

станеть быть опасной копейкой для правительства». Къ сожалѣнію, эта доброжелательная надежда не оправдалась. Любовь народа къ Луи-Блану, популярность и вліяніе послѣдняго еще болѣе усилились со времени люксембургскихъ засѣданій, въ которыхъ народъ видѣлъ великое для себя приобрѣтеніе, и которое онъ привѣтствовалъ какъ зарю новаго, лучшаго будущаго. Несмотря на то, что депутаты отъ рабочихъ, засѣдавшіе въ такъ называемомъ рабочемъ парламентѣ, не получали никакого вознагражденія за отнимаемое у нихъ время, составлявшее для нихъ весьма чувствительную денежную потерю, несмотря на то, что многіе изъ нихъ за эти самыя засѣданія лишились своихъ мѣстъ, были прогнаны изъ мастерскихъ и фабрикъ, они до самой послѣдней минуты не переставали принимать самое дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ комиссіи, и ни разу не было слышно отъ нихъ ни единой жалобы на свое личное положеніе. Они готовы были на всякія, хотя еще болѣе тяжелыя жертвы, лишь бы поставить на ноги дѣло, въ святости котораго они были убѣждены. Не удивительно, что скоро послѣ открытія люксембургской комиссіи, временное правительство стало смотрѣть на нее съ боязнію, и не жалѣло стараній и денегъ чтобы какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ этой опасной силы, имъ самимъ созданной. Мы скоро увидимъ, къ какому благороднымъ мѣрамъ оно прибѣгло для борьбы съ Люксембургомъ, а пока разсмотримъ, въ чемъ собственно состояли эти страшныя люксембургскія конференціи.

Уже первая прокламація, съ которою Луи-Бланъ обратился къ рабочимъ, тотчасъ по устройствѣ люксембургской комиссіи, доказываетъ, какою умѣренностью ограничилъ свои желанія этотъ человекъ, еще до свѣхъ поръ слышущій у многихъ за отчаяннаго демагога, небрезгающаго никакими средствами.

«Какъ бы ни было законно ваше нетерпѣніе, говорить онъ рабочимъ въ этой прокламаціи, мы умоляемъ васъ не упреждать вашими требованіями наши изслѣдованія. Всѣ вопросы, касающіеся устройства труда, весьма сложны по своей натурѣ. Они обнимаютъ множество интересовъ, противоположныхъ другъ другу, если не на самомъ дѣлѣ, то, по крайней-мѣрѣ, съ виду. Они должны быть изслѣдованы спокойно и зрѣло. Излишекъ нетерпѣнія съ вашей стороны, излишекъ торопливости съ нашей, могутъ скомпрометировать все. Національное собраніе скоро будетъ созвано. Его обсужденію будутъ предоставлены проекты законовъ, надъ которыми мы теперь работаемъ съ твердою рѣшимостью улучшить, нравственно и морально, вашу судьбу, и которые будутъ составлены съ согласія вашихъ выборныхъ».

Слова эти объ умѣренности и спокойствіи, не были одними пустыми словами. Луи-Бланъ остался вѣренъ имъ во все время своей дѣятельности въ Люксембургскомъ дворцѣ, часто рискуя возбудить противъ себя гнѣвъ и негодованіе рабочихъ. Вынужденный иногда обращаться къ народу съ теоретическими разъясненіями принциповъ, онъ постоянно указываетъ на то, что осуществленіе этихъ принциповъ составляетъ идеаль, къ которому должно стремиться, но котораго было бы нелѣпо требовать тотчасъ же. «Было бы безуміемъ думать, что общество, погруженное въ невѣжество и распущенность, можно однимъ взмахомъ руки перенести въ высшія области, доступныя только великимъ сердцамъ и избраннымъ умамъ. На пути человѣчества къ царству справедливости существуютъ необходимыя этапы, на которыхъ невозможно не остановиться и не отдохнуть на время». Однимъ изъ такихъ необходимыхъ этаповъ онъ считалъ и тѣ временныя мѣры, надъ которыми трудилась люксембургская коммиссія и которыя должны быть представлены — и на это онъ напиралъ при каждомъ удобномъ случаѣ — на обсужденіе національнаго собранія. Оно одно, говоритъ онъ, выйдя изъ всеобщей подачи голосовъ, имѣетъ право на окончательное рѣшеніе рабочаго вопроса. Вотъ до чего этотъ человѣкъ подъялся взглядомъ временнаго правительства, принятымъ противъ его собственнаго убѣжденія; вотъ до какой умѣренности, можно сказать, слабости довелъ онъ свои мнѣнія, онъ, который былъ въ то время великой силой и могъ бы, еслибъ захотѣлъ, заставить трепетать своихъ враговъ. И все это съ тѣмъ, чтобы избѣгнуть насилій, чтобы не дать разыгрываться народнымъ страстямъ, которыхъ онъ боялся только потому, что не всегда онѣ руководствуются указаніями справедливости. Многие справедливо обвиняли его въ безхарактерности, въ политической безтѣлности, ставя ему въ укоръ погубель народнаго дѣла, котораго онъ не счелъ поддержать по своей слабости! Но что сказать о той партіи, которая, видя протянутую имъ ей руку, видя его усилія и старанія идти съ нею рядомъ, сдерживать отчаяніе все болѣе и болѣе выходившаго изъ себя народа, лишь бы спасти хоть малѣйшую долю обѣщаній, такъ торжественно возвѣщенныхъ народу, когда его вызвали на борьбу съ общимъ врагомъ, и которыхъ онъ имѣлъ право требовать, не только не подала ему своей руки, но употребила всѣ свои нравственныя и матеріальныя средства, чтобы погубить этого человѣка и имѣсть съ нимъ дѣло несчастнаго, безднаго народа?

Умѣренность Луи-Блана выказалась уже на первыхъ порахъ. Какъ извѣстно, уже въ первыхъ засѣданіяхъ работники потре-

бывали ограниченія числа рабочихъ часовъ. Мы требуемъ этого, говорили они, затѣмъ, чтобы, вопервыхъ, доставить работу большому числу рукъ; во вторыхъ, чтобы имѣть хоть одну часть для удовольствій умственныхъ и семейныхъ. Но Луи-Бланъ замѣтилъ имъ, что такъ-какъ въ этомъ дѣлѣ заинтересованы двѣ стороны, то было бы несправедливо рѣшать его, не спросивъ хозяевъ. Замѣчаніе это было принято съ явнымъ неудовольствіемъ. Слѣдовало ожидать бури, но въ это время явился Араго, и общими усиліями ему и Луи-Блану очень скоро удалось успокоить рабочихъ. Рѣшили пригласить выборныхъ отъ хозяевъ, по соглашенію съ которыми число часовъ сокращено на одну часть, то-есть для Парижа съ 11 на 10. Благодаря такой очевидной умѣренности, сдѣлавшейся очень скоро извѣстною всѣмъ, кто не желалъ нарочно закрывать глаза для истины, Луи-Бланъ приобрѣлъ весьма много поклонниковъ даже между буржуа, и Люксембургъ скоро превратился въ третейское судилище во всѣхъ стачкахъ работниковъ противъ хозяевъ. Обѣ стороны въ этихъ случаяхъ обыкновенно обращались къ комиссіи, и она всегда улаживала такія ссоры къ общему удовольствію. Такимъ образомъ была, напримѣръ, улажена стачка каменщиковъ, булочниковъ, рѣшившихся въ одно прекрасное утро оставить Парижъ безъ хлѣба, если имъ не повысятъ подневной платы, извозчиковъ и т. д. Вообще, какъ ни была бесплодна люксембургская комиссія по отношенію къ коренному вопросу о матеріальномъ улучшеніи быта рабочихъ, какъ ни были бесполезны, выработанные ею, проекты законовъ, о которыхъ, когда собралось національное собраніе, никто и слышать не хотѣлъ, но отъ нея вышло очень много простыхъ и полезныхъ практическихъ начинаній, и еслибы временное, а затѣмъ каменяковское, правительства питали хоть малѣйшее сочувствіе къ положенію рабочихъ, начинанія эти могли бы стать исходнымъ пунктомъ многихъ благихъ мѣръ, которыя принесли бы рабочему сословію значительное, хотя и временное, облегченіе. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что въ люксембургской комиссіи въ первый разъ зародилась мысль о потребительныхъ ассоціаціяхъ, которыя теперь съ такимъ рвеніемъ и, можно сказать, кламенѣющимъ сердцемъ рекомендуютъ всѣ либеральныя буржуа съ Шульцемъ-Деличемъ во главѣ. Но проектъ закона, представленный объ этихъ ассоціаціяхъ временному правительству, такъ и загнулся въ немъ безъ всякаго отвѣта. Точно также, по инициативѣ и стараніямъ Луи-Блана, устроены были первыя короперативныя ассоціаціи, изъ коихъ нѣкоторыя существуютъ еще до сихъ поръ, а многія погибли очень скоро по своему рожденію, благодаря недобросовѣст-

ности послѣдующихъ правительствъ, самымъ наглымъ образомъ нарушившихъ заключенные съ ними, при временномъ правительствѣ, контракты, и, такимъ образомъ, отнявшихъ у нихъ послѣднія средства, которыми собственно они только и держались. Даже эти ассоціаціи, основанныя уже исключительно на личной инициативѣ и личномъ издѣвленіи рабочихъ, безъ всякаго правительственнаго кредита, требовавшія для своего существованія одной лишь нравственной поддержки правительства, встрѣчени были со скрежетомъ зубовъ и осуждены на смерть при самомъ ихъ зарожденіи. Мы не станемъ передавать исторію этихъ ассоціацій, исторію жалкую и печальную, въ которой не знаешь, чему больше удивляться: тупоумію ли и безсовѣстности людей, преслѣдовавшихъ и погубившихъ ихъ, или безконечному терпѣнію тѣхъ, которые могли вынести самые безчестные и возмутительные обманы и насилія.

Та же умѣренность, обнаруженная Луи-Бланомъ въ его теоретическихъ разсужденіяхъ и практическихъ столкновеніяхъ Люксембурга съ обществомъ, лежала и въ основѣ проектовъ законовъ, изготовленныхъ комиссіей для предложенія національному собранію. Въ этихъ проектахъ Луи-Бланъ уже не требуетъ большаго гуртоваго переустройства промышленности прямымъ вмѣшательствомъ правительства, которое прибрало бы все производство къ своимъ рукамъ и устроивало бы его на свой манеръ, — всѣ его требованія ограничиваются теперь лишь предложеніемъ, чтобы правительство, путемъ ссудъ, обставленныхъ всѣми гарантіями, принятыхъ въ частной предпримчивости, дало возможность и облегчило возникновеніе корпоративныхъ формъ производства. Онъ требовалъ, стало бытъ, того самаго, что теперь считается полезнымъ и практичнымъ всѣми экономическими партіями; только вмѣсто медленнаго и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, невозможнаго пути частныхъ рабочихъ сбереженій, онъ требовалъ содѣйствія правительства, для котораго подобнаго рода поддержки частныхъ предпріятій не въ рѣдкость и которое своимъ громаднымъ авторитетомъ могло бы повести дѣло быстрѣе и успешнѣе. Вотъ его проекты законовъ:

«Должно бытъ создано министерство работы съ спеціальною цѣлью приготовить общественное преобразованіе и постепенно, мирнымъ путемъ, безъ всякихъ потрясеній привести къ уничтоженію пролетаріата.

Вновь устроенное министерство, посредствомъ выпуска государственныхъ рентъ, выкупаетъ изъ частнаго владѣнія желѣзныя дороги и рудники; преобразовываетъ французскій банкъ въ національный; соединяетъ всѣ частныя страховыя общества въ одно

общее, государственное; открывает необходимые рынки для мелочной торговли; и, наконец, учреждает, подъ управленіемъ отвѣтственныхъ чиновниковъ, оптовый депо, гдѣ мануфактуристы и производители могутъ складывать свои товары, въ замѣнъ на которые имъ выдаются векселя. Будучи гарантированы сложенымъ и предварительно оцѣненнымъ товаромъ, векселя эти получаютъ значеніе бумажныхъ денегъ и принимаются на денежныхъ рынкахъ.

Средства отъ желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, банка, страхового общества и т. д., поступавшія до сихъ поръ въ частное владѣніе и обращающіяся по новой системѣ въ казну, составляютъ бюджетъ министерства—рабочій бюджетъ.

Изъ этихъ средствъ прежде всего отчисляются суммы для погашенія государственныхъ рентъ, выпускаемыхъ для производства означенныхъ операций и уплаты по нимъ процентовъ; вся же остальная часть обращается на вспомошествованіе рабочимъ ассоціаціямъ и земледѣльческимъ колоніямъ.

Чтобы получить права на пособіе отъ государства, рабочія ассоціаціи должны будутъ принять въ руководство слѣдующія, основныя правила: чистая прибыль, остающаяся за покрытіемъ заработной платы, процентовъ на капиталъ, издержекъ на матеріалъ и орудія производства, дѣлится на четыре части. Одна часть идетъ на погашеніе капитала, принадлежащаго собственнику, съ которымъ правительство вступить въ соглашеніе; другая — на устройство вспомогательнаго фонда для стариковъ, больныхъ, раненыхъ и т. д.; третья часть распределяется между работниками, но не прямо, а по соображенію общей суммы прибыли отъ всѣхъ производствъ, какъ сейчасъ будетъ указано; и, наконецъ, послѣдняя четверть обращается на образованіе резервнаго фонда, имѣющаго специальное назначеніе.

Для водворенія солидарности между различными мастерскими одного производства, въ видахъ предупрежденія между ними конкуренціи, необходимы будутъ слѣдующія двѣ мѣры: во-первыхъ, должна быть опредѣлена стоимость производства, и затѣмъ, по соображенію положенія промышленнаго міра, установлена законная цифра барыша; во-вторыхъ, заработная плата мастеровскихъ одной и той же индустриальной отрасли должна быть только пропорціональна, по не одинакова, такъ-какъ и условія матеріальной жизни не во всѣхъ мѣстахъ одинаковы.

Останется сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы ссрѣлнить узаны братства всѣхъ производствъ, всѣхъ членовъ общества, и этотъ шагъ долженъ состоять въ слѣдующемъ: 1) надо опредѣлнить общую сумму барыша отъ всѣхъ производствъ и эту сумму раз-

дѣлить между всѣми рабочими; 2) изъ резервныхъ фондовъ, о которыхъ сказано выше, образовать одинъ общій для всѣхъ индустрій вспомогательный капиталъ, для пособій тѣмъ изъ нихъ, которыхъ производство въ данное время почему-либо будетъ ниже обыкновеннаго.

Земледѣльческія колоніи предполагается устроить на тѣхъ же основаніяхъ и по тому же принципу.

Всѣ эти мѣры должны приводиться въ исполненіе постепенно, не насилуя ничьей воли. Государство представитъ только свой образецъ: рядомъ съ нимъ могутъ существовать частныя ассоціаціи, современный экономическій порядокъ».

Къ этимъ фактамъ нечего прибавлять: они говорятъ сами за себя. Честные люди въ Европѣ опѣнили справедливость и умѣренность требованій, сформулированныхъ въ такомъ видѣ и въ такомъ безпритязательномъ и спокойномъ тонѣ. Она говорили, что правительство должно содѣйствовать своимъ кредитомъ и авторитетомъ своей власти устройству подобныхъ ассоціацій, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ для него самого неуспѣшность и безполезность ихъ были очевидны. Ибо изъ такой неудачи, говорили они, народъ почерпнулъ бы прайтически нравственный урокъ, который съ ладвой окупилъ бы потраченныя на него суммы. Убѣдившись разъ на опытѣ въ неосуществимости своихъ притязаній, народъ навсегда отказался бы отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ родѣ, поглощающихъ нынѣ всѣ его нравственныя силы. Онъ увидѣлъ бы, что спасеніе его не въ стремленіяхъ и рекомендаціяхъ новаторовъ, а въ лонѣ тѣхъ самихъ экономическихъ и общественныхъ условій, противъ которыхъ онъ до сихъ поръ возставалъ. Но для этого необходимо приступить въ дѣлу съ чистыми намѣреніями, безъ заднихъ мыслей, дать ассоціаціямъ правильную организацію на началахъ, рекомендуемыхъ ихъ защитниками, а не отнимать у нихъ заранѣе всякую дѣйствительную возможность на серьезный успѣхъ введеніемъ условій, завѣдомо вредныхъ и противныхъ основной идеѣ подобныхъ ассоціацій. Такъ говорили честные люди, но не такъ думало временное правительство и умѣренная республиканская партія, на которую оно опиралось. Ужъ одна мысль объ ассоціаціи, т.-е. объ осмысленномъ союзѣ рабочихъ между собою, повергало ихъ въ необузданный страхъ, а тутъ еще отъ нихъ требуютъ, чтобъ эти ассоціаціи поопирались и поддерживались тою же самою властью, которую имъ только что удалось захватить въ свои руки. Нужды нѣтъ, что этому захвату всего болѣе содѣйствовали все тѣ же работники, что, не будь рабочихъ, имъ еще долго пришлось бы глотать свою собственную

желчь или изливать ее въ патетическихъ и периодически-такъ поистасканныхъ фразахъ; нужды вѣтъ, что своимъ успѣхомъ они обязаны были страстному порыву народа, доведеннаго до отчаянія голодомъ и нуждой, — такъ всегда было, такъ этому слѣдовало быть и теперь. Вся революціонная практика французской исторіи поучала умѣренныхъ республиканцевъ, что во всѣхъ переворотахъ народъ всегда игралъ ту же роль, что и теперь, что онъ всегда жертвовалъ своею кровью и жизнью для совершенно чуждыхъ ему интересовъ и людей, и что во всѣхъ переворотахъ выплывавшіе властелины всегда удѣляли ему тотъ же шипъ, который собирались предложить ему и они. Не они, значить, первые, не они послѣдніе. Если же теперь народъ сталъ требовательнѣе, если онъ не довольствуется больше такимъ благодѣтельнымъ измѣненіемъ правительственной формы, въ силу котораго во главѣ его на мѣсто какаго нибудь реакціонера Гизо, не думавшаго скрывать своихъ реакціонерныхъ наклонностей, стали они, господи Маря и Маря, люди испытанной доблести и чистые, непримѣсные республиканцы, то въ этомъ виноваты злонимѣренные люди, по своимъ демагогическимъ расчетамъ набивавшіе ему голову несбыточными надеждами и подстрекавшіе его къ опаснымъ дѣйствіямъ. Какъ ни нелѣпы подобныя соображенія, что цѣлый народъ руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ не своими настоятельными потребностями, а подстрекательствомъ нѣсколькихъ отчаянныхъ головъ, но эти соображенія легли въ основу дѣятельности умѣренной республиканской партіи, видѣвшей главную свою задачу преимущественно въ борьбѣ противъ малозначительной горсти такъ-называемыхъ социалистовъ. На борьбу съ ними она расточила всю свою государственную мудрость, ради этой борьбы она, наконецъ, бросилась въ объятія реакціи.

27-го февраля, то-есть на другой день послѣ признанія «права на трудъ», правительство издало декретъ слѣдующаго содержания: «Временное правительство постановляетъ устройство національныхъ мастерскихъ, возлагая исполненіе этого декрета на министра публичныхъ работъ». Мѣра эта при тогдашнихъ обстоятельствахъ была государственною необходимостью. Паника, овладѣвшая, вслѣдствіе переворота, капиталистами и промышленными тузами, имѣла своимъ непосредственнымъ результатомъ скопленіе въ Парижѣ громаднаго числа незанятыхъ рабочихъ, для которыхъ было необходимо тотчасъ же пріискать работу, чтобъ избавить ихъ отъ голодной смерти или, что еще хуже, не навливать на городъ голоднаго возстанія. Для предупрежденія этой опасности и декретированы были національныя мастерскія. Названіе ихъ, какъ видимъ, заимствовано изъ системы Лун-

Блана, чѣмъ надѣялись подѣйствовать на народъ. Но уже въ приведенномъ нами декретѣ находилась статья, прямо указывавшая, что напрасно было бы ждать отъ новаго постановленія временнаго правительства дѣйствительной мѣры къ облегченію народныхъ нуждъ. Исполненіе декрета поручалось министру публичныхъ работъ. Министромъ этихъ работъ былъ въ то время г. Мари, человѣкъ, который изъ всѣхъ умѣренно-республиканскихъ членовъ правительства, отличался наибольшимъ антагонизмомъ къ идеямъ Луи-Блана и вообще рабочему вопросу. И вотъ такому человѣку, явному врагу рабочихъ, поручаютъ веденіе дѣла, въ неудачномъ исходѣ котораго онъ былъ прямо заинтересованъ. Съ Луи-Бланомъ никто и не думалъ совѣтоваться, его даже не пригласили на совѣщаніе, гдѣ, подъ предѣлительствомъ тогдашняго парижскаго мера, Гарнье-Пажеса, обсуждались подробныя мѣры относительно мастерскихъ. Да и позачѣмъ было приглашать его. Большая часть мѣръ, рѣшенныхъ на этомъ совѣщаніи, и принятыхъ впоследствии администраціей національныхъ мастерскихъ, не только находились въ прямомъ противорѣчій со взглядами Луи-Блана, но и приняты были единственно изъ желанія повредить его идеямъ, выставляя ихъ въ карикатурномъ видѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вся администрація и устройство національныхъ мастерскихъ въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ доброжелательныхъ рукъ г. Мари, представляли самую злостную пародію на идеи Луи-Блана. По системѣ Луи-Блана, въ каждой мастерской слѣдовало соединить рабочихъ одной профессіи, мастерскія г. Мари представляли хаотическій сбродъ работниковъ различныхъ профессій, которыхъ, въ добавокъ, заставляли производить одну и ту же работу; по системѣ Луи-Блана рабочіе, хотя и получали пособіе отъ правительства, но должны были работать на свой собственный счетъ, то-есть подъ могущественнымъ стимуломъ личнаго интереса, соединеннаго съ благодѣяніемъ ассоціаціи; — въ національныхъ мастерскихъ правительство явилось въ непосредственной роли предпринимателя, а рабочіе простыми поденщиками, и такъ-какъ работа, по большей части, была безплодная и чисто шутовская — рабочихъ заставляли, напримѣръ, по нѣсколько разъ расканывать и заспавать одни и тѣ же рвы, — и для многихъ работниковъ совершенно непривычная, — между ними находились, напримѣръ, фортепьянщики, граверы, ювелиры, наборщики и пр., то, какъ и слѣдовало ожидать, національныя мастерскія скоро сдѣлались страшнымъ бременемъ для государства. Работа очень скоро превратилась въ одну пустую формальность, которую слѣдовало справлять лишь для виду, чтобы пріобрѣсти право на

полученіе поденной платн. Такая легкая, въ сравненіи съ прежнимъ тяжелымъ трудомъ, работа невольно должна была служить приманкой для множества такихъ даже работниковъ, у которыхъ покуда было еще занятіе въ частныхъ заведеніяхъ. Число людей въ національныхъ мастерскихъ возрастало съ неимоверной быстротой. Въ началѣ марта, то-есть при открытіи мастерскихъ, въ нихъ было 20,000 рабочихъ, а въ срединѣ іюня число ихъ доходило уже до 150,000, привлеченныхъ въ Парижъ изъ разныхъ концовъ Франціи. Къ чему должна была привести такая безплодная трата государственныхъ средствъ,—отгадать не трудно. Парижъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе наводнился огромными толпами рабочихъ, или дѣйствительно ненужныхъ работы, или отвлеченныхъ изъ фабрикъ весьма естественнымъ желаніемъ болѣе легкаго труда; не имѣя никакого серьезнаго дѣла, вся эта страшная масса неизбежно должна была подвергнуться полнѣйшей деморализаціи, могла сдѣлаться легкой добычей перваго бездѣльника, который захотѣлъ бы воспользоваться ея силой. Промышленный кризисъ, уже и безъ того возбуждавшій въ то время весьма серьезныя опасенія, еще болѣе усилился: многія, кое-какъ державшіяся еще фабрики, принуждены были приостановить работы, главнымъ образомъ по недостатку рабочихъ рукъ, устремившихся въ національныя мастерскія. Все это вызвало страшный гвалтъ въ имущихъ классахъ, и безъ того неособенно дружелюбно смотрѣвшихъ на новыя стремленія, овладѣвшія народной массой, — и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ненависть этихъ классовъ обратилась не туда, куда слѣдуетъ, не на истинныхъ виновниковъ всей этой нелѣпой и злостно приготовленной путаницы, а на людей совершенно въ ней неповинныхъ, которые имѣли несчастье подвергнуться опалѣ единственно потому, что были честиye своихъ политическихъ противниковъ. Масса все равно, образованная или невѣжественная, всегда руководствуется только внѣшними признаками, словами, а не сущностью дѣла. Для нея достаточно было знать, что учрежденія, угрожавшія ея интересамъ, носятъ названіе національныхъ мастерскихъ, то-есть, названіе, занимаемое изъ противоположнаго лагеря, чтобы всею силою своей ненависти обрушиться на людей не мало причастныхъ къ этому дѣлу. Луи-Бланъ и въ особенности люксембургская коммиссія, сдѣлались всеобщимъ пугаломъ, одно имя котораго вызвало страхъ и ненависть во всѣхъ имущихъ людяхъ, забывшихъ въ этомъ всеобщемъ остервененіи свои прежніе политическіе раздоры, и дружно соединившихся для сокрушенія общаго врага. Къ вѣчному позору временнаго правительства, или вѣрнѣе нѣкото-

рыхъ его членовъ, особенно господъ Мари и Марà, надо при-
 бавить, что оно очень хорошо видѣло гибельные результаты
 своей безсмысленной затѣи, которыхъ нельзя было не предва-
 дѣть, и что эти результаты прямо входили въ его расчетъ.
 Оно хорошо знало, что ослѣпленная страхомъ и страстями мас-
 са не станетъ разбирать, гдѣ истинный виновникъ ея паники,
 и съ жадностью устремится на перваго человѣка, на котораго
 ей укажутъ ловкіе люди. И надо отдать ему справедливость, что
 оно не ошиблось въ своемъ расчетѣ. Еще и теперь большаа
 часть образованныхъ людей въ Европѣ считаютъ Луи-Блана
 главнымъ затѣйщикомъ національныхъ мастерскихъ, несмотря
 на удостовѣреніе въ противномъ людей самыхъ различныхъ ла-
 герей и убѣжденій,—что же удивительнаго, что въ ураганѣ по-
 литическихъ и общественныхъ страстей, волновавшихъ тогдаш-
 нюю Францію, большинство образованныхъ французовъ видѣло
 въ Луи-Бланѣ главнаго виновника и ковоода всѣхъ мѣръ, за-
 вѣдомо елонившихся къ нарушенію ихъ прямыхъ интересовъ? Мы
 уже видѣли, что временное правительство боялось и ненавидѣло
 Луи-Блана еще болѣе, чѣмъ своихъ явныхъ политическихъ вра-
 говъ. Чтобы скомпрометировать его въ глазахъ работниковъ,
 оно сочинило люксембургскую конференцію. Но этого оказалось
 мало—надо было скомпрометировать его предъ всѣми образо-
 ванными людьми, доказавши, на примѣрѣ, какъ нецѣпны и гибель-
 ны теоріи, навязываемыя имъ народу. Съ этою цѣлью пущены
 въ ходъ національныя мастерскія. Названіе ихъ принадлежитъ
 Луи-Блану, и потому не трудно было придать всему дѣлу такой
 характеръ, какъ будто оно допущено въ видѣ уступки неотвяз-
 чивости Луи-Блана, тѣмъ болѣе что большинство общества очень
 хорошо знало, что мнѣнія Луи-Блана не пользуются особенною
 благосклонностью со стороны другихъ членовъ временнаго пра-
 вительства. Вся эта хитрая уловка удалась какъ нельзя лучше.
 Впослѣдствіи, когда національныя мастерскія принесли свои пло-
 ды, никто и не думалъ справиться, на сколько въ нихъ замѣшанъ
 возрѣнія и желанія Луи-Блана; всѣ безъ исключенія обви-
 няли его, его оправданій никто и слушать не хотѣлъ, а на господъ
 Марв и Марà смотрѣли какъ на истинныхъ пзбавителей обще-
 ства, «оказавшихъ великія услуги республикѣ».

Но не эту одну сторону видѣло временное правительство въ
 національныхъ мастерскихъ. Оно, конечно, очень пріятно ском-
 прометировать противника, вооружить противъ него обществен-
 ное мнѣніе, но всѣ такіа средства слишкомъ не вещественны
 и, такъ сказать, нравственны, когда дѣло идетъ о соперникѣ, у
 котораго предполагается значительная матеріальная сила. На
 сторонѣ Луи-Блана все еще оставалась громадная масса болѣе
 образованныхъ и болѣе энергическихъ рабочихъ и ремесленни-
 ковъ, которые ни за что не соглашались пойти на даровой хлѣбъ
 въ временному правительству. Чѣмъ больше они знакомились
 съ Луи-Бланомъ, тѣмъ больше убѣждались, что этотъ человѣкъ

дѣйствительно преданъ ихъ интересу, и они все еще не теряли надежды, что имъ удастся вынудить у правительства принятіе мѣръ, обсуждавшихся тогда въ Люксембургѣ. Противъ этихъ рабочихъ надо дѣйствовать болѣе дѣйствительными средствами. Конечно, самымъ убѣдительнымъ орудіемъ въ этомъ случаѣ было бы войско, но гдѣ взять его? Однимъ изъ первыхъ требованій народа, тотчасъ послѣ революціи, было удаленіе войска изъ Парижа и ближайшихъ его окрестностей. Правда, подъ разными предлогами часть его удалось бы ввести обратно въ городъ, какъ это сдѣлали впоследствии, но дѣло въ томъ, что самое войско находилось тогда въ крайне безнадежномъ положеніи. Удары, нанесенные ему въ февральскіе дни, неловкость, сдѣланная самимъ правительствомъ, позволившимъ себѣ на первое время неглижировать военною силою, все это крайне деморализировало войско, такъ что потребовалось много времени и всей опытности такого знатока военнаго дѣла, какъ генералъ Кавеньягъ, чтобы снова поставить его на боевую ногу. Покуда же нечего было думать повести войско на усмирненіе люксембургской части рабочихъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, правительство рѣшилось извлечь новую выгоду изъ національныхъ мастерскихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, самая главная и, разумѣется, тайная сторона учрежденія національныхъ мастерскихъ, была надежда на возможность употребить ихъ со временемъ какъ армію противъ Луи-Влана и его партіи. На эту тайную цѣль временнаго правительства указываетъ уже внѣшняя военная организація, навязанная мастерскимъ. Какъ извѣстно, работники распредѣлялись въ нихъ на взводы, бригады и т. д., имѣвшіе свои знамена и своихъ особыхъ начальниковъ, которыхъ названія также заимствованы изъ военнаго устава. Военнымъ строемъ рабочіе приходили на работу и такимъ же строемъ уходили назадъ по домамъ. Само собой разумѣется, что было бы нелѣпо такія мирныя учрежденія, какъ національныя мастерскія, облекъ въ военную форму, еслибы тутъ не имѣлось въ виду мало по малу приучить рабочихъ къ военной субординаціи и готовности слѣдовать за своими начальниками, куда тѣ уважутъ. Но кромѣ этихъ наружныхъ признаковъ, заставлявшихъ съ большею или меньшею достовѣрностію догадываться объ истинномъ характерѣ намѣреній, положенныхъ въ основу устройства національныхъ мастерскихъ, мы имѣемъ теперь прямыя доказательства того, что временное правительство уже очень скоро стало видѣть въ работникахъ своихъ мастерскихъ будущую армію для уничтоженія социалистовъ. Эти доказательства представлены упомянутымъ нами Эмилемъ Тома, бывшимъ директоромъ національныхъ мастерскихъ. Вотъ что онъ рассказывалъ передъ Буржскимъ судомъ, гдѣ разбиралось дѣло о майскомъ и іюньскомъ возстаніяхъ, которыя, какъ извѣстно, приписываются исключительно интригамъ Луи-Влана и его единомышленниковъ. «Господинъ Мари — рассказываетъ онъ — призвалъ меня въ городскую

ратушу и объявилъ, что правительство назначило мастерамъ кредитъ въ пять милліоновъ франковъ, и что вообще съ этого времени выдача суммъ будетъ производиться съ меньшими затрудненіями. Затѣмъ онъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ, понижая голосъ: можете ли вы рассчитывать на работниковъ?—Надѣюсь, отвѣчала я; одно только затрудняетъ меня: число ихъ возрастаетъ такъ быстро, что трудно имѣть на нихъ на всѣхъ то вліяніе, какое бы мнѣ хотѣлось.— Не безпокойтесь о числѣ, сказалъ мнѣ министръ. Покуда они въ вашихъ рукахъ, они не могутъ быть слишкомъ многочисленны; старайтесь только привязать ихъ къ себѣ искренно. Не щадите денегъ; въ случаѣ надобности вамъ будутъ назначены негласныя сумми.—Надѣюсь, что этой надобности не будетъ. Однакожъ позвольте спросить, съ какою цѣлью вы мнѣ дѣлаете эти предложенія?—Въ интересахъ общественнаго спасенія. Старайтесь прибрать рабочихъ къ вашимъ рукамъ, потому что, быть можетъ, недалеко то время, когда ихъ придется вывести на улицу».

Понятно теперь, почему запонадобились военные порядки въ національныхъ мастерскихъ, немѣвшихъ ничего общаго съ военнымъ элементомъ: недалеко было время, когда работниковъ намѣревались *вывести на улицу*, т.-е. говоря проще, заставить ихъ избивать собственныхъ братьевъ, имѣвшихъ неосторожность понимать свое положеніе и нужды иначе, чѣмъ ихъ понимали господа Мари, Ламартины и Мара, и избивать ихъ въ то самое время, какъ тѣ всѣми силами старались дать дѣлу мирный оборотъ и приготовить возможность рѣшенія его мирными средствами. Не противъ легитимистовъ и орлеанистовъ, сохранившихъ много могущества и начинавшихъ уже снова принимать угрожающее положеніе, не противъ этихъ враговъ республики собиралась и плачивалась такая громадная масса боевыхъ рукъ, а противъ той части парижскаго населенія, которая одна вынесла на своихъ плечахъ всю борьбу со старымъ порядкомъ и теперь домогалась только того, чтобы труды ея не пропали даромъ, чтобы пролитая ею кровь пошла на зарожденіе новыхъ условій, болѣе сообразныхъ съ человѣческою справедливостію. Если благочестивые планы господина Мари, произведшія новую междуусобную рѣзню, не удалсь, если они остались одними благочестивыми вождѣніями этого доблестнѣйшаго изъ героевъ февральской революціи, то не потому, что г. Мари и его доблестная клика сознали, наконецъ, всю гнусность своей безчеловѣчной и кровожадной интриги, а потому, что имъ скоро представилась возможность подавить народныя стремленія другимъ, болѣе вѣрнымъ и прочнымъ путемъ, не прибѣгая къ такому рискованному средству, какъ содержаніе огромной массы ничего не дѣлающаго люда, который еще, богъ-знаетъ, удастся ли удержать въ своихъ рукахъ, когда въ немъ настанетъ дѣйствительная надобность.

Изъ приведенныхъ нами фактовъ, достовѣрность которыхъ признается теперь всѣми безпристрастными и честными людьми въ Европѣ, читатель можетъ видѣть, сколько правды и справедливо-

сти заключается въ увѣреніяхъ тѣхъ, которые всѣ безпорядки происходившіе и волновавшіе французскую республику, особенно со времени созванія національнаго собранія, приписываютъ интригамъ партіи Луи-Блана, будто бы вынудившей у временнаго правительства учрежденіе Люксембургской комиссіи и національныхъ мастерскихъ, съ цѣлью разрушить молодую республику и захватить власть въ свои руки. Мы знаемъ теперь, что о захватѣ власти Луи-Бланъ мало того что не помышлялъ никогда, но даже прямо отклонился отъ нея, когда эта власть сама давалась ему въ руки; мы знаемъ, что свое отвращеніе къ народнымъ возстаніямъ и вообще къ насильственному дѣйствію онъ простеръ до того, что, впадѣніи сознавая и ведя коварную интригу, которую опутывало его временное правительство, онъ все еще боялся открытаго разрыва съ нимъ, считая такой разрывъ за самое худшее изъ золъ, могущихъ постичь республику и все еще силясь уважать во временномъ правительствѣ выраженіе народной воли; мы знаемъ, наконецъ, и то, что самые факты, на которые ссылаются враги рабочаго вопроса: Люксембургская комиссія и національныя мастерскія, порождены явными врагами Луи-Блана, съ нескрываемымъ намѣреніемъ погубить его и вмѣстѣ съ нимъ представляемую имъ рабочую идею. Между тѣмъ, несмотря на безспорность этихъ фактовъ, засвидѣтельствованную такими людьми, какъ Эмиль Тома, Ламартинъ и т. д., они еще до сихъ поръ считаются, такъ называемыми, благосмыслившими людьми свидѣтельствомъ той анархической разнузданности и бессмыслія, къ которымъ могутъ привести народъ нелѣпныя требованія коварныхъ демагоговъ, и нѣтъ либеральнаго интригана въ Европѣ, который не спѣшилъ бы эксплуатировать эти факты для своихъ обскурантскихъ цѣлей и запугиванія массы.

Мы такъ долго останавливались на этихъ явленіяхъ потому, что считаемъ ихъ самыми главными во всей исторіи февральской республики. Право на трудъ было примымъ выраженіемъ тѣхъ нуждъ и ожиданій, во имя которыхъ народъ возсталъ противъ орлеанской династіи, а люксембургская комиссія и національныя мастерскія служили отвѣтомъ образованныхъ классовъ на народныя требованія. Во всѣхъ прежнихъ революціяхъ, народъ брался за оружіе, самъ хорошенько не сознавая, за какіе интересы онъ идетъ бороться, и кто тѣ люди, которые вызываютъ его на борьбу. Положеніе его всегда было безъисходное; но въ прежнія времена въ средѣ его очень мало было людей, которые понимали бы вполне весь смыслъ этого положенія и историческіе факты, его произведшіе. Онъ все еще изъшивалъ свои интересы съ интересами буржуазіи, вышедшей изъ его нѣдра, или какъ выразился одинъ публицистъ, все еще скрывался въ складкахъ буржуазной мантии. Бралась за оружіе буржуазія, искусала крики о беззаконіяхъ и злоупотребленіяхъ власти,—народъ, долго не спрашивая, тотчасъ же принималъ съ ней, давая ей своимъ численнымъ перевѣсомъ рѣшительное

оружіе для преодоленія врага. Побѣдивши врага, буржуазія успокоивалась, тотчасъ же забывала о своемъ вчерашнемъ союзникѣ и принималась хозяйничать по прежнему, какъ будто этого союзника никогда и не существовало. Такъ велась дѣла до февральскаго возстанія. Наступили февральскіе дни: народъ снова отелкинулся на призывъ буржуазіи, помочь ей побѣдить, или, вѣрнѣе, вопреки ей побѣдилъ ея врага, но къ величайшему ея ужасу, вмѣсто покорнаго союзника, готоваго молчаливо отретироваться при первомъ минованіи въ немъ надобности, на этотъ разъ народъ совершенно-неожиданно заговорилъ инымъ языкомъ, предъявилъ опредѣленную программу, потребовалъ своей доли въ полученіи добычи. Это привело буржуазію въ сильное замѣшательство. Она такъ долго пользовалась народными силами, для своихъ личныхъ цѣлей, такъ долго привыкла распоряжаться ими самовластно и безконтрольно, что, наконецъ, сама увѣровала, что ея интересы есть интересы народа, что ея счастье и стремленія должны составлять и его счастье и стремленія. Она не замѣтила, что въ то время, какъ была занята парламентскими интригами, поглотившими всю ея государственную мудрость, всѣ ея нравственные и умственные ресурсы, народилось новое поколѣніе рабочихъ, болѣе глубоко-понявшихъ свое положеніе и то громадное влияніе, которое ему принадлежитъ уже по одной его численности, и рѣшившееся, во что бы то ни стало, завоевать себѣ право голоса въ рѣшеніи какъ своей судьбы, такъ и судьбы государства. «Право на трудъ», потребованное народомъ на второй день послѣ февральской революціи, представляло теоретическую формулу этихъ новыхъ стремленій рабочаго сословія, и неудивительно, что оно повергло въ такой ужасъ и смятеніе всю умѣренную республиканскую или, что почти все равно, буржуазную партію. На мѣсто только-что сраженнаго врага, она увидѣла передъ собою новаго, гораздо-опаснѣйшаго противника, который съ того и началъ, что возбудилъ вопросы, считавшіеся ею порѣшенными или, по меньшей мѣрѣ, неприкосновенными. Привышая къ интригамъ и вся основанная на интригѣ, она рѣшилась попробовать это испытанное средство и противъ новаго врага. Съ этою цѣлью устроены національныя мастерскія и люксембургская коммиссія. Сражаться съ народомъ прямо и открыто было тогда невозможно, потому что ко всѣмъ своимъ превосходнымъ качествамъ буржуазія присоединяла всегда необыкновенную трусость;— надо было прибѣгнуть къ иному маневру, разбить народныя иллюзіи и вооружить народъ противъ его друзей и коноводовъ. Вотъ почему мы свазали, что въ правѣ на трудъ, національныхъ мастерскихъ и люксембургскомъ вопросѣ заключается весь смыслъ февральской республики, весь смыслъ борьбы, завязавшейся между буржуазіей и народомъ. Народъ требовалъ хлѣба, буржуазія отвѣчала ему гнусной и отвратительной интригой, которая въ концѣ концовъ вынудила его снова взяться за оружіе и покончить съ собою и съ созданной имъ республикой.

Д. Г.

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО.

ГЛАВА II.

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА.

Недаромъ наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тутъ — хоть волкомъ вой!
Не грѣть землю солнчишко
И облака дождливыя
Какъ дойныя коровушекъ
Идутъ по небесамъ.
Согнало снѣгъ, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одѣвается
Зеленымъ ярнимъ бархатомъ,
И какъ мертвецъ безъ савана
Лежитъ подъ небомъ пасмурнымъ
Печальна и нага.

Жаль бѣднаго крестьянина,
А пуще жаль сютинушку;
Скормивъ запасъ скудные,
Хозяинъ хворостиною
Прогналъ ее въ луга,
А что тамъ взять? Чернеконько!
Лишь на Ниволу вешаго
Погода поуставилась,

Зеленой свѣжей травушкой
Полакомился скоть...

День жаркій. Подъ березками
Крестьяне пробираются,
Гуторять межъ собой:
«Идемъ одной деревней,
Идемъ другой — пустехонько!
А день сегодня праздничный,
Куда пропала народъ?..»
Идутъ селомъ — на улицѣ
Одни ребята малые,
Въ домахъ — старухи стары,
А то и вовсе заверты
Калитки на замокъ.
Замокъ — собачка вѣрная:
Не ласть, не кусается,
А не пускаетъ въ домъ!

Прошли село, увидѣли
Въ зеленой рамѣ зеркало:
Съ краями полный прудъ.
Надъ прудомъ рѣютъ ласточки,
Какіе-то комарики,
Проворные и тощіе,
Въ припрыжку, словно по суху,
Гуляютъ по водѣ.
По берегамъ, въ ракушечникѣ,
Коростели скрыпять.
На длинномъ, шатромъ плотникѣ
Съ валькомъ поновна толстая
Стоять какъ стогъ подщипанный,
Подтыкавши подолъ.
На этомъ же на плотникѣ
Спать уточка съ уятами...
Чу! лошадиный храпъ!
Крестьяне разомъ глянули
И надъ водой увидѣли
Двѣ головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
Съ серьгой (мигало солнышко

На бѣлой той серьгѣ).
Другую — лошадиную
Съ веревкой саженъ въ пять.
Мужикъ беретъ веревку въ ротъ,
Мужикъ плыветь — и конь плыветь,
Мужикъ заржалъ — и конь заржалъ.
Плынуть, орутъ! Подъ бабою,
Подъ малыни утятми
Плотъ ходитъ ходенемъ.

Догналъ коня — за холку хватя!
Вскочилъ и на лугъ выѣхалъ
Дѣтина тѣло бѣлое,
А шея какъ смола;
Вода ручьями натится
Съ коня и съ сѣдова.

— А что у васъ въ селеніи
Ни стараго, ни малаго,
Какъ вымеръ весь народъ?

«Ушли въ село Кузминское,
Сегодня тамъ и ярмонка
И праздникъ храмовой».

— А далеко Кузминское?

«Да будетъ версты три».

— Пойдемъ въ село Кузминское,
Посмотримъ праздникъ-ярмонку!
Рѣшили мужики,
А про себя подумали:
Не тамъ ли онъ скрывается,
Кто счастливо живеть?..

Кузминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потомъ въ оврагъ спускается,
А тамъ опять на горочку —
Какъ грязи тутъ не быть?

Двѣ церкви въ немъ старинныя,
 Одна старообрядская,
 Другая православная,
 Домъ съ надписью: училище,
 Пустой, забитый на-глухо,
 Изба въ одно окошечко,
 Съ изображеньемъ фельдшера,
 Пускающаго кровь.
 Есть грязная гостинница,
 Украшенная вывѣской
 (Съ большимъ носатымъ чайникомъ
 Поднось въ ругахъ подносчика
 И маленькими чашками,
 Какъ гусыня гусатами,
 Тотъ чайникъ окружень),
 Есть лавки постоянныя
 Въ подобіе уѣзднаго
 Гостиного двора...

Пришли на площадь странники:
 Товару много всякаго
 И видимо-невидимо
 Народу! Не потѣха ли?
 Кажись, нѣтъ ходу крестнаго,
 А словно предъ иконами
 Безъ шапокъ мужики.
 Такая ужъ сторушкя!
 Гляди, куда дѣваются
 Крестьянскіе шляпки:
 Помимо склада виннаго,
 Харчевни, рестораціи,
 Десятка штофныхъ лавочекъ,
 Трехъ постоялыхъ двориковъ
 Да «ренсковаго погреба»
 Да пары кабаковъ,
 Одинадцать кабачниковъ
 Для праздника поставили
 Палатки на селѣ.
 При каждой пять подносчиковъ,
 Подносчики — молодчики,
 Наметанные, дошлие,
 А все имъ не поспѣтъ,
 Со сдачей не управятся!

Гляди, что протянулося
 Крестьянскихъ рукъ, со шпалами,
 Съ платками, съ рукавицами.
 Ой, жажда православная,
 Куда ты велина!
 Лишь окатить бы душеньку,
 А тамъ добудуть шапочки,
 Какъ отойдетъ базаръ.

По пьянымъ по головушкамъ
 Играетъ солнце вешнее...
 Хмѣльно, горласто, празднично,
 Пестро, красно кругомъ!
 Штаны на парняхъ плисовы,
 Жилетки полосатны,
 Рубахи всѣхъ цвѣтовъ;
 На бабахъ платья красныя,
 У дѣвокъ косы съ лентами,
 Лебедками плывуть!
 А есть еще затѣвницы
 Одѣты по столичному —
 И ширятся, и дуетса
 Подолъ на обручахъ!
 Заступишь — расфуфырятся!
 Вольно же, новомодницы,
 Вамъ снасти рыболовныя
 Подъ юбками носить?..
 На бабъ нарядныхъ гляючи,
 Старообразка злющая
 Товаркѣ говорить:
 «Быть голоду! быть голоду!
 Дивись, что всходы вымокли,
 Что половодье вешнее
 Стоитъ до Петрова!
 Съ тѣхъ поръ, какъ бабы начали
 Радиться въ ситцы красныя —
 Лѣса не поднимаются,
 А хлѣба хоть не сѣй!»

— Да чѣмъ же ситцы красныя
 Тутъ провинились, матушка?
 Ума не приложу!

«А ситцы тѣ французскіе —

Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?...

По конной потолкались,
По взгорью, гдѣ навалены
Косули, грабли, бороны,
Вагры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Тамъ шла торговля бойкая,
Съ божбою, съ приваутами,
Съ здоровымъ, громкимъ хохотомъ,
И какъ не хохотать?

Мужикъ какой-то крохотный
Ходилъ, ободья пробоваль:
Погнулъ одинъ—не правится,
Погнулъ другой, потужился,
А ободъ какъ распрямится—
Щолкъ по лбу мужика!
Мужикъ реветъ надъ ободомъ,
«Вязовою дубиною»

Ругаетъ драчуна.
Другой приѣхаль съ разною
Подѣлкой деревянною —
И вывалилъ весь возъ!
Пьяненокъ! Ось сломалася,
А сталь ее удѣлывать
Топоръ сломаль! Раздумался
Мужикъ надъ топоромъ,
Бранить его, корить его,
Какъ будто дѣло дѣлаетъ:
«Подлецъ ты, не топоръ!
Пустую службу, плеваю
И ты не сослужилъ.
Всю жизнь свою ты влянялся,
А ласковъ не бываль!»

Пошли по лавкамъ страннаи:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Щелями, новой обувью,
Издѣлемъ вимряковъ.
У той сапожной лавочки
Опять смѣются странники:

Туть башмачки козловые
 Дѣдъ внучкѣ торговаль,
 Пять разъ про цѣну спрашиваль,
 Вертѣль въ рукахъ, оглаживаль:
 Товаръ перывѣшій сорты!
 — Ну, дада! два двугривенныхъ
 Плати, нето проваливай!
 Сказалъ ему купецъ.
 «А ты постой!» Любуется
 Старикъ ботинкой крохотной,
 Такову держать рѣчь:
 «Миѣ зять — плевать, и дочь смолчить,
 Жена — плевать, пускай ворчить!
 А внучку жалъ! Повѣсилась
 На шею, егоза:
 Купи гостинчикъ, дѣдушка,
 «Купи! — Головкой шелковой
 Лицо щекочеть, ластится,
 Цалуетъ старика.
 Постой, полуныя босая!
 Постой, пла! Козловня
 Ботиночки куплю...
 Расхвастался Вавилушка,
 И старому и малому
 Подарковъ насудилъ,
 А пропился до грошика!
 Какъ я глаза безстыжые
 Домашнимъ покажу?...

«Миѣ зять — плевать, и дочь смолчить,
 Жена — плевать, пускай ворчить!
 А внучку жалъ!...» Пошелъ опять
 Про внучку! Убивается!...

Народъ собрался, слушаетъ,
 Не смѣячись, жалѣючи,
 Случись работой, хлѣбушкомъ
 Ему бы помогли.
 А вынуть два двугривенныхъ
 Такъ самъ ни съ чѣмъ останешься,
 Да былъ тутъ человекъ,
 Павлуша Веретенниковъ
 (Какого роду званія

Не знали мужики,
 Однако звали «баринномъ».
 Гораздъ онъ былъ балабучать,
 Носялъ рубаху красную,
 Поддевочку суконную,
 Смазные сапоги;
 Пѣлъ складно пѣсни русскія
 И слушать ихъ любилъ.
 Его видали многіе
 На постоялыхъ дворникахъ,
 Въ харчевняхъ, въ кабакахъ).
 Такъ онъ Вавилу выручилъ —
 Купилъ ему ботиночки.
 Вавило ихъ схватилъ
 И былъ таковъ! — На радости
 Спасибо даже барину
 Забылъ сквасть старикъ,
 За то крестьяне прочіе
 Такъ были разутѣшены,
 Такъ рады, словно всегдаго
 Онъ подарилъ рублемъ!

Была тутъ также лавочка
 Съ картинами и книгами,
 Офени запасались
 Своимъ товаромъ въ ней.
 — А генераловъ надобно?
 Спросилъ ихъ купчикъ-выжига.
 «И генераловъ дай!
 Да только ты по совѣсти,
 Чтобъ были настоящіе
 Потолще, погрозивѣй».

— Чудные! какъ вы смотрите!
 Сказалъ купецъ съ усмѣшкою,
 — Тутъ дѣло не въ комплектцїи...

«А въ чемъ же? путишь, другъ!
 Дрянъ, что ли, сбить желательнo?
 А ми куда съ ней дѣвемся?
 Шалишь! Передъ крестьяннномъ
 Всѣ генералы равные,
 Какъ шишки на ели:

Чтобы продать пиджакаго
 Попасть на доку надобно,
 А толстаго да грознаго
 Я всякому всучу...»

— А статскихъ не желаете?
 «Ну, вотъ еще со статскими!»
 (Однако взяли — дешево! —
 Какого-то сановника
 За брюхо съ бочку винную
 И за семнадцать звѣздъ).
 Купецъ — со всѣмъ почтеніемъ,
 Что любо, тѣмъ и потчуетъ,
 (Съ Лубянки — первый воръ!)
 Спустилъ по сотнѣ Блюхера,
 Архимандрита Фотія,
 Разбойника Сипко,
 Сбылъ книги: «шуть Балакиревъ»
 И «Англійскій милордъ»...

Легли въ коробку книжечки,
 Пошли гулять портретники
 По царству всероссійскому,
 Покажѣсть не пристроятся
 Въ крестьянской лѣтней горенкѣ,
 На невысокой стѣночкѣ...
 Чортъ знаетъ для чего!

Эхъ! эхъ! придетъ ли времечко,
 Когда (приди желанное!...)
 Дадутъ понять крестьянину,
 Что розъ портретъ портретнику,
 Что книга книгъ розъ?
 Когда мужикъ не Блюхера
 И не милорда вшиваго —
 Вѣлинскаго и Гоголя
 Съ базара понесетъ?
 Ой, люди, люди русскіе!
 Крестьяне православные!
 Слыхали-ли когда-нибудь
 Вы эти имена?
 То имена великія,
 Носили ихъ, прославили

Заступники народные!
 Вотъ вамъ бы ихъ портретики
 Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
 Ихъ книги прочитать...

«И радъ бы въ рай да дверь-то гдѣ?»
 Такаа рѣчь врывается
 Въ лавчонку неожиданно.
 — Тебѣ какую дверь?
 «Да въ балаганъ. Чу! музыка!...»
 — Пойдемъ, я уважу!

Про балаганъ прослышавши,
 Пошли и наши странники
 Послушать, поглазѣть.

Комедию съ Петрушкою,
 Съ козою барабанщицей
 И не съ простой шарманкою,
 А съ настоящей музыкой
 Смотрѣли тутъ они.
 Комедія не мудрая,
 Однако и неглупая,
 Хожалому, квартальному
 Не въ бровь, а прямо въ глаза!
 Шалашъ полнымъ полнехонекъ,
 Народъ орѣшки шелкаетъ,
 А то два-три крестьянина
 Словечкомъ перекинутся
 Глади, явилась водочка:
 Посмотрать да попьютъ!
 Хохочуть, утѣшаются
 И часто въ рѣчь Петрушкину
 Вставляютъ слово мѣткое,
 Какого не придумаешь
 Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
 Какъ кончится комедія
 За ширмочки пойдутъ,
 Цалуются, братаются,
 Гугорять съ музыкантами:
 — Откуда, молодцы?

«А были мы господские,
Играли на помѣщика,
Теперь мы люди вольные,
Кто подвесеть-попотчуетъ,
Тотъ намъ и господня!»

— И дѣло, другъ милые,
Довольно баръ вы тѣшили,
Потѣшите мужиковъ!
Эй! малой! сладкой водочки!
Наливекъ! чаю! полпива!
Цамлянскаго — живѣй!...

И море разливанное
Пойдетъ, щедрѣе барскаго
Ребятковъ угостать.

Не вѣтры вѣютъ буйные,
Не мать-земля колыхнется —
Шумить, поеть, ругается,
Качается, валется,
Дерется и цалуется
У праздника народъ!
Крестьянамъ показалось,
Какъ вышли на пригорочекъ,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую
Съ высокой колокольнею
Шатнуло разъ-другой! —
Тутъ трезвому, что голому
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И къ вечеру покинули
Бурливое село...

ГЛАВА III.

Пьяная ночь.

Не ригой, не амбарами,
Не кабакомъ, не мельницей,

Какъ часто на Руся,
 Село кончалось низенькимъ
 Врвенчатымъ строеніемъ
 Съ желѣзными рѣшотками
 Въ окошкахъ небольшихъ.
 Затѣмъ этапнымъ зданіемъ
 Широкая дороженька,
 Березками обставлена,
 Открылась тутъ какъ тутъ.
 По буднямъ малолюдная,
 Печальная и тихая,
 Не та она теперь!

По всей по той дороженькѣ
 И по окольнымъ тропочкамъ
 Докуда глазъ хватать,
 Ползли, лежали, ѣхали,
 Барахтались пьяные
 И стономъ стонъ стоялъ!

Скрыпать телеги грузныя
 И какъ телачьи головы
 Качаются, мотаются
 Побѣдныя головушки
 Уснувшихъ мужиковъ!

Народъ идетъ — и падаетъ,
 Какъ будто изъ-за валнговъ
 Картечью неприятеля
 Палать по мужикамъ!

Ночь тихая спускается,
 Ужь вышла въ небо темное
 Луна, ужъ пишетъ грамоту
 Господь червоннымъ золотомъ
 По синему по бархату,
 Ту грамоту мудреную,
 Которой ни разумникамъ,
 Ни глупымъ не прочесть.

Дорога стоголосая
 Гудитъ! Что море синее

Смолкает, поднимается
Народная молва.

«А ми полтинникъ писарю:
Прошенье изготовили
Къ начальнику губерніи...»

— Эй! съ возу куль упалъ!

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дамъ пряничка,
Ты какъ блоха проворная,
Наѣлась — и упрыгнула,
Погладить не далась!»

— Добра ты, царска грамота,
Да не при насъ ты писана...

«Посторонись народы!»
(Акцизные чиновники
Съ бубенчиками, съ бляхами
Съ базара пронеслись).

— А я къ тому теперича:
И вѣнникъ дрянъ, Иванъ Ильичъ.
А погуляетъ по полу,
Куда какъ напшлить!

«Избави Богъ, Парашенька,
Ты въ Питерь не ходи!
Такіе есть чиновники,
Ты день у нихъ кухаркою,
А ночь у нихъ сударкою —
Такъ это наплевать!»

— «Куда ты свачешь, Савушка?»
(Кричитъ священникъ сощому
Верхомъ, съ казенной бляхой).
— Въ Кузминское скачу
За становникъ. Оказія:
Тамъ впереди крестьянина
Убили... «Эхъ!... грѣхъ!...»

— Худа ты стала, Дарьюшка!
 «Не веретенце, другы!
 Вотъ-то, чѣмъ больше вертится
 Пузатѣ становится,
 А я какъ день-деньской...»

«Эй, парень, парень глушенькой,
 Оборванной, паршивенькой,
 Эй, полюби меня!
 Меня простоволосую,
 Хивильную бабу, старую,
 Зааа-паааа-чваную!...»

Крестьяне наши трезвые,
 Поглядывая, слушая,
 Идутъ своимъ путемъ.

Средь самой средь дороженьки
 Какой-то парень тихонькой
 Большую яму выкопалъ:
 — Что дѣлаешь ты тутъ?
 «А хороню я матушку!»
 — Дуракъ! какаа матушка!
 Гляди: поддеву новую
 Ты въ землю закопалъ!
 Иди скорѣй, да хрюкаломъ
 Въ канаву лягъ, воды испей!
 Авось, соскочить дурь!

— «А ну давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
 Ногами упираются,
 И жмутся и тужатся,
 Крехтять — на скалкѣ тянутся,
 Суставчики трещать!
 На скалкѣ не понравилось:
 «Давай теперь попробуемъ
 Тянуться бородой!»
 Когда порядкомъ бороды

Другъ дружѣ поубавили,
 Вцѣпились за скулы!
 Пыхтять, краснѣють, ворчатся,
 Мычатъ, визжатъ, а таятса!
 — «Да будетъ вамъ, проклятые!»
 Не разольешь водой!

Въ канавѣ бабы ссорятся,
 Одна кричитъ: домой идти
 Тошнѣе, чѣмъ на каторгу!
 Другая: врешь, въ моемъ дому
 Похуже твоего!
 Мнѣ старшій зять ребро сломалъ,
 Средній зять клубокъ укралъ,
 Клубокъ плевокъ, да дѣло въ томъ —
 Полтинникъ былъ замотанъ въ немъ,
 А младшій зять все ножъ беретъ,
 Того глади убьетъ, убьетъ!...

— «Ну полно, полно, миленькой!
 Ну не сердись!» За валникомъ
 Неподалеку слышится:
 «Я ничего... пойдѣмъ!»

Такая ночь бѣдовая!
 Направо ли, налево ли
 Съ дороги поглядишь:
 Идутъ друженъко парочки,
 Не къ той ли рощѣ правятся?
 Та роща манитъ всякаго,
 Въ той рощѣ голосистые
 Соловушки поютъ...

Дорога многолюдная
 Чтѣ позже — безобразнѣе:
 Все чаще попадаются
 Избитые, ползущіе,
 Лежащіе пластомъ.
 Безъ ругани, какъ водится,
 Словечко не промолвится,
 Шальная, непотребная

Слышишь всего она!
 У кабаковъ смяченіе,
 Подводи перепутались,
 Испуганныя лошади
 Безъ сѣдковъ бѣгутъ;
 Тутъ плачутъ дѣти малыя,
 Тоскуютъ жены, матеря:
 Легко ли изъ питейнаго
 Дозваться мужиковъ?...

У столбика дорожнаго
 Знакомый голосъ слышится,
 Подходятъ наши странники
 И видятъ: Веретенниковъ
 (Что башмачки козловые
 Вавилѣ подарилъ)
 Besѣдуетъ съ крестьянами,
 Крестьяне открываются
 Милаго по душѣ:
 Похвалить Павелъ пѣсенку —
 Пять разъ сповуть, записывай!
 Понравится пословица —
 Пословицу пиши!
 Позаписавъ достаточно,
 Сказалъ имъ Веретенниковъ:
 «Умны крестьяне русскіе,
 Одно не хорошо,
 Что пьютъ до одуренія,
 Во рвы, въ канавы валятся —
 Обидно поглядѣть!»

Крестьяне рѣчь ту слушали,
 Поддакивали барину.
 Павлуша что-то въ книжечку
 Хотѣлъ уже писать,
 Да выискался пьяненькой
 Мужикъ, — онъ противъ барина
 На животѣ лежалъ,
 Въ глаза ему поглядывалъ,
 Помалчивалъ, — да вдругъ
 Какъ вскочить! Прямо къ барину —
 Хватъ карандашъ изъ рукъ!

«Постой, башка порожняя!
 Шальныхъ вѣстей, безсовѣстныхъ
 Про насъ не разноси!
 Чему ты позавидовалъ!
 Что веселится бѣдная
 Крестьянская душа?
 Пьемъ много мы по времени,
 А больше мы работаемъ,
 Насъ пьяныхъ много видится,
 А больше трезвыхъ насъ.
 По деревнямъ ты хаживалъ?
 Возьмемъ ведро съ водкою,
 Пойдемъ-ка по избамъ:
 Въ одной, въ другой навалится,
 А въ третьей не притронутся —
 У насъ на семью пьющую
 Непьющая семья!
 Не пьютъ, а также маются,
 Ужъ лучше бѣ или глуше,
 Да совѣсть такова...
 Чудно смотрѣть, какъ ввалился
 Въ такую избу трезвую
 Мужичья бѣда,
 И не глядѣлъ бы!.. Видывалъ
 Въ страду деревни русскія?
 Въ питейномъ что-ль народъ?
 У насъ поля обширныя,
 А не гораздо щедрныя,
 Скажи-ка, чьей рукой
 Съ десны они одѣнутся,
 А осенью раздѣнутся?
 Встрѣчалъ ты мужика
 Послѣ работы вечеромъ?
 На пожнѣ гору добрую
 Поставилъ, съѣлъ съ горошину:
 — Эй! богатырь! соломинкой
 Сшибу, посторонись! —

«Сладка ѣда крестьянская,
 Весь вѣкъ пила желѣзная
 Жуеть, а ѣсть не ѣсть!
 Да брюхо-то не зеркало,
 Мы на ѣду не плачемся...

Работаешь одинъ,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоить три дольщина...

А есть еще губитель-тать
Четвертый, злѣй татарина,
Такъ тотъ и не подѣлится,
Все слопасть одинъ!
У насъ присталъ третьеводни
Такой же баринъ плохонькой,
Какъ ты, изъ-подъ Москвы.
Записываетъ пѣсенни,
Скажи ему пословицу,
Загадку загажи.
А былъ другой — допнтывалъ,
На сколько въ день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусковъ пихаешь въ ротъ?
Иной угоды мѣряетъ,
Иной въ селеньи жителей
По пальцамъ перечтеть,
А вотъ и не со считали же,
По скольку въ лѣто каждое
Пожаръ пускаетъ на вѣтеръ
Крестьянскаго труда?..

«Нѣтъ мѣры хмѣлю русскому.
А горе наше мѣряли?
Работѣ мѣра есть?
Вино валить крестьянина,
А горе не валить его?
Работа не валить?
Мужикъ бѣды не мѣряетъ,
Со всякою справляется
Какая ни приди,
Мужикъ трудясь не думаетъ,
Что силы надорветъ,
Такъ неужли надъ чаркою
Задуматься, что съ лишняго
Въ канаву угодить?
А что глядѣть вазорно вамъ,
Какъ пьяные валяются,
Такъ погляди поди,

Какъ изъ болота волокомъ
 Крестьяне сѣно мохрое
 Скосивши волокутъ:
 Гдѣ не пробраться лошади,
 Гдѣ и безъ ноши пѣшему
 Опасно перейти,
 Тамъ рать-орда крестьянская
 По кочамъ, по загоринамъ
 Ползкомъ-ползеть съ шлетюхами, —
 Трещить крестьянскій пупъ!

«Подъ солнышкомъ безъ шапочекъ,
 Въ поту, въ грязи по маушку,
 Осокою изрѣзаны,
 Болотнымъ гадомъ-мошкою
 Изъѣденные въ кровь, —
 Небось мы тутъ красивѣе?

«Жалѣть — жалѣи умѣючи,
 На мѣрочку господскую
 Крестьянина не мѣры!
 Не бѣлоручки вѣжные,
 А люди мы великіе
 Въ работѣ и въ гульбѣ!...

«У каждаго крестьянина
 Душа что туча черная —
 Гнѣвна, грозна — и надо бы
 Громамъ гремѣть оттудова,
 Кровавымъ лить дождамъ,
 А все виномъ кончается,
 Пошла по жиламъ чарочка
 И разсмѣялась добрая
 Крестьянская душа!
 Не горевать тутъ надобно,
 Глади кругомъ, — возрадуйся!
 Ай парни, ай молодухни,
 Умѣють погулять!
 Повымахали косточки,
 Повымотали душеньку,
 А удалъ молодецкую
 Про случай сберегли!...»

Мужикъ стоялъ на валяхъ,
 Притошывалъ лаптышками
 И, помолчавъ минуточку,
 Прибавилъ громкимъ голосомъ,
 Любуясь на веселую,
 Ревущую толпу:
 «Эй! царство ты мужицкое,
 Безшапочное, пьяное,
 Шуми — вольнѣй шуми!..»

— Какъ звать тебя, старинушка?

«А что? запишешь въ книжечку?
 Пожалуй, нужды нѣтъ!
 Пиши: *«Въ деревнѣ Босовѣ
 Якимъ Назой живетъ,
 Онъ до смерти работаетъ,
 До полусмерти пьетъ!..»*

Крестьяне разсмѣялися
 И рассказали барину,
 Каковъ мужикъ Якимъ.

Якимъ старикъ убогонькой,
 Живалъ когда-то въ Петерѣ,
 Да угодилъ въ тюрьму:
 Съ кучомъ тягаться вздумалось!
 Какъ лепочка ободранный,
 Вернулся онъ на родину
 И за соху взялся.
 Съ тѣхъ поръ лѣтъ тридцать жарится
 На полосѣ подъ солннышкомъ,
 Подъ бороной спасается
 Отъ частаго дождя,
 Живетъ — съ сохою возится,
 А смерть придетъ Якимушкѣ
 Какъ комъ земли отвалится,
 Что на сохѣ присохъ...

Съ нимъ случай былъ: картиночекъ
 Онъ сыну накупилъ,
 Развѣшалъ ихъ по стѣночкамъ
 И самъ не меньше мальчишка

Любилъ на нихъ глядѣть.
 Пришла немилость Божія
 Деревня загорѣлася —
 А было у Якимушки
 За цѣлый вѣкъ накоплено
 Цѣлковныхъ тридцать-пять.
 Скорѣй бы взять цѣлковны,
 А онъ сперва картиночки
 Сталъ со стѣны срывать;
 Жена его тѣмъ временемъ
 Съ иконами возилася,
 А тутъ изба и рухнула —
 Такъ оплошалъ Якимъ!
 Слѣлись въ комокъ цѣлковникъ,
 За тотъ комокъ дають ему
 Одиннадцать рублей...

«Ой, братъ Якимъ! не дешево
 Картинки обошлись!
 За то и въ избу новую
 Повѣсилъ ихъ, небось?»

— Повѣсилъ — есть и новыя,
 Сказалъ Якимъ — и смолкъ...

Вглядѣлся баринъ въ пахаря:
 Грудь впалая; какъ вдавленный
 Животъ; у глазъ, у рта
 Излучины какъ трещины
 На высохшей землѣ;
 И самъ на землю матушку
 Похожъ онъ: шея бурая,
 Какъ пласть, сохой отрѣзанный,
 Кирпичное лицо,
 Рука — кора древесная,
 А волосы — песокъ.

Крестьяне какъ замѣтили,
 Что не обидны барину
 Якимовы слова,
 И сами согласились
 Съ Якимомъ: «Слово вѣрное:

Намъ подобаеть пить!
 Пьемъ — значить силу чувствуемъ!
 Придетъ печаль великая,
 Какъ перестанемъ пить!...
 Работа не свалила бы,
 Бѣда не одолѣла бы,
 Насъ хмѣль не одолать!
 Не такъ ли?

«Да, Богъ милостивъ!»

— Ну выпей съ нами чарочку!

Достали водки, выпили.
 Явиму Веретенниковъ
 Два швалива поднесъ.

Ай, баринъ! не прогнѣвался,
 «Разумная головушка!
 (Сказалъ ему Явимъ):
 Разумной-то головушеѣ
 Какъ не понять крестьянина?
 А свиньи ходять по зема —
 Не видать неба вѣкъ!...»

Вдругъ пѣсня хоромъ грянула
 Удалая, согласная:
 Десятка три молодчиковъ,
 Хмельненьки, а не валятся,
 Идутъ рядкомъ, поютъ,
 Поютъ про Волгу матушеу,
 Про удаля молодецкую,
 Про дѣвичью красу.
 Притихла вся дороженька,
 Одна та пѣсня селадная
 Широко, вольно ватятся,
 Какъ рожь подъ вѣтромъ стелется,
 По сердцу по крестьянскому
 Идетъ огнемъ-тоской!...

Подъ пѣсню ту удалую
 Раздумалась, расплакалась
 Молодушка одна:

«Мой вѣкъ — что день безъ солнышка,
 «Мой вѣкъ — что ночь безъ мѣсяца,
 «А я млада-младешенька,
 «Что борзый конь на привязи,
 «Что ласточка безъ крыль!
 «Мой старый мужъ, ревнивый мужъ
 «Напился пьянъ, храпомъ храпить,
 «Меня младу-младешеньку
 «И сонный сторожить!»

Такъ плавалась молодуха
 Да съ возу вдругъ и спрыгнула!
 «Куда?» кричитъ ревнивый мужъ,
 Привсталъ — и бабу за косу
 Какъ рѣдъку за вихоръ!

Ой! ночька, ночька пьяная!
 Не свѣтлая, а звѣздная,
 Не жаркая, а съ ласковымъ
 Весеннимъ вѣтеркомъ!
 И нашимъ добрымъ молодцамъ
 Ты даромъ не прошла!
 Сгрустнулось имъ по жонушкамъ,
 Оно и правда: съ жонушкой
 Теперь бы веселѣй!
 Иванъ кричитъ: «я спать хочу»,
 А Марьюшка: «я я съ тобой!»
 Иванъ кричитъ: «постель узка»,
 А Марьюшка: «уляжемся!»
 Иванъ кричитъ: «ой, холодно!»
 А Марьюшка: «угрѣмся!»
 Какъ вспомнили ту пѣсенку,
 Безъ слова — согласились
 Ларецъ свой попытать.

Одна зачѣмъ Богъ вѣдаетъ
 Межъ полемъ и дорогою
 Густая липа выросла,
 Подъ ней присѣли странники
 И осторожно молвили:
 «Эй! скатерть самобранная,
 Попотчуй мужиковъ!»

И скатерть развернулася,
Откуда ни взялися
Двѣ дюжія руки:
Ведро вина поставили,
Горой навлали хлѣбушка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрѣпилися,
Романъ за караульнаго
Остался у ведра,
А прочіе вмѣшались
Въ толпу — исвать счастливаго:
Имъ крѣшко захотѣлося
Скорѣй попасть домой...

Н. НЕКРАСОВЪ.

ДЛЯ ДѢТЕЙ*.

И.

ПОВѢСТЬ О ТОМЪ, КАКЪ МУЖИКЪ ДВУХЪ ГЕНЕРАЛОВЪ ПРОКОРМИЛЪ.

(Писано со словъ коллежскаго советника Рудомазина).

Жили да были два генерала, и такъ-какъ они были легкомысленны, то въ скоромъ времени, по шучьему велѣнію по моему хотѣнію, очутились на необитаемомъ островѣ.

Служили генералы всю жизнь въ какой-то регистратурѣ, тамъ родились, воспитались и состарѣлись, слѣдовательно ничего не понимали. Даже словъ никакихъ не знали, кромѣ: «примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности».

Уиразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генераловъ на волю. Оставшіеся за штатомъ, поселились они въ Петербургѣ, въ Подъяческой улицѣ, на разныхъ квартирахъ, имѣли каждый свою бухару и получали пенсію. Только вдругъ очутились на необитаемомъ островѣ, проснулись и видятъ: оба подъ однимъ одѣяломъ лежать. Разумѣется, сначала ничего не поняли, и стали разговаривать, какъ-будто ничего съ ними и не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мнѣ нынче сонъ снился, сказалъ одинъ генералъ:—вижу, будто живу я на необитаемомъ островѣ...

Сказалъ это, да вдругъ какъ вскочить! Вскочилъ и другой генералъ.

* Авторъ настоящихъ разсказовъ предполагаетъ издать книжку для дѣтскаго чтенія, составленную изъ прозаическихъ разсказовъ и стихотвореній (последніе принадлежатъ Н. А. Некрасову). Но, предварительно, онъ желалъ бы знать мнѣніе публики, на сколько намѣреніе его осуществимо и полезно. Съ этою цѣлью помѣщаются здѣсь образчики дѣтскихъ разсказовъ.

— Господи! да что-жъ это такое! гдѣ мы! вскрикнули оба не своимъ голосомъ.

И стали другъ друга ощупывать, точно ли не во снѣ, а наяву съ ними случилась такая оказія. Однако, какъ ни старались увѣрить себя, что все это не больше, какъ сповидѣніе, пришлось убѣдиться въ печальной дѣйствительности.

Передъ ними съ одной стороны шумѣло и разстигалось синее море; съ другой стороны — лежалъ небольшой клочокъ земля, за которымъ стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы въ первый разъ послѣ того, какъ закрыли регистратуру.

Стали они другъ друга разсматривать, и увидѣли, что они въ ночныхъ рубашкахъ, а на шеяхъ у нихъ висить по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! молвилъ одинъ генералъ, но вспомнилъ, какая съ нимъ несмѣнная штука случилась, и во второй разъ заплакалъ.

— Что же мы будемъ, однако, дѣлать? продолжалъ онъ сквозь слезы:— ежели теперича докладъ написать—какая же польза изъ этого выйдетъ?

— Вотъ что, отвѣчалъ другой генералъ:— пойдите вы, ваше превосходительство, на востокъ, а я пойду на западъ, а къ вечеру опять на этомъ мѣстѣ сойдемся; можетъ быть, что нибудь и найдемъ.

Стали искать, гдѣ востокъ и гдѣ западъ. Вспомнили, какъ начальникъ однажды говорилъ: если хочешь сыскать востокъ, то стань глазами на сѣверъ, и въ правой рукѣ получишь искомое. Начали искать сѣвера, становились такъ и саять, перепробовали всѣ страны свѣта, но такъ-какъ всю жизнь служили въ регистратурѣ, то ничего не нашли.

— Вотъ что, ваше превосходительство; вы пойдите направо, а я налево—этакъ-то лучше будетъ! сказалъ одинъ генералъ, второй, кромѣ регистратуры, служилъ еще въ школѣ военныхъ кантонистовъ учителемъ каллиграфіи и слѣдовательно былъ поумнѣе.

Сказано сдѣлано. Пошелъ одинъ генералъ направо, и видитъ—ростутъ деревья, а на деревьяхъ всякіе плоды. Хочетъ генералъ достать хотя одно яблоко, да всѣ такъ высоко висятъ, что надобно лѣзть. Попробовалъ полѣзть—ничего не вышло, только рубашку изорвалъ. Пришелъ генералъ къ ручью, видитъ: рыба тамъ, словно въ садѣ на Фонтанѣ, такъ и вишеть и кишеть.

— Вотъ кабы этакой-то рыбки да на Подъяческу! подумалъ генералъ, и даже въ лицѣ измѣнился отъ аппетита.

Зашелъ генералъ въ лѣсъ—а тамъ рябчики свищутъ, тетерева токують, зайцы бѣгають.

— Господи! Ъдн-то! Ъдн-то! сказалъ генераль, почувствовавъ, что его уже начинаетъ тошнить.

Дѣлать нечего, пришлось возвращаться на условленное мѣсто съ пустыми руками. Приходить, а другой генераль ужъ дожидается.

— Ну, что, ваше превосходительство, промыслили что-нибудь?

— Да вотъ нашелъ старый нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей»—больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится имъ на тощакъ. То беспокоитъ ихъ мысль, кто за нихъ будетъ пенсію получать, то припоминаются видѣнные днемъ плоды, рыбы, рябчики, терева, зайцы.

— Кто бы могъ думать, ваше превосходительство, что чловѣческая пища, въ первоначальномъ видѣ, летаетъ, плаваетъ и на деревѣ растетъ? сказалъ одинъ генераль.

— Да, отвѣчалъ другой генераль:— признаться, и я до сихъ поръ думалъ, что булки въ томъ самомъ видѣ родятся, какъ ихъ утромъ къ кофею подаютъ!

— Стало бытъ, если, на примѣръ, кто хочетъ куропатку съѣсть, то долженъ снала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... только какъ все это сдѣлать?

— Какъ все это сдѣлать? словно эхо повторилъ другой генераль.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голодъ рѣшительно отгонялъ сонъ. Рябчики, индѣйки, поросята такъ и мелькали передъ глазами, сочные, слегка подрумяненные, съ огурцами, пѣтуками и другимъ салатомъ.

— Теперь, я бы, кажется, свой собственный сапогъ съѣлъ! сказалъ одинъ генераль.

— Хороши тоже перчатки бываютъ, когда долго ношены! вздохнулъ другой генераль.

Вдругъ оба генерала взглянули другъ на друга; въ глазахъ ихъ свѣтился зловѣщій огонь, зубы стучали, изъ груди вылетало глухое рычаніе. Они начали медленно подползать другъ къ другу и въ одно мгновеніе ова остервенились. Полетѣли клочья, раздался визгъ и оканье; генераль, который былъ учителемъ каллиграфіи, откусилъ у своего товарища орденъ и немедленно проглотилъ. Но видъ текущей крови какъ будто бы образумилъ ихъ.

— Съ нами крестная сила! сказали они оба разомъ:— да вѣдь этакъ мы другъ друга съѣдимъ! И какъ мы попали сюда! кто тотъ злодѣй, который надъ нами такую штуку съигралъ!

— Надо, ваше превосходительство, какимъ-нибудь разгово-

ромъ развлечься, а то у насъ тутъ убійство будетъ! проговорилъ одинъ генераль.

— Начинайте, отвѣчайте другой генераль.

— Какъ, напримѣръ, думаете вы, отчего солнце прежде восходитъ, а потомъ заходитъ, а не на оборотъ?

— Странный вы человѣкъ, ваше превосходительство! но вѣдь и вы прежде встаете, идете въ департаментъ, тамъ ищете, а потомъ ложитесь спать!

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различныя сновидѣнія, а потомъ встаю?

— Гм... да... А я, признаться, какъ служилъ въ департаментѣ, всегда такъ думалъ: вотъ теперь утро, а потомъ будетъ день, а потомъ подадутъ ужинать, и спать пора!

Но упоминовеніе объ ужинѣ обоимъ повергло въ уныніе и пресѣкло разговоръ въ самомъ его началѣ.

— Слышалъ я отъ одного доктора, что человѣкъ можетъ долгое время своими собственными соками питаться, началъ опять одинъ генераль.

— Какъ такъ?

— Да такъ-съ. Собственные свои соки будто бы производить другіе соки, эти, въ свою очередь, еще производить соки, и такъ далѣе, покуда, наконецъ, соки совсѣмъ не прекратятся...

— Тогда что-жь?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Однимъ словомъ, о чемъ ни начинали генералы разговоръ, онъ постоянно сводился на воспоминаніе объ ѣдѣ, и это еще болѣе раздражало аппетитъ. Положили: разговоры прекратить, и, вспомнивъ о найденномъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера», читалъ взволнованнымъ голосомъ одинъ генераль, «у почтеннаго начальника нашей древней столицы былъ парадный обѣдъ. Столъ сервированъ былъ на сто персонъ съ роскошью изумительною. Дары всѣхъ странъ назначили себѣ какъ бы ранде-ву на этомъ волшебномъ праздникѣ. Тутъ была и «шекснинская стерлядь золотая», и питомецъ лѣсовъ кавказскихъ фазанъ, и столь рѣдкая на нашемъ сѣверѣ въ февралѣ мѣсяцѣ земляника...»

— Тьфу, Господи! да неужто-жь, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? воскликнулъ въ отчаяніи генераль и, взявъ у товарища газету, прочелъ слѣдующее:

«Изъ Тулы пишутъ: вчерашняго числа, по случаю поимки въ рѣкѣ Улѣ осетра (пронсшествіе, котораго не запомнятъ даже

старожилы, тѣмъ болѣе, что въ осетрѣ былъ опознанъ частный приставъ Б.), былъ въ здѣшнемъ клубѣ фестиваль. Виновишка торжества внесли на громадномъ деревянномъ блюдѣ, обложеннаго огурчиками и держащаго въ пасти кусокъ зелени. Докторъ П... бившій въ тотъ день дежурнымъ старшиною, заботливо наблюдалъ, дабы всѣ гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишкомъ осторожны въ выборѣ чтенія! прервалъ другой генералъ, и взявъ, въ свою очередь, газету, прочелъ:

«Изъ Ватки пишутъ: одинъ изъ здѣшнихъ старожиловъ изобрѣлъ слѣдующій оригинальный способъ приготовления ухи: взявъ живаго налима, предварительно его высѣчь; когда же, отъ огорченія, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоръ — все свидѣтельствовало объ ѣдѣ. Собственные ихъ мысли злоумышляли противъ нихъ, ибо, какъ они ни старались отгонять представленія о бифштексахъ, но представленія эти напрашивались насильственнымъ образомъ.

И вдругъ, генерала, который былъ учителемъ каллиграфіи, озарило вдохновеніе.

— А что, ваше превосходительство, сказалъ онъ радостно: — еслибы намъ найти мужика?

— То-есть, какъ же... мужика?

— Ну, да, простаго мужика... какіе обыкновенно бываютъ мужики!.. Онъ бы намъ сейчасъ и булокъ бы подаль, и рыбчиковъ наловилъ, и рыбы!

— Гм... мужика... но гдѣ же его взять, этого мужика, когда его нѣтъ?

— Какъ нѣтъ мужика — мужикъ вездѣ есть, стоятъ только поискать его! Навѣрное, онъ гдѣ-нибудь святался, отъ работы отлыниваетъ!

Мысль эта до того ободрила генераловъ, что они вскочили какъ встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову безъ всякаго успѣха, но, наконецъ, острый запахъ мякиннаго хлѣба и кислой овчины навелъ ихъ на слѣдъ. Подъ деревомъ, брюхомъ вверху, и подложивъ подъ голову вулакъ, спалъ громаднѣйшій мужичина и самымъ нахальнымъ образомъ уклонялся отъ работы. Негодованію генераловъ предѣла не было.

— Спишь, лежебокъ! навинулись они на него: — а того и ухомъ не ведешь, что тутъ два генерала вторыя сутки съ голода помирають! сейчасъ маршь работать!

Всталъ мужчина; видитъ, что генералы строгіе. Хотѣлъ было дать отъ нихъ стрелка, но они такъ и заоченьбѣли, вѣпившись въ него.

И сталъ онъ передъ ними дѣйствовать.

Полѣзъ сперва на перво на дерево и нарвалъ генераламъ по десятку самыхъ спѣлыхъ яблоковъ, а себѣ взялъ одно кислое. Потомъ, покопался въ землѣ — и добылъ оттуда картофелю; потомъ, взялъ два куска дерева, потеръ ихъ другъ объ дружку — и извлекъ огонь. Потомъ, изъ собственныхъ волосъ, сдѣлалъ силозъ, и поймалъ рабчика. Наконецъ, развелъ огонь, и напекъ столько разной провизіи, что генераламъ пришло даже на мысль: не дать ли и тувелдцу частичку?

Смотрѣли генералы на эти мужицкія старанія, и сердца у нихъ весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли съ голоду, а думали: вотъ какъ оно хорошо быть генералами — нигдѣ не пропадешь!

— Довольны ли вы, господа генералы? спрашивалъ, между тѣмъ, мужчина-лежебокъ.

— Довольны, любезный другъ, видимъ твое усердіе! отвѣчали генералы.

— Не позволяте ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружокъ, только своей прежде веревочку.

Набралъ сейчасъ мужчина дикой конопли, размочилъ въ водѣ, поколотилъ, помалъ — и къ вечеру веревка была готова. Эту веревкой генералы привязали мужчину къ дереву, чтобъ не убѣгъ, а сами легли спать.

Прошелъ день, прошелъ другой; мужчина до того изловчился, что сталъ даже въ пригоршнѣ супъ варить. Сдѣлались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, бѣлые. Стали говорить, что вотъ они здѣсь на всемъ готовомъ живутъ, а въ Петербургѣ, между тѣмъ, пенсія ихняя все накапливается да накапливается.

— А какъ вы думаете, ваше превосходительство, въ самомъ ли дѣлѣ было вавилонское столпотвореніе, или это только такъ, одно вносказаніе? говорить, бывало, одинъ генералъ другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было въ самомъ дѣлѣ, потому что иначе какъ же объяснить, что на свѣтѣ существуютъ разные языки?

— Стало быть, и потопъ былъ?

— И потопъ былъ, потому что, въ противномъ случаѣ, какъ же было бы объяснить существованіе допотопныхъ звѣрей! Тѣмъ болѣе, что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» повѣствуютъ...

— А не почитать ли намъ «Московскихъ Вѣдомостей»?

Съищутъ нумерь, усадутся подъ тѣнью, прочтутъ отъ доски до доски, какъ ѣли въ Москвѣ, ѣли въ Тулѣ, ѣли въ Пензѣ, ѣли въ Рязани — и ничего, не стошнитъ!

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаше и чаще стали они припоминать объ оставленныхъ ими въ Петербургѣ вухаркахъ и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь въ Подъяческой, ваше превосходительство? спрашивалъ одинъ генераль другаго.

— И не говорите, ваше превосходительство! все сердце изныло! отвѣчалъ другой генераль.

— Хорошо-то оно, хорошо здѣсь — слова нѣтъ! а все, знаете, какъ-то неловко барашку безъ ярочки! да и мундира тоже жалко!

— Еще какъ жалко-то! Особливо, какъ четвертаго класса, такъ на одно нитье посмотришь, голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь ихъ въ Подъяческую! И чтожь! оказалось, что мужикъ знаетъ даже Подъяческую, что онъ тамъ былъ, медъ пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало!

— А вѣдь мы съ Подъяческой генералы! обрадовались генералы.

— А я, коли видѣли: виситъ человекъ снаружи дома, въ ящикѣ на веревкѣ и стѣну краской мажетъ, или по крышѣ, словно муха ходитъ, — это онъ самый я и естъ! отвѣчалъ мужикъ.

И началъ мужикъ на бобахъ разводить, какъ бы ему своихъ генераловъ порадовать, за то, что они его, туняца, жаловали и мужицкими его дѣлами не погнушались. И выстроилъ онъ корабль — не корабль, а таковую посудяну, чтобъ можно было океанъ-море переплыть вплоть до самой Подъяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи насъ! сказали генералы, увидѣвъ покачивавшуюся на волнахъ ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, ве въ первый разъ! отвѣчалъ мужикъ и сталъ говниться къ отъѣзду.

Набралъ мужикъ пуху лебяжьаго мягкаго, и устлалъ имъ дно лодочки. Устлавши, уложилъ на дно генераловъ и перекрестившись поплылъ. Сколько набрались страху генералы во время пути отъ бурь да отъ вѣтровъ разныхъ, сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни перомъ описать, ни въ сказкѣ сказать. А мужикъ все гребеть да гребеть, да кормитъ генераловъ се-ледками.

Вотъ, наконецъ, и Нева матушка, вотъ и Екатерининскій славный каналъ, вотъ и большая Подъячская! Всплеснули кухарки руками, увидѣвши, какіе у нихъ генералы стали ситые, бѣлые да веселые! Напились генералы кофею, наѣлись сдобныхъ булокъ, и надѣли мундиры. Поѣхали они въ казначейство, и сколько тутъ денегъ загребли—того ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать!

Однако, и объ мужикѣ не забыли: выслали ему рюмку водки да пятакъ серебра.

III.

ПРОПАЛА СОВѢСТЬ.

Пропала совѣсть. По прежнему, толпились люди на улицахъ и въ театрахъ; по прежнему, они то догоняли, то перегоняли другъ друга; по прежнему, сустились и ловили на лету куски, и никто не догадывался, что чего-то вдругъ стало недоставать, и что въ общемъ жизненномъ оркестрѣ перестала играть какая-то дудка. Многие начали даже чувствовать себя бодрѣе и свободнѣе. Легче сдѣлался ходъ человѣка; ловчѣе стало подставлять ближнему ногу, удобнѣе — льстить, пресмыкаться, обманывать, наущничать и клеветать. Всякую бѣдѣсть вдругъ какъ рукой сняло; люди не шли, а какъ будто неслись; ничто не огорчало ихъ, ничто не заставляло задуматься; и настоящее, и будущее — все, казалось, такъ и отдавалось имъ въ руки, имъ, счастливицамъ, незамѣтлившимъ о пропажѣ совѣсти.

Совѣсть пропала вдругъ... почти мгновенно! Еще вчера, этотъ надоедливый паразитъ такъ и мелькалъ передъ глазами, такъ и чудился возбужденному воображенію, и вдругъ... ничего! Исчезли досадные призраки, а вмѣстѣ съ ними улеглась и та нравственная смута, которую приводила за собой обличительница — совѣсть. Оставалось только смотрѣть на божій міръ и радоваться. Мудрые міра поняли, что они, наконецъ, освободились отъ послѣдняго ига, которое затрудняло ихъ движенія, и, разумѣется, посягнули воспользоваться плодами этой свободы. Люди остервенелись; пошліи грабежи и разбой, началось вообще разореніе.

А бѣдная совѣсть лежала, между тѣмъ, на дорогѣ, истерзанная, оплеванная, затоптанная ногами пѣшеходовъ. Всякій швырнулъ ее, какъ негодную ветвь, подальше отъ себя; всякій удивлялся, какимъ образомъ въ благоустроенномъ городѣ, и на самомъ бойкомъ мѣстѣ, можетъ валяться такое вопіющее безобразіе. И Богъ знаетъ, долго ли бы пролежала такимъ обра-

зомъ бѣдная изгнанница, еслибы не поднялъ ее какой-то несчастный пропоецъ, позарившійся съ пьяныхъ глазъ даже на негодную тряпку, въ надеждѣ получить за нее шканикъ.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что его организмъ пронизала словно электрическая струя какая-то. Мутными глазами началъ онъ озираться кругомъ; и совершенно явственно ощутилъ, что голова его освобождается отъ винныхъ паровъ, и что къ нему постепенно возвращается то горькое сознаніе дѣйствительности, на избавленіе отъ котораго была потрачены лучшія силы его существа. Сначала онъ почувствовалъ только страхъ, тотъ тупой страхъ, который повергаетъ человѣка въ безпокойство отъ одного предчувствія какой-то грозящей опасности; потомъ, всполошилась память, заговорило воображеніе. Память безъ пощады извлекала изъ тьмы постыднаго прошлаго всѣ подробности насилій, измѣнъ, сердечной вилости и неправдъ; воображеніе облекало эти подробности въ живыя формы. Затѣмъ, самъ собой проснулся судъ...

Жалкому пропойцу все его прошлое кажется сплошнымъ, безобразнымъ преступленіемъ. Онъ не анализируетъ, не спрашиваетъ, не соображаетъ; онъ до того подавленъ вставшею передъ нимъ картиною его нравственнаго паденія, что тотъ процессъ самоосужденія, которому онъ добровольно подвергаетъ себя, бьетъ его несравненно больнѣе и строже, нежели самый строгій людской судъ. Онъ не хочетъ даже принять въ расчетъ, что большая часть этого прошлаго, за которое онъ себя такъ клянетъ, принадлежать совсѣмъ не ему, бѣдному и жалкому пропойцу, а какой-то тайной, чудовищной силѣ, которая крутила и вертѣла имъ, какъ крутить и вертеть въ степи вихрь ничтожною былинкою. Чтò такое его прошлое? почему онъ прожилъ его такъ, а не иначе? чтò такое онъ самъ? — все это такіе вопросы, на которые онъ можетъ отвѣчать только удивленіемъ и полнѣйшею бессознательностью. Иго строило его жизнь; подъ игомъ родился онъ, подъ игомъ же сойдетъ и въ могилу. Вотъ, пожалуй, теперь и явилось сознаніе — да на что оно ему нужно? Затѣмъ ли оно пришло, чтобы безжалостно поставить вопросы и отвѣтить на нихъ молчаніемъ? Затѣмъ ли, чтобы погубленная жизнь вновь хлынула въ разрушенную хранину, которая не можетъ даже выдержать напльва ея?

Увы! проснувшееся сознаніе не приноситъ ему съ собой ни примиренія, ни надежды, а встрепенувшаяся совѣсть указываетъ только одинъ выходъ — выходъ безплоднаго самообвиненія. И прежде кругомъ была мгла, да и теперь та же мгла, только населѣвшаяся мучительными привидѣніями; и прежде на рукахъ

звенѣли тяжелыя цѣпи, да и теперь тѣ же цѣпи, только тяжесть ихъ вдвое увеличилась, потому что онъ понялъ, что это цѣпи. Льются рѣдкой бесполезныя пропойцевы слезы; останавливаются передъ нимъ добрые люди, и утверждаютъ, что въ немъ плачетъ вино.

— Батюшки! не могу... несвосно! врикомъ вричить жалкій пропоець, а толпа хохочетъ и глумится надъ нимъ. Она не понимаетъ, что пропоець никогда не былъ такъ свободенъ отъ виновныхъ паровъ, какъ въ эту минуту, что онъ просто сдѣлалъ несчастную находку, которая разрываетъ на части его бѣдное сердце. Еслибы она сама набрела на эту находку, то уразумѣла бы, конечно, что есть на свѣтѣ горестъ, лютѣйшая всѣхъ горестей — это горестъ внезапно возвратившагося сознанія, горестъ внезапно обрѣтенной совѣсти. Она уразумѣла бы, что и она на столько же подъяремная и изуродованная духомъ толпа, на сколько подъяремныхъ и искаженъ нравственно взывающій передъ нею пропоець.

— Нѣтъ, надо какъ-нибудь ее сбить! а то съ ней пропадешь, какъ собака! думаетъ жалкій пьяница, и уже хочетъ бросить свою находку на дорогу, но его останавливаетъ близъ стоящій хозяинъ.

— Ты, братъ, ваетеся, подбрасываніемъ подметныхъ пасквилей заниматься вздумалъ! говорить онъ ему, грозя пальцемъ: — у меня, братъ, и въ части за это посидѣть недолго!

Пропоець проворно прячетъ находку въ карманъ и удаляется съ нею. Озираясь и врадучись, приближается онъ къ питейному дому, въ которомъ торгуетъ старинный его знакомый, Прохорычъ. Сначала онъ заглядываетъ потихоньку въ окошко, и увидѣвъ, что въ кабакѣ никого нѣтъ, и Прохорычъ одинъ-одинехонекъ дремлетъ за стойкою, въ одно мгновеніе ока растворяетъ дверь, вбѣгаетъ и прежде, нежели Прохорычъ успѣваетъ опомниться, ужасная находка уже лежитъ у него въ рукѣ.

Нѣкоторое время Прохорычъ стоялъ съ вытаращенными глазами; потомъ вдругъ весь вспотѣлъ. Ему почему-то померещилось, что онъ торгуетъ безъ патента, но, оглядѣвшись хорошенько, онъ убѣдился, что всѣ патенты, и синіе, и зеленые, и желтые, на лицѣ. Онъ взглянулъ на трипцу, которая очутилась у него въ рукахъ, и она показала ему знакомую.

— Эге! вспомнилъ онъ: — да никакъ это та самая трипча, которую я насилу сбилъ передъ тѣмъ, какъ патентъ покупать! да! она самая и есть!

Убѣдившись въ этомъ, онъ тотчасъ же почему-то сообразилъ, что теперь ему разориться надо.

— Коли человекъ дѣломъ занятъ, да такая пакость къ нему привяжется, — говори, пропало! никакого дѣла не будетъ, и бить не можетъ! рассуждалъ онъ почти машинально, и вдругъ весь затрясса и поблѣднѣлъ, словно въ глаза ему глянулъ невѣдомый дотогѣ страхъ.

— А вѣдь куда северно спаввать бѣдный народъ! шептала проснувшаяся совѣсть.

— Жена! Арина Ивановна! вскрикнулъ онъ, видя себя отъ испуга.

Прибѣжала Арина Ивановна, но какъ только увидѣла, какое Прохорычъ сдѣлалъ пріобрѣтеніе, такъ не своимъ голосомъ закричала: «караулъ! бабушки! грабятъ!»

— И за что я, черезъ этого подлеца, въ одну минуту всего лишиться долженъ? думалъ Прохорычъ, очевидно, намекая на пропойца, всучившаго ему свою находку; а крупныя капли пота, между тѣмъ, такъ и выступали на лбу его.

Между тѣмъ, кабакъ мало по малу наполнялся вародомъ; но Прохорычъ, вмѣсто того, чтобы съ обычною ему любезностью потчивать посѣтителей, къ совершенному изумленію послѣднихъ, не только отказывался наливать имъ вино, но даже очень трогательно доказывалъ, что въ винѣ заключается источникъ всякаго несчастія для бѣднаго человека.

— Коли бы ты одну рюмочку выпилъ — это такъ! это даже полезно! говорилъ онъ, севозъ слезы: — а то вѣдь ты норовишь, какъ бы тебѣ цѣлое ведро сожрать! И что жъ? сейчасъ тебя за это самое въ часть сволокутъ, въ части тебѣ подъ рубашку засыпятъ, и выдешь ты оттоль словно кабы награду какую получилъ! А и всей-то твоей награды было сто лозановъ! такъ вотъ ты и подумай, милый человекъ, стоятъ ли изъ-за этого стараться, да еще мнѣ, дураку, трудовныя твои денежки платять!

— Да что, ты никакъ, Прохорычъ, съ ума спятилъ! говорили ему изумленные посѣтители.

— Спятишь, братъ, коли съ тобой такая оказія случится! отвѣчалъ Прохорычъ: — ты вотъ лучше посмотри, какой я нынче патентъ себѣ выправилъ!

Прохорычъ показывалъ всученную ему совѣсть и предлагалъ, не хочетъ ли кто изъ посѣтителей воспользоваться ею. Но посѣтители, узнавши въ чемъ штука, не только не изъявляли согласія, но даже боязливо сторонились и отходили подальше.

— Вотъ такъ патентъ! не безъ злобы прибавлялъ Прохорычъ.

— Чтѣ жь ты теперъ дѣлать будешь? спрашивали его посѣтители.

— Теперича я полагаю такъ: остается мнѣ одно — помереть! Потому, обманывать я теперъ не могу; водкой этой спавать бѣдный народъ тоже не согласенъ; чтѣ же мнѣ теперича дѣлать, кромѣ какъ помереть?

— Резонъ! смѣялись надъ нимъ посѣтители.

— Я даже такъ теперъ думаю, продолжалъ Прохорычъ:— всю эту посудину, вакая тутъ есть, перебить, и вино въ канаву вылить! Потому, коли ежели кто имѣеть въ себѣ эту добродѣтель, такъ тому даже самый запахъ сивушный можетъ нутро вернуть!

— Только смѣй у меня! вступилась, наконецъ, Арина Ивановна, сердца которой, повидимому, не коснулась благодать, внезапно осѣнявшая Прохорыча: — ишь, добродѣтель вакая выискалась!

Но Прохорыча уже трудно было пронять. Онъ заливался горькими слезами, и все говорилъ, все говорилъ.

— Потому, говорилъ онъ: — что ежели ужь съ кѣмъ это несчастье случилось, тотъ такъ несчастнымъ и долженъ быть. И никакого онъ объ себѣ мнѣнія, что онъ торговецъ, или купецъ тамъ вакой, заключать не смѣеть. Потому, это будетъ одно его напрасное безпокойство. А долженъ онъ о себѣ такъ разсуждать: несчастный я человекъ въ семь мѣрѣ—и больше ничего.

Такимъ образомъ, въ философическихъ уражненіяхъ прошелъ дѣлшій день, и хотя Арина Ивановна рѣшительно воспротивилась намѣренію своего мужа перебить посуду и вылить вино въ канаву, однако, они въ тотъ день не продали ни капли. Къ вечеру Прохорычъ даже развеселился и, ложась на ночь, сказалъ плачущей Аринѣ Ивановнѣ:

— Ну, вотъ, душенька и любезнѣйшая супруга моя! хоть ми и ничего сегодня не нажили, за то какъ легко тому человеку, у котораго совѣсть въ глазахъ есть!

И дѣйствительно, онъ, какъ легъ, такъ сейчасъ и уснулъ. И не метался во снѣ, и даже не храпѣлъ, какъ это случалось съ нимъ въ прежнее время, когда онъ наживалъ, но совѣсти не имѣлъ.

Но Арина Ивановна думала объ этомъ нѣсколько иначе. Она очень хорошо понимала, что въ кабацкомъ дѣлѣ совѣсть совсѣмъ не такое приятное пріобрѣтеніе, отъ котораго можно было бы ожидать прибытка, и потому рѣшилась во что бы то ни стало отдѣлаться отъ непрошенной гостыи. Скрѣпя сердце, она переждала ночь, но какъ только въ зашпленныя окна кабака забрез-

жилъ свѣтъ, она вырвала у спящаго мужа совѣсть и стремглавъ бросилась съ нею на улицу.

Какъ нарочно, это былъ базарный день; въ сосѣднихъ деревняхъ уже танулись мужики съ возами, и квартальный надзиратель Ловець самолично отправлялся на базаръ для наблюденія за порядкомъ. Едва завидѣла Арина Ивановна послѣдовавшаго Ловца, какъ у ней уже блеснула въ головѣ счастливая мысль. Она во весь духъ побѣжала за нимъ, и едва успѣла поравняться, какъ сейчасъ же, съ изумительною ловкостью, сунула совѣсть въ карманъ его пальто.

Ловець былъ малый не то, чтобъ совсѣмъ безстыжій, но стѣснять себя не любилъ и запуская лапу довольно свободно. Видѣть у него былъ не то, чтобы наглій, а такъ какой-то устремительный. Руки были не то, чтобы слишкомъ озорныя, но охотно зацѣпляя все, что попадалось по дорогѣ. Словомъ сказать, былъ лихомецъ порядочный.

И вдругъ этого самаго человѣка начало коробить.

Пришелъ онъ на базарную площадь, и кажется ему, что все, что тамъ ни наставлено, и на возахъ, и на рундукахъ, и въ лавкахъ — все это не его, а чужое. Протеръ онъ себѣ безстыжіе глаза, и думаетъ: не очумѣлъ ли я, не во снѣ ли все это мнѣ представляется? Подошелъ къ одному возу, хочетъ запустить лапу, анъ лапа не поднимается; подошелъ къ другому возу, хочетъ мужикава бороду вытрясти—о, ужасъ! длани не простираются! Испугался.

— Что это со мною нынче сдѣлалось? думаетъ Ловець: — вѣдь этакимъ манеромъ, пожалуй, и на предки все дѣло себѣ испортишь! Ужъ не воротиться ли, за добра ума, домой?

Однако, понадѣлся, что, можетъ быть, и пройдетъ. Сталъ погуливать по базару; смотритъ, лежитъ всякая живность, разостланы всякія матеріи, и все это какъ будто говорить: вотъ и близокъ локоть да не укусишь!

А мужики, между тѣмъ, осмѣлились; вида, что человѣкъ очумѣлъ, глазами на свое добро хлопасть, стали шутки шутить, стали Ловца фофаномъ фофанычемъ звать.

— Нѣтъ, это со мною болѣзнь какая нибудь! рѣшилъ Ловець, и такъ-таки безъ всякихъ кульковъ, съ пустыми руками и отправился домой.

Возвращается онъ домой, а Ловчиха жена ужъ ждетъ, думаетъ: сколько-то мнѣ супругъ мой любезный нынче кульковъ прине-

сетъ? И вдругъ — ни одного! Такъ и закипѣло въ ней сердце, такъ и накинудась она на Ловца.

— Куда кульки дѣвалъ? спрашиваетъ она его.

— Предъ лицомъ моей совѣсти свидѣтельствуюсь... началъ было Ловець.

— Гдѣ у тебя кульки, тебя спрашиваютъ?

— Предъ лицомъ моей совѣсти свидѣтельствуюсь... вновь повторилъ Ловець.

— Ну, такъ и обѣдай своею совѣстью до будущаго базара, а у меня для тебя нѣтъ обѣда! рѣшила Ловчиха.

Понурилъ Ловець голову, потому что зналъ, что Ловчихино слово твердое. Снялъ онъ съ себя пальто — и вдругъ словно преобразился совсѣмъ! Такъ-какъ совѣсть осталась, вмѣстѣ съ пальто, на стѣнкѣ, то сдѣлалось ему опять и легко и свободно, и стало опять казаться, что на свѣтѣ нѣтъ ничего чужаго, а все свое. И почувствовалъ онъ вновь въ себѣ способность глотать и загребать.

— Ну, теперь вы у меня не отвертитесь, дружки! сказалъ Ловець, потирая руки, и сталъ поспѣшно надѣвать на себя пальто, чтобъ на всѣхъ парусахъ полетѣть на базаръ.

Но, о чудо! едва успѣлъ онъ надѣть пальто, какъ опять началъ корачиться. Просто, какъ будто два человѣка въ немъ сдѣлалось: одинъ, безъ пальто — безстыжій, загребистый и лапистый; другой, въ пальто — застычивый, робкій и ожидающій сдачи. Однако, хоть и видитъ, что не успѣлъ еще за ворота выйти, а ужъ присмирѣлъ, но отъ намѣренія своего не отказался. Авось-либо, думаетъ, перевозмогу.

Но чѣмъ ближе онъ подходилъ къ базару, тѣмъ сильнѣе билось его сердце, тѣмъ неотступнѣе сказывалась въ немъ потребность примириться со всѣмъ этимъ среднимъ и малымъ людомъ, который изъ-за гроша цѣлый день бьется на дождю да на слюкоти. Ужъ не до того ему, чтобъ на чужие кульки засматриваться; свой собственный кошелекъ, который былъ у него въ карманѣ, сдѣлался ему въ тягость, какъ будто онъ вдругъ изъ достовѣрныхъ источниковъ узналъ, что въ этомъ кошелькѣ лежатъ не его, а чьи-то чужія деньги.

— Вотъ тебѣ, дружокъ, пятнадцать копеекъ! говорятъ онъ, подходи къ какому-то мужику и подавая ему монету.

— Это за что же, Фофанъ Фофанчъ?

— А за мою прежнюю обиду, другъ! прости меня, Христа-ради!

— Ну, Богъ тебя проститъ!

Такимъ образомъ, обошелъ онъ весь базаръ и роздалъ всѣ

деньги, какія у него были. Однако, сдѣлавши это, хоть и почувствовалъ, что на сердцѣ у него стало легко, но крѣпко призадумался.

— Нѣтъ, это со мною сегодня болѣзнь какая-нибудь приключилась, опять сказалъ онъ самъ себѣ: — пойду-ка я лучше домой, да встать ужъ захвачу по дорогѣ побольше нищихъ да и покормлю ихъ чѣмъ Богъ послалъ!

Сказано-сдѣлано; набралъ онъ нищихъ видимо-невидимо, и привелъ ихъ къ себѣ во дворъ. Ловчаха только руками развела, ждетъ, какую онъ еще дальше проказу сдѣлаетъ. Онъ же потихоньку прошелъ мимо нея и ласково таково сказалъ:

— Вотъ, Ѳедосьюшка, тѣ самые странніе люди, которыхъ ты просила меня привести; покорми ихъ ради-Христа!

Но едва успѣлъ онъ повѣсить свое пальто на гвоздикъ, какъ ему опять стало легко и свободно. Смотрять въ окошко, и видять, что на дворѣ у него нащая братія со всего города сбита. Видить и не понимаетъ: неужто всю эту уйму ему съчъ предстонтъ?

— Чтò за народъ? выбѣжалъ онъ на дворъ въ испугѣ.

— Какъ чтò за народъ? Это все странніе люди, которыхъ ты накормить велѣлъ! огрызнулась Ловчаха.

— Гнать ихъ! въ шею! вотъ такъ! закричалъ онъ не своимъ голосомъ, и какъ сумасшедшій бросился опять въ домъ.

Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатамъ и все думалъ, чтò такое съ нимъ случилось? Человѣкъ онъ былъ всегда исправный, относительно же исполненія служебнаго долга — просто левъ, а вдругъ сдѣлался совершенной трапичею!

— Ѳедосья Петровна! матушка! да свяжи ты меня, ради-Христа! чувствую, что я сегодня такихъ дѣлъ надѣлаю, что послѣ дѣлнмъ годомъ поправить нельзя будетъ! взмолился онъ.

Видить и Ловчаха, что Ловцу ея круто пришлось. Раздѣла его, уложила въ постель и напоила горяченькимъ. Только черезъ четверть часа пошла она въ переднюю и думаетъ: а посмотрю-ка я у него въ пальто: можетъ, еще и найдутся въ карманахъ какіе-нибудь грошики? Обшарила одинъ карманъ — нашла пустой кошелекъ; обшарила другой карманъ — нашла какую-то грязную, замасленную бумажку. Какъ развернула она эту бумажку — такъ и ахнула!

— Такъ вотъ онъ нынче на какія штуки пустился! сказала она себѣ: — совѣсть въ карманѣ завелъ!

И стала она придумывать, кому бы ей эту совѣсть сбить, чтобы она того человѣка не въ конецъ отяготила, а только маленько въ безпокойство привела. И придумала, что самое луч-

шее ей мѣсто будетъ у отставнаго откупщика, а нинѣ финансиста и желѣзнодорожнаго изобрѣтателя, еврея Шмула Давидовича Бржоевскаго.

— У этого, по крайности, шея толста! рѣшила она: — можетъ быть, и побьется малое дѣло, а выдержитъ!

Рѣшивши такимъ образомъ, она осторожно сунула совѣсть въ штемпельный конвертъ, написала на немъ адресъ Бржоевскаго, и опустила въ почтовый ящикъ.

— Ну, теперь, можешь, другъ мой, смѣло идти на базаръ! сказала она мужу, воротившись домой.

Самуилъ Давидычъ Бржоевскій сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ, окруженный всѣмъ своимъ семействомъ. Подлѣ него помѣщался десятилѣтній сынъ Рувимъ Самойловичъ, и совершалъ въ умѣ банкирскія операціи.

— А сто, папаса, если я этотъ золотой, который ты мнѣ подарилъ, буду отдавать въ ростъ по двадцати процентовъ въ мѣсяцъ, сколько у меня къ концу года денегъ будетъ? спрашивалъ онъ.

— А какой процентъ: простой или словный? спросилъ въ свою очередь Самуилъ Давидычъ.

— Разумѣется, папаса, словный!

— Если словный и съ усѣщеніемъ дробей, то будетъ сорокъ пять рублей и семьдесятъ девять копеекъ!

— Такъ я, папаса, отдамъ!

— Отдай, мой другъ, только надо благонадежный залогъ брать!

Съ другой стороны сидѣлъ Иосель Самойловичъ, мальчикъ лѣтъ семи и тоже рѣшалъ въ умѣ своемъ задачу: лѣтѣло стадо гусей; далѣе помѣщался Саломонъ Самойловичъ, за нимъ Давидъ Самойловичъ и соображали, сколько послѣдній долженъ первому процентовъ за взятые заимообразно леденцы. На другомъ концѣ стола сидѣла красивая супруга Самуила Давидыча, Ліа Саломоновна и держала на рукахъ крошечную Рафочку, которая инстинктивно тянулась къ золотымъ браслетамъ, украшавшимъ руки матери.

Однимъ словомъ, Самуилъ Давидычъ былъ счастливъ; онъ уже собирался кушать какой-то необыкновенный соусъ, украшенный чуть не страусовыми перьями и брюссельскими кружевами, какъ лавей подаль ему на серебряномъ подносіи письмо.

Едва взялъ Самуилъ Давидычъ въ руки конвертъ, какъ замѣтался во всѣ стороны, словно угорь на угольяхъ.

— И сто же это такое! и зацѣмъ мнѣ эта вещь! завопилъ онъ, трясась всѣмъ тѣломъ, и тутъ же вдругъ припомнилъ, какъ онъ кричалъ: не Его, но Варраву!

— И за сто я Его предалъ! вопилъ онъ: — и зацѣмъ я въ то время кричалъ!

Хотя никто изъ присутствующихъ ничего не понималъ въ этихъ крикахъ, однако для всѣхъ стало ясно, что продолженіе обѣда невозможно.

И не стану описывать здѣсь мученія, которыя претерпѣлъ Самуилъ Давыдичъ въ этотъ памятный для него день; скажу только одно: этотъ человѣкъ, съ виду тщедушный и слабый, геройски вытерпѣлъ самыя лютыя истязанія, но даже пятиалтынного возвратить не согласился.

— Это сто же! это ничего! только ты крѣще держи меня, Лія! уговаривалъ онъ жену, во время самыхъ отчаянныхъ пароксизмовъ: — и если я буду спрашивать сватулку — ни-ни! пусть луда умру!

Но такъ-какъ нѣтъ на свѣтѣ такого труднаго положенія, изъ котораго былъ бы невозможенъ выходъ, то онъ найденъ былъ и въ настоящемъ случаѣ. Самуилъ Давыдичъ вспомнилъ, что онъ давно обѣщалъ сдѣлать какое-нибудь пожертвованіе въ нѣкоторое благотворительное учрежденіе, состоявшее въ завѣдываніи одного знакомаго ему генерала, но дѣло это почему-то изъ дня въ день все оттягивалось. И вотъ теперь, случай прямо указывалъ на средство привести въ исполненіе это давнее намѣреніе.

Задумано — сдѣлано. Самуилъ Давыдичъ осторожно распечаталъ присланный по почтѣ конвертъ, вынулъ изъ него щипчиками послышку, переложилъ ее въ другой конвертъ, запряталъ туда еще сотенную ассигнацію, запечаталъ и отправился къ знакомому генералу.

— Желаю, ваше превосходительство, по жертвованіе сдѣлать! сказалъ онъ, кладя на столъ пакетъ передъ обрадованнымъ генераломъ.

— Что же-съ! это похвально! отвѣчалъ генералъ: — я всегда это зналъ, что вы... какъ еврей... и по закону Давидову... Плясаше-играше... такъ, кажется?

Генералъ запутался, ибо не зналъ навѣрное, точно ли Давидъ издавалъ законы.

— Точно такъ-съ; только какіе же мы еврей, ваше превосходительство! заспѣшилъ Самуилъ Давыдичъ, уже совсѣмъ облегченный: — только съ виду мы еврей, а въ душѣ совсѣмъ-совсѣмъ русскіе!

— Благодарю! сказалъ генералъ: — объ одномъ сожалѣю... какъ христіанинъ... отчего бы вамъ, напримѣръ?... а?..

— Васе превосходительство... ми только съ виду... повѣрьте цести, только съ виду!

— Однако?

— Васе превосходительство!

— Ну, ну, ну! Христось съ вами!

Самуилъ Давыдычъ полетѣлъ домой словно на крыльяхъ. Въ этотъ же вечеръ онъ уже совсѣмъ позабылъ о претерпѣнныхъ имъ страданіяхъ, и выдумалъ такую диковинную операцію ко всеобщему узавленію, что на другой день всѣ такъ и ахнули, какъ узнали.

И долго такимъ образомъ шаталась бѣдная, изгнанная совѣсть по бѣлому свѣту и перебивала она у многихъ и многихъ тысячъ людей. Но никто не хотѣлъ ее пріютить, и всакій, напротивъ того, только о томъ и думалъ, какъ бы отдѣлаться отъ нея, и хотъ бы обманомъ да сбить съ рукъ.

Наконецъ, наскучило ей и самой, что негдѣ ей, бѣдной, голову приклонить, и должна она свой вѣкъ проживать въ чужихъ людяхъ да безъ пристанища. Вотъ и взмолилась она послѣднему своему держателю, какому-то мѣщаниншигѣ, который въ проходномъ ряду пылью торговалъ, и никакъ не могъ отъ той торговли разжиться.

— За что вы меня тираните! жаловалась бѣдная совѣсть: — за что вы мной, словно отымалкой какой помыкаете?

— Чтб же я съ тобой буду дѣлать, сударыня-совѣсть, коли ты никому не нужна? спросилъ въ свою очередь мѣщаниншка.

— А вотъ чтб, отвѣчала совѣсть: — отыщи ты мнѣ маленькое русское дитя, раствори ты передо мной его сердце чистое, и скорони меня въ немъ! авось онъ меня, неповинный младенецъ, пріютить и выхолить, авось онъ меня въ мѣру возраста своего произведетъ, да и въ люди потомъ со мной выйдетъ — не погнушается.

По этому ея слову, все такъ и сдѣлалось. Отыскалъ мѣщаниншка маленькое русское дитя, растворялъ его сердце чистое и скоронилъ въ немъ совѣсть.

Растетъ маленькое дитя, а вмѣстѣ съ нимъ растетъ въ немъ и совѣсть. И будетъ маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть. И исчезнуть тогда всѣ не-

правды, коварства и насилия, потому что совѣсть будетъ не робкая, и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама.

III.

ГODOBЩИНА.

Сегодня мнѣ сорокъ лѣтъ. Помню, ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, я, точно такъ же, какъ и теперь, сидѣлъ дома — и вдругъ кто-то позвонился въ мою квартиру.

— Пожалуйте, ваше благородіе! лошади готовы! сказалъ, входя, унтеръ-офицеръ.

— Что такое? куда? зачѣмъ?

Онъ назвалъ мнѣ одну изъ далекихъ сѣверныхъ трущобъ, о которой никакъ нельзя было сказать, чтобы тамъ росли апельсинны.

Мнѣ очень не хотѣлось ѣхать, но я поѣхалъ. Дѣтй! когда вы умудритесь, то поймете, что иногда слово «не хочу» совершенно естественно превращается въ «хочу» и что человѣкъ, существо разумно-свободное, есть въ то же время и существо, наиболѣе способное совершать такіа движенія, которыя совершенно противоположны самымъ близкимъ его интересамъ.

Въ то время, я былъ очень добронравный, скромный и безобидный молодой человѣкъ. Я мечталъ о «счастьи», но не повторялъ вмѣстѣ съ Вартынскимъ:

«О счастья съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣдень!»...

а былъ счастливъ дѣйствительно. Въ томъ полуфантастическомъ, но прекрасномъ и свѣтломъ мірѣ, въ которомъ я жилъ, не было ни станковыхъ, ни квартальныхъ, ни исправниковъ, ни даже губернаторовъ. То-есть, не было именно тѣхъ станцій, на которыхъ слишкомъ разсказавшееся «счастье» обязано останавливаться и повѣрять себя, дѣйствительно ли оно «счастье», а не посягательство, не безуміе и не злоумышленіе. Впослѣдствіи, опытные люди удостоверили меня, что идея о «счастьи» можетъ, по временамъ, оказываться равносильною злодѣйству, но тогда я ничего этого не понималъ. Сказанныя выше станціи казались мнѣ какими-то туманными точками, при встрѣчѣ съ которыми вниманіе мое скользило, какъ будто бы ихъ совѣмъ и не было. Я помню: я уже былъ тогда на службѣ, и даже писалъ бумаги, но впечатлѣніе, которое оставило во мнѣ это писаніе, было чисто механическое, или лучше сказать, меня занимало не содержаніе бумагъ, а тѣ

невѣдомна мнѣ, полуфантастическія личности, къ которымъ онѣ были адресованы. Живо представляется мнѣ нѣкоторый Григорій Козмичъ, котораго фигура, какъ живая, стояла всегда передъ моими глазами, фигура маленькая, съ армянскимъ типомъ, съ длиннымъ согнутымъ крючкомъ носомъ, съ очками на глазахъ (въ то время я его и въ глаза не видалъ, но, впоследствии, когда мнѣ на него указали, онъ дѣйствительно оказался точь въ точь такимъ, какимъ рисовало его мое воображеніе)...

Милостивый Государь Григорій Козмичъ!

писалъ я къ нему ежедневно, и постоянно заканчивалъ мое писаніе словами: «съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть» и проч. О чемъ, я ему писалъ, въ томъ я и донинѣ не могу дать себѣ отчета, но помню, что мой добрый начальникъ отдѣленія нерѣдко призывалъ меня къ своему столу и разъяснялъ, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ писать: «о послѣдующемъ прошу не оставить меня увѣдомленіемъ», и въ какихъ — «объ оказавшемся имѣю честь покорнѣйше просить почтить меня увѣдомленіемъ». Середины, которая несомнѣнно существовала между «милостивымъ государемъ» и «совершеннымъ моимъ почтеніемъ», я нивѣкъ не могъ себѣ усвоить; она улетучивалась, какъ улетучивается сонъ, немедленно, вслѣдъ за пробужденіемъ. Повторяю: я жилъ не лично, а какою-то общею жизнью, которая со всѣхъ сторонъ такъ и плыла, и плыла на меня, такъ и затопляла своимъ свѣтомъ, тепломъ и гармоніей.

Такъ было и въ ту минуту, когда добродушный унтеръ-офицеръ объявилъ мнѣ, что необходимо ѣхать въ отдаленную сѣверную трущобу. Я ничего не понялъ, кромѣ того: кому и на что надобно, чтобы я ѣхалъ? А такъ-какъ разрѣшенія на этотъ вопросъ не могло быть, то я машинально одѣлся, машинально вышелъ изъ квартиры и машинально же сѣлъ въ тарантасъ. Я помню, что я не спросилъ даже, что это за трущоба, и на слѣвннн какихъ именно рѣкъ она находится...

Дѣти! если вамъ случится встрѣтиться на улицѣ съ русскимъ унтеръ-офицеромъ, снѣшите снять шапку и поклониться ему! Знайте, что это добрѣйшее и благороднѣйшее существо въ цѣломъ мірѣ, что это неизсякаемѣйшій источникъ неизлюбности, нѣжной предупредительности и всяческаго унтеръ-офицерскаго баловства!

По мѣрѣ того, какъ городской шумъ заглушается стукомъ колесъ тарантаса, по мѣрѣ того, какъ остаются назади городскія

зданія, суровые глаза унтеръ-офицера, везущаго васъ въ трущобу, смягчаются, а густыя, преднамѣренно-нахмуренныя брови постепенно разглаживаются, дѣлаются обыкновенными, рѣдковолосыми бровями, привлекающими всякому человѣку, не ваторѣвшему въ ремеслѣ театральнаго разбойника. Если въ городѣ вы еще носили въ глазахъ его характеръ казенной ноклажи, то тутъ, на лонѣ загородной природы, въ виду уходящей въ безграничную даль почтовой дороги, характеръ этотъ исчезаетъ совершенно. Вы становитесь просто несчастнымъ, вы дѣлаетесь заблудшемъ, но все еще дорогю, все еще желанною овцою, для которой охотно отверзаются всѣ сокровища заботливаго унтеръ-офицерскаго сердца!

Я не шутя говорю: если за доблести и военную опытность признается справедливымъ постепенно производить изъ унтеръ-офицеровъ въ генералы, то было бы столь же справедливо, за благодушіе и сердечную мягкость, съ тою же постепенностью производить изъ генераловъ въ унтеръ-офицеры.

Я помню, какъ мы пріѣхали въ Шлюссельбургъ, или, по мѣстному названію, Шлюшинъ, и какъ расходившееся Ладожское озеро заглушало не только говоръ, но даже крикъ нашъ. Я помню, какъ около «Сяскихъ Рядковъ» сломалась подушка у нашего тарантаса, и мы вынуждены были остановиться часа на два, чтобъ сдѣлать новую; какъ станціонный писарь смотрѣлъ на меня, покуда мы пили чай, и наконецъ сказалъ:

— Да, нынче «несчастныхъ» довольно провозать!

Я помню, какъ мы пріѣхали въ недавно выгорѣвшую тогда Кострому; съ какимъ остолбенѣніемъ рассказывали намъ о бывшемъ тамъ пожарѣ; я помню, какъ мы перевалились, наконецъ, за Магарьевъ (на Ужѣ), какъ пошли тамъ какіе-то дивные люди, которые на вопросъ: нѣтъ ли что поѣсть? отвѣчали: — сами одинъ разъ въ недѣлю печу топимъ! Помню лѣса, лѣса, лѣса...

— Помню, что когда мы вѣхали въ эту непросвѣтлую лѣсную полосу, я какъ будто отъ сна очнулся, и въ головѣ моей ясно мелькнула мысль: да! это такъ! Это иначе и быть не должно! Одной этой мысли достаточно было, чтобъ я вышелъ изъ моего нравственнаго оцепенѣнія и позналъ мое положеніе во всемъ его объемѣ.

Я позналъ, что все это не сонъ. Что я сижу; въ тарантасѣ, что передо мной дорога, по которой куда-то меня везутъ, что подъ дугой залаивается колокольчикъ, что правая пристяжная скачетъ и скидываетъ кобыми грязн... Не таинственнымъ міромъ

чудесь глянули на меня лѣса магарьевскіе и ветлужскіе, а какою-то непривѣтливою, пошло-отрезвляющею правдою будничной жизни.

— Что это, ваше высокоблагородіе, ужь не плакать ли выдумали! утѣшалъ меня добрѣйшій мой спутникъ: — а посмотрите-ка, птицы-то, птицы-то въ лѣсу сколько! а рыбы-то въ рѣкахъ — даже дна отъ множества не видать!

Но, несмотря на это, я продолжалъ плакать. Маѣ казалось, что здѣсь, на этомъ рубежѣ, я навсегда покинулъ зданіе мысли, любви и счастья, къ которому такъ безразсчетливо привязалось мое молодое воображеніе, и что затѣмъ я уже безповоротно вступаю въ область рачниковъ, налимовъ и окуней.

Я давно простилъ. Быть можетъ, мнѣ скажутъ, что съ моей стороны очень смѣшно изрекать прощеніе, котораго никто не добивается, о которомъ никто не думаетъ. Я знаю: дѣйствительно, никто не добивается, никто не думаетъ, и тѣмъ же менѣе фактъ прощенія — совсѣмъ не претензія, а право. Это сладчайшее изъ всѣхъ правъ человѣческаго сердца; это право, возникающее само собой, помимо всякихъ соображеній объ его умѣренности или неумѣренности.

Но есть обида, которая и дониндѣ даетъ мнѣ чувствовать себя. Этой обидой я называю ту сердечную робость, ту потребность примиренія, которыя, какъ воръ, прокрались въ мое существованіе. Съ той минуты, какъ я перешелъ за рубежъ, съ той минуты, какъ я въ первый разъ сказалъ себѣ: да! это такъ! это иначе и не должно быть! — эта мысль, съ теченіемъ времени, до того укоренилась во мнѣ, что никакая неожиданность уже не кажется мнѣ неожиданностью, и слово «сюрпризъ» потеряло для меня всякое обаяніе. Я сознаю всю тусклость и невразумительность этихъ немногихъ словъ, и въ то же время не могу найти иныхъ, которыя полнѣе объясняли бы то, что подчасъ кажется человѣку непонятнымъ или неудовлетворительнымъ.

Я совсѣмъ не хочу сказать этимъ, что человѣкъ имѣетъ право проходить мимо тѣхъ или другихъ явленій жизни, не ощутивъ по поводу ихъ чувства радости или огорченія, чтобъ онъ былъ правъ, ограничиваясь однимъ объясненіемъ ихъ; я говорю одно: бывають такіе печальные моменты въ исторіи личнаго человѣческаго развитія, когда человѣкъ доходитъ до уразумѣнія цѣлаго

порядка явленій, которымъ можно *только* подчиняться, по поводу которыхъ не остается ничего другого, какъ *только* махнуть рукою.

Очень трудно считать явленіе неяснымъ или незаслуживающимъ вниманія по одному только, что оно, въ самомъ дѣлѣ, не ясно и вниманія не заслуживаетъ. Бываютъ истины совершенно невнятные, но по поводу которыхъ въ человѣческомъ умѣ возникаетъ вполне определенное и притомъ очень рельефное представленіе. Намъ очень часто говорятъ: «не твое дѣло!» и хотя при этомъ не объясняютъ или объясняютъ съ значительными недомолвками, почему известное дѣло не наше, тѣмъ не менѣе мы не можемъ не понять, что выраженіе «не твое дѣло!» совсѣмъ не равносильно выраженію «твое дѣло!» и что къ исполненію преподается не первое, а второе. И благо намъ, если мы покоримся этой невнятной истинѣ машинально, съ зажмуренными глазами; благо намъ, если мы не захотимъ понять болѣе.

Если мы захотимъ понять болѣе, для насъ уже недостаточно будетъ ломать многострадальныя наши головы надъ тѣмъ или другимъ словомъ, надъ тѣмъ или другимъ происшествіемъ. Намъ надобно будетъ вступить въ область болѣе обширную, въ ту область, изъ которой источаются всѣ наши жизненныя неясности, и въ которой совершенно естественно укладываются всѣ эти «не твое дѣло», «не трогай», «не разсуждай», «не можь», подливающие столько горечи въ существованіе человѣка, застигнутого ими врасплохъ. Желательно ли было бы для насъ слишкомъ безпрепятственное проникновеніе въ эту область?

Прежде всего, нельзя сказать, чтобъ доступъ въ эту область самъ по себѣ былъ легокъ, и чтобъ дверь въ нее отпиралась настежь передъ всякимъ, кто желаетъ войти въ нее. Область, о которой я говорю — это сама жизнь, не украшенная цвѣтами, не расцвѣченная флагами, но жизнь строгая, исторически-словившаяся, спутанная.

Но и помимо той трудности, съ которою дается намъ эта темная область, спросимъ себя, что, въ сущности, мы приобретаемъ, проникнувъ въ нее? Мы приобретаемъ убѣжденіе, что въ жизни нѣтъ того противорѣчія, которое не было бы строго согласовано съ другими противорѣчіями, нѣтъ той горькой неправды, которая не объяснялась бы неправдою еще горчайшею. Наконецъ, мы приобретаемъ способность ничѣмъ не возмущаться, ни передъ чѣмъ не раскрывать удивленныхъ глазъ. Можно ли, по совѣсти, назвать такія приобретенія драгоценными?

Въ этой нескончаемой сѣти неправдъ и противорѣчій, человѣческая личность сглаживается и исчезаетъ. Петръ, Иванъ, Андрей, Яковъ — все это не больше, какъ неясно намеченныя точки, которыя не свидѣтельствуютъ ни за, ни противъ чего бы то ни было, которыя не могутъ служить ни доказательствомъ, ни опроверженіемъ. Встаетъ цѣлый рядъ, цѣлый строй, который захватываетъ и правыхъ и виноватыхъ, и преслѣдующихъ и преслѣдуемыхъ, и гонителей и гонимыхъ, и при видѣ котораго не придетъ даже на мысль протянуть руку помощи тому или другому Петру, тому или другому Ивану, потому что тутъ нѣтъ ни одного Петра, нѣтъ ни одного Ивана, который бы не нуждался въ помощи.

Я знаю, многіе называютъ подобныя моменты человѣческаго развитія моментами примиренія, моментами разумнаго и трезваго созерцанія жизни. Я, съ своей стороны, нахожу, что ихъ гораздо приличнѣе назвать моментами полнѣйшаго индифферентизма и сердечной вялости.

Того ли намъ нужно? изъ того ли обязаны мы биться, чтобы, въ концѣ концовъ, получить печальное право, съ полною душевною невозмутимостью, объяснять и оправдывать всякое жизненное противорѣчіе, всякую жизненную неправду?

Нѣтъ, говоря по совѣсти, въ этомъ дробномъ стремленіи къ всеоправданію именно и заключается та кровная обида, которая наносится человѣку жизнью и о которой я говорилъ выше. Жизнь, лишенная энтузіазма, жизнь, недопускающая ни увлеченій, ни приувеличеній, есть именно та постылая жизнь, которая способна только мѣрять и сводить итога прошлаго, но совершенно бессильна въ смыслѣ творческомъ.

Намъ необходимы подвиги, намъ нуженъ починъ. Очень часто мы безразсудствуемъ, мечемся изъ одной крайности въ другую, очень часто даже погибаемъ; но во всѣхъ этихъ безразсудствахъ и колебаніяхъ, одно остается небезразсуднымъ и неизмѣннымъ — это жажда подвига. Въ этой жадѣ трепещетъ живое человѣческое сердце, скрывается пытливыи и никогда неуспокоивающійся человѣческій разумъ. Не смирать и охлаждать слѣдуетъ эту благодатную жажду, а развивать и воспитывать.

Вамъ, вѣроятно, не разъ случалось присутствовать въ обществѣ людей взрослыхъ и, повидному, даже почтенныхъ, которые по цѣлымъ часамъ разговариваютъ между собою, но изъ разговоровъ которыхъ все-таки невозможно извлечь ничего, кромѣ: «такъ-то» да «поменьку» да «полегоньку» да «тише ѣдешь дальше будешь». Увѣщанія такого рода по большей части обра-

падаютъ къ юношамъ, и имѣютъ свойство приводить ихъ въ несказанное негодованіе. Вотъ эти-то тихо-курлыкающіе люди и суть тѣ самые пустопорожныіе мудрецы, для которыхъ все ясно какъ на ладони, но за то все и голо какъ на ладони. Представьте себѣ, напримѣръ, такой случай: вдругъ, цѣлый міръ населяется подобными тихо-курлыкающими мудрецами — что можетъ изъ этого выйдти?

Вопервыхъ, вамъ, милнмъ и умнымъ дѣтямъ, будетъ очень скучно, что васъ занимаютъ такими разговорами, въ которыхъ даже уцѣпиться ни за что нельзя; вовторыхъ, самая жизнь сдѣлалась бы невозможною, и, навѣрное, не замедлила бы протестовать. Не было бы ни открытій, ни изобрѣтеній; Америка была бы ненавѣстна, и вамъ не пришлось бы кушать печенного картофеля съ свѣжимъ масломъ, который вы такъ любите. Люди стали бы жить «помаленьку» да «потяхоньку», то-есть откладывали бы копейку къ копейкѣ, считали бы куринныя яйца, писали бы отношенія и предписанія, а для чего они все это дѣлаютъ, для чего откладываютъ, считаютъ, пишутъ — они, навѣрное, даже этого объяснить бы не сумѣли.

Конечно, эти тихо-курлыкающіе мудрецы, съ которыми вамъ такъ часто случается встрѣчаться въ Петербургѣ — далеко не то, что люди, сознательно предающіеся всеоправданію во имя исторической необходимости; но, говоря по справедливости, тутъ разница все-таки только въ размѣрахъ и формахъ, а не въ сущности дѣла. Одно явленіе смѣшиѣе, мельче, пошлѣе; другое серьезнѣе и крупнѣе; но въ обоихъ — одно зерно, и это зерно то самое, которое незамѣтно подтачиваетъ и подрываетъ жизнь.

Говорятъ, будто «помаленьку» да «потяхоньку» есть самая удобная форма жизни, и потому есть полное основаніе дорожить ею. Но надо быть очень близорукимъ, чтобы не увидѣть, что въ этомъ сужденіи есть очень большой пропускъ.

Можете ли вы сказать, что вамъ удобно обходиться безъ чтенія, потому только, что у васъ книгъ нѣтъ? Что вы удобно ограничиваетесь одною растительною пищею, потому только, что въ мѣстѣ вашего пребыванія нѣтъ мяса, или оно вамъ не по средствамъ? — Конечно, нѣтъ, и вы, малыя дѣти, этого никогда не скажете, потому что вы въ то же время и умныя дѣти. Вы скажете: я ограничиваюсь растительною пищею потому, что не могу имѣть мяса, но не только не считаю этого удобствомъ, но, напротивъ того, вижу тутъ большое для себя лишеніе. Но вѣдь воймите же, что удобства, которыя рекомендуются поклонниками теоріи «помаленьку», да «потяхоньку», принадлежать

именно къ числу тѣхъ удобствъ, о которыхъ я сказалъ сейчасъ. Это удобства невѣдѣнія, дѣлности и робости, съ которыми легко уживается и дикій Полинезіи, и бѣдный, скудоумный самоѣдъ, но которыя, въ сущности, составляютъ самое громадное и вопиющее неудобство.

Дѣйствительныя и истинныя удобства жизни достаются только подвигомъ и починомъ. Современный человѣкъ, обладающій самими средними средствами, предъявляющій требованія самыя скромныя, ни подъ какимъ видомъ не согласится добровольно возвратиться къ той суммѣ удобствъ, которою пользовался во времена оныя человѣкъ, обладавшій нѣкогда средствами, болѣе нежели достаточными, и предъявлявшій требованія самыя утонченныя. Оказывается, что современный средній человѣкъ имѣетъ подъ руками уже гораздо болѣе жизненныхъ удобствъ, и пріобрѣтаетъ ихъ съ гораздо меньшимъ трудомъ, нежели даже тотъ исключительный человѣкъ, который дорожилъ своими сравнительно скудными удобствами, какъ тяжело вырванною у жизни побѣдою. Кто же далъ современному человѣку эти удобства? Кто дастъ ихъ еще больше человѣку будущаго? Кто, какъ не человѣкъ подвига, бодрости и почина!

Вотъ и выходитъ, что иногда форма жизни, которая кажется намъ самою удобною, на дѣлѣ оказывается приносящею одни неудобства и лишенія. Хорошо, повидимому, живется дикому Полинезіи, но въ томъ-то и штука, что она не можетъ служить образцомъ ни для кого, кромѣ подобныхъ ему дикарей.

Поэтому, ежели вы видите человѣка, который съ нетерпѣніемъ относится ко всякой несправедливости, хотя бы она и не касалась его лично, который чужое горе считаетъ своимъ собственнымъ горемъ, чужую бѣду своею собственною бѣдою, котораго горячее сердце откликается всякому добродушному началу, всякому душевному слову, къ тѣлу котораго близка не одна своя рубашка, но и рубашка ближняго, не спѣшите говорить про него: вотъ человѣкъ вѣзломощный, строптивый и неучтивый, который суетъ свой носъ, куда его не спрашиваютъ! Такия скорныя заключенія прилично выводить оставшимся за штатомъ регистраторамъ (за это, впрочемъ, они и наказываются ссылкой на необитаемый островъ, какъ вы видѣли это изъ перваго моего разсказа), вы же, милныя и умныя дѣти, должны знать, что этотъ человѣкъ есть именно одинъ изъ тѣхъ полезныхъ и честныхъ людей, отсутствіе которыхъ самымъ вреднымъ образомъ отзывается на дѣломъ обществѣ, производа въ немъ оскудѣніе добра. Нѣтъ нужды, что движенія этихъ людей бывають нерѣдко угловаты, что рѣчь ихъ обывно-

венно рѣзка — вы должны снисходительно смотрѣть на эти, въ сущности, ничтожные недостатки, во имя добра, которое дѣлаютъ эти люди, во имя свѣта, который они вносятъ въ чело-вѣческую жизнь.

Въ добрѣ вся сила жизни, въ добрѣ замыкается весь ея смыслъ. И такъ, пускай регистраторы обзываютъ насъ сварливыми и взбалмошными — мы знаемъ, что этими именами поворится горячее стремленіе къ добру и горячее исканіе истины. Будемъ же безпокойными и строптивыми, но да не охладится въ сердцахъ нашихъ лучшее достояніе нашей жизни — энтузіазмъ къ добру и къ истинѣ.

КЪ РОДИНѢ.

Хоть и не сладокъ мнѣ, о родина, твой дымъ
И болѣе упрековъ, чѣмъ благословеній
Я посмалъ тебѣ; хоть предъ лицомъ твоимъ
Я никогда не гнуль и не согну колѣней;
Но еслибъ мнѣ стать на судъ пришлось твой,
За то, что отнестись къ тебѣ я смѣлъ съ укоромъ —
Предсталъ бы я на судъ съ спокойною душой
И не съ потуленнымъ по фарисейски взоромъ.
Да, чистъ я предъ тобой и я люблю тебя, —
Не той сценически-красивою любовью,
Что смотреть въ зеркало сторонкой на себя
Въ тотъ самый мигъ, какъ истекаетъ кровью...
Любовь моя къ тебѣ спокойна и проста,
Хоть одинаково твоя безповоротна,
Не знаютъ вовсе льстивыхъ словъ ея уста
И въ изліянія вступаютъ неохотно,
Но если жизнь моя нужна — она твоя;
Мой трудъ — и онъ тебѣ принадлежитъ всецѣло,
И только мысль моя одна вполне моя,
Одна дороже мнѣ, чѣмъ кровь моя и тѣло!...

И.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЧТО ТАКОЕ ПРОГРЕССЪ?

ГЕРВЕРТЪ СПЕНСЕРЪ. Собрание сочиненій въ 7-ми томахъ. Изданіе Н. Д. Тиблена.

I.

I.

Одна изъ статей Спенсера, напечатанныхъ въ первомъ томѣ русскаго изданія, — «Польза и красота», — начинается такимъ замѣчаніемъ Эмерсона: «то, что природа въ одно время производитъ для пользы, она обращаетъ впослѣдствіи въ предметъ уграшенія». Въ доказательство этого положенія Эмерсонъ приводитъ устройство морской раковины, у которой «части, служащія одно время вмѣсто рта, въ дальнѣйшемъ періодѣ ея развитія остаются позади и принимаютъ форму красивыхъ бугорковъ». Пользуясь случаемъ, чтобы указать на заключающійся въ положеніи и примѣрѣ Эмерсона объективно-антропоцентрическій пошибъ: природа нѣчто полезное для животнаго, особенность, обезпечившую ему счастливый исходъ изъ борьбы за существованіе, эту особенность природа обращаетъ впослѣдствіи въ нѣчто пріятное для человѣка, красивое съ человѣческой точки зрѣнія; ибо трудно предположить, чтобы Эмерсонъ говорилъ отъ лица «морской раковины», лобующейся на свои «красивые бугорки и рубчики». Такимъ образомъ любезность и предупредительность природы къ человѣку доходитъ до того, что она коверкаетъ единственно *pour ses beaux yeux* животное, имѣющее, разумѣется, свои собственные, хотя и неуловимые для насъ интересы. Спенсеръ не замѣчаетъ этой странной телесологін, или пропускаетъ ее мимо ушей, можетъ быть потому, что у Эмерсона, съ которыми мы незнакомы, она составляетъ не болѣе, какъ случайную, черновую мысль, которой онъ самъ не придаетъ особеннаго значенія. Но Спенсеръ находитъ, что это замѣчаніе Эмерсона имѣетъ право на гораздо болѣе широкое приложеніе, и можетъ быть распространено и на развитіе человѣчества. Онъ

утверждаетъ, что и въ области явленій общественной жизни происходитъ та же сѣна полезнаго и прекраснаго; что предметъ пользы для одного историческаго періода оказывается предметомъ украшенія для послѣдующихъ. Въ маленькой статейкѣ, развивающей эту мысль, Спенсеръ развѣртываетъ въ миниатюрѣ всѣ свойства своего соціологическаго мышленія и изложенія, съ которыми мы еще встрѣтимся ниже въ большемъ видѣ. Поставивъ положеніе, Спенсеръ начинаетъ сыпать самыми разнообразными примѣрами, подтверждающими положеніе, и затѣмъ ищетъ рациональнаго основанія для своего эмпирическаго вывода. Надо впрочемъ замѣтить, что примѣры, приводимые имъ въ статьѣ «Польза и красота», выбраны гораздо менѣе удачно и расположены гораздо менѣе искусно, чѣмъ это имъ дѣлается обыкновенно. Желаніе втиснуть факты въ заранее поставленную рамку ужъ слишкомъ очевидно, въ чемъ автору значительно помогаетъ неопредѣленность его терминологіи: рѣзко разграничивая прекрасное и полезное, онъ не проводитъ однако между ними опредѣленной демаркаціонной линіи, и читатель не знаетъ, что собственно Спенсеръ разумѣетъ подъ общимъ именемъ прекраснаго и что—подъ именемъ полезнаго. Это было бы, разумѣется, не бѣда, еслибы дѣло шло о вещахъ общепризнанныхъ, не подлежащихъ спору. Но категоріи прекраснаго и полезнаго слишкомъ часто произвольно суживались и расширялись, и точныя взаимныя отношенія ихъ установились въ сознаніи очень немногихъ. Спенсеръ, въ сожалѣнію, не принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ, по крайней-мѣрѣ въ статьѣ, о которой идетъ рѣчь. Какъ образецъ, я приведу только одинъ изъ его примѣровъ или, лучше сказать, одну группу примѣровъ. «Гамбы камня, говоритъ онъ, которыя, какъ храмъ, въ рукахъ жрецовъ имѣли нѣкогда правительственное значеніе, стали въ настоящее время служить предметомъ антикварскихъ поисковъ, а сами жрецы сдѣлались героями оперъ. Изванія грековъ, которыя за красоту свою сохраняются въ нашихъ художественныхъ музеяхъ и снимки съ которыхъ служатъ украшеніемъ общественныхъ мѣстъ и входовъ въ наши залы, нѣкогда считались за божества, требовавшія повинovenія; подобную же роль играли нѣкогда и тѣ чудовищныя идола, которые теперь забавляютъ посѣтителей нашихъ музеевъ». Вотъ одинъ изъ камней, положенныхъ Спенсеромъ въ основаніе его обобщенія: предметъ пользы для предковъ дѣлается предметомъ украшенія для потомковъ. Нетрудно видѣть, что камень этотъ находится въ положеніи неустойчиваго равновѣсія и легко можетъ способствовать провалу всего зданія. Васъ поражаетъ необыкновенная поверхностность выраженій и неизбежно возникаетъ рядъ вопросовъ: 1) Почему Спенсеръ полагаетъ, что храмы древнихъ имѣли исключительно практическое значеніе? и не были ли они въ то же время, какъ и въ наше, украшеніемъ данной мѣстности и не украшались ли они и сами, сообразно эстетическимъ взглядамъ древнихъ, во

славу божества и въ поученіе молящихся? 2) Почему «антиварские посылы» отнесены къ категоріи красоты и не предпринимались ли они большею частью съ полезною цѣлью наученія жизни нашихъ предковъ? 3) Не входила ли идея красоты, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ, въ древнія, какъ и въ новыя, религіи, а слѣдовательно и въ формы богослуженій, совершаемыхъ жрецами? и не играетъ ли нѣкоторой роли элементъ пользы въ томъ обстоятельствѣ, что жрецы являются героями оперъ? 4) Въ ли греческія статуи создавались на религиозныя темы, и не дѣляли ли греки въ своихъ статуяхъ, даже изображавшихъ божества, не только нѣк релігіозное значеніе, а и эстетическое? и не уясняемъ ли мы себѣ иногда по произведеніямъ греческаго искусства греческую жизнь и міросозерцаніе? 5) Равнымъ образомъ не изучаемъ ли мы индусовъ и египтянъ по тѣмъ чудовищнымъ идоламъ, которые стоятъ въ нашихъ музеяхъ? и не потому ли Спенсеръ употребилъ относительно ихъ выраженіе «забавляютъ», что съ областью прекраснаго съ нашей, современной точки зрѣнія, они не имѣютъ никакой связи, хотя для своего времени и мѣста необходимо представляли нѣкоторый художественно-релігіозный идеалъ?—Ясно, что примѣръ Спенсера можетъ быть перевернуть вверхъ дномъ и послужить весьма полновѣснымъ подтвержденіемъ обратнаго положенія, именно, что прекрасное для одной эпохи дѣлается полезнымъ для послѣдующихъ. И эта послѣдняя формула, прямо противоположная формулѣ Спенсера, якобы подтверждаемой приведеннымъ примѣромъ, будучи поставлена въ надлежащія границы, представляетъ не гипотезу, но несомнѣнно достовѣрную истину. Мы не можемъ такъ полно наслаждаться греческимъ искусствомъ, какъ наслаждались имъ сами греки; у насъ есть свое искусство, которое намъ дороже и понятнѣе. Но если наше эстетическое пониманіе греческаго искусства необходимо слабѣе такового же пониманія грековъ, то для насъ существуетъ историческое, научное значеніе греческаго искусства, какое для грековъ не существовало. Во всякомъ случаѣ, примѣръ Спенсера не только не подтверждаетъ его положенія, но указываетъ, что порянокъ, въ которомъ чередуются въ исторіи полезное и прекрасное, подлежитъ закону, по крайней мѣрѣ гораздо болѣе сложному, нежели тотъ, который предлагаетъ англійскій мыслитель. Найдутся скептики, которые будутъ отрицать даже возможность формулированія такого закона, потому что полезное и прекрасное имѣютъ тысячи точекъ сопряженности, и рѣзкое противопоставленіе ихъ другъ другу возможно только при весьма поверхностномъ взглядѣ. Говорить о вещахъ, составляющихъ «исключительно предметъ пользы» или исключительную область прекраснаго, какъ говоритъ это Спенсеръ,—дѣло слишкомъ рискованное.

Какъ бы то ни было, но въ рядѣ примѣровъ въ родѣ вышеприведенныхъ, Спенсеръ находитъ индуктивное доказательство

своей формулы. Затѣмъ онъ обращается къ дедуктивному подтвержденію и находитъ его въ слѣдующемъ: «существенное, предварительное условіе всякой красоты есть контрастъ. Для того, чтобы получить художественный эффектъ, свѣтъ долженъ быть располагаемъ рядомъ съ тѣнью, яркіе цвѣта съ мрачными» и т. д. Спенсеръ опять приводитъ рядъ примѣровъ изъ различныхъ сферъ искусства. Этотъ общій принципъ контраста, какъ условія красоты, объясняетъ, по мнѣнію Спенсера, и то, почему полезное прѣслово превращается въ настоящее прекрасное. Мы видѣли, что положеніе о такомъ превращеніи, по крайней мѣрѣ, односторонне, и потому, стремясь доказать его, Спенсеръ очевидно долженъ былъ еще болѣе запутаться. Мы не намѣрены трактовать объ искусствѣ, о взаимномъ отношеніи полезнаго и прекраснаго; мы слѣдимъ только за логическою нитью аргументаціи Спенсера, и потому, помимо нашихъ личныхъ взглядовъ, примемъ законъ контраста, какъ основной законъ прекраснаго и искусства. Становясь такимъ образомъ на его собственную точку зрѣнія, мы, надѣемся, оказываемся достаточно безпристрастными. Куда же онъ насъ поведетъ? Онъ утверждаетъ, что задача искусства состоитъ исключительно въ воспроизведеніи жизни прошлаго. «По причинѣ своего контраста съ нашимъ настоящимъ образомъ жизни, образъ жизни прошлаго кажется намъ интереснымъ и романтическимъ», а «вещи и происшествія, влекуція за собой сдѣленіе идей, которыя не представляютъ значительнаго контраста съ нашими ежедневными представленіями, являются относительно невыгоднымъ сюжетомъ для искусства». Спенсеръ доказываетъ далѣе, исходя все изъ того же принципа, что живопись не должна передавать «жизнь, дѣла и стремленія своего времени», а обязана обратиться въ историческую. «То, что имѣетъ какое-нибудь практическое назначеніе въ настоящее время, говорить онъ, или имѣло такое значеніе въ очень недавнее время, не можетъ получить характера украшенія и, слѣдовательно, не будетъ приложимо къ цѣлямъ искусства». Мы уже не говоримъ о томъ странномъ взглядѣ, который обнаруживаетъ Спенсеръ, говоря объ «украшеніи», какъ о назначеніи искусства. Но положимъ, что это можетъ показаться иному дѣломъ спорнымъ; далѣе Спенсеръ грѣшитъ уже прямо противъ логики. Онъ высказываетъ самую странную поверхностность, утверждая, что искусство *должно* всѣхъ контрастовъ въ прошедшемъ; какъ-будто ихъ мало въ настоящемъ; какъ-будто на чердагѣ того самаго дома, гдѣ живетъ Спенсеръ, ученый и спокойный Спенсеръ, не гнѣдятся невѣжество, нищета и назойливая дума о кускѣ хлѣба въ pendant думѣ философа о судьбахъ человѣчества; какъ-будто у всѣхъ сердце бьется такъ же ровно, какъ у ученаго и невозмутимаго Спенсера; какъ-будто вѣтъ въ настоящемъ умныхъ людей и дураковъ, негодаевъ и честныхъ людей, людей цивилизованныхъ и коснѣющихъ въ грубости, вѣтъ стона и улыбки, брачнаго ложа и гробовыхъ мастеровъ, свѣта и тѣни, поцалуя и оплеухи,

звона дѣлѣй и колокольнаго звона, полиціи и 'мазуриковъ?... Съ чего же искусству гоняться за контрастами во времени, когда подъ руками у него неисчерпаемый рудникъ контрастовъ въ пространствѣ? По крайней мѣрѣ, гдѣ основанія въ самомъ спенсеровскомъ законѣ контраста для воспрещенія искусству передавать «жизнь, дѣла и стремленія своего времени»?

Читатель видитъ, что вся аргументація Спенсера не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и что здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи объ оцѣнѣ его теоретическихъ началъ, потому что ихъ логическія подпорки подкашиваются сами собой. И еслибы въ вышедшихъ до сихъ поръ порусски десяти выпускахъ собранія его сочиненій, кромѣ подобныхъ доказательствъ и положеній, не было ничего, то я, разумѣется, не считалъ бы нужнымъ говорить объ немъ. Но я собираюсь говорить, и говорить много.

Спенсеръ — имя, не пользующееся особенно громкою извѣстностью, но весьма почтенное. Сочиненія его не переведены ни на одинъ языкъ, кромѣ русскаго; не пользуется онъ, кажется, большою популярностью и на своей родинѣ. Но вотъ мнѣнія объ немъ людей, достаточно компетентныхъ:

«Г. Гербертъ Спенсеръ (въ статьѣ, сперва напечатанной въ Leader, марта 1852, и перепечатанной въ его Essays 1858) съ большою силою и ловкостью провелъ параллель между теоріей развитія органическихъ формъ и теоріей отдѣльныхъ твореній. Онъ выводитъ изъ аналогіи съ домашними организмами, изъ измѣненій, которымъ подвергаются зародыши многихъ видовъ, изъ трудности отличить разновидности отъ видовъ, изъ общаго начала постепенности, что виды измѣнились, и онъ приписываетъ измѣненіе измѣненнымъ жизненнымъ условіямъ. Тотъ же авторъ (1855) разработалъ психологію на основаніи необходимой постепенности въ приобрѣтеніи каждой умственной силы и способности». (Ч. Дарвинъ: «О происхожденіи видовъ»).

«Нѣтъ надобности говорить о людяхъ, еще въ наше время придерживающихся старыхъ мнѣній. Но если одинъ изъ самыхъ мощныхъ и отважныхъ дѣятелей, какихъ только произвела до сихъ поръ англійская мысль, человекъ, исполненный научнаго духа — мистеръ Гербертъ Спенсеръ, и тотъ, во главѣ своей философіи, выставляетъ ученіе, что высшій критерій истинности извѣстнаго положенія заключается въ непостижимости его отрицанія... и т. д. (Дж.-Ст. Милль. «Огюсть Контъ и позитивизмъ»).

Выписавъ эти отзѣвы, мы начинаемъ трусить. До сихъ поръ читатель, слѣдуя за нами, видѣлъ, что Спенсеръ ошибается, ошибается грубо, непростительно; но блескъ мнѣній Дарвина и Милля можетъ ослѣпить его, и на насъ обрушится старый укоръ въ неуваженіи къ авторитетамъ. Но изъ дальнѣйшаго читатель, надѣмся, убѣдится, что мы воздаемъ Кесарево Кесареви и Божіе Богови. Прибавимъ еще, что русскій издатель сочиненій Спен-

сера, г. Тибленъ, считаетъ его «величайшимъ изъ современныхъ мыслителей» и отводитъ ему такое же мѣсто въ рациональной философіи, «какое заняли Дарвинъ въ философіи естествознанія и Бокль въ философіи исторіи». И сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что это не издательская реклама. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько мѣткіе русскаго издателя преувеличено и насколько отзывъ Милля объясняется установившимся въ англійской печати обычаями этикета *, мы должны во всякомъ случаѣ сказать, что Спенсеръ—умъ очень крупнаго калибра; одинъ изъ тѣхъ всеобъемлющихъ, синтетическихъ умовъ, которые отъ времени до времени вносятъ духъ единства и жизни въ разрозненные факты, дебитные нѣсколькими поколѣніями менѣе даровитыхъ и даже совершенно бездарныхъ труженниковъ науки. О широкомъ захватѣ Спенсеровской мысли можно судить уже по одному оглавленію двухъ первыхъ томовъ русскаго изданія. Первый томъ заключаетъ въ себѣ статьи: «Прогрессъ, его законъ и причина»; «Философія слога»; «Трансцендентальная физиологія»; «Происхожденіе и дѣятельность музыки»; «Полезность и красота»; «Гипотеза развитія»; «Источники архитектурныхъ типовъ»; «Теорія слезъ и смѣха»; «Граціозность»; «Значеніе очевидности»; «Личная красота»; «Полезность антропоморфизма»; «Нравственность и политика желѣзныхъ дорогъ»; «Генезисъ науки»; «Обычай и приличія»; «Соціальный организмъ». Второй томъ: «Физиологія смѣха»; «Возбужденіе и воля»; «Торговая нравственность»; «Деньги и банки»; «Этика тюрьмы» и т. д. (Второй томъ русскаго изданія еще не приведенъ къ концу). Эти болѣею частью мелкія статьи, въ родѣ нашихъ журнальныхъ, или «научные, политическіе и философскіе опыты» представляютъ болѣе или менѣе законченные отрывки большихъ работъ. Изъ остальныхъ вышедшихъ до сихъ поръ порусскіи томовъ одинъ («Основныя начала») посвященъ разработкѣ, въ позитивномъ смыслѣ, нѣкоторыхъ собственно такъ-называемыхъ метафизическихъ вопросовъ и изложенію закона развитія; другой излагаетъ «Основанія биологіи»; третій занятъ «Нравственнымъ, умственнымъ и физическимъ воспитаніемъ» (сюда же вошли статьи «Гипотеза туманныхъ массъ» и «Нелогическая геологія»). Въ отдѣльной брошюрѣ излагается планъ «Классификаціи наукъ» и «Причины разногласія съ Контюмъ». Кромѣ того, наконецъ, мы идемъ «Соціальной статистикѣ» и «Основаніи психологіи». Послѣднее сочиненіе есть, кажется, лучший трудъ Спенсера.

Изъ этого длиннаго списка видно, что едва-ли найдется вака

* Надо, впрочемъ, замѣтить, что слова Милля заимствованы нами изъ той части книги «Огюстъ Контъ и положительная философія» (Спб. 1867), которая редактировалась издателемъ сочиненій Спенсера. Субъективный элементъ сказывается и въ переводѣ, переводчикъ своей личности стереть не можетъ, а потому глубокое уваженіе къ Спенсеру могло подсказать г. Тиблену немного слишкомъ сильныя эпитеты для передачи на русскій языкъ словъ Милля.

нибудь область знанія, которую бы Спенсеръ обѣжалъ и не затронулъ хоть мимоходомъ. Вопросы о границахъ религій и науки, о конечныхъ научныхъ и религиозныхъ идеяхъ, вопросы физиологическіе, педагогическіе, психологическіе, экономическіе, политическіе, геологическіе такъ или иначе вызываютъ его отвѣты, хотя, само собою разумѣется, отвѣты эти далеко не всегда одинаково удачны. Но вездѣ и во всемъ они имѣютъ синтетическій, обобщающій характеръ. Мы не имѣемъ ни времени, ни мѣста и не чувствуемъ себя достаточно сильными для того, чтобы представить читателю оцѣнку всѣхъ или даже только всѣхъ главнѣйшихъ выводовъ Спенсера. Мы можемъ только рекомендовать чтеніе Спенсера, какъ особенно пригодное и полезное для нашей публики, весьма мало знакомой съ современною западною философскою мыслью. Спенсеръ позитивистъ, хотя и не принадлежитъ къ школѣ Конта и весьма тщательно и ревниво заявляетъ о своей самостоятельности, до такой степени тщательно и ревниво, что это производитъ даже непріятное впечатлѣніе. Основныя начала положительной философіи, —исключительно опытное происхожденіе всѣхъ нашихъ знаній, ихъ относительность, невозможность проникнуть въ сущевенныя сущности вещей, строжайшая законосообразность явленій природы, — эти положенія еще слишкомъ мало переварены даже мыслящею частью нашего общества. И еслибы мы могли и хотѣли представить читателю все плодотворное для него значеніе чтенія сочиненій Спенсера, мы, какъ выражаются на ученыхъ диспутахъ официальные оппоненты, сказали бы гораздо больше, чѣмъ собираемся сказать теперь. Уясненіе основныхъ началъ положительной философіи есть, быть можетъ, въ настоящую минуту одно изъ настоятельнѣйшихъ дѣлъ для русскаго читающаго люда. Но мы предоставляемъ ему знакомиться съ этими началами изъ первыхъ рукъ, такъ-какъ теперь есть для этого кое-какая возможность, благодаря предпріятію г. Тиблена. Начиная съ широкихъ и смѣлыхъ обобщеній въ «Основныхъ началахъ», которыя не мѣшаютъ автору твердо помнить границу между областями «Познаваемаго» и «Непознаваемаго», до крошечной, но прелестной, какъ картина, статейки «Градиозность» (Т. I, Опыты), читатель почти въ каждой статьѣ Спенсера найдетъ чтонибудь новое и оригинальное, что-нибудь такое, надъ чѣмъ стоитъ задуматься. Словомъ, мы совѣтуемъ всѣмъ и каждому читать и читать Спенсера, не пугаясь его скатаго и своеобразнаго языка, къ которому привыкнуть нетрудно.

А теперь обратимся опять пова все къ той же «Пользѣ и красотѣ». Еслибы какой либо всероссійскій публицистъ торжественно провозгласилъ, что дважды-два стеариновая свѣчка, и въ доказательство привелъ бы таблицу умноженія, въ которой весьма явственно изображено, что дважды-два отнюдь не стеариновая свѣчка, а четыре; еслибы онъ далѣе заявилъ, что чай есть напитокъ пріятный и полезный, а *потому* его слѣдуетъ пить только

по утрамъ, или что политическая свобода есть благо, а потому только высшіе классы должны ею пользоваться; еслибы всероссійскій публицистъ написалъ или произнесъ что-нибудь въ этомъ родѣ,—то такіа страннаго умозаключенія допустили бы три различныя объясненія. Вопервыхъ, публицистъ могъ сболтнуть рядъ фразъ, не замѣчая, что онѣ не клеятся между собой; вовторыхъ, публицистъ могъ нагло и злонамѣренно свернуть съ логической дороги по направленію къ какому-либо изъ вѣсомыхъ или невѣсомыхъ земныхъ благъ; втретьихъ, публицистъ могъ быть непродоходимо тупъ. Ни одно изъ этихъ объясненій не можетъ быть приложено къ ошибкамъ Спенсера: ни въ нерашливости, ни въ тенденціозной наглости и ни въ тупости его заподозрить нельзя. Онъ мыслитель несомнѣнно сильный, осторожный и безпристрастный. А между тѣмъ приведенные промахи столь же несомнѣнно грубы до послѣдней степени, такъ что ихъ замѣтилъ бы самый дюжинный умъ. Можетъ быть, не всякій жалкій писака, взгляды котораго опредѣляются однѣми случайностями и не имѣютъ никакого бы то ни было общаго источника и устья, рѣшился бы подписаться подъ такой статьей, какъ «Полезьа и красота». Потому что это не защита ложнаго принципа, не случайная ошибка въ вычисленіи, не злонамѣренное извращеніе, не небрежное отношеніе къ предмету изслѣдованія,—это просто чисто логическія ошибки, непростительно плохое наведеніе и непростительно плохой силлогизмъ. «Одинъ изъ самыхъ мощныхъ дѣятелей, какихъ до сихъ поръ производила англійская мысль, человѣкъ, исполненный научнаго духа», въ доказательство своего положенія, приводитъ примѣры, опровергающіе его; затѣмъ ставитъ другое положеніе, и изъ него дѣлаетъ логически невозможный выводъ. Надъ такимъ фактомъ стоитъ призадуматься и поискать причинъ, которыя отвели мыслителю его обыкновенно зоркіе глаза. Помимо простого, такъ-сказать, психологическаго интереса подобнаго изслѣдованія, надо еще имѣть въ виду поучительность и даже плодотворность грубыхъ ошибокъ сильнаго ума. Намъ приходится на память афоризмъ, кажется, Бэкона: если пряткій человѣкъ хоть немного уклонится отъ настоящей дороги, то въ дальнѣйшемъ слѣдованіи отойдетъ отъ цѣли своего пути гораздо дальше и заблудится гораздо скорѣе, чѣмъ человѣкъ съ черепашинымъ ходомъ. Дѣло, значить, возможное, что сильный умъ впадаетъ въ ошибки болѣе грубыя, чѣмъ ошибки каковой-нибудь тупицы. И если намъ удастся открыть причины логическаго промаха человѣка недюжиннаго,—въ нравственномъ ли его складѣ, или въ какомъ либо изъ основныхъ его теоретическихъ положеній, то помимо тѣхъ истинъ, которыя будутъ добыты нами попутно, мы убѣдимся еще, что исходная точка мыслителя, или его пріемъ, вообще найденная фальшивая складка должна завести въ непроходимыя дебри всякаго, хоть будь онъ семи пядей во лбу. И чѣмъ болѣе рѣзкій диссонансъ представляетъ ошибка въ общей гармоніи міросозерцанія мыслителя, то-есть чѣмъ она

грубѣ, тѣмъ значить глубже лежать ея основанія и тѣмъ поучительнѣе будетъ наше изслѣдованіе.

Нѣкоторый намекъ на всемоє въ настоящемъ случаѣ объясненіе мы можемъ найти у самого Спенсера, въ его любопытной статьѣ «Значеніе очевидности». Спенсеръ доказываетъ въ ней, что точное наблюденіе есть дѣло вовсе не такъ легкое и простое, какъ обыкновенно думаютъ; что наблюдателя одинаково сбиваютъ съ толку и присутствіе и отсутствіе предвзятой мысли или, какъ онъ, а можетъ быть переводчикъ, не совсѣмъ вѣрно выражается,—гипотезы. Эту съ перваго взгляда парадоксальную и безъ должныхъ ограниченій дѣйствительно парадоксальную мысль онъ доказываетъ, по обыкновенію, примѣрами.—Дѣтъ полтора ста тому назадъ въ Англіи существовало такое повѣрье: плодъ деревьевъ, растущихъ на морскомъ берегу, свѣшивается въ море и черезъ нѣсколько времени превращается въ существа, заключенныя въ раковинахъ и извѣстныя подъ именемъ «уточекъ»; эти уточки усаживаются на погруженныхъ въ море вѣтвяхъ. Но на этомъ не оканчивается метаморфоза, и изъ уточекъ съ теченіемъ времени образуются морскія птицы, такъ-называемыя «уточки-гуси» (Wag-tale-goose). Эта исторія уточекъ-гусей признавалась не только простонародьемъ, а и натуралистами того времени, и притомъ у послѣднихъ вѣрованіе это «было основано на наблюденіяхъ, которыя были переданы и одобрены величайшими учеными авторитетами и опубликованы съ ихъ распоряженіемъ. Въ статьѣ, помѣщенной въ «Philosophical Transactions», сэръ Робертъ Морей, описывая этихъ уточекъ, говоритъ: «Въ каждой раковинѣ, которую я вскрывалъ, я находилъ совершенную морскую птицу: маленькій носъ, подобный носу гуса, обозначенные глаза, голову, шею, грудь, крылья, хвостъ и сформировавшіяся ноги, перья, вездѣ совершенно образовавшіяся и темноватаго цвѣта, и ноги, подобныя ногамъ морскихъ птицъ». Теперь эти уточки смирно сидятъ на одной изъ низшихъ ступеней зоологической лѣстницы, и Спенсеръ находить, что и представить себѣ нельзя, что такое Морей могъ принять въ ихъ организаціи за голову, крылья и т. д. морской птицы, нѣтъ даже намека на самое отдаленное сходство. А между тѣмъ Морей наблюдалъ и видѣлъ все это своими собственными глазами. Въ 1662 г., въ Мидльбургѣ была издана книга «Metamorphosis naturalis», особенно любопытная потому, что въ ней впервые была сдѣлана попытка подробно описать метаморфозы насѣкомыхъ. Къ книгѣ приложены таблицы съ изображеніемъ послѣдовательныхъ степеней развитія насѣкомыхъ, то-есть личинокъ, куколокъ и окончательныхъ развитыхъ насѣкомыхъ. Куколки нашихъ бабочекъ имѣютъ обыкновенно на переднемъ концѣ нѣсколько острыхъ возвышеній, расположенныхъ совершенно неправильно. «Несмотря на то, говорятъ Спенсеръ, въ таблицахъ этого «Metamorphosis naturalis» каждая куколка имѣетъ столь пзмѣненныя возвышенія, что представляется смѣшная человѣческая голова и каждому виду при-

даны различные профили. Вѣрилъ ли художникъ въ метемпсихозу и думалъ найти въ куколкахъ преобразившееся человѣчество; или былъ увлеченъ ложной аналогіей, которую такъ усиленно проводилъ Воглеръ между переходомъ отъ куклки къ бабочкѣ и отъ смертности къ бессмертію, и поэтому замѣчалъ въ куклѣ типъ человѣка, — неизвѣстно. Но мы видимъ здѣсь фактъ, что, подъ вліяніемъ того или другаго предвзятаго мнѣнія, онъ сдѣлалъ свои рисунки совершенно отличными отъ дѣйствительныхъ формъ. Онъ не только думаетъ, что это сходство существуетъ, не только говоритъ, что можетъ видѣть его: предвзятое мнѣніе такъ овладѣваетъ имъ, что руководить его кистью и заставляетъ воспроизводить изображенія, до крайней степени непохожія на дѣйствительныя. Далѣе Спенсеръ приводитъ тотъ фактъ, что два наблюдателя, исповѣдующіе различныя теоріи, смотря на одинъ и тотъ же предметъ, въ одинъ и тотъ же микроскопъ, описываютъ обыкновенно предметъ не одинаково.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ поразительно ложная передача фактовъ самими изощренными органами чувствъ обуславливается присутствіемъ ложнаго предвзятаго мнѣнія. Но и отсутствіе всякаго предвзятаго мнѣнія столь же невыгодно отзывается на результатахъ наблюденія. Изъ примѣровъ заблужденій этого рода, приводимыхъ Спенсеромъ, мы остановимся только на одномъ, изъ его собственнаго опыта. На дѣтскихъ рисункахъ Спенсера тѣнь какого-нибудь предмета изображалась всегда черною. Молодой рисовальщикъ видалъ на своемъ небольшомъ вѣку, разумѣется, множество тѣней и, такъ какъ онъ не видалъ на этотъ счетъ никакихъ заранѣе установленныхъ мнѣній, а въ большинствѣ видѣнныхъ имъ случаевъ тѣнь приближалась къ черному цвѣту, то глазъ его неспособенъ былъ различить противоположныхъ случаевъ. Такъ дѣло шло до восемнадцати лѣтъ. Тутъ Спенсеръ встрѣтился съ однимъ артистомъ-диллетантомъ, который сталъ ему доказывать, что тѣнь бываетъ не чернаго, а нейтральнаго цвѣта. Молодой человѣкъ спорилъ, приводилъ въ доказательство свое собственное наблюденіе, но, наконецъ, долженъ былъ сдаться. Тутъ только глаза его прочистились, и онъ убѣдился, что до сихъ поръ органъ зрѣнія обманывалъ его, докладывая, что тѣнь всегда черная; онъ увидѣлъ, что она бываетъ весьма часто цвѣтная. Прошло нѣсколько времени, и чтеніе популярнаго сочиненія по оптикѣ навело его на раздумье о причинахъ цвѣтныхъ тѣней. И когда, вслѣдствіе этого, у него составилось опредѣленное понятіе о тѣняхъ, глаза его стали очень явственно различать оттѣнки ихъ. Понявъ, что цвѣтъ тѣни зависитъ отъ цвѣта всѣхъ окружающихъ предметовъ, способныхъ испускать лучи и отражать свѣтъ, онъ увидѣлъ очень ясно, что, на примѣръ, въ лунную ночь, воелъ газоваго фонаря, карандашъ, помѣщенный перпендикулярно къ листу бумаги, дастъ двѣ тѣни: пурпурно-голубую и желто-сѣрую, производимыя отдѣльно горящимъ газомъ и луной. До тѣхъ поръ, пока

онъ не узналъ изъ теорій, что такъ должно быть, и приступалъ къ наблюдению безъ всякаго предвзятаго мнѣнія, онъ не замѣчалъ подобныхъ явленій. Такимъ образомъ, относительно самаго обыкновеннаго явленія, онъ имѣлъ послѣдовательно три убѣжденія, изъ которыхъ каждое основывалось на наблюдении. «Безъ помощи первой гипотезы, говоритъ онъ, я, вѣроятно, остался бы при общемъ убѣжденіи, что тѣни черны. Безъ помощи другой я оставался бы, вѣроятно, при убѣжденіи, на половину истинномъ, что онѣ нейтральнаго цвѣта». Изъ этого Спенсеръ и заключаетъ, что и присутствіе и отсутствіе предвзятаго мнѣнія невыгодно вліяютъ на точность наблюдений: въ первомъ случаѣ наблюдатель невольно поддается своей затаенной мысли и видитъ вещи не такими, каковы онѣ дѣйствительно, а во второмъ — упускаетъ изъ виду многое, существенно важное въ наблюдаемомъ явленіи. Гдѣ же исходъ изъ этой дилеммы? «Всѣ наблюдения, исключая тѣхъ, которыя производятся подъ вліяніемъ уже установленныхъ и истинныхъ теорій, рискуютъ оказаться извращенными или неполными». Въ концѣ концовъ мы, значить, все-таки отброшены къ предвзятому мнѣнію, съ тѣмъ, однако, важнымъ условіемъ, чтобы мнѣніе это имѣло за себя извѣстныя, полновѣсныя гарантіи. Оно должно вытекать изъ нѣкоторой прежней, проверенной и вполнѣ истинной оцѣнки извѣстной группы явленій. Всмотриваясь въ послѣдній изъ приведенныхъ нами примѣровъ Спенсера, нетрудно видѣть, что онъ весьма мало годится въ примѣры заблужденія отъ отсутствія предвзятаго мнѣнія. Молодой Спенсеръ не замѣчалъ цвѣтныхъ тѣней, очевидно, не потому, чтобы онъ не имѣлъ относительно этого какихъ бы то ни было убѣжденій, а напротивъ, въ силу ложнаго убѣжденія, что всѣ тѣни черны; онъ, слѣдовательно, все-таки приступалъ къ наблюдению съ предвзятымъ мнѣніемъ, а не безъ него. То же самое относится и ко всѣмъ приводимымъ имъ примѣрамъ этого рода. Да и едва-ли можно подыскать примѣръ заблужденія отъ отсутствія предвзятаго мнѣнія, потому что самое отсутствіе это немислимо. Человѣкъ всегда приступаетъ къ изслѣдованію съ предвзятымъ мнѣніемъ и, смотря по качеству послѣдняго, доходитъ то до гениальнаго открытія, то до невообразимой нелѣпости. Если читатель не согласится съ этимъ, то только потому, что въ умѣ его съ выраженіемъ «предвзятое мнѣніе» ассоціировалось представленіе о чемъ-то несостоятельномъ и неизбежно ложномъ, что, разумѣется, невѣрно. Предвзятое мнѣніе обуславливается двумя элементами: во-первыхъ, запасомъ предвидущаго, безсознательно или сознательно приобретеннаго опыта и, во-вторыхъ, высотой нравственнаго уровня изслѣдователя. И если этотъ нравственный уровень достаточно высокъ, а предварительная умственная работа была достаточно сильна, то нѣтъ причинъ опасаться за состоятельность предвзятаго мнѣнія. Бэконъ, навѣрно-грубо и, принимая въ соображеніе его личныя качества,

даже нѣсколько безсовѣстно говорить: «если мужъ зрѣлаго возраста, неподкутннмъ чувствуетъ, просвѣщенной души, обратить свой умъ на опытъ и частности, то отъ него можно будетъ ожидать многого». (Либихъ. Фр. Вэконъ Веруламскій и методъ естествознанія). Вы натуралистъ. Передъ вами развертывается безконечная цѣль явленій природы, но вы останавливаетесь на одномъ изъ звѣнцевъ этой цѣпи, и тѣмъ самымъ задаете себѣ извѣстный частный вопросъ. Почему вы остановились именно передъ такимъ фактомъ, а не передъ другимъ и задали себѣ именно этотъ вопросъ, а не тотъ? Потому что накопленный вами до этого момента опытъ позволяетъ вамъ предугадать отвѣтъ, и существованіе предвзятого мнѣнія связывается уже въ тожъ простомъ обстоятельстве, что вы обратили вниманіе на явленіе. «Даже въ наукѣ чисто опытной—говоритъ Милль (Система логики)—необходимъ поводъ произвести одинъ опытъ предпочтительно передъ другимъ. Отвлеченно, пожалуй, всѣ произведенные опыты *могли бы* быть сдѣланы по одному побужденію узнать, что именно случится въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, безъ всякаго предварительнаго предположенія относительно результата. Но на дѣлѣ эти не очевидныя, тонкія и часто затруднительныя и скучныя процессы опыта, бросающіе наибольшій свѣтъ на общій складъ природы, едва-ли были бы предиринаты тѣми лицами, которыя ихъ исполнили, или въ то время, когда они ихъ исполнили, еслибы не казалось, что отъ этихъ опытовъ зависитъ то, будетъ ли принята или нѣтъ какая-либо общая теорія, предложенная, но еще не доказанная». Человѣкъ находитъ только то, что ищетъ, и еслибы можно было предположить, что люди ничего не ищутъ, то они ничего и не нашли бы. Если человѣкъ аккуратно ведетъ свою умственную приходо-расходную книгу, если онъ угадалъ, что занесъ его знаній достаточно для отвѣта на заданный имъ себѣ вопросъ — онъ побѣдилъ; если его прежнія знанія ошибочны или ихъ недостаточно — онъ побѣжденъ. Такъ побѣждены были метафизическія теоріи, гоняшіяся за невозможнымъ, задававшія себѣ такіе вопросы, на которые для человѣка нѣтъ отвѣта. Такъ побѣждены были Морей и авторъ «*Metamorphosis naturalis*», приступавшіе къ наблюденію съ предвзятымъ мнѣніемъ, основаннымъ на недостаточномъ знаніи. Такъ изъ двухъ микро-скопистовъ, наблюдающихъ одо и то же явленіе, но придерживающихся различныхъ теорій, побѣжденъ, по крайней мѣрѣ, одинъ, а можетъ быть и оба. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, побѣда зависитъ не столько отъ обширности знаній, сколько отъ особенныхъ качествъ ума исследователя. Что же касается до второго элемента предвзятого мнѣнія, т.-е. до нравственнаго уровня, то, не столь очевидный въ естествознаніи, онъ даетъ себя особенно чувствовать въ социологіи. Такъ-какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ необходимымъ, но и съ желательнымъ, то въ поставляемыхъ нами себѣ цѣляхъ, предвзятое мнѣніе необ-

ходимо осложняется нравственнымъ элементомъ. Кромѣ истинности, достаточной для естествоиспытателя, предвзятое мнѣніе социолога должно отразить въ себѣ его идеалъ справедливости и нравственности, и смотря по высотѣ этого идеала онъ болѣе или менѣе приблизится къ пониманію смысла явленій общественной жизни. Едва только естествоиспытатель намѣтаетъ явленіе, желая подвергнуть его наблюденію, воображеніе его уже комбинируетъ усвоенныя имъ предварительно данныя съ подлежащимъ изслѣдованію фактомъ, и онъ приступаетъ къ наблюденію съ готовымъ уже въ общихъ чертахъ рѣшеніемъ. Если предварительно усвоенныя данныя стоятъ прочно, то и рѣшеніе его вѣрно; если нѣтъ — онъ находитъ птицу въ раковинѣ и человѣческое лицо на куколкѣ бабочки. Но для социолога этого мало. Морей, добросовѣстно наблюдая «уточекъ», вслѣдствіе ложнаго предвзятаго мнѣнія, видѣлъ въ нихъ птицъ. Славянофилъ, положимъ, тоже добросовѣстно изучая до-петровскую Россію, вслѣдствіе не менѣе ложнаго предвзятаго мнѣнія, не видитъ въ ней тѣневыхъ сторонъ. Морей могли бы помочь только здравыя понятія о взаимной зависимости естественныхъ фактовъ. Славянофилы могли бы спасти отъ заблужденія не только трезвыя взгляды на взаимную связь историческихъ явленій, но и общественный идеалъ, болѣе высокій, нежели состояніе допетровской Руси, а для выработки такого идеала требуется извѣстный нравственный уровень. Объ этомъ, впрочемъ, еще рѣчь впереди, а здѣсь съ насъ довольно того факта, что предвзятое мнѣніе неизбѣжно играетъ весьма значительную роль въ нашихъ изслѣдованіяхъ, какъ бы мы безпристрастны ни были. Сѣтовать на это нечего, во первыхъ, уже потому, что это неизбѣжно, а во вторыхъ, потому, что если предвзятое мнѣніе ведетъ весьма часто къ неполнымъ и ошибочнымъ наблюденіямъ и умозаключеніямъ, то имъ же обуславливается и дальнѣйшее движеніе науки впередъ. Отказаться отъ предвзятаго мнѣнія, значитъ отказаться отъ всего своего умственнаго и нравственнаго капитала, что и невозможно и было бы невыгодно, если даже допустить возможность такого самоотреченія. Нужно только имѣть въ виду, что предвзятое мнѣніе должно, какъ говоритъ Спенсеръ, вытекать изъ установившихся и истинныхъ теорій.

Возвращаясь опять къ вышеприведеннымъ ошибкамъ Спенсера, мы видимъ, что онъ неменѣе грубы, чѣмъ ошибки Морей и автора «*Metamorphosis naturalis*», хотя первыя касаются не непосредственныхъ наблюденій. Морей наблюдалъ усонюгахъ подѣ влияніемъ народнаго повѣрья, и нашелъ нѣчто невозможное. Но народное повѣрье составляло только ближайшую причину его заблужденія, и онъ не поддался бы ему, еслибы не думалъ, что странная метаморфоза усонюгаго въ птицу возможна; доступный ему вдругъ фактовъ не опровергалъ этой возможности, и онъ поддался влиянію народнаго предрассудка. Точно такъ же и Спенсеръ. Онъ разсуждаетъ о полезномъ и прекрасномъ и о

задачахъ искусства съ заранѣе готовимъ рѣшеніемъ, что въ историческомъ порядкѣ прекрасное слѣдуетъ за полезнымъ, и что искусство не должно изображать жизнь и стремленія настоящаго времени. Если онъ при этомъ видитъ въ усоногомъ птицѣ, то, принимая въ соображеніе обычную силу его мысли, мы должны придти къ заключенію, что два уваженныхъ предвзятыхъ мнѣнія примыкаютъ къ нѣкоторому болѣе основному заблужденію, лежащему въ самомъ корнѣ его міросозерцанія. Обстричь вѣтви дерева—штува нехитрая, и ужь, во всякомъ случаѣ, отъ Спенсера мы могли бы этого ожидать. Другое дѣло срубить самое дерево. Поэтому, какъ въ заблужденіи Мореа насъ въ особенности долженъ интересовать вопросъ: какимъ образомъ ученій могъ поддаться вліянію народнаго предрасудка? — такъ и относительно ошибокъ Спенсера главнымъ образомъ любопытно знать: почему въ умѣ его установилось мнѣніе о томъ, что искусство должно передавать только жизнь прошлаго, и установилось до такой степени прочно, что мѣшаетъ ему отличить птицу отъ усоногого. Словомъ, мы должны предположить, что карточный домикъ «Полезы и красоты» есть только пристройка къ нѣкоторому неменѣе карточному, но болѣе обширному домику.

Этотъ обширный карточный домикъ есть социологическая теорія Спенсера, и на ней-то мы и остановимся. Мы займемся собственно только однимъ обобщеніемъ Спенсера, но обобщеніемъ весьма широкимъ, захватывающимъ наиболѣе дороги для человѣка вѣрованія и убѣжденія, — подведеніемъ подъ одинъ и тотъ же масштабъ законовъ явленій природы и общественной жизни. Надо, впрочемъ, замѣтить, что аналогія между организмомъ естественнымъ и социальнымъ, между развитіемъ органическимъ и общественнымъ прогрессомъ составляетъ одинъ изъ пунктовъ, наиболѣе интересующихъ Спенсера. Онъ возвращается къ ней при всякомъ удобномъ случаѣ не только почти во всѣхъ своихъ великихъ статьяхъ, но и въ «Основныхъ началахъ» и въ «Основаніяхъ биологій» и въ опытѣ о воспитаніи, и на этой же идѣ построена, безъ всякаго сомнѣнія, его «Соціальная статика», въ русскомъ переводѣ еще несуществующая. Законы социальнаго прогресса составляютъ для него не болѣе, какъ частный случай общихъ, трансцендентныхъ законовъ развитія вообще, а потому читатель можетъ получить изъ нашей статьи понятіе не только о воззрѣніяхъ Спенсера на частный вопросъ первостепенной важности, но и объ одной изъ самыхъ любимыхъ общихъ идей его. Считаемъ, однако, нужнымъ замѣтить, что социологическая теорія Спенсера есть Ахиллесова пята его философіи, и каковъ бы ни былъ результатъ, къ которому мы придемъ, онъ отнюдь не долженъ быть распространенъ на всѣ выводы Спенсера. Ахиллесова же пята эта требуетъ въ настоящемъ случаѣ весьма тщательнаго обследованія, потому что нѣкоторыя особенности мышленія и изложенія Спенсера могутъ скрыть отъ читателя несостоятель-

ность его возрѣній на задачи социологiи и его способъ рѣшенiя ихъ.

Спенсеръ излагаетъ свои мысли въ высшей степени спокойно и безстрастно, обставляетъ ихъ множествомъ примѣровъ изъ самыхъ разнообразныхъ отраслей науки и жизни, причемъ обнаруживаетъ огромныя свѣдѣнiя, и располагаетъ свои примѣры чрезвычайно искусно. Эти-то свойства его аргументацiи дѣлаютъ ее чрезвычайно опасною, и въ особенности для насъ русскихъ. Спенсеръ трактуетъ объ общественныхъ вопросахъ совершенно такъ же безстрастно, какъ о гипотезѣ туманныхъ массъ или о фазахъ развитiя гидры. Мы къ этому не привыкли. Мы, въ счастiю или къ несчастiю, не досрости до объективнаго отношенiя къ фактамъ общественной жизни, и субъективная точка зрѣнiя скривить въ каждой строкѣ, какъ нашихъ собственныхъ политическихъ писателей, такъ и бѣльшей части тѣхъ иностранныхъ авторовъ, съ которыми мы до сихъ поръ знакомились. Поэтому, встрѣчаясь съ спокойнымъ мыслителемъ, ищущимъ одной только голы и объективной истины, очевидно неподдающимся подъ чьи бы то ни было интересы, мы можемъ либо просто отвернуться отъ добытыхъ ихъ, неприятныхъ для насъ истинъ, или же слѣпо увлечься ихъ истинностью. И то, и другое, разумѣется, прискорбно. Мы и безъ того играемъ относительно Западной Европы роль бухарки, получающей отъ барини по слѣдству старомодныя шланки. Въ то время, какъ мы еще дѣлимся на материалистовъ и спиритуалистовъ, передовая западная мысль, въ лицѣ Конта, Спенсера, и проч., отрицаетъ и ту, и другую систему. Въ то время, какъ въ нашемъ обществѣ то и дѣло раздаются упреки передовымъ людямъ въ атеизмъ, — позитивизмъ называетъ атеистовъ «самыми нелогическими теологами» (выраженiе Конта и — совершенно независимо отъ него — одного изъ крайнихъ лѣвыхъ гегелианцевъ). Легко можетъ быть, что нѣкоторые принципы позитивной социологiи перейдутъ къ намъ тогда, когда они уже падутъ въ Западной Европѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, напримѣръ, въ социологическихъ выводахъ Спенсера одна часть нашего мыслящаго общества можетъ увлечься грандиознымъ захватомъ явленiй природы и общественной жизни въ руки одного великаго принципа; а другая — той научной санцiей, которую, повидимому, даетъ Спенсеръ существующему порядку. Притомъ же онъ обладаетъ такими знанiями и такъ ловко пускаетъ ихъ въ ходъ, что читатель невольно поддается ему и видитъ въ его выходахъ только непреоборимую истину. Аргументацiя Спенсера обыкновенно располагается по тому же плану, какой мы видѣли въ статьѣ «Полезъ и красота». Онъ ставитъ положенiе, затѣмъ приводитъ возможно бѣльшее количество примѣровъ, подтверждающихъ его, и наконецъ, выдвигаетъ рациональное основанiе своему выводу. Слѣдую этому плану изложенiя, Спенсеръ подавляетъ читателя массою пояснительныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ самыхъ разнооб-

разныхъ сферъ. Мысль его оказывается чрезвычайно широкою, и читатель, поддавшись обаянію этой ширины, не замѣчаетъ проскальзывающаго кое-гдѣ недостатка глубины. Онъ едва успѣваетъ слѣдить за авторомъ, легко и свободно переносящимся изъ одной области въ другую, и вездѣ оказывающимся у себя дома. А между тѣмъ, авторъ только самымъ поверхностнымъ образомъ захватываетъ эти области и, самъ увлеченный строгостью своей формулы, стремится главнымъ образомъ доказать ея всеобъемлемость. Поэтому, когда онъ въ концѣ концовъ обращается къ дедукціи для подтвержденія индуктивнымъ путемъ добытой формулы, старается связать ее причинно съ нѣкоторымъ болѣе общимъ фактомъ, ему приходится только перифразировать свой первоначальный выводъ, еще требующій, по крайней-мѣрѣ, подтвержденія, если не доказательства, или же установить его на крайне шаткихъ основаніяхъ. Получается карточный домикъ, непрочности котораго читатель, находясь уже во власти мыслителя, легко можетъ не замѣтить.

II.

Что такое прогрессъ?

Вывставивъ этотъ вопросъ, Спенсеръ замѣчаетъ, что слово «прогрессъ» крайне неопредѣленно, потому что имъ обозначаются предметы чрезвычайно различные. Главное же неудобство этого слова состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что съ нимъ связано телеологическое понятіе: «всѣ явленія разсматриваются съ точки зрѣнія человѣческаго счастья; только тѣ измѣненія считаются прогрессомъ, которыя прямо или косвенно стремятся упрочить счастье человѣка, и считаются они прогрессомъ только *потому*, что способствуютъ этому счастью». Телеологическій смыслъ слова «прогрессъ» суживаетъ его значеніе, а потому «наша задача, говоритъ Спенсеръ, состоитъ въ томъ, чтобы проанализировать различные классы измѣненій, обыкновенно называемыхъ прогрессомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе классы, которые сходны съ ними, но прогрессомъ не считаются; при этомъ, мы хотимъ разсмотрѣть, въ чемъ состоитъ ихъ существенная природа, независимо отъ отношеній къ нашему благоденствію» (Основныя начала, 159). Такъ Спенсеръ и дѣлаетъ въ своемъ опытѣ «Прогрессъ, его законъ и причина», а, перенеся послѣдній почти цѣлкомъ въ «Основныя начала», во избѣжаніе сбивчивости, даже замѣняетъ слово «прогрессъ» словомъ «развитіе» (evolution).

Итакъ, что такое развитіе? не развитіе человѣка или общества, животнаго или солнечной системы, дерева или человѣческаго языка, а развитіе вообще; каковы его трансцендентные законы? Для отвѣта на этотъ вопросъ Спенсеръ обращается прежде всего къ частному случаю, — къ развитію органическому. Открытія и изслѣдованія физиологовъ показали, что процессъ,

которому подвергается яйцо при преобразованіи его въ животное, и сѣмя при переходѣ въ взрослое растение, состоитъ въ постепенномъ усложненіи. Вѣрь формулировалъ законъ органическаго прогресса, какъ переходъ отъ простаго къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному, путемъ послѣдовательныхъ расчлененій или дифференцированій. Въ первую пору своего существованія зародышъ представляется относительно однороднымъ какъ по тѣни, такъ и по химическому составу. Но съ теченіемъ времени въ немъ явственно обособляются сначала двѣ части, изъ которыхъ каждая дифференцируется въ свою очередь, и т. д. Этотъ процессъ продолжается до тѣхъ поръ, пока организмъ достигнетъ, наконецъ, кульминаціонной точки своего развитія, т. е. усложненія. Это широкое и вполнѣ научное обобщеніе Спенсеръ владеть въ основаніе обобщенія еще болѣе широкаго, хотя, какъ увидимъ, и не столь научнаго, какъ обобщеніе Бэра. «Законъ органическаго развитія—говоритъ онъ—есть законъ всякаго развитія. Касается ли дѣло развитія земли или развитія жизни на ея поверхности, развитія общества, государственнаго управленія, промышленности, торговли, языка, литературы, науки, искусства, — всюду происходитъ то же самое развитіе отъ простаго къ сложному путемъ послѣдовательныхъ дифференцированій. Начиная отъ первыхъ сколько-нибудь замѣтныхъ космическихъ измѣненій до позднѣйшихъ результатовъ цивилизаціи, мы находимъ, что превращеніе однороднаго въ разнородное есть именно то явленіе, въ которомъ заключается сущность прогресса».

Положеніе поставлено, и Спенсеръ начинаетъ, по обыкновенію, приводить многочисленныя примѣры. Отъ развитія солнечной системы, очеркъ которой строится имъ на гипотезѣ туманныхъ массъ, онъ переходитъ къ геологическому развитію земли, къ развитію земной фауны и флоры, и затѣмъ, наконецъ, къ развитію рода человѣческаго, въ его индивидуальныхъ формахъ, расовыхъ и національныхъ группахъ и въ «соціальной организаціи».

Нынѣ существующіе дикіе народы и нѣкоторыя отрывочныя свидѣтельства исторіи рисуютъ намъ первобытную культуру достаточно удовлетворительно. Въ первобытномъ обществѣ раздѣленіе труда почти не существуетъ. Оно, можетъ быть, неидетъ дальше спеціализаціи мужскаго и женскаго труда. Но, затѣмъ, каждый членъ общества является одновременно охотникомъ, рыбакомъ, оружейникомъ, воиномъ — словомъ, энциклопедистомъ по всѣмъ доступнымъ первобытному человѣку отраслямъ труда и знанія. Каждое семейство само удовлетворяетъ, своими собственными силами, всѣмъ своимъ потребностямъ. И потому, принимая въ соображеніе однородность физическихъ условій мѣстности, занятой кучкой первобытныхъ людей, мы видимъ, что вся эта кучка въ цѣломъ представляетъ почти идеальную однородность. Между членами ея нѣтъ большаго различія въ занятіяхъ, въ уровнѣ интеллектуальнаго развитія, въ физической

сидѣ, въ организаціи. Но съ теченіемъ времени общество дифференцируется на управляющихъ и управляемыхъ. Сначала это различіе не имѣетъ слишкомъ рѣзкаго характера. Вожди, предводители, какъ и предводимые, сами рубятъ дрова и ходятъ на охоту, сами строятъ свое жалкое жилище и приготавливаютъ думи и стрѣлы. Но зерно разнородности уже залегло въ дѣйственной почвѣ первобытнаго общества и скоро власть вождей обращается въ наследственную. За вождями окончательно удерживается ихъ роль правителей, они перестаютъ работать сами, употребляя для этого рабовъ, приобретенныхъ войною или инымъ путемъ, а остающіеся у нихъ такимъ образомъ досугъ идутъ на интеллектуальное развитіе. Своимъ чередомъ образуется власть духовная. Наше однородное общество распалось на управляющихъ и управляемыхъ, а управители — на управителей свѣтскихъ и духовныхъ. Общество стало разнороднѣе. На этой ступени дифференцированіе не останавливается, и въ концѣ-концовъ образуется въ высшей степени сложная организація управленія. Мы доходимъ до вывѣшняго конституціоннаго типа, въ которомъ болѣе или менѣе строго разграничиваются власти законодательная, исполнительная, судебная со всѣми ихъ развѣтвленіями: монархъ, министры, палаты, суды, казначейства, полиція, администрація губернская и уѣздная, департаменты, отдѣленія и т. д. Духовная власть, находившаяся первоначально въ рукахъ равныхъ между собою лицъ, распределяется съ теченіемъ времени между патриархами, митрополитами, архіепископами, епископами и т. д. Нравы и обычаи, подъ вліяніемъ различія общественныхъ положеній, такъ же утрачиваютъ свою однородность. Наука, уже дифференцировавшаяся отъ религіи и философіи, сама дробится на множество вѣтвей. Въ то же время происходитъ быстрое дифференцированіе и въ средѣ управляемыхъ. Подъ вліяніемъ экономическаго раздѣленія труда въ тѣсномъ смыслѣ, они распадаются постепенно на множество классовъ, занятыхъ какою-нибудь однимъ спеціальномъ дѣломъ; такъ что мы доходимъ, наконецъ, до того, что рабочій дѣлаетъ только булавочныя головки или одно изъ колесъ часоваго механизма. Въ концѣ-концовъ трудно узнать первобытное однородное общество.

Далѣе Спенсеръ слѣдитъ за этимъ же переходомъ отъ однороднаго къ разнородному въ развитіи языка, письменности, искусства. Напримѣръ, поэзія, музыка и танцы составляли иъ-вогда одно цѣлое. Израильтѣне плясали и пѣли при сооруженіи золотого тельца. Пляска и игра на цимбалахъ сопровождали пѣніе торжественнаго Моисеева гимна на побѣду надъ египтянами. Въ Греціи, въ Римѣ и даже въ позднѣйшее время въ христіанскихъ странахъ хоръ плясалъ подъ музыку. Но теперь мы видимъ, что эти три отрасли искусства совершенно дифференцировались. Мы имѣемъ молчаливый балетъ, въ которомъ музыка не имѣетъ почти никакого значенія; у насъ есть опера, въ которой мы слушаемъ только музыку и пѣніе или даже одно

только пѣвнѣ и гдѣ поэзія, въ собственномъ смыслѣ, играетъ роль болѣе чѣмъ сомнительную. И эго еще таія сферы, гдѣ связь между тремя первичными элементами наиболѣе сохранилась. Крімъ того, переходъ отъ однороднаго къ разнородному связывается не только въ отдѣленіи этихъ трехъ искусствъ другъ отъ друга, но и въ послѣдовательныхъ дифференцированіяхъ, черезъ которыя прошло каждое изъ нихъ. Древняя поэма дифференцировалась въ эпическую и лирическую. Первобытныя ударныя музыкальныя инструменты въ родѣ барабана послѣдовательно замѣнились множествомъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ. Первобытныя хорюды, развиваясь, распались на безчисленное количество различныхъ танцевъ.

Поднодя всему этому итогъ, Спенсеръ видитъ полное торжество своей формулы органическаго развитія, какъ прототипа всякаго развитія, какое мы себѣ только можемъ представить. Надо удивляться терпѣнію и искусству, съ которыми Спенсеръ, во всѣхъ возможныхъ явленіяхъ природы и общественной жизни, слѣдитъ за элементами своей индукціи. Эго очень поучительныя страницы, которыя мы съ удовольствіемъ выписали бы дѣлкомъ, еслибы у насъ не было впереди дѣла поважнѣе.

Какъ бы ни была исполнена эга часть труда Спенсера, читатель уже изъ немногихъ приведенныхъ нами примѣровъ долженъ убѣдиться, что эго обобщеніе есть обобщеніе чисто эмпирическое. Спенсеръ на этомъ не останавливается и, установивъ индуктивнымъ путемъ законъ развитія, ищетъ затѣмъ эго причину. Къ какому истинному познанию, онъ прямо отказывается удовольію эту причину, какъ нумень, какъ «вещь въ себѣ» метафизиковъ. Онъ и здѣсь не ищетъ дальше феноменальной стороны и только хочетъ свое эмпирическое обобщеніе поднять до уровня обобщенія раціональнаго. Если, разсуждаетъ онъ, переходъ отъ однороднаго къ разнородному представляетъ до такой степени общее явленіе, то онъ долженъ быть связанъ съ какимъ-нибудь рядомъ извѣстныхъ намъ фактовъ, которые, вслѣдствіе безочечнаго повторенія и ежедневнаго опыта, сами уже не требуютъ для себя доказательства, но могутъ быть признаны причиной развитія, т.-е. перехода отъ однороднаго къ разнородному. Гдѣ же искать этой причины? Самое общее свойство всѣхъ видовъ развитія состоитъ въ томъ, что всѣ они представляютъ нѣкоторыя измѣненія, а слѣдовательно, причина развитія должна корениться въ нѣкоторыхъ характеристическихкихъ чертахъ измѣненій вообще. Эти характеристическія особенности всякихъ измѣненій, общія всѣмъ имъ, сводятся для Спенсера къ двумъ трансцендентнымъ законамъ. Первый изъ нихъ формулируется такъ: «Каждая дѣйствующая сила производитъ болѣе одного измѣненія, каждая причина производитъ болѣе одного дѣйствія», или въ болѣе отвѣченномъ видѣ: «всякое измѣненіе сопровождается болѣе, нежели однимъ измѣненіемъ». Спенсеръ полагаетъ, что эготъ основной законъ измѣненій находится къ ва-

кону развитія въ такомъ же отношеніи, какъ законъ тяготѣнія къ законамъ Кеплера. Аргументація Спенсера на этомъ пунктѣ понятна и безъ тѣхъ многочисленныхъ примѣровъ, которыми онъ добросовѣстно обременяетъ свое изложеніе. Дѣло-то все въ томъ, что если каждое измѣненіе сопровождается болѣе нежели однимъ измѣненіемъ, то это должно вести все къ большому и большому усложненію результатовъ. Второй законъ, заключающій въ себѣ причину развитія, есть слѣдующій: «условія однородности суть условія неустойчиваго равновѣсія». Этотъ второй законъ Спенсеръ опять подтверждаетъ примѣрами изъ міра физическаго и соціального. И тѣмъ завершается все зданіе, построенное такъ тщательно и съ такимъ искусствомъ, что подъ него, кажется, иголки не подточить. Въ исходной точкѣ отброшены элементы, могущіе оказать вредное вліяніе на ходъ изслѣдованія; фактовъ собрано множество и методы индуктивный и дедуктивный взаимно пополняютъ и повѣряютъ другъ друга. Въ цѣломъ получается работа, повидимому, мастерская, по тщательности отдѣлки деталей и по ширинѣ обобщенія, охватывающаго весь міръ отъ явленій астрономическихъ и геологическихъ, до жизни и твореній человѣка.

Но если вы поближе вглядитесь въ это величественное, совершенно симметрическое и украшенное всевозможными орнаментами зданіе, то увидите, что, по отношенію къ занимающимъ насъ соціологическимъ вопросамъ, въ этомъ зданіи требуется сдѣлать весьма существенныя поправки; до такой степени существенныя, что послѣ нихъ дедуктивная сторона изслѣдованія окажется, по крайней мѣрѣ, безсодержательною, индуктивный процессъ неполнымъ и потому результаты его ошибочными, а исходная точка, тщательно охраняемая отъ вторженія телеологическаго элемента — ложною. Мы знаемъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, мы не забыли, что Спенсеръ есть «одинъ изъ самыхъ мощныхъ дѣятелей, какихъ до сихъ поръ произвела англійская мысль», и потому желали бы быть какъ можно сдержаннѣе и осторожнѣе. Да пошлетъ намъ судьба столько же терпѣнія и искусства, сколько она даровала Спенсеру для постройки его грандіознаго обобщенія, которому самъ онъ придаетъ весьма важное значеніе. Мы боимся главнымъ образомъ запутаться въ *embarras de richesses* слабыхъ пунктовъ аргументаціи Спенсера.

Начнемъ съ конца, т.-е. съ двухъ основныхъ законовъ, причинно обусловливающихъ развитіе. Для уясненія ихъ значенія возьмемъ на удачу одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, приводимыхъ Спенсеромъ для утвержденія ихъ индуктивнымъ путемъ. Вы зажигаете свѣчку, т.-е. прилагаете къ фитилю ея силу нѣкоторой посторонней теплоты. Начинается рядъ разнообразныхъ химическихъ и физическихъ явленій: образуется углекислота, вода, появляется свѣтъ, химическій процессъ развиваетъ теплоту, образуется струя разгоряченныхъ газовъ, новые токи воздуха; каждый изъ этихъ результатовъ даетъ новое, все болѣе слож-

вне: углекислота, отдѣлившаяся при горѣннн, соединяется съ какииъ нибудь новыми основаніемъ или вновь разлагается, чтобы выдѣлать свой углеродъ листьямъ растеній и т. д. Такимъ образомъ, — разсуждаетъ Спенсеръ, — одна сила приложенной первоначально въ свѣчѣ теплоты производитъ множество измѣненій, множество дѣйствій. Но она производитъ ихъ, очевидно, только благодаря разнородности среды и состава свѣчки и фитиля; не будь этой разнородности, и сила не произвела бы даже и одного дѣйствія. Эту послѣднюю комбинацію намъ, живущимъ уже въ готовой разнородной средѣ, которая и миллионы лѣтъ тому назадъ была уже разнородною, трудно себѣ представить. Но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что количество измѣненій, производимыхъ нѣкоторою силою въ нѣкоторомъ тѣлѣ, обуславливается степенью разнородности какъ этого тѣла, такъ и окружающей среды. Уменьшая постепенно, съ одной стороны, разнородность тѣла, на которое непосредственно обращено дѣйствіе силы, и разнородность среды, въ которой происходитъ это дѣйствіе, мы будемъ получать все менѣе и менѣе сложные результаты; такъ что, дойдя до полной однородности, т.-е. слитія среды съ тѣломъ, мы, пуская въ ходъ все ту же силу, не получимъ ни одного измѣненія. Эту комбинацію, повторяемъ, намъ трудно себѣ представить. Но возьмемъ простое химическое тѣло, необъясляющееся ни при какихъ извѣстныхъ намъ условіяхъ и, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ уединенное до извѣстной степени отъ вліянія разнородности среды, — золото и подвергнемъ его дѣйствію одной силы высокой температуры. Мы получимъ только одно измѣненіе или, по крайней мѣрѣ, только одинъ видъ измѣненій, — золото придетъ въ жидкое состояніе, т.-е. въ немъ произойдетъ нѣкоторое перемѣщеніе частицъ. Возьмите, наоборотъ, тѣло разнородное, сложное химическое соединеніе — и сила высокой температуры въ обыкновенной воздушной средѣ произведетъ нѣсколько дѣйствій: тѣло, можетъ быть, расплавится, разложится, затѣмъ элементы его могутъ соединиться съ кислородомъ воздуха и полученные такимъ образомъ окислы опять произведутъ какиа нибудь дѣйствія на окружающіе предметы. Но здѣсь мы имѣемъ, во первыхъ, разнородное вещество, а во вторыхъ, не одну силу теплоты, а кромѣ того силу химическаго средства. Такимъ образомъ, законъ — одна причина производитъ нѣсколько дѣйствій — долженъ быть въ сущности сведенъ къ истинѣ гораздо менѣе широкой и гораздо менѣе цѣнной: нѣсколько причинъ производятъ нѣсколько дѣйствій. Съ извѣстной точки зрѣнія, вѣрна и первая формула; но такъ-какъ законъ нарастанія дѣйствій обуславливается присутствіемъ уже готовой разнородности среды, то вывести изъ него законъ развитія, какъ перехода отъ однороднаго къ разнородному, нѣтъ никакой возможности. Причина производить болѣе одного дѣйствія только въ разнородной средѣ, а такъ-какъ среда, въ которой мы живемъ и наблюдаемъ всевозможныя явленія, разнородна, то въ ней

обыкновенно дѣйствительно имѣеть мѣсто означенный законъ. Мы говоримъ «обыкновенно», потому что самая разнородность среди можетъ быть такъ подогнана, что сила произведетъ только одно дѣйствіе, или ни одного дѣйствія, или, наконецъ, нѣсколь- ко силъ не произведутъ ни одного или только одно измѣненіе. Но за всѣмъ тѣмъ, законъ развитія, какъ переходъ однороднаго въ разнородное, остается такимъ же эмпирическимъ закономъ, какимъ онъ былъ и до установленія перваго основнаго закона измѣненій. Спенсеръ говоритъ: «если гипотеза туман- ныхъ массъ будетъ когда нибудь подтверждена, намъ станетъ яснымъ, что вся вселенная вообще, такъ же, какъ и всякій ор- ганизмъ, была нѣкогда однородна» (Опыты, I, 57). Если это когда нибудь случится, то намъ станетъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неяснымъ, какимъ образомъ эта однородная вселенная распалась на существующій разнородный міръ. Но крайней мѣрѣ, Спенсеровъ законъ измѣненій не поможетъ намъ здѣсь ни на волосъ. Въ этой однородной вселенной не было, конечно, раз- нородной среды, иначе она не была бы однородной вселенной, а Спенсеровъ основной законъ измѣненій справедливъ только для разнородной среды. Пусть въ разнородной средѣ однородное (собственно болѣе или менѣе разнородное) переходить въ разно- родное. Но, отправляясь отъ такого бы то ни было частнаго факта и постепенно восходя все выше и выше, мы все-таки на- тольнемся на вопросъ: откуда же взялась разнородная среда? Задавая этотъ вопросъ, мы не приглашаемъ Спенсера стать на онтологическую точку зрѣнія и не становимся на нее сами. Мы не требуемъ отъ него объясненія генезиса вещей, не просимъ рассказать намъ, какъ и почему явилась однородная вселенная. Но какимъ образомъ однородная вселенная превратилась въ раз- нородную,—это именно поставленная имъ себѣ задача. И одного его законъ измѣненій, при помощи котораго онъ рѣшаетъ эту задачу, имѣеть мѣсто только уже при существованіи разнород- наго міра. Мы видимъ поэтому, что законъ, по которому всякое измѣненіе сопровождается болѣе нежели однимъ измѣненіемъ, будучи условно вѣрнѣе, отнюдь не можетъ служить доказатель- ствомъ эмпирически найденной формулы развитія, какъ перехода отъ однороднаго къ разнородному. Можетъ ли быть найдено рациональное основаніе этой формулы, или она составляетъ для нашего ума предѣлъ его же не преидеши,—это другой вопросъ. Но Спенсеръ такого основанія не даетъ, и та доля истины, ко- торая заключается въ его основномъ законѣ измѣненій, ничего по этому пункту не объясняетъ и не доказываетъ.

Къ тому же результату, приводитъ анализъ и другаго закона Спенсера—неустойчивости однороднаго. Свой первый основной законъ Спенсеръ доказываетъ только индуктивнымъ путемъ, при- зывая его такимъ образомъ выраженіемъ конечнаго факта, ко- торый не можетъ быть сведенъ къ факту болѣе общаго харак- тера; тогда какъ законъ неустойчивости однороднаго доказан-

вается имъ и путемъ вывода и путемъ наведенія. Вслѣдствіе этого безсодержательность этого втораго закона выступаетъ ярче. — Какъ бы хорошо ни были устроены вѣсы и какъ бы ихъ ни старались предохранить отъ грязи, пыли и ржавчины, обѣ чашки невозможно удержать въ состояніи полного равновѣсія: онѣ будутъ постоянно колебаться и, слѣдовательно, усвоивать разнородныя отношенія; такимъ образомъ въ этомъ случаѣ однородное оказывается механически неустойчивымъ и стремится къ разнородности. Другой примѣръ. Нагрѣйте кусокъ металла такъ, чтобы онъ былъ раскаленъ равномѣрно по всѣмъ своимъ частямъ; когда этотъ раскаленный кусокъ металла начнетъ охлаждаться, то его первоначальная термическая однородность окажется неустойчивою, потому что наружные слои, охлаждаясь быстрее внутреннихъ, будутъ отъ нихъ отличаться, и т. д.. Такъ или иначе, химическимъ путемъ или электрическимъ, механическимъ или термическимъ, но равновѣсіе однороднаго нарушается. — Читатель, основываясь на этихъ примѣрахъ, подобранныхъ вообще очень ловко, можетъ придать закону Спенсера слишкомъ большое значеніе, можетъ даже забѣжать впередъ и, противопоставляя однородное разнородному, можетъ признать условія разнородности условіями устойчиваго равновѣсія. Дѣйствительно, если мы на одну изъ чашекъ вѣсовъ положимъ гирю, вслѣдствіе чего отношенія чашекъ будутъ разнородны, то коромысло приметъ нѣкоторое наклонное положеніе и вѣстѣ съ тѣмъ чашки перестанутъ колебаться, т.-е. равновѣсіе получится устойчивое. Но нетрудно подобрать примѣры противоположнаго свойства, сравнивая, на примѣръ, устойчивость стола съ четырьмя ножками съ устойчивостью того же стола, когда одна изъ его ножекъ короче или совсѣмъ выдернута. Но не въ томъ дѣло. Спенсеръ, разумѣется, очень хорошо понимаетъ, что если однородное неустойчиво, то тѣмъ неустойчивѣе въ большинствѣ случаевъ должно быть разнородное, и разъясненіе этого обстоятельства необходимо для его собственной аргументаціи. За нѣсколько страницъ передъ установленіемъ закона неустойчивости однороднаго, Спенсеръ трактуетъ о зависимости, существующей между степенью сложности химическихъ соединений и ихъ устойчивостью предъ дѣйствіемъ высокой температуры. Простыя тѣла, неразложимыя различными средствами химіи, обладаютъ *наибольшою устойчивостью*, они же представляютъ и полную химическую *однородность*. Закиси, щелочи и земли, составъ которыхъ уже болѣе разнороденъ, менѣе устойчивы нежели элементы, но представляютъ собою самыя устойчивыя изъ сложныхъ тѣлъ. Еще болѣе разнородны окиси, переокси и кислоты, затѣмъ соли, двойныя соли и т. д. представляютъ и болѣшую неустойчивость. Эта пропорціональность между степенями неустойчивости и разнородности идетъ все crescendo, выражается все рѣзче и оканчивается на органическихъ соединеніяхъ, наиболѣе сложныхъ и наименѣе устойчивыхъ. «При равенствѣ другихъ условій, — заключаетъ

Спенсеръ, — постоянство соединеній уменьшается по мѣрѣ возрастанія ихъ сложности», или, наоборотъ, постоянство соединеній увеличивается по мѣрѣ ихъ упрощенія. Подобные факты, число которыхъ можетъ быть значительно увеличено (напримѣръ, видъ тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ проще и однороднѣе организація составляющихъ его недѣлимыхъ), говорятъ скорѣе въ пользу существованія закона устойчивости однороднаго. Какъ только мы достигнемъ однородности вещества въ какомъ нибудь отношеніи, напримѣръ, въ химическомъ, такъ оно оказывается наиболѣе устойчивымъ, а слѣдовательно законъ неустойчивости однороднаго долженъ быть значительно суженъ. Но посмотримъ на доказательства Спенсера. Почему однородныя чашки вѣсовъ механически неустойчивы? Почему термически неустойчивъ кусокъ раскаленнаго металла? Потому, отвѣчаетъ Спенсеръ, что «разныя части какой нибудь однородной агрегаціи подвергаются дѣйствию различныхъ силъ, — силъ, которые отличаются или по роду своему, или по своимъ размѣрамъ. Будучи же подвергнуты дѣйствию разныхъ силъ, онѣ по необходимости будутъ и измѣняться различнымъ образомъ». Итакъ, для того, чтобы однородное оказалось неустойчивымъ, разные части его должны быть подвергнуты дѣйствию разныхъ силъ, чего, разумѣется, можетъ и не быть. Но, собственно говоря, и этого мало; возможны такіе случаи, когда и при дѣйствіи разныхъ силъ на разные части однородной агрегаціи, она обнаруживаетъ замѣчательную устойчивость. Спенсеръ самъ приводитъ одинъ такой примѣръ, причѣмъ даже очень наивно сознается въ бессодержательности своего закона. Дѣло идетъ о нѣкоторыхъ простѣйшихъ животныхъ, именно о такъ-называемыхъ Амобеа. Студенистое тѣло амебъ, за все время ихъ существованія, не обнаруживаетъ никакихъ дифференцированій, никакихъ признаковъ развитія или усложненія, слѣдовательно, тѣло амебъ представляетъ однородную агрегацію, совершенно устойчивую и неизмѣющую тенденціи къ разнородности. Это, говоритъ Спенсеръ, зависитъ отъ того, что форма амебъ безпрестанно и неправильно измѣняется: «то, что въ слѣдствіи составить внутреннюю часть, выходитъ теперь наружу и, какъ временный членъ, прилипаетъ къ какому нибудь предмету, котораго случайно коснулось; то, что теперь составляетъ часть поверхности, скоро будетъ втянуто, выстъ съ прилипшимъ къ ней атомомъ нищи, внутрь массы». *«Нечего ждать, — заключаетъ Спенсеръ, — какою нибудь опредѣленною дифференцированіемъ частей въ существахъ, не обнаруживающихъ никакой опредѣленной разницы въ положеніи своихъ частей»* (Опыты, I, 116). Но что такое само дифференцированіе? — «появленіе различія между двумя частями вещества» (Основныя начала, 159). Подставивъ это опредѣленіе въ подчеркнутую нами фразу, мы получимъ слѣдующее: «нечего ждать появленія опредѣленнаго различія частей въ существахъ, не обнаруживающихъ никакого опредѣленнаго различія въ положеніи своихъ частей». Неужели это доводъ въ

пользу общности перехода отъ однородности къ разнородности? Неужели законъ неустойчивости однороднаго дѣйствительно относится къ закону развитія такъ, какъ законъ тяготѣнія относится къ законамъ Кеплера? Во всякомъ случаѣ многочисленныя и широкія исключенія изъ закона неустойчивости однороднаго даютъ намъ право скептически отнестись ко всѣмъ выводамъ Спенсера, вытекающимъ изъ этого принципа. Онъ говоритъ, напримѣръ: «Сообщите членамъ какаго нибудь общества одинаковыя свойства, положенія и силы, и они тотчасъ же станутъ стремиться къ неравенству. Однородность, хотя бы она и продолжалась съ виду, въ дѣйствительности неминуемо исчезнетъ» (Опыты, I, 118). Можетъ быть, но Спенсеръ не доказалъ этого. Мало того, у него самаго можно найти нѣкоторыя общія положенія, прямой выводъ изъ которыхъ наводитъ на диаметрально противоположныя соображенія. «Основныя начала» въ русскомъ изданіи еще не окончены, но вотъ ссылка на нихъ въ «Основаніяхъ биологіи»: «Въ Основныхъ началахъ было указано (§ 123), что при равенствѣ прочихъ условий исходныя единицы легче отдѣляются другъ отъ друга дѣйствующею на нихъ силою, нежели сходныя; что, дѣйствуя на единицы, представляющія мало различія, сила нелегко разъединяетъ ихъ; но что разъединеніе совершается легко, если различіе между единицами значительно» (Основанія биологіи, 3). Это значитъ, что нѣкоторое цѣлое, состоящее изъ сходныхъ единицъ, т.-е. цѣлое однородное, устойчивѣе другихъ цѣлыхъ, состоящихъ изъ единицъ несходныхъ. Исходя изъ этого принципа слѣдуетъ заключить, что еслибы намъ дѣйствительно удалось сообщить членамъ какаго нибудь общества одинаковыя силы, свойства и положенія, то это общество отличалось бы замѣчательною устойчивостью; входящія въ составъ его совершенно сходныя единицы могли бы разъединиться съ гораздо большимъ трудомъ, чѣмъ еслибы въ силахъ, положеніяхъ и свойствахъ ихъ была значительная разница. И если замѣчаніе Спенсера о стремленіи къ неравенству членовъ какаго бы то ни было общества согласно съ существующими фактами и можетъ быть подтверждено многочисленными примѣрами изъ исторіи человѣчества, то только потому, что въ дѣйствительности мы еще не видали такого социальнаго строя, въ которомъ индивидуальныя элементы находились бы въ состояніи полнаго равновѣсія. О принципахъ такого идеальнаго строя намъ говорить не приходится, хотя дагѣе и понадобится вѣроятно изъ отчасти коснуться. Но для всякаго очевидно, что они должны тяготѣть къ однородности. И что бы ни говорилъ Спенсеръ о неустойчивости однороднаго, онъ именно въ однородности долженъ искать основаній для устойчиваго общественнаго равновѣсія. Это видно уже изъ того, что въ числѣ признаковъ научнаго развитія древней Греціи онъ считаетъ «не только возрастающую ясность въ понятіи равенства, на которомъ основана социальная наука, но и нѣкоторое признаніе того факта, что социальная устой-

чивость зависит от поддержания справедливых учреждений (I, 341). Положимъ, что справедливость есть терминъ, въ общедномъ употребленіи, довольно двусмысленный и даже многосмысленный, получающій значеніе только по той реальной подкладкѣ, которая подъ него вкладется каждымъ вѣкомъ, каждымъ народомъ и каждымъ сословіемъ; и для ближайшаго опредѣленія смысла выраженія Спенсера слѣдуетъ подождать его Соціальной Стативки. Но если мы и теперь просто подставимъ конкретные факты въ цитированную выше отвлеченную формулу (изъ Основныхъ Началъ), то получимъ слѣдующее: если сила стремленія къ личному благосостоянію дѣйствуетъ на вполне сходныя единицы, то антагонизма между ними быть не можетъ, тогда какъ та же сила, будучи приложена къ разнородному обществу, состоящему изъ единицъ несходныхъ, необходимо произведетъ въ нихъ борьбу и дальнѣйшее стремленіе къ неравенству. Спенсеру, придающему такое значеніе аналогіи между организмомъ естественнымъ и общественнымъ, стоило бы, для пріисканія условій устойчиваго соціального равновѣсія, только обратиться къ организаціи тѣхъ самыхъ амебъ, тѣло которыхъ не обнаруживаетъ никакого опредѣленнаго различія въ положеніи своихъ частей.

Въ концѣ-концовъ къ закону неустойчивости однороднаго, какъ къ причинѣ развитія, приложимы тѣ же возраженія, какія имѣютъ мѣсто относительно перваго основнаго закона измѣнчивости. Положимъ, что въ существующемъ разнородномъ мірѣ однородное неустойчиво. Но оно неустойчиво только потому, что, вопервыхъ, имѣетъ различными образомъ опредѣленныя части (что собственно исключаетъ понятіе однородности), а вовторыхъ, на него дѣйствуютъ различныя силы, т.-е. разнородность среды. Чѣмъ сходнѣе положеніе частей и чѣмъ менѣе среда разнородна, тѣмъ однородное устойчивѣе. И если мы представимъ себѣ наконецъ совершенно однородную вселенную, т.-е. отсутствіе какъ различія въ положеніи ея частей, такъ и разнородной среды, то мы найдемъ ее непреодолимо устойчивой. Но даже не поднимаясь до однородной вселенной, трудно признать философское значеніе за положеніемъ: разнородность есть причина перехода отъ однородности къ разнородности. Законъ неустойчивости однороднаго, объясненный такимъ образомъ, имѣетъ свою условную цѣну, но причинно связать съ нимъ законъ развитія нельзя подъ страхомъ впасть въ *petitio principii*. Можетъ быть, повторимъ, законъ развитія есть фактъ вѣчный, выше котораго мы не въ состояніи подняться; можетъ быть, для объясненія мировыхъ явленій слѣдуетъ подступать къ нимъ съ какой-либо другой стороны, допускающей болѣе общій и удовлетворительный принципъ. Но во всякомъ случаѣ, два основныя закона Спенсера недостаточны для объясненія развитія, какъ перехода отъ однороднаго къ разнородному. И слѣдовательно, первоначальное обобщеніе Спенсера не поднимается выше уровня эмпири, не связывается съ какимъ бы то ни было болѣе общимъ и оче-

виднымъ фактомъ, который можно бы было принять за причину развитія. Но если такъ, если законъ развитія, какъ перехода отъ однороднаго въ разнородному, есть законъ эмпирическій, справедливый только при существованіи извѣстныхъ условій, которыхъ можетъ и не быть, то можно представить себѣ цѣлый рядъ измѣненій, происходящихъ въ обратномъ порядкѣ, т.-е. переходя отъ разнороднаго къ однородному. Этого и самъ Спенсеръ отрицать не можетъ, потому что въ числѣ обширныхъ поправокъ и дополненій, которыя онъ дѣлаетъ къ своему первоначальному изложенію хода всякаго развитія и о которыхъ рѣчь будетъ ниже, — онъ отводитъ значительное мѣсто процессу «интеграціи», т.-е. процессу слитія, въ противоположность раздѣлительному процессу дифференцированія.

Если такъ неудачны попытки Спенсера доказать свой законъ развитія путемъ дедукціи, то нельзя того же сказать о его индуктивныхъ доводахъ. Здѣсь онъ развертываетъ всю свою громадную эрудицію, и даже монотонность и однообразіе его аргументація не утомляютъ читателя. Въ маленькомъ опытѣ «Граціозность» Спенсеръ чрезвычайно остроумно (впрочемъ, не ново, потому что объясненіе это дано еще Адамомъ Смитомъ въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ») объясняетъ то пріятное чувство, которое въ насъ возбуждается зрѣлищемъ граціозныхъ движеній, граціозныхъ позъ, граціозныхъ формъ. Мы невольно раздѣляемъ всѣ мышечныя ощущенія, испытываемыя окружающими насъ людьми, а такъ-какъ граціозныя движенія суть тѣ, которыя совершаются съ наибольшею экономіею силъ, наиболѣе легко и свободно, то и въ насъ видъ легкихъ и свободныхъ движеній возбуждаетъ пріятное чувство. Совершенно такое же пріятное состояніе духа овладѣваетъ читателемъ сочиненій Спенсера; онъ вполне обладаетъ тѣмъ, что можно бы было назвать умственной граціозностью, что свидѣтельствуетъ какъ о силѣ его ума, такъ и объ обширности его познаній. Онъ не прискиваетъ фактовъ для подтвержденія своихъ положеній и выводовъ: они точно сами, одинъ за другимъ, въ стройномъ порядкѣ, длинной вереницей ложатся подъ его перо; вы не найдете тутъ и слѣдовъ какихъ-нибудь усилій, какой-нибудь нравственной или умственной муки, все ясно, свѣтло, все на своемъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе и въ индуктивной части изслѣдованія прогресса есть одинъ слабый пунктъ, представляющій нѣчто въ высшей степени странное и вмѣстѣ съ тѣмъ въ столь же высокой степени поучительное. Этотъ пунктъ есть очеркъ социальнаго развитія, который именно и составляетъ предметъ нашей статьи. То, что мы говорили до сихъ поръ, имѣетъ для насъ значеніе только по отношенію къ послѣдующему. Намъ нужно было расшатать нѣкоторыя основныя положенія Спенсера, служація ему орудіемъ дедуктивнаго подтвержденія его формулы прогресса, для того, чтобы облегчить свою задачу: обнаружить основное

соціологическое заблужденіе Спенсера и затѣмъ добраться до той исходной точки, которая его ввела въ заблужденіе.

Теперь мы можемъ обратиться къ самой формулѣ органическаго прогресса, какъ прототипа всякаго развитія, лишенной уже своего характера необходимости. Но прежде отмѣтимъ одно мелкое, но любопытное обстоятельство. Нѣсколько разъ обращаясь къ исторіи развитія общества, Спенсеръ вездѣ говоритъ просто, что первая стадія этого развитія есть дифференцированіе на управляющихъ и управляемыхъ, но не упоминаетъ о томъ, какъ и вслѣдствіе какихъ причинъ произошло это распаденіе. Это обстоятельство можетъ ввести не совѣтъ внимательнаго читателя въ заблужденіе и послужить для него подтвержденіемъ закона неустойчивости однороднаго. Воззрѣнія Спенсера на этотъ законъ крайне смутны и трудно формулируются. Въ одномъ случаѣ онъ объясняетъ его воздѣйствіемъ различныхъ силъ на различныя части вещества и, слѣдовательно, разнородность среды. Въ другомъ, напротивъ, говоря о томъ, что первоначально совершенно однородная вселенная перешла къ разнородности, онъ устраняетъ присутствіе разнородной среды; и выходитъ такимъ образомъ, какъ будто бы однородное само по себѣ, независимо отъ окружающей среды, неустойчиво*. Точно также и первобытное однородное общество вдругъ, безъ всякаго внѣшняго толчка, распадается на двѣ части. Въ сущности дѣло такъ, разумѣется, произойти не могло, и категорія однороднаго, собственно говоря, при опредѣленіи первыхъ общественныхъ дифференцированій, должна быть оставлена совершенно въ сторонѣ. Говорить о первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія мы можемъ только гипотетически, и какую бы мы гипотезу ни приняли, она необходимо устраняетъ понятіе однородности. Если мы остановимся на гипотезѣ завоеванія, то это будетъ столкновеніе двухъ разнородныхъ національныхъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ обратится въ правящій классъ, а другой въ управляемый. Если мы предположимъ, что дифференцированіе управляющихъ и управляемыхъ разрослось изъ отеческой власти, — то тѣмъ самымъ уже дана разнородность въ лицѣ болѣе опытнаго, физически сильнѣйшаго отца и менѣе опытныхъ и сильныхъ дѣтей и т. д. Это опять-таки ведетъ къ тому, что формула прогресса должна быть точнымъ образомъ выражена, какъ переходъ отъ менѣе разнороднаго къ болѣе разнородному. Для краткости и мы, впрочемъ, будемъ употреблять выраженіе: переходъ отъ однороднаго къ разнородному, подразумѣвая указанныя выше ограниченія.

* Въ только что вышедшихъ выпускахъ «Основныхъ началъ» и «Основной биологій» Спенсеръ категорически опровергаетъ возможность самостоятельнаго распадѣнія однородной агрегаціи. И понятное дѣло, что именно это воззрѣніе и соответствуетъ общему смыслу его міросозерцанія. Но нѣкоторыя выраженія его могутъ все-таки ввести читателя въ заблужденіе.

III.

Спенсеръ неоднократно цитируетъ Исторію цивилизаціи Гизо, начерпая изъ нея аргументы для своихъ выводовъ и сравненій. Но онъ, повидимому, просмотрѣлъ въ ней одно, не лишнее интереса указаніе, именно указаніе на то, что есть два вида прогресса: прогрессъ общества и личное развитіе человѣка; что эти два вида прогресса не всегда безусловно совпадаютъ и въ сумми цивилизаціи входятъ иногда неравномѣрно. Слово «прогрессъ» употребляется здѣсь въ общепринятомъ смыслѣ усовершенствованія на пути къ благу, въ смыслѣ, отъ котораго Спенсеръ отказывается, какъ отъ затрудняющаго изслѣдованіе. Какими бы ни были заключенія и выводы Гизо, но въ его положеніи о двойственности прогресса есть своя доля правды. И какъ бы ни избѣгалъ Спенсеръ телеологическаго смысла слова «прогрессъ», въ его обзоръ всевозможныхъ видовъ развитія должна бы была войти либо оцѣнка и личного развитія и развитія общественнаго, либо указаніе на совпаденіе этихъ двухъ видовъ прогресса. Общество, личность идеальная, какъ прекрасно и достаточно подробно показалъ Спенсеръ, развивается подобно организму: переходитъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простаго къ сложному, постепенно расчленяясь и дифференцируясь. Прекрасно. Но чтò въ это время дѣлается съ личностью реальною, — съ членомъ общества? Испытываетъ ли онъ на себѣ тотъ же процессъ развитія по типу органическаго прогресса? Спенсеръ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ мимоходомъ, но утвердительно. Мы постараемся отвѣтить подробнѣе, но отвѣтимъ отрицательно.

Первобытное общество представляетъ въ цѣломъ массу почти совершенно однородную. Всѣ члены его занимаются одними и тѣми же дѣлами, обладаютъ одними и тѣми же свѣдѣніями, имѣютъ одни и тѣ же нравы и обычаи. Но каждый изъ нихъ, отдѣльно взятый, воплоти различенъ: онъ и рыбакъ, онъ и охотникъ и пастухъ, онъ и лодки умѣетъ дѣлать, и оружіе, и жилище себѣ самъ строить и т. д. Словомъ, каждый членъ первобытнаго однороднаго общества совмѣщаетъ въ себѣ всѣ силы и способности, какія только могутъ родиться при тогдашнемъ уровнѣ культуры и мѣстныхъ физическихъ условіяхъ. Но вотъ происходитъ первое дифференцированіе общества на управляющихъ и управляемыхъ. Нѣсколько личностей являются извнѣ или обособляются изъ самой однородной массы и съ теченіемъ времени усваиваютъ образъ жизни, отличный отъ образа жизни остальныхъ членовъ общества; предоставляютъ мускульный трудъ другимъ, а сами постепенно обращаются въ специалистовъ нервной дѣятельности. Общество сдѣлало шагъ отъ однородности къ разнородности, но входяція въ составъ его недѣлимыя перешли, напротивъ, отъ разнородности къ однородности. Мускульная си-

стема у однихъ стала развиваться въ ущербъ нервной системѣ, а у другихъ наоборотъ. Прежде каждый членъ общества умѣлъ строить жилища и ловить звѣрей, а теперь одна половина ихъ отвыкла отъ этихъ занятій, но за то научилась управлять, лечить, гадать и т. д. Слѣдующій шагъ къ соціальной разнородности есть вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ къ дальнѣйшей индивидуальной спеціализаціи, т.-е. однородности. Правящій классъ распадается на свѣтскихъ и духовныхъ правителей *. Одни сосредоточиваютъ свои силы и способности главнымъ образомъ на войнѣ, а другіе на собственно интеллектуальной дѣятельности, въ предѣлахъ, допускаемыхъ уровнемъ культуры, и затѣмъ каждый изъ представителей того и другаго подкласса избираетъ себѣ все болѣе и болѣе узкія спеціальности. Это есть усложненіе, увеличеніе разнородности общества въ цѣломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ спеціализація, уменьшеніе разнородности въ каждомъ недѣлимомъ. Нѣкоторыя силы и способности отъ долгаго неупотребленія въ цѣломъ ряду поколѣній какъ бы атрофируются, перестаютъ дѣйствовать, и это отзывается, разумѣется, и на физической организаціи. Спенсеръ и самъ въ Опытѣ о воспитаніи (въ главѣ «вырожденіе современныхъ поколѣвій») указываетъ на это обстоятельство. Но тамъ онъ ошибается, какъ бы утверждая, что исторія сдѣлала скачокъ отъ исключительно физической дѣятельности первобытныхъ людей къ исключительно нервной дѣятельности современныхъ высшихъ классовъ. Эти двѣ фазы развитія смѣнили другъ друга постепенно, путемъ длиннаго ряда дифференцированій, совокупность которыхъ представляетъ, по мнѣнію Спенсера, соціальное развитіе или соціальныи прогрессъ. Нельзя сказать, чтобы дѣятельность первобытныхъ людей вслужительна состояла изъ физическаго труда. Это мнѣніе, весьма распространенное, въ сущности совершенно ложно. Если мы примемъ въ соображеніе неудовлетворительность первобытныхъ орудій для добыванія пищи, устройства жилища и т. д., тѣ опасности, среди которыхъ жилъ первобытный человѣкъ, то для насъ станетъ совершенно ясно, что мозгъ его долженъ былъ быть въ постоянномъ напряженіи, быть постоянно на сторожѣ, постоянно придумывать весьма трудныя для него комбинаціи, которыя въ настоящее время давно уже готовы и рѣшаются простымъ приложеніемъ механической силы. Умъ и тѣло человѣка первобытнаго работали одновременно и съ одинаковымъ напряженіемъ, и если мы, современные цивилизованные люди, не признаемъ этого, то только потому, что смотримъ на первобытное общество изъ прекраснаго далека, слишкомъ отъ него отличнаго. Современный цивилизованный человѣкъ, вообще говоря, физическаго труда не знаетъ, и потому ему кажется гро-

* Спенсеръ полагаетъ, что первобытная форма правленія есть теократія и что не только свѣтская и духовная власть находились въ однихъ рукахъ, но что даже личность Бога совпадала съ личностью государя. Это едва-ли вѣрно.

наднымъ и всепоглощающимъ физическій трудъ первобытнаго человѣка; съ другой стороны современный цивилизованный человѣкъ обладаетъ такимъ количествомъ знаній, что умственная работа дикаря представляется ему ничтожною. Придумать топоръ штука не хитрая, а вотъ дровъ нарубить такъ тяжело, — такъ разсуждаетъ современный цивилизованный человѣкъ, постоянно влиающій топоры и никогда не рубящій дровъ. Естественно поэтому, что ему кажется, что мысль первобытнаго человѣка не работала вовсе и что вся жизнь его сводилась на трудъ физическій. Первобытный человѣкъ, какъ членъ однороднаго общества, до того поворотнаго пункта, на которомъ рѣзко обозначилось раздѣленіе труда, былъ личностію дѣлостною, личностію, въ которой умственная и физическая стороны находились во взаимной гармоніи. Другое дѣло кругъ его умственной дѣятельности; онъ не былъ и не могъ быть обширенъ. Каждый изъ членовъ первобытнаго общества обладалъ такими же свѣдѣніями и понятіями, какъ и всѣ остальные, но всѣ они имѣли свѣдѣнія весьма ограниченныя. Поэтому въ однородной массѣ первобытнаго общества недѣльными были вполнѣ разнородны, насколько это допускалось условиями мѣста и времени. Горизонтъ дѣятельности ихъ былъ небольшой, но представлялъ полный кругъ, замкнутую линію. Они были полными носителями современной имъ культуры. Съ дифференцированіемъ общества на управляющихъ и управляемыхъ, съ дифференцированіемъ, обусловившемъ развитіе общества, т.-е. переходъ общества отъ однороднаго и простаго къ разнородному и сложному, началось нарушеніе дѣлостности отдѣльныхъ личностей и переходъ ихъ отъ разнороднаго къ однородному. Дальнѣйшія распаденія правящаго класса имѣютъ тотъ же двойственный характеръ: вызываютъ разнородность въ общественномъ строѣ и, напротивъ, однородность и односторонность въ отдѣльныхъ личностяхъ.

Сравнивая затѣмъ первобытное состояніе общества съ современнымъ состояніемъ низшихъ классовъ, мы придемъ къ тому же результату. Возьмите работу здороваго дикаря съ одной стороны, и трудъ современнаго фабричнаго съ другой. Дикарь собирается построить себѣ жилище. Онъ самъ выбираетъ годныя для'его дѣла дерева, самъ валитъ ихъ, самъ свозитъ на мѣсто, самъ дѣлаетъ срубъ и доканчиваетъ хижину. Хижину онъ, положивъ, навѣрное слѣпилъ очень плохую, но не въ томъ дѣло. Во все время работы онъ жилъ полною жизнью. Въ то время какъ онъ потѣлъ и надрывался въ лѣсу, онъ работалъ не только физически; выборъ деревьевъ, мѣсто для провоза ихъ, мѣсто для постройки, — все это требуетъ извѣстной умственной напряженности. Кромѣ того, во все время работы дикарь думаетъ о своей будущей жизни въ той хижинѣ, надъ постройкой которой онъ бьется, о тѣхъ удобствахъ, которыми украсится его жизнь и жизнь его семьи; на эти мысли его наводитъ каждый уголь, каждая щель. Въ то же время онъ вноситъ въ планъ хижины

свою убогую идею красоты и пускаетъ въ ходъ всѣ свои скудныя физико-математическія знанія. Словомъ, дикарь живетъ во время работы всѣмъ существомъ своимъ. Совершенно противоположную картину представляетъ работа современнаго фабричнаго въ тѣхъ областяхъ труда, которыя подверглись наибольшему числу дифференцированій. Напримѣръ, производство карманныхъ часовъ, по Беббеджу, состоитъ изъ ста двухъ отдѣльныхъ операций, по числу отдѣльныхъ частей часоваго механизма; такъ что изъ сотни людей, занятыхъ этимъ дѣломъ, каждый всю жизнь сидитъ надъ одними и тѣми же колесами или винтиками или зубчиками, и только мастеръ, складывающій разрозненныя части механизма, умѣетъ дѣлать что-нибудь, кромѣ своего специальнаго дѣла. Понятное дѣло, что это однообразіе занятія исключаетъ какую бы то ни было умственную дѣятельность, или по крайней-мѣрѣ ниводитъ ее до возможнаго minimum'a. Какъ говоритъ Шиллеръ: вѣчно возись съ какимъ-нибудь обрывкомъ пѣлаго, человекъ и самъ превращается изъ пѣлаго въ обрывокъ. Въ тульскомъ оружейномъ заводѣ, какъ мнѣ рассказывали, раздѣленіе труда доведено до такой степени, что мастеръ не только всю жизнь свою дѣлаетъ собачки, или курки, или сверлятъ стволы, но передаетъ свое мастерство дѣтямъ по наслѣдству. Постоянное и однообразное занятіе естественно должно выразиться не усложненіемъ, а упрощеніемъ организаціи, должно провестись въ организмѣ болѣе или менѣе глубокою, такъ сказать, бороздою однородности, которая и безъ того, въ силу наслѣдственной передачи особенностей организма, можетъ усвоиться потомствомъ; а въ этомъ случаѣ естественный факторъ—наслѣдственность усиливается содѣйствіемъ социальнаго фактора. Понятно поэтому, что въ ряду поколѣній тульскихъ оружейниковъ мы должны встрѣчать все болѣе и болѣе переходъ отъ разнородности къ однородности. Предки ихъ дѣлали все ружье, и потому должны были принимать въ соображеніе такіа данныя, которыя совершенно ненужны и непригодны потомкамъ, только сверлящимъ стволы или дѣлающимъ курки. Поэтому предки были разнороднѣе потомковъ, и въ то же время появленіе этихъ специалистовъ-потомковъ способствовало увеличенію разнородности общества, т.-е. его развитію.

Дѣлая свой очеркъ социальнаго развитія, Спенсеръ ссылается на труды экономистовъ, въ которыхъ въ достаточной подробности описывается переходъ промышленной организаціи отъ однородности къ разнородности при помощи раздѣленія труда. Но Спенсеръ какъ будто забываетъ при этомъ, что если не цеховые экономисты, то нѣкоторые изъ ихъ противниковъ не менѣе подробно разсматривали двойственное значеніе раздѣленія труда, именно свойство его, придерживаясь терминологіи Спенсера, увеличивать разнородность общества и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшать разнородность рабочаго. Это двойственное значеніе раздѣленія труда было замѣчено довольно давно. Уже Ксено-

Фонтъ утверждалъ, что нѣкоторые преиссли развиваютъ односторонность въ трудѣ, отчего критикуется умъ, теряющій способность охватывать явленіе болѣе или менѣе широко. Отрывочныя указанія этого рода можно найти и у Платона и другихъ мыслителей древности. Въ новѣйшее же время заключающаяся въ раздѣленіи труда антиномія обращала на себя вниманіе весьма часто. Что касается до двойственнаго значенія раздѣленія труда въ области мысли, умственной дѣятельности, то въ числѣ указывающихъ на него мы можемъ напомнить такіа имена, какъ Вокля, Конта, а пожалуй отчасти даже самаго Спенсера. Въ сферѣ труда физическаго та сторона раздѣленія труда, которая упускается изъ виду экономистами, съ особеннымъ тщаніемъ разбиралась социалистами. Наконецъ не было недостатка и въ болѣе широкой точкѣ зрѣнія. Въ «Системѣ экономическихъ противорѣчій» Прудона антиномичность раздѣленія труда разработана съ общиною силою этого великаго мыслителя. Шиллеръ посвятилъ этому вопросу нѣсколько блестящихъ страницъ въ своихъ письмахъ «объ эстетическомъ развитіи человѣка». Токвилъ прямо говоритъ, что «начто болѣе раздѣленія труда не способствуетъ притиженію духовной дѣятельности человѣка» (La Democratie etc. I, 493). Въ прославившейся на святой Руси книгѣ добродушнаго и туповатаго буржуа Смайлса (ст. 290 перваго изданія), читатель найдетъ превосходную характеристику значенія раздѣленія труда, принадлежащую, впрочемъ, не самому Смайлсу. Словомъ, вопросъ этотъ не только давнымъ давно поставленъ, но съ фактической стороны уже и рѣшенъ людьми всѣхъ возможныхъ партій. Спенсеръ могъ уклониться отъ выраженія сочувствія или несочувствія къ субъективной и телеологической сторонѣ выводовъ вышеприведенныхъ изслѣдователей, но заявленный ими фактъ стоитъ твердо и непоколебимо и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: раздѣленіе труда ведетъ общество, агрегатъ недѣлимыхъ, отъ однородности къ разнородности, а отдѣльныхъ индивидуумовъ наоборотъ отъ разнородности къ однородности. Экономисты, на которыхъ ссылается въ этомъ случаѣ Спенсеръ, игнорируютъ этотъ фактъ, но съ ихъ спеціальной точки зрѣнія (а эта точка зрѣнія сама представляетъ результатъ раздѣленія труда въ области мысли) фактъ этотъ дѣйствительно незамѣтенъ. Спенсеръ же ставитъ вопросъ такъ широко, даже такъ слишкомъ широко, что необходимо долженъ былъ пононить этотъ недосмотръ. Добросовѣстнѣйшіе политико-экономы сами сознаются (хотя на дѣлѣ часто забываютъ это), что ихъ точка зрѣнія чисто условная, что истины, добываемыя ими, только приближительны, что спотомъ приближеніе должно быть исправлено принятіемъ въ расчетъ дѣйствій тѣхъ побужденій другаго рода (т. е. побужденій, немогущихъ быть сведенными къ желанію богатства, на которомъ политическая экономія строитъ свои выводы), о которыхъ можетъ быть показано, что они влияют на результатъ въ отдѣльномъ данномъ случаѣ»

(Милль). А такъ-какъ нельзя быть въ одно и то же время судьей, отвѣтчикомъ, прокуроромъ и адвокатомъ, то политической экономіи, усвоившей извѣстную спеціальную точку зрѣнія на явленія общественной жизни, весьма трудно дать требуемыя въ этомъ случаѣ поправки. Но если великъ недосмотръ экономистовъ, безданны и безноплинно пропускающихъ принципъ раздѣленія труда въ томъ видѣ, какъ его поставилъ Адамъ Смитъ, то тѣмъ поразительнѣе недосмотръ Спенсера. Онъ смотритъ на весь міръ съ высоты философскаго паренія, и тѣмъ не менѣе владеть во главу угла не только промышленной организаціи, какъ это дѣлаютъ экономисты, а всего общественнаго и даже міроваго строя принципъ раздѣленія труда въ его сиромъ и непереваренномъ видѣ. Къ ученію экономистовъ Спенсеръ находитъ нужнымъ сдѣлать только одно дополнение, въ сущности уже отмѣченное самими экономистами. «Долге свести послѣ того, какъ произошелъ уже значительный прогрессъ въ раздѣленіи труда между различными классами рабочихъ, — говоритъ онъ, — незамѣтно еще было почти никакого раздѣленія труда между отдѣльными частями общины: народъ продолжалъ быть сравнительно однороднымъ въ томъ отношеніи, что въ каждой мѣстности отправляются одни и тѣ же занятія. Но по мѣрѣ того, какъ дороги и другія средства перемѣщенія становятся многочисленнѣе и лучше, различныя мѣстности начинаютъ усваивать себѣ различныя отправленія и становятся во взаимную зависимость. Вуагопрядильная мануфактура помѣщается въ одномъ графствѣ, суконная въ другомъ; шелковыя матеріи производятся здѣсь, кружева тамъ; чулки въ одномъ мѣстѣ, башмаки въ другомъ; горшечное, желѣзное, ножевое производства избираютъ себѣ наконецъ отдѣльные города; и въ заключеніе каждая мѣстность становится болѣе или менѣе отличною отъ другихъ, по главному роду своего занятія». Конечно, всѣ эти дифференцированія способствуютъ переходу общества отъ однородности къ разнородности, но роковая двойственность раздѣленія труда сказывается и здѣсь: часть мѣстности, занимаемой обществомъ, положимъ городъ, совмѣщала въ себѣ прежде весьма разнообразныя промыслы, но въ силу социальныхъ дифференцированій изъ него выдѣляются мало по малу различныя вѣтви промышленности, и къ тому времени, когда въ немъ остается только разросшееся горшечное или ножевое производство, — городъ сталъ однообразенъ, перешелъ отъ разнородности къ однородности. Возьмемъ еще одинъ примѣръ, — изъ области искусства. Первобытній человѣкъ, чувствуя радость при какомъ-нибудь пріятномъ для него случаѣ, совершенно такъ же, какъ современный ребенокъ, прыгаетъ, возвышаетъ голосъ и бьетъ рукой по какой-нибудь попавшейся ему вещи, способной издавать болѣе или менѣе гармоническіе звуки. Если волненіе, испытываемое при этомъ человѣкомъ, очень сильно, то тройное сочетаніе ритма въ рѣчи, въ звукахъ и въ движеніи получаетъ значительное развитіе, и человѣкъ

пляшет, поет и играет. Умерь у первобытного человека ребенок, — он точно так же выражает свое горе, одновременно пуская в ход свой голос и истрепе раскатывая туловище или голову. Собирается он на войну — и его возбужденное состояние выразится также одновременно в воинственной музыке, воинственным пением и в воинственных телодвижениях. Таким образом, в этом отношении первобытное общество значительно приближается к полной однородности: все члены его одинаково выражают свои страсти. Но каждый все же выражает свои чувства вполнѣ свободно, всеми доступными ему средствами. Съ течением времени нарушаются как первобытная однородность общества, так и первобытная разнородность недѣлимого, и факты эти идут совершенно параллельно, потому что они представляют только двѣ различныя стороны одного и того же явления. На какомъ-нибудь современномъ музыкально-танцевальномъ вечерѣ вы встрѣчаете весьма разнообразно-составленный оркестръ музыкантовъ, неподвижно играющихъ какую-нибудь задорно-веселую пьесу, множество молчаливо-кружащихся паръ, а въ соседней комнатѣ пѣвца, поющего на языке, непонятномъ для присутствующихъ. Общество стало, безъ всякаго сомнѣнія, разнороднѣе вслѣдствіе того, что въ немъ явились специалисты-музыканты, пѣвцы, танцоры и поэты, тогда какъ прежде были просто люди, въ извѣстные моменты жизни одновременно пляшущіе, поющіе и играющіе. Стала разнороднѣе и языкъ страстей и душевныхъ движеній вообще, но отдѣльно взятыя молчаливые танцоры и неподвижные музыканты, очевидно, перешли отъ разнородности къ однородности. Они стали однороднѣе уже потому, что выражаютъ свое возбужденное состояніе однимъ какимъ-нибудь способомъ. Далѣе, если они посвятили себя специальной разработкѣ этого способа и находятъ въ немъ средство существованія, то, по мѣрѣ того, какъ она все глубже и глубже уходитъ въ музыку или пѣніе, въ нихъ все больше и больше глехнутъ способности и силы для ихъ цѣли ненужныя и потому неразвиваемыя. Наконецъ, они стали однороднѣе еще в одномъ отношеніи, обусловливаемомъ дифференцированиемъ труда и наслажденія, которымъ необходимо сопровождаются социальныя дифференцированія. Но эту послѣднюю сторону вопроса мы пока оставимъ подъ спудомъ, такъ-какъ она слишкомъ близко связана съ телеологическимъ смысломъ слова «прогрессъ», а этотъ элементъ заранее устраненъ Спенсеромъ. Какъ мы видѣли, онъ понимаетъ подъ прогрессомъ или развитіемъ не усовершенствованіе или улучшеніе, а просто послѣдовательный рядъ измѣненій, каковы бы ни были ихъ результаты по отношенію къ человѣческому счастью. Остановясь опять-таки на эту его точку зрѣнія, мы все-таки встрѣчаемъ странный пробѣлъ въ его выводахъ и разсужденіяхъ; не менѣе странный, чѣмъ тотъ, который мы отмѣтили въ статьѣ «Полезьа и красота». Сравнивая тѣ и другіе промахи, мы найдемъ между ними значительное

сходство. Мы видѣли, что Спенсеръ, улавливая искусство области, откуда оно должно брать для себя тоны, видѣлъ только, такъ сказать, динамическіе социальныя контрасты, контрасты во времени, и какъ будто закрывалъ глаза передъ социальными контрастами въ пространствѣ; мы видѣли также, что логически онъ не имѣлъ на это никакого права, и удивлялись его странной слѣпотѣ. Въ его теоріи социального развитія забыты и недостаточно одѣлены тѣ же контрасты въ пространствѣ, и опять-таки онъ дѣлаетъ при этомъ логическую ошибку. Дѣло идетъ о томъ, чтобы доказать, что всякое развитіе происходитъ по типу развитія органическаго, т.-е. переходитъ отъ простаго и однороднаго къ сложному и разнородному путемъ послѣдовательныхъ дифференцированій. Все идетъ какъ по маслу вплоть до очерка развитія социального. Здѣсь оказывается, что если общество и усматриваетъ рядъ измѣненій, подобныхъ измѣненіямъ развивающагося организма, то входящія въ составъ его недѣлимая измѣняются по направленію, какъ разъ противоположному. Спенсеръ этого не замѣчаетъ. Онъ какъ будто не видитъ, что дифференцированіе труда физическаго и умственнаго, дифференцированіе общества на рѣзко отличные классы, дифференцированіе вознагражденія за трудъ на прибавъ и заработную плату, дифференцированіе жизни на трудъ безъ наслажденія и наслажденіе безъ труда и т. д., — что всѣ эти дифференцированія, способствуя переходу общества отъ однородности къ разнородности, въ то же время способствуютъ переходу недѣлимыхъ отъ разнородности къ однородности. Невозможно предположить, чтобы Спенсеръ, такъ широко захватывающій явленія, ни разу не наткнулся во все время своего изслѣдованія на эту сторону вопроса. Она пахнетъ трудовымъ потомъ, кровью, горемъ и страданіемъ, и потому социологическое чутье легко можетъ открыть ее. Но, даже совершенно отстраняясь отъ оцѣнки гнета, которымъ ложится фактъ на человѣчество, можно все-таки увидѣть самый фактъ. И Спенсеръ дѣйствительно видѣлъ его, подошелъ къ нему вплотную, но придалъ ему весьма второстепенное значеніе.

Рядомъ съ процессомъ дифференцированія въ актѣ развитія, по Спенсеру, имѣетъ мѣсто процессъ интеграція, въ сущности представляющій только другую сторону перваго процесса. Напримеръ, Спенсеръ улавливаетъ на то, что «слои желчныхъ кѣлочекъ, составляющій зачатокъ печени, не только становится отличнымъ отъ кишечной стѣнки, на которой онъ лежитъ вначалѣ, но въ то же самое время отдѣляется отъ нея и слагается въ органъ». Въ дѣломъ это явленіе представляетъ обособленіе органа, но въ немъ можно различать двѣ части: процессъ, которымъ желчныя кѣлочки получаютъ характеръ, отличный отъ нѣкоторыхъ свойствъ кишечной стѣнки, есть процессъ дифференцированія, перехода отъ однороднаго къ разнородному; другой процессъ состоитъ въ томъ, что желчныя кѣлочки сливаются въ одинъ органъ, — это процессъ интеграція, перехода отъ

разнородности къ однородности. Очевидно, что эти два процесса неотдѣлимы одинъ отъ другого, что они взаимно исключаются, и что тамъ, гдѣ есть одинъ, долженъ быть и другой. Словомъ, если развитіе есть переходъ отъ однороднаго къ разнородному, то развитіе дѣлой агрегаціи можетъ совершаться только насчетъ ея составныхъ частей, которыя при этомъ переходятъ отъ разнородности къ однородности. Какія же социологическія приложенія этого въ высшей степени важнаго принципа мы найдемъ у Спенсера? А вотъ какія. «Соединеніе младшихъ и ихъ дѣтей подъ начальствомъ старшихъ и ихъ дѣтей; установленіе различныхъ группъ вассаловъ, изъ которыхъ каждая подчинилась особому барону; подчиненіе группъ низшихъ дворянъ герцогамъ и графамъ; наконецъ, еще болѣе позднѣе установленіе королевской власти надъ герцогами и графами». — вотъ нѣкоторые примѣры социальной интеграціи. Мы опять-таки видимъ, что въ дѣломъ каждомъ изъ этихъ явленій представляетъ обособленіе функций, но при этомъ возникновеніе, напримѣръ, королевской власти можетъ быть разсматриваемо съ одной стороны какъ результатъ дифференцированія общества, а съ другой какъ продуктъ интеграціи, такъ-какъ герцоги и графы уже тѣмъ самымъ, что повинуются одному владѣльцу и отказались отъ части своихъ правъ, — перешли отъ разнородности къ однородности. Но всѣ эти неважныя, мелкія частности совершенно блѣднѣютъ передъ роковымъ вопросомъ, на который нѣтъ отвѣта у Спенсера. Если всякое развитіе дѣлаго можетъ совершаться только насчетъ развитія частей, если во всякомъ частномъ актѣ развитія существуютъ два элемента: одинъ активный, прогрессирующій, переходящій отъ однородности къ разнородности, и другой пассивный, такъ-сказать, жертва развитія, переходящій отъ разнородности къ однородности, — то какъ отъмѣняется развитіе общества на судьбѣ его членовъ? Отвѣтъ ясенъ: если общество переходитъ отъ однородности къ разнородности, то соотвѣтствующимъ этому переходу процессомъ интеграціи граждане общества должны переходить отъ разнородности къ однородности. Словомъ, прогрессъ индивидуальный и развитіе общества (по типу органическаго развитія) взаимно исключаются, какъ взаимно исключаются развитіе органовъ и развитіе недѣльнаго. Чѣмъ проще, спеціальнѣе органы, тѣмъ вся организація недѣльнаго разнороднѣе и, такъ сказать, энциплопедичнѣе, и наоборотъ. Точно такъ, чѣмъ разнороднѣе общество, тѣмъ уже поле развитія его членовъ и тѣмъ они однороднѣе. Въ нѣкоторыхъ частныхъ областяхъ, именно въ области экономическихъ явленій, эта двойственность замѣчена давно, но Спенсеръ воспользовался только одной стороной экономическаго анализа и вовсе не воспользовался своимъ собственнымъ чрезвычайно яркимъ сопоставленіемъ процессовъ дифференцированія и интеграціи. А между тѣмъ, анализируя процессъ социальнаго развитія, ему необходимо долженъ былъ обратитъ вниманіе на это обстоятельство и придать ему такое зна-

ченіе, какова оно не имѣетъ ни въ какомъ другомъ порядкѣ фактовъ. Дѣйствительно, если органъ и представляетъ жертву развитія недѣлимаго, если онъ и интегрируется въ то время, какъ недѣлимое дифференцируется, то это дѣло во всякомъ законное, потому что органъ, строго говоря, есть всегда часть и только путемъ отвлеченія можетъ рассматриваться какъ цѣлое. Но недѣлимое есть наоборотъ всегда цѣлое и можетъ рассматриваться какъ часть въ виду только нѣкоторыхъ специальныхъ цѣлей. Поэтому оно не можетъ приноситься въ жертву развитію идеальнаго цѣлаго, каково общество. И если это общество развивается по типу органическаго прогресса, т.-е. переходя отъ однородности къ разнородности, т.-е. дробясь на классы, полклассы и т. д., то, непосредственно исходя изъ закона Бэра, мы должны признать такое явленіе патологическимъ, а не нормальнымъ развитіемъ, потому что недѣлимое при этомъ переходитъ отъ разнородности къ однородности, т.-е. регрессируетъ. Чего хотятъ сторонники такъ-называемаго женскаго (а въ сущности въ такой же мѣрѣ и мужскаго) вопроса? Они требуютъ для женщинъ расширенія умственнаго горизонта и извѣстнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, т.-е. индивидуальной разнородности, которая должна отозваться на обществѣ уменьшеніемъ его разнородности, ибо до извѣстной степени сглаживаетъ разницу между мужчинами и женщинами. Чего хотятъ ихъ противники? удержатъ statu quo, т.-е. однородность женщины и разнородность общества. Въ чемъ состоятъ реформы нижняго царствованія? — въ уменьшеніи общественной разнородности и въ усиленіи разнородности индивидуальной. Чего добиваются аболіціонисты? — сглаженія различій между бѣлымъ и цвѣтнымъ населеніемъ, т.-е. социальной однородности, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширенія правъ цвѣтнаго народа и поднятія его нравственнаго и умственнаго уровня, т.-е. индивидуальной разнородности. Словомъ, всякій общественный вопросъ поднимается въ обихъ этихъ формахъ сразу, потому что всегда и вездѣ дифференцированіе общества, какъ цѣлаго, сопровождается интеграціей гражданъ, какъ частей. Спенсеръ какъ будто не замѣчаетъ этого. Сопоставляя этотъ промахъ съ запрещеніемъ искусству передавать жизнь и дѣла своего времени, мы должны придти къ заключенію, что источникъ того и другаго заблужденія одинъ и тотъ же. И такъ, и здѣсь Спенсеръ упускаетъ изъ виду одно и то же. И это нѣчто, игнорируемое имъ, такого свойства, что читатель можетъ подумать, что онъ имѣетъ дѣло съ завзятымъ поборникомъ тьмы, съ однимъ изъ тѣхъ людей, которые, подъ видомъ погони за истиной, защищаютъ сознательно и злонамѣренно все существующее, поскольку оно для нихъ оказывается выгоднымъ. Еслибы дѣло было только въ этомъ, то наша задача была бы очень проста, до такой степени проста, что совѣстно бы было даже возиться съ ней такъ долго. Но вѣже мы приведемъ нѣкоторые выписки изъ Спенсера, которые должны совершенно изгладить изъ ума читателя столь

несогласное и поворное мнѣніе объ авторѣ, если оно уже въ немъ зародилось. Если даже предположить, что корень ошибки Спенсера лежитъ въ его нравственномъ складѣ, то къ нему нельзя подступать съ грубыми масштабами, на которыхъ обозначены только аршинныя мѣры безчестности, сознательной лжи, и проч. Дѣйс, во всякомъ случаѣ, въ болѣе тонкихъ и неудовныхъ оттѣнкахъ нравственнаго и умственнаго характера.

IV.

Чтобы исчерпать промахъ Спенсера до дна, посмотримъ на устанавливаемую имъ аналогію между организмомъ и обществомъ. Параллель между организмомъ естественнымъ и социальнымъ не новость. Кромѣ Платона и Гоббса, о которыхъ говоритъ Спенсеръ, безчисленное множество всякаго рода мыслителей и писателей трактовали объ этомъ предметѣ. Мы напомнимъ только Шеллинга, Гёте, затѣмъ цѣлую нѣмецкую юрдаческую, такъ называемую «органическую» школу, наконецъ множество частныхъ сравненій между обществомъ и недѣльнымъ, наиримѣръ набитое уподобленіе исторіи общества дѣтству, молодости, зрѣлости и смерти недѣльнаго и т. д. Какъ-то недавно намъ попался подъ руку старшій номеръ «Библиотеки для Чтенія», а въ немъ статья «Идея организма», гдѣ покойникъ Эдельсонъ тоже что-то въ этомъ родѣ хотѣлъ выразить. Но всѣ эти понятки были или слишкомъ туманны и неопредѣленны, или уже слишкомъ негѣпы, или наконецъ проходили совершенно безслѣдно, вслѣдствіе очевидной произвольности построения. Теперь идея социальнаго организма начинаетъ поднимать голову въ совершенно иномъ видѣ. Прежде она систематически разрабатывалась главнымъ образомъ натуръ-философами и юристами, и если попадалась гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то болѣею частью только какъ болѣе или менѣе удачная метафора. Теперь же систематическое развитіе идеи социальнаго организма принимаютъ на себя такіе люди, какъ Дрәперъ, Спенсеръ, люди, обладающіе значительными знаніями въ сферѣ точныхъ наукъ, привыкшіе къ здравому и трезвому мышленію. Вслѣдствіе этого идея социальнаго организма получаетъ особенный интересъ; притомъ же, едва-ли не впервые она проводится ясно и послѣдовательно, вслѣдствіе чего становится возможнымъ уловить ея суть.

Спенсеръ начинаетъ короткими общими обзорами пунктовъ сходства и различія между обществами и индивидуальными организмами. Пунктовъ сходства онъ указываетъ четыре. Вопервыхъ, какъ общества такъ и организмы, начинаясь соединеніемъ небольшого числа частей, постепенно такъ увеличиваются въ объемѣ, что нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ размѣра, въ десять тысячъ разъ болѣе первоначальнаго. Вторыхъ, и тѣ и другіе развиваются по одному тѣлу, переходя отъ простаго къ сложному. Третьихъ, и въ тѣхъ и въ другихъ постепенно разви-

встает взаимная зависимость частей, такъ что жизнь и дѣятельность каждой части обусловливается жизнью и дѣятельностью остальныхъ частей. Четвертыхъ, элементы организма и общества рождаются, развиваются, дѣйствуютъ и умираютъ каждый самъ по себѣ, между тѣмъ какъ цѣлое продолжаетъ жить и переживаетъ одно поколѣніе элементовъ за другимъ. Эти пункты сходства представляются Спенсеру весьма значительными и важными, тогда какъ наоборотъ пункты различія — гораздо менѣе рѣзкими. Ихъ тоже четыре. Вонервыхъ, организмы имѣютъ специфическія внѣшнія формы, тогда какъ общества ихъ не имѣютъ. Но это различіе сглаживается, по мнѣнію Спенсера, какъ неопредѣленностью формъ нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ, такъ и тѣмъ болѣе общимъ фактомъ, что внѣшняя форма организмовъ и обществъ «зависитъ отъ окружающихъ условий». Надо правду сказать, что это уже слишкомъ общій фактъ, потому что внѣшняя форма неорганическихъ тѣлъ точно такъ же зависитъ отъ окружающихъ условий. Гораздо острѣе мнѣе соображенія, противопологаемаго Спенсеромъ второму и третьему пунктамъ различія. — Живые элементы общества не образуютъ такой сплошной массы, какова живая ткань организма. Но это различіе, рассуждаетъ Спенсеръ, собственно не существуетъ; ибо какъ организмы развиваются изъ неорганизованнаго вещества, въ которомъ разсыяны организованныя точки, такъ и члены политическаго тѣла физически отдѣлены другъ отъ друга преюжками не мертваго пространства, а занимаемаго фауной и флорой, т.-е. жизнью низшаго разряда; и эта низшая жизнь, отъ которой зависитъ существованіе человѣка и общества, необходимо должна быть включена въ понятіе социальнаго организма. — Живые элементы организма болѣею частью неподвижны, а элементы организма социальнаго способны передвигаться. И это различіе неважно и только поверхностно, говоритъ Спенсеръ. Въ качествѣ общественныхъ дѣятелей, люди въ сущности неподвижны, сельскій хозяинъ, мануфактуристъ и т. д. функционируютъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, и если отлучаются навсегда или на время, то оставляютъ кого-нибудь вмѣсто себя. — Четвертый пунктъ различія есть самый важный, какъ по мнѣнію Спенсера, такъ и по нашему. «Въ тѣлѣ животного только извѣстный родъ ткани одаренъ чувствительностью, въ обществѣ же всѣ члены одарены ею». Этотъ доводъ Спенсеръ старается ослабить, вонервыхъ, тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ, немнѣющихся нервной системы, обладаемая ими слабая чувствительность распределена одинаково на всѣ части. «Кромѣ того, говоритъ Спенсеръ, мы должны помнить, что и общества не лишены нѣкотораго дифференцированія въ этомъ родѣ. Единицы общины хотя и всѣ чувствительны, но чувствительны не въ равной степени. Сословія, занимающіеся земледѣліемъ и вообще тяжелыми работами, гораздо менѣе впечатлительны, какъ въ укравенномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи душевныхъ

величій, нежели другія сословія; особенно рѣзко отличаются они въ этомъ случаѣ отъ сословія, получившаго высшее умственное образованіе. Но все-таки этотъ нунитъ представляетъ довольно рѣзкій контрастъ между политическими и индивидуальными тѣлами, котораго нинюгда не слѣдуетъ упускать изъ виду, потому что онъ напоминаетъ намъ, что между тѣми какъ въ индивидуальныхъ тѣлахъ благосостояніе всѣхъ частей вполне подчинено благосостоянію нервной системы, въ пріятномъ или болѣзненномъ возбужденіи которой заключается все благо или зло жизни, — о политическихъ тѣлахъ нельзя сказать того же. Пусть жизнь отдѣльныхъ частей животного поглощается жизнью цѣлаго, оно такъ и слѣдуетъ, потому что это цѣлое имѣетъ корпоративную сознательность, способную ощущать наслажденіе или страданіе. Общество же цѣло другое: его живыя единицы не утрачиваютъ и не могутъ утратить индивидуальной сознательности, а община съ другой стороны не имѣетъ корпоративной сознательности, какъ цѣло. Это-то и есть главная неизмѣнная причина, по которой благосостояніе гражданъ нинюгда не можетъ быть справедливо жертвемо для какаго-то воображаемаго блага государства, а напротивъ того государство должно существовать единственно только для блага гражданъ. *Корпоративная жизнь въ этомъ случаѣ должна подчиняться жизни отдѣльныхъ частей, а не жизнь отдѣльныхъ частей корпоративной жизни.*» (Т. I. Опытъ, «Соціальныи организмъ», стр. 426).

Казалось бы, послѣднее различіе до такой степени существенно и важно, что его одного было бы достаточно для уничтоженія параллели между организмомъ и обществомъ. «Не забывать» его, какъ совѣтуетъ Спенсеръ, и въ то же время настаивать на аналогіи — невозможно. Но Спенсеръ настаиваетъ и потому, какъ увидимъ, забываетъ.

Болѣе подробный разборъ фактовъ, оправдывающихъ уводобленіе общества живому тѣлу, Спенсеръ начинаетъ съ низшихъ ступеней органической жизни и съ первыхъ стадій общественнаго развитія, и затѣмъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за дальнѣйшимъ усложненіемъ тѣхъ и другихъ. Онъ проводитъ послѣдовательно параллели: между микроскопическими растениями и животными, обнаруживающими крайне простое строеніе, и агрегатами ихъ, состоящими изъ независимыхъ единицъ съ одной стороны, и первобытными общинами, состоящими изъ независимыхъ и равныхъ людей, съ другой; между слѣдующими ступенями органической жизни, проявляющими уже относительно значительную степень «физиологическаго раздѣленія труда», т.-е. обособленія и специализаціи тканей и органовъ — и тѣми фазами развитія общества, въ которыхъ экономическое раздѣленіе труда произвело первыя кастовыя дробленія; между образованіемъ животныхъ колоній изъ нѣсколькихъ нецѣлостныхъ ведѣльныхъ и слитіемъ однородныхъ группъ въ одно племя; между почвованіемъ и раздробленіемъ племени вслѣдствіе недостатка пищи и

проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Спенсеръ уподобляетъ социальный строй не столько отдѣльнымъ организмамъ, сколько агрегациямъ организмовъ и, наиримѣръ, полипникъ можетъ рассматриваться и дѣйствительно рассматривается многими какъ ассоціація-полиповъ, а сравненіе общества съ обществомъ, для нашей ближайшей цѣли, особеннаго интереса не имѣетъ. Смотрѣть ли на гидру, на полипникъ и т. д. какъ на организмъ социальный или естественный,—этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только послѣ окончательнаго и подробнаго разсмотрѣнія пунктовъ склеста и различія между обществомъ и недѣльнымъ. Къ этой специальной цѣли своего изслѣдованія Спенсеръ и обращается далѣе. Въ зародышѣ, говоритъ онъ, масса клѣточекъ отлагаетъ периферическій слой, который въ дальнѣйшемъ развитіи распадается на два: внутренній—слизистый, и внѣшній—серозный. Изъ слизистаго слоя развивается питательный аппаратъ, изъ серознаго—аппаратъ внѣшней дѣятельности. «Изъ перваго образуются тѣ органы, которыми готовится и поглощается пища, втягивается кислородъ и очищается кровь; тогда какъ изъ послѣдняго образуются нервная, мышечная и костная системы, соединеннымъ дѣйствіемъ которыхъ совершаются движенія тѣла какъ цѣлаго». Въ развитіи общества происходятъ совершенно параллельныя явленія. Общество дифференцируется на управляющихъ и управляемыхъ, которые, усвоивъ себѣ различныя функціи, становятся позднѣе другъ къ другу въ отношеніи «вольныхъ людей и рабовъ, дворянства и крѣпостныхъ». Правящій классъ функціонируетъ какъ серозный слой органическаго зародыша: управляетъ внѣшними дѣйствіями общества, тогда какъ классъ управляемыхъ, подобно слизистому слою, болѣе и болѣе исключительно занимается снабженіемъ общества пищею. «Впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ рабочій слой удаляется все болѣе и болѣе отъ дѣлъ общества и утрачиваетъ свою силу въ нихъ, онъ ограничивается почти исключительно процессами добыванія продовольствія, между тѣмъ какъ дворянство, переставая участвовать въ этихъ процессахъ, посвящаетъ себя управленію движеніями политическаго тѣла». Далѣе появленію въ организмѣ естественномъ промежуточнаго сосудистаго слоя; изъ втораго образуются главныя кровеносныя сосуды,—въ организмѣ социальномъ соответствуетъ образованіе средняго, торговаго сословія. Какъ на этой ступени развитія организма пища передается отъ слизистаго слоя къ серозному не непосредственно, а при помощи сосудистаго слоя, такъ и въ обществѣ предметы потребленія передаются не прямо рабами господамъ, а при посредствѣ купцовъ. Кровь живаго тѣла соответствуетъ массѣ продуктовъ, находящихся въ обращеніи въ политическомъ тѣлѣ; нервная система—правительственной организаціи; кровеносныя сосуды—путямъ сообщенія; мозгъ—парламенту и т. д. и т. д. Спенсеръ самымъ добросовѣстнымъ образомъ поспѣваетъ заданную имъ себѣ работу. Нѣкоторые изъ частныхъ аналогій, на

вторичи онъ при этомъ наталкивается, чрезвычайно остроумны. Такъ, напримеръ: «кровеносные сосуды получаютъ опредѣленные стѣнки,—дороги сдвигаются и уснаются щерблемъ». Или сравненіе двойнаго пути рельсовъ желѣзной дороги, разносящихъ одновременно общественные токи по двумъ противоположнымъ направленіямъ,—съ артеріями и венами. Или наконецъ сравненіе мозга съ парламентомъ. Новѣйшая психологія, говоритъ Спенсеръ, принимаетъ, что «головной мозгъ занимается не прямыми впечатлѣніями извнѣ, а представленіями этихъ впечатлѣній: вмѣсто дѣйствительныхъ ощущеній, производимыхъ въ тѣлѣ и непосредственно одѣваемыхъ чувствительными узлами или первичными нервными центрами, головной мозгъ получаетъ только представленія этихъ ощущеній, и сознательность его называется *представительною* (representative), для отличія отъ первоначальной, непосредственно воспринимавшей впечатлѣнія сознательности». «Не знаменательно ли, восклицаетъ Спенсеръ, что мы напали на то же самое слово для означенія функціи нашей палаты общинъ? Мы называемъ ее *представительнымъ* собраніемъ, потому что интересы, которыми она завѣдуетъ, страданія и наслажденія, о которыхъ она совѣщается, не прямо ощущаются ею, а *представляются* ей различными членами» (I, 455). Всѣ эти сближенія очень остроумны, но тѣмъ не менѣе неизбежно возникаетъ вопросъ: какая ихъ цѣль, зачѣмъ Спенсеръ положилъ на эту звѣздику столько труда и терпѣнія? Мы не привели и четвертой доли его соображеній по этому поводу; онъ слѣдитъ за частными проявленіями своей аналогіи по всѣмъ тончайшимъ развѣтвленіямъ организовъ естественнаго и социальнаго. Къ чему это? Не думаетъ же онъ установить новый видъ — *societas*? Вообще теоретическое значеніе уподобленія общества организму — вещь очень темная, но Спенсеръ имѣетъ въ виду и его практическую цѣль. Онъ полагаетъ, что аналогія эта, подводя подъ одинъ и тѣ же законы явленія жизни общественной и физической, можетъ способствовать развитію той и другой отрасли знанія; что физиологія и социологія могутъ взаимно обмѣниваться своими спеціальными истинами. Въ особенности онъ рекомендуетъ физиологамъ употребленіе особаго метода, который онъ называетъ социологическимъ. Методъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы изучать организованнаго тѣла не только прямо и непосредственно, а и косвенно, изучая тѣла политическія. Отъ приложенія этого метода Спенсеръ ожидаетъ въ будущемъ значительныхъ шаговъ впередъ для физиологіи, но до сихъ поръ можетъ указать только одинъ пунктъ, замѣтованный физиологами у социологіи — именно понятіе физиологическаго раздѣленія труда. Выраженіе это, кажется, впервые употреблено Мильнъ-Эдвардсомъ для того процесса обособленія тканей и органовъ, сумма которыхъ составляетъ органическое развитіе, то-есть переходъ его отъ однороднаго въ разнородному, отъ престога къ сложному, отъ общаго къ частному. Это въ сущности метафора, весьма

удобная и обрисовывающая данное явление въ высшей степени рельефно; но постровтъ на ней, какъ это дѣлаетъ Спенсеръ, идею тождественности прогресса органическаго и социальнаго и идею социальнаго организма невозможно. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что физиологи изобрѣли выраженіе «физиологическое раздѣленіе труда» не вслѣдствіе самостоятельнаго наблюденія явленій общественной жизни, а взяли его цѣлкомъ у экономистовъ. Экономисты же вплоть до Уэйфилльда принимали принципъ раздѣленія труда во всей той эмпирической неполнотѣ, съ какою онъ явился въ знаменитомъ трудѣ Адама Смита «О богатствѣ народовъ» (Беккариа, впрочемъ, еще раньше указалъ на его значеніе). Уэйфилльдь первый изъ экономистовъ замѣтилъ, что раздѣленіе труда есть только частное проявленіе гораздо болѣе общаго факта, именно коопераціи; что сочетаніе труда или кооперація безусловно способствуетъ усиленію производительности труда, но что она не исчерпывается раздѣленіемъ труда; что есть другой тапъ коопераціи, именно простое сотрудничество, и что въ этомъ вопросѣ экономисты принимали часть за цѣлое, что имѣло весьма печальныя для науки послѣдствія. Въ простомъ сотрудничествѣ нѣсколько человекъ одинаково помогаютъ другъ другу въ одномъ и томъ же дѣлѣ; при раздѣленіи труда, напротивъ, нѣсколько человекъ помогаютъ другъ другу различно, раздробляя всю операцію на части и выбирая себѣ каждый отдѣльную часть. «Различіе между простымъ и сложнымъ сотрудничествомъ очень важно — говоритъ Уэйфилльдь (Маль: «Основанія пол. эк.», I, 166). — Въ простомъ человѣкъ всегда сознаетъ, что сотрудничаетъ съ другими; взаимное содѣйствіе тутъ очевидно самому невѣжественному и тупому взгляду. Въ сложномъ сотрудничествѣ только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу. Причину этого различія нетрудно понять. Когда нѣсколько человекъ поднимаютъ одну тяжесть или тащатъ одинъ канатъ въ одно время и въ одномъ мѣстѣ, тутъ невозможно сомнѣваться, что они сотрудничаютъ другъ съ другомъ: этотъ фактъ вносится въ мысль простымъ чувствомъ зрѣнія. Но когда разные люди работаютъ въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, надъ разными дѣлами, ихъ сотрудничество не такъ прямо замѣчается, хотя они столь же положительно образомъ содѣйствуютъ другъ другу: чтобы замѣтить этотъ фактъ, нужна сложная умственная операція». Къ этому слѣдуетъ только прибавить, что отмѣченная нами выше и незамѣченная Спенсеромъ двойственность раздѣленія труда, требуя сложныхъ умственныхъ операцій, въ то же время отнимаетъ у рабочихъ способность къ нимъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается и те коренное различіе раздѣленія труда физиологическаго и экономическаго, которое дѣлаетъ ихъ принципами несомнѣтельными, взаимно исключаяющимися, виѣстѣ съ чѣмъ рушатся аданіе социальнаго организма и тождественности прогресса органическаго и социальнаго.

Когда яйцо, изъ котораго долженъ вырасти человѣкъ или животное, дифференцируется на слои серозный, слизистый и сосудистый, то этимъ явлениемъ обуславливаются зачатки физиологическаго раздѣленія труда. Съ теченіемъ времени каждый изъ этихъ слоевъ дифференцируется въ ткани и органы, изъ которыхъ каждый исполняетъ какую-нибудь одну спеціальную функцію. Одни берутъ на себя трудъ переваривать пищу, другіе воспринимать впечатлѣнія, третьи передавать организму кислородъ воздуха и выдѣлять углекислоту, четвертые исполняютъ внѣшнія движенія по велѣніямъ центральнаго органа нервной системы и т. д. Чѣмъ выше обозначена здѣсь спеціализація функцій, тѣмъ организмъ стоитъ выше на зоологической лѣстницѣ, тѣмъ онъ развитѣе, тѣмъ онъ сложнѣе. Въ этомъ постепенномъ усложненіи путемъ физиологическаго раздѣленія труда между органами состоитъ великій Барвовъ законъ органическаго развитія. Если мы видимъ, что органы недѣльимаго все болѣе спеціализируютъ свои отправленія и тѣмъ способствуютъ усложненію цѣлаго, мы говоримъ, что организмъ развивается, прогрессируетъ. Еслибы случилось, что борьба за существованіе поставила недѣльимое въ такіа условія, что нѣкоторые органы его перестали дѣйствовать, вслѣдствіе чего произошло упрощеніе организація, мы сказали бы, что недѣльимое регрессируетъ. Глаза пещерныхъ животныхъ, вслѣдствіе долгаго неупотребленія, перестаютъ функционировать, иногда вѣки ихъ срастаются и покрываются шерстью. Ясно, что недѣльимыя стали однороднѣе своихъ зрѣлыхъ родичей; трудъ передачи впечатлѣній отъ внѣшняго міра, распредѣлявшійся прежде между пятью органами чувствъ, распредѣляется теперь только между четырьмя. Физиологическое раздѣленіе труда стало менѣе полнымъ и потому животное регрессируетъ. Рабочія пчелы и муравьи, какъ извѣстно, бесполо. Съ другой стороны способные къ воспроизведенію самцы и самки неспособны къ работѣ, что, разумѣется, также коренится въ нѣкоторомъ упрощеніи организаціи. Такъ-какъ бесполое муравьи и пчелы должны были явиться, очевидно, позднѣе плодовыхъ, то было, значить, время, когда пчелы и муравьи были одновременно способны и къ работѣ и къ воспроизведенію новыхъ особей и когда, слѣдовательно, физиологическое раздѣленіе труда между органами пчелъ и муравьевъ было полнѣе теперешняго: въ каждомъ изъ нихъ функционировали и органы работы и органы воспроизведенія. Подъ вліяніемъ какихъ же условій произошло ослабленіе физиологическаго раздѣленія труда и, слѣдовательно, пониженіе организаціи, упрощеніе, регрессъ? Подъ вліяніемъ раздѣленія труда экономическаго. Когда муравьи и пчелы безсознательно подѣлили между собой свой общественный трудъ, такъ что одни стали только работать, а другіе только воспроизводить новыхъ особей, то, путемъ естественнаго подбора, это экономическое раздѣленіе труда въ ряду повогнѣй атрофиреало ненужна для каждаго изъ спеціальныхъ трудовъ способности и силы. И такъ,

экономическое раздѣленіе труда повело къ ослабленію раздѣленія труда физиологическаго, и такимъ образомъ возникло уравненіе развитія муравьевъ и пчелъ.

Человѣческое общество устроено, разумѣется, не хуже муравейника или улья. Экономическое раздѣленіе труда играетъ въ немъ не менѣе значительную роль. И если ми не дожили еще до безполныхъ рабочихъ, то дожили по крайней-мѣрѣ до теоріи «моральнаго воздержанія». А это ужъ не мало, это ужъ идея безполага рабочаго, которую уму человѣческому, пожалуй, и удастся обратитъ въ плоть и кровь. Экономическое раздѣленіе труда, то-есть раздѣленіе труда между отдѣльными недѣльными, составлять, какъ видно изъ Спенсерова очерка социальнаго развитія—базисъ всей нашей культуры. И любопытно прослѣдить за связью его съ физиологическимъ раздѣленіемъ труда, то-есть съ раздѣленіемъ труда между органами. Связь эта та же самая, что и въ исторіи муравейниковъ и ульевъ. Когда правящій классъ окончательно дифференцировался изъ однородной массы первобытнаго общества и оставилъ за собой трудъ умственный, а трудъ физическій предоставилъ управляемымъ, то это былъ первый шагъ экономическаго раздѣленія труда. При этомъ нервная система управляемыхъ постепенно должна была упрощаться; выѣстимость черепа и размѣръ умственныхъ способностей — уменьшаться, такъ-какъ въ послѣднихъ предстояла все меньшая и меньшая надобность: за управляемыхъ думали управляющіе. Значитъ, предѣлы физиологическаго раздѣленія труда сужались. То же самое произошло и въ средѣ правящаго класса. По мѣрѣ того, какъ представители его все больше углублялись въ выпавшую на ихъ долю часть труда, ихъ мускульная система слабѣла, кости становились тоньше и хрупче. Дальнѣйшая спеціализація индивидуальныхъ отправленій сопровождается и дальнѣйшимъ ослабленіемъ физиологическаго раздѣленія труда. Въ сферѣ труда физическаго мы имѣемъ, наиримѣръ, сапожника или портнаго, который, не говоря уже объ его умственной слабости, постоянно сидитъ на корточкахъ и только дѣлая однообразныя движенія руки — развилъ въ этой рукѣ нѣкоторые мускулы, но за то мускулы ногъ его ослабѣли. Въ предкѣ его, который дѣлалъ столько же сапоговъ, сколько снашивалъ ихъ, трудъ одинаково распредѣлялся по всѣмъ органамъ, тогда какъ въ потомкѣ функционировало гораздо меньшее число органовъ. Въ сферѣ умственнаго труда мы имѣемъ, наиримѣръ, замѣчательно умныхъ людей, лишенныхъ эстетическаго чувства. Число этихъ примѣровъ можетъ быть увеличено до бесконечности. Но и этого достаточно, чтобы видѣть, что физиологическое и экономическое раздѣленіе труда взаимно исключаются, что чѣмъ сильнѣе послѣднее, тѣмъ слабѣе первое. Слѣдовательно, взаимно исключаются и прогрессы органической и социальныя, какъ его понимаетъ Спенсеръ, что мы уже, впрочемъ, видѣли въ предыдущей главѣ. Исчезаетъ или по крайней-мѣрѣ сводится на простую метафору

и параллель между организмом и обществом, потому что параллель эта имѣетъ смыслъ только при сходствѣ между понятіями объ органахъ и недѣлимыхъ, а такого сходства въ дѣйствительности нѣтъ. Органъ представляетъ собою опредѣленную часть недѣлимаго, извѣстнымъ специальнымъ образомъ функционирующую и не могущую жить своею собственною, отдѣльною, самостоятельною жизнью. Недѣлимое можетъ жить самостоятельно, если всѣ органы, входящіе въ составъ его, исполняютъ свои specialныя обязанности. Мы не можемъ себѣ представить руки, языка, ноги внѣ организма, тогда какъ безъ особеннаго напряжения воображенія можемъ думать о человѣкѣ внѣ общества, а тѣмъ болѣе представить себѣ несоціальное низшее животное. Въ «Основаніяхъ біологіи» Спенсеръ, перебравъ нѣсколько существующихъ опредѣленій недѣлимаго и показавъ трудность рѣшенія этого вопроса, останавливается, наконецъ, на слѣдующей формулѣ: «Біологическій индивидъ есть конкретное цѣлое, имѣющее строеніе, позволяющее ему, при извѣстныхъ условіяхъ, постоянно приспособлять свои внутреннія отношенія къ внѣшнимъ такъ, чтобы поддерживалось равновѣсіе его отправления» (207). Это значить, что каждая ступень органическаго развитія, то есть каждый видъ имѣетъ извѣстную сумму отправления, распределенныхъ между его органами такимъ образомъ, что всѣ они функционируютъ одновременно. Членъ соціального организма, очевидно, не подходитъ подъ это опредѣленіе, и слѣдовательно, Спенсеровъ соціальныи организмъ состоитъ не изъ индивидовъ. Но это и не органы, потому что они имѣютъ способность страдать и наслаждаться, которой органы лишены. Недѣлимое всегда будетъ искать наслажденія и бѣжать страданія, и эти стремленія, какъ положительное, такъ и отрицательное, необходимо отзовутся на всеиъ строѣ соціального организма и отзовутся болѣзненно, вслѣдствіе антагонизма между частями его: что выгодно для одной, то невыгодно для другой. И въ концѣ-концовъ соціальныи организмъ долженъ рухнуть, какъ рушится онъ уже въ теоріи отъ собственнаго безсилія.

Для выясненія значенія идеи соціального организма, мнѣ хотѣлось бы представить читателю воззрѣнія Дрэпера на соціальныи организмъ, такъ-какъ онъ выражается грубѣе и нагляднѣе. Къ несчастію, у меня нѣтъ подъ руками ни «Умственнаго развитія Европы», ни «Гражданскаго развитія Америки», ни «Физиологія» Дрэпера, который проводитъ свою любимую идею соціального организма во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ. Но вотъ отрывокъ изъ одной моей коротенькой старой замѣтки по поводу «Исторіи гражданскаго развитія Америки». Если читатель незнакомъ съ этой книгой, такъ увидитъ въ чемъ тутъ суть.

«Сущность взглядовъ Дрэпера на соціальныи прогрессъ составляютъ слѣдующія двѣ мысли: ходъ развитія общества и ходъ развитія недѣлимаго тождественны, такъ что каждое недѣлимое представляетъ собою образецъ общества въ маломъ видѣ; да-

дѣе — «великая дѣя природы заключается въ достиженіи господства разума». Мы не говоримъ уже о томъ, что странно приписывать какия бы то ни было дѣяи природѣ, но мы сейчас увидимъ, въ чемъ собственно состоитъ то господство разума, о которомъ мечтаетъ Дрәперъ. По отношенію къ интеллектуальной силѣ онъ дѣлитъ всѣ послѣдовательныя ступени проявленія органической жизни на три типа. Низшіе организмы подобны автоматамъ и дѣйствуютъ совершенно безсознательно, нервная система ихъ совсѣмъ не развита. На высшей ступени къ автоматизму присоединяется инстинктъ, но вытѣснила его однако; здѣсь мы находимъ усложненіе нервной системы, образованіе нервныхъ узловъ, словомъ, обособленіе, специализацію отправленій. Наконецъ, въ высшихъ животныхъ формахъ это обособленіе достигаетъ высшей точки своего развитія, результатомъ чего является образованіе мозговой массы — «интеллектуального аппарата», на ряду съ которымъ продолжаютъ существовать аппараты автоматическій и инстинктивный. Въ человѣкѣ роль автоматическаго аппарата играетъ спинной мозгъ, дѣйствія котораго чисто механическія; нервныя узлы, въ которыхъ сходятся нервы обособленныхъ чувствъ, представляютъ собою аппаратъ инстинктивный, а головной мозгъ есть «поприще идей, царство мысли, орудіе, посредствомъ котораго дѣйствуетъ умъ». Геологія и палеонтологія показываютъ, что появленіе организмовъ, послѣдовательно населявшихъ землю, слѣдуетъ тому же плану, т. е. въ болѣе древнихъ пластахъ мы встрѣчаемъ животныя формы съ наиболѣе простой нервной системой, которая въ позднѣйшихъ типахъ все болѣе и болѣе усложняется, пока не достигаетъ, наконецъ, послѣдней фазы своего развитія въ человѣкѣ. Наконецъ, та же послѣдовательность замѣчается и въ развитіи человѣка, начиная съ эмбрионическаго состоянія. Изъ всего этого Дрәперъ въ заключаетъ, что дѣя природы есть господство разума. Къ этому стремится каждый человѣкъ, разсматриваемый и какъ недѣлимое, и какъ членъ общества. Для достиженія господства разума въ обществѣ, Дрәперъ хочетъ его построить по тому же плану, по которому слагается организмъ недѣлимаго высшаго типа, т. е. обладающаго всѣми тремя ступенями развитія нервной системы. Въ его обществѣ, такимъ образомъ, должны быть члены, специально посвятившіе себя нервной дѣятельности — это головной мозгъ общества. Съ другой стороны, «сама многочисленная часть общества должна почитать себя работъ (физической), едва выучиваясь чему-нибудь, не относящемуся къ ея ежедневному труду; всякаго усовершенствованія она достигаетъ простымъ подражаніемъ. Она повинуется своимъ наследственнымъ инстинктамъ, не имѣя никакой идеи ни о прогрессѣ, ни о развитіи. Управляемая вышними явленіями и своими собственными побужденіями, она неспособна ни къ комбинаціямъ, ни къ обобщеніямъ. Ея движеніе волевѣ зависитъ отъ скрытаго вліянія вышнихъ дѣятелей. Эта

обширная масса, подобие облаку, стремится къ своей участи, но направленію невидимаго вѣтра» (ст. 269). На стр. 48-й Дрэнперъ также высказываетъ мысль, что «въ членахъ важдаго общества должны быть различныя степени ума». Такой порядокъ вещей онъ почему-то называетъ господствомъ разума... Положивъ, такимъ образомъ, рѣзкую границу между трудомъ физическимъ и умственнымъ, Дрэнперъ проповѣдуетъ дальнѣйшую спеціализацію труда и новизна его дробленія. Какъ видитъ читатель, это одинъ изъ образцовъ злоупотребленія закономъ Бэра. Бэръ выразилъ сущность органическаго прогресса формулой: «послѣдовательный рядъ измѣненій приводитъ однородное къ разнородному». Это одно изъ плодотворнѣйшихъ обобщеній современной науки; но именно исходя изъ этого закона, на которомъ Дрэнперъ и другіе строятъ идею социальнаго организма, мы и не признаемъ этой идеи. Общество есть не организмъ, а совокупность недѣлимыхъ организмовъ; оно состоитъ не изъ органовъ, спеціально предназначенныхъ для того или другаго отправления, а изъ недѣлимыхъ, имѣющихъ всѣ органы и потому исполняющихъ всю сумму отравленій. Идея социальнаго организма находится въ прямомъ противорѣчій съ закономъ Бэра, и можно только удивляться безоружности ея защитниковъ, которые хотятъ опереться на этотъ законъ. Превращеніе организма (недѣлимаго) въ органъ, сопровождаемое нарушеніемъ его цѣлостности и независимости, есть развитіе разнороднаго въ однородное, общаго въ спеціальное, многостороннаго въ одностороннее, а слѣдовательно, такое превращеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подведено подъ законъ Бэра. Это развитіе патологическое, а не физиологическое, а идея социальнаго организма — «двойная бухгалтерія». Законъ Бэра есть законъ нормальнаго, физиологическаго развитія. Вступая въ качества спеціальнаго органа въ дрэнперовскій социальный организмъ, служащая свою дѣятельность, разжаловывая себя, если можно такъ выразиться, индивидуумъ тѣмъ самымъ нарушаетъ этотъ законъ, т.-е. развивается аномально. Изъ всего его существа упражняется и развивается только ничтожная часть, все остальное гложетъ, замираетъ. Органический прогрессъ, по закону Бэра, состоитъ въ усложненіи организаціи; здѣсь мы видимъ совершенно противное. Ясно, что защитники идеи социальнаго организма, думая сдѣлать общество логическимъ выводомъ изъ природы, дѣлаютъ его антигезой ея. Но идея социальнаго организма должна не только въ принципѣ, она не можетъ и фактически осуществиться. Въ результатъ безконечной спеціализаціи труда получаютъ не цѣлыя индивидуумы, а только, такъ сказать, извѣстныя части ихъ; но это все-таки не органы, они не теряютъ способности страдать и наслаждаться, что составляетъ существенную, характеристическую черту недѣлимаго. Эта способность есть, безъ сомнѣнія, лучшій пробный камень для пробѣрки дрэнперовскаго обобщенія, невѣрность котораго доказывается

закрывающимся въ немъ противорѣчіемъ: въ организмѣ страдаютъ и наслаждаются не части, а цѣлое, а въ обществѣ наоборотъ, и слѣдовательно, нѣтъ никакого подобія между обществомъ и ведѣлимымъ*.

Последнее обстоятельство напоминаетъ намъ, что Спенсеръ, совѣтуя не забывать, по его собственному мнѣнію, важнѣйшій пунктъ различія между обществомъ и организмомъ, тѣмъ не менѣе забылъ его. И забвеніе это всего ярче проглядываетъ въ наиболѣе остроумной частности его аналогіи—въ параллели между парламентомъ и головнымъ мозгомъ. Если головной мозгъ недѣлимаго получаетъ не дѣйствительныя ощущенія, непосредственно оцѣвляемыя нервными узлами, а представленія этихъ ощущеній, то, тѣмъ не менѣе, организмъ, обладающій корпоративною сознательностью, страдаетъ и наслаждается весь. Вслѣдствіе этого, выражается метафорическимъ языкомъ Спенсеровой аналогіи, интересы мозга солидарны съ интересами цѣлаго организма, и въ немъ не найдется торіевъ и виговъ, радикаловъ и чартистовъ. Но англійскимъ рабочимъ ничуть не легче оттого, что ихъ интересы и страданія не непосредственно ощущаются палатою общины, а «представляются» ей. Въ организмѣ все-таки страдаетъ и наслаждается цѣлое, а не части; въ обществѣ все-таки страдаютъ и наслаждаются части, а не цѣлое. И

* Если злоупотребленіе аналогіей между организмомъ и обществомъ можетъ повести къ очень печальнымъ заблужденіямъ, то наоборотъ, тщательное опредѣленіе ихъ несходства могло бы пролить истинный свѣтъ на постановку множества вопросовъ общественной жизни и социальной науки. Приведемъ одинъ примѣръ. Контъ весьма низко цѣнилъ научныя заслуги политической экономіи. Онъ утверждалъ, что анализъ общества исключительно съ экономической и промышленной точки зрѣнія, съ устраненіемъ элементовъ интеллектуальнаго, нравственнаго и политическаго, что такой анализъ не можетъ дать удовлетворительныхъ результатовъ. Самый видный изъ учениковъ Контъ—Литтре, а вслѣдъ за нимъ и Милье, заглаживаютъ по этому случаю, что политическая экономія занимаетъ въ социальной наукѣ такое же мѣсто, какое принадлежитъ теоріи питательныхъ отправленій въ биологіи. А такъ-какъ Контъ самъ считалъ чрезвычайно полезнымъ изучать теорію питанія отдѣльно, то изъ этого Литтре и Милье заключаютъ, что ему слѣдовало бы точно также отнестись и къ политической экономіи. Если связанное нами о различіи между организмомъ и обществомъ справедливо (а мы въ этомъ убѣждены, и боимся только за ясность нашего изложенія. Въ слѣдующей статьѣ, подробнѣе говоря о процессѣ интеграціи, мы еще вернемся къ этому дѣлу), то доказательство по аналогіи, выставленное Литтре и Милье, очевидно, не имѣетъ никакого значенія. Здѣсь сопарагаізонъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь n'est pas raison. Мало того, я рѣшаюсь утверждать слѣдующее: отношеніе между цѣлымъ и частями въ обществѣ и такое же отношеніе въ организмѣ до такой степени диаметрально-противоположны, что пригодность приема для оцѣнки явленій въ одной области составляетъ, въ этомъ случаѣ, косвенное доказательство непригодности его въ другой. Размѣръ журнальной статьи не позволяетъ намъ остановиться надъ этимъ обстоятельствомъ, хотя оно находится съ предметомъ ея въ самой непосредственной и многосторонней связи.

никакое остроуміе, никакая эрудиція не въ силахъ стереть этой коренной разницы, связанной съ коренною разницею между раздѣленіемъ труда физиологическимъ и социальнымъ, которая, въ свою очередь, связывается съ столь же коренной разницею между развитіемъ органическимъ и социальнымъ.

Итакъ, въ третій разъ Спенсеръ проходитъ съ закрытыми глазами мимо человѣческихъ радостей и горестей, хотя всѣ три раза крылья его мысли вплотную касаются тѣхъ и другихъ; и проходитъ онъ мимо ихъ на самые разнообразныя лады. Предписывая искусству изображать только прошлую жизнь, онъ минуетъ тревоги настоящаго по простому недосмотру, такъ-какъ принципъ контраста не исключаетъ изъ задачъ искусства передачи современныхъ явленій. Проводя параллель между прогрессомъ органическимъ и социальнымъ, онъ отворачивается отъ счастья человѣчества сознательно, потому что прямо заявляетъ о своемъ неуваженіи въ этой точкѣ зрѣнія. Устанавливая аналогію между организмами естественнымъ и общественнымъ, онъ обходитъ страданіе и наслажденіе человѣка по двойному недосмотру: забываетъ не только это страданіе и наслажденіе, но и свое собственное напоминаніе объ нихъ. Еслибы во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ онъ дѣйствительно дошелъ до истины — мы бы ни слова не сказали и не могли сказать противъ его объективнаго метода. Успѣхъ въ этомъ случаѣ оправдалъ бы средства, какъ бы мы на нихъ ни смотрѣли безотносительно къ результатамъ. Но мы видимъ, что этого нѣтъ; мы видимъ, напротивъ, что во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ онъ впадаетъ въ грубыя ошибки. И такъ-какъ въ силѣ ума Спенсера сомнѣваться невозможно, то самъ собою представляется вопросъ: законно ли устраненіе телеологическаго элемента изъ социологическихъ исследованийъ, можетъ-ли объективный методъ дать въ социологіи благіе результаты? Можетъ быть, социологъ не имѣетъ, такъ сказать, логическаго права устранить изъ своихъ работъ человѣка, какъ онъ есть, со всѣми его скорбями и желаніями; можетъ быть, грозный образъ страдающаго человѣчества, соединившись съ логикою вещей, мститъ всякому, кто его забудетъ, кто не проникнется его страданіями; можетъ быть, объективная точка зрѣнія, обязательная для естественнаго наблюдателя, совершенно непригодна для социологіи, объектъ которой—человѣкъ—тождественъ съ субъектомъ; можетъ быть, вслѣдствіе этой тождественности, мыслящій субъектъ только въ такомъ случаѣ можетъ дойти до истины, когда вполне сольется съ мысленнымъ объектомъ и ни на минуту не разлучится съ нимъ, т.-е. войдетъ въ его интересы, переживетъ его жизнь, перемыслитъ его мысль, почувствуетъ его чувство, перестрадаетъ его страданіе, заплачетъ его слезами. Есть нѣкоторыя основанія думать, что это предположеніе вѣрно, и сочиненія Спенсера представляютъ обильныя намеки на то, что объективный методъ, единственно плодотворный въ естествознаніи, безсиленъ въ социологіи.

Вопервыхъ, ми видѣли, что ошибки Спенсера совпадаютъ съ устраненіемъ изъ соціологическихъ изслѣдованій телеологическаго элемента, что въ такомъ сильномъ мнелителѣ весьма характеристично.

Вовторыхъ, нѣкоторыя частныя изслѣдованія Спенсера, въ которыхъ онъ становится на субъективную точку зрѣнія, заключаютъ въ себѣ истины безспорныя и притомъ діаметрально противоположны тѣмъ выводамъ, которые вытекають изъ его изслѣдованія прогресса. Мы разсмотримъ одинъ такой случай. Дѣло идетъ о причинахъ разнообразія и однообразія слога писателей. Такъ статья и называется: «Философія слога». «Отчего Джонсонъ напыщенъ, а Гольдсмитъ простъ? спрашиваетъ Спенсеръ (I, 91). Отчего одинъ авторъ отрывоченъ, другой плавно, третій сматъ? Очевидно, что въ каждомъ частномъ случаѣ обычный способъ выраженія зависитъ отъ обычного настроенія. Преобладающія чувства, постоянныя упражненіемъ, приучили умъ къ нѣкоторымъ представленіямъ. Но между тѣмъ какъ продолжительнымъ, хотя и бессознательнымъ, упражненіемъ онъ достигъ того, что съ силою передаетъ эти представленія, онъ остается, по недостатку упражненія, неспособнымъ къ передачѣ другихъ, такъ что, когда возбуждаются эти бодѣ слабыя чувства, въ обычныхъ словесныхъ формахъ проскакиваютъ только легкія намѣненія. Но пусть сила рѣчи вполне развивается, пусть способность разсужда выражать душевныя волненія достигнетъ совершенства; тогда неподвижность стила исчезаетъ. Совершенный писатель будетъ выражаться какъ Юніусъ, когда онъ будетъ въ такомъ же расположеніи духа, какъ Юніусъ; когда онъ будетъ чувствовать, какъ чувствовалъ Ламбъ, онъ употребитъ столь же простую рѣчь; онъ впадетъ въ рѣзкость Карлейля, когда придетъ въ настроеніе Карлейля. Говоря о «совершенномъ» писателѣ, Спенсеръ тѣмъ самымъ выдвигаетъ нѣчто желательное, ставитъ нѣкоторый идеалъ, къ которому приглашаетъ стремиться, т.-е. вводитъ въ свое разсужденіе субъективный и телеологическій элементъ. Желательно, разумѣется, не то, чтобы тотъ или другой писатель обладалъ совершеннымъ слогомъ; желательно, чтобы всѣ они достигли этого совершенства. Но когда слогъ каждаго писателя можно будетъ выразить формулою: (Юніусъ+Ламбъ+Карлейль+и т. д.), — то очевидно, что вся группа писателей будетъ вполне однородна, именно потому, что каждый изъ нихъ вполне разнороденъ: формула каждаго изъ нихъ состоитъ изъ весьма длиннаго ряда слагаемыхъ, и потому выражаетъ собою фактъ весьма сложный и разнородный, но такъ-какъ всѣ писатели выражаются одною и тою же формулою, то вся масса ихъ будетъ совершенно однородна, — ни у одного изъ нихъ не будетъ, въ сравненіи съ остальными, ничего лишняго и ничего недостающаго. Слѣдовательно, если ми мысленно взволнуемъ всѣхъ писателей отъ остальной массы общества и представимъ себѣ группу ихъ какъ нѣчто дѣловое, то окажется,

что Спенсеръ, какъ разъ наоборотъ тому, что онъ говорилъ о всемъ обществѣ, требуетъ для нашей группы писателей полной однородности въ дѣломъ и полной разнородности для каждаго отдѣльно взятаго писателя. Если мы на вопросъ о слогахъ взглянемъ нѣсколько глубже, то противорѣчіе это станетъ еще болѣе яснымъ. Разнообразіе слога обуславливается количествомъ чувствъ, волнующихъ писателя, а количество и напряженность чувствъ зависитъ отъ среды, въ которой обращается писатель. Представимъ себѣ разнородное общество, т.-е. общество, дифференцированное на определенное количество сословій. Писатели выставятъ, разумѣется, не всѣ эти слои. Такъ, въ XVII столѣтіи литература принадлежитъ во Франціи дворянству и духовенству и выражаетъ чувства, общія для этихъ классовъ. Сообразно этому, слогъ принимаетъ извѣстный специальный характеръ у Корнелия и Расина съ одной стороны, у Боссуэта и Фенелона — съ другой. Затѣмъ вырѣзывается третье сословіе, въ лицѣ такъ-называемой литературы просвѣщенія, — представляющей новыхъ чувствъ и, слѣдовательно, новаго слога. Такъ-какъ дворянская литература и духовная еще продолжаютъ существовать бокъ-о-бокъ съ этой литературой среднего сословія, то появленіе послѣдняго увеличиваетъ разнородность общества и разнородность массы писателей: къ дворянскому слогу и слогу духовенства прибавляется еще третій. Но этотъ порядокъ вещей тянется недолго, и среднее сословіе весьма быстро превращается въ широкій нивелирующій потокъ. Чувства, волнующія вновь народившійся общественный слой, охватываютъ все общество, и революція стираетъ аристократію и духовенство. Они еще пробуютъ бороться, пробуютъ отстаивать свои specialныя чувства и свой specialный слогъ, но безуспѣшно. Ночь 4-го августа имѣетъ въ исторіи слога свой параллельный фактъ, хотя и не столь рѣзко обозначенный. Съ точки зрѣнія ученія Спенсера о прогрессѣ вообще это явленіе регрессивное, потому что общество перешло отъ разнородности къ однородности. Не говоря уже о томъ, что это прямо вытекаетъ изъ его общей теоріи, онъ говоритъ въ этомъ смыслѣ и объ этомъ частномъ случаѣ. «Политическій взрывъ, — говоритъ онъ, — съ самаго начала стремится изгладить правительственныя и промышленныя specialизаціи, существовавшія прежде. Недовольство, производящее такой взрывъ, само по себѣ предполагаетъ уже ослабленіе уязвимыхъ гражданъ въ отдѣльныя классы и подклассы. Агитация, выростающая въ революціонныя митинги, обнаруживаетъ рѣшительную склонность къ слиянію словесъ, обмановенно отдѣльныхъ другъ отъ друга» («Основныя начала», 191). И всѣ «стадіи взмѣненія не только не составляютъ дальнѣйшей ступени развитія, но, напротивъ, представляютъ собою шаги къ разложению» (Ibid., 189). Это совершенно послѣдовательно, что касается до прогресса социальнаго, т.-е. развитія идеальной, юридической личности. Но, введя въ свое разсужденіе судьбу личности ре-

альной, Спенсеръ долженъ придти къ заключенію совершенно противоположному. Дѣйствительно, если среднее сословіе стало выражать, въ придачу къ тѣмъ чувствамъ, которыя прежде волновали только его, также и тѣ, которыя прежде составляли монополию дворянства и духовенства; если оно такимъ образомъ не заговорило общечеловѣческимъ языкомъ только потому, что четвертое сословіе еще ждало своей очереди для внесенія своихъ чувствъ на арену исторіи и литературы, то ясно, во всякомъ случаѣ, что слогъ писателей третьяго сословія сталъ разнороднѣе слога писателей дворянскихъ и духовныхъ, т.-е. писатели, по крайней мѣрѣ по отношенію къ слогу, стали совершеннѣе. Итакъ, писатель тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ онъ разнороднѣе и чѣмъ общество, въ которомъ онъ дѣйствуетъ, однороднѣе, а между тѣмъ социальный прогрессъ состоитъ въ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному. Это противорѣчіе объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что, трактуя о совершенствѣ слога писателя, Спенсеръ становится на субъективную точку зрѣнія, которая исключается имъ изъ наследованія законовъ социального прогресса; а, во вторыхъ, тѣмъ, что въ первомъ случаѣ онъ беретъ во вниманіе тотъ элементъ, который устраняетъ во второмъ, т.-е. прогрессъ индивидуальный. Нетрудно видѣть, что совпаденіе этихъ двухъ обстоятельствъ не случайное; что всякій разъ, какъ Спенсеръ станетъ на телеологическую точку зрѣнія, онъ необходимо долженъ будетъ принять въ соображеніе судьбу не общества, а недѣлимаго, и что, наоборотъ, слѣдя за судьбой недѣлимаго, онъ необходимо станетъ на телеологическую точку зрѣнія, т.-е. выставитъ нѣкоторую цѣль, которой желательно достигнуть.

Нетрудно, наконецъ, видѣть и то, что только въ этомъ случаѣ онъ можетъ придти къ результатамъ, бесспорно, истиннымъ. Еслибы Спенсеръ рекомендовалъ не физиологамъ социологическій методъ, а, наоборотъ, социологамъ методъ физиологическій, то, исходя изъ того же закона Вера, который составляетъ основаніе его выводовъ, онъ пришелъ бы къ совершенно инымъ результатамъ. По этому закону организмъ тѣмъ развитѣе, тѣмъ выше, чѣмъ онъ сложнѣе, чѣмъ физиологическое раздѣленіе труда между его органами обозначено рѣзче и яснѣе. Организмъ прогрессируетъ, когда онъ усложняется, т.-е. переходитъ отъ однородности къ разнородности, и регрессируетъ, когда упрощается, т.-е. переходитъ отъ разнородности къ однородности. Это истина безспорная. Если индивидуальный организмъ нисходитъ до степени спеціального органа въ организмѣ социальномъ, то тѣмъ самымъ онъ переходитъ отъ разнородности къ однородности, слѣдовательно, регрессируетъ. Въ то же самое время социальный организмъ становится разнороднѣе, слѣдовательно, прогрессируетъ. Какое изъ этихъ взаимно исключавшихся движеній слѣдуетъ принять за дѣйствительно прогрессивное? Объективная точка зрѣнія не дастъ руководства для выбора. Она говоритъ только, что прогрессъ есть переходъ отъ одно-

реднаго къ разнородному. А такъ-какъ въ исторіи движеніе общества именно въ этомъ отношеніи обозначено, за весьма, впрочемъ, значительными исключеніями, весьма явственно, то для объективной точки зрѣнія этого в достаточности: общество прогрессируетъ, хотя и давить при этомъ личность, заставляя ее переходить отъ разнородности къ однородности. Не то будетъ, когда мы станемъ на противоположную точку зрѣнія; когда мы, признавъ, что общество, какъ личность идеальная, не живетъ и не умираетъ, не страдаетъ и не наслаждается, возьмемъ за центръ своего изслѣдованія мыслящую, чувствующую и желающую личность. Естественнымъ образомъ мы признаемъ при этомъ прогрессивнымъ только такое движеніе, которое увеличиваетъ массу наслажденій этой личности и уменьшаетъ массу ея страданій. Мы знаемъ, далѣе, что нарушение равновѣсія органовъ, развитіе одного изъ нихъ въ ущербъ другому или другимъ, болѣзненно отзывается на личности и отнимаетъ у нея самое очевидное благо—здоровье. Кромѣ того, такое нарушение равновѣсія ставитъ одну личность или одну группу личностей въ зависимость отъ другой, которой удалось развить въ себѣ болѣе выгодную физиологическую функцію, такъ что первая такъ или иначе становится по отношенію ко второй въ болѣе или менѣе замаскированное положеніе раба. Наконецъ, такъ-какъ каждое естественное физиологическое отправление составляетъ источникъ наслажденія, то недѣлимое тѣмъ счастьемъ, чѣмъ полнѣе и многостороннѣе идетъ въ немъ физиологическая работа. Съ этой точки зрѣнія прогрессъ выразится усложненіемъ организма, переходомъ его отъ однородности къ разнородности, хотя бы такой переходъ обуславливался обратнымъ движеніемъ для общества; переходъ же общества отъ однородности къ разнородности будетъ признакомъ регресса. Которое изъ этихъ рѣшеній правильнѣе, которое изъ нихъ логически вытекаетъ изъ закона Бэра? Очевидно второе, потому что индивидуальный прогрессъ есть тотъ-же прогрессъ органическій, только въ общественной средѣ. И пріятно къ этому второму рѣшенію Спенсеру помѣшалъ тщательное устраненіе вопроса о человѣческомъ счастьи. И натолкнуть его на это рѣшеніе могъ только этотъ вопросъ. Въ этой варѣ человѣческой логики за забвеніе человѣческихъ интересовъ, есть знаменательное указаніе, преслѣдующее Спенсера во всѣхъ его ошибкахъ, придающее имъ видъ необыкновенной, странной грубости. Что можетъ быть грубѣе и очевиднѣе его ошибки относительно задачи искусства? И произошла она оттого, что для него какъ бы не существуютъ социальные контрасты, порожденные тѣмъ процессомъ дифференцированій общества, который онъ называетъ социальнымъ развитіемъ. И когда сопоставляешь эти примѣры съ множествомъ свѣтлыхъ, блестящихъ мыслей того же автора, то вопросъ о законности объективнаго метода въ социологіи встаетъ все назойливѣе и назойливѣе.

Для подробной оцѣнки значенія этого метода, да позволено намъ будетъ сдѣлать небольшое, а можетъ быть и довольно длинное отступленіе. Но намъ не хотѣлось бы разставаться съ читателемъ, не устранивъ одного возможнаго недоразумѣнія. Намъ не хотѣлось бы, чтобы читатель подумалъ, что для насъ золотой вѣкъ человѣчества лежитъ не впереди, а позади, не въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Мы не признаемъ доктрины Руссо, которая однако несомнѣнно вѣрно указываетъ свойства нѣкоторыхъ сторонъ цивилизаціи. Не становимся мы и въ ряды поклонниковъ древней Греціи (весьма многочисленныхъ сравнительно очень недавно), хотя опять-таки и въ ихъ мнѣніи есть значительная доля правды. Съ одной стороны общество еще никогда не достигало и не можетъ достигнуть до состоянія организма. Съ другой стороны, насколько цивилизаціи достигалась путемъ раздѣльнаго труда, она несомнѣнно имѣла указанный выше двойственный характеръ. Но раздѣленіемъ труда не исчерпывается кооперація, и на ряду съ нимъ существовало и существуетъ простое сотрудничество, т.-е. сочетаніе труда равныхъ людей, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль. И все будущее принадлежитъ этой формѣ коопераціи.

РОСКОШНЫЙ ПИРЪ МОСКОВСКОЙ НАУКИ.

«Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи», издаваемый В. А. Дашковымъ. Книга I (Москва, 1868).

«Наука готовитъ роскошный пиръ».
Проф. Соловьевъ.

Mea culpa! mea maxima culpa! въ годы глупой юности я, бывало, смѣялся надъ тогдашними славянофилами, говорившими о существованіи національной науки. Каюсь предъ забытыми тѣнями. Эта наука существуетъ и доказательство ей дала та же самая Москва методомъ, самымъ ошутительнымъ.

«Движенья нѣтъ!» сказалъ мудрецъ брадатый
Другой смогчалъ и сталъ предъ нимъ ходить...

Предо мною книга, носящая ясное и неоспоримое доказательство не только національной, но мѣстной, московской науки, такой науки, которая нигдѣ бы не была признава за науку. И это не произведеніе одного человѣка, это цѣлое собраніе произведеній многихъ личностей, слѣдовательно изданіе, въ которомъ участники считаютъ или должны считать себя нѣкоторымъ образомъ взаимно-солидарными. Поэтому, хотя въ нѣкоторыхъ статьяхъ мы и не находимъ никакого мѣстнаго, московскаго элемента, а просто общенаучные приемы современной человѣческой

мысли, но авторы этихъ статей, являясь въ томъ обществѣ, въ которомъ они являются, несутъ на себѣ невольное отраженіе другихъ своихъ сотоварищей и позволяютъ заключить, что и они лишь изъ застѣчиваюности не вынашиваютъ того пестраго флага и не выпускаютъ того остраго запаха, который поражаетъ посторонняго наблюдателя при чтеніи наиболѣе характеристичныхъ статей сборника г. Дашкова. Мы вправѣ считать статьи перваго рода недоразвѣтшими экземплярами московско-учено-литературной оранжереи и приписывать въ нихъ отсутствіе мѣстнаго колорита и запаха именно этой недоразвитости, тогда какъ тотъ и другой высказывается вполне въ другихъ экземплярахъ, поставленныхъ въ болѣе благоприятныя условія. Поэтому прежде всего нельзя не порадоваться драгоценному букету г. Дашкова; драгоценному въ смыслѣ возможности изучать этнологическія особенности Москвы въ той области, гдѣ до сихъ поръ считалось всего труднѣе подмѣтить подобныя особенности.

Конечно, слабыя силы рецензента недостаточны, чтобы довести подобное изслѣдованіе до настоящей полноты и отдѣлки, но я буду доволенъ и тѣмъ, если мнѣ удастся указать будущему изслѣдователю этого предмета на столь замѣчательное явленіе, вѣ льшу себя надеждою, что въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ сборника г. Дашкова явится левція—ну хотя г. Лешкова—«объ особенностяхъ московско-учено-литературнаго запаха и объ измѣненіи фактовъ и методовъ подъ вліяніемъ этого запаха».

Надо замѣтить, что процессъ появленія сборника г. Дашкова есть истинный процессъ *развитія* европейской науки по великому методу Гегеля, и я обращаю на это обстоятельство особенное вниманіе нашего извѣстнаго гегелиста г. Страхова, который въ новомъ журналѣ, къ редакціи котораго онъ принадлежитъ, можетъ посвятить этому предмету особое разсужденіе. Оно ему тѣмъ болѣе удобно, что между его сотрудниками и редакторами встрѣчается нѣсколько самыхъ пахучихъ экземпляровъ московской флоры въ беллетристическомъ и ученомъ отношеніяхъ и онъ можетъ подтвердить свое построеніе ближайшими эмпирическими наблюденіями.

Гегельянское развитіе, замѣченное мною (и я намѣренъ въ этомъ отношеніи строго отстаивать свой *droit de priorité*) въ московской наукѣ, заключается въ томъ, что она происходитъ изъ обще-европейской по извѣстному тройному процессу: московскіе ученые становятся съ виду на обще-европейскую почву, за тѣмъ отрицаютъ ее, и за тѣмъ, возвышавсь до протаворѣчія сами съ собою (слѣдовательно путемъ двойнаго отрицанія, что и требовалъ Гегель), доходятъ до своей высшей, истинно московской точки. Конечно, не всѣ достигаютъ высшаго фазиса, какъ и было прежде сказано: одни развиваютъ болѣе непосредственный тезисъ, другіе останавливаются на точкѣ зрѣнія отрицанія элементарныхъ научныхъ требованій; лишь немногіе достигаютъ высшаго фазиса—отрицанія въ отрицаніи, отрицанія самого се-

би, которое можно назвать *absurdum moscoviensis*. Ну, да известно, что и ближайшіе ученики Гегеля не всегда понимали его.

Нѣкоторыя мѣста, бросаясь въ глаза неопытному рецензенту, могли бы навести на мысль, что онъ имѣеть предъ собою самое обычное собраніе научныхъ лекцій. Напримѣръ, въ насъ возбуждается совершенно общечеловѣческой интересъ, когда мы читаемъ на первой страницѣ введенія слова издателя: «по моему глубокому убѣжденію, антропологическое и этнографическое изученіе племенъ, населяющихъ Россію, и родственнаго русскому народу племенъ славянскихъ должно лечь въ основаніе бытовой внутренней, культурной исторіи русскаго государства», и на слѣдующей: «ученая разработка этнографическихъ матеріаловъ, представляемыхъ нашимъ отечествомъ въ изобиліи, потребуетъ много труда и много времени. Необходимо было предпослать этимъ трудамъ, хотя общее и краткое, разъясненіе самыхъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ по части антропологии и этнографіи. Лекціи, прочитанныя предъ московской публикой въ мартъ и апрѣль 1867 года, вполне удовлетворяютъ этой потребности». Конечно, обычнаго читателя поразить эти строчки и онъ нетерпѣливо просмотритъ находящіяся какъ разъ на третьей страницѣ списокъ статей, которыя «вполнѣ удовлетворяютъ потребности «разъясненія главныхъ и существенныхъ вопросовъ по части антропологии и этнографіи». Если онъ знакомъ съ тѣмъ, что Европа считаетъ здѣсь существеннымъ, то онъ очень удивится, найдя по заголовкамъ, что лишь статьи гг. Богданова и Медвѣдева обѣщаютъ разобрать *два* изъ *малыхъ* вопросовъ антропологии, а статьи гг. Соловьева и Бѣлаева *однимъ* изъ *малыхъ* вопросовъ этнографіи. *Ни однимъ* изъ вопросовъ парижскаго между народнаго конгресса по исторической антропологии здѣсь и не затронуть; точно также ни одинъ изъ вопросовъ, которые Шафгаузенъ въ своихъ статьяхъ 1867 года (*Ueber die anthropologischen Fragen der Gegenwart* и *Ueber die neuesten Unternehmungen und Arbeiten auf dem Gebiete der anthropologischen Forschung*) указываетъ какъ главнѣйшіе пункты работы современныхъ антропологовъ. Непроницательный читатель при этомъ потеропится прочесть предисловіе и успокоится въ надеждѣ на слѣдующіе выпуски «Сборника» г. Дашкова, но *проницательный* читатель... тотъ почувствуетъ приливъ крови въ сердцу и къ мозгу, въяніе новаго духа, предвкусіе *московской* науки.

Потому для проницательнаго читателя уже будутъ имѣть особенное, мистическое значеніе слова нашего знаменитаго историка, г. профессора Соловьева: «счастливое будущее для насъ русскихъ немислимо безъ научнаго преуспѣванія» (115)... «Нѣтъ страны, которая бы болѣе нуждалась въ помощи науки, чѣмъ наша страна» (116)... «Наша будущность въ наукѣ. Наука уничтожитъ или, по крайней-мѣрѣ, уменьшитъ неблагоприятныя усло-

вѣя страны; наука укажетъ выгодныя условія, вскроетъ естественныя богатства и дастъ средства пользоваться ими; наука уменьшитъ пространство, сблизитъ, сдружитъ русскихъ людей, усилитъ ихъ дѣятельность; наука вскроетъ прошедшее и уяснитъ настоящее» (117), или слова г. Лешкова: «все разумное должно становиться обязательнымъ» (78), тоже знаменитости своего рода, такъ какъ онъ послужилъ поводомъ къ нѣкоторому внутреннему скандалу въ стѣнахъ московской *alma mater*, еще теперь волнующему духъ праведныхъ при воспоминаніи о немъ. Да, обыкновенный читатель въ приведенныхъ словахъ двухъ знаменитостей московскаго университета, могъ бы найти довольно обычные фразы, составляющія общій девизъ ученыхъ всего міра, но извѣстно, что по отрывочнымъ фразамъ можно составить совершенно ложный взглядъ на мнѣніе автора и на духъ его произведенія, а здѣсь, разумѣется, главное духъ.

Приступаемъ же къ перечисленію тѣхъ 14 перловъ московской науки, которые разъясняютъ всѣ «главные вопросы антропологии и этнографіи», по мнѣнію московскихъ ученыхъ.

На нѣкоторыхъ изъ статей мы останавливаться не будемъ, частью потому, что онѣ становятся просто на почву общечеловѣческаго научнаго интереса, частью потому, что редація сообщила мнѣ объ имѣющейся въ виду статьѣ по предмету антропологическихъ работъ русскихъ ученыхъ, слѣдовательно содержаніе статей этого рода будетъ въ свое время, вѣроятно, указано читателямъ. Такова лекція А. П. Богданова «О краниологій» (45—56), по одному изъ важнѣйшихъ въ самомъ дѣлѣ вопросовъ науки, лекція весьма полезная въ самомъ ordinarily научномъ смыслѣ этого слова. То же можно сказать и о лекціи А. С. Владимірскаго. «О законахъ музыкальной гармоніи и національныхъ музыкальныхъ инструментахъ, доставленныхъ на этнографическую выставку» (152—168), хотя въ первой половинѣ ея, лекторъ перешелъ въ слишкомъ общую область, что не дозволило ему достаточно развить вторую, имѣющую немаловажный этнологическій интересъ; впрочемъ, вопросъ къ *эзаскамъ* въ европейскомъ смыслѣ слова отнести нельзя. Лекція К. К. Гёрца: «Погребальные обряды грековъ и скивовъ Восточнаго Кавказа» (144—151) касается вопроса, частью совершенно посторонняго для Россіи, частью слишкомъ спеціальнаго. Читатель, знакомый съ современными изслѣдованіями, замѣтитъ, пожалуй, что г. Гёрцъ нѣсколько смѣло говоритъ: «Одѣтъ послѣдній долгъ усопшему—считалось священною обязанностью не только относительно родственниковъ, но даже и чужестранцевъ. Эту глубоко прочувствованную черту въ греческой народной жизни религія возвела въ законъ. Отсюда-то возникъ благотворный обычай—украсить всѣмъ лучшимъ и дорогимъ усопшаго на его послѣднемъ пути»... (145—146), такъ-какъ обычай класть вещи въ могилу восходитъ въ первобытному мировоззрѣнію дикихъ народовъ, встрѣчается у весьма разнообразныхъ племенъ и у

грековъ можетъ считаться лишь остаткомъ болѣе грубаго періода культуры, а всего менѣе чѣмъ либо національнымъ или «глубоко-прочувствованнымъ».

Къ этой же категоріи просто интересныхъ и научныхъ статей надо отнести лекцію А. С. Петровскаго: «Вліяніе растительнаго міра на культуру человѣка» (34—44). Однако, нельзя не замѣтить г. Петровскому, что его теорія конституціоннаго государя оказалась на практикѣ весьма опасною; ей слѣдовало бы слѣдовать Луи-Филиппу; онъ именно думалъ «пользоваться законами, поставленными народомъ, такъ, чтобы дать себѣ, не нарушая ихъ, надлежащую власть, силу и положеніе» (34), вмѣсто того, чтобы исполнять свою обязанность, ни въ виду благо страны, а не свою власть и силу. Точно также нельзя вполнѣ согласиться со словами г. Петровскаго: «не разъ случалось замѣчать необходимо-венную уступчивость и мягкость гордой и неподатливой на уступки Англіи относительно ихъ (сѣверо-американцевъ). Причина тому — хлопчатая бумага, вывозимая изъ Штатовъ и дающая работу и хлѣбъ цѣлымъ округамъ Англіи. Стѣна изъ ваты надежнѣе защищаетъ Соединенные Штаты отъ англичанъ, чѣмъ мониторы, нарѣзныя пушки и ядра всѣхъ сортовъ» (42). Есть еще одно обстоятельство, предотвращающее въ Англіи войны, именно, что рѣшеніе начать войну зависитъ отъ представителей народа. Еслибы королева Викторія была менѣе ограничена въ своей власти, она могла бы не обращать особеннаго вниманія на страданія народа отъ войны, какъ не обратилъ на то вниманіе Луи-Наполеонъ въ мексиканской экспедиціи и какъ весьма часто не обращаютъ вниманія на подобныя мелочи руководители судебъ народовъ. Англія, Франція — абстракты: предметствіе войнъ встрѣчается не въ томъ, что она вредна, а въ томъ, что лица, для которыхъ она вредна, въ силахъ заявить свое мнѣніе и поддержать его. Впрочемъ, такъ-какъ г. Петровскій, поведенію, натуралистъ, то онъ вполнѣ будетъ правъ, если сочтетъ эти замѣчанія мелочными.

Пожалуй, еще мельче замѣчанія наши на лекцію г. Никитина: «Объ общихъ повровахъ человѣческаго тѣла» (57—68); но какъ-то странно читать въ серьезной статьѣ объ «интересномъ положеніи» (57) вмѣсто серьезности, особенно, когда въ другомъ мѣстѣ лекторъ не затруднился употребить настоящій терминъ. Еще поразительнѣе встрѣтить слова: «мы не знаемъ, на какомъ языкѣ говорилъ первый человѣкъ и потому не знаемъ, какъ называть онъ самъ себя. По крайней-мѣрѣ, на языкѣ весьма близкомъ къ до-историческому и болѣе извѣстномъ намъ, на языкѣ греческомъ — названіе человѣка дано согласно съ общимъ закономъ мышленія» (57—58). Едва-ли западному ученому пришло бы на мысль поставить въ наше время серьезно вопросъ о языкѣ *перваго человека*, а ужъ относительно того, что греческій языкъ *весьма близокъ* (!!) къ до-историческому, объ этомъ на Западѣ и не мечтаютъ. Обратите вниманіе на то, что лек-

воръ, обилная слова *первобытная челоуки* и *до-историческій языкъ*, не могъ даже видѣть въ виду первобытныхъ арийцевъ, знающихъ уже съ домашними животными, а неизбежно говорилъ о современникахъ мамонта. Мы вполне надѣемся, что за одно это открытіе Боппа, Максн Мюллера и всѣ эти европейскія знаменитости въ скоромъ времени вѣдутъ въ Москву предложить предъ названнѣйшимъ мировымъ лингвистомъ, публично признавшимъ, при безмолвномъ согласіи профессоровъ университета, что люди ледянаго періода говорили языкомъ, близкимъ къ греческому. И еще натуралистъ повидному: только сердце Руси, наша матушка Москва могла дать подобный экземпляръ ученаго по двумъ отраслямъ знанія, угадавшаго силою прозрѣнія факты, совершенно недоступныя для Запада. Не радуется ли, читатель, твое патриотическое сердце уже этому малому проявленію особенностей московской науки? Погоди: то ли будетъ.

Лекція извѣстнаго нашего юриста, М. Н. Капустина: «Этнографія и право» (69 — 76) бѣльшую частью стоитъ на уровнѣ современной европейской науки, хотя и въ ней прорываются замѣчательныя мѣстныя особенности. Вопервыхъ, вась поражаютъ слова: «въ основу различія челоуческихъ расъ стали полагать не тѣлесныя особенности, а языкъ или первоначальное мѣсто жительства; большинство антропологовъ принадлежатъ или къ лингвистической школѣ (Притчардъ, Джонсъ, Шлейхеръ), или къ географической (Агассизъ)» (70). Притчардъ! какой Притчардъ? Неужели г. Капустинъ помннулъ въ *настоящемъ* извѣстнаго антрополога, умершаго ровно 20 лѣтъ тому назадъ (1848)? Изъ современныхъ намъ Притчардовъ ни одинъ не принадлежитъ къ замѣчательнымъ авторамъ по антропологіи. Но замѣчательно то, что ни одинъ изъ антропологовъ, упомянутыхъ г. Капустинимъ, не входитъ ни въ число почетныхъ членовъ варижскаго антропологическаго общества, ни въ число редакторовъ нѣмецкаго антропологическаго журнала, т.-е. въ число современныхъ высшихъ авторитетовъ въ антропологіи. Неужели гг. фонъ-Веръ, Брокъ, Фогтъ, Шафгаузенъ, Рютимеберъ, Гисъ, Дезаръ, Гясли, Лартъ, Гарригу принадлежатъ къ лингвистической или географической школѣ антропологовъ? А если нѣтъ, то какое же «большинство» принадлежитъ къ ней? Понимаешь ли, читатель, что дѣло идетъ о *московскихъ* антропологахъ, а европейскіе въ счетъ не идутъ; но и изъ московскихъ мы на г. Богданова валь-то мало надѣемся. Ну, вѣрно, ихъ тамъ много, много: на то словесная наука.

Если предъидущее дастъ намъ маленькіе образчики *фактической* стороны науки у московскихъ ученыхъ, то слѣдующее дозволяетъ нѣсколько постигнуть *методическую* ея сторону. Г. Капустинъ говоритъ: «Исторія уже оказала свою дѣятельную и плодотворную помощь науцѣ о правѣ...». «Повидному, теперь наступила очередь естественныхъ наукъ; необходимо опредѣлить

точнѣе, въ какомъ отношеніи онѣ находятся къ ученію о правѣ, что между ними общее и въ чемъ состоитъ ихъ различіе.

«Наука о правѣ уже усвоила себѣ тотъ методъ исслѣдованія, который до сихъ поръ считался исключительно принадлежащимъ естествознанію; понятіе объ обществѣ, какъ о живомъ организмѣ, навело на мысль отыскивать въ немъ тѣ же отправления, какія существуютъ въ физиологической сторонѣ чловѣка; проводится параллель между нравственными явленіями и естественными (Левенгардтъ); юристы говорятъ объ анатоміи права, о физиологіи общества и т. п.

«При такомъ отношеніи науки вопросъ объ отношеніи права къ антропологіи и этнографіи долженъ былъ возникнуть снова (69). Читатель, привышій къ обычнымъ приемамъ мысли, пожалуй, найдетъ здѣсь скачокъ нѣсколько смѣлый. Сначала говорится о *метафорическомъ* употребленіи терминовъ естествознанія въ общественнѣдѣніи, и вдругъ падаетъ съ неба вопросъ о *реальномъ* отношеніи права къ антропологіи. Отъ одного заключить о другомъ можно скорѣе по провернѣю, чѣмъ по индуктивной или дедуктивной логикѣ. Мы не отчаиваемся въ томъ, что въ скоромъ времени въ Москвѣ, какой-либо извѣстный профессоръ публично скажетъ: «Милостивые государи, издавна термины строенія дерева прилагались къ лингвистикѣ; говорили о вѣтвяхъ и развѣтвленіяхъ языковъ; поэтому долженъ былъ возникнуть вопросъ объ отношеніи лѣсоводства къ лингвистикѣ и мы разрѣшимъ его». Это будетъ очень интересно. Полагаемъ, что западный ученый нашелъ бы нужнымъ привести другіе мотивы для доказательства необходимости связать право съ антропологіею, и не затруднился бы принести ихъ. Но московская наука причесъетъ оригинальностью даже въ мелочахъ, даже въ логическихъ приемахъ.

Въ предъидущемъ мы останавливались на научныхъ превосходствахъ московской науки надъ европейскою, но послѣдняя наша выписка изъ лекціи г. Капустина относится къ тому прекрасному направленію, которое мы будемъ имѣть случай не разъ указать въ послѣдующемъ. Его уже рѣдко, очень рѣдко приходится въ Европѣ встрѣчать на кафедрахъ ученыхъ, а развѣ въ политическихъ рѣчахъ нѣкихъ ораторовъ Франціи и Германіи патріотическій пабосъ доходить до той точки, которую мы со слезами умиленія встрѣчаемъ въ научныхъ лекціяхъ Москвы. Г. Капустинъ кончаетъ свою лекцію слѣдующими знаменательными словами:

«Филанджіеры, подъ впечатлѣніемъ Наказа, писали слѣдующее: «Повидимому, санипетръ Европы, который переходитъ отъ Испаніи къ Франціи и отъ Франціи къ Англіи, достается теперь москвитянамъ. Они получаютъ на него право своими коршими законами. Быть можетъ, это преимущество останется за русскими надолго, и когда вѣбудь всѣ европейцы усвоить себѣ законодательство этой трезвой націи. Наказъ Екатерины наво-

дѣть на меня гораздо болѣе размышлений, чѣмъ флотъ, посланный ею въ Архипелагъ».

«Ожиданія Филанджіери — продолжаетъ г. Капустинъ — не сбылись. Ни мысль императрицы о русскомъ уложеніи, ни планы ея на Востокъ не увѣнчались немедленнымъ успѣхомъ. Но въ жизни народа великія мысли не проходятъ безслѣдно, и отложить исполненіе не значитъ отказаться отъ него. Законодательная дѣятельность послѣднихъ лѣтъ, то воспитательное значеніе, которое имѣетъ она для поднятія въ народѣ чувства нравственнаго долга и гражданской свободы, служатъ ручательствомъ, что предсказанія итальянскаго ученаго и планы великой императрицы близки къ осуществленію. Наши суды и наше земство стоятъ въ уровень съ тѣмъ завѣтомъ, который на разстояніи дѣлаго вѣка слышится громко и явственно» (75—76).

Я вполне увѣренъ, что лишь скромность г. Капустина не дозволила надателю прибавить въ скобкахъ: «При словахъ «предсказанія итальянскаго ученаго близки къ осуществленію» прекрасное лицо лектора одушевилось пророческимъ вдохновеніемъ. Предъ глазами публики предстали юристы гнилаго Запада, идущіе толпами въ Москву для изученія дѣйствій московской полиціи и московскихъ мировыхъ судей, дабы почерпнуть тамъ начала правды и безпристрастія; толпы вольтниговъ Англіи и Америкы, идущіе въ Тамбовъ и въ Елатеринославъ учиться государственному смыслу. Мы видимъ во очію, какъ собраніе переводчиковъ всѣхъ племенъ и народовъ переводить на всѣ языки міра «Положенія о преступленіяхъ и наказаніяхъ» и какъ повсюду радостно встрѣчаютъ введеніе явочно-простой системы 87 наказаній, насчитанныхъ у насъ Бекгаусомъ («Der russische Strafcodex» въ «Unsere Zeit» 1868). Впрочемъ, эти мирныя видѣнія будущаго смѣнились вскорѣ пламеннымъ взрывомъ патріотизма. «Въ Царьградъ! въ Царьградъ!» восликали цвѣтушіе юноши и шамкали дряхлые старцы. Обрывки марабу, кринолиновъ, фальшивыхъ шиньоновъ летѣли въ толпу новыхъ крестноносцевъ изъ прекрасныхъ рукъ восторженныхъ москвитанокъ, и надъ всѣмъ царилъ, какъ волшебникъ, профессоръ-пророкъ съ каеэдри своимъ величественнымъ видомъ. Только одинъ патріотъ, прежде другихъ опаматовавшійся, шепсуетъ сосѣду: мы можемъ надѣлать неприятностей нашей дипломатіи: Англія и Франція не замедлятъ прислать ноту. Влагоразумный совѣтъ, какъ электрическаго искра, пронесся по залу. Все умоляло, и среди благочестиваго восторга прорицатель удалился съ каеэдри. Это была минута, которую рѣдко удается пережить!»

Такъ было, такъ должно было быть; или все, чтó пишутъ о патріотизмѣ Москвы — вздоръ. Мы удивляемся небрежности репортеровъ газетъ, что они не передали намъ этого событія. Еще молчаніе нашихъ репортеровъ можно приписать ихъ политическому такту, но чтó смотрѣла Европа?

Впрочемъ, возможно и то объясненіе, что слова г. Капусти-

на не вызвали подобнаго взрыва потому, что не составили для Москвы ничего необыкновеннаго. На это насъ наводитъ прочія лекціи, помѣщенные въ сборникѣ г. Дашкова.

Патріотическимъ духомъ проникнута и лекція И. К. Бабста: «Значеніе племеннаго характера въ народномъ хозяйствѣ» (102—110), впрочемъ, не російско-патріотическимъ, а великорусско-патріотическимъ. Всѣ прочія племена нашего отечества унижены предъ племенемъ великоруссовъ. Кромѣ того, лекція г. Бабста принадлежитъ къ группѣ тѣхъ, которыя бьютъ не на факты, а на краснорѣчіе. Она напоминаетъ французскія публичныя лекціи по пестротѣ и блеску изложенія, а также по легкости, съ которою лекторъ касается вопросовъ, не углубляясь въ нихъ. Предметъ лекціи весьма важенъ и заслуживалъ бы серьезнаго изслѣдованія. Изъ фактовъ, какъ надо полагать, мало знакомыхъ современной наукѣ, отиѣмимъ, для удовольствія читателей, что великорусское племя принадлежитъ къ «избранникамъ Вседержителя историческихъ судебъ», и что русскій языкъ «не только литературный, но одинъ изъ всемірно-торговыхъ языковъ, который давно уже ставятъ рядомъ съ языкомъ англійскимъ» (106).

П. К. Щебальскій въ своей лекціи: «Потемкинъ и заселеніе Новороссійскаго края» (130—143) взялъ предметъ историческій, не лишennyй интереса, но не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ антропологии или этнографіи Россіи. Впрочемъ, и патріотическій сотрудникъ изданій г. Каткова, среди знаменитостей московской науки, не ударилъ лицомъ въ грязь. Онъ попробовалъ отличиться по части патріотизма, но гораздо болѣе отличился по части логики. Съ первыхъ же словъ онъ озадачилъ аудиторію патріотическою мыслью, что наша Новороссія заселилась быстрѣе, чѣмъ Сѣверо-американскіе Штаты. Впрочемъ, онъ самъ испугался смѣлости своего положенія (право, напрасно, доказывать все можно!) и поторопился прибавить, что оно не совсѣмъ такъ, что тамъ свободные поселенцы, а здѣсь правительственныя распоряженія. Впослѣдствіи же оказалось изъ его словъ и того хуже. Г. Щебальскій высчитываетъ въ 700,000 человекъ увеличеніе населенія въ Новороссіи при Потемкинѣ; вычитая цифры, имъ приведенныя, для грековъ, армянъ, предполагая равное количество вѣмцевъ, шведовъ и другихъ, приходится все-таки болѣе полумилліона на маленькую фразу, помѣщенную на страницѣ 137-й и сообщающую, что владѣльцы, въ виду огромныхъ доходовъ, «переселили крестьянъ своихъ изъ другихъ губерній». Да уже это совсѣмъ не по американски. При этомъ сейчасъ представляется вопросъ: сколько было вигнано этихъ бѣдныхъ мужиковъ? и сколько изъ этого числа пришло на мѣсто? Съ этой точки зрѣнія получаютъ особый характеръ и факты, сообщаемые въ дальнѣйшей попыткѣ патріотическаго вагоса г. Щебальскаго, именно въ концѣ лекціи, гдѣ онъ защищаетъ Потемкина, какъ полнѣнца, обладавшаго «глубокими соображеніями». Г. Щебальскій говоритъ: «да, страшныя усліа

и пожертвованія, которыхъ потребовало такое быстрое заселеніе Новороссійскаго края, имѣли великую цѣль, и энергія, обнаруженная при этомъ Потемкинымъ, служить не тщеславію, а великой идеѣ. Эта идея, им. г. г., есть такъ называемый *Греческій проектъ*, идея, которая можетъ быть выражена въ четырехъ короткихъ словахъ: изгнаніе турокъ изъ Европы, но которая поражаетъ своею необъятностію, какъ только начнешь вникать въ ея подробности и думать о мѣрахъ къ ея осуществленію» (143). При этомъ, вотъ видите, г. Щербальскій рисуетъ двѣ руки хищнаго русскаго исполина, протягиваемыя къ Турціи: одна чрезъ Кавказъ, другая чрезъ Дунай; Новороссія же должна была составить грудь его. И правильность соображеній Потемкина г. Щербальскій доказываетъ участіемъ Новороссіи въ турецкой войнѣ 1787—1792 г. Онъ говоритъ: «мѣстное дворянство могло съ справедливою гордостью записать въ протоколъ одного изъ своихъ собраній слѣдующія любопытныя для насъ слова: Край продовольствовалъ армію, несмотря на неурожай и затруднительныя сообщенія, по случаю прорывавшейся чумной заразы. Во время осады Очакова, продолжавшейся довольно долго, пушки, ядра и снаряды привозились обывателями изъ кременчугскихъ заводовъ (устроенныхъ при Потемкинѣ). Въ то же время, съ немовѣрнымъ рвеніемъ по деревнямъ перепекались сухари и доставлялись въ армію безденежно. Послѣ взятія крѣпости собрано было до 10,000 лошадей съ повозками и всѣ почти войска перевезены во внутренность губерніи для зимовки. Кромѣ того, новороссійское дворянство доставило 4,000 воловъ, 1,000 фуръ и 3,000 лошадей для артиллеріи и транспортовъ» (143). Такъ, такъ! владѣльцы, погнавшіе крестьянъ въ Новороссію для полученія «огромныхъ доходовъ» съ даровыхъ, или почти даровыхъ земель и съ дароваго труда, погнали тѣхъ же крестьянъ съ волами, лошадыми, фурами, сухарями въ армію; убьѣли же замѣнили новымъ пригономъ. Да, мы видали много такихъ патріотовъ и дѣйствительно, «великая идея» Потемкина положить ключи Царьграда къ стопамъ великой Екатерины стоила этой огромной траты силъ, подгоняемыхъ приказаніемъ господъ за тысячи верстъ. И какъ мило читать у г. Щербальскаго о проектѣ Потемкина «основать въ Екатеринославѣ университетъ, съ академіей художествъ, съ училищемъ хирургическимъ» (143), въ странѣ, гдѣ еще чрезъ полвѣка послѣ того голодный народъ бросался, какъ звѣрь, расхищать древнюю могилу, несмотря на трехъ часовыхъ, какъ рассказываетъ г. Гёрцъ (150). Конечно, университетъ былъ бы очень полезенъ для улучшенія нестерпимаго состоянія народа! Великій политикъ Потемкинъ! Г. Щербальскій доказалъ своей левцею, что онъ обладаетъ великолѣпно индуктивнымъ методомъ для гегелевскаго результата третьей ступени, чего другіе пробовали достигнуть лишь дедуктивно. Онъ собралъ факты въ противорѣчіе собственнымъ положеніямъ и его приношеніе немаловажно для оцѣнки московской логики,

московскаго понятія о великихъ политивахъ и особенно той не-
удержимой жажды завоевать Константинополь, которая прилична
всякому доброму патриоту, хотя бы для того слѣдовало хвалить
крѣпостное право, разорять и истреблять сотни тысячъ бѣд-
наго люда. Да, скажемъ мы съ г. Щебальскимъ, страшны по-
жертванія, но — великая идеал

Лекція О. И. Буслаева: «Этнографическіе вымысли нашихъ
предковъ» (93—101) была бы совсѣмъ обычная европейская лек-
ція о маленькомъ вопросѣ, касающемся народныхъ вѣрованій,
но, подъ конецъ, почтенный профессоръ, повидимому, вспо-
мнилъ, что такъ нельзя, что надо испустить московскій запахъ,
и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, говоря объ изображеніяхъ
св. Христофора и о людяхъ съ песьими головами, г. Буслаевъ
дѣлаетъ скачокъ и кончаетъ лекцію слѣдующими словами: «Въ
последнее время распространилась было мода на популярныя
для народныхъ школъ книжки, въ которыхъ проводились раз-
ныя матеріальныя тенденціи, какъ, напримѣръ, что у человѣка
вовсе нѣтъ души, отличающей его отъ животныхъ, что отъ
обезьяны до человѣка только рукою подать и т. п.

«Если бы составители такихъ книжекъ покороче знали исто-
рію и бытъ русскаго народа, то, по малой мѣрѣ, посовѣстились
бы свысока толковать народу о томъ, до чего доходилъ онъ и
самъ самоучкою, по своимъ стариннымъ сказкамъ и по лубоч-
нымъ картинкамъ» (101).

Ахъ, какой милый сюрпризъ! Совершенно не помню, чтобы
какой-либо европейскій профессоръ дѣлалъ такіе неожиданныя
прыжки. Да гдѣ ему! Онъ бы вѣрно подумалъ, что одно съ
другимъ совсѣмъ не вяжется логически, что есть народныя по-
вѣрья вздорныя, какъ и повѣрья, оправдываемыя наукою. Есте-
ственнознанію до преданій дѣла нѣтъ; оно доказываетъ *своими* ме-
тодами то, что вѣрно; переносить свои результаты въ популяр-
ныя книжки и затѣмъ, если миеологъ уважаетъ на совпаденіе
научной истины съ народнымъ повѣріемъ, естественныиъ
улыбнется совпаденію и оставитъ дѣло, какъ оно есть. Запад-
ный ученый вспомнилъ бы также, что въ популярныя книжки
переходятъ еретическія мнѣнія, осмѣиваемыя г. Буслаевымъ, изъ
сочиненій лицъ, пользующихся высокимъ научнымъ значеніемъ
въ Европѣ, и подумалъ бы, что можно отрицать и порвать эти
мнѣнія, но осмѣивать уже неловко. Наконецъ, онъ бы вѣрно
спросилъ себя, что же это за книжки «для народныхъ школъ»,
гдѣ «толкуется свысока»? Всѣ эти неумѣстные вопросы могъ бы
сдѣлать *западннй* ученый и, вѣроятно, сдѣлалъ бы ихъ, но мо-
сковскій ученый выше этого и, мы можемъ лишь порадоваться,
что столь почтенная личность, какъ г. Буслаевъ, способенъ къ
столь легкому порханью, и что онъ, въ концѣ лекціи, не но-
сившей никакого особеннаго отпечатка, сумѣлъ въ нѣсколь-
кихъ строкахъ выказать блестящій примѣръ московской логики,

надлежащее презрѣніе въ европейскимъ авторитетамъ и свою полнѣйшую благонамѣренность. Очень хорошо!

П. И. Медвѣдевъ разсматривалъ весьма важный вопросъ, именно: «Вліяніе климата на организмъ человѣка и на развитіе въ немъ болѣзней» (15—33) и послѣднѣе, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ лекціи заявить свою благонамѣренность. Въ началѣ онъ сразу рѣшилъ вопросъ о полигенизмѣ и моногенизмѣ, возбуждавшій и возбуждающій столько споровъ въ Европѣ. То, что сомнительно и спорно во Франціи, Германіи и Англии, могло ли быть спорно для московскаго ученаго! Г. Медвѣдевъ на первыхъ же строкахъ говоритъ о «людяхъ, населяющихъ землю» (замѣтите неясный намекъ, что московскому ученому извѣстны люди, населяющіе пространство и внѣ земли), что «всѣ они, слѣдуя библейскому указанію, подкрѣпляемому преданіями всѣхъ древнѣйшихъ народовъ и многочисленными наблюденіями надъ цвѣтомъ кожи и устройствомъ череповъ, произошли отъ одного родоначальника, колыбелью котораго была Малая Азія». Смѣло и благонамѣренно. Относительно Малой Азіи и Анатолиі, какъ колыбели человѣческаго рода, у меня было-явился вопросъ, такъ-какъ эта мысль не очень обыкновенная, но я подумалъ, что кому лучше знать все, что касается до ребяческаго возраста въ человѣчествѣ, какъ не московскимъ ученымъ, и вѣримъ на слово г. Медвѣдеву. Подъ конецъ онъ было-поволебался (человѣкъ слабъ!) и упомянулъ о смѣнѣи нѣкоторыхъ новѣйшихъ натуралистовъ (ну, ужъ не такъ-то новѣйшихъ, съ вашего позволенія), думающихъ, что въ моментъ сотворенія человѣка (полно, такъ ли они думаютъ?) должно было возникнуть нѣсколько первичныхъ типовъ и каждый изъ нихъ имѣлъ свою особенную родину» (33). Впрочемъ, г. Медвѣдевъ, вѣроятно, припомнилъ, что онъ въ Москвѣ и что гнилому Западу съ его сомнѣніями и различными допускаемыми гипотезами никакой уступки дѣлать не должно. Поэтому, онъ тутъ же и порѣшилъ вопросъ окончательно: «Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ вліянія климата зависятъ существенное разнообразіе и недостатки человѣческаго организма, составляющаго только орудіе, органъ, чрезъ который проявляется его духовная жизнь. При этомъ мы живемъ, вѣруемъ, чувствуемъ и мыслимъ, по законамъ религіи христіанской, которая учитъ насъ, что безсмертная душа не можетъ измѣняться. Слѣдовательно, мы должны признать, что измѣняется только тѣло, нашъ организмъ, составляющій орудіе для проявленія души; чѣмъ несовершеннѣе, хуже этотъ организмъ, тѣмъ слабѣе и ничтожнѣе проявленіе души.

«Изъ этого должно придти въ тому убѣжденію, что всѣ люди одарены душою одинаковою по своему происхожденію и своему безсмертію и всѣ они братья одной многочисленной семьи, разсѣявшейся по всей землѣ. Въ этомъ убѣжденіи насъ подкрѣпляютъ изслѣдованія ученыхъ и преданія всѣхъ древнѣйшихъ народовъ; подкрѣпляетъ насъ въ этомъ убѣжденіи и ученіе

христіанское» (83). Тутъ, конечно, такъ много благонамѣренности и опорой автору служить столь неоспоримый авторитетъ въ московской наукѣ, что лишь въ Европѣ могли бы найтись еще возражатели. Мы можемъ только обратить вниманіе читателя на новый блестящій примѣръ московской логики: такъ-какъ «душа не можетъ измѣняться — изъ этого должно придти къ заключенію, что всѣ люди одарены душою одинаковою по своему происхожденію». Мы не сомнѣваемся, что по этому образцу, каковой-либо московскій химикъ заключитъ: «Такъ-какъ атомическій вѣсъ каждаго химическаго элемента не измѣняется — изъ этого должно заключить, что атомическій вѣсъ всѣхъ элементовъ одинаковъ». Такую логику съ ученою каедрой случается слышать не часто.

Но г. Медвѣдевъ далъ и другой примѣръ блестящаго состоянія ученой логики въ Москвѣ, на этотъ разъ примѣръ того двойнаго отрицанія или самоотрицанія, о которомъ мы упомянули въ началѣ. На страницѣ 24-й онъ говоритъ, что у жителей холоднаго пояса «недостаточное развитіе... мыслящихъ способностей», а на страницѣ 28-й говоритъ, что «климатическія вліянія вызываютъ его (человѣка въ холодномъ климатѣ)... къ умственной дѣятельности, отъ чего и мыслящія способности его совершенствуются». Это очень изящное сопоставленіе, и если фактической эмпиризмъ нѣсколько страдаетъ, за то выигрываетъ логическій процессъ.

Фактическимъ эмпиризмомъ г. Медвѣдевъ во многихъ мѣстахъ пренебрегаетъ, стремясь къ широкимъ обобщеніямъ. Такъ на стр. 20-й онъ увѣряетъ, что жители жаркаго климата «бесильны», несмотря на то, что на Западѣ собраны факты, совершенно противорѣчащіе этому положенію, и встрѣчаются въ такой классической книгѣ, какъ антропология Вайда (I, 133 и слѣд.). Ну, да это на Западѣ, а въ Москвѣ нужно совсѣмъ иное. Къ такимъ же рѣшительнымъ обобщеніямъ, относящимся къ жителямъ жаркаго пояса, относятся на стр. 21-й слова: «Гаремы, нѣга и восточная роскошь». Хотя весьма не мудро, что предѣлы жаркаго пояса въ Москвѣ проводятся нѣсколько иначе, чѣмъ въ Западной Европѣ, но едва-ли можно усомниться, что жители Австраліи и бушмены Африки принадлежатъ къ жителямъ жаркаго пояса и для московскихъ ученыхъ. Надо обладать ученымъ апломбомъ московскаго лектора и его широкою способностью обобщенія, чтобы повяты возможность подведенія подъ формулу: «нѣга, роскошь, гаремы» жизни этихъ племенъ. Мы, петербуржцы, мало привыкшіе къ такой свободѣ движенія въ наукѣ, можемъ только удивляться.

Хотя мы никакъ не рѣшаемся отказать въ краснорѣчій предидущимъ лекторамъ, но есть звѣзды второй величины и звѣзды первой величины; и тѣ, и другія замѣтныя свѣтила, но звѣздамъ первой величины особой почеть. Къ нимъ мы должны отнести четырехъ лекторовъ, которыхъ намъ осталось упомянуть. Боже мой! что за краснорѣчіе! такъ и прыщеть, такъ и горить.

И, замѣтьте, это особенно патриотическій паеосъ. Мы не имѣли счастья присутствовать на лекціи нашего знаменитаго историка С. М. Соловьева: «Объ историческомъ движеніи русскаго народонаселенія» (111—117), и потому можемъ лишь вообразить себѣ, какъ загремѣли надъ аудиторіею слова оратора о Россіи: «Кто осмѣлится прикоснуться къ ея нешвейной порфирѣ?» (117), и какими рукоплесканіями и криками встрѣтила московская публика эти слова. И какъ ловко ораторъ указалъ передъ этимъ, что «нешвейная порфира» Россіи простирается лишь до Восточнаго океана. Очевидно, онъ хотѣлъ этимъ сказать, что его пронипательные глаза давно видѣли шовъ, связывавшій прежнія русско-американскія владѣнія съ имперіею, почему именно этотъ шовъ и былъ распоротъ, а то прикоснуться къ «нешвейной порфирѣ» — сохрани Боже! Мы не сомнѣваемся, что «нешвейная порфира» г. Соловьева получить такую же популярность въ образцахъ высокаго русскаго слога, какъ знаменитое «оставимъ астрономамъ доказывать» и т. д.

Но въ рѣчи (назвать лекціею какъ-то неприлично) г. Соловьева есть и еще превосходное, потрясающее мѣсто, которое ни одинъ патриотъ не прочтетъ безъ біенія сердца. Это, когда нашъ знаменитый историкъ вызываетъ изъ міра минувшаго великую борьбу русскаго народа съ сосѣдами — за чтó бы вы думали?—за науку. Вотъ подлинныя слова профессора: «Наука дорога для насъ, потому что мы ее добыли кровью, должны были ее завоевать; полтора вѣка завистливые сосѣди не давали намъ науки, отталкивали насъ отъ средствъ получить ее. Но народъ, разившій свои силы въ борьбѣ съ препятствіями, не отчаявался в, наконецъ, достигъ своей цѣли — добылъ науку» (115). Неправда ли, хорошо? Предъ вами точно картина Каульбахи: битва гунновъ съ римлянами. Когда-то, гдѣ-то не то на небесахъ, не то на землѣ борются народы. Святославы, Мстиславы, Иоанны, разные патриархи, архіереи, Аввакумъ съ раскольниками, Шиховскій, Магницкій идутъ во главѣ безчисленныхъ востромичей, смолянъ, рязанцевъ и всѣхъ людей земли русской завоевывать науку на Западъ (впрочемъ, можетъ быть, и на Востокъ, этого у г. Соловьева не объяснено). А тамъ злая сила Запада не даетъ науки: въ университеты и въ школы никого не пускаютъ безъ свидѣтельства національности; книгъ не продаютъ безъ подобнаго же свидѣтельства; учить русскіяхъ запрещено, какъ у насъ не дозволены бесплатныя и воскресныя школы для народа. И русскіе добываютъ науку; и всенароднымъ приговоромъ открываютъ всюду школы, университеты. Народъ такъ хочетъ!... Какія прекрасныя картины умѣетъ рисовать г. профессоръ! Оно хоть исторически такъ и не было, а все же хорошо себѣ представить. Но какую же это науку имѣлъ въ виду г. Соловьевъ? Европейская наука и даже арабская была всегда открыта для всякаго народа, который бы захотѣлъ учиться. Могли остановить десятковъ учителей, выписанныхъ *царями московскими*, но кто же

бы помѣшалъ тверитянину, новгородцу, рязанцу быть въ числѣ слушателей Пуффендорфа, Галилея, Хризолориса, Альберта Великаго или читать Декарта, Кеплера, Кардана? Еслибы общество русское захотѣло науки, оно бы имѣло ее. Но дѣло въ томъ, что г. Соловьевъ, очевидно, имѣеть въ виду особенную науку. Онъ въ концѣ говорить, что «наука укажетъ намъ... гдѣ свои и гдѣ чужіе, гдѣ друзья и гдѣ враги?» (117). Ну, это совсѣмъ иное дѣло: обыкновенная наука во всемъ человѣчествѣ видать *своихъ и друзей*. Враги для нея: дикіе звѣри и формы, стѣсняющія развитіе человѣка. Вражду къ людямъ обыкновенная наука относить къ области животныхъ инстинктовъ и патологическихъ явленій. Наука, отчуждающая людей и внушающая вражду не къ дѣйствіямъ, а къ людямъ, эта наука составляетъ неотъемлемую собственность московскихъ ученыхъ, да и то, полагаемъ, не всѣхъ.

Я не хочу обижать гг. Вейнберга и Лешкова, говоря что Н. Д. Бѣляевъ въ своей лекціи: «О великорусскомъ племени» (118—129) превзошелъ ихъ въ томъ, что проникся лучше ихъ особенностями московской научной мысли. Нѣтъ, они имѣють свои неотъемлемыя высокія достоинства, о которыхъ мы скажемъ ниже; но на лекціи г. Бѣляева удобнѣе видѣть въ подробности различія пріемовъ западнаго и московскаго ученаго. Тема г. Бѣляева весьма проста: доказать, что великоруссы чисто-славянское племя, а не принадлежать, по своему племенному составу, преимущественно къ туранскому племени, какъ утверждаютъ: Духинскій, Анри Мартенъ и нѣкоторые другіе. Правду сказать, доказательства этихъ господъ такъ слабы, что ихъ разбить весьма обычному европейскому ученому не особенно трудно, хотя доказать тезисъ г. Бѣляева не такъ легко при нынѣшнемъ состояніи вслѣдованій. При подобной слабости противниковъ, западный ученый, вѣроятно, остерегся бы бранить ихъ, потому что бранить лишь того, кого побѣдить трудно. Затѣмъ, онъ указалъ бы на спорные элементы вопроса; разобралъ бы смыслъ, въ которомъ употребляютъ названіе туранъ; слегка коснулся бы элемента гунновъ, монголовъ и турокъ, входящихъ въ родовое названіе туранъ, такъ-какъ тутъ возраженія слышномъ легки; остановился бы въ особенности на элементѣ финскомъ, который въ сущности одинъ и подлежитъ вопросу; разобралъ бы отличія физическія и культурныя славянъ и финновъ; указалъ бы тѣ аргументы, которые можно привести въ пользу того, что *ославяненіе* финновъ заключалось лишь въ культурной ассимиляціи, а не въ племенной; опровергъ бы возможно старательно, еслибы могъ, эти аргументы; а затѣмъ бы выставилъ свои аргументы въ пользу мнѣнія, что ославяненіе заключалось въ вымираніи финскихъ поселенцевъ или въ ихъ удаленіи и въ замѣненіи ихъ поселенцами славянскими. Если же научная добросовѣстность не позволила бы ему, при нынѣшнемъ состояніи знанія, обставить достаточно сильными доказательствами свою гипотезу, онъ бы

обратилъ вниманіе слушателей на то, что при спорности вопроса въ *этническомъ* отношеніи, онъ въ *культурномъ* не представляеть и тѣни сомнѣнія, и что *историческая* роль великороссовъ столь же мало зависитъ отъ того, смѣшанное ли оно племя или чистое, какъ роль сѣверо-американцевъ отъ того, какіе племенные элементы ассимилируются ими культурно. Всего болѣе европейскій ученый постарался бы избѣжать сомнительныхъ скачковъ, противорѣчій съ самимъ собою, чтобы показать, какъ строгій, спланный методъ общечеловѣческой науки, стоя внѣ партій и увлеченій, анализируетъ жгучіе вопросы, вызываемые страстями.

Такъ бы сдѣлалъ западный ученый, но московскій профессоръ имѣеть свои методы. Съ самаго начала онъ объявляетъ, что вопросъ ясенъ, «какъ свѣтлый актъ» (117) (мы подразумеваемъ опечатку, но при недостаточномъ знакомствѣ съ глубиною московской терминологіи, допускаемъ, что, можетъ быть, въ Москвѣ и точно есть *свѣтлые акты*). А затѣмъ принимается деклавировать то, что самъ призналъ совершенно яснымъ. Тутъ поминутно вспыхиваютъ патристическіе огоньки: много разъ говоритъся и о «польскихъ крикунахъ», и о «повязкѣ лжи», и о «польской интригѣ», и о нашей «нисходительности» въ западномъ краѣ, упоминаются «и золотыя грамоты для народа, и шутовское кумовство, и побратимство мощныхъ пановъ съ бѣдными хлопами, и сепаратистическія теоріи, разсѣяныя между недоучившеюся молодежью, и клеветы на Москву» (128), припоминается и то о западномъ краѣ, что «инимъ изъ тамошнихъ доблестныхъ людей за это пришлось поплатиться жизнью подъ ножемъ или отъ веревки польскихъ жандармовъ вѣшателей» (128); словомъ, профессоръ совершенно естественно принимаетъ на себя роль, какъ бы онъ защищалъ такое плохое дѣло, что выиграть его можно только вызывая къ страстямъ аудиторіи. Но и не въ этомъ одномъ г. профессоръ гримировался съ неподражаемымъ искусствомъ. Впервыхъ, онъ привинудся, будто ему неизвѣстно, что *тураны* вовсе не мнѣстскій народъ, а генерическій терминъ для группы народовъ, говорящихъ довольно разнообразными языками; это упоминается даже въ популярныхъ лекціяхъ Макса Мюллера, переведенныхъ на русскій языкъ: очевидно, это гримировка. Вовторыхъ, онъ сталъ увертываться отъ сути вопроса: посвятилъ пять столбцовъ опроверженію того, что великороссы не гунны, не монголы и не турки, не упоминая ни слова о финнахъ и вдругъ махнулъ: «Довказавши... что великороссы ни гунны, ни финны, ни монголы, ни татары...» Неопытный европеецъ сейчасъ бы сказалъ про себя: должно быть, опровергнуть финскаго происхожденія вельзя; но московская аудиторія, конечно, лишь улыбулась и подумала: какъ мило гримировается профессоръ для нашего удовольствія. Далѣе онъ сталъ нарочно попадаться, какъ бы нечаянно выдавая себя. Сначала сказалъ (121), что первобытные здѣшніе обитатели были Меръ, Вель и Муромъ, какъ бы избѣгая указать, каково они были племени. Черезъ нѣ-

сколько строчекъ проговорился (все нарочно), что «славянскіе колонисты... ославянили здѣшнихъ... старожиловъ Весь, Мерю и Мурому» (122). На той же страницѣ сознался (опять нарочно), что «рядомъ съ колонистами оставались здѣсь жить и здѣшніе старожилы Весь, Мерь и Муромъ. У новгородцевъ не было въ обычаѣ истреблять старожиловъ; они только старались ославянить ихъ». И замѣтите, ни прежде, ни тутъ не упомянулъ ни однимъ словомъ, какъ онъ понимаетъ слово *ославяненіе*, какъ бы видимо уклоняясь отъ самыхъ важныхъ пунктовъ. На слѣдующей страницѣ новая притворная неосторожность, именно сказано: «Здѣшній первоначальный финскій край...». На слѣдующей же страницѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, лекторъ говоритъ о «чисто-русскомъ типѣ великорускаго племени», и въ концѣ восторженно восклицаетъ: «Что въ этомъ чистомъ обликѣ нѣтъ ни одной нерусской черты. Да, милостивые государи и милостивыя государыни! великорусское племя на этнографической выставкѣ, такъ-сказать, областьъ васъ своимъ чистымъ русскимъ типомъ, я это самъ испыталъ своими собственными глазами и своимъ чувствомъ» (129). Надо отдать справедливость, г. профессоръ превосходно выдержалъ до конца свою роль человѣка, нарочно отступающаго отъ всѣхъ самыхъ элементарныхъ пріемовъ западно-научной полемики и неимѣющаго никакой возможности прибрать надлежащіе аргументы въ пользу своего тезиса. Чтобы подобная лекція имѣла успѣхъ, надо чтобы она была прочитана предъ аудиторією съ столь тонкимъ эстетическимъ и научнымъ пониманіемъ, какъ московская публика. Менѣе развитая публика приняла бы лекцію просто за рѣчь неспособнаго ученика, взявшагося доказать то, чего онъ доказать не умѣетъ и, пожалуй, въ порывѣ патріотизма освистала бы лектора, который коснулся вопроса довольно важнаго, какъ по научному, такъ и по публицистическому значенію, и при этомъ выказалъ такую наивную неспособность разобрать его критически, какъ будто точно онъ сознавалъ неодолимость своихъ противниковъ. Да простить намъ почтенный московскій профессоръ наши замѣчанія; но мы находимъ, что онъ слишкомъ хорошо загримировался. Что за удовольствіе, если непонятливая Европа приметъ его шуточную рѣчь за настоящую? Вѣдь возможно, что какой нибудь Духинскій или одинъ изъ его приверженцевъ вздумаетъ перевести рѣчь г. Бѣляева и будетъ доказывать, что профессора русскихъ университетовъ не могутъ иначе возражать на отождествленіе великоруссовъ съ туранами, какъ подобными рѣчами, гдѣ обазывается полное отсутствіе научныхъ пріемовъ и всякой общечеловѣческой логики; рѣчами, гдѣ какъ будто нарочно даютъ возможность противнику осмѣять и уничтожить себя. Положимъ мы, знакомые съ пріемами московской ученой мысли, знаемъ про себя, что эта рѣчь шутовская, что это все *нарочное* искаженіе логики, *нарочныя* ошибки противъ здраваго смысла. Но глупые западные ученые вѣдь этого не знаютъ.

Ужъ лучше бы г. Бѣляевъ выбралъ для своего упражненія въ вѣ; анти-научности другое поле, а это предоставилъ кому нибудь другому. Онъ уже черезчуръ великій актеръ, и черезчуръ проникся мѣстнымъ московскимъ духомъ. Надо же брать въ соображеніе и слабости обычнаго человѣческаго ума.

Намъ остается два перла. Который лучше, г. Вейнбергъ или г. Лешковъ? Оба такъ хороши, что не знаешь, съ котораго начать. Оба краснорѣчивы, оба высоко-благонамѣренны, оба представляютъ образцы въ своемъ родѣ. Г. Вейнбергъ болѣе въ методѣ порханія по фактамъ и презрѣнья къ эмпиризму; г. Лешковъ—болѣе въ методѣ метафизическихъ полетовъ, удивительныхъ, невообразимыхъ скачковъ. Не хочется обидѣть ни того, ни другаго, но я лично отдаю преимущество г. Лешкову, и потому начинаю съ г. Вейнберга.

Я. И. Вейнбергъ выбралъ сюжетомъ: «Вліяніе очертанія материковъ и свойствъ почвы на умственное развитие человѣка» (1—14)—тема весьма широкая, но именно по ширинѣ своей требующая или большой силы и сдержанности мысли, или же милаго поверхностнаго порханія. Г. Вейнбергъ разумѣется, выбралъ послѣднее. Впервыхъ, въ области общефилософскихъ міросозерцаній онъ сначала пугнулъ аудиторію материалистическою мыслью: «Все въ природѣ обуславливается извѣстными причинами, все совершается по вѣчнымъ, неизбѣжнымъ законамъ» (1), но на слѣдующей же страницѣ вспорхнулъ на высоту свѣтлаго міросозерцанія той christliche Wissenschaft, которая одна, конечно, имѣетъ право на признаніе со стороны московскихъ ученыхъ. Онъ заявилъ благочестивую мысль, что «части земной поверхности, какъ произведенія одной и той же вѣдательной воли Творца, должны составлять одно гармоническое цѣлое» и «расположеніе материковъ является намъ не случайнымъ, но образуетъ одно дивно-стройное цѣлое, расположенное всемогущею десницею Того, Кто распредѣлил и свѣтила небесныя и подчинилъ ихъ дивной гармоніи» (2). Такимъ образомъ читатель могъ бы подумать сначала, что онъ слышитъ одного изъ тѣхъ вольфіянцева прошлаго вѣка, или англійскаго профессора дѣтъ 20 тому назадъ, считавшихъ обязанностью соединять несоединимое. Въ новой Европѣ очень хорошо знаютъ, что эти Standpunkt'ы разошлись совсѣмъ и что лишь «невѣрующіе мыслители» признаютъ неизмѣнность законовъ природы тамъ, гдѣ для вѣрующаго существуетъ лишь рядъ чудесныхъ произволеній. Но здѣсь, вѣжется, слѣдуетъ видѣть проявленіе одной изъ особенностей московской мысли. Г. Вейнбергъ хотѣлъ, повидимому, показать, какъ легко въ Москвѣ побѣждаютъ затрудненія, раздѣляющія европейскихъ мыслителей на враждебныя партіи. Для московской мысли вовсе не чувствительны противорѣчія, слишкомъ знакомы на Западѣ. Затѣмъ, начинаются обобщенія одно другаго шире, одно другаго великолѣпнѣе, такъ что глаза разбѣгаются и въ туманныхъ очеркахъ возникаетъ предъ читателемъ изъ

пестрой игры красками, разливаемыми лекторомъ, столь же фантастическая картина материковъ и племенъ, какъ вышеупомянутый прелестный походъ русскихъ на завоеваніе науки, начертанный даровитою рукою г. Соловьева. Тутъ почти въ каждой части свѣта открываются новыя прелести. Вдругъ относительно Океаніи слышимъ: «Подобно тому, какъ весь шаръ земной можно дѣлить на континентальное и морское полушарія, такъ и южное полушаріе можно раздѣлить на двѣ части: континентальную и морскую. Въ этомъ случаѣ Океанію можно назвать океаническимъ югомъ земнаго шара, въ отличіе отъ Африки и Южной Америки, заслуживающихъ названія юга континентальнаго.

«Австралія помѣщена въ срединѣ этого континентальнаго юга» (7). Обозначается, что мы всѣ, полагавшіе, что Австралія лежитъ въ Океаніи, ошибались. Я никакъ не могу себѣ даже объяснить, гдѣ она лежитъ, по новѣйшимъ московскимъ открытіямъ: не то въ срединѣ Африки, не то въ срединѣ южной Америки, не то въ Атлантическомъ океанѣ, но этому виною только моя несообразительность; знаю только, что не въ океаническомъ югѣ, т.-е. не въ Океаніи. Относительно Африки мнѣ бы хотѣлось привести читателямъ цѣлую страницу о человѣческихъ племенахъ. Такъ оно хорошо и чувствительно связано. Только въ годы дѣтства мнѣ случалось видѣть книжки, гдѣ говорилось такимъ удивительнымъ слогомъ. Блаженной памяти Кошанскій какъ бы порадовался! Но хорошъ не только слогъ: велики и научныя открытія.

Въ Африкѣ обозначается однообразное человѣческое племя, такъ что бушмены и берберы, готтентоты и абессинцы, джолофы и галлосы,—все это одно племя. Языки ихъ тоже «поразительно сходны» (собственно г. Вейнбергъ говоритъ въ единственномъ: «языкъ поразительно сходенъ», но эти особенности грамматики московскихъ ученыхъ мы сочли лучшимъ устранивать, имѣя въ виду, что читатели могутъ, по недостаточному знакомству съ московскимъ діалектомъ, счесть фразу почтеннаго лектора бессмысленною); это очень, очень важныя открытія въ области африканской этнологіи и лингвистики. Въ другомъ мѣстѣ ученый лекторъ обращается въ прорицателя относительно Африки и возвѣщаетъ ей ея печальную будущность, какъ великіе пророки евреевъ возвѣщали будущность Ниневіи и Вавилона. «Африка—говоритъ новый Исаія—всегда рабою была, рабою и останется» (5). Христіанское чувство требовало бы отъ г. Вейнберга, чтобы онъ перевелъ свое пророчество и возвѣстилъ жителямъ Либеріи, чтобы они поторопились обратиться въ невольничество. Относительно Азии и Америки встрѣчаемъ тѣ фразы, которыя безчисленное число разъ повторялись въ европейскихъ книжонкахъ людьми, недавшими себѣ никакого труда серьезно изучить предметъ, фразы, которыя у серьезныхъ европейскихъ ученыхъ не встрѣчаются, потому что эти господа находятъ всегда

въ своемъ знаніи возможность сказать что-либо богѣе опредѣлительное. Но у московскаго ученаго самая пустяя фраза предполагаютъ какое-то мистическое значеніе. Есть у него, конечно, и фразы совершенно своеобразныя, преимущественно изъ тѣхъ, которыя особенно блещутъ ораторскимъ краснорѣчіемъ и патріотическимъ умиленіемъ. Напримѣръ, прелестная фраза: «въ Ташкентѣ полагается основаніе православному храму. Скоро раздается благовѣсть въ центральной мистической Азіи, — это будетъ благовѣсть прогресса, благовѣсть лучшей будущности!...» (14). Почему Хива, Бухара, Коканъ и т. д. названы «мистическими», это вѣрно заключаетъ въ себѣ тайны премудрости, недоступныя какому-либо не москвичу, по крайней мѣрѣ ни изъ путешествія Вамбери, ни изъ его послѣднихъ статей о русскихъ завоеваніяхъ въ Средней Азіи нельзя обыкновеннымъ людямъ найти тамъ ничего мистическаго. Но глазъ г. Вейнберга видитъ далѣе.

Конечно, кто же изъ насъ можетъ усомниться, что православная религія внесетъ съ собою въ Среднюю Азію элементъ прогресса. Но насъ смущаетъ сопоставленіе слова «прогрессъ», здѣсь встрѣчаемаго, съ слѣдующими мѣстами рѣчи г. Вейнберга: «Мыо должны были европейцы успѣвать въ наукѣ, чтобы достигнуть до того таинственнаго міра, который мы называемъ Океаніей, дабы вовлечь и его въ кругъ цивилизаціи; привяты онъ былъ послѣднимъ, но зато щедро наградиъ труды воспитателей. Благодаря своему воспримчивому островному характеру, Океанія быстрѣе всѣхъ усвоиваетъ себѣ приносимыя ей блага» (18). «Вслѣдствіе великаго, нравственнаго своего превосходства, европеецъ царствуетъ во всѣхъ частяхъ свѣта и мало по малу подчиняетъ ихъ себѣ. Но тутъ видимъ мы власть не деспотическую, не насильственную, а то могучее вліяніе ума и нравственной энергіи, ту моральную власть, которая неотразимо дѣйствуетъ на слабѣйшаго и менѣе развитаго, подчиняетъ его себѣ, но въ то же время заставляетъ его не только забывать о своемъ подчиненіи, но искать въ этомъ своего счастья, своего дальнѣйшаго преуспѣванія» (13). Между тѣмъ, по единогласнымъ свидѣтельствамъ путешественниковъ и европейскихъ изслѣдователей, цивилизующее вліяніе европейцевъ на дикія племена преимущественно выражается тѣмъ, что эти племена вымираютъ и довольно быстро. Относительно Океаніи, это явленіе указывается съ особенною опредѣлительностью. Въ Тасманіи населеніе уже вымерло *со-всѣмъ*. Въ Новозеландіи, на Сандвичевыхъ островахъ, на Танти уменьшеніе весьма замѣтно. Только негры и нѣкоторыя племена южной Америки составляютъ исключеніе, но негровъ г. Вейнбергъ, въ своемъ пророчествѣ, обрекъ на вѣчное рабство (вѣроятно какъ потомство Хама). Какъ же понимать его слова, что «Океанія быстрѣе всѣхъ усвоиваетъ себѣ (и какаа красота слога, замѣтите! *усвоиваетъ себѣ*, это московское умѣнье владѣть русскимъ языкомъ) приносимыя ей блага»? Въ чемъ же

видить онъ «счастіе» и «преуспѣваніе»? И неужели прогрессъ, общаемый г. Вейнбергомъ «мистической Азіи» отъ звона православныхъ колоколовъ, онъ ожидаетъ въ той же формѣ вымиранія племенъ? Это или очень кровожадно, или чрезчуръ аскетически. Неужели въ Москвѣ дошли до того глубокаго мистицизма, встрѣчавшагося въ нѣкоторыхъ сектахъ, когда *эммиране* племенъ считается для нихъ благомъ, счастіемъ? Какъ жаль, что знаменитый Иванъ Яковлевичъ рано умеръ: онъ бы порадовался на своихъ послѣдователей на каеэдрахъ. А не то, можетъ быть, намъ привелось бы прослушать и его лекцію въ числѣ другихъ. Онъ бы, вѣроятно, не уступалъ многимъ изъ нынѣшнихъ лекторовъ по глубинѣ взгляда и пророческому прозрѣнію въ будущее. Впрочемъ, мы позволяемъ себѣ поставить и другую гипотезу. Можетъ быть, г. Вейнбергъ по своей наукѣ и по своему пророческому прозрѣнію, отвергаетъ показанія европейскихъ ученыхъ и знаетъ лучше ихъ, на сколько благъ принесла дивнымъ племенамъ европейская цивилизація. Такъ-какъ объ предложенныя гипотезы мнѣ кажутся одинаково вѣроятными, то я и предоставляю читателю выбрать любую: онъ объ одинаково почетны для г. Вейнберга и для кружка московскихъ ученыхъ лекторовъ. Не рѣшаюсь болѣе говорить объ этихъ прелестныхъ лекціяхъ г. Вейнберга, а то выпишу ихъ цѣликомъ; это тѣмъ болѣе искусительно, что въ нихъ все больше переливы и порхания безъ всякаго фактическаго зерна, и лишь изрѣдка уловишь, сквозь сверкающій потокъ словъ, мысль, на которой можно остановиться съ удовольствіемъ обыкновенному уму и почерпать совершенно новыя свѣдѣнія. Одно слово—прелестно.

Но, г. Лешковъ! Буду ли я въ состояніи достойнымъ образомъ передать ту глубину, ширину и высоту, которой онъ достигъ? Чувствую, что слабъ предъ столь великою задачею, но стараюсь. Мало знакомый съ прежними произведеніями талантливаго профессора, я только теперь постигъ, почему изъ-за его личности раздоръ и брамола вошли въ стѣны московской *alma mater*. Съ одной стороны, понятно, что громадный талантъ, своеобразная логика должны были взволновать умы иныхъ его сотоварищей; съ другой стороны, еще понятнѣе, что другіе (и народная молва относить къ числу этихъ восторженныхъ защитниковъ г. Ленкова одного изъ редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей». Этого и слѣдовало ожидать) говорили себѣ: пусть гибнетъ университетъ; пусть гибнетъ міръ, но намъ надо имѣть въ своей средѣ г. Лешкова. Извѣстно, что надъ трупомъ Патрочла шла кровавая борьба между греками и троянцами. Какъ же не биться изъ-за живаго г. Лешкова? Чѣмъ нельзя пожертвовать для такого человѣка? И всего понятнѣе то, что г. Лешковъ, сознавая въ себѣ столько могущества въ мысли и въ словѣ, не могъ уступить мелкимъ соображеніямъ о томъ, прилично ли ему оставаться въ университетѣ при подобномъ раздѣленіи мнѣній. Нельзя было: польза человѣчества, польза науки выше всего. Но присту-

паю къ дѣлу и сознаюсь, что робко. Впрочемъ, тамъ, гдѣ почувствую себя совсѣмъ неспособнымъ, выпишу слова почтеннаго профессора и предоставлю читателю доискиваться въ нихъ смысла, т.-е., конечно, истиннаго, глубокаго ихъ смысла. Они неоспоримо должны вызвать многочисленныя комментаріи, потому что безъ комментариевъ слабымъ умамъ они непонятны.

В. Н. Лешковъ назвалъ свои лекціи: «Человѣкъ въ области права» (77—92), но почему онъ ихъ такъ назвалъ — это ему одному извѣстно, и, по моему слабому соображенію, ихъ приличнѣе назвать: «Самоновѣйшая метафизическая концепція общества въ его реально-идеально-индивидуальной субстанціи». И это названіе не исчерпываетъ глубины содержанія лекцій г. Лешкова, но все-таки, мнѣ кажется, ближе къ дѣлу и могло бы хотъ нѣсколько подготовить слушателей къ тому, что имъ предстоитъ выслушать.

Г. Лешковъ прямо принимаетъ «общество... за особое, независимое отъ частныхъ лицъ существо» (82), и говоритъ объ этомъ истинно-таинственномъ, особомъ отъ частныхъ лицъ существѣ: «я думаю, что могу найти указанія на его происхожденіе въ той же книгѣ Бытія, гдѣ разсказана исторія происхожденія первыхъ людей и гдѣ выраженія: не добро быть человѣку одному, или: сотворимъ ему помощника по немъ, или: наполните землю, господствуйте надъ нею, или: въ потѣ лица твоего съѣшь свой хлѣбъ, — выраженія исключительно обращенныя къ людямъ, къ установленію между ними брака и семьи, работы и труда, даже до господства надъ землею, невозможнаго для отдѣльныхъ лицъ, — эти выраженія несомнѣнно служатъ указаніемъ, что при самомъ сотвореніи человѣка положено основаніе человѣческому обществу. Но первое общество было слишкомъ близко къ лицамъ, слишкомъ матеріально, зане плоть суть, по дальнѣйшему выраженію Библии, такъ что въ немъ могло быть равно число Авелей и Каиновъ, а потомъ больше Каиновъ, и помисли Господь, продолжаетъ Св. Писаніе, и размысли: и одни изъ этихъ обществъ уничтожаются водой потопа, а другія пожираются огнемъ Гоморры и Содомы» (82). Оно, конечно, всѣ ученые до Гроція искали въ Библии основъ общественныхъ ученій, и можно только порадоваться, что московскіе профессора возвращаются къ средневѣковымъ приемамъ мысли; но только глубокому уму г. Лешкова доступно соображеніе, что въ Св. Писаніи рѣчь идетъ не о происхожденіи, топленіи и сожиганіи частныхъ лицъ, а объ «особомъ отъ нихъ существѣ», которому положено было основаніе, но которое тутъ же было и погублено. Не можетъ ли повѣдать намъ г. Лешковъ, что же дѣлалось съ частными людьми, когда «особое существо» возникало, тонуло и горѣло? Это было бы очень любопытно, потому что возрѣнія г. Лешкова существенно перевертываютъ все, что представлялось объ этихъ событіяхъ, и какова будетъ задача будущихъ живописцевъ, ко-

торнымъ придется изобразить потопъ, гибель Содома и при этомъ имѣть въ виду «особое существо».

Надо отдать справедливость г. Лешкову, что онъ удостоивъ взать въ соображеніе трудность положенія обыкновенныхъ людей при столь смѣлой мысли, призналъ возможность возраженій и отвѣчалъ на нихъ. И какъ хорошъ онъ тутъ въ роли Зевса-громовержца! «Извѣстно, впрочемъ — говоритъ профессоръ — какъ многіе, отрицая реальность, во всемъ во что нельзя тннуть пальцемъ, или чего нельзя топтать ногами, объявляютъ общество просто фикціей, вымысломъ, какъ будто фикція, а не земля плачетъ объ умершемъ сочленѣ, вымыселъ, а не семья покрывается стыдомъ, при совершенномъ ея сочленомъ преступленіи, какъ будто вымыселъ радуется, фикція торжествуетъ и т. д. И хороша фикція, которая, какъ государство, рѣшаетъ тѣ или другія реальности: запереть въ тюрьму, сослать на каторгу, разстрѣлять, повѣсить. Хорошъ и вымыселъ, который разоряетъ край войною, обращаетъ города въ пепель, уводитъ населенія въ плѣнъ и неволю» и т. д. (84). Ну, что вы скажете, глухие люди, «отрицающіе реальность во всемъ, во что нельзя тннуть пальцемъ?» Вы не вѣрите своимъ ушамъ. Ступайте, поучитесь у московскихъ профессоровъ, какъ у семьи, а не у ея членовъ, есть слезныя железки, какъ явленія сознанія наблюдаются въ Москвѣ не у частныхъ лицъ, а у особыхъ коллективныхъ существъ. О, Москва, Москва! Что бы я далъ, чтобы наблюдать, чувствовало ли стыдъ, радость или восторгъ особое существо собранія московскихъ профессоровъ и московской публики при словахъ г. Лешкова. И какое измѣненіе, сублимированіе исторіи! Не солдаты разоряютъ край войною, а «особое существо» разоряетъ его, жжетъ города... Какъ бы посмотрѣть на столь неожиданную реально-идеально-индивидуальную субстанцію.

Во второй лекціи г. Лешковъ поставилъ себѣ памятникъ вѣковѣчный. Онъ доказалъ безсмертіе личной души такъ искусно, какъ никто, и это не случайно, а какъ выводъ изъ глубокихъ соображеній, только что приведенныхъ. «Душа! — восклицаетъ московскій метафизикъ. — Но сколько теперь сомнѣвающихся въ самомъ бытіи души!... Но не можетъ ли все это кончиться отрицательнымъ отвѣтомъ? Нѣтъ, за это намъ порукой служитъ человеческое общество, его духъ, его жизнь, его влияние на отдѣльныя лица... Не могутъ ли отрицать дѣйствій общественнаго духа и его проявленій, его разума, его воли, его принциповъ, его началъ... Есть духъ у государствъ, есть духъ у областей, у Корсики, у Ирландіи, у Чехіи, у Закавказья, у Малороссіи, у Великороссіи; есть свой духъ въ той другой губерніи, въ томъ другомъ уѣздѣ (а въ Москвѣ-то, Боже мой, какой сильный!)... «Есть духъ у арміи, въ полкахъ, корпусахъ, въ закрытыхъ и незакрытыхъ заведеніяхъ, и притомъ часто почти въ буквальномъ значеніи, родъ атмосферы, которая можетъ измѣниться только полнѣйшимъ разрушеніемъ общества или учрежденія. Духовность

общества необходимо поддерживаетъ увѣренность въ духовности недѣлимыхъ. Возраженія противъ бытія души, или сомнѣнія въ этомъ бытіи могутъ поколебать то или другое лицо, но, пока живъ духъ общества, признается жизнь индивидуальной души» (85—86). Ну-ка, европейскіе логики, подыщите хоть одинъ индуктивный или дедуктивный методъ, который бы подходилъ къ способу умозаключенія г. Лешкова. Прозакладую что угодно — не найдете. Это такъ своеобразно. Сначала открыто «особое существо», потомъ для него найдены слезныя железки, сознание радости и стыда, а затѣмъ, по аналогіи, заключено отъ «особаго существа» къ личности. Для европейца первый шагъ былъ бы вздорной реализаціей отвлеченности, второй — безтолковымъ наборомъ словъ, а третій — бессмысленнымъ умозаключеніемъ; но для московскаго профессора, изъ-за котораго волновался университетъ и выгонялись профессора, для него это — образецъ логики столь тонкой, что ея совсѣмъ не видать простымъ глазомъ, и столь смѣлой, что знаменитыя аналогіи и умозаключенія шеллингистовъ предъ нею — дѣтская игра.

И какъ ловко выражается г. Лешковъ: «у каждаго народа есть свое особое направленіе ума, или свое призваніе... Это исторія наукъ, процвѣтавшихъ въ Греціи, Римѣ или во Франціи, равномѣрно исторія ученыхъ направленій въ Англии, въ Германіи» (87). Подумайте: направленіе ума—это исторія ученыхъ направленій; призваніе — это исторія наукъ. Оно можетъ казаться бессмысленнымъ только тѣмъ, которые «отрицаютъ реальность во всемъ, во что нельзя ткнуть пальцемъ».

И чего не дѣлаетъ «особое существо»! Вы полагаете, что личность любить наслаждаться прекраснымъ. Ошибаетесь. «Отдѣльно взятый человѣкъ почти естественно склоняется къ возможному ограниченію своихъ потребностей, во избѣжаніе особыхъ усилій» (87). Общество не позволяетъ ему этого и требуетъ изъяснаго помимо всѣхъ частныхъ людей. Вы думаете, частные люди высказываютъ свои личныя религіозныя убѣжденія въ религіозныхъ догматахъ и, достигнувъ власти, вліяютъ на законодательство въ этомъ отношеніи, принуждая диссидентовъ скрывать свои личныя мнѣнія или страдать изъ-за нихъ. Ошибаетесь. Это все «особое существо» устанавливаетъ государственную религію. Приведу собственныя слова г. Лешкова: «Но еще болѣе вліянія имѣетъ общество на религіозныя вѣрованія своихъ членовъ, несмотря на постоянныя ихъ возраженія. Отдѣльныя лица ссылаются въ этомъ случаѣ то на свою естественную свободу вѣрованій, то на предполагаемую независимость своей морали отъ религіозныхъ воззрѣній. Но общность вѣры у даннаго народа такъ же мало нарушаетъ личную свободу, какъ общность извѣстной, для всѣхъ доказанной истины. Изъ того, что я виждь со всѣми признаю существованіе міра и бытіе Бога, никакъ не слѣдуетъ, чтобы это признаніе было вишнею силою, вынужденное признаніе» (88). Да извинить читатель мою слабость! Сознаюсь, что

выписалъ именно потому, что ничего не понимаю, даже того, гдѣ въ словахъ г. Лешкова надо искать доказательства тому, что онъ какъ будто бы доказываетъ. Какая же тутъ «общность вѣры», когда есть диссиденты? И какъ можетъ быть для всѣхъ доказано то, что вызываетъ возраженія? Право, старался понять, но не понимаю. У всякаго другаго я бы съелъ дозволеннымъ отозваться нѣсколько рѣзко и непочтительно о подобныхъ приемахъ доказательства, но у г. профессора Лешкова, покровительствуемаго редакторами «Московскихъ Вѣдомостей»... избави меня Боже! Приписываю мое непониманіе недостатку сообразительности съ своей стороны. Очень ужъ высоко!

Или вотъ еще: «миѣніе можетъ быть у васъ, у меня, у каждаго свое, и это миѣніе носить названіе частнаго, личнаго, отдѣльнаго миѣнія; оно можетъ быть у многихъ изъ насъ и составлять миѣніе меньшинства, большинства и даже общее миѣніе. Но ни миѣнія отдѣльныхъ лицъ, ни миѣніе большинства, ни даже миѣніе общее всѣхъ лицъ даннаго общества не есть общественное миѣніе, которое составляется только обществомъ, принадлежитъ цѣлому обществу, безъ раздѣла между лицами и безъ вниманія къ миѣніямъ отдѣльныхъ наличныхъ членовъ. Общество старѣе насъ и остается послѣ насъ, да и теперь имѣетъ свои особныя основныя бытія, независимыя отъ нашихъ личныхъ возрѣній, а потому его общественное миѣніе не есть сумма, а нераздѣльная цѣлостность убѣжденія общества. Это рѣшеніе по требованію господствующаго въ обществѣ принципа, и въ этомъ могущество и сила общественнаго миѣнія для лицъ и для цѣлыхъ поколѣній и даже государствъ, правительствъ» (90). Ну, попробуйте-ко понять это обыкновеннымъ умомъ. Чувствуешь, что хорошо, но никакъ не схватишь смысла. Гдѣ же сидитъ это общественное миѣніе, когда его нѣтъ ни въ одномъ изъ членовъ общества? Если бы я имѣлъ миллионъ, а бы премію назначилъ въ цѣлый миллионъ тому, кто, видъ Москвы, разрѣшить эту задачу, да и въ Москвѣ, думаю, очень немногіе рѣшатъ.

Приведу еще два примѣра, изъ которыхъ первый заключаетъ тонкій намекъ на поводъ, почему г. Лешковъ придалъ своимъ лекціямъ слишкомъ простое названіе, но смыслъ этого намека отъ меня ускользаетъ. Что касается до втораго примѣра, тутъ опять дѣло идетъ объ этомъ «особомъ существѣ», которое, какъ Протей, теперь уже не довольствуетъ тѣмъ, что имѣетъ свой духъ, какъ было сказано выше, но само обращается въ духъ. Читатель самъ разсудитъ, насколько дѣло выходитъ яснѣе. И такъ г. Лешковъ сначала говоритъ: «человѣкъ въ обществѣ есть человѣкъ въ развитіи, человѣкъ настоящій, человѣкъ, разсматриваемый въ области права» (90). И потомъ: «отдѣльный человѣкъ, въ обществѣ, что тѣло въ отдѣльномъ человѣкѣ, служитъ источникомъ и почвою для страстей, для всей ограниченности, слабости, увекости, для самолюбія, эгоизма, матеріализма, зла; напротивъ, общество въ человѣческомъ родѣ есть тотъ же

бодрый духъ, который является дѣйствующимъ въ отдѣльномъ лицѣ, создавая и творя идеи, принципы, все разумное, и сообщая господство и силу идеализму и добру» (91).

Подъ конецъ встрѣчаемъ замѣчательное изрѣченіе. Читатель всегда считалъ вѣроатно прогрессъ — нѣкоторымъ процессомъ. Онъ ошибался. Г. Лешковъ изрекъ, что прогрессъ имѣетъ свой процессъ и этотъ процессъ — право (92). Такъ что прогрессъ перестаетъ быть процессомъ, иначе право было бы процессъ процесса. Чтѣ такое прогрессъ, г. Лешковъ не сообщилъ: надо думать, что еще какая либо субстанція, особое существо.

Но величіе г. Лешкова не ограничивается небывалыми логическими приѣмами, отвергіемъ слезныхъ железозъ у коллективныхъ существъ, наконецъ высшими метафизическими реализировапіями «особыхъ существъ». Онъ великъ и въ области мелкихъ фактовъ, которые мы оставили въ сторонѣ, чтобы прослѣдить основное содержаніе лекцій.

Онъ отрицаетъ существованіе брака (80) у животныхъ, несмотря на то, что почти всѣ современные изслѣдователи психологіи животныхъ признають у многихъ птицъ и млекопитающихъ бракъ, въ формѣ выборной привязанности, общихъ заботъ, вѣрности и тому подобное. Онъ говоритъ: «мы не знаемъ общества, которое бы не исповѣдывало и не признавало божества. Безбожное общество невозможно, какъ немислимо общество безъ идей» (88), и это никакъ не должно считать лишь сознаниемъ невѣжества, но рѣшительнымъ отрицаниемъ результатовъ, полученныхъ современными европейскими изслѣдователями (напр. Лэббоккомъ «Prehistoric times» 467 и слѣд.). Конечно, правъ г. Лешковъ, а не они. Онъ говоритъ: «не можемъ не отмѣтить, что въ исторіи встрѣчались нерѣдко глубокіе умы, благородные характеры, друзья человѣчества, рѣшавшіеся, единственно для водворенія міра въ человѣкѣ, проповѣдывать безразличіе добра и зла, матеріализмъ и механизмъ» (89). Какое безпристрастіе, подумаешь, къ этимъ противнымъ матеріалистамъ. Но тутъ особенно важно, что г. Лешковъ разрѣшаетъ однимъ ударомъ весьма важный вопросъ исторіи мысли, именно о причинахъ появленія матеріализма. До сихъ поръ полагали, что во многихъ случаяхъ, если не во всѣхъ, поводъ къ матеріалистическимъ построенимъ служили чисто-теоретическія соображенія и что потребности того, чтѣ называють нѣмцы Gemüth, составляли одно изъ главныхъ препятствій болѣшему распространенію матеріализма. И вотъ въ словахъ г. Лешкова матеріализмъ представляется *примирительной* теоріей. Это довольно ново.

Насъ смутило только одно мѣсто подъ конецъ лекцій г. Лешкова: «Только отдѣльные люди, по легендамъ, видѣли дьявола, въ котораго Лютеръ должевъ былъ швырнуть чернильницей, и который никогда не смѣлъ явиться ни одному человѣческому обществу. Смыслъ нашей басни ясенъ» (91). Неужели г. Лешковъ не вѣритъ въ дьявола и считаеть его явленіе баснею? Это со-

всѣмъ не гармонировало бы съ общимъ строемъ мысли почтеннаго профессора и съ мѣстомъ, гдѣ онъ говорилъ. Или онъ назвалъ баснею собственныя лекціи и хотѣлъ указать читателю новыя метафизическія глубины? Мы останавливаемся съ недоумѣніемъ. Г. Лешковъ представляетъ на нашъ взглядъ лучшій и самый развитый экземпляръ того, что отрывочно высказывается въ другихъ его сотоварищахъ. Москва можетъ гордиться имъ.

Такимъ образомъ, мы счастливо добрались до конца нашего труда. Мы обогрѣли этотъ незамѣнимый букетъ лекцій московскихъ ученыхъ съ его специальнымъ мѣстнымъ запахомъ. Что за дорогой подарокъ наукѣ и русскому обществу! Историки, юристы, филологи, натуралисты Москвы соединили свои усилія, явились предъ публикою подѣлиться съ нею своими фактическими знаніями, своими учеными приемами. Результаты предъ нами. Они вполне удовлетворили потребности разъясненія самыхъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ по части антропологии и этнографіи. Даже болѣе, чѣмъ удовлетворили. Они создали факты, неизвѣстныя европейской наукѣ, употребили логическіе методы, немыслимыя на ученой каедрѣ Запада, вызвали фантастическія картины минувшаго, создавали фантастическіе образы настоящаго, прорицали будущее...

Вдохновленный чтеніемъ этихъ лекцій, невольно обращаюсь къ нигилистамъ. Они сгинули, погибли въ наше благонамѣренное время, но я обращаюсь къ ихъ тѣнямъ.

Воскресните, бѣдные, неумѣлые нигилисты! Ступайте учиться у московскихъ профессоровъ уваженію къ наукѣ, которую, говорятъ, вы презирали. Послушайте, какъ эти ученые люди, представители самаго консервативнаго изъ нашихъ университетовъ, связываютъ свою любовь къ наукѣ, свою серьезность, свое научное достоинство предъ публикою, собравшеюся слушать ихъ ученую рѣчь. Говорятъ, вы нигилисты, не уважали научныхъ авторитетовъ. Учитесь, что слѣдуетъ уважать только московскіе авторитеты; но дозволительно профессорамъ и академикамъ пренебрежительно относиться къ замѣчательнымъ научнымъ авторитетамъ, если только эти авторитеты не подходятъ подъ московскія воззрѣнія. Дозволительно искажать и выдумывать факты, игнорировать элементарныя научныя свѣдѣнія, если это нужно для цѣли профессора. Дозволительно дѣлать нелѣпѣйшія умозаключенія, нарушать самыя простыя логическіе приемы, чтобы сказать красивую фразу. Дозволительно ругать противниковъ вмѣсто того, чтобы опровергать ихъ. Дозволительно дѣлать изъ ученой каедры орудіе воззванія къ страстямъ минуты. Дозволительно вскакъ въ наукѣ орудія вражды... Это все дозволительно московскимъ ученымъ, и если вы хотите дозволить себѣ это, добейтесь каедры въ Москвѣ. Тогда подобными приемами вы будете рѣшать «главныя и существенныя вопросы науки».

Правду сказалъ профессоръ Соловьевъ: это былъ «роскошный пиръ науки», но науки спеціально московской.

НОВЫЯ КНИГВ.

Сочиненія Генриха Гейне въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакцію Петра Вейнберга. Томъ десятый. Спб. 1868.

Изданіе сочиненій Гейне, предпринятое г. Вейнбергомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, близится къ концу. Въ нынѣ вышедшемъ, десятомъ томѣ, издатель заканчиваетъ печатаніе прованческихъ статей этого автора. Въ одиннадцатомъ (вышедшемъ въ 1867 году) начато имъ печатаніе его стихотвореній, и г. Вейнбергъ обѣщаетъ возможно скорую выдачу слѣдующихъ томовъ, которые имъ уже прѣготавливаются къ печати. Слишкомъ скорого однакоже выхода въ свѣтъ этихъ томовъ ожидать нельзя, такъ-какъ г. Вейнбергу придется, или переводить самому или обращаться къ другимъ русскимъ писателямъ для перевода множества стихотвореній Гейне, совершенно неизвѣстныхъ русской публикѣ. Несмотря на то, что въ послѣдніе десять, пятнадцать лѣтъ стихотворные переводы изъ Гейне запружали нашу журналистику, несмотря на то, что едва-ли на Руси встрѣтятся хоть одинъ стихотворецъ, не упражнявшійся надъ переводами изъ Гейне, русскіе переводчики обыкновенно набрасывались на одни и тѣ же стихотворенія, и совершенно оставляли другія. Явленіе это отчасти объясняется тѣмъ, что нѣкоторые выпуски сочиненій Гейне, въ подлинникѣ, при прежнихъ распорядахъ въ иностранной цензурѣ, пользовались ббльшею свободою обращенія въ нашемъ отечествѣ, чѣмъ другіе. Какъ бы то ни было, но множество стихотвореній Гейне еще не переведено, хотя мы и имѣемъ по десяти переводовъ другихъ и вѣроятно будемъ имѣть ихъ еще по десятку, такъ-какъ переводчики, соблазниаясь вѣншею легкостью передачи Гейне по-русски, не стѣсняются, и несмотря на то, что нѣкоторыя стихотворенія (напр., въ переводахъ гг. М. Михайлова и А. Плещеева) переведены превосходно, все-таки угощаютъ публику своими собственными и плохими. Разумѣется, что вслѣдъ за выходомъ полнаго собранія лучшихъ переводовъ изъ Гейне — помѣщеніе въ журналахъ всякихъ жалкихъ виршей, подъ флагомъ: «изъ Гейне», само собою прекратится, и ужъ ради одного этого, мы хотѣли бы, чтобы предпріятіе г. Вейнберга какъ можно скорѣе пришло къ вождельнному концу.

Въ десятый томъ «Сочиненій Гейне» вошло все то, что самъ Гейне подвелъ подъ общую рубрику «Смѣси» (Vermischte Schriften). «Такимъ образомъ — говорить въ предисловіи издатель — въ рукахъ русскаго читателя все, что написалъ великій поэтъ прозой (разумеется, прибавимъ отъ себя, съ тѣми необходимыми пропусками и урѣзками, какіе обусловливаются нашими учрежденіями по дѣламъ печати), за исключеніемъ его писемъ, нѣсколькихъ рецензій и статей: «о дворянствѣ». Письма не помѣщены въ изданіе г. Вейнбергомъ или потому, что они по частности своего характера потеряли всякій интересъ, или (тѣ изъ нихъ, которыя освѣщаютъ частную и общественную дѣятельность Гейне) потому, что онъ хочетъ привести ихъ въ приготовляемой имъ полной біографіи поэта. Рецензій онъ не печаталъ потому, что онѣ или касаются давно забытыхъ книгъ и статей, или состоятъ по большей части изъ выписокъ и сами по себѣ не имѣютъ ровно никакого значенія. Статья же «о дворянствѣ», по объясненію издателя, не помѣщена, какъ «совершенно невозможная для русскои печати». Хотя послѣднее обстоятельство и весьма печально, но все-таки нельзя не порадоваться, что русскіе читатели, незнакомые съ подлинникомъ, будутъ имѣть въ рукахъ, по выходѣ послѣднихъ томовъ изданія г. Вейнберга, почти полнаго Гейне.

Что касается собственно до десятаго тома, то за исключеніемъ «Привзаній», писанныхъ Гейне въ 1854 году, «Боговъ въ изгнаніи» и статьи «о доносчикѣ», направленной противъ Менцеля, всѣ остальные статьи въ смыслѣ собственно литературномъ не представляютъ особеннаго интереса. Нѣкоторыя изъ нихъ (какъ, на примѣръ, «Письма изъ Берлина» и замѣтка «о Польшѣ» — обѣ статьи писаны въ 1822 году) до того выдохлись, что имѣя значеніе, какъ матеріалъ для исторіи развитія самого Гейне, утратили въ наши дни всякое право на вниманіе читателя. Что, на примѣръ, извлечетъ современный читатель изъ замѣтокъ о Польшѣ такого рода: «Не ищите въ этихъ письмахъ живописныхъ описаній природы или великолѣпныхъ памятниковъ искусства. Только люди — и то самый высшій сортъ ихъ, дворяне — заслуживаютъ въ Польшѣ вниманія путешественника. И право, взгляды на истаго, родовитаго польскаго магната и на прелестную, благородную польку, въ ея истинномъ свѣтѣ, стоятъ созерцанія какого нибудь феодальнаго каменнаго замка или мраморной Венеры Медицейской» и т. д. Могутъ ли заинтересовать кого-либо въ наши дни хотя такія передачи новостей того времени, которыя Гейне узнавалъ отъ камеръ-музыканта и которыми заняты цѣлыя страницы въ нѣсколькихъ мѣстахъ писемъ изъ Берлина: «20-го числа будетъ происходить экзамень у доктора Штепеля, который преподааетъ фортепьянную игру и генеральбасъ по методѣ Ложье. Графъ Вюль скоро совершенно оправится отъ болѣзни. Вальтеръ, актеръ изъ Карlsruэ, выступитъ на сцену еще въ одномъ новомъ фарсѣ: «Свадьба Штабелге»

Господи́нь и госпожа Вольфъ играютъ теперь временно въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ. Михаилъ Веръ написалъ въ Италіи новую трагедію: «Арагонскія вѣсти», а Мейерберъ даетъ теперь въ Миланѣ свою новую оперу. Спонтини ишетъ музыку къ «Сафо» Кореффа. Нѣсколько филантроповъ хотятъ основать здѣсь пріютъ для покинутыхъ родителями мальчиковъ, по образцу заведенія тайнаго совѣтника Фалька въ Веймарѣ. Книжный магазинъ Шоппеля надалъ сочиненія Комини и т. д. безъ конца (одно это перечисленіе занимаетъ четыре страницы). Всѣ такія мѣста изъ берлинскихъ писемъ издатель, безъ всякаго ущерба для читателей, могъ бы, по нашему мнѣнію, просто выкинуть.

Мы упомянули о статьѣ, направленной противъ Менцеля и помѣщенной въ этомъ томѣ «Сочиненій Гейне». Хотя статья эта, написанная 30 лѣтъ тому назадъ, большинству публики и извѣстна, но перечитать ее въ наши дни дѣло не лишнее. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, она для насъ именно теперь пріобрѣтаетъ живой интересъ. Кто изъ русскихъ писателей, дорожащихъ независимостью и самобытностью своей мысли, не страдалъ за послѣднее время отъ недостойныхъ и жалкихъ выходовъ всероссійскаго менцелизма, водворившагося съ 1862 года такъ прочно и разносторонне въ нашей журналистикѣ? Кого изъ общественныхъ дѣателей, не говоря уже о писателяхъ, не обвиняли въ недостаткѣ патриотизма, во вредныхъ идеяхъ и даже въ государственной невѣжѣ наши доморожденные послѣдователи штутгардскаго дѣателя? Всѣмъ этимъ лицамъ мы совѣтуемъ перечесть рѣзкую и желчную характеристику Менцеля, помѣщенную въ десятомъ томѣ сочиненій Гейне. Если отъ этого грустный фактъ существованія менцелизма въ русской прессѣ и не прекратится, то читателю предстонтъ весьма значительное утѣшеніе увидѣть, что несмотря на все свое констинѣ замѣчательное разнообразіе литературныхъ приемовъ, на всю неутомимую свою дѣятельность, наши современные рыцари инсинуацій только скромные подражатели своего первообраза, вся внутренняя сущность побужденій котораго такъ вѣрно, глубоко и мастерски подмѣчена Гейне, только продолжатели того безсмертнаго типа литературнаго скептика, какимъ представлялся тридцать лѣтъ тому назадъ почтенный господи́нь Вольфгангъ Менцель изъ Штутгарда, образъ котораго перейдетъ въ потомство въ трехъ изображеніяхъ: Гейне, Верне и Людвигъ Страуса. Чтѣ дѣлалъ этотъ незабвенный дѣатель, для достиженія своихъ личныхъ и узкопрактическихъ цѣлей и для одновременнаго уничтоженія тѣхъ изъ писателей, смѣлости которыхъ онъ боялся, опасаясь, что она рано или поздно выведутъ его на свѣжую воду? Прикрываясь патриотизмомъ и опасеніемъ за гибель религіи, нравственности и самой Германіи, онъ, добываясь въ 1835 году отъ сейма запрещенія сочиненій Гейне, сумѣлъ увѣрить нѣкоторыхъ государственныхъ людей, незнакомыхъ съ дѣятельностью поэта, что онъ «глава партіи, которая сговорилась испровергнуть всѣ гражданскія и нрав-

ственные установленія» (стр. 100). Клевветы и преслѣдованія свои онъ постоянно доводилъ до конца, такъ что, когда извѣстный Гудковъ, по его доносу, находился уже подъ судомъ и томился въ тюрьмѣ, это нисколько не остановило его клеветъ, что и заставило Гейне выразиться такъ: «еслибы Гудковъ былъ даже отцеубійцей, то и тогда у меня не хватило бы духу гремѣть противъ него филиппиками въ такое время». Людей слабыхъ онъ давилъ гуртомъ. Такъ, онъ «направлялъ свое оружіе охотѣе всего противъ женщинъ: онъ разбилъ въ прахъ дѣлами дюжины нѣмецкихъ писательницъ, этихъ несчастныхъ созданій, которыя, стараясь добыть хлѣбъ своимъ дѣтямъ, брались за перо, и грубому, открытому посмѣянію могли противодѣйствовать только затаенныя слезы!» (109) Охотѣе всего свою полицейскую полемику онъ переносилъ на политическую почву. Почему?—у Гейне объясненіе этого выражено въ весьма остроумной формѣ: «е менцелевской политикѣ по отношенію къ политикѣ нѣтъ возможности сказать ни одного слова, именно ради политики». Понятно, что вывода на это поле своихъ противниковъ, онъ отнималъ у нихъ почти всаія средства къ защитѣ. Онъ пускалъ въ дѣло глухія и общія обвиненія, между тѣмъ какъ противникамъ его не было другой возможности защищаться, какъ откровенными изложеніями своихъ политическихъ, религиозныхъ и нравственныхъ воззрѣній, что, по свидѣтельству Гейне (114), было въ Германіи положительно невозможно. Любимѣйшимъ приемомъ этого образцоваго дѣятеля было, критикуя кого-либо изъ авторовъ, цитировать такого рода вещи, которыхъ вовсе не было въ книгахъ или «подмѣнивать ихъ подлинными словами искажающими смыслъ синонимами» (110). Эти и подобныя имъ приемы Гейне весьма мѣтко опредѣлилъ названіемъ «литературно-мошенническихъ продѣлокъ», но, къ сожалѣнію, на нихъ подробно не останавливается.

Нравственные качества Менцеля опредѣлены Гейне съ безспорною правдою. Такъ, для характеристики стойкости его убѣжденій, Гейне приводитъ слѣдующій анекдотъ о томъ, какимъ образомъ Менцель предложилъ старому барону Котта изданіе своего сочиненія «Нѣмецкая литература». Рукопись этой книги заключала въ себѣ самыя великолѣпныя похвалы Коттѣ, которыя однакожъ ни мало не склонили послѣднаго согласиться на требовавшійся за то гонорарій. Но во всякомъ случаѣ покойному барону сильно польстило видѣть себя осыпаннымъ такими похвалами и, когда вскорѣ послѣ того, книга была издана братьями Франкль, онъ радостно сказалъ своему сыну: «Георгъ, прочти эту книгу, въ ней воздается должное моимъ заслугамъ, и хвалить меня, какъ слѣдуетъ!» Однако Георгъ нашелъ, что въ книгѣ всѣ похвалы были вычеркнуты и замѣнены самими грубыми выходками противъ его отца. Рассматривая основанія того, почему Менцель въ своей гравной дѣятельности всегда опирался на религію, нравственность и патріотизмъ, Гейне говоритъ:

«Удивительное дѣло! И постоянно эти сиверные субъекты прикрашиваютъ свои нападенія религіей, моралью и патриотизмомъ. Они нападаютъ на насъ не изъ грязныхъ частныхъ интересовъ, не изъ писательской зависти, не изъ врожденнаго лаячества, но только чтобы спасти вѣру въ милосердаго Бога, спасти нравственность и отечество! Г. Менцель впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ своихъ дружескихъ отношеній къ г. Гудкову, съ преисполненнымъ горести безмолвіемъ, наблюдалъ, что религія угрожала смертельная опасность; наконецъ, онъ внятно приходитъ къ убѣжденію, что христіанство безнадежно погибнетъ, если онъ не послѣшнѣ схватитъ мечъ и не вонзитъ его, подравшись сзади, въ сердце Гудкова. Конечно, чтобы спасти христіанство, ему приходится дѣйствовать немножко не похристіански; но онъ увѣренъ, что ангелы на небѣ и небожные люди на землѣ охотно вмѣняютъ ему въ добрыя дѣла маленькія клеветы и иного рода мелкія домашнія средства, которыя освѣщаются дѣломъ.

«Но дѣйствительно ли г. Менцель хорошій христіанинъ, лучший христіанинъ, чѣмъ Гудковъ и «молодая Германія»? Вѣрнѣ ли онъ всему, что написано въ Библии? Всегда ли онъ строго слѣдовалъ ученію Евангелія? Всегда ли онъ прощаль врагамъ своимъ, т.-е. всѣмъ тѣмъ, кто игралъ въ литературѣ болѣе блестящую роль, нежели онъ самъ? Подставлялъ ли г. Менцель смиренно свою лѣвую щеку, когда книгопродавецъ Франкъ давалъ ему пощечину въ правую? Всегда ли г. Менцель хорошо говорилъ о вдовахъ и сиротахъ? Былъ ли онъ когда либо честенъ, было ли его слово всегда рѣшительнымъ «да» или «нѣтъ»? Навѣрно нѣтъ; г. Менцель страшился честности рѣчи, точно зараженнаго пистолета; онъ всегда былъ двуличнымъ, коварнымъ человѣкомъ, вполонину зайцемъ, вполонину флюгеромъ, въ одно и то же время грубымъ и нахальнымъ, какъ полицейскій служитель. Еслибы ему пришлось жить въ первые вѣка, когда христіанину надлежало свидѣтельствовать истину евангелія, жертвуя собственною кровью, то навѣрное онъ выступилъ бы не защитникомъ евангелія, а гораздо скорѣе обвинителемъ тѣхъ, которые преданы христіанству, и которыхъ въ тѣ времена обвиняли въ атеизмѣ и безнравственности. Еслибы г. Менцель жилъ въ Ценинѣ, а не въ Штутгартѣ, онъ, статья можетъ, писалъ бы теперь длинныя доносы противъ «молодаго Китая», который, судя по самымъ послѣднимъ указамъ китайскаго правительства, представляетъ собою шайку негодяевъ, которые пьесомъ и словомъ распространяютъ христіанство, вслѣдствіе чего мандарины небесной имперіи объявили ихъ крайне опасными врагами гражданской нравственности».

Съ тою же подробностью разбираетъ Гейне и права Менцеля на нравственность. Но эта выписка была бы такъ длинна, что вывела бы нашу замѣтку изъ предѣловъ библиографической

статьи, между тѣмъ какъ мы хотѣли бы въ ней хотя сколько нибудь очертить сущность Менцеля, для того, чтобы его клеветное съ кляпомъ нашего литературнаго сиска — было для читателей очевидно, и чтобы въ нашихъ инсинуаторахъ онъ увидѣлъ тѣхъ же Менцелей, раздѣленныхъ на мелкую монету. Всѣ они прикрываются, какъ извѣстно, маскою патриотизма, и конечно для того же, чтобы, какъ Менцель, «подъ прикрытіемъ этой личности, имѣютъ возможность безопасно ругать и преслѣдовать истинныхъ друзей отечества. Это вдвойнѣ фальшивая игра» (112). У нашихъ инсинуаторовъ, какъ увидитъ читатель, нѣтъ ни одной самобытной черты характера, и они во всемъ идутъ по стопамъ своего прототипа. Кому неизвѣстна, напримѣръ, степень храбрости отечественныхъ газетчиковъ этого зачала?

Взведе на васъ самую возмутительную клевету, могущую отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на вашемъ личномъ благополучіи, представляя васъ, напримѣръ, отъявленнымъ коммунистомъ и нигилистомъ (единственное гибкое слово, котораго Менцель не зналъ и удобствами котораго поэтому не воспользовался), они, строча свои статьи, обдумываютъ только то, какъ бы имъ не сдѣлать такой неосторожности, которая не привела бы ихъ лично къ судебной отвѣтственности. Если имъ удастся это — ни о чемъ другомъ они даже не заботятся, и такъ-сказать, и самую свою трусость дѣлаютъ средствомъ для своей безопасности. Такъ поступалъ и Менцель. Вотъ что рассказываетъ по этому поводу Гейне (115 стр.):

«Когда онъ самыми наглыми словами оскорбилъ гражданскую честь Гукцова и взвелъ на него самыя гнусныя клеветы, и когда обвиненный, по обычаю нѣмецкой молодежи, потребовалъ у него надлежащаго удовлетворенія, тогда германскій герой прибѣгнулъ къ самымъ жалкимъ уловкамъ. Онъ говорилъ, что въ распоряженіи г. Гукцова есть перо, что онъ можетъ точно также печатать противъ него, г. Менцеля все, что ему вздумается, наконецъ, что онъ, Менцель, не прочь дать Гукцову это удовлетвореніе, но не въ глухомъ лѣсу, съ материальнымъ оружіемъ въ рукахъ, а публично, на открытой аренѣ журналистики, употребляя въ дѣло только умственное оружіе...».

Но какими же образомъ такіе презрѣнные дѣятели могутъ достигать, при слабости своихъ нравственныхъ средствъ, не только успѣха и значенія, но даже временнаго преобладанія въ общественно-литературной сферѣ? Разумѣется, главнѣйшій пособникъ ихъ, невѣжество общественной среды, недомысліе и потемки, царствующія въ то или другое время, въ той или другой странѣ. Но, для успѣха необходима и ихъ личная дѣятельность въ извѣстномъ направленіи, необходима нѣкоторая степень умѣнія и ловкости для достижения ими своихъ цѣлей. Дойти до того, чтобы сильные міра «вѣрили имъ на слово» не особенно легко, и въ гейневской характеристикѣ Менцеля приведены нѣкоторые изъ тѣхъ приемовъ и уловокъ, при помощи которыхъ

это и многое другое имъ удастся. Такъ Менцель прежде всего считалъ необходимымъ выразить своей наусушной патриотизмъ одновременно въ формахъ тевтоманіи и притворной ненависти къ французамъ, за что и получилъ отъ Берне известную кличку *французомъда*. Патриотизмъ въ его обихъ видахъ — положительномъ и отрицательномъ — служить имъ самымъ первымъ и сподручнымъ средствомъ завоевать себѣ популярность, значеніе и вліяніе, въ видахъ дальнѣйшей дѣятельности, и «я уже сказалъ, — говорить Гейне (стр. 120), что у нашихъ тевтомановъ выставленная на показъ ненависть къ французамъ есть двойной подлогъ. Такимъ путемъ они стараются прежде всего приобрести популярность, которая добывается очень дешево, такъ-какъ при этомъ нечего опасаться потерять должность, а тѣмъ менѣе свободу. Возставать противъ мѣстныхъ властей значительно опаснѣе. Но, чтобы попасть въ народные трибуны, нашимъ тевтоманамъ приходится произнести свободное слово противъ нѣмецкихъ правительствъ и, въ наглость малодушіи своихъ сердецъ, они воображаютъ, что правительства охотно извинять имъ крошечку демагогизма, если они за то еще неотступнѣе будутъ проповѣдывать ненависть къ французамъ». Такимъ образомъ они убиваютъ сразу по нѣсколькѣ зайцевъ. Умѣнье выбирать время, нокать воздѣхъ, настроеніе умовъ и общества, чтобы говорить то или другое, именно тогда, когда высказать это всего удобнѣе — такая способность послѣдователей Менцеля даетъ имъ также великое полспорье для успѣха. «Я оставляю нерѣшеннымъ вопросъ, — говорить Гейне, — что способствовало тому, что голосъ господина Менцеля распространился такъ далеко: дарованіе ли его было тому причиной, или газета, въ которой онъ работалъ, дала возможность его доносамъ имѣть такое прискорбное вліяніе, что обремененные дѣлами государственные люди, которые охотнѣе читають газеты, нежели книги, повѣрили ему на слово. Знаю только, что слово его должно было раздаваться тѣмъ громче, чѣмъ сильнѣе царило тогда въ Германіи боязливое безмолвіе. Коноводы партіи движенія скрывались, сохраняя благоразумное молчаніе, или сидѣли въ заточеніи, за надежными рѣшетками, и ждали рѣшенія своей участи, быть можетъ, смертнаго приговора... Самое большое, что можно было услышать иной разъ, — это рыданіе матери, сынъ которой взялъ преступномъ полицейскій постъ во Франкфуртѣ, — государственное преступленіе, несомнѣнно столько же необдуманное, сколько достойное наказанія и оправдавшее повсюду чуткую подозрительность правительствъ... Господинъ Менцель превосходно выбралъ время для доноса о томъ обширномъ заговорѣ, известномъ подъ именемъ «Молодая Германія», который будто бы былъ направленъ противъ престола и алтара и обладалъ крайне опаснымъ предводителемъ, въ лицѣ пишущаго эти страницы» (104).

Последнюю выписку, какъ намъ кажется, характеризуетъ также и героическая и грандіозная сторона менцелизма; нашъ

отечественный, должно думать, пережилъ уже подобный періодъ и, въ этомъ случаѣ, его постоянное ослабленіе и усиливавшаяся безпѣвность даютъ надежду предполагать, что въ смыслѣ политическомъ онъ, быть можетъ, скоро и выиреть въ нашей журналистикѣ. За то менделизмъ мелкій, ничтожный, доведенный до послѣдней степени грязи и пошлости, набрасывавшійся безъ всякаго стыда и пониманія на личности и частную ихъ жизнь — ради самыхъ мизерныхъ и жалкихъ цѣлей, прибѣгающій только изрѣдка къ глухимъ полу-политическимъ инсинуациямъ, въ родѣ обвиненія въ нигилизмѣ, и выразившійся вполнѣ въ мелкихъ уличныхъ газеткахъ, или такихъ книжонкахъ, какъ, напримѣръ, появившійся въ прошломъ году «Приключенія въ золотой ротѣ», растетъ съ каждымъ днемъ, почерная главную свою силу въ томъ, что литературные дѣятели, изъ опасенія запачкаться, до него весьма рѣдко даже и касаются. Несмотря, однако, на все отвращеніе, возбуждаемое имъ, литературѣ придется когда-нибудь обратить свое вниманіе и на него и на тѣхъ жалкихъ спекулянтовъ грязью, которые являются какъ бы его столпами...

Рабочій вопросъ въ его современномъ значеніи и средства къ его разрѣшенію. Сочиненіе Эрнеста Бехера. Переведено подъ редакціею П. Н. Ткачева, съ приложеніемъ уставовъ народнаго банка Прудона и уставовъ международной ассоціаціи рабочихъ. Спб. 1869.

Книга Бехера, появившаяся въ прошломъ году въ Германіи и тотчасъ же переведенная на русскій языкъ, подъ редакціею г. Ткачева — книга не дурная и для русскихъ читателей не безполезная. Хотя она и не блещетъ какими-нибудь особенными достоинствами, не заключаетъ какихъ-либо выводовъ, особенно новыхъ, и не исчерпываетъ слишкомъ глубоко и всесторонне своего предмета, но хорошо уже и то, что рабочій вопросъ — эта роковая задача современной западно-европейской дѣйствительности — поставленъ въ ней просто и вѣрно, безъ тѣхъ ухищреній и подтасовокъ, съ какими онъ обыкновенно является въ произведеніяхъ политико-экономовъ и либераловъ буржуазнаго закала. Какъ самая сущность его и первостепенная важность въ средѣ главнѣйшихъ задачъ нашего времени, такъ и неотложная необходимость скорѣйшаго рѣшенія его и вытекающая изъ этого обязанность для каждаго мыслящаго человѣка нашихъ дней — посильно способствовать словомъ и дѣломъ къ устраненію всевозможныхъ препятствій для правильнаго его хода, выведены авторомъ на прочныхъ началахъ зрѣлаго, критическаго отношенія къ современной экономической дѣйствительности. Изложено все это ясно и понятно, даже и для такихъ читателей, которые не обладаютъ знаніемъ экономической науки и незнакомы съ тѣми новѣйшими задачами и попытками, которые составляютъ сущность едва слагающейся на нашихъ глазахъ со-

ціологін. Точно также и историческая часть книги, несмотря на свою краткость и нѣкоторые ошибки и обмолвки (въ очеркѣ, напримѣръ, движенія рабочихъ въ Англіи, о значеніи дѣятельности Роберта Оуена упоминается только вскользь; о томъ вліяніи, какое имѣетъ на это движеніе возникшій недавно уніонизмъ, не говорится вовсе; въ обзорѣ попытокъ для разрѣшенія рабочаго вопроса во Франціи почти ничего не говорится о революціи 1789 года, такъ-какъ, по мнѣнію автора, она «не затрогивала вопроса о пролетаріатѣ» и т. д. и т. д.), составлена бойко и удовлетворительно. Обзоръ современнаго движенія рабочихъ въ Англіи, Германіи и Франціи предпосланъ небольшой, но весьма характеристической очеркъ экономическихъ формъ общественности, начиная съ древнаго міра, среднихъ вѣковъ и доведенный до нашего времени. Благодаря этому очерку, читатель какъ бы присутствуетъ при зарожденіи тѣхъ элементовъ, которые обусловили современный экономическій строй, характеризующійся непреодолимымъ антагонизмомъ всемогущаго капитала и обезсиленнаго труда, обреченнаго на задѣльную плату. Принявъ же во вниманіе тяготѣніе этого капитала, свободнаго и подвижнаго, пользующагося всѣми благами, какія доставлены ему были изобрѣтеніемъ машинъ, усовершенствованіемъ кредита и возникновеніемъ громаднхъ промышленныхъ предпріятій послѣдняго времени — къ постоянному уменьшенію задѣльной платы и доведенію ея до мінімум'а, читатель увидитъ ту коренную необходимость и законность борьбы, на которую вынужденъ въ наше время трудъ, стремящійся обратитъ современное общество, находящееся подъ преобладающимъ господствомъ класса капиталистовъ (буржуазіи), въ общество свободныхъ производителей рабочихъ. Само собою разумѣется, что такое преобразование, какъ вызванное самою силою вещей, неизбежно должно представлять характеръ прогрессивный, и всѣ страхи и ужасы, какіе связываютъ съ мыслью объ немъ люди трусливые и малодумающіе — только незаконный плодъ ихъ испуганнаго воображенія и недоумсія, порожденнаго трудообязнію. Трудъ, при этомъ будущемъ экономическомъ переустройствѣ, явится со-всѣмъ не въ тѣхъ страшныхъ, истомляющихъ и убивающихъ чело-вѣка формахъ, какими онъ проявляется въ наши дни; стремленіе положительнаго метода въ наукѣ давно уже направлено къ тому, чтобы преобразовать его въ свободный, сильный и хорошо вознаграждаемый для всѣхъ и каждаго. Наступитъ когда-нибудь и такое время, когда количество его будетъ регулировано такимъ образомъ, чтобы, безъ нанесенія ущерба обществу, не наносился также ущербъ полному и всестороннему развитію каждой отдѣльной личности. Разумѣется, все это сложится не скоро и, по нашему мнѣнію, не безъ многихъ переходныхъ формъ, такъ-какъ въ наше время нетолько социологическія теоріи не выработаны еще окончательно, но даже самый ихъ методъ представляетъ болѣе характеръ случайный, нежели

строго-положительный, такъ что неждущее движеніе жизни значительно опередить, можетъ быть, даже не однажды своими полу-рѣшеніями — рѣшеніе всестороннее и полное положительной науки. Но бесспорный выигрышъ общественности, при всякихъ даже несовершенныхъ переиѣнахъ этого рода, будетъ заключаться уже въ томъ, что оно съ каждымъ изъ нихъ станетъ переходить на вѣрную дорогу, на которой для нея сдѣлается возможнымъ достиженіе прочной устойчивости. Въ настоящее время такой устойчивости не существуетъ. Едва-ли въ наши дни найдется много людей, претендующихъ на мышленіе, которые въ существующей экономической неурядицѣ не замѣчали бы тѣхъ элементовъ, которые обуславливаютъ возможность болѣе или менѣе близкаго кризиса всего современнаго общественнаго строя. Сами экономисты, возведшіе въ неизбѣжные законы природы временныя и случайныя нераціональности хозяйственнаго обществія, неуспѣвшаго, вслѣдствіе безчисленныхъ причинъ и самыхъ разнообразныхъ заблужденій человѣчества, правильно организовать, замѣтили уже давно, что почва подъ ними колеблется. Кому неизвѣстно, сколько времени они уже будутъ тревогу, сваливая причину поразившаго ихъ явленія то на коммунизмъ и социализмъ, то на возникновеніе, совершающееся на нашихъ глазахъ — четвертаго сословія. Но сваливать факты съ большой головы на здоровую — не значить еще рѣшать вопросъ, а въ настоящемъ случаѣ, даже просто мѣшать его правильному рѣшенію. Рабочіе нашего времени вовсе не стремятся, подобно ордамъ гунновъ и всикихъ варваровъ, къ ниспроверженію цивилизаціи; они только предъявляютъ свое право и стремленіе получить свою законную долю въ ея благодѣяніяхъ, и этимъ самой цивилизаціи придать характеръ справедливости и прочности. Ставить противъ предполагаемой грозы паллиативные громоводы совершенно бесполезно. Если рабочій вопросъ и можетъ обратиться въ грозу, то это произойдетъ не отъ его основнаго принципа, а вслѣдствіе тѣхъ препятствій, которыми, какъ ненужной плотной, непониманіе задумаетъ противодействовать его законному и правильному теченію. Тогда, конечно, плотина можетъ прорваться и рабочій вопросъ разлиться рѣкою крови, затопивъ собою безсмысленно и безразлично все благое и злое...

«Существующій экономическій строй, говоритъ Векеръ, отнявъ отъ большинства рабочихъ всякую возможность объективно реализовать предостереженное имъ субъективное право собственности, привелъ ихъ къ страшному сознанію, что ни одинъ день ихъ существованія не обезпеченъ, что они не могутъ расширить кругъ своихъ потребностей далѣе тѣсныхъ предѣловъ существенно-необходимаго, что они безусловно обречены на вѣчную бѣдность и вѣчный страхъ за существованіе. Такую участь онъ подготовилъ миллионамъ людей, миллионамъ, которые обязаны существовать личнымъ трудомъ и имѣютъ такое же естественное право на удовлетвореніе своихъ потребностей, какъ и

другія привилегированныя личности, милліонамъ, которыхъ никакой вѣчный законъ не обрекаетъ быть только ступенями для достиженія избранными полнаго наслажденія матеріальными благами. Эти милліоны рабочихъ — пролетаріи».

«Вотъ къ чему привела противоположность между капиталомъ и трудомъ. Противоположность безъ примиренія влечетъ къ гибели. Все далѣе и далѣе расходится противорѣчивыя стремленія и тетива натягивается до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Эксплуатація не знаетъ себѣ границъ, ея себлюбіе дѣлаетъ ее слѣпой къ собственнымъ, истиннымъ интересамъ. Чѣмъ сильнѣе давитъ гнетъ эксплуатируемаго, тѣмъ отчаяннѣе и бѣшенѣе становится послѣдній. Отчаяніе рѣшается на все. Посмотримъ прямо въ лицо грозному будущему и отложимъ въ сторону самообольщеніе и себлюбіе. Если капиталъ будетъ продолжать слѣдовать по пути неумолимой эксплуатаціи, масса немущихъ рабочихъ станетъ возрастать все болѣе и болѣе. Они долго будутъ терпѣть, они будутъ долго молча смотрѣть, какъ изъ плодовъ ихъ труда куются для нихъ новыя цѣпи; они долго будутъ сносить постоянныя разочарованія и обманутыя надежды; они долго будутъ терпѣть существованіе, превращающееся въ пытку — но въ груди ихъ будетъ наивысшая страшная мечь и отчаяніе, и настанетъ минута, когда послѣднее терпѣніе ихъ лопнетъ и оковы станутъ невыносимыми. Въ этотъ день между обоими лагерями развернется пропасть: съ одной стороны встанутъ дерзкіе собственники и нагле эксплуататоры; съ другой — немущія, эксплуатируемая масса, лозунгомъ которыхъ будетъ мечь! Въ этой борьбѣ рухнетъ цѣлый міръ, погребая подъ своими развалинами побѣдителей и побѣжденных. Раздѣлявшая ихъ пропасть засыпется, но въ нее падутъ, вмѣстѣ съ ничтою, и плоды цивилизаціи. Когда разнуздываются въ человѣкѣ дикія страсти, объ умѣренности и сдержанности не можетъ быть рѣчи, социальная революція явится со всѣми ужасами, которые когда-либо видѣла земля, если мы не сможемъ помирить противоположности, если мы не употребимъ всѣхъ силъ къ этому примиренію».

Въ такихъ чертахъ рисуетъ Бехеръ печальную возможность исхода рабочаго вопроса, если современное общество не употребитъ всѣхъ усилій для соглашенія основнаго противорѣчія между трудомъ и капиталомъ. Но предполагать такой исходъ, нисколько не идеализируя даже мрачныхъ сторонъ дѣйствительности, значить отрицать въ средѣ живущихъ всякое движеніе впередъ, не признавать существованіе въ ней никакихъ живыхъ силъ, признавать повальную слѣпоту человѣческой мысли и утверждать совершенное безсиліе науки. Еслибы это было такъ, т. е. еслибы современное общество представляло одинъ гнилые и отжившіе элементы, то такъ или иначе оно должно было бы погибнуть, неся въ себѣ самомъ зародышъ неизбежной гибели. Въ такомъ случаѣ, не было бы даже никакой особен-

ной надобности хлопотать объ искусственномъ продолженіи безцѣльнаго существованія, о гальванизированіи умирающаго общественного трупа. Къ счастью, это не такъ, да и не можетъ такъ быть. Совмѣстная жизнь человѣчества, какъ и жизнь отдѣла наго человѣка, состоитъ изъ цѣлаго ряда безчисленныхъ и постоянныхъ обновленій и измѣненій по одному определенному типу, какъ частичныхъ и микроскопическихъ (некробиотизмъ), такъ и значительныхъ, обуславливающихъ постоянное обновленіе и поддержаніе органовъ, важныхъ для продолженія существованія. Человѣчество еще слишкомъ молодо, чтобы, констатируя нѣкоторые признаки болѣзненнаго состоянія общества, признавать его неисклѣпимымъ и заводить рѣчь о возможности скорой смерти. Кажущаяся дряхлость Западной Европы представляется намъ только вслѣдствіе нашей близорукости; точно также, какъ людямъ, ослѣпленнымъ блескомъ современной цивилизаціи, кажется, что она, напротивъ, совершенно здорова и разныя оскорбительныя житейскія противорѣчія ея строя: экономическія, общественныя, умственные и нравственныя—не что иное, какъ неизбежный атрибутъ земнаго существованія, какъ будто человѣческое общество родилось съ органическими недостатками и нѣкоторыми врожденными уродливостями, не мѣшающими, впрочемъ, ему процвѣтать и благоденствовать. Еслибы Европа была дѣйствительно дряхла, то въ ней не могло бы даже и возникнуть рабочаго вопроса, а между тѣмъ, онъ на лицо и ежедневно крѣпнеть, и въ теоретически-научномъ смыслѣ, и на пути практическаго движенія. Одно уже признаніе мыслью человѣческой его міроваго и первостепеннаго значенія, служить положительной гарантіей, что люди совладають со всѣми его трудностями и побѣдятъ всѣ его противорѣчія, изъ которыхъ нѣкоторыя намъ и до сихъ поръ представляются чуть не непреодолимыми. Бедеръ точно также исполненъ полнѣйшей вѣры въ возможность счастливаго разрѣшенія рабочаго вопроса. Мало того, онъ убѣжденъ, что рѣшеніе это можетъ произойти мирнымъ путемъ общественнаго развитія, безъ всякихъ ощутительныхъ потрясеній для общества, безъ малѣйшихъ насильственныхъ въ Европѣ переворотовъ. Мысль эту въ своемъ предисловіи онъ выражаетъ слѣдующими словами: «Было бы въ высшей степени желательно, чтобы люди до тѣхъ поръ не обращались во второму пути, пока не будетъ испробованъ первый. Вотъ въ этомъ-то и состоитъ великая задача нашего времени, нашего знанія, нашей теоріи и нашей практической дѣятельности. Наука, расширяя и проясняя наши знанія, даетъ путеводную нить для нашей дѣятельности. Этой путеводною нитью воспользуются всѣ тѣ, для которыхъ социальная реформа, усовершенствованія и улучшенія въ социальномъ быту общества—является жизненною цѣлью, вслѣдствіе ли ихъ внутренняго призванія, или внѣшняго общественнаго положенія, или просто вслѣдствіе какихъ нибудь личныхъ выгодъ». Г. Ткачевъ однакоже держится мнѣ-

нія совершенно противоположнаго, такъ-какъ естественное развѣтіе рабочаго вопроса считаетъ дѣломъ невозможнымъ и недѣлимъ и даже не особенно рыцарски обвиняетъ за это того автора, трудъ котораго предлагаетъ читателямъ, какъ практически полезный — «образцомъ недальновидныхъ отрицатель». Вообще, замѣтимъ вскользь, отдавая полную благодарность г-ну Ткачеву за ознакомленіе русской публики съ книгою Бехера, что намъ было бы желательнѣе встрѣтить въ ней болѣе его примѣчаній и разъясненій тѣхъ мѣстъ книги Бехера, которыя могутъ быть неправильно поняти публикою, нежели препирательства, подобныя, напримѣръ, помѣщенному на страницѣ 375 все о томъ же вопросѣ мирнаго или насильственнаго разрѣшенія рабочаго вопроса. Историческій путь доказательствъ, приводимый тутъ г. Ткачевымъ для подтвержденія своего мнѣнія (каждый шагъ впередъ долженъ быть купленъ цѣною человѣческой крови), весьма сомнителенъ и неудаченъ. Формы жизни измѣняются и преобразуются и ходъ жизни можетъ иногда противорѣчить самымъ радикальнымъ теоріямъ. Подобно тому, какъ къ прошедшему исторіи нельзя относиться съ готовыми возрѣвѣніями настоящаго, къ будущему не научно прилагать мѣрку настоящаго. Между тѣмъ, даже современная историческая дѣйствительность иногда выдвигаетъ такого рода факты, какъ почти безкровная революція Испаніи, или вступленіе побѣжденной Австріи на путь либеральныхъ преобразованій. Въ странахъ же, въ которыхъ существуютъ свободныя учрежденія, какъ напр. въ Англии—могутъ въ близкомъ будущемъ возникнуть такія новыя комбинаціи, которыя дальноворкихъ могутъ обратить въ недальновидныхъ и обратно. Примѣчаніями книги Бехера, говоря вообще, бѣдна. Мы совершенно понимаемъ слова г. Ткачева, что обстоятельства не отъ насъ зависящія, дѣлаютъ весьма затруднительнымъ подробныя обсужденія многого, что мы проходимъ здѣсь молчаніемъ», но хотѣли бы, для пользы общества, чтобы многое другое, о чемъ говорить можно, не было обойдено Ткачевымъ, въ замѣчаніяхъ котораго прежде всего бросаются въ глаза читателямъ тайныя опасенія, чтобы они, Боже сохрани, не смѣшали бы его личныхъ взглядовъ съ взглядами Бехера. Таиннымъ образомъ г. Ткачевъ—въ теоріи врагъ всякой конкуренціи, становится въ противорѣчіе съ самимъ собою, вводя въ свои замѣчанія конкуренцію широты взглядовъ въ ущербъ того самаго автора, трудомъ котораго онъ, въ видахъ общественной пользы, все-таки нѣсколько пользуется и въ личномъ смыслѣ.

Изъ нѣсколькихъ словъ, которыя мы уже сказали о книгѣ Бехера (говорить о такихъ книгахъ въ коротенькихъ библиографическихъ рецензіяхъ весьма не удобно; если мы это и дѣлаемъ по поводу «Рабочаго вопроса», то имѣемъ цѣлью только обратить на нее вниманіе публики), читатель увидитъ, что общественное нездоровье Западной Европы, характеризующееся по-

стойно усиливающимся пролетариатомъ, констатировано авторомъ основательно и рационально. Подобно тому же, какъ въ первой части своей книги онъ упрощаетъ социальный вопросъ, сводя его къ рабочему вопросу, въ части своего труда, посвященной разсмотрѣнiю средствъ къ его разрѣшенiю, онъ, слѣдуя учениу Лассала, признаетъ за производительными ассоціаціями полнѣйшую возможность произвести коренное измѣненіе всего современнаго экономическаго строя. Но такъ-какъ практически доказано, что, при существующихъ условіяхъ западно-европейской жизни, возникновеніе производительныхъ ассоціацій въ такомъ значительномъ количествѣ, чтобы онѣ могли повліять на экономическій строй, затруднено до послѣдней возможности и даже едва-ли мыслимо безъ дешеваго кредита для рабочихъ-учредителей ассоціацій, онъ видитъ разрѣшеніе рабочаго вопроса въ предоставленіи этого кредита рабочимъ государствомъ (государственная помощь Лассала), и считаетъ, что для этого достаточно одного государственнаго декрета. На обязанность государства, такимъ образомъ, онъ возлагаетъ и направленіе рабочаго движенія и способствованіе успѣху первыхъ шаговъ производства, которому будетъ предоставлена гарантированная свобода кооперации. Но такъ-какъ дожидаться того времени, когда четвертое сословіе на столько окрѣпнетъ, что достигнетъ нѣтолько значенія въ государствѣ, но даже преобладающаго вліянія (этому непреодолимымъ препятствіемъ служить экономическая его необеспеченность и трудность выхода изъ нея), чтобы оно само могло способствовать появленію этого спасительнаго для себя декрета—небезопасно, а можетъ быть, даже и бесполезно, онъ возлагаетъ свои надежды на монархическую власть. Власть эта, представляя собою, по его мнѣнiю, государственную идею во всей ея чистотѣ и неприкосновенности, и не имѣя необходимости подчиняться стремленіямъ того или другаго класса общества, признанная быть охранительницею интересовъ всѣхъ, можетъ, благодаря независимости и высотѣ своего положенія, пожертвовать частью интересовъ меньшинства для благополучія большинства (нуждающихся въ европейскомъ обществѣ, по Лассалу, представляется около 90 процентовъ). Благополучіе это она можетъ упрочить предоставленіемъ рабочему сословию одинаковыхъ средствъ къ всестороннему развитію и образованію наравнѣ съ другими классами общества, кореннымъ улучшеніемъ формъ быта рабочихъ, введенныхъ въ законодательство и предоставленію имъ необходимыхъ матеріальныхъ средствъ для осуществленія преобладанія кооперативнаго производства.

Важность и разнообразіе всѣхъ этихъ предметовъ, обсужденію которыхъ посвящена большая часть книги Бехера, сдѣлаетъ понятнымъ для читателя, что критическая ихъ оцѣнка — немислима на трехъ-четырехъ страницахъ библиографіи, почему мы, по нашему мнѣнiю, сдѣлаемъ лучше всего, если посоветуемъ читателямъ прочесть самую книгу Бехера, хотя, по личному нашему

миѣнію, съ стороны положительная несравненно слабѣе и поверхностнѣе стороны отрицательной, критической. Оно и понятно, если принять во вниманіе, что исходная точка воззрѣній на возможность рациональнаго разрѣшенія рабочаго вопроса, который придерживается Бекеръ, заимана впервые Лассалемъ въ его «Открытомъ отвѣтѣ» всего какихъ-нибудь 10, 11 лѣтъ тому назадъ.

Разсказы и библиографическіе очерки изъ русской исторіи. Учебникъ для младшаго возраста. Составилъ Александръ Шуфъ. Москва. 1869 г.

Существуетъ миѣніе, что преподаваніе исторіи въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній бесполезно. Говорятъ, исторія — наука трудная, требующая серьезной подготовки, предпологающая, въ учащемся знаніе законовъ природы, знаніе человѣческаго сердца, обширныя свѣдѣнія въ наукѣ о народномъ богатствѣ и другихъ наукахъ. Гдѣ же двѣнадцатилѣтнему ребенку усвоить всю эту мудрость? Сказки же, величественныя разсказами изъ исторіи, даютъ о мѣшущей жизни народовъ неполное и весьма часто ложное понятіе.

Преподаваніе должно развивать умственные силы учащихся. Какія же силы развиваетъ отрывочная передача фактовъ, глупый смыслъ и значеніе которыхъ темны для учащихся? Поймутъ ли, на примѣръ, двѣнадцатилѣтнія дѣти, отчего Москва въ XV вѣкѣ взяла верхъ надъ Новгородомъ, зачѣмъ прикрѣплены были къ землѣ крестьяне на Руси, въ силу какихъ историческихъ условій они освобождены были въ 1861 году? Конечно, не поймутъ. Разсказъ обо всѣхъ этихъ великихъ событіяхъ будетъ для нихъ простою сказкой, смыслъ которой поймутъ они лишь въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ. Если же преподаватель вздумаетъ знакомиить своихъ малолѣтнихъ учениковъ съ философіей исторіи, то-есть съ законами, выраженіемъ которыхъ служатъ факты, то поступитъ еще непрактичнѣе, чѣмъ простой разсказчикъ, ибо внесетъ въ преподаваніе свои собственные тенденціи и взгляды, которыхъ ученики не могутъ провѣрить и даже понять. Полезно ли такое умственное насиліе? Конечно, нѣтъ.

Во всемъ сказанномъ есть своя доля правды. Передача однихъ хронологическихъ данныхъ и соотвѣстныхъ имъ, конечно, ни къ чему не ведетъ; бесвязныя историческія повѣствованія, туманные историко-философскіе взгляды — также. Но разумный и живой историческій разсказъ не можетъ остаться безъ пользы для учащихся. Не даромъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ исторія всегда была «любимымъ предметомъ». Есть что-то чарующее въ серьезной, строгой исторической наукѣ, даже когда она преподается не во всей полнотѣ, дѣтямъ двѣнадцатилѣтнаго возраста. Причину понять не трудно. Исторія — это правда о людяхъ, а ничто человѣческое не должно быть чуждо человѣ-

ку, особенно въ отроческомъ возрастѣ, когда сердце и умъ открыты для всего добраго и прекраснаго.

Если общество желаетъ, чтобы новое поколѣніе состояло изъ честныхъ, правдивыхъ и энергичныхъ людей, то должно позаботиться, чтобы смена всѣхъ лучшихъ доблестей восприняты были этимъ подрастающимъ поколѣніемъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Исторія, особенно же отечественная, есть одно изъ лучшихъ средствъ расширить умственный горизонтъ ребѣнка, усилить въ немъ жажду правды, укрѣпить дѣятельную любовь къ людямъ. Исторія научаетъ ребѣнка * различать въ фактахъ и явленіяхъ человѣческой жизни эфемерное и суетное отъ прочнаго и полезнаго. Благодаря живому историческому знанію, учащійся пойметъ, какъ тѣсно связаны его личные интересы съ интересами окружающей среды, въ какой степени благосостояніе отдельной личности связано съ степенью умственного и нравственнаго развитія всего народа. Хотите, чтобы дѣти ваши были истинными гражданами, полезными работниками, научите ихъ прежде всего отечественной исторіи и исторіи человѣчества.

Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, мы не смутимся тѣмъ, что дѣти, достигшіе всего 12-ти лѣтъ, не усвоятъ себѣ историческаго матеріала во всей его полнотѣ. Будемъ только говорить имъ правду о минувшихъ событіяхъ, о друзьяхъ и врагахъ человѣчества, и можемъ быть увѣрены, что эта правда будетъ способствовать развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ малолѣтняго юношества.

Такъ смотрѣли на это дѣло древніе. Все воспитаніе у древнихъ грековъ основывалось на изученіи поэтическихъ преданій о родной старинѣ. Разказы о троянской войнѣ и о древнихъ герояхъ изучались не ради только ихъ поэтической формы, но главнымъ образомъ ради той правды о великихъ дѣятеляхъ прошедшаго, которая заключалась въ этихъ разказахъ. Илиада и Одиссея, конечно, лучше и вѣрнѣе передаютъ исторію внутренней жизни древнѣйшихъ грековъ, чѣмъ передали бы ее дѣлни радъ хроникъ.

Не менѣе дѣнили и изучали греки историческіе труды Геродота и его даровитыхъ продолжателей; въ лучшую пору своей государственной жизни этотъ народъ отлично зналъ свою исторію. То же можно сказать о всѣхъ дѣйствительно знаменитыхъ историческихъ народахъ.

Знаетъ ли русскій народъ про свое прошлое? Если знаетъ, то очень не твердо. Но когда-то онъ интересовался имъ больше, чѣмъ теперь. Старинныя историческія пѣсни, въ которыхъ съ такою подробностію изображается обстановка древнерусскаго быта, служатъ тому доказательствомъ. Обо всѣхъ замѣчательнѣйшихъ событіяхъ древнѣйшей русской исторіи имѣются народныя правдивыя пѣсни и сказанія. Лишь въ послѣдніе два

* Мы разумѣемъ двѣнадцатилѣтній возрастъ.

вѣка народъ началъ забывать свою исторію. Общенародныя, сохранившіяся до сихъ поръ, преданія о Петрѣ Великомъ и всѣхъ его преемникахъ крайне скудны. Отчего? нельзя сказать, чтобы жизнь русскаго народа въ послѣдніе два вѣка представляла мало интереса; нельзя сказать, чтобы впечатлительность въ народѣ притупилась. Напротивъ, народъ по прежнему чутковъ ко всѣмъ совершающимся предъ его очами великимъ событіямъ. Дѣло въ томъ, что самъ-то онъ сошелъ съ исторической сцены. Со времени окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, народъ является историческимъ дѣятелемъ только во времена великихъ общественныхъ бѣдствій. Официальный міръ рѣзко выдѣлился отъ неофициальнаго, публика (по выраженію Аксакова) отдѣлилась отъ народа и зажила совершенно особенною жизнью. Съ каждымъ десятилѣтіемъ пропасть между этими двумя мірами расширялась болѣе и болѣе. Только крестьянская реформа 1861 года сблизила всѣ сословія и призвала десятки милліоновъ простаго народа къ участию въ общественной дѣятельности. Можно думать, что отнынѣ народъ заживетъ новою, лучшею жизнью и, конечно, сохранитъ свою исторію.

Но начиная новую жизнь, конечно, не мѣшаетъ знать исторію минувшаго, прожитаго. Всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ выработалась крестьянская реформа 1861 года и которые положены въ основу новаго общественнаго строя, суть капиталъ, добытый трудами предковъ нашихъ, результатъ ихъ умственной дѣятельности. Съ другой стороны, начиная новую жизнь, мы встрѣчаемся съ многочисленными трудностями, со многими застарѣлыми общественными недугами. Отечественная исторія, знакомя насъ съ свѣтлыми и темными сторонами прожитой народомъ жизни, знакомя съ личностями не унывавшими, не падавшими въ борьбѣ съ могучимъ зломъ, конечно, укрѣпитъ наши нравственныя силы, поддержитъ животворную вѣру въ свѣтлое будущее родной страны.

Вотъ почему литература и публика радостно привѣтствуютъ всякій серьезный трудъ, цѣль котораго — распространить историческія знанія въ возможно большемъ кругу грамотныхъ людей.

Книга г. Шуфа предназначается для младшаго возраста, именно для дѣтей 12—13 лѣтъ, слѣдовательно, если она удовлетворяетъ своему назначенію, то можетъ служить пособіемъ для сотенъ тысячъ учащаихся въ нашихъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ народныхъ школахъ.

Въ предисловіи къ своему труду г. Шуфъ говоритъ, что русскую исторію должно преподавать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дважды: въ первый разъ съ учениками 12—13 лѣтъ, во второй — съ молодыми людьми 16—17 лѣтъ. Малолѣтнимъ ученикамъ исторію вообще должно излагать въ формѣ біографической и эпизодической, а не въ формѣ краткаго всемірно-историческаго обзорѣнія, состоящаго изъ сухаго перечня голыхъ фактовъ, именъ и чиселъ. Учитель долженъ дать своимъ юнымъ

ученикамъ рядъ отдѣльныхъ законченныхъ образовъ, которые могли бы произвести на нихъ известное впечатлѣніе, возбудить въ нихъ умственную дѣятельность; онъ долженъ въ особенности познакомиться ихъ съ тѣми лицами, которыя были главными дѣятелями историческихъ событій и въ жизни которыхъ отражается характеръ ихъ вѣка и общества.

Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, авторъ считаетъ себя въ правѣ о многихъ неинтересныхъ для дѣтей событіяхъ сказать лишь нѣсколько бѣглыхъ словъ, о нѣкоторыхъ же совершенно умолчать. Авторъ сознаетъ, что исторія, излагаемая такимъ образомъ, не есть наука, а лишь средство развивать силы и способности учениковъ.

Авторъ до известной степени выполнилъ свою задачу. Изложеніе его ясно, доступно дѣтскому возрасту, выборъ матеріала удаченъ; многія историческія личности очерчены весьма живо и вѣрно (особенно Іоаннъ Грозный, Петръ Великій). Содержа въ себѣ одни лишь факты, учебникъ г. Шуфа не навязываетъ ребенку никакихъ предвзятыхъ тенденцій и взглядовъ. Весьма жаль только, что авторъ, желая быть краткимъ, уже слишкомъ скупится на слова, слишкомъ опасается обременить память учащихся. Въ возрастѣ, для котораго назначена его книга, дѣти въ высшей степени любознательны, они требуютъ подробнаго, обстоятельнаго разсказа. Еслибы учебникъ г. Шуфа имѣлъ вдвое большіе размѣры, то и тогда онъ не наскучилъ бы юнымъ читателямъ. Русская исторія такъ богата знаменитыми личностями и событіями, что даровитый разсказчикъ никогда не затруднится въ выборѣ матеріала для дѣтской исторической книги какова бы то ни было объема. Несторова лѣтопись, содержащая въ себѣ такой богатый и совершенно доступный дѣтямъ историческій матеріалъ, уже слишкомъ сокращена авторомъ. Полумножескія преданія о борьбѣ вѣнчанъ съ печенегами во времена Святослава и Владиміра не нашли себѣ мѣста въ разсказѣ г. Шуфа, а объ убіеніи двухъ варяговъ, принесенныхъ народомъ въ жертву языческимъ богамъ, въ княженіе Владиміра, сказано въ общихъ чертахъ, мимоходомъ. У Нестора это событіе разсказано весьма драматично. Жаль также, что авторъ не съ достаточною полнотою обрисовалъ характеръ княжескихъ усобицъ и участіе въ нихъ народа. Лѣтописные разсказы о княженіи Святополка II, объ ослѣпленіи Василья, лѣтописныя и поэтическія сказанія о походѣ Игоря Сѣверскаго нисколько не обременили бы учащихся, а напротивъ, закончили бы характеристику удѣльныхъ отношеній, дѣлаемую авторомъ на стр. 19—20. Лѣтописнымъ разсказомъ о псковскомъ взятіи авторъ также не воспользовался.

Но болѣе всего г. Шуфъ скупится на слова въ разсказахъ о новѣйшей исторіи. О непосредственныхъ преемникахъ Петра Великаго сказано лишь нѣсколько бѣглыхъ словъ, а между тѣмъ исторія этого времени, времени возвышенія и паденія многихъ замѣчательныхъ личностей, полна интереса. О матеріальныхъ и

моральныхъ условіяхъ народнаго быта въ XVIII вѣгѣ сказано мало, о Ломоносовѣ—ни слова. Говора о царствованіи Екатерины II, авторъ подробно передаетъ біографіи замѣчательнѣйшихъ полководцевъ ея времени, но не упоминаетъ о такихъ личностяхъ, какъ Бецкій, Новиковъ. Въ исторіи Александра I не дано мѣста ни Лагарпу, ни Сперанскому, ни другимъ замѣчательнымъ сподвижникамъ Александра въ первые годы его царствованія.

Авторъ старался быть краткимъ потому, вѣроятно, что надѣялся на пособіе учителя, который долженъ объяснить намеки учебника и дополнить его пробѣлы. Но намъ думается, что подробный историческій рассказъ—лишь бы онъ былъ ясенъ и живъ—принесетъ и при даровитомъ и при плохомъ учителѣ гораздо большую пользу дѣтямъ, чѣмъ краткій. Чѣмъ подробнѣе рассказаны въ учебникѣ историческіе факты, тѣмъ (при остальныхъ равныхъ условіяхъ) больше учащіеся могутъ сдѣлать сближеній и сравненій, чего желаетъ авторъ, какъ видно изъ его предисловія (стр. X). По нашему мнѣнію, гораздо короче, въ фактическомъ отношеніи, можетъ быть изложено учебникъ для молодыхъ людей 16—17-лѣтнаго возраста, которые сами могутъ, въ случаѣ нужн, справиться гдѣ-нибудь о подробностяхъ того или другаго событія. Къ тому же, авторъ предназначаетъ свой учебникъ, вѣроятно, не для однѣхъ гимназій, а также и для низшихъ и народныхъ школъ, гдѣ не всегда встрѣчаются очень свѣдующіе преподаватели.

Г. Шуфъ ведетъ рассказъ свой спокойно, безъ гнѣва и страстія къ какому бы то ни было личностямъ. Но и въ этомъ отношеніи иногда онъ впадаетъ въ крайность. Признавая весьма важнымъ драматическій элементъ въ преподаваніи исторіи малолѣтнему юношеству (предисловіе, стр. VI), авторъ весьма неохотно говоритъ о печальныхъ событіяхъ родной исторіи, нѣкоторыя же изъ нихъ совершенно опускаетъ. Думается намъ, въ этомъ нѣтъ надобности. Не до такой же степени слабонервы двѣнадцатилѣтніа дѣти, чтобы имъ повредило описаніе (по лѣтописи) смерти Бориса и Глѣба, печальной участи Василька, несчастій Пскова и Нѣвгорода, не повредило бы и болѣе подробное чѣмъ у автора изображеніе нѣкоторыхъ несправедливостей Іоанна Грознаго и семейныхъ несчастій Петра I. Если авторъ опасается, чтобы изображеніе темныхъ сторонъ великихъ историческихъ личностей не заслонило въ воображеніи дѣтей ихъ свѣтлыя стороны, то опасенія его напрасны. Правдивое и подробное изложеніе историческихъ фактовъ есть лучшее средство развить въ учащихся духъ терпимости, снисхожденія къ недостаткамъ какъ живыхъ, такъ и отжившихъ людей. Великія личности не нуждаются въ снисходительномъ повѣствованіи о себѣ, а въ строгомъ и правдивомъ. Такой государь, какъ Пётръ Великій, который полагалъ всю славу свою въ томъ, что онъ «по приказу Вожию къ праотцу Адаму, въ потѣ лица ѣлъ хлѣбъ

свой», государь, который забывает свои личные интересы для блага родной страны, не нуждается в томъ, чтобы изъ снисходительности умалчивалъ историкъ о тѣхъ изъ его дѣйствій, которыя во второй половинѣ XIX вѣка кажутся слишкомъ крупными. Вотъ почему нельзя не пожалѣть, что такъ кратко описана у автора борьба Петра съ стрѣльцами, съ Софьей, съ собственнымъ сыномъ и со всѣми приверженцами царевича (стр. 105 и 106).

За всѣми тѣмъ, книга г. Шуфа представляетъ собою отрадное явленіе въ русской педагогической литературѣ. На 129 страницахъ очень убористой печати разсказано столько замѣчательныхъ событій, изображено столько замѣчательныхъ личностей, словомъ, сказано столько дѣла, что трудъ этотъ много можетъ способствовать успѣхамъ преподаванія отечественной исторіи въ младшихъ классахъ нашихъ учебныхъ заведеній.

Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса. М. Н. Галкина. С.-Петербургъ. 1868 г.

Книга г. Галкина издана по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуева, и для изученія ея предмета авторъ даже былъ командированъ за границу вмѣстѣ съ А. В. Пассекомъ, умершимъ въ этой поѣздкѣ, но успѣвшимъ до своей смерти составить общій «проектъ преобразованія тюремъ» въ Россіи, изданный въ 1867 году, — но въ сущности она составляетъ весьма скудный матеріалъ для изученія тюремнаго вопроса. Составлена она изъ небольшихъ отдѣльныхъ статей, уже напечатанныхъ въ разное время въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Сѣверной Почтѣ». Большая часть изъ нихъ посвящена, такъ сказать, формальному описанію гражданскихъ тюремъ и земледѣльской колоніи Метрѣ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ во Франціи, исправительной тюрьмы въ Лозаннѣ и тюрьмы, вновь устроенной для приговоренныхъ къ аресту и заключенію по приговорамъ мировыхъ и другихъ судовъ въ Петербургѣ. Общій взглядъ автора на тюремный вопросъ изложенъ такъ кратко и поверхностно въ находящемся въ началѣ книгѣ «обозрѣніи состоянія тюремнаго вопроса въ Западной Европѣ», что по немъ нельзя судить ни о личныхъ убѣжденіяхъ въ этомъ дѣлѣ г. Галкина, ни о степени его знакомства съ тѣми послѣдними выводами нравственныхъ и социальныхъ наукъ, которые, какъ напримѣръ, уголовная статистика, совершенно видоизмѣняютъ вопросъ о тюрьмахъ и дѣлаютъ тѣ взгляды на пенитенціарную систему вообще, которые еще недавно признавались справедливыми и раціональными, — узкими и односторонними. Положимъ, г. Галкинъ можетъ привести въ свое оправданіе, что нравственная статистика вообще наука еще молодая, что ея выводы еще не оцѣнили и не признаны официально (или, что то же, не введены въ тюремную практику) еще ни въ одномъ изъ западныхъ государствъ, и что, составляя какъ бы

практическую записку или дѣловой докладъ о состояніи европейскихъ тюремъ въ видахъ осуществляющагося у насъ начала тюремной реформы, онъ считалъ полезнѣе для дѣла подробную передачу малѣйшихъ частныхъ въ механизмѣ тюремнаго управленія, нежели теоретическія соображенія о тюремномъ вопросѣ — послѣднія вѣдь, чего боже сохрани, могутъ навести мысль и на ту критическую точку зрѣнія, съ которой все стройное, по своей внѣшности, зданіе системы тюремнаго исправленія (замѣтимъ отъ себя, захватившее въ свое построеніе не мало элементовъ системы устрашенія), если и не разрушится окончательно, то значительно потерпитъ въ своей красотѣ и благолѣпіи. Но, увы, мы живемъ въ такое время, когда и въ дѣловыхъ и, такъ сказать, служебныхъ изслѣдованіяхъ, необходимо сообразоваться съ требованіями науки, и заготовляя *материалы* для тюремнаго вопроса, нельзя игнорировать, если не желаешь впасть въ узкую односторонность, всей массы фактовъ, говорящихъ противъ разныхъ существующихъ совершенствъ, и предохраняющихъ отъ слишкомъ горячаго увлеченія ими и отъ слишкомъ раболѣпнаго передъ ними поклоненія. А вѣдь не съ вѣтру же возникли всѣ обвиненія противъ теоріи исправленія, и всѣ осужденія основанной на ней пенитенціарной системы. Недаромъ вѣдь даже въ средѣ криминалистовъ раздаются голоса, обвиняющіе эту систему въ ханжествѣ, лицемеріи, фальши, грубѣйшемъ эгоизмѣ и утонченнѣйшей безчеловѣчности. Можно не раздѣлять такихъ взглядовъ, но не указать на нихъ, не привести противъ нихъ посильныхъ опроверженій, въ современномъ изложеніи тюремнаго вопроса, важность и значеніе котораго такъ очевидно для каждаго, что мы не считаемъ даже нужнымъ объ этомъ распространяться, — значитъ, или слишкомъ поверхностно отнестись къ своему дѣлу, или выказать презрѣніе ко всякой человѣческой мысли, если она не имѣетъ гдѣ-либо официальной санкціи. Такъ, изъ книги г. Галкина нельзя даже вывести, какой изъ вышѣ существующихъ тюремно-исправительныхъ системъ авторъ отдаетъ преимущество. Какую бы тюрьму онъ ни описывалъ: петербургскую или лозанскую, о какихъ бы ни упоминалъ, о брухсальской или моабитской, устроенной королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV «по самой строгой велейной системѣ», читателю кажется невольно, что всѣ онѣ одинаково нравятся г. Галкину. Вообще авторъ, кажется, только противъ тюремъ стараго устройства, необходимость реформы которыхъ признана у насъ самимъ правительствомъ, но за то всякія исправительныя системы, будь то пенсильванская (одиночнаго заключенія), оборнская (велейное заключеніе съ общими мастерскими), или ирландская (видонзмѣненіе и той и другой съ условнымъ освобожденіемъ), кажутся ему для насъ одинаково пригодными. Такъ, ему, очевидно, непріятно, что нѣкоторые ученые одобряютъ ирландскую систему, при которой заключенныхъ выпускаютъ изъ тюрьмы не прямо на свободу, но въ осо-

был *переходный заведеніи*, откуда онъ все-таки иногда получаетъ только *условную свободу* — своего рода чистялицу. Одинъ путешествовавшій врачъ-нѣмецъ даже, такимъ образомъ, отъ названія этихъ заведеній «purgatory of prisoners», прозвалъ всю систему: «das purgatorische System». «Если въ названіи этомъ — замѣчается г. Галкинъ — скрывается насмѣшка, то она незаслужена, такъ-какъ *ирландская система вполне оправдала себя достигнутыми ею результатами*». Такъ, говоря и объ общихъ первоначальныхъ системахъ, пенсильванской и оборнской, нѣсколько видоизмѣненныхъ послѣдствіи, по указаніямъ опыта, г. Галкинъ говоритъ: «При всѣхъ объясненныхъ перемѣнахъ и при пробномъ, такъ сказать, развитіи каждой изъ приведенныхъ системъ, *они отъ успѣли, по истеченіи нѣкотораго времени, оказать благотворное вліяніе, уменьшеніемъ числа преступленій*», хотя не подкрѣпляетъ этого своего положенія никакими цифрами, также какъ и умалчиваетъ о результатахъ системы ирландской.

Говоря вообще, книга г. Галкина затрогиваетъ такой жгучій вопросъ, что по поводу ея необходимо было бы поговорить обстоятельно, долго и много; но такъ-какъ въ библиографической замѣткѣ сіе невозможно, то, чтобъ выяснитъ передъ читателемъ, чтó это собственно за книга, коснемся хотя которой-нибудь ея стороны. Возьмемъ для этого хотя то мѣсто ея, гдѣ говорится о весьма важномъ предметѣ, о сравненіи одиначнаго заключенія съ другими его видами. Показавъ особою таблицею, что въ Европѣ изъ всѣхъ видовъ заключенія наиболѣе распространены системы пенсильванская и оборнская, г. Галкинъ говоритъ:

«Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ видно, первая система проводится во всей исключительности; въ большинствѣ же пополниютъ онѣ одна другую. Объ относительномъ достоинствѣ каждой изъ этихъ системъ были изложены и высказаны, на бывшихъ специальныхъ конгрессахъ, многочисленныя мнѣнія, причемъ одни условіями первой системы исключали всякую возможность второй; другіе же, напротивъ, допускали удобства и пользу сліанію ихъ. Связанныя мнѣнія о достоинствахъ и недостаткахъ приведенныхъ системъ могутъ быть выражены въ слѣдующихъ общихъ (*не въ слишкомъ ли общихъ?*) чертахъ:

«Система одиначнаго заключенія, по мнѣнію защитниковъ ея, представляетъ единственное средство дѣйствовать на заключеннаго *съ необходимою силою*, для того, чтобы онъ созналъ свою виновность (а между тѣмъ, какъ мы увидимъ дальше, наши разработыватели тюремнаго вопроса, между прочимъ, г. Пассежъ и благоговѣющій передъ нимъ г. Галкинъ, нашли необходимымъ ввести его у насъ не только для всѣхъ подсудимыхъ, но и для послѣдственныхъ арестантовъ, *виновность* которыхъ можетъ быть присяжными отвергнута), раскаялся въ проступкѣ и получилъ склонность къ добру. Безусловное одиначное заключеніе предотвращаетъ вредное послѣдствіе сообщества между арестантами,

влекущее за собою, ббльшею частью, повтореніе преступленій (отчего же мнѣніе о значительномъ количествѣ рецидивистовъ, выносившихъ одиночное заключеніе, такъ распространено между уголовными статистиками, которые еще увѣряютъ, что повторенныя преступленія такихъ преступниковъ отличаются неимоверною жестокостію и неистовствомъ?). Что же касается до классификаціи арестантовъ, распредѣленія ихъ сообразно съ ихъ вравственности, то, между прочимъ, Кроуфертъ и другіе ученые не признаютъ ее возможною (?), и самая мѣра эта служитъ имъ поводомъ къ подтвержденію раціональности безусловнаго одиночнаго заключенія. Вообще же, по поводу размѣщенія арестантовъ по роду преступленій, признается не совсѣмъ удобнѣмъ сопоставленіе лицъ одинаковыхъ наклонностей, напримѣръ воровъ съ ворамъ и т. д. *(но зчѣмъ же не взять какого нибудь болѣе раціональнаго основанія при размѣщеніи арестантовъ?)* такъ-какъ, понимая болѣе другъ друга (?), они, при подобномъ сообществѣ, только поучаются взаимными разсказами.

«Между тѣмъ, противники системы безусловнаго одиночнаго заключенія приводятъ, въ оправданіе свое (какъ хороша эта фраза, въ несочувствіи къ одиночному заключенію, по мнѣнію г. Галкина, слѣдуетъ оправдываться!), слѣдующіе доводы: наказаніе никогда не должно соединять въ себѣ болѣе страданія, чѣмъ сколько нужно для достиженія предполагаемой закономъ цѣли. (Еще бы!). Безусловное же одиночное заключеніе, по характеру своему, совершенно противно общимъ свойствамъ человѣческой природы (а то какъ же?, и не только человѣческой, а и животной природы; самыя звѣря бѣгаютъ въ клеткахъ звѣринцевъ), почему и должно прибѣгать къ нему только тогда, когда всякое другое средство было бы недостаточно для достиженія цѣли правосудія (при чемъ, конечно, всякое чувство любви къ ближнему и гуманности, какими прикрывается исправительная система одиночнаго заключенія — должны бытъ оставлены въ сторонѣ). Но если принятіе этой мѣры бесполезно противъ отдѣльныхъ личностей, то нѣтъ никакого основанія оправдывать законность и необходимость ея, какъ общей мѣры для всѣхъ, подвергаемыхъ тюремному содержанію. Примѣняемое къ большинству заключенныхъ, одиночное заключеніе производитъ результаты, совершенно противоположныя предполагаемымъ, и возбуждаетъ въ заключенномъ чувство раздраженія или отчаянія. Изъ статистическихъ свѣдѣній (наконецъ-то) видно, что система эта имѣетъ гибельное вліяніе на физическія и умственные силы нѣкоторыхъ арестантовъ (всѣхъ: угнетенное состояніе духа, почти полное отсутствіе движенія, спертый воздухъ и т. д. — вовсе не такіе шуточные стимулы, чтобы не могли подорвать самаго крѣпкаго организма, хотя разрушеніе его, неизбѣжное при одиночномъ заключеніи, идетъ у однихъ быстрѣе, у другихъ медленнѣе; что же касается умственныхъ силъ, то и онѣ для того даже, чтобы поддерживаться на одинаковомъ уровнѣ, требуютъ дѣятельности,

какъ непремѣннаго условія). Притомъ, одиночное заключеніе неравномѣрно дѣйствуетъ на заключенныхъ: арестанты флегматическаго темперамента (не вѣрнѣ ли—подходящіе къ типу идіотовъ?) выносятъ одиночество легко, а люди сильнаго сложения и энергическаго характера приходятъ отъ него въ крайнее раздраженіе, переходящее иногда въ помѣшательство; люди же пылкіе и сладострастные пользуются одиночествомъ для удовольствія тайнымъ порокамъ. Подобное заключеніе сопряжено еще съ болѣшими затрудненіями относительно надзора за арестантами и религіознаго ихъ наставленія. Тюремное начальство и духовныя лица, не имѣя возможности оставаться долгое время у каждаго изъ арестантовъ, появляются въ ихъ кельяхъ лишь на нѣсколько минутъ и затѣмъ на все остальное время арестантъ предоставляется самому себѣ. Одиночное заключеніе не позволяетъ употреблять съ полною пользою время заключенныхъ, потому что труднѣе принскать для каждаго изъ арестантовъ то именно занятіе, въ которомъ имѣеть онъ наиболѣе наклонности и которое можетъ быть выполнено въ тѣсныхъ предѣлахъ одиночной келии. Еще болѣе затруднительнымъ представляется обученіе арестантовъ, незнакомыхъ ни съ какимъ ремесломъ; въ такомъ случаѣ, для каждаго изъ заключенныхъ требовался бы особый учитель, что было бы несообразно ни со средствами заведенія, ни съ основною мыслью одиночнаго заключенія (проще и безхитростнѣе — само по себѣ несообразно). Послѣднее имѣеть и то неудобство, что при немъ не представляется возможности отличить арестантовъ хорошаго поведенія отъ арестантовъ дурныхъ, или менѣе хорошихъ наклонностей, такъ-какъ арестантъ дѣлаетъ день и дѣлаетъ ночь находится одинъ въ своей келии. Одиночное заключеніе вообще подавляетъ всѣ физическія и умственныя способности заключеннаго (а!), доводитъ его до апатіи, отучаетъ отъ труда и возвращаетъ въ общество мало способнымъ въ дѣятельности».

«Въ свою очередь—продолжаетъ г. Галкинъ, даже безъ очереди, потому что о сторонникахъ одиночнаго заключенія, онъ, какъ видать читателя, уже говорилъ—защитники безусловнаго одиночнаго заключенія, въ томъ числѣ де-Бомонъ, Товвилъ, Юліусъ, Дюпюетью и мн. др., приводятъ въ подтвержденіе своего мнѣнія слѣдующія основанія: одиночное заключеніе не имѣеть въ себѣ тѣхъ жестовыхъ свойствъ наказанія, какія находятъ въ немъ Миттермайеръ и его послѣдователи. Настоящее средство исправленія придумано сектою квакеровъ, извѣстною своими человеколюбивыми наклонностями. (Хорошо доказательство для гололового мнѣнія, только что приведеннаго авторомъ! какъ будто человеколюбивые люди не придумывали порою самыхъ безчеловѣчныхъ жестокостей, какъ, наприимѣръ, хотъ тотъ сантиментальный англійскій эконоимстъ, о которомъ упоминаетъ Прудонъ въ своихъ «Противорѣчіяхъ», совѣтовавшій построить въ центрѣ Лондона кладбище и хоронить на немъ въ видахъ уни-

чтоженіи пролетаріата, въ теченіи извѣстнаго времени, всѣхъ новорожденныхъ, которыхъ *ad hoc*, разумѣется, предварительно слѣдовало убивать. Да и сами квакеры, полагающіе, что вся задача людей состоитъ въ отрѣшеніи отъ грѣховнаго міра и въ одинокомъ, молчаливомъ самосозерцаніи, развѣ при первомъ изобрѣтеніи пенсильванской системы, не придали ей, какъ упоминаетъ самъ г. Галкинъ, такой ужасающій характеръ, что она, на практикѣ, безъ значительныхъ смягченій, не могла даже удержаться). Не одиночное заключеніе, само по себѣ, а одиночное заключеніе, *слишкомъ долго* продолжающееся, съ неумѣренной строгостью примѣняемое, можетъ имѣть болѣе или менѣе вредное вліяніе на подвергаемыхъ оному. (Увы! минуты и часы преступниковъ сколько нибудь развитыхъ, тянутся несказанно долго. Принятый Европою срокъ кратковременнаго заключенія отъ восьми, девяти мѣсяцевъ до года, съ человѣчной точки зрѣнія, никакъ не можетъ быть принятъ за безвредный для несчастныхъ, ему подвергающихся). Для заключенныхъ же, не утратившихъ нравственности, представляется оно нѣкотораго рода *утѣшеніемъ* (!!!) и убѣжищемъ, ограждающимъ ихъ отъ столкновенія съ развратнымъ обществомъ. (Намъ вѣжета, что такимъ уже, крайне лицемѣрнымъ мнѣніемъ авторитетовъ, г. Галкину просто слѣдовало бы пренебречь. Хорошо утѣшеніе!). Одни желаютъ одиночества и просятъ о немъ, какъ о милости, другіе его боятся—что однаково хорошо (для кого только?). Вообще, одиночное заключеніе потому и заслуживаетъ вниманія, что при примѣненіи его дѣйствуетъ вмѣстѣ утѣшеніе и исправленіе, а слѣдовательно, достигаются вмѣ двѣ наиглавнѣйшія цѣли тюремнаго содержанія; оно же даетъ единственную возможность воспрепятствовать пагубнымъ сношеніямъ между арестантами. (Другими словами, оно удобно въ административно-тюремномъ отношеніи, но производитъ совершенную путаницу понятій, соединяя исправленіе и утѣшеніе, а между тѣмъ, послѣдняго слова не позволяетъ себѣ употребить ни одинъ послѣдовательный сторонникъ гуманной по внѣшности, жестокой по своей сущности «системы исправленія»). Особенной трудности въ надзорѣ, при этомъ, не замѣчается, потому что дѣйствительность надзора состоитъ не столько въ постоянномъ присутствіи сторожей, сколько въ возможности удостовѣриться (вѣряться?) внезапно и разновременно въ томъ, что происходитъ въ кельяхъ, занимаемыхъ арестантами. Напротивъ, система эта требуетъ наименьшаго числа надсмотрщиковъ. Къ тому же, она не нуждается въ тѣхъ средствахъ надзора, какія необходимы (?) при системѣ общихъ работъ, какъ, на примѣръ, устанавливаемое между арестантами шпіонство. По свидѣтельству практиковъ, только первыя впечатлѣнія одиночества сильно дѣйствуютъ на заключеннаго (?); но какъ скоро онъ переживетъ первое чувство и, движимый мученіями совѣсти, обратится къ труду, то съ этого времени можно считать арестанта окончательно обратившимся на путь

исправленіи. Вся дисциплина заключается въ самомъ фактѣ одиночества, другихъ же дисциплинарныхъ взысканій почти не нужно. Система эта, хотя и сопряжена съ большими издержками, по отношенію собственно къ устройству тюремъ, но разъ установленная, она поддерживается сама собою и требуетъ сравнительно менѣе постоянного расхода. Въ занатіи арестантовъ, правда, болѣе затрудненій, но они, какъ показываетъ опытъ, преодолеваются съ полнѣйшимъ успѣхомъ. На замѣчанія же, что система одиночнаго содержанія представляется выраженіемъ грубой матеріальной силы, защитники этой системы отвѣчаютъ напоминаніемъ о цѣли такого заключенія в средствахъ къ ея достиженію (то-есть, отвѣчаютъ не на вопросъ). Цѣль эта *исключительно* нравственная (едва-ли, какъ это очевидно изъ словъ самого г. Галкина), средства же согласованы съ самымъ просвѣщеннымъ человѣколюбіемъ (?!). Если одиночная система уединяетъ арестанта, то это дѣлается съ тѣмъ, чтобы предохранить его отъ развращенія, которое ему угрожаетъ при общемъ содержаніи (это тоже, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько лицемѣрно, почему же не помѣщать въ кельи по два и по три человѣка, что было бы уже, конечно, безъ сравненія гуманнѣе?) и удалять его отъ соблазновъ, противъ которыхъ онъ не могъ бы устоять, чего при оборнской системѣ нѣтъ и нельзя достигнуть. Къ тому, при кратковременности заключенія, одиночество положительно предохраняетъ отъ сговоровъ на новыя преступныя дѣйствія, и тѣмъ предотвращаетъ увеличеніе числа рецидивистовъ (это: *къ тому*—весьма характеристично, потому что откровенно).

«Вообще, источникъ порицаній этой системы—замѣчаютъ ея защитники—заключается въ томъ, что противники разъединенія преступниковъ основываютъ свои взгляды на отдѣльныхъ недостаткахъ теперешняго положенія системы и воображаютъ, что ее нельзя улучшить, тогда какъ дѣйствительные знатоки дѣла и наиболѣе компетентные люди признаютъ одиночное заключеніе лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы исправить нѣкоторыхъ преступниковъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, уменьшить испорченность другихъ, и чтобы всѣхъ заключенныхъ одинаково предотвратить отъ взаимной заразы. Затѣмъ, собственно противъ оборнской системы, приводятъ, что она представляетъ слѣдующія неудобства: вредныя послѣдствія каждодневныхъ сношеній заключенныхъ между собою, посредствомъ разнаго рода знаковъ; опасность для общества отъ образующагося въ тюрьмѣ знакомства преступниковъ по ихъ выпускѣ (возбужденіе *лицемѣрія*, при желаніи нарушить запрещеніе говорить; произволъ надзирателей при наложеніи и выполненіи взысканій; гибельная *необходимость* для *нравственности* выбирать шпионовъ; наконецъ, главнѣйшее условіе оборнской системы—принципъ молчанія при общахъ работахъ—считается на практикѣ недостижимымъ, число же наказаній за нарушеніе молчанія доходитъ до громадныхъ размѣ-

ровъ; но чѣмъ болѣе такихъ наказаній употреблется въ дѣло, тѣмъ менѣе можно надѣяться на успѣшное исправленіе заключенныхъ; при общихъ же работахъ, внѣ стѣнъ тюрьмы, приведенное условіе совершенно невыполнимо.

Изъ всей этой голословной аргументаціи, управляющей преимущественно на «знаніи дѣла и компетентности лицъ», извѣстныхъ одному г. Галкину, и доказывающей состоятельность одиночнаго заключенія несостоятельностью оборвской системы (впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ своей книги г. Галкинъ не однажды восхваляетъ и ее), читатель, незнакомый съ тюремнымъ дѣломъ и выводами уголовной статистики, едва-ли извлечетъ какое нибудь опредѣленное мнѣніе. Но онъ все-таки вправѣ спросить г. Галкина: какъ же вы-то лично думаете? къ какому выводу сами вы приходите?

На это авторъ отвѣчаетъ съ лавонизмомъ, поистинѣ изумительнымъ:

«Таковы противоположныя мнѣнія, которыя *столь резко* расходятся въ теоріи, но, какъ объяснено выше, примираются практикою въ значительной степени», т.-е. другими словами: на практикѣ все хорошо, какъ ни дѣйствуя, ладно, живетъ и такъ, какъ случается. Но при такомъ взглядѣ на дѣло для чего, спрашивается, изучать предметъ, быть командруемымъ для этого за границу, сочинять книги, доклады и т. д.?

Не таковы были взгляды на тюремное дѣло сотоварища г. Галкина, А. В. Пассека, командированнаго за границу, «почти одновременно съ нами», какъ выражается г. Галкинъ. Статья послѣдняго, помѣщенная въ «Матеріалахъ» и посвященная разбору «Проекта преобразованія тюремъ Пассека», показываетъ, что покойный вслѣдователь тюремнаго вопроса былъ несравненно энергичнѣе самаго г. Галкина, хотя, повидимому, онъ и увлекался черезъ край ученіемъ Крофтона и *уничтоженіемъ съ преступникъ злой воли*. Такой взглядъ, если и подлежитъ значительному сомнѣнію, съ точки зрѣнія новѣйшей разработки социологіи и нравственной статистики, за то, по крайней мѣрѣ, отличается своей опредѣленностью. Покойный авторъ проекта изучалъ постепенное развитіе и настоящее положеніе тюремнаго дѣла въ Западной Европѣ, принявъ за основныя начала для своихъ дальнѣйшихъ выводовъ слѣдующія четыре положенія:

- 1) Необходимость одиночнаго содержанія для подслѣдственныхъ и подсудимыхъ.
- 2) Одиночное содержаніе осужденныхъ на краткіе сроки.
- 3) Необходимость нѣкотораго времени одиночнаго содержанія въ началѣ заключенія, при долгосрочныхъ наказаніяхъ.

и 4) Участіе всего общества въ дѣлѣ исправительной системы, заключающаеся въ устройствѣ покровительственныхъ обществъ для освобожденныхъ.

Въ этомъ проектѣ, говоря настоящимъ словомъ, *жестокость* двухъ первыхъ положеній вытѣсняется гуманностью, положенною

въ основаніе двухъ послѣднихъ, но чѣмъ и какъ можетъ выкупиться безцвѣтность доклада г. Галкина — мы рѣшительно недоумѣваемъ.

Русскія сказки Н. Ахшарумова, съ рисунками для дѣтей. Спб. 1869.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что сказочный элементъ, доселѣ господствовавшій въ дѣтскомъ чтеніи, долженъ быть вовсе устраненъ изъ него, какъ немиѣющій строгаго отношенія къ дѣйствительности и, слѣдовательно, безъ пользы раздражающій и безъ того всегда сильно возбужденное воображеніе дѣтей. Предлагаютъ сказочный элементъ замѣнить научнымъ, который даетъ ребенку понятіе не о мнимой и фантастической средѣ, а о средѣ дѣйствительной, въ которой онъ живетъ и которая современемъ сдѣлается поприщемъ его осмысленной дѣятельности.

Г. Ахшарумовъ не принадлежитъ къ сторонникамъ этого мнѣнія. Вопервыхъ, говоритъ онъ, педагоги «забываютъ, какъ тѣснѣе удѣлъ положительныхъ свѣдѣній въ головѣ у ребенка, и какъ мало доступенъ ему матеріалъ представленій, патентованныхъ наукою». «Въ реальномъ міровоззрѣніи ребенка, — продолжаетъ почтенный авторъ, — слишкомъ много пробѣловъ, которые нужно же чѣмъ нибудь пополнить». Чѣмъ же пополнить? спрашиваетъ себя авторъ. Ужели «пустыми квартирами мышленія (такъ называетъ онъ логическія абстракціи и алгебраическія формулы), ожидающими отъ опыта и науки какихъ-то будущихъ, неизвѣстныхъ жильцовъ?» Вотъ вторыхъ, по мнѣнію автора, «если воображеніе у дѣтей до того перевѣшиваетъ разсудокъ, что они, за недостаткомъ готовыхъ сказокъ, сами ихъ выдумываютъ», то изъ этого слѣдуетъ, что потребность сказки есть потребность законная и, такъ сказать, органическая, которую слѣдуетъ удовлетворить, и именно сказкою готовою, которая и связнѣе, и толковѣе, и ближе къ дѣйствительности, нежели тѣ отрывочные фантастическіе образы, которые онъ самъ себѣ сочиняетъ. Третьихъ, наконецъ, авторъ полагаетъ, что ребенокъ встрѣчается въ сказкѣ лицомъ къ лицу съ народомъ, слышитъ его меткую, бойкую рѣчь, знакомится съ его «кореннымъ, самобытнымъ, ни у кого не заимствованнымъ міровоззрѣніемъ», о чемъ, конечно, онъ не узнаетъ ни «на чужонскихъ дачахъ, гдѣ онъ проводитъ лѣто, ни въ бесѣдахъ съ извозчиками или лакеями».

Вотъ основныя положенія, которыя г. Ахшарумовъ развиваетъ въ предисловіи къ изданной имъ книгѣ. Сверхъ того, онъ возражаетъ еще противъ того, что сказки не всегда нравственны по своему содержанію, и что онѣ, содержа въ себѣ рассказы о небывалыхъ личностяхъ и происшествіяхъ, развиваютъ въ дѣтяхъ суевѣріе.

Что въ мышленіи ребенка замѣчаются извѣстныя пробѣлы — изъ этого, конечно, нельзя не согласиться, но не слѣдуетъ за-

бывать, что пробѣды такого рода представляетъ намъ не только исторія развитія отдѣльной человѣческой личности, но и исторія развитія каждаго общества, каждой науки. Общество, рассматриваемое какъ развивающійся организмъ, также не сразу овладѣваетъ всею массою знаній, и также пополняетъ недостающее вымысломъ, который, не замѣняя дѣйствительнаго знанія, до известной степени помогаетъ примириться съ недостаткомъ его. Но такого рода пополненія — всегда вынужденныя, и обходятся обществу не дешево. Не потому оно прибѣгаетъ къ нимъ, чтобы вымыселъ былъ однозначущъ знанію и могъ удовлетворять наравнѣ съ нимъ, а потому, что ничего другаго сдѣлать не можетъ, какъ замѣнить ту истину, которой не знаетъ, но отсутствіе которой чувствуетъ, истинною приблизительною. Въ особенности же настоятельна оказывается потребность подобныхъ замѣнъ при обобщеніяхъ, при отыскиваніи связи между явленіями и феноменами, стоящими отдѣльно и, повидимому, живущими совершенно независимо другъ отъ друга. Такъ-какъ эти обобщенія составляютъ послѣднее слово науки, то понятно, что они всего болѣе подвергаются внимательству тѣхъ полупустинь, о которыхъ говорено выше. Но повторяемъ: общество прибѣгаетъ къ полупустынямъ не добровольно, а потому только, что не видятъ для себя другаго исхода. Въ такомъ же точно видѣ представляется намъ и постепенное развитіе всякой науки, которое, въ сущности, есть не что иное, какъ выраженіе развитія самаго общества. Химія была алхіміей, астрономія — астрологіей; мы видѣли меркантилистовъ, физиократовъ, эконоμισстовъ, а можемъ ли утверждать положительно, что экономическая наука, какъ наука, существуетъ?

Но если общество и наука замѣняютъ истину догадкою и вымысломъ только по необходимости, то было бы совершенно противно требованіямъ здраваго разсудка относительно дѣтей руководиться въ этомъ случаѣ другими какими-либо законами, кромѣ закона той же необходимости. Организмъ ребенка такой же точно организмъ, какъ и организмъ взрослога человѣка, и потому ему нужна не какая нибудь иная истина, а та именно, какая нужна и взрослому человѣку. Намъ скажутъ, конечно, что организмъ ребенка еще не достигъ всего своего развитія — это, конечно, такъ, но вѣдь и знанія самыя полныя, самыя сложныя всегда имѣютъ исходною точкою истину простую, доступную для самаго незатѣдливаго пониманія. Польза участія логическихъ абстракцій и алгебраическихъ формулъ въ дѣлѣ развитія ребенка представляется въ настоящее время спорною, но едва-ли не потому только, что спорность эта находится въ зависимости отъ формъ и методовъ, съ помощью которыхъ упомянутыя абстракція и формулы предлагаются пониманію дѣтей. Во всякомъ случаѣ, ежели это даже только «квартиры, ожидающія будущихъ жильцовъ отъ науки и опыта», то все-таки гораздо полезнѣе имѣть квартиры

для порядочныхъ жильцовъ, нежели квартиры, въ которыхъ жильцами явятся призраки.

Но, возразить намъ, вы забываете, что у дѣтей воображеніе перевѣшиваетъ разсудокъ, что эта преобладающая стихія дѣтской жизни ищетъ себѣ пищи самостоятельно, независимо отъ какихъ-либо поощреній или запрещеній. Дѣйствительно, при современныхъ приемахъ воспитанія, нельзя не признать справедливости этого замѣчанія; но гдѣ же научныя доказательства того, что преобладаніе фантазіи въ кругу прочихъ умственныхъ отправленій ребенка есть явленіе нормальное, необходимое, фаталистическое? Повидимому, такихъ доказательствъ еще не представлено, и убѣжденіе о преобладаніи воображенія выведено едва-ли не путемъ эмпирическимъ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ простое, ничѣмъ не повѣренное, наблюденіе.

За немногими исключеніями, наше обычное воспитаніе дѣтей сложилось въ такія уродливыя формы, что ничего нѣтъ мудренѣе, что одна способность всегда живетъ на счетъ другой, и что самую чужедною способностью становится именно воображеніе. Прежде всего, жизнь ребенка, съ той самой минуты, когда его сажаютъ за книгу, раскалывается на двѣ половинки, изъ которыхъ одна носитъ названіе класса, а другая — рекреаціи. Приходитъ ли кому нибудь въ голову спросить себя, почему дѣтская жизнь не *вся* классъ и не *вся* рекреація? Нѣтъ, не приходится, да и не можетъ придти, потому что вопросы подобнаго рода могутъ разрѣшаться только въ системѣ гармоническаго воспитанія дѣтей. Мы не говоримъ здѣсь о качествахъ, необходимыхъ для воспитателя и наставника дѣтей — этотъ предметъ увлечь бы насъ слишкомъ далеко — мы говоримъ только, что самая двойственность дѣтской жизни уже препятствуетъ рациональному и гармоническому развитію ихъ способностей. Классъ даетъ званія сухія, ненаглядныя и несопровождаемыя примѣненіемъ; сверхъ того, это именно тотъ, а не другой классъ; сверхъ того, онъ приходитъ не въ время и носитъ на себѣ печать формализма; сверхъ того, въ немъ лучшимъ учителемъ является именно тотъ, кто старается расшевелить воображеніе ребенка. Надо имѣть большую охоту учиться, чтобъ учиться при такихъ условіяхъ. Затѣмъ наступаетъ рекреація, во время которой ребенокъ оставляется своимъ собственнымъ силамъ, своему собственному пониманію. Хорошо, если онъ употребитъ это время на бѣготню и на тѣлесныя упражненія, во ежели, на бѣду, у него шевельнется мысль — какое можетъ она принять направленіе при той классной подготовкѣ, которую мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ?

Вотъ та школа, которая, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ воображеніе преобладающею способностью въ ребенкѣ, которая питаетъ его въ ущербъ его прочимъ умственнымъ силамъ.

Но предположимъ, что это явленіе нормальное, что его необходимо принять безотговорочно, слѣдуетъ ли, однакожь, изъ

этого, чтобы дѣтское воображеніе было полезно, какъ говорить г. Ахшарумовъ, удовлетворять «готовою сказкою»? Что дѣти сами выдумываютъ свои собственныя сказки — это фактъ безспорный, но въ то же время печальный. Поправку ему слѣдуетъ искать, какъ сказано выше, въ коренномъ измѣненіи самихъ приемовъ воспитанія, а не въ безплодныхъ усиліяхъ организовать и придать внѣшнюю связность той чепухѣ, которую они выдумываютъ сами. Воображенію надо дать пищу — хорошо; но развѣ жизнь послѣдней букашки, рассказанная безъ прикрасъ, съ полнымъ уваженіемъ къ истинѣ, не въ тысячу разъ болѣе удовлетворить воображеніе, нежели какой-нибудь чудовищный рассказъ, въ которомъ эта самая букашка будетъ фигурировать то въ качествѣ мальчугана съ пальчуга, то въ качествѣ доброй феи? Развѣ въ рассказанной *просто* жизни букашки нѣтъ той таинственности, которая собственно и манитъ воображеніе? Конечно, это таинственность легко изъяснимая, конечно, это таинственность не ошеломляющая, но для ребенка все тайна, что ново, что ему неизвѣстно; для чего же именно предполагать, что тайна, его интересующая, должна непременно быть тайною грубою, а не тою прекрасною, прозрачною тайною, какою является впервые открываемая непосвященному уму истина?

Такимъ образомъ, необходимость и умѣренность какой-то «готовой сказки» (а что такое «готовая сказка» г. Ахшарумова — мы увидимъ ниже), какъ средства для удовлетворенія дѣтскаго воображенія, падаетъ сама собой. Эта «готовая сказка», о которой такъ много хлопочуть, — это совсѣмъ не «Маланьины стрѣлки» и не «Вѣтрова ховяюшка», а весь отрывающійся ребенку міръ, міръ дѣйствительный, а не фантастическій, съ его писанной и неписанной исторіей. Не опасайтесь черпать въ немъ, ибо онъ достаточно великъ, не только для того, чтобы удовлетворить наиболѣе болѣзненно-настроенному воображенію, но даже и для того, чтобы положить предѣлъ этой болѣзненной настроенности.

Остается третій доводъ въ пользу сказки — это возможность знакомить посредствомъ нея дѣтей съ духомъ народа, его мироощущеніями и рѣчью; доводъ этотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и самый убѣдительный въ всѣхъ, представленныхъ г. Ахшарумовымъ. Но намъ кажется, что этимъ средствомъ приличнѣй всего пользоваться въ то время, когда ребенокъ уже достаточно развитъ, чтобы отличать истину отъ вымысла. Пѣсни, какъ простѣйшее выраженіе народныхъ идеаловъ и представленій, могутъ въ этомъ случаѣ съ большимъ успѣхомъ предшествовать скажкѣ и знакомить ребенка съ народомъ, не развивая его воображенія въ ущербъ прочимъ умственнымъ силамъ. Сказка же можетъ слѣдовать за пѣсней, да и то сказка подлинная, или въ совершенствѣ схватывающая духъ подлинника, а не болѣе или менѣе неудачная поддѣлка подъ него. Въ этомъ смыслѣ, образовательный элементъ, который будетъ внесенъ сказкою въ раз-

внѣ ребѣнка, будетъ элементъ этнографическій, и достигнетъ именно тѣхъ цѣлей, какихъ достигнуть желательно. Она ознакомитъ ребѣнка съ народными преданіями, вѣрованіями и представленіями, но при этомъ на столько затронетъ его воспримчивость, на сколько это нужно для того, чтобы оцѣнить красоту, смыслъ и силу созданнаго народомъ мѣа.

Затѣмъ, что касается до разсужденій г. Ахшарумова о нравственности или безнравственности сказокъ и о томъ, развиваютъ или не развиваютъ онѣ въ дѣтяхъ суевѣріе, то мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на этихъ разсужденіяхъ. Первый изъ этихъ вопросовъ устраняется самъ собою, если ребѣнокъ будетъ видѣть въ сказкѣ не болѣе, какъ объективное представленіе извѣстныхъ моментовъ народнаго развитія; по поводу же втораго вопроса было достаточно говорено, когда шла рѣчь объ удовлетвореніи требованій воображенія.

Посмотримъ теперь, какаго рода готовыя сказки представляетъ самъ г. Ахшарумовъ своей маленькой публикѣ.

Всѣхъ сказокъ семь; въ четырехъ изъ нихъ, по собственному сознанію автора, удержаны только идея и тонъ народныхъ сказокъ; слѣдовательно онѣ, по всей справедливости, должны почитаться его собственнымъ сочиненіемъ; остальные три хотя и заключаютъ въ себѣ «нѣкоторыя черты», въ которыхъ народъ воплотилъ тѣ или другія свои представленія, но, въ сущности, разсказаны авторомъ «по своему», т.-е. безъ всякаго отношенія къ тому внутреннему смыслу, который, въ сознаніи народномъ, заключали въ себѣ воплощающія черты.

Первыя четыре сказки: «Вѣтрова хозяйшка», «Маланьини стрѣлки», «Сватъ» и «Ночлегъ» представляютъ собой сборъ всѣхъ случайностей, разсказанныхъ съ замѣчательнѣйшею непослѣдовательностью. Г. Ахшарумовъ, повидимому, полагалъ, что чѣмъ больше будетъ въ сказкѣ дикихъ нововъ, тѣмъ лучше, и поэтому не заботился даже о томъ, чтобы между этими диковинками была хоть какая нибудь связь. Такъ напримѣръ, въ сказкѣ «Вѣтрова хозяйшка» автору показалось мало, что «Вѣтеръ» женится на молодой дѣвушкѣ, что медвѣдь оказывается пустыннымъ комомъ, и что вся эта бессмыслица не только не представляетъ никакого намека на народные представленія о чемъ бы то ни было, но и ни одной даже общей поэтической черты, — онъ заставляетъ подъ конецъ «Вѣтеръ» выстроить себѣ дворецъ и заключиться въ немъ, т.-е. перестать быть Вѣтромъ даже въ томъ произвольномъ смыслѣ, какой сообщенъ ему въ сочиненной сказкѣ.

Другая сказка, сочиненная самимъ авторомъ, носитъ названіе «Маланьини стрѣлки». Что такое «Маланьини стрѣлки»? — это молнія; почему молнія названа «Маланьиними стрѣлками»? — на это не можетъ быть другаго отвѣта, кромѣ того, что подобная острога можетъ сконфузить даже ребѣнка.

Еще съ меньшею похвалою мы можемъ отозваться о сказкахъ,

основаніемъ для которыхъ послужили нѣкоторые народныя представленія. Г. Ахшарумовъ довольно подробно разъясняетъ одну изъ нихъ въ своемъ предисловіи, а именно «Дуню», но въ томъ видѣ, какъ онъ рассказываетъ народный мифъ о солнцѣ и тучѣ въ своей «готовой сказкѣ», нѣтъ ни малѣйшаго намека ни на мифъ, ни на народность, ни на поэзію. Это все та же «Вѣтрова хозяйшка», то-есть все тотъ же произвольный сбродъ всякаго рода диковинокъ и случайностей.

Къ счастью, всѣ эти диковины до того ужъ диковинны, что онѣ не могутъ оказать никакого дѣйствія даже на воображеніе, наиболѣе склонное трогаться диковинами.

Туркестанскій край въ 1866 году, *путевыя замѣтки* П. И. Пашино. *Съ 20-ю рисунками въ три тона, работы А. Гине, и 35-ю виньетками, рѣзанными на деревѣ А. Даугелемъ и рисованными В. Крюковымъ и съ картою Туркестанскаго края. Спб. 1868 г.*

За Вайкадомъ и на Амурѣ. *Путевыя картины.* Д. И. Стахѣва. Спб. 1868 г.

Невольно какъ-то зло разбираешь, когда иной разъ попадешь въ театръ на представленіе плохой, безсодержательной пьесы, при постановкѣ которой нещадно тратились деньги на роскошныя декорациа, хитрыя машины и пышные костюмы. Вотъ, думаешь себѣ, деньги-то людямъ некуда дѣвать!

Не менѣе досадно видѣть и роскошно-изданную книгу съ дорогими гравюрами и различными виньетками, продающуюся очень дорого, но, въ сущности, не стоящую и полтинника, такъ-какъ изъ нея почти ничего невозможно извлечь, а къ такого рода книгамъ, къ сожалѣнію, нельзя не отнести и недавно вышедшее изданіе: «Туркестанскій край въ 1866 году», П. И. Пашино. Книга эта на веленовой бумагѣ продается по 10 руб. сер., снабжена множествомъ гравюръ и изящныхъ виньетокъ съ заглавными буквами, такъ что наружнымъ видомъ она напоминаетъ собою старинныя книги духовнаго содержанія, въ которыхъ немаловажную роль играетъ виномаръ, которую тамъ размазываются для красоты заглавные азы и буки. Въ книгѣ г. Пашино ртутныхъ соединеній не имѣется, но и въ ней картинки собственно играютъ самую главную роль, такъ что на текстъ можно смотрѣть, какъ на нѣчто постороннее, не особенно нужное, безъ чего легко бы можно было и обойтись. Будъ эта книга издана не такъ роскошно, продавайся она не по десяти рублей, а, положимъ, по рублю, или по три четвертака — тогда дѣло иное, а то декорациа очень ужъ роскошны для слабой пьесы. Подобнаго рода, въ торопяхъ написанныя, путевыя замѣтки могутъ только издавать для собственнаго удовольствія лишь богачи, у которыхъ денегъ столько, что и куры, какъ говорится, не клюютъ, и которымъ рѣшительно одинаково истратить рубль или тысячу рублей.

Впрочемъ, авторъ и самъ сознается, что онъ въ произведеніи своемъ не могъ достигнуть надлежащей полноты, такъ-какъ Киргизскую степь видѣлъ только проѣздомъ, а въ Ташкентѣ пробылъ всего только мѣсяца полтора, а потомъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, страдалъ продолжительною и тяжелою болѣзнію. Нельзя не замѣтить и того, что о Киргизской степи авторъ даетъ понатя болѣе ясныя, чѣмъ о Ташкентѣ, несмотря на то, что въ степи онъ побывалъ только лишь проѣздомъ, а въ Ташкентѣ прожилъ все-таки полтора мѣсяца.

Несмотря однакоже на бросающіеся въ глаза недостатки, книга мѣстами можетъ быть прочитана не безъ любопытства, потому что край-то совсѣмъ еще новый и неизвѣданный, о которомъ писано очень мало. Было бы очень не дурно, еслибы авторъ не такъ много распространялся о вещахъ, интересовавшихъ только лишь его лично, а выказъ ужъ не стороннюю публику. Какое, напримѣръ, дѣло стороннему читателю до того, что именно авторъ ѣлъ въ такомъ-то фортѣ, вкусна ли была ячница и хороша ли и насколько именно хороша жена у такого-то начальника форта? Само собою разумѣется, что подобныя свѣдѣнія не могутъ прибавить ни юты къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя получилъ читатель о новомъ краѣ, а между тѣмъ о ячницахъ-то именно и вообще о стѣстномъ говорится болѣе, чѣмъ о чемъ-нибудь другомъ. Читатель, противъ своего желанія, узнаеть, напримѣръ, что въ фортѣ № 1-й у начальника супруга родомъ изъ Вессарабіи и что она оказалась прелюбезною и нангостепринмною хозяйкою. Узнаеть онъ также, что и въ фортѣ Перовскомъ у начальника фланга «жена — весьма милая дама; что столь у счастливыхъ супруговъ былъ чрезвычайно вкусенъ и даже изященъ, а пріятный разговоръ хозяйки доставилъ автору громадное удовольствіе». Вообще, во всѣхъ фортахъ, гдѣ только коменданты не были холостыми, жены ихъ оказались чрезвычайно милыми и пріятными въ обращеніи, а мужья ихъ тоже отличными господами, знающими самую тонкія приличія. Насчетъ ѣлы тоже авторъ распространяется слишкомъ уже много. Вотъ, напримѣръ, какая характеристическая сцена описана въ началѣ главы о Туркестанѣ: «не угодно ли водочки, господа?— обратился къ намъ комендантъ. Вамъ съ дороги-то хорошо, надо полагать, выпить».

Мы раскланялись, выпили и закусили свѣжей икрой, потомъ сѣли за обѣдъ.

Послѣ супа комендантъ спросилъ насъ и т. д.»...

Въ Шерапханѣ, куда авторъ отправился «послѣ чая», у коменданта, къ сожалѣнію, былъ окорокъ ветчины, но уже съдѣнный, такъ что закусить было нечѣмъ, за то въ Анджарѣ впору подоспѣлъ чай и авторъ съ удовольствіемъ не отказался выпить стаканчикъ».

— Не стаканчикъ, а чашечку, улыбаясь возражалъ какой-то

господинъ К. — У насъ нѣтъ стакановъ, мы пьемъ изъ киргизскихъ чашекъ.

Въѣздъ въ Ташкентъ тоже ознаменовался тѣмъ, что нѣкто господинъ Сѣровъ сказалъ автору: «не угодно ли вамъ закушать? Вслѣдъ за этимъ предложеніемъ, г. Сѣровъ открылъ столъ, наполненный всякими яствами и питьями. Окороть, конечно, былъ привозный изъ Россіи, потому что во всемъ, вновь завоеванномъ краѣ, нѣтъ ни одной свиньи. Авторъ похристосовался съ любезнымъ хозяиномъ, *выпилъ и закусилъ*. Въ Ташкентѣ же автору удалось быть съ генераломъ Черныевымъ у богатаго туземца. Шерафія, у котораго «яичница была чрезвычайно вкусная».

Подобныхъ выписокъ можно бы было сдѣлать многое множество, но, какъ намъ кажется, достаточно уже и приведенныхъ. Конечно, что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить. Понятно, что авторъ въ своихъ поѣздахъ по дикой мѣстности постоянно былъ впроголодь, потому такъ и напраетъ въ своемъ сочиненіи на яичницы и ветчину, но намъ все-таки думается, что подобныя свѣдѣнія едва-ли кого могутъ хотя сколько нибудь познать съ Ташкентомъ, а между тѣмъ они представляютъ собою значительный процентъ въ очень обширной книгѣ.

Вообще, нетолько на счетъ свѣстнаго, но и другія свѣдѣнія, имѣющія единственно назначеніе характеризовать новый, мало-извѣстный край, выбраны не совсѣмъ удачно. Вотъ, напримеръ, какъ описываются ташкентскія птицы, видимо поразившія автора:

«Плывая птица здѣсь замѣнилась любящей болѣе житейскія удобства птицей: всюду перебѣгали дорогу голуби, но голуби не наши, а ташкентскіе (что, впрочемъ, очень естественно), въ родѣ египетскихъ. Почтенные голуби, солидно расхаживая по уликамъ, сами себя добываютъ кормъ; нѣкоторые домохозяева выбрасываютъ каждый день горсточку ячменя для нихъ. Масса воробьевъ, конечно, старается перегнать голубей въ подбораніи зеренъ; но ихъ отгоняютъ. Голубь гораздо ближе подходитъ къ человѣку, нежели воробей. Случается, впрочемъ, что какой нибудь смѣлчакъ воробьиной породы похитритъ зернышко и удержитъ съ нимъ».

Ну, не странно ли въ книгѣ, имѣющей претензію на серьезность, помѣщать такіа, вовсе не характеристическія вещи? Ну, стоило ли ѣздить въ качествѣ наблюдателя, въ Ташкентъ, когда ту же самую сцену можно увидеть и у насъ вездѣ, и въ Петербургѣ на Сѣнной и въ Москвѣ на Обжорномъ и во всякомъ Козмодемьянскѣ и Сольвычегодскѣ?

Есть одно свѣдѣніе, очень, правда, оригинальное, но оно уже до такой степени оригинально, что, если это только не непростительная опечатка, то представляетъ собою научное открытіе. Говоря о рыбной ловлѣ въ Сыръ-Дарьѣ, авторъ пахнетъ: «рыба играла на зарѣ; *иска въ поминутно раздавался*». Недурно!!

Сравненія и уподобленія, употребляемыя авторомъ путевныхъ

замѣтокъ, тоже подчасъ очень оригинальны и своеобразны. Въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ, напримѣръ, говоритъ, что киргизскія станціи, киргизскія влячи и несносные верблюды, степная слякоть и самая степь — «представляютъ изъ себя видъ блюда съ уложеннымъ на него пирожнымъ то шоколадно-кофейнаго, то снѣжно-бѣлаго цвѣта». Подобныя сравненія опять-таки ясно указываютъ на постоянно возбужденный аппетитъ автора; есть, впрочемъ, сравненія и другого сорта. На одной станціи, напримѣръ, въ Киргизской степи, автора на разсвѣтѣ разбудили крикъ ямщиковъ, киргизская брань и вой верблюдовъ. Сквозь сонъ путешественнику показалось, *будто разомъ спкутъ до сотни гимназистовъ и они режутъ подъ розами на всевозможные юлоса.*

Такое сравненіе ясно даетъ знать, что авторъ — человекъ чисто русскій, возросшій и разившійся подъ вліяніемъ нашихъ отечественныхъ классическихъ школъ. Повѣрьте, что путешественнику французу или англичанину непременно бы представилось чтонибудь другое, а ужъ никоимъ образомъ не сѣченіе гимназистовъ цѣльми сотнями и тысячами!

Но, чтобы не останавливаться на однихъ только недостаткахъ, неизбежныхъ въ каждой, торопливо составленной книгѣ, мы должны опять-таки замѣтить, что, мѣстами, въ книгѣ попадаются факты очень любопытные. Рассказываютъ, что у путешественника было собрано тѣхъ фактовъ множество, но что онъ принужденъ былъ, по разнымъ независящимъ отъ него обстоятельствамъ, многое выбросить и сократить. Охотно вѣримъ такому слуху и имъ исключительно объясняемъ вѣкоторыя странности, встрѣчаемыя въ книгѣ. Есть цѣлыя главы, въ которыхъ какъ будто чего-то не хватаетъ, и не хватаетъ довольно существеннаго, безъ чего невозможно даже понять, въ чемъ дѣло. Этимъ свойствомъ преимущественно отличается глава одиннадцатая, подъ рубрикою «баранье дѣло». Можно только догадываться, что авторъ хотѣлъ изобразить что-то очень интересное, но что самое-то интересное и принужденъ былъ онъ выбросить.

Подробнѣе и удовлетворительнѣе всѣхъ написаны послѣднія четыре главы о натуральныхъ богатствахъ страны, торговлѣ и фабричной промышленности, хотя авторъ и здѣсь постоянно считаетъ нужнымъ замѣчать, что онъ въ полтора мѣсяца не могъ ничего узнать; всего же интереснѣе тѣ мѣста книги, въ которыхъ сообщается, какое вліяніе успѣли приобрести на ташкенцевъ пришельцы-русскіе, эти цивилизаторы дѣкаго азіатскаго края.

Хотя нынче у насъ и въ модѣ траговать объ обрусѣніи различныхъ окраинъ имперіи, но изъ разбираемой книги ясно видно, что намъ не скоро еще удастся обрусить эти дикія страны и внести въ нихъ европейскую цивилизацію. Русскіе поселенцы въ окрестностяхъ уральскаго укрѣпленія совсѣмъ позабыли хлѣбопашество, принялись исключительно за скотоводство и на-

чали придерживаться киргизскаго способа ухода за скотиною. При въѣздѣ въ киргизскую степь нагайка считается такою же необходимостью, какъ хлѣбъ насущный, — и преимущественно потому, чтобы хотя сколько нибудь обрусить дикихъ киргизовъ. Башкиры, по словамъ мѣстныхъ знатоковъ, «голь-голю стали съ той самой поры, какъ русскіе цивилизаторы начали ихъ приучать къ осѣдлости». Не лишены также интереса тѣ оригинальные способы, посредствомъ которыхъ наши завоеватели хотѣли ввести въ завоеванный край европейскую цивилизацію.

«Фрукты и овощи — пишетъ авторъ — приносили въ Ташкентъ къ намъ мальчишки, которые потомъ, послѣ обѣда, бѣгали подъ окнами офицеровъ, бросавшихъ имъ деньги. Эти мальчишки начинали немного говорить по-русски и *приучались просить милостыню*.

«— Пожалуйста тура, кричали они, протягивая руки — ей-богу *бабишумъ* (сирота) Христа-ради *сладкій тура!*

Съ такими же почти выраженіями мальчишки эти бѣгали и за дамами, называя ихъ *марджа*. Нѣкоторые путники приучили этихъ мальчишковъ обращаться къ дамамъ съ слѣдующими выраженіями: *сладкій марджа, кислый марджа, горькій марджа*».

Положимъ, что отъ скуки и то ужъ развлеченіе, когда ташкентскій мальчишка назоветъ некрасивую барыню *кислою марджой*, но въ новомъ краѣ едва-ли подобныя шутки умѣстны, въ особенности если онѣ еще соединены съ попрошайствомъ.

Вообще, какъ мы уже и прежде замѣтили, книга г. Пашино читается мѣстами не безъ интереса и не безъ пользы для знакомства съ новымъ краемъ, и могла бы быть принята публикою, какъ говорится, съ признательностью къ автору, еслибы, во-первыхъ, не была она такъ недоступно дорога и, во-вторыхъ, еслибы авторъ заботился болѣе объ описаніи края, а не своей собственной личности, съ своими привычками и привязанностями.

Къ числу вновь появившихся путевыхъ замѣтокъ нужно отнести и книжку г. Стахѣева: «За Байкаломъ и на Амурѣ», которую авторъ называлъ путевыми картинами. Новаго объ описываемомъ краѣ читатель найдетъ немного. Всѣ сообщенныя въ ней, вли, по крайней-мѣрѣ, ббльшая часть впечатлѣній относятся еще къ 1859 году, слѣдовательно особенной свѣжести отъ нихъ ожидать нельзя. Многое съ той поры успѣло уже измѣниться, какъ, напримѣръ, чайная торговля съ Китаемъ чрезъ Кяхту, описанію которой со всѣми ея мошенничествами посвящена чуть не половина небольшой книжки. Авторъ, какъ видно, не окончилъ еще изложенія своихъ впечатлѣній, общія, впрочемъ, очень неопредѣленно, продолжать его. «Тѣ впечатлѣнія, которыя я вынесъ въ путешествіи на палубной баржѣ по Амуру — говоритъ авторъ — послужили мнѣ началомъ новыхъ литературныхъ работъ; но придется ли мнѣ когда нибудь ихъ окончить — я и самъ не знаю, потому что не знаю, куда бурная волна жизни занесетъ мой утлый челнокъ; не знаю, въ какія положенія я буду поставленъ роковою, неотразимою силою вѣшнихъ вліаній, рабомъ которыхъ я

считаю важнаго человѣка, не признавая за нимъ сотой доли той самостоятельной воли, которую онъ себѣ приписываетъ».

Изъ этой громкой тирады читатель ясно видитъ, что если бурная волна жизни занесетъ утлый челнокъ раба внѣшнихъ вліяній, г. Стахѣва, опять когда нибудь въ Сибирь, то онъ будетъ продолжать свое писанье; если же утлый челнокъ его прибѣетъ къ какому нибудь тихому пристанищу, то онъ упорно будетъ молчать. Такому общанію мы охотно вѣримъ, не допуская ни малѣйшихъ сомнѣній, потому что, если авторъ послѣ продолжительнаго пребыванія въ прибайкальскомъ краѣ, по китайской границѣ и на Амурѣ успѣлъ написать только лишь маленькую книжку разгонистой печати, то чего же ожидать отъ него въ случаѣ прибытія его утлаго челнока въ края всѣмъ уже извѣстные и давно описанные?

Говоруны. *Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.* И. А. Манна. Изданіе Кожанчикова. Спб. 1868.

Новыя идеи рѣшительно мѣшаютъ спокойствію нашихъ драматурговъ. Коли хотите, оно и понятно, потому что такъ-называемыя старыя идеи до того уже затаскались, что ничего изъ нихъ не выжмешь, ничего на нихъ не выстроишь. Непонятно одно: почему новыя идеи, эти кормилицы-поилницы современныхъ витязей Александринскаго театра, почти постоянно изображаются ими съ самой враждебной, почти омерзительной стороны. Хотя изъ чувства благодарности не мѣшало бы поступать нѣсколько осмотрительнѣе.

Къ числу такихъ неблагодарныхъ принадлежитъ и г. Маннъ. Не знаемъ, самъ ли онъ дошелъ до познанія новыхъ идей, или слышалъ объ нихъ отъ людей постороннихъ, во всякомъ случаѣ, онъ произвели на него самое неблагопріятное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ не стало возможности (разумѣется, не въ жизни, а на подмосткахъ Александринскаго театра) выступать передъ публикою съ консервативною теоріей всеобщаго оглушенія, миръ кажется населеннымъ не солидными начальниками отдѣленія, а какими-то непомнящими родства бродягами, которые только о томъ и сокрушаются, какъ бы стаянуть пирогъ съ прилавка, или на доровщину попрелюбодѣйствовать. И не потихоньку стаянутъ, не секретнымъ манеромъ пройтись насчетъ клубнички, какъ дѣливали прежніе солидные люди, а со взломомъ, съ трескомъ, съ разговорами и развитіями, дабы вѣдали люди, что въ этомъ-то именно и замыкаются тѣ новыя идеи, которыя перешли къ намъ... по прямой линіи отъ начальниковъ отдѣленія.

Вопросъ о собственности, вопросъ о семейномъ началѣ, вопросъ о правахъ женщины — ничто не чуждо нашимъ чуткимъ и впечатлительнымъ драматургамъ. Около всякаго вопроса они найдутъ возможность пожуждать, со всякаго снимутъ хоть капельку меда. Конечно, этотъ медъ не Богъ-знаетъ какой душистый (медъ дивій), но тутъ не въ качествѣ дѣла, а въ коли-

честь. Наберутъ они этого меда ровно столько, сколько нужно, чтобы настрапать изъ него діалоговъ, раздѣлять эти діалоги на дѣйствія и явленія, пріютить около нихъ до десятка Петровъ Платонычей, Вадимовъ Петровнычей, Настеньекъ и т. п., и устремляются съ этою легкою добычею на подмостки Александринскаго театра. Нѣтъ нужды, что діалоги эти — отчасти бессмысленные, отчасти клеветническіе: они навѣрное будутъ по плечу зрителямъ-столоначальникамъ и убѣдятъ ихъ, что кража пироговъ россійскими драматургами не поощряется, но возбраняется; нѣтъ нужды, что прикомандированные къ діалогамъ Петры Платонычи, Настеньки, Вадимы Петровнычи — не что иное, какъ тѣни, лишеныя правъ состоянія: г. Самойловъ, Васильевъ, Зубровъ и г-жа Лянская, съ помощію гримировки и собственныхъ артистическихъ соображеній, навѣрное, найдутъ возможность, даже независимо отъ воли автора, придать этимъ тѣнямъ человѣческую форму и смагчить внезапность и нецѣлесообразность ихъ нелѣпыхъ движеній.

Хотите ли вы знать, напримѣръ, что такое принципъ собственности по понятіямъ новыхъ людей — Петръ Платонычъ Чигасовъ отвѣтитъ вамъ: «Принципъ наслѣдства — ложный принципъ; наука (?) не признаетъ нѣжностей. Развѣ птицы оставляютъ запасы корма для своего потомства? Каждая изъ нихъ питается тѣмъ, что находитъ сама». Въ другомъ мѣстѣ, этотъ самый Чигасовъ, прося взаимныя деньги, объясняетъ такъ: «Я занимаю именно у васъ, потому что у васъ всегда есть лишнія деньги, стало-быть, вы не имѣете основательнаго повода отказываться». Но этого мало; не успѣвши завать денегъ у лица, всегда имѣющаго лишнія деньги, Чигасовъ рѣшается обокрасть свою сестру, и для этого задумываетъ цѣлую махинацію, которой подлость равняется только ея глупости, и при этомъ восклицаетъ: «Стоить ли церемониться съ этими скотами! этихъ господъ надо допекать всѣми возможными способами; тутъ надо дѣйствовать ради принципа»...

Хотите вы имѣть понятіе о томъ, что такое бракъ по понятіямъ новыхъ людей—авторъ заставитъ нѣкоего г. Кренева убѣждать Вадима Петровныча Ладушкина жениться на Настенькѣ Чигасовой, и когда Ладушкинъ предложитъ вопросъ: «А ты, само собой разумѣется, будешь продолжать ее любить?» то Кренивъ не усомнится отвѣтить: «Огчего же нѣтъ?» Этого недостаточно: въ поддержаніе своей теоріи свободныхъ отношеній между мужчиною и женщиною, Кренивъ не постыдится высказать слѣдующую неистовую чепуху: «Сважи, пожалуйста, долго ли вы будете смотрѣть на любовь такъ цинически, допускать это чувство въ самомъ низкомъ, животномъ смыслѣ? По вашему, уже никакъ и не можетъ быть свободной, благородной гармоніи между живущими существами? По вашему, все вали въ одну яму, все топчи ногами?».

Хотите ли, наконецъ, знать, что такое женскій трудъ—авторъ,

устами Ладушкина, объяснить вамъ, что это слово, которыми «пользуются злодѣи, чтобы прикрывать свои страсти». «Отговаривать, прежде всего, женщину отъ семьи! гремятъ добродѣтельный Ладушкинъ: — научить ее смѣяться надъ семейными узамъ, заставить ее забыть, что ея назначеніе быть вѣрною женой и доброю матерью семейства, убить въ ней и скромность, и стыдъ, сознаніе и чести, и достоинства женщины... вотъ «наши идеалы! отъ нихъ отвернется съ ужасомъ и презрѣніемъ каждый честный человѣкъ!»

Напрасно вы будете спрашивать себя:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышать?

Напрасно вы будете говорить себѣ: да вѣдь это же, наконецъ, неслыханное дѣло, чтобы человѣкъ, для оправданія своихъ теорій (положимъ, и ложныхъ), употреблялъ не только слабыя, но даже самыя глупыя доказательства? — автору нѣтъ дѣла ни до доказательства, ни до художественной вѣрности рѣчей и поступковъ изображаемыхъ имъ лицъ. Задача, которую онъ предположилъ себѣ выполнить, гораздо скромнѣе: онъ хочетъ ограждать начальниковъ отдѣленія отъ наплыва новыхъ идей, и для этого беретъ первыя доказательства, которые валяются на дорогѣ, и складываетъ ихъ въ одно мѣсто.

По нашему мнѣнію, это-то именно и называется: «все валя въ одну яму, все топчи ногами!»

Драматическія сочиненія Д. И. Стахѣва. 1) *Знакомія все лица*; 2) *Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ*. Спб. 1869.

Новый нашъ драматургъ, г. Стахѣвъ недоволенъ театромъ Островскаго. Ему вается, что Островскій смотритъ на купеческій бытъ съ слишкомъ ограниченной точки зрѣнія, что въ герояхъ его мало человѣческаго, что онъ ничего не увидѣлъ въ русскомъ купцѣ, кромѣ самодурства. Г. Стахѣвъ протестуетъ противъ такого поверхностнаго воззрѣнія на купеческую семью. Онъ находитъ, что въ купеческой семьѣ есть уже пробужденіе человѣческой личности, и великодушно забывая Груню (въ драмѣ «Не такъ живи, какъ хочется»), Краснова («Грѣхъ, да бѣда»), Борнса («Гроза»), совершенно наивно восклицаетъ: «Я убѣжденъ и умру съ этимъ убѣжденіемъ (и изъ-за чего только человѣкъ смерти себѣ желаетъ!), что въ каждомъ человѣкѣ, каковъ бы онъ ни былъ, есть непремѣнно та священная искра божественнаго огня, которая долго, долго можетъ тлѣть на днѣ его души, можетъ и не вспыхнуть, но никогда она не погасаетъ, и въ данную минуту, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, эта тлѣющая искра можетъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ и показать изумленному народу всю силу и величіе человѣка, когда онъ вдругъ сбрасываетъ съ себя бранныя одежды эгоистиче-

скаго міра и является во всемъ величіи любви, правды и самоотверженія!»

Затѣмъ, высказавъ это непредосудительное, но и не вполне вразумительное убѣжденіе, г. Стахѣвъ продолжаетъ: «вотъ этой-то искры, хотя тлѣющей, но вспыхивающей, вы и не найдете въ герояхъ Островскаго». И дабы восполнить столь непротитительный промахъ знаменитаго драматурга, рекомендуетъ познакомиться съ драмами собственнаго его, г. Стахѣва, приготовленія.

Что правда, то правда. Островскій далъ намъ много разнообразнѣйшихъ типовъ изъ купческаго міра, но никто изъ героевъ его не раздѣляется передъ зрителемъ или, говоря словами г. Стахѣва, «не сбрасываетъ съ себя бранныя одежды эгоистическаго міра». Это недостатокъ, и очень большой, который, впрочемъ, съ большимъ успѣхомъ устраняется въ «Прекрасной Еленѣ», гдѣ одежды эгоистическаго міра сбрасываются даже сверхъ пропорціи. Но все-таки думается, что какъ ни закутанны герой Островскаго, закутанность эта гораздо менѣе защищаетъ ихъ отъ провинчателности зрителя, нежели самая безцеремонная раздѣтость героевъ, измышляемыхъ нѣкоторыми другими российскими драматургами. Какъ хотите, а это штука тоже не легкая. Приводитъ писатель на сцену человѣка и говоритъ: вотъ вамъ, господа, не человѣкъ, а сюртукъ, или зипунъ! и что жеръ никто изъ зрителей не вѣритъ этому, никто не видитъ ни сюртука, ни зипуна, а видитъ именно человѣка! Въ этомъ есть что-то мало понятное, почти чудесное!

Посмотримъ, однакожъ, какъ раздѣваетъ г. Стахѣвъ своихъ героевъ передъ зрителями. Для этого возьмемъ изъ обѣихъ сочиненныхъ имъ пьесъ тѣ именно личности, которыя должны представлять собою «тлѣющія, но вспыхивающія искры». Герой Александръ Егоровичъ Сусловъ (въ пьесѣ «Знакомыя все лица»), узнавъ о смерти самодура-отца, изясняется такъ: «онъ былъ самъ жертва собственныхъ ошибокъ». Героиня Дуняша (въ пьесѣ «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ»), размышляя о пользѣ ученія, говоритъ: «скорошо тому учиться, кто, развиваясь самъ, встрѣчаетъ въ своей семьѣ людей на столько развитыхъ, что они могутъ сочувствовать ему, цѣнить его, понимать и способствовать его дальнѣйшему образованію; а тяжело, сто разъ тяжело, когда развитіе твое, вмѣсто утѣшенія и пользы, становится тебѣ же бременемъ, и ты, по несчастію, должна видѣть то, что, при другихъ обстоятельствахъ, никогда бы не замѣтила». Она же дѣвушка Дуняша о счастьи разсуждаетъ такъ: «о счастьи каждый понимаетъ по своему: одинъ довольствуется тѣмъ, отъ чего другой приходитъ въ отчаяніе...»

Этихъ выдержекъ, по нашему мнѣнію, совершенно достаточно, чтобы показать, до чего можетъ довести несчастная страсть раздѣвать своихъ героевъ. Подумайте, г. Стахѣвъ, вѣдь не въ баню же вы приводите зрителей!

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МРАЧНЫЯ КАРТИНЫ.

II.

Августъ Мегью.

VII.

Растративъ оборотный капиталъ, Филиппъ рѣшаетъ, что показываться на глаза Ванъ-Димену, такъ настоятельно совѣтовавшему *кратиться*, не слѣдуетъ, а надо искать другой работы собственными соображеніями и средствами.

Переночевавъ въ телегѣ съ сѣномъ, откуда на разсвѣтъ его выгоняютъ вкучомъ, Филиппъ бродать часа четыре по пустымъ улицамъ, дожидаясь пробужденія города; чтобы сколько нибудь разнообразить эту прогулку онъ, время отъ времени, прислоняется къ фонарнымъ столбамъ и насвистываетъ всѣ пѣсенки, какія только знаетъ.

Эти четыре часа, какъ они тяжелы ни были, конечно, не закалили мальчика и онъ не вынесъ изъ нихъ ничего такого, что бы помогло ему удръвиться. По всей вѣроятности, Филиппъ, отрѣзавъ себѣ возвратъ къ торговлѣ опостылѣвшимъ крессомъ, былъ такъ этимъ доволенъ, что это довольство смягчало даже его огорченіе безпріютностью и безпомощнымъ одиночествомъ; очень можетъ быть, что въ печальномъ насвистываньи пѣсенокъ, проскальзывала даже по временамъ жавая и веселая нота, и что онъ построилъ не одинъ заманчивый воздушный замокъ, въ родѣ тѣхъ, какіе сооружалъ въ промысловой школѣ, въ то время, когда собирался бѣжать въ Индію и кататься тамъ на слонахъ съ позволеніемъ хоботами.

Наконецъ, начинаютъ отворяться лавки, открываются ставни домовъ, городъ просыпается, — тотъ городъ, который выкидываетъ корки и кости отъ вчерашняго обѣда на пропитанье меньшихъ братьевъ и снабжаетъ этихъ братьевъ малкою, черною работою.

За чистку дощечки и мѣдныхъ украшеній на дверяхъ аптеки, Филиппъ получаетъ отъ аптекарскаго слуги кусокъ хлѣба съ масломъ.

Послѣ завтрака онъ еще больше ободрается, садится около статуи Карла I, на солнышкѣ, и бросаетъ вокругъ себя спокойный и наблюдательный взглядъ.

Старый уличный метельщикъ возился въ сору, прометая тропинку къ статуѣ.

— Вы чего на меня выпучили глаза, гнѣвно спрашиваетъ онъ у Филиппа.—Чего вы тутъ сидите безъ дѣла, словно принцъ какой? Лѣнивое этакое насѣкомое!

— Я не лѣнивый, мягко отвѣчаетъ ему Филиппъ. — У меня нѣту работы. Коли хотите, я вамъ помогу мечь.

Этотъ кроткій отвѣтъ смягчилъ стараго метельщика.

— Ну, возьмите, пометите, отвѣчаетъ онъ. — Поглядимъ, каково ваше искусство! Посмотримъ, умѣете вы трудиться, или только форсить горазды.

Филиппъ усердно принимается за метенье и исполняетъ это дѣло какъ нельзя удовлетворительнѣе.

— Ну, говорятъ старый метельщикъ:—я пріятно удивленъ. Вы можете работать. А есть у васъ деньги на починъ?

Филиппъ отвѣчаетъ, что у него нѣтъ ни пенни за душой.

— Такъ на что же вы купите метлу или щетку? Или вы полагаете, что эти вещи растутъ у насъ на улицахъ, какъ цвѣтки на полѣ? Ахъ, юноша! юноша! Ну, такъ и быть, я дамъ вамъ свою метлу на поддержанье, пока пойду въ харчевню заморить червяка. Да помните главное, мальчикъ: если вы не будете лѣзть въ глаза проходящимъ, вы ни гроша не заработаете. Цѣпляйтесь за всякаго, какъ репейникъ—вотъ правило, и вы держитесь его; и если вы съ этого правила собьетесь, то это все одно, какъ если вы собьетесь съ пути добродѣтели: пропадете. Всѣ они увѣряютъ всегда, что нѣтъ мелочи, но вы не вѣрьте, идите по пятамъ и канючите; коли легко можете плакать, то плачьте,—это очень хорошо дѣйствуетъ. Женщины податливѣе мужчинъ—вы привязывайтесь къ женщинамъ; стоните и вопите, божитесь, что у васъ мать схватила какая нибудь болѣзнь, или что нибудь такое же чувствительное. Говорите, что у матери пропало молоко отъ голоду и что младенецъ братъ помираетъ отъ жажды, — на это вы непремѣнно получите, по крайности, пенни.

Давъ вышеприведенное наставленіе съ тою же заботливостью и желаніемъ добра, съ какими великосвѣтскій дѣдушка даетъ внуку практической совѣтъ относительно ловкаго шарканья въ гостиной значительной и нужной особы, старый метельщикъ повернулъ было къ харчевнѣ, когда изъ-за угла выбѣжалъ мальчикъ-оборвышъ и, бросившись къ нему, проговорилъ:

— Дѣдушка Степни, отдайте мнѣ ваше метенье; я вамъ заплачу пенни.

— Вы опоздали, Джимъ, отвѣчаетъ дѣдушка Степни.—Я уже ему отдалъ.

Онъ указываетъ на Филиппа и уходитъ въ харчевню.

— Вы сколько ему дали? спрашиваетъ Джимъ, свирѣпо глядя на Филиппа.

— Я ничего ему не давалъ, отвѣчаетъ Филиппъ. — Онъ даромъ позволилъ мнѣ попользоваться.

— Ничего! Даромъ! вскрикиваетъ Джимъ: — не совѣтую вамъ морочить меня такимъ нелѣпнымъ враньемъ, а то вамъ достанется на орѣхи!

Джимъ, однако, драки не заводитъ; онъ усаживается неподалеку и наблюдаетъ за Филиппомъ.

Филиппъ, слѣдуя наставленіямъ дѣдушки Степни, становится на тротуарѣ и кланяется каждому проходящему. Но никто не обращаетъ вниманія ни на его поклонъ, ни на просьбы, и безпечно всѣ проходятъ мимо. Джимъ катается со смѣху отъ удовольствія. Наконецъ подходитъ къ Филиппу и, ударивъ его по плечу, говорить:

— Ну, вы совсѣмъ, я вижу, новичокъ! Нешто такъ надо къ нимъ приставать?

— Не знаю, отчего они мнѣ ничего не даютъ! бормочетъ смущенный и обезкураженный Филиппъ.

— Да вы ничего не смыслите! Хотите барыши пополамъ? Такъ я вамъ пособлю и научу.

Филиппъ съ радостью соглашается.

Джимъ принимается за дѣло. Онъ вдругъ весь преобразается. Едва кто появляется на улицѣ, онъ ко всякому кидается подъ ноги, съ бѣшенымъ усердіемъ начинаетъ прометать передъ нимъ, разбрызгивая грязь, или вздымая пыль, заглядываетъ въ глаза, воетъ, воитъ; спотыкается и заставляетъ спотыкаться, корчитъ всевозможныя гримасы и сыплетъ жалкими словами.

Филиппъ съ завистью смотритъ на такое блестящее исполненіе дѣла и, увлеченный честолюбіемъ, съ жаромъ принимается подражать Джиму какъ умѣетъ.

Успѣхъ превосходитъ всѣ его ожиданія. Филиппъ былъ красивый мальчикъ, къ тому же волненіе разругивало его и придавало особенный блескъ глазамъ; все это вмѣстѣ дѣйствовало удивительно на дамъ.

Дѣдушка Степни, возвратившись изъ харчевни, почувствовать и удовольствіе и маленькую зависть, узнавъ объ успѣхѣ своего питомца.

— Вы такъ и работайте вмѣстѣ, посоветовалъ онъ Филиппу. — Джимъ продувной парнишка. У него столько хитростей, и ваверзовъ, и фокусовъ, что ежелибы англійскій банкъ задумалъ ихъ всѣ у него скупить по пенни за штуку, то лошнулъ бы не скупивши и половины. Учитесь у него.

Филиппъ, разумѣется, очень охотно принимаетъ этотъ совѣтъ; Джимъ тоже соглашается.

— Я заработалъ пять пенсовъ, говорить Филиппъ, когда дѣдушка Степни самъ принялся мести: — вотъ ваши два пенса съ половиною. А вы сколько заработали, Джимъ?

— Два пенса. Ей-богу, два.

— Мнѣ показалось, вы больше заработали?

— Общайте меня, волп не вѣрште, отвѣчаетъ Джимъ, въ то же время искусно пропуская два утаенныхъ пенса въ дырку грязнаго рукава, служившаго ему секретнымъ ящичкомъ.

За тѣмъ Джимъ продаетъ въ три дорога свою старую метлу Филиппу и выманиваетъ у него куртку.

Усѣвшись на ступенькахъ церковнаго крыльца, онъ посвящаетъ Филиппа въ таинства своего братства.

— Я работаю не одинъ, говоритъ онъ:—насъ дѣлая шайка и у насъ все метенье, вотъ отсюда вплоть до самой Ватерлоской площади. Джекъ Дрекъ нашъ капитанъ, а Тедди Флейта мы поставили своимъ королемъ, потому что онъ самый лучший кувиркунъ. Такъ онъ кувиркается и катается колесомъ, что я и рассказать вамъ не могу. Въ нашу артель чужихъ не пускаютъ. Когда мы теперь съ вами поажемся, такъ сейчасъ всѣ на васъ накиннутся, только вы не бойтесь: я ужъ все улажу. Впрочемъ, есть еще одна въ этомъ дѣлѣ заковычка.;

— Какая?

— А вотъ такая: вы должны мнѣ давать третью часть изъ вашего заработка. Коли вы не согласны, такъ я не хочу съ вами знаться и вы устраивайте сами свои дѣла.

Филиппъ безпрекословно соглашается платить дань юному живодеру и они отправляются на мѣсто общей работы.

Филиппа встрѣчаютъ очень недружелюбно.

— Вы это сюда работать пришли? спрашиваетъ у него одинъ маленькій отрешшъ, очень надменнымъ тономъ.

— Не придирайтесь, Тедди, отвѣчаетъ Джимъ:— это мой пріятель.

— Насъ и такъ ужъ много, самимъ мало работы! возражаетъ король Тедди.

Съ этими словами его величество наноситъ Филиппу ударъ метлой по головѣ и отбѣгаетъ.

— Джекъ! кричитъ вся компанія.—Гдѣ Джекъ?

— Вы чего это затѣвали скандалъ? спрашиваетъ Джекъ, появляясь изъ-за угла улицы.—Видите, ужъ толпа собирается и вонъ полицменъ идетъ. Маршъ всѣ въ судилище!

По дорогѣ къ судилищу, т.е. къ крыльцу церкви св. Мартина, Джимъ шепнулъ капитану Джеку, что новоприбывшій заплатить за свое посвященіе въ братство сумму въ два пенса; на это капитанъ снисходительно улыбнулся и кивнулъ головою.

Торжественное засѣданіе въ судилищѣ окончилось общимъ гамомъ и кривомъ; надо было употребить все вліаніе капитана, чтобы уротить взбунтовавшихся подчиненныхъ и уговорить короля не отрекаться отъ престола. Впрочемъ, волненіе не скоро бы утихло, еслибы Джимъ не провозгласилъ, что новоприбывшій обявуется заплатить компаніи сумму въ девять пенсовъ изъ своихъ будущихъ заработковъ.

Благополучно устроивъ эти дѣла, Филиппъ принимается за работу вмѣстѣ съ Джимомъ. Къ девяти часамъ вечера, они зара-

ботываютъ два шиллинга шесть пенсовъ. Они заработали бы еще больше, но пошелъ дождь и Джимъ позволяетъ себѣ посибаритничать.

— Мы всегда около этого времени идемъ на Гей-Маркетъ; кукувыркаемся и побираемся тамъ до двухъ и до трехъ часовъ утра, говорить овъ Филиппу: — ну, да сегодня я не пойду. Куплю фунтъ хлѣба — сегодня можно развернуться, заработокъ былъ важный — и куплю на фартингъ подливки пожирѣе, и немножко чаю да сахару. У насъ, гдѣ ночуемъ, даютъ посуду безъ залога.

— А вы мясное ѣдите? спрашиваетъ Филиппъ, вмѣющій особое пристрастіе къ мяснымъ блюдамъ.

— Ыдимъ разъ или два въ недѣлю. Мы дѣлаемъ сладчину, отправляемся на Ньюгетсвій базаръ и покупаемъ тамъ мясо, а варимъ его дома сами. Потомъ мы выдаемъ жребій, кому достанется самый большой кусокъ мяса, а похлебку дѣлимъ чашечками поровну. Ну, пойдите ночевать. Вы не обращайтесь вниманія на старуху, на хозяйку, гдѣ ночуемъ; она какъ не пьяна, такъ и не злая старуха. Главное, не платите ей, коли видите, что она хмѣльная, потому она все позабудетъ и подниметъ крикъ: плати! и не втолкуешь ей, что уже заплатилъ. А ночевать у ней славно! Бываетъ, такъ согрѣешься, что даже весело станетъ!

Филиппъ, какъ мальчишъ смысленный и проворный, очень скоро перенимаетъ искусство кувирнанья колесомъ и побирошничества. Скоро онъ отказывается платить дань Джиму и перестаетъ ссужать капиталу пенсы; равнымъ образомъ онъ свертываетъ съ себя обязательство уплатить обществу положенную королемъ Тедди сумму; ему даже ничего не стоитъ развѣнчать этого монарха и разжаловать вачитана Дрека; необыкновенный успѣхъ въ работѣ поднялъ Филиппа высоко въ общемъ мнѣніи и десятки приверженцевъ по первому его слову готовы исполнить все, что онъ прикажетъ.

Законы, управляющіе обществомъ метельщиковъ, несложны: наблюдать строгую честность между своими членами и плутовать всевозможнымъ образомъ со всѣмъ остальнымъ міромъ. Чѣмъ искуснѣе членъ общества дурачитъ и обираетъ посторонняго, тѣмъ онъ больше возвышается во мнѣніи, но за малѣйшую недобросовѣстность съ «своими» онъ подвергается презрѣнію и пресѣдованію.

Съ полудня и до девяти часовъ вечера общество проводитъ на улицахъ, работая въ границахъ присвоенныхъ имъ владѣній; въ девять часовъ отправляется на Гей-Маркетъ, гдѣ бываетъ главная пожина.

До трехъ часовъ утра общество посвящаетъ себя на службу и заову толпѣ развратныхъ джентльменовъ, гуляющихъ въ это время по Гей-Маркету: бѣгаетъ за огнемъ для потушенной сигары, отворяетъ дверцы каретъ, бросаетъ по ихъ указанію грязью въ проходящихъ женщинъ.

Однако, даже эти щедрый полупьяныя податчи нисколько не обезпечиваютъ. Общество зачастую остается безъ обѣда.

VIII.

Въ одну ночь—Филиппъ уже годъ прожилъ уличнымъ побирашкой—общество, шатаясь около Гей-Маркета въ ожиданіи работы, завидѣло двухъ джентльменовъ на углу улицы, у фонарей; эти джентльмены лѣниво и безцѣльно посматривали по сторонамъ. По длиннымъ усамъ и коротко остриженнымъ волосамъ общество сейчасъ же признало ихъ за сыновъ Марса, находящихся на службѣ ея величества королевы Викторіи.

Въ одну секунду общество овружило ихъ; капитанъ Дрекъ выразилъ желаніе стать на носъ и выбить подошвами мелодію романа «Окончена битва» за ничтожную сумму—за пѣни, король Флейтъ предложилъ перекувырнуться за полпенни, а Филиппъ просилъ позволенія кататься колесомъ до тѣхъ поръ, пока весь почерябеть, за одинъ фартингъ.

— Ну, начинайте всѣ вмѣстѣ! приказалъ одинъ офицеръ.

Мальчики кувыркаются и вертятся до тошноты; офицеры смѣются; наконецъ, выбившись изъ силъ, мальчики прекращаютъ кувырканье и просятъ общанной платы, а офицеры все смѣются, жалуются, что кувырканье неудовлетворительно и объявляютъ, что до тѣхъ поръ не дадутъ денегъ, пока имъ не покажутъ чего-нибудь позанимательнѣе.

Одинъ офицеръ вынимаетъ изъ кармана коробочку пилуль и заставляеть Дрека проглотить три пилули, другой ведетъ въ пирожную лавочку Тедди, ставитъ его на прилавокъ и заставляеть, какъ обезьяну, кувыркаться и гримасничать, потомъ приказываетъ прокатиться колесомъ по лавочкѣ и утѣшается, види, какъ зонтки и палки посѣтителей хлопаютъ его по ногамъ, головѣ и рукамъ.

— Ну, теперь маршъ вонъ туда! Видите пьянаго? Повалите его въ грязь! командуютъ офицеры.

Оборвыши летать и валать.

— Слишкомъ скоро исполнили! Ну, теперь бѣгите, облѣйте грязью вотъ эту женщину. Видите? Тогда получите шесть пенсовъ.

Дрекъ захватилъ метлой грязи и ловко залѣпалъ женщину. Она со страхомъ и изумленіемъ оглянулась.

Филиппъ узнаеть кормилицу Газльвудъ.

Внезапное появленіе доброй старой кормилицы, единственнаго существа, которое любило и ласкало его въ жизни, во всякое время подѣйствовало бы сильно на Филиппа, но послѣ только что совершившагося наглого и безпощаднаго издѣванья офицеровъ, это появленіе подѣйствовало еще сильнѣе.

Онъ идетъ за ней слѣдомъ, замирая отъ волненія и печали.

Два раза онъ окликаетъ ее, но такъ тихо, что она не слышитъ. Наконецъ, онъ схватываетъ ее за шаль, и когда она обертывается, бросается къ ней на грудь и говоритъ: «это я!»

Она сейчасъ же узнаетъ его голосъ, беретъ его за голову руками, поворачиваетъ къ фонарю, смотреть на него и шепчетъ: «Господи! это Филь!»

— Нечего терзать меня, говорить Филиппъ: — что было, того не воротить и не поправишь.

Старая кормилица начинаетъ спрашивать его, ужасаться и агать.

— Какая польза плавать, кормилица? говоритъ Филиппъ. — Оли бъ отъ слезъ лучше было, а то вѣдь лучше отъ слезъ не удеть.

— Боже мой! Боже мой! плачетъ кормилица. — Выходила, вскормила, любила, какъ роднаго сына, а теперь вижу... Господи! въ грязныхъ лохмотьяхъ! Небось голодный?

— Ужъ ежели мальчигъ въ такой бѣдѣ, кормилица, такъ лучше о томъ не поминать; зачѣмъ поминать? Гдѣ теперь Берти, кормилица?

— Съ Берти видаться вамъ не слѣдуетъ, Филь, отвѣчаетъ со страхомъ кормилица. — Нѣтъ, нѣтъ!

— Отчего же мнѣ съ ней не видѣться?

— Нѣтъ, Филь! Вы ее не учите худому! Если вы провали, то пусть хоть она останется честной и доброй. Я говорю вамъ, вы ее не увидите!

— Иной подумаешь, я нивѣсть ужъ какой мошенникъ! возражаетъ Филиппъ.

— Богъ вамъ судья, Филь! стонетъ кормилица: — и онъ васъ пусть судить, а не я! Только Берти вы оставьте!

— Послушайте, кормилица, говоритъ Филиппъ, глотая, какъ будто горло у него пересохло: — вы, кажется, думаете, что я теперь пропащій? Только я вовсе не хуже прежняго. Ну, что же я такого сдѣлалъ? Я побирался, я даже не воровалъ, а что-жъ дѣлать, коли нечего ѣсть? Отчего мнѣ нельзя повидаться съ Берти? Я ее люблю. Я сколько разъ, сколько разъ объ ней вспоминалъ.

Онъ заплакалъ.

— А! я въ лохмотьяхъ, и потому вы теперь сторонитесь отъ меня! Ну, кормилица, коли я не увижу Берти, такъ знайте, что я попаду въ тюрьму — можетъ, даже нынѣшнюю ночь. Только васъ да Берти я люблю. Вотъ что: коли Берти мнѣ скажетъ: брось все это — я брошу. Скажите мнѣ, гдѣ живетъ Берти, скажите! Поведите меня къ ней и я все, все сдѣлаю, что вы только ни пожелаете!

Филиппъ, въ порывѣ страстной горести, заливаясь слезами. Кормилица сдается и устраниваетъ ему свиданье съ Берти, живущей, попрежнему, у знакомой школьнаго капеллана.

Берти, попрежнему, набожная и добропорядочная дѣвушка,

любящая пристойность во всемъ. Видъ грязнаго, отрешаннаго Филиппа приводитъ ее въ крайній ужасъ.

— Вы такъ на меня не глядите, Берти! говоритъ Филиппъ.— Отъ такого взгляда можно совсѣмъ опалѣть и отчаяться.

— Я давно все ждала васъ, Филь, отвѣчаетъ Берти, запинаясь: — только...

— Я знаю, что значить ваше *только!* вотъ что оно значить! говоритъ Филиппъ, потрясая свои лохмотья.— А! Берти! вы меня не любите, какъ я васъ! Я зналъ, что вы, какъ увидите меня, такъ застыдитесь, и я все-таки пришелъ; я бы пришелъ, хоть бы тутъ меня смерть дождала. Вы совсѣмъ не пережъ-нились, Берти; ни капельки! только я пережънился, да?

Она молчала.

— Берти! молитъ Филиппъ: — ну, скажите хоть одно слово! Я цѣлую ночь не спалъ, все ждалъ, что васъ увижу и что услышу, какъ вы говорите, а вы не хотите говорить! Я не прошу, чтобъ вы меня подаловали, или что такое, только вы меня не мучьте!

Наконецъ, Берти растрогивается, цалуешь его и прощаетъ.

— Вы бросьте эту жизнь, Филь, говоритъ она: — бросьте, а то погибнете.

— Да я и то почти погибаю, Берти. Заработку теперь почти совсѣмъ нѣту. Да что-жь мнѣ дѣлать, Берти? Куда идти? Къ кому? Я бы радъ пойдти работать, да кто меня приметъ?

Но дѣло устраивается очень скоро и благополучно. Бертина госпожа пьетъ ослиное молоко и въ самое утро свиданія Берти удается опредѣлить Филиппа къ поставщику этого молока, который тоже держитъ ослевъ для ватанья по окрестностямъ. Добрая и аккуратная дѣвушка шьетъ на свои деньги грѣшному другу дѣтства приличное платье, благословляетъ его въ погонянии ослевъ и, поставивъ его такимъ образомъ на путь «честнаго» добыванія хлѣба, свободно вздыхаетъ и успокоивается.

Первые дни Филиппъ очень доволенъ своимъ новымъ положеніемъ, но очень скоро онъ начинаетъ тосковать и томиться. Онъ, правда, болѣе или менѣе теперь всегда ситъ и у него есть уголокъ, гдѣ переночевать, по за то онъ теперь рабъ хозяина.

— Прежде я хоть самъ себѣ господинъ былъ! думаетъ онъ съ горестью. — И чѣмъ теперь лучше?

Въ самомъ дѣлѣ, что же онъ выигралъ? Чѣмъ въ сущности честнѣе эта новая, такъ именуемая «честная работа»? Прежде онъ кувирался по улицамъ и пускалъ въ ходъ жалобныя гримасы, чтобы добыть кусокъ хлѣба для утоленія мучившаго его голода; теперь онъ стронитъ умилыни гримасы и отвѣшиваетъ льстивые поклонны для того, чтобы заманить кого-нибудь покататься на хозяйскомъ ослѣ. Другой, неиспытанный жизнью невинный мальчикъ, затвердившій самими наилучшими, твердыми образомъ, что плутовство гнусно и унижительно во «всѣхъ» слу-

чаякъ и не признающій его лица въ очень многихъ, никогда, быть можетъ, самъ не дошелъ бы до этого вопроса: чѣмъ те- перь лучше? но Филиппъ, искушенный бѣдой и привыкшій въ свое оправданіе выслѣживать дѣла житейскія глубже, очень скоро до него добирается и смекаетъ, что голодный, пускающій въ ходъ лицемѣріе изъ-за куска насущнаго хлѣба, ничуть не безчестнѣе сытаго хозяина, промышленнаго семью ослами и нѣсколькими мальчиками-погонщиками; онъ чувствуетъ, что эта новая «честная» работа, такъ возрадовавшая кормилицу и сестрицу Берти, нисколько не поднимаетъ, и что онъ только промѣнялъ кукушку на ястреба.

Онъ, однако, крѣпится и остается у хозяина во имя дорогой ему Берти, тщательно бережетъ всѣ получаемыя отъ катальщи- ковъ и катальщицъ на водни, копить извѣстную сумму, затра- ченную на него Берти, и наконецъ, является платить ей долгъ.

— Вотъ долгъ, Берти, говоритъ онъ: — денежные дѣла те- перь у насъ покончены; а того, что вы мнѣ помогли, я нико- гда, никогда не забуду.

Берти чрезвычайно удивлена и растрогана этимъ благород- нымъ поступкомъ.

— Вы никогда не воображали, что я отдамъ вамъ долгъ, Берти? говоритъ Филиппъ, угадывая мысли добродѣтельной дѣ- вушки.—Ну, чтожъ! Я очень понимаю, что вы не ожидали это- го. Я васъ не осуждаю, а только вы знайте, что я лучше украду пени у слѣпаго нищаго съ тарелочки, чѣмъ у васъ.

— Да вѣдь это кражей развѣ можно назвать, Филь? я вѣдь дала вамъ эти деньги сама.

— Съ чего вамъ давать мнѣ деньги въ подарокъ, Берти? Я крѣпче и здоровѣе васъ, и могу больше работать. Если кому слѣдъ дѣлать подарки, такъ мнѣ вамъ, а не вамъ мнѣ.

Берти начинаетъ эвзаменовать, въ какомъ положеніи его нрав- ственность, и Филиппъ даетъ о себѣ отчетъ самый удовлетвори- тельный. Когда Берти его за это очень ласково цалуеетъ на vro- щаньи, у него снимается сердце; ея похвалы, обрадовавшія его сначала становятся тягостными, и онъ раскаявается, зачѣмъ лу- кавилъ, утаивая грѣши и плутни. Однако, онъ оставляетъ Берти въ пріятномъ заблужденіи.

Отъ уплаты долга у него остается полкronы, и онъ рѣ- шаетъ отыскать прежнихъ уличныхъ товарищей и угостить ихъ пивомъ и пуддингомъ.

Мы не будемъ подробно рассказывать дальнѣйшихъ приключе- ній Филиппа; скажемъ только, что изъ-за своего отца, дов- жаго и дерзкаго плута француза, Филиппъ невинно попадаетъ въ тюрьму, что его наконецъ оправдываютъ и выпускаютъ, что онъ поступаетъ къ другому «честному» хозяину, гдѣ его обя- занность состоитъ въ томъ, чтобы зазывать проходящихъ лѣди и джентльменовъ выстрѣлить въ цѣль, что скоро ссорится съ

новымъ хозяиномъ, бросаетъ его и дѣлается бредягой по ремеслу. Упражнялся въ этомъ занятіи, онъ въ девятнадцать лѣтъ достигаетъ званія капитана шайки, удивляющей полицію своей ловкостью и дерзостью.

Однажды, являсь на представленіе въ циркѣ по собственнымъ дѣламъ, то-есть, за поживою, Филиппъ попадаетъ на глаза своему отцу, который давно его знаетъ и имѣетъ въ виду для достиженія своихъ цѣлей касательно наслѣдства, и который, по своимъ соображеніямъ, находитъ удобнымъ въ данную минуту сойтись съ нимъ, что и исполняетъ.

Вѣрующіе въ «голосъ крови», говорятъ г. Мегью, чрезвычайно удивятся, узнавъ, что Филиппъ не почувствовалъ никакого особаго волненія, очутившись передъ незнакомымъ родителемъ. Ему просто было неловко, какъ со всѣмъ другимъ не-извѣстнымъ господиномъ, и онъ глядѣлъ на него недо-вѣрчиво и подозрительно, какъ глядѣлъ на всякаго непринадлежавшаго къ своей компаніи.

Вотъ ихъ первый разговоръ :

Отецъ. Садитесь ближе. Я хочу поговорить о дѣлѣ. Я слышалъ, вы вели плохую жизнь. Правда это?

Сынъ (угрюмо и раздражительно). Я жилъ такъ, какъ могъ.

Отецъ. Знаю я эту жизнь. Круглый годъ ломотья, голодъ и холодъ. Знаю!

Сынъ (со злобою). Ну, чтожь отъ того прибудетъ, что вы знаете?

Отецъ. Ваша жизнь ни къ чему и не приведетъ, кромѣ ломотьевъ и голодной смерти. Бросьте ее, живите, какъ я живу.

Сынъ. А вы какъ живете? Какой работой занимаетесь?

Отецъ. Я занимаюсь тою же работою, что и вы — добываю деньги. Только вы рискуете попасть въ тюрьму изъ-за нѣсколькихъ пенсовъ, а я рискую тѣмъ же изъ-за сотенъ фунтовъ. Имѣя средства, я могу исполнять работу искуснѣе и чище. Я полагаю, вамъ выгодно пристать ко мнѣ. Пристаете?

Сынъ (послѣ нѣкотораго размышленія). Я такъ и думалъ, что вы по этой части. Только ваше дѣло хуже моего. Я маленькая рыбка, и проскальзываю съвозъ плетении сѣти, а вы рыба большая; за вами гонятся, а за мной гоняться не стоятъ. Благодарю васъ за предложеніе, но я ужъ лучше останусь при своемъ.

Отецъ. Вы отказываетесь? Хорошо. Только есть еще одно важное обстоятельство, которое, надѣюсь, заставитъ васъ измѣнить рѣшеніе.

Сынъ. Что это за обстоятельство?

Отецъ. Вы мой сынъ.

Сынъ (пристально глядя на отца). Это еще что за пуля? Скажите, какъ звали мою мать.

Отецъ (недовольный малымъ эффектомъ открытія). Говорю вамъ,

что я вашъ отецъ. Ваша мать, Катерина Мертонъ, умерла въ тюрьмѣ въ бытность мою во Франціи.

Сынъ (съ яростью). Вы ее довели до тюрьмы! Вы меня бросили тамъ! Я прежде желалъ васъ видѣть, теперь не хочу. Пустите. Я вду!

Отецъ (спокойно). Я могу представить вамъ доказательства, что я сколько разъ хлопоталъ о васъ. Не я виновать, а Натаніель Крозье, отецъ вашей матери.

Сынъ. Ага! можетъ, тутъ есть доля правды! Онъ предлагалъ мнѣ эмигрировать и давалъ мнѣ денегъ на проѣздъ. Теперь я понимаю, съ чего эта его доброта. Отчего вы не судитесь съ нимъ?

Отецъ. Я не могу явиться къ суду—онъ знаетъ это. Но васъ полиція не знаетъ, и вы можете. Чтожъ, еще теперь вы станете раздумывать, прятать ли ко мнѣ, или нѣтъ?

Сынъ. Я скажу вамъ черезъ два дня. Я подумаю.

Поразмысливъ, Филиппъ рѣшается работать вмѣстѣ съ отцомъ и дѣлается «большою рыбою»..

IX.

Въ романѣ г. Мегью есть еще одинъ герой, родной братъ покойной матери Филиппа, воспитанный въ холѣ и нѣгѣ любящими родителями, капитанъ полка ея британскаго величества, Крозье-Мертонъ.

Капитанъ—статный, большой офицеръ и, несмотря на томное выраженіе лица, возбуждающее у всякаго желаніе положить его въ постель выспаться, очень хорошъ собою. Зубы у него ровны и бѣлы, какъ фортепьянныя клавиши, носъ самый орлиный, брови густоты необычайной; онъ одѣтъ изящно и съ благородствомъ носить стеклышко въ глазу.

Г. Мегью не рассказываетъ намъ дѣтства прекраснаго капитана, но и безъ разсказа совершенно ясно, что это было обыкновенное дѣтство богатныхъ людей съ прививкой возвышенныхъ чувствъ и дрянныхъ привычекъ, съ внушеньемъ строгой нравственности по общепринятой методѣ и съ поблажкой мелкимъ гадостямъ.

Читатель знакомится съ капитаномъ Мертономъ-Крозье когда онъ уже человѣкъ сложившійся и ведетъ счастливую жизнь, получая отъ отца прекрасное содержаніе и находясь въ отпуску «по болѣзни».

Около двѣнадцати часовъ дня, капитанъ, накинувъ на себя плафрокъ, бросается на софу и, зѣвая, ожидаетъ не завернется ли кто изъ пріятелей. Пріятели заворачиваютъ. Одинъ требуетъ горькаго злю, другой чистаго воротничка въ займы; закуриваются сигары и начинается дружеская бесѣда.

— Ну, какъ вы вчера справились съ Аоксомъ послѣ моего ухода? спрашиваетъ капитанъ.

— Свалили его въ кэбъ и отправили домой, отвѣчаетъ пріятель. — Отроду я не видывалъ до такой степени пьянаго человѣка!

— Что сдѣлалось съ Томомъ? гдѣ онъ дѣвался? спрашиваетъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Укатилъ въ Булонь или еще куда-нибудь, отвѣчаетъ другой. — А вы гдѣ сегодня пропадали, полковникъ?

— Мы до завтрака проиграли въ карты, отвѣчаетъ полковникъ.

— Тагъ вы и не дожились, значитъ? спрашиваетъ капитанъ.

— И не думали! По мнѣ хоть никогда не спать!

И полковникъ улыбается, будто желая сказать: что я за обыкновенный человѣкъ!

У него спрашиваютъ, выигралъ ли онъ; онъ въ отвѣтъ пожимаетъ плечами.

— А я записку получилъ отъ Аскота, говоритъ капитанъ, внутренне гордый тѣмъ, что пріятельствуетъ и получаетъ записки отъ аристократа Аскота:—онъ уведомляетъ, что не можетъ быть на бою въ понедѣльникъ. Слушайте, что пишетъ:

«Любезный Крозье, тысячу разъ благодарю, но я уже приглашенъ. Далъ бы порядочную сумму чтобы отправиться съ вами» и т. п.

— Кто изъ васъ идетъ на вечеръ къ Кресси? спрашиваетъ одинъ офицеръ.

— Премного благодаренъ! Я не виношу ихъ вѣкъ! отвѣчаетъ другой.

— А дѣвочки у Кресси премиленкія! замѣчаетъ третій.

— Мнѣ особенно нравится Юлія, говоритъ капитанъ. — Этотъ дьяволенокъ пожалъ мнѣ руку въ вальсѣ!

— Фредъ! что вы тамъ высматриваете? спрашиваетъ кто-то изъ компаніи.

Оказывается, что Фредъ высматриваетъ хорошенькую дѣвушку у окна противоположнаго дома.

— Экая собака! говоритъ одинъ офицеръ, хлопая по спинѣ Фреда. — Я такъ и думалъ, что онъ папалъ на слѣдъ!

Затѣмъ всѣ подходятъ къ Фреду: кто весело толкаетъ его подъ бока, кто обзываетъ мошенникомъ, кто честить негодлемъ, но все это такимъ тономъ, какимъ говорятся самна восторженныя похвалы.

Эту дѣвушку, Верти, капитанъ Крозье-Мертонъ давно уже замѣтилъ и давно старался завести съ ней знакомство, но безъ всякаго успѣха. Когда товарищи начинаютъ разсматривать ее въ подзорную трубку и разбирать по ниточкѣ ея красоту, онъ не безъ наслажденія слушаетъ ихъ восславленія и видитъ ихъ восторгъ.

— Ну, говоритъ Фредъ: — я займусь ею. Жаль было бы упустить такую прелесть.

— Прощу извинить, Фредъ! вскрикиваетъ капитанъ. — Въ чужой огородъ не годится лазить.

— Это миѣ нравится! возражаетъ Фредъ. — Я ее открылъ и она миѣ принадлежитъ по праву!

— Вы ее открыли? вы? заоралъ капитанъ. — Да я ее знаю вотъ уже шесть мѣсяцевъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Между ворами наблюдается то же честность! Вы не грабьте меня! Не крадьте у чело-вѣка его совровища!

Доводы и доказательства, кому принадлежитъ Берти, превра-щаются въ жаркій споръ и, наконецъ, почти въ ссору.

— Вы только время даромъ потратите, говоритъ Фредъ. — Вы тутъ ничего не смыслите, какъ вести дѣло.

— Хотите пари? кричитъ взбѣшенный капитанъ. — На пять-десять хотите?

— Ну, а какъ вы докажете? спрашиваетъ одинъ офицеръ.

— А вотъ какъ, говоритъ другой: — пусть Крозье позоветъ насъ всѣхъ обѣдать въ Ричмондъ и приведетъ ее туда. Сроку ему дается шесть мѣсяцевъ.

— Идетъ! говоритъ капитанъ Крозье. — И кто проиграетъ, тотъ пусть, кромѣ пари, заплатитъ и за обѣдъ.

Въ этихъ толкахъ они проводятъ время до шести часовъ вечера.

Послѣ этого пари Берти получаетъ двойную цѣну въ гла-захъ прекраснаго капитана. Онъ пускаетъ въ ходъ всевозмож-ная уловки и хитрости, но Берти принадлежитъ къ тѣмъ умѣ-реннымъ натурамъ, съ которыми сладить всего труднѣе. Учи-теля у ней были строгіе, она боялась ихъ и такъ твердо затвер-дила ихъ уроки, что ей немисливо сдѣлать какое бы то ни было отступленіе отъ разъ означенной рамки. Мысль у ней неповоротли-вая, терпѣніе огромное и сильное упованіе попасть въ рай, гдѣ ей съ огромными процентами уплатится за всѣ, понесенныя на землѣ, страданія. Любовь, какъ извѣстно, получаетъ настоящей смыслъ и даетъ настоящія наслажденія только при полномъ довѣрїи къ любимому челоуѣку и при безусловной преданности, но Берти и въ любви робка, осторожна и недоувѣрчива. Плѣненная блестящимъ капитаномъ, она, однако, ни на секунду не забываетъ о слышанныхъ ею примѣрахъ обольщенія и гибели, и довѣ-ряется ему не прежде, какъ оградивъ себя отъ могущихъ встрѣ-титься обѣдъ, законнымъ бракомъ. Правда, она тутъ попадаетъ въ ловушку, потому что вѣнчанье устроено подложное, но это не относится къ неосмотрительности, а только къ невѣдѣнію но-дебныхъ продѣлокъ. Подозрѣвая она возможность подложнаго исполнителя обряда вѣнчанія, она не преминула бы кротко по-требовать доказательства подлинности лица, отъ котораго съ трепетомъ и благоговѣніемъ будетъ принимать благословеніе на новую жизнь. Эта-то сдержанность и увлекаетъ капитана за предѣлы благоразумія. Напрасно онъ мучится стыдомъ и раская-ніемъ, напрасно говоритъ себѣ: «Я могъ бы на эти деньги, положенныя на обольщеніе Берти, лучше жить, завести отлич-ныя знакомства, выгодно жениться и быть, наконецъ, свобод-

нимъ отъ папашинной скупости и тираніи!» Онъ не въ силахъ оторваться отъ нея, и всякое препятствіе только пуще его дразнить и завлекаетъ.

Романъ г. Мегью очень длиненъ и въ немъ появляется и исчезаетъ много лицъ, невмѣющихъ даже ничего общаго съ ходомъ разсказа, но каждое лицо бросаетъ свой свѣтъ на все окружающее героевъ, и оба они выходятъ очень ярко очерченными фигурами. Прочитавъ романъ, вы невольно ихъ сравниваете. Филиппъ Мертоновъ и капитанъ Кроузе воспитались и развивались при совершенно различныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, но они похожи другъ на друга по природѣ: та же впечатлительность, бойкость, жажда наслажденій и неумѣнье справиться съ собою. Одинъ попалъ въ среду воровъ, другой въ кругъ богатой саранчи. Общество воровъ обезображиваетъ Филиппа, но не убиваетъ въ немъ всего человѣческаго; но избранный вужокъ растлѣваетъ капитана Кроузе до мозга костей.

(Читатель, не примите это за намекъ на то, что надо быть воровъ!)

У воровъ есть борьба, раскаяніе, желаніе сдѣлаться лучше. «Ахъ, если бы мнѣ такой дворецъ! говоритъ Филиппъ. Какимъ отличнымъ мальчикомъ можно быть въ такомъ дворцѣ!» И въ самомъ дѣлѣ, при первой возможности, онъ бросаетъ воровскую жизнь. Капитанъ никогда не желаетъ выдти изъ грязнаго разврата и безсмыслия, онъ доволенъ собою, будь только у него деньги.

У Филиппа есть кое-какая цѣлостность, кое-какія хорошія стремленія; онъ будетъ стоять за товарища, не выдастъ того, кто ему довѣритса; онъ можетъ жертвовать своими выгодами, сильно привязаться; у капитана ничего этого и въ заводѣ нѣтъ; онъ—распущенное, обжорливое, взнѣженное животное, и больше ничего.

Выводъ этихъ двухъ героевъ, мы полагаемъ, г. Мегью хотѣлъ сказать: 1) что никакіе нравственные карантинны, будь то родительскій кровъ или прекрасно содержанная школа, недействительны, если при первомъ шагѣ изъ карантина встрѣчаютъ выпущеннаго самня пагубныя вліянія; 2) что самое растлѣвающее начало находится не въ горькомъ воровствѣ, а въ томъ праздномъ, утонченномъ кругу, гдѣ блистаютъ капитаны Мертоны. Мысль эта не нова, читатель, и мы ее, пожалуй, не разъ съ вами выражали, но она не мѣшала намъ принимать вѣзны Мертоновъ-Кроузе и съ отвращеніемъ отвертываться отъ Филипповъ. Если будетъ побольше такихъ писателей, какъ г. Мегью, быть можетъ, если не мы, то другіе мало по малу отъ отвлеченностей перейдутъ въ дѣйствительность и постараются устроить жизнь на другой ладъ.

Въ слѣдующей статьѣ мы познакомимъ читателей въ очерками Джемса Гринвуда.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

МѢЩАНСКАЯ СЕМЬЯ. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ М. В. Андѣева
(бенефасъ г-жи Жуковой 17 января).

Я могъ бы писать отличныя драмы, прекраснѣйшія комедіи и дышущіе животрепещущимъ интересомъ романы, но воспоминанія преслѣдуютъ меня. Они осаждаютъ меня толпою, какъ только я берусь за перо. То Жоржъ-Зандъ, то Тургеневъ, то Островскій, то Гоголь, то Бальзагъ — держатъ мою мысль въ такой тѣсной осадѣ, что я не могу сдѣлать шагу, чтобы не раздражиться ими. Я очень прилеженъ, и изъ всѣхъ силъ стараюсь что-нибудь выдумать, но свѣдущіе люди утверждаютъ, что всѣ мои выдумки давно уже выдуманы и даже изложены въ гораздо приличнѣйшей формѣ. Тѣмъ не менѣе, я человѣкъ скромный; я охотно примирился бы даже съ ролью изобрѣтателя изобрѣтеннаго, если ужъ нѣтъ для меня никакой другой роли; но тутъ меня настигаетъ другая бѣда: никакъ не могу свести конца съ концами. Начну-то я довольно благополучно: жилы да были такіе-то, и былъ у нихъ подводный камень такой-то (смотри Жоржъ-Занда, Бальзага, Тургенева и другихъ изобрѣтателей), но какимъ образомъ поступить съ этимъ подводнымъ камнемъ, какимъ образомъ сдѣлать, чтобы онъ былъ дѣйствительно подводнымъ, а не аэролитомъ — никакъ не придумаю. Много могу я взимслить всякаго рода дѣйствующихъ лицъ — и сѣдыхъ, и брюнетовъ, и бѣлокурыхъ, и скромныхъ, и напыщенныхъ, и прилежныхъ и лѣнивыхъ; много могу написать разнообразнѣйшихъ діалоговъ; но какъ свести этихъ дѣйствующихъ лицъ въ одно мѣсто, какъ заставить ихъ быть именно «дѣйствующими», а не просто слонающимися изъ угла въ уголку лицами, какъ устроить, чтобы мои діалоги приходились во времени и въ мѣсту, чтобы супъ у меня не подавался послѣ пирожного, и чтобы рубанка не надѣвалась послѣ фрага — рѣшительно ума не приложу. Всегда какъ-то такъ случается, что не сюжетъ обладаетъ мною, а я обладаю сюжетомъ. Когда я пишу, то — много ли, мало ли я на написалъ — я чувствую, что пьеса моя не имѣетъ конца и имѣть его никогда не можетъ. То-есть, коли хотите, онъ вѣсть, этотъ конецъ, но приходять онъ совсѣмъ не тогда, когда ему прѣдти нужно, а тогда,

когда я самъ того пожелаю. Въ этомъ отношеніи я деспотъ безпримѣрнѣйшій; захочу — напишу пять дѣйствій; не захочу — окончу на третьемъ. Конечно, эта свобода имѣетъ свои выгоды, но не могу скрыть, что иногда на меня нападаетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли во всѣхъ случаяхъ свобода есть такое сладкое благо, чтобъ можно было пользоваться имъ безъ соблюденія экономіи. Да и публика, какъ слышно, не очень-то долюбливаетъ, когда въ искусствѣ слишкомъ исключительно господствуетъ правленіе монархическое неограниченное.

Вотъ мысли, которыя невольно приходили мнѣ въ голову, когда я смотрѣлъ на новую комедію г. Авдѣева, названіе которой выписано выше. Она съ такою ясностью поставила передо мной вопросъ о моемъ драматическомъ безсиліи, что, выходя изъ театра, я далъ себѣ слово впредь всегда оставаться самимъ собою и какъ огня опасаться чужихъ одеждъ. Сверхъ того, мнѣ повязалось, что неизлишне будетъ, если я, повремениамъ, буду остерегаться слишкомъ широко захватывающихъ мыслей. Слова нѣтъ, оно хорошо, думалось мнѣ, если мысль у меня съ крыльшками, а ну какъ, упаси Богъ, я не съумѣю совладать съ нею, да вдругъ и сведу хорошую-то мысль къ нулю. Вѣдь тогда, чего добраго, скажутъ, что я стрѣляю съ ковра, а бью съ рогами. Нѣтъ, лучше оставлю-ка я хорошія мысли, и буду довольствоваться мыслями средними. Пусть будетъ мой удѣлъ скромнень, пусть буду я простымъ рассказчикомъ, фельетонистомъ, рецензентомъ; пускай называютъ меня человѣкомъ средняго полета; но, по крайней мѣрѣ, я буду въ состояніи утверждать, что тѣ среднія мысли, которыми я пробавляюсь, суть мои собственныя мысли, и что то добро, которымъ я, отъ времени до времени, дѣлюсь съ публикой, есть мое собственное добро.

По моему мнѣнію, скромный удѣлъ есть въ то же время и самый завидный удѣлъ въ цѣломъ мірѣ. Не тотъ писатель блаженъ, который, подобно орлу, ширяетъ въ высотахъ, высматривая, не завалилось ли гдѣ годнаго для употребленія вопроса, а тотъ, который имѣетъ хотя и не мудреные, но свои собственныя вопросы. Очень можетъ быть, что найдутся воины, которые скажутъ, что обладатель немудрыхъ вопросовъ мелко плаваетъ, но, навѣрное, никто не будетъ отвергать, что у него есть *собственное мѣсто* въ литературѣ. Его не смѣшаютъ ни съ кѣмъ другимъ, и тѣмъ избавятъ отъ неловой обязанности выслушивать комплименты за Тургенева, Островскаго и Бальзака.

Хотя публикѣ мало извѣстно, что г. Авдѣевъ нѣсколько лѣтъ сряду агитируетъ въ русской литературѣ вопросъ о положеніи современной женщины въ семействѣ и обществѣ, тѣмъ не менѣе эта неизвѣстность происходитъ совсѣмъ не отъ того, чтобы попытка почтеннаго автора въ этомъ отношеніи могли подлежать какому-либо сомнѣнію, а отъ причинъ совершенно особаго рода. Между этими причинами самое главное мѣсто занимаетъ

то обстоятельство, что г. Авдѣевъ нигдѣ съ достаточною ясностью не высказалъ, что собственно его безиконить въ современномъ состояніи женскаго вопроса, почему онъ находитъ положеніе женщины неудовлетворительнымъ, и чего бы онъ желалъ для улучшенія его? Хотя героини романовъ г. Авдѣева прежде всего рекомендуются читателю, какъ женщины угнетенныя и недовольныя, но это недовольство имѣетъ очень мало дѣйствительныхъ точекъ соприкосновенія съ женскимъ вопросомъ, и стихія, которая ярче всего выступаетъ впередъ въ этомъ случаѣ, есть стихія, такъ сказать, камелийная. Женщины г. Авдѣева не ищутъ никакой другой свободы, кромѣ свободы любви, такъ что, ежели мы сравнимъ эту основную идею его произведеній съ тѣми традиціями, которыми издревле руководился романъ, изображая такъ-называемую «преступную любовь» или «любовь съ пренятствіями» (обыкновенное содержаніе всякаго романа), то легко убѣдимся, что между первой и послѣдними не имѣется никакой существенной разницы. А такъ-какъ читатель всегда усматриваетъ въ книгѣ не болѣе того, что она даетъ ему дѣйствительно, тенденціозность же г. Авдѣева выражается не столько ясностью возбуждаемыхъ имъ вопросовъ, сколько частымъ обращеніемъ къ одной и той же темѣ, то изъ этого выходитъ, что въ стараніи его указать на неудовлетворительность положенія современной женщины въ обществѣ пропадаютъ для большинства читателей даромъ, т.-е. представляются обыкновенными приемами, въ которыхъ прибѣгаетъ каждый авторъ, желающій сдѣлать «преступную любовь» однимъ изъ элементовъ изображаемой имъ драмы. И такимъ образомъ, значеніе г. Авдѣева, какъ писателя-спеціалиста по части женскихъ интересовъ, не успѣло, въ глазахъ публики, получить никакой силы, и съ самымъ именемъ почтеннаго автора не связывается, въ умѣ читателя, много понятія, кромѣ того, что оно принадлежитъ писателю, подобно прочимъ пріятно описывающему тѣ случайности, которымъ подвергается женщина, желающая испытывать волненія «преступной любви».

Нельзя не признаться, что подобное опредѣленіе литературной фізіономіи г. Авдѣева вполне справедливо; тѣмъ не менѣе оно было бы очень односторонне въ устахъ людей, занимающихся русскою литературою ех professio. Эти послѣдніе, при оцѣнкѣ автора, обязаны принимать въ соображеніе не только дѣйствительное его значеніе, но и тѣ намѣренія, которыя онъ самъ предъявляетъ. Если адвокатъ на брако-разводномъ дѣлѣ постоянно проигрываетъ процессы, которые онъ беретъ на себя, то это все-таки не отнимаетъ у него права именоваться адвокатомъ не по какимъ-либо другимъ, а именно по брако-разводнымъ дѣламъ. Можно назвать его несчастнымъ адвокатомъ, но отрицать его спеціальность нельзя. Точно такъ же нельзя отречь отъ спеціальности г. Авдѣева. Приступая къ чтенію или

слушанію каждаго новаго произведенія этого автора, можно раньше и безошибочно сказать, что на сцену, навѣрное, явится женщина, которая или преступила, или, по малой мѣрѣ, напала, и тѣмъ доказала свою правоспособность въ сферѣ пониманія женскихъ интересовъ. Можно опровергать доказательность воззрѣній автора на существо женскаго вопроса, можно утверждать, что они поверхностны и ограничены, но усомниться въ его намѣреніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Самое постоянство въ выборѣ сюжетовъ уже доказываетъ, что тутъ нѣтъ никакой случайности, и я тѣмъ охотнѣе признаю этотъ фактъ, что онъ до крайности облегчаетъ мой трудъ, какъ рецензента.

Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ имѣть дѣло съ писателемъ-спеціалистомъ. Въ послѣднее время, наши литературные дѣятели заявили рѣшительную наклонность устроиться каждый въ своемъ углу и тамъ на свободѣ предаться разработыванію различныхъ спеціальностей, не допуская въ нимъ никакихъ общечеловѣческихъ примѣсей. У насъ есть спеціалисты по части вольной клубнички, спеціалисты по части извѣщенія, спеціалисты по части чиновническихъ обличій; если не ошибаюсь, то есть даже спеціалистъ по части легкомыслія. При взглядѣ на сочиненія этихъ авторовъ, вы сразу угадываете, о чемъ тутъ будетъ идти рѣчь, и сразу же знаете, что слѣдуетъ сказать объ нихъ, въ качествѣ рецензента. Въ этихъ сочиненіяхъ все спеціально, а слѣдовательно и все просто. Вы не рискуете встрѣтиться тутъ ни съ какою нравственною запутанностью, которую вамъ предстояло бы разъяснить, не найдете ни одного положенія, которое являлось бы продуктомъ извѣстнаго жизненнаго строя. Все здѣсь просто и изолировано; все живетъ своею собственною, независимою жизнью. Слѣдовательно, рецензенту, при разборѣ такого рода сочиненій, предстоитъ одно: удостовѣриться, въ какой степени авторъ остается вѣренъ своей спеціальности, т.-е. ежели онъ спеціалистъ по части легкомыслія, то до конца ли остается легкомысленнымъ, ежели спеціалистъ по части вольной клубнички, то не заставитъ ли своего героя страдать отъ недостатка оной. И если авторъ оказывается исправнымъ, то рецензенту ничего больше не остается, какъ доложить публикѣ: такая-то книга принадлежитъ спеціалисту такому-то, и, не представляя никакой пищи ни для ума, ни для сердца, въ достаточной степени удовлетворяетъ избранной имъ спеціальности.

Признаюсь откровенно, точь въ точь такимъ образомъ намѣревался я поступить и въ настоящемъ случаѣ, когда отправлялся въ Александринскій театръ въ бенефисъ г-жи Жулевой. Признавая г. Авдѣева однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ литературныхъ нашихъ спеціалистовъ, а именно спеціалистомъ не столько по части женскаго вопроса, сколько по дѣламъ брако-разводнымъ, я разсуждалъ такъ: хотя мнѣ положительно извѣстно, въ

чемъ заключается сюжетъ новой пьесы, и я могъ бы съ помощью одной афиши разсказать читателю ея содержаніе, но такъ-какъ мнѣ пришлось бы при этомъ утверждать, что лично присутствовалъ при ея представленіи, то пойдю въ театръ хотя бы только для очищенія совѣсти. Однако, на сей разъ ожиданія мои были обмануты, и самымъ неприятымъ образомъ.

Нельзя сказать, чтобы г. Авдѣевъ совершенно погнулъ дорогой ему брако-разводный вопросъ, но онъ далъ ему, въ новомъ своемъ произведеніи, эпизодическое значеніе, и тѣмъ значительно повредилъ своей репутаціи, какъ специалиста. Къ счастью, въ то же время онъ остался совершенно вѣренъ другой своей специальности, т. е. той чуткости, съ которою онъ постоянно относится къ произведеніямъ другихъ своихъ собратій по ремеслу.

Идея «Мѣщанской Семьи» не новая, но очень благодарная. Разбогатѣвшее, завистливое мѣщанство, охотно отрекшееся отъ своего прошлаго, но еще неуспѣвшее отыскать для себя твердой почвы въ настоящемъ; мѣщанство, безпрестанно само себя обличающее, самодовольное и въ то же время на каждомъ шагу озирающееся; мѣщанство, выдающее себя предметомъ самыхъ грубыхъ ласкательствъ и въ то же время немогущее скрыть отъ себя, что за этими ласкательствами таится едва сдерживаемое презрѣніе—вотъ тѣма, которую избралъ г. Авдѣевъ для новаго своего произведенія, и которую, по всѣмъ видимостямъ, внушила ему комедія Ожье: «Le gendre de monsieur Poigier». Повторяю; тѣма, очень благодарная, и въ рукахъ талантливаго автора могущая дать канву для разнообразнѣйшихъ и интереснѣйшихъ драматическихъ комбинацій. Въ этомъ фальшивомъ мѣщанскомъ мірѣ, нѣтъ ни одной ноты, которая звучала бы правильно, ни одного поступка, который не былъ бы недоумѣніемъ и не заключалъ въ себѣ зародыша безчисленнаго множество другихъ недоумѣній. Трудно дышится въ этой грубо намалеванной сферѣ, въ которой до того извращены всѣ понятія, что самыя естественныя требованія здраваго смысла и чувства представляются чѣмъ-то вопиющимъ, неестественность же и чудовищность, напротивъ того, усваиваютъ себѣ всѣ признаки естественности и нормальности. Но для того, чтобы сдѣлать для зрителей эту нравственную смуту сколько нибудь понятною, для того, чтобы зритель увидѣлъ въ ней нѣчто болѣе, нежели простую диковину, необходимо, чтобы авторъ отнесся къ своей задачѣ не только какъ въ сброду болѣе или менѣе комическихъ подробностей, соединенныхъ между собой чисто механической связью, но раскрылъ бы тотъ внутренній прахъ, которымъ собственно и держится эта чудовищная аггломерация всевозможныхъ бессмыслицъ, недомолвокъ и недоразумѣній. Къ сожалѣнію, г. Авдѣевъ предпочелъ пойти первымъ путемъ, какъ легчайшимъ,

и далѣ намъ рядъ сценъ, которыя ничего не объясняютъ и слѣдуютъ одна за другою иногда даже безъ видимой нужды.

На сценѣ, семейство богатаго откупщика Кубарева; члены его: самъ Кубаревъ (г. Васильевъ 2-й), добрый, но довольно глупый и слабый старикъ, мечтающій современемъ достигнуть баронства; жена его (г-жа Жулева), изъ рода раззорившихся дворянъ, проникнутая чванствомъ и глубоко уязвленная неаристократическою спеціальностью своего супруга; двѣ дочери, изъ которыхъ одна (г-жа Читау), замужемъ за остзейскимъ барономъ Штерифальдомъ и требуетъ свободы любви, другая (г-жа Яблочинна 1-я) еще въ дѣвушкахъ и представляетъ собой одну изъ тѣхъ безцвѣтныхъ личностей, о которыхъ даже сказать ничего нельзя; наконецъ сынъ гусарь—стереотипный вагнецъ, изъ котораго г. Журинъ, сверхъ того, потрудился сдѣлать личность совершенно противоположную и не позволительную. Кромѣ того, у Кубарева есть мать, простая старуха, которая носитъ на головѣ волосники, и которая, какъ нарочно, прїѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы подлить еще болѣе горечи въ эту и безъ того преисполненную всякаго рода горечью семью. Такова внѣшняя обстановка новой комедіи, обстановка хотя и непоражающая авторскою изобрѣтательностью, но тѣмъ не менѣе могущая служить канвою для содержанія довольно разнообразнаго. По этой внѣшней обстановкою все дѣло и оканчивается, такъ что, въ дальнѣйшемъ совершенно достаточно прочесть афишу, чтобы угадать, какаго рода драматическія положенія выведетъ авторъ для удовольствія и назиданія зрителей.

Изъ перваго дѣйствія зритель узнаетъ, что существуетъ на свѣтѣ нѣкто господинъ Панкратьевъ (г. Нильскій), который находится въ довольно странныхъ отношеніяхъ къ дочерямъ Кубарева. Со старшей онъ находится въ любовной связи и въ то же время ищетъ руки младшей дочери. Нужно сказать, что эта интрига совсѣмъ не пужная ни для хода пьесы, ни для ея идеи, и что даже самъ авторъ оставляетъ ее безъ всякаго развитія, но такова уже сила браво-разводной спеціальности г. Авдѣева, что онъ не могъ воздержаться, чтобы и тутъ не коснуться ея, хотя бы съ явнымъ ущербомъ для своего произведенія. Скучными объясненіями этого Панкратьева и очень неловкими увертками его между двумя сестрами наполняется цѣлая половина перваго акта. Наконецъ, на сценѣ собираются всѣ члены семьи, изъ которыхъ каждый, хотя и своими словами, но въ сущности, совершенно однообразно, объясняетъ зрителю свой характеръ. Между прочимъ, молодой гусарь Кубаревъ рассказываетъ, какъ онъ бутылъ цѣлую ночь на Средней Рогаткѣ и подшутилъ тамъ надъ какою-то старухой, которая ѣхала изъ Москвы въ Петербургъ не по желѣзной дорогѣ, а на лошадахъ. Едва успѣлъ онъ досказать послѣднее слово своей эпопеи, какъ эта самая старуха тутъ какъ тутъ. Оказывается, что это мать

Кубарева, женщина ужаснѣйшая, ходящая въ волосникахъ и въ добавокъ чихающая. Общее смятеніе, которое усугубляется еще докладомъ лакея о прїѣздѣ князя Жижимскаго. Пробуютъ спрятать куда-нибудь старуху, выискивая для этого благовидные предлоги, но она слишкомъ много усчитала на своемъ вѣку дѣловальничковъ, чтобъ поддаться на живую нитку смитому обману. Что жъ, прячьте мать-то! прячьте! восклицаетъ она гнѣвно, и тѣмъ полагаетъ предѣлъ первому дѣйствию.

Во второмъ дѣйствиі, къ Кубареву-отцу прїѣзжаетъ зять его, баронъ Штерифельдъ. Съ легкой руки автора «Окраинъ Россіи», вошло во всеобщее обыкновеніе обращаться съ остзейскими баронами безъ церемоніи. Этому обыкновенію послѣдовалъ и г. Авдѣевъ, выведя своего барона на сцену для того только, чтобы заставить его попросить денегъ и высказать нѣсколько бессмыслицъ, передъ которыми блѣднѣютъ даже откупщицкія бессмыслицы Кубарева. Завязывается бой на пошлостяхъ, бой довольно удачно напоминающій таковыя жъ бои въ названной выше пьесѣ Ожье, и побѣдителемъ на сей разъ оказывается премудрый откупщикъ. По изгнаніи остзейскаго барона, на сцену является вназв Жижимскій (г. Самойловъ 1-й), вѣчто въ родѣ умственно развитѣйшагося савонника, ничего не говорящаго, кромѣ: «что бишь я хотѣлъ сказать?» да «какъ здоровье?» Тѣмъ не менѣе, родителямъ Кубаревымъ удается понять, что князь прїѣхалъ не спроста, и что онъ не прочь предложить руку и сердце младшей ихъ дочери, Аделандѣ Васильевнѣ.

Въ третьемъ дѣйствиі, на сценѣ балъ. Проходятъ разные лица: генералы, офицеры, чиновники на хорошей дорогѣ, молодые люди съ будущностью, молодые люди безъ будущности и т. д. Авторъ, какъ человѣкъ аккуратный, не воспользился на характеристичныя, и, во избѣжаніе недоразумѣній, отпечаталъ ихъ въ афишахъ. Старуху Кубареву запираютъ въ какой-то закулокъ въ родѣ чулана, въ которомъ она подслушиваетъ любовное объясненіе между баронессою Штерифельдъ и Панкратьевымъ, и, къ довершенію всего, раздражается такимъ неистовымъ чиханьемъ, что производитъ общее смятеніе. Между тѣмъ, гости распускаютъ на балѣ слухъ, что Кубаревъ развѣрился; происходятъ сцены, совершенно подобныя тѣмъ, которыя разыгрываются на балѣ въ «Горѣ отъ ума». Это до такой степени обманываетъ зрителей, что большіяхъ усилій нужно, чтобы воздержатъ ихъ отъ вызова: Грибоѣдова! Въ заключеніе, князь Жижимскій дѣлаетъ формальное предложеніе младшей дочери Кубаревыхъ, но Адель, къ великому ужасу родителей, отказывается наотрѣвъ.

Въ четвертомъ дѣйствиі, Кубаревъ-отецъ объясняетъ технологи Пѣвину (г. Самойловъ 2-й), что онъ развѣрился, и что дочери его, Адели, необходимо выйти замужъ за князя Жижимскаго, потому что она привыкла къ комфорту и жизни съ бѣдными чловѣкомъ для нея немислима. Кубаревъ обращается въ

содѣяствію Пѣнкина, чтобъ убѣдить Адель въ непреклонности этой истины. Пѣнкинъ самъ любитъ Адель и любимъ ею взаимно, но, по какому-то непонятному соображенію, не отказывается отъ исполненія навязываемаго ему порученія. Происходитъ объясненіе между влюбленными — и что жъ оказывается? — что Адель дѣйствительно до такой степени заражена любовью къ комфорту, что скорѣе соглашается жить въ чертогахъ съ разслабленнаго сановникомъ, нежели въ хижинѣ съ милымъ сердцу человѣкомъ. Эта сцена столь удивительна, что надо видѣть ее собственными глазами, чтобъ понять, какое тяжелое впечатлѣніе можетъ производить несвязный сумбуръ на зрителей самихъ невзыскательныхъ. Кончается, разумѣется, тѣмъ, что является г. Самойловъ 1-й, подають шампанское и завѣсъ падаетъ среди громаднѣйшаго шикаря.

Вотъ какого рода нехитрою страпнею накормилъ г. Авдѣевъ свою публику. Миѣ скажутъ, можетъ быть, что, если страпня эта такова, то не стоило и говорить объ ней. Это такъ. Но не надо забывать, что мы не можемъ выбиться изъ этой страпни, что когда бы мы ни заглянули въ театръ, мы ни подъ какииъ видомъ не разминемся либо съ «Пробнымъ камнемъ», либо съ «Фроломъ Слабѣвнымъ», либо съ «Прекрасною Еленой». Этого фактъ самъ по себѣ достаточно обременителенъ, чтобъ поговорить объ немъ. И въ самый этотъ вечеръ, когда шла «Мѣщанская Семья», все-таки не обошлось безъ «Прекрасной Елены»; хоть одинъ актъ, а дали. И надо было видѣть, какое было написано уныніе, чуть не омерзенеіе, на лицахъ актеровъ, исполнившихъ этотъ несчастный первый актъ. Пожалѣемъ ихъ, читатель; вспомнимъ, что въ ту минуту, когда я дописываю эти строки, «Прекрасная Елена» выдерживаетъ тридцатое представленіе, независимо отъ тѣхъ, которыя были даны въ бенефисы. И это впродолженіе какиихъ нибудь двухъ мѣсяцевъ съ половиной!

Объ игрѣ актеровъ, участвовавшихъ въ «Мѣщанской Семьѣ», съ особенной похвалою отозваться нельзя. Кромѣ г-жи Ливской, которая была, какъ и всегда, неподражаема, и г. Васильева 2-го, который сыгралъ свою роль прекрасно, прочіе актеры были ниже своего обыкновеннаго уровня. Къ сожалѣнію, замѣчаніе это относится даже къ г. Самойлову 1-му, который своею постоянною прекрасною игрою приучилъ публику быть требовательною. Но вѣдь и то сказать: каждый день вести взвурительную борьбу съ авторами, которые, повидимому, никакой другой мысли въ головѣ не держатъ, кромѣ той, какъ бы сломить непокорнаго актера — это можетъ хоть кого утомять.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КАЗЕННЫХЪ ОБРОЧНЫХЪ СТАТЬЯХЪ.

Къ Т.....скому волостному правленію спѣшило нѣсколько крестьянъ.

— Смотри, братъ, говорилъ одинъ изъ нихъ: — какъ бы не опоздали мы, тогда бѣда наша!

Изъ волостнаго правленія вышло нѣсколько человекъ и объявили спѣшившимъ крестьянамъ, что Бурминская оброчная статья на переторжѣ осталась за Иваномъ Лапотниковымъ.

Спѣшившіе остановились.

— Что же, братцы, теперь?... послушались голоса.

— Да что?... Кланяться надо Лапотникову.

— Ну, братцы, поклоны поклонами, а деньги онъ съ насъ считать! замѣтилъ одинъ крестьянинъ.

— А за сколько статья торгована?... послушался вопросъ.

— За шестьсотъ-семьдесятъ рублей серебромъ.

— Второе, значить, сдереть!

Вышелъ изъ волостнаго правленія Иванъ Лапотникъ; обступили его крестьяне и повели его въ кабакъ договоръ учинять, какъ кому сколько надобно съ Бурминской статьи паевъ удѣлить.

Результатомъ переговоровъ была уступка на одинъ годъ Лапотниковымъ двумъ сельскимъ обществамъ Бурминской статьи за 2,698 руб., то-есть четверо болѣе заторгованной дѣны.

Разсчетъ платы былъ подешатинный; Лапотниковъ платилъ по рублю, а взялъ по четыре рубля за десятину и при этомъ на нихъ же счетъ улизавшись, увѣрялъ, что онъ поступилъ по божьему, что онъ только для міра и торговаться шель на статью, и что, наконецъ, ежели бы не онъ, такъ и статьи этой въ рукахъ бы крестьянъ не бывало, что онъ то-есть во всѣхъ отношеніяхъ благодѣтель крестьянъ.

Почесывали крестьяне затылки отъ такого благодѣнія, однако же соглашались, что Лапотниковъ бойкій мужикъ, и что съ нимъ приходится имѣть дѣло не первый годъ.

Лѣсничій, производившій торгъ на Бурминскую статью, доносилъ начальству о выгодности торговъ, и статья утверждена была за Лапотниковымъ на двѣнадцать лѣтъ.

Начальство было уже довольно и тѣмъ, что Бурминская статья наконецъ отдана съ торговъ, а то три раза въ губернскомъ городѣ производились торги и никто изъ желающихъ не явился.

Дѣло обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что статья предоставлялась лѣсническому въ хозяйственное управленіе, а лѣсничій передавалъ ее тому же Лапотникову и поступало за статью дохода въ казну иной годъ триста, а иной даже и четыреста рублей серебромъ.

Однажды начальство, желая увеличить доходъ отъ хозяйственнаго управленія Бурминской статьи, писало къ лѣсническому: «Предлагается вамъ выручить за эту статью сколько возможно болѣе дохода, противъ прежде вносимаго за нее контрагентами, ибо контрагенты, внося за нее прежде до 600 руб. сер., имѣли въ виду не столько выгоду казны, сколько свою собственную; слѣдовательно, при распорядительности лѣсничаго, доходъ за статью непременно долженъ возвыситься гораздо болѣе шестисотъ рублей». «Какъ бы не такъ!» подумалъ лѣсничій и почтительнѣйше доносилъ начальству, что самъ онъ хозяйничать не можетъ, за неимѣніемъ средствъ для найма рабочихъ, а статью отдалъ хозяйственнымъ образомъ Ивану Лапотникову на одинъ годъ за 300 руб. сер.

Какъ-то назначили дознаніе о малопродуктивности статьи; на прогони чиновнику, производившему дознаніе, выдано было 150 р. сер., а при дознаніи Иванъ Лапотниковъ объяснилъ, что ежели онъ и согласился взять статью эту за 300 р. сер., то единственно изъ уваженія къ начальству; лѣсничій, дескать, говорилъ: возьми, братецъ, да возьми; не самому же маѣ косить сѣно; маѣ, говорятъ, несприятности получить придется, ежели статья эта останется безъ дохода; жаль маѣ стало его благородія; а и взялъ статью въ содержаніе.

Мѣстные крестьяне при дознаніи показали, что Иванъ Лапотниковъ — благодѣтель нашъ, боекъ у, боекъ больно онъ! И ничего больше не добился отъ нахъ производившій дознаніе.

Еслибы читатель спросилъ у меня, гдѣ эта статья, гдѣ этотъ Лапотниковъ, гдѣ этотъ лѣсничій, и гдѣ это начальство — я бы отвѣтилъ: вездѣ, гдѣ только производится торги на оброчныя статьи, съ тою разницею, что въ одной губерніи статья называется Бурминскою, въ другой Низемскою, въ третьей Пушкарскою; цифры тоже измѣняются, но результаты болѣе или менѣе одни и тѣ же.

Да — фактъ извѣстный всѣмъ и каждому, что контрагенты берутъ съ торговъ статьи для перепродажи по тройнымъ, четвернымъ цѣнамъ ближнимъ же поселянамъ; и что ежели бы казна имѣла дѣло съ ними, то доходы бы оной увеличились втрое, вчетверо.

Отчего же казна не беретъ на себя этого труда?

Вопервыхъ, оттого, что для такого увеличенія дохода надобно знать не только угоды оброчной статьи, но потребности и обычаи мѣстныхъ поселянъ, нуждающихся въ угодахъ, а послѣднее въ казенныя обязанности не входитъ; и во вторыхъ оттого, что для этого надобно имѣть на мѣстахъ постоянныхъ управ-

ляющих казенными статьями, заинтересованных и своими годами, а не чиновниковъ, плавающихъ въ морѣ формальностей, отписокъ, переписокъ, субординацій и думающихъ болѣе о томъ, какъ бы отписаться на предписанія начальства, нежели о томъ, какъ бы расширить предѣлы казеннаго хозяйства.

Чинovníкъ очень хорошо знаетъ, что какъ бы ни улучшалъ онъ хозяйство, но ежели онъ не исполнитъ всѣхъ отписокъ, ежели у него не въ порядкѣ будутъ входящія и исходящія регистры, ежели при торгахъ не будутъ соблюдены всѣ формальности, хотя бы въ ущербъ доходовъ казны, то все будетъ всякое сдѣланное имъ улучшение хозяйства; ему напоминать, что онъ не сельскій хозяинъ, а прежде всего чиновникъ, и предлагать подать въ отставку.

Чинovníкъ окруженъ со всѣхъ сторонъ неблагопріятными условіями для веденія казеннаго хозяйства правильнымъ образомъ: у него вѣтъ въ распоряженіи суммъ для улучшенія хозяйства, ему неловко принимать въ свое личное хозяйство нѣкоторыя угодья: это наведетъ подозрѣніе на желаніе его пользоваться на счетъ казны; ему неудобно даже входить въ близкія сношенія съ мѣстными первыми потребителями произведеній природы, на него возникнутъ доносы Лапотниковыхъ о стачкѣ съ крестьянами въ ущербъ казны, а за довами послѣдуютъ служебныя непріятности; чинovníкъ-хозяинъ—это можно сказать существо нетерпимое въ службѣ; чинovníка-хозяина обличать въ похищеніе казеннаго сѣна и казеннаго хлѣба и объяснять, что истинный чинovníкъ тотъ, кто кромѣ жалованья своего ничего рѣшительно не получаетъ и ведетъ отписки самымъ аккуратнымъ порядкомъ. Чинovníкъ долженъ быть голъ какъ соколъ и никакихъ произвольныхъ дѣйствій въ отношеніи сельскаго хозяйства позволять не смѣть.

Поэтому самому у такого чинovníка самаго понятія объ увеличеніи дохода казны выходятъ большею частію крайне неудачными.

Къ мѣстному лѣсничему приходятъ крестьяне съ просьбою объ отдачѣ имъ двухъ рыболовныхъ озеръ, которыя прежде никогда въ содержаніе не отдавались, и предлагаютъ за нихъ 25 руб. ежегоднаго оброка.

Лѣсничій очень радъ отличиться предъ начальствомъ, онъ доноситъ объ открытой имъ новой статьѣ дохода. Въ отвѣтъ на это онъ получаетъ запросъ: 1) кто разрѣшилъ ему открыть новую оброчную статью; 2) кто уполномочилъ его отдать эту статью за 25 руб.; 3) чѣмъ онъ руководствовался въ вышеозначенныхъ своихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ?...

У лѣсничаго одинъ отвѣтъ: усердіемъ къ службѣ.

Тогда лѣсничему за такое усердіе дѣлаютъ выговоръ и поясняютъ, что всякая статья, предварительно отдавая ее, должна быть описана, снята на планъ, далѣе на внесеніе ея въ окладъ испрошено разрѣшеніе департамента, далѣе она должна быть внесена

въ окладную книгу и выписка представлена въ департаментъ; далѣе, торги на эту статью должны быть произведены въ губернскомъ городѣ; далѣе, ежели эти торги не состоятся, то могутъ быть произведены въ волостномъ или полицейскомъ управленіи, и далѣе только въ случаѣ нигдѣ несостоявшихся торговъ—статья могла бы быть отдана въ хозяйственное управление. «Эге, говорить новичокъ-лѣсничій: «какой же я дуракъ! зналъ бы я это, такъ и не думалъ бы представлений дѣлать о статьѣ, а просто бы положилъ бы за нее деньги въ свой карманъ и начальству бы было больше спокойствія, а то теперь пойдетъ переписка на цѣлый годъ!»

Но вотъ губернское начальство захотѣло возвысить доходъ со статей, написали циркуляръ объ отдачѣ статей съ торговъ съ расцѣнкою подесятинно, въ словахъ поощренія къ возвышенію дохода недостатка не было. Захотѣлъ чиновникъ отличиться, постарался заявить о торгахъ всѣмъ заинтересованнымъ въ отдачѣ статей лицамъ, и вотъ на торгахъ *Землинская* статья заторгована мѣщаниномъ Загвоздкинымъ съ надбавкою противъ прежней цѣны 200 руб. сер. Загвоздкину нѣкогда было лишній день оставаться на торгахъ, и онъ уѣхалъ на ярмарку.

Но вотъ разсматриваетъ губернское начальство торговое производство на *Землинскую* статью, и опять бѣда,—торговъ нельзя утвердить! На торги никого не явилось, на переторжку явилось трое, изъ которыхъ Загвоздкинъ предложилъ значительную надбавку; «все это прекрасно», говоритъ начальство, но переторжка не обращена въ торгъ, и потому торги не утверждаются, чиновнику за несоблюденіе правилъ торговаго производства дѣлается строгій выговоръ, а на статью назначаются новыя торги! На новыя торги Загвоздкинъ не явился, да и самыя торги не состоялись, и *Землинская* статья принимается въ хозяйственное управление, принося дохода казнѣ 47 руб. въ годъ! Губернское начальство о такой малой выручкѣ дохода назначаетъ формальное слѣдствіе, по которому обнаруживается, что въ малой выручкѣ дохода съ *Землинской* статьи никто не виноватъ.

Видать лѣсничій или чиновникъ, что они ничѣмъ не заявили о своемъ усердіи, а ежели и заявили, то все какъ-то дѣло не клеилось, за несоблюденіемъ разныхъ формальностей; думаютъ, чтѣ бы такое сдѣлать изъ усердія къ службѣ? И вотъ пишегъ лѣсничій цѣлый трактатъ о томъ, что, дескать, было бы полезно и доходно собирать съ крестьянскихъ бабъ деньги за лѣсные орѣхи, рябину, ежевику, грибы, и проч. и проч. и проч.—трактатъ большой и убѣдительный.

Губернское начальство разсматриваетъ трактатъ, думаетъ и опредѣляетъ: представить его на благоусмотрѣніе департамента.

И это хозяйство государственными имуществами? Тамъ сотни или тысячи рублей пропадаютъ отъ несоблюденія формальностей, а здѣсь возбуждается вопросъ о крестьянскихъ бабахъ, собирающихъ орѣхи, рябину!...

И вотъ въ дѣлѣ хозяйства государственными имуществами вся работа наша въ перепискѣ, отпискѣ, соблюденіи всѣхъ формальностей, хотя бы съ ущербомъ казны, а самое хозяйство дѣло какъ бы не государства, какъ будто это дѣло, на которое призываются только одни Лапотниковы, и хозяйничаютъ они, и барыши берутъ въ ущербъ доходовъ казны, въ соблазнъ народной честности!

Мы не хотимъ ни въ чемъ упрекать министерство государственныхъ имуществъ, но при образованіи своемъ оно имѣло въ виду болѣе людей, нежели землю, въ чемъ и велика заслуга его передъ русскимъ человечествомъ, и мы съ благоговѣніемъ сознаемся, что графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ умѣлъ заботиться о благосостояніи той части русскаго народа, которая называется государственными крестьянами, но нынѣ важнѣйшая забота министерства — крестьяне — отошла въ общія учрежденія; на обязанности его остаются одни имуществъ безъ крестьянъ; въ чемъ и заключается громадная разница, дающая министерству совершенно другой характеръ. Для прежняго министерства полезны и необходимы были администраторы-чиновники, для теперешняго они не такъ необходимы, а нужны сельскіе хозяева; чѣмъ богаче будутъ эти сельскіе хозяева, тѣмъ болѣе доходовъ отъ нихъ будетъ казнѣ, тѣмъ богаче будетъ государство. Ясное дѣло, что хозяйство государственными имуществами въ теперешнее время, когда частная производительность возрастаетъ, не можетъ оставаться въ запатическомъ состояніи, а также ясно и то, что переписки, отписки, дознанія, слѣдствія, преданія чиновниковъ суду за злоупотребленія, и притомъ чиновниковъ, съ которыхъ не только взять нечего, но ихъ еще надобно содержать во время слѣдствія и суда, не принесетъ пользы казеннымъ доходамъ.

Для хозяйства государственныхъ имуществами, какъ и для всякаго другаго хозяйства, нужны пракческіе дѣатели; такое хозяйство нуждается не въ контролѣ бюрократическомъ, а въ контролѣ промышленно-торговомъ. Сельскій хозяинъ прежде всего долженъ знать не столько почву земли, сколько почву живаго мѣстнаго общества; ему придется имѣть дѣло не съ мертвыми силами природы, а съ живыми людьми, и гдѣ онъ не найдетъ дѣятельныхъ людей — туда онъ долженъ ихъ привлечь ихъ же интересами и своею разумною предпримчивостью. Обязанность сельскаго хозяина слѣдить за духомъ общества, за его потребностями; этому сельскій хозяинъ не научится ни въ академіяхъ, ни въ университетѣхъ; образованіе книжное, научное даетъ техникумъ, но не сельскихъ хозяевъ; этимъ объясняется причина, отчего большая часть нашихъ высокоученыхъ сельскихъ хозяевъ тратили часто капиталы на очень невыгодныя аферы, впоследствии разорившія не только ихъ, но и смежное съ ними населеніе, ежели оно увлечено было аферами. Сельскій хозяинъ не долженъ ничего отъ себя навязывать обществу, онъ не долженъ спѣшить введеніемъ неизвѣстной краю промышленности,

но прежде всего онъ долженъ прислушиваться къ жизни мѣстнаго общества, и ежели онъ удовлетворитъ потребностямъ его, то цѣль достигнута. Въмѣстѣ съ тѣмъ сельскій хозяинъ долженъ пользоваться полною свободою дѣйствій; наказаніемъ для хозяина долженъ быть неуспѣхъ его дѣятельности и убытки, а наградою его — выгоды; ясное дѣло, таковой сельскій хозяинъ не можетъ получать опредѣленнаго жалованья, но извѣстный процентъ съ доходовъ имущества. Задача сельскаго хозяйства — это способъ получать сколько возможно большій доходъ съ имущества, главное же — такое вѣрное и послѣдовательное улучшение хозяйства, на которомъ бы оно никогда не останавливалось, но вмѣстѣ съ временемъ шло къ дальнѣйшему своему усовершенствованію. Законъ движенія, законъ прогресса — это пульсъ жизни сельскаго хозяйства; остановить этотъ прогрессъ — значило бы повергнуть человѣчество въ нищету, въ бѣдствія смерти, голода.

Подъ словами «сколь возможно большій доходъ» не слѣдуетъ разумѣть возвышеніе цѣнъ на одни и тѣ же предметы; продажа, напримѣръ, масла по 7 руб. сер. за пудъ въ одномъ году въ то время, какъ прежде оно продавалось по 5 руб. сер. за пудъ, не есть еще признакъ улучшенія хозяйства, напротивъ, такое возвышеніе цѣнъ на нѣкоторые продукты бываетъ часто признакомъ упадка хозяйства, какъ-то падежа скота, неурожая сѣна и пр., но прогрессъ хозяйства заключается въ постепенномъ увеличеніи самой производительности. Ежели на одинъ клочокъ земли, лѣса, или одинъ ручей не останутся безъ потребителей, то цѣль хозяйства достигается; это значить, и ручей, и лѣсъ и земля — были въ завѣдываніи хорошаго хозяина, который не допустилъ землѣ зарости сорною травою, лѣсу заглохнуть, ручью испортиться, но, напротивъ, вниманіемъ своимъ и уходомъ возвысилъ качества этихъ частей природы.

Ясное дѣло, что при такомъ значеніи хозяйства, въ потребителяхъ произведеній природы недостатка не будетъ, и ежели настанетъ время, когда число продуктовъ земли, необходимыхъ для существованія людей, превзойдетъ число потребителей, тогда настанетъ вѣкъ общаго матеріальнаго благосостоянія человѣчества.

Всѣмъ требованіямъ сельскаго хозяйства не можетъ удовлетворить чиновникъ, во первыхъ, по немѣнью времени для наблюденія и постояннаго изученія мѣстнаго хозяйства; во вторыхъ, его должны занимать не мѣстные люди, а отписки, переписки, вѣдомости, отчеты; въ третьихъ, чиновникъ не только не отыскиваетъ людей, полезныхъ для развитія хозяйства, нѣтъ, онъ боится ихъ, и боится оттого, чтобы отдалить отъ себя подозрѣнія во взяткахъ съ нихъ за извлеченіе отъ казенныхъ имуществъ дохода; чиновникъ всѣми силами заботится о внѣшнемъ порядкѣ возложенныхъ на него обязанностей, внутреннее состояніе хозяйства государственными имуществами онъ считаетъ постороннимъ для себя дѣломъ, въ которое безъ разрѣшенія начальства онъ не въ

правъ и вмѣшиваться. Были торги, напримѣръ, на статьи въ губерскомъ городѣ, заторгованы лицами крайне недобросовѣстными, вслѣдствіе чего въ хозяйствѣ происходятъ крайній безпорядокъ, но чиновникъ очень хорошо понимаетъ, что заявить свое мнѣніе объ этомъ ему невозможно, такъ-какъ на то уже послѣдовало окончательное распоряженіе начальства и статьи утверждены нѣкоторыя на 12, а нѣкоторыя на 6 лѣтъ.

И при такомъ значеніи хозяйства у насъ почти никто порядочно имъ не занимается; у насъ государственныя имущества подчинены теоріямъ и ограниченіямъ, а не живой дѣятельности; доходами съ нихъ пользуются барышники Лапотниковы, а чиновники подводятъ только счеты казенныхъ доходовъ, составляющихъ крохи отъ стола Лапотниковыхъ.

Чиновничество крайне необходимо и важно для администраціи края, но въ дѣлѣ сельскаго хозяйства оно только задерживаетъ успѣхи; «поменьше чиновничества, побольше сельскихъ хозяевъ» — вотъ лозунгъ доходовъ отъ имуществъ.

При такомъ взглядѣ, для казны полезнѣе бы было имѣть дѣло съ первыми естественными потребителями продуктовъ мѣстной природы, а не съ посредниками ихъ; посредники въ этомъ дѣлѣ не только бесполезны, но крайне вредны: не говоря уже о томъ, что они поглощаютъ большую часть доходовъ казны, они всѣми силами стараются поставить въ зависимость отъ себя первыхъ потребителей произведеній природы; эти посредники, эти Лапотниковы будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться нынѣшній порядокъ казеннаго хозяйства.

Но вотъ приближается время, когда число свободныхъ земель частныхъ владѣльцевъ увеличится, когда отдаленныя отъ центра густаго населенія свободныя земли имперіи привлекутъ къ себѣ колонизаторовъ, тогда и первые потребители продуктовъ мѣстной природы получатъ возможность отдѣлаться отъ Лапотниковыхъ; за Лапотниковыми станутъ накапливаться недоимки, статьи отъ нихъ будутъ отобраны и предоставлены въ хозяйственное управленіе мѣстныхъ чиновниковъ.

Тогда чиновникамъ придется разрѣшать важные вопросы о томъ, что имъ дѣлать: заниматься ли соблюденіемъ всѣхъ формальностей, приниматься ли за рациональное хозяйство, или же, сложа руки, пригласить къ хозяйству первыхъ потребителей продуктовъ мѣстной природы?

Мы кончили нашу статью во время, не увлекаясь никакими проектами; мы высказали только то, что существуетъ въ дѣйствительности, и въ случаѣ надобности, обязываемся подтвердить изложенныя въ этой статьѣ свѣдѣнія официальными фактами и документами.

Василій Шевичъ.

Уфа, 8 ноября 1868 г.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Не разъ уже было говорено и писано, что въ дѣлахъ нашего общественнаго управленія, или такъ-называемаго самоуправленія, происходятъ что-то такое очень неладное и нехлестное, до такой степени неладное, что многіе считаютъ и въ настоящее время вполне примѣнимою къ намъ фразу, сказанную будто бы славянскими уполномоченными слишкомъ тысячу лѣтъ назадъ, а именно, «что земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ».

Впрочемъ, едва-ли не напрасно нѣкоторые безпрестанно тчуть Россію въ глаза этимъ тысячелѣтнимъ ея существованіемъ, Ну, какую, наиримѣръ, пользу относительно своего умственнаго и нравственнаго развитія могло извлечь православное русское общество изъ владычества монголовъ?

«Вообще, если мы изъ тысячелѣтней жизни Россійскаго Государства вычтемъ тѣ годы, которые были неблагоприятны для развитія общественнаго самосознанія, то остается очень, очень немного ихъ, да и тѣ, которые остались, а именно самыя послѣдніе, мы никакъ не можемъ отнести къ числу очень ужъ благоприятствующихъ и вмѣемъ, конечно, причины держаться тако-го взгляда. Если мы прослѣдимъ за ходомъ нашей газетной литературы, то легко замѣтимъ, что у насъ и въ нынѣшнемъ, въ 1869 году, совершенно открыто и безбоязненно высказываются нѣкоторые органы тѣ же самыя мысли, почти даже въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какія высказывались въ прошломъ столѣтіи, наиримѣръ, княгиню Дашкову. Путешествуя по Европѣ incognito, подъ именемъ госпожи Михалковой, либеральная княгиня въ Парижѣ часто приглашала къ себѣ Дядю и заговаривалась съ нимъ до глубокой ночи. Дядю хотѣлъ, между прочимъ, вбить въ голову либеральной княгини мысль о необходимости уничтоженія въ Россіи крѣпостнаго состоянія и, разумѣется, старался совершенно понапрасну. Всѣ доводы, всѣ умствованія философа привели къ тому, что княгиня Дашкова или госпожа Михалкова изрекла нижеприведенныя слова, которыя и теперь, въ 1869 году, безпрерывно, на всякіе лады, повторяются редакторомъ «Вѣсти», и его единомышленниками, которыхъ, надо правду сказать, не мало. «Богатство и счастье нашихъ крестьянъ — изречка княгини — составляютъ единственный источникъ нашего собственнаго благосостоянія и нашихъ доходовъ.»

При такой... лсіомъ надо быть сумасшедшимъ, чтобы истощать родникъ личнаго интереса». Княгиня, какъ и слѣдовало въ ея положеніи, говорила напрямки безъ обвиняювъ, а вышніе incognito любятъ травовать все издалева, съ подходемъ, какъ-будто рѣчь идетъ вовсе не о томъ, что «нужно быть сумасшедшимъ, чтобы истощать родникъ личнаго интереса», но въ сущности и они во всѣхъ своихъ передовыхъ и передовыхъ статьяхъ по крестьянскому дѣлу говорятъ публикѣ положительно то же, что сто лѣтъ тому назадъ говорила княгиня Дашкова или госпожа Михалкова господину Дидро.

Если мы еще повнимательнѣе рассмотримъ все то, что уже высказывается отсталой партией, которая сама себя называетъ партией охранителей, то увидимъ, что она высказываетъ даже больше, чѣмъ высказано сто лѣтъ тому назадъ Дашковой. Если читатель не полѣнится взять въземпларъ «Вѣсти» за цѣлый годъ и перелистовать его, то онъ самъ лично убѣдится, что тамъ печатно высказано то же самое, только лишь въ другихъ выраженіяхъ, что высказано было въ царствованіе Александра I-го графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, о которомъ и въ тѣ времена уже писали, что въ немъ «явственно обнаруживается уственное разстройство».

«Крѣпостныхъ людей, которые у меня въ домѣ — пишетъ почтенный графъ, въ письмѣ своемъ къ кн. Голицыну—я не преставу наказывать тѣлесно, когда, по усмотрѣнію моему, окажутся они того достойныи: ибо право наказывать вѣрпостныхъ людей палками неразрывно сопряжено съ политическимъ и частнымъ домогровательствомъ Россійскаго государства, это право передано намъ отъ предковъ нашихъ. Я исповѣдую это политическое правво, что правительство не можетъ насъ лишить сего права безъ общаго и нарочитаго нашего согласія; къ тому же и кому жаловаться? Жаловаться мнѣ, совершеннолѣтнему, урожденному дворянину, урожденному помѣщику, полицейскому офицеру, и ва кого, на вѣрпостнаго человека, на раба?... Какая подлость! И какъ повѣрю я, чтобы такая подлость входила въ составъ благонамѣреннаго правительства? Я, милостивый государь, теперь въ отставкѣ и оставилъ военную службу во избѣжаніе грубостей, подобныхъ тѣмъ, какими преисполнено письмо ваше. Увольненіемъ отъ службъ *возвратилось мнѣ столь возжеланное и рожденіемъ присвоенное каждому дворянину право мстити за личную обиду.*

Графъ былъ признанъ сумасшедшимъ, но, разумѣется, не за тѣ мысли, которыя здѣсь приведены. Еслибы за такія мысли, не то что въ двадцатыхъ годахъ, но и нынче садить въ дома сумасшедшихъ, то пришлось бы давнымъ давно, повсемѣстно, устроить центральные дома не ва двѣсти мѣстъ каждый, а по тысячѣ и больше. Мысли графа Мамонова какъ бы въ густомъ экскректѣ, выражаютъ все то, что въ болѣе или менѣе живомъ видѣ предлагается органомъ, служащимъ представителемъ такъ-

называемыхъ охранительныхъ началъ. У злосчастнаго графа охранительныя начала эти развились до такой степени, что онъ началъ строить каменную вѣрность съ бастіонами — за это, главное, и признали его помѣшаннымъ. Нынѣшніе «охранители» вѣрностей съ бастіонами уже не строятъ, потому что не на что да и негдѣ; впрочемъ, имъ и неужно бастіоновъ: у нихъ есть печатный органъ, имѣющій нѣкоторое значеніе, при существованіи котораго въ тѣ времена и Мамоновъ, вѣроятно, крѣпости бы не воздвигалъ. Впрочемъ, если внимательно вчитаться въ охранительныя статьи, трактующія, напримѣръ, о крайне-опасномъ положеніи крупныхъ землевладѣльцевъ среди пьяныхъ, развратныхъ, бунтующихъ мужиковъ, противъ которыхъ необходимо пустить въ дѣло «силу воли и энергію дѣйствія», то нельзя не замѣтить, что мысль о сельско-хозяйственныхъ бастіонахъ не чужда многимъ и изъ нынѣшнихъ. Иной, пожалуй, еслибы можно, скорѣе круповскую пушку латой стали приобрѣсть бы для своего и безъ ядеръ разореннаго хозяйства, чѣмъ какую-нибудь молотилку, сѣялку или вѣялку. Цѣлый рядъ сильно написанныхъ статей о жестокомъ произволѣ мировыхъ посредниковъ и съѣздовъ, о совершенной бездѣятельности полиціи, въ виду которой злобные мужики, еслибы захотѣли, могли бы зарѣзать крупнаго землевладѣльца какъ барана, тоже можетъ служить сильнымъ доказательствомъ тому, что и теперь еще очень многимъ дорого это «сводебѣнное и рожденіемъ присвоенное каждому дворянину право мстить за личную обиду».

Вообще, мнѣ непонятно, почему это почтенный графъ былъ признанъ помѣшаннымъ. Обратите вниманіе на вѣрность графа (см. Русск. Арх. 1869 г.). Опять-таки и по наружности я признаю въ графѣ не помѣшаннаго человѣка, а просто серьезнаго землевладѣльца, разумѣется, литературно-образованнаго, до крайности углубившагося въ свою основную мысль объ антагонизмѣ сословномъ, охранительныхъ началахъ, о пьянствѣ народомъ, о невозможности исповѣдывать въ нынѣшнее время нѣкоторыя «политическія правила», и о другихъ важныхъ вещахъ, на которыхъ зиждется весь свѣтъ, какъ на китѣ-рыбѣ. «Графу Мамонову 56 лѣтъ; онъ высокъ ростомъ, плечистъ, нѣсколько тучея; лицо выражаетъ одичалость и сознание собственнаго достоинства (выраженіе это и намъ очень хорошо знакомо!); движенія то важны, то порывисты (это, вѣроятно, когда приступаетъ къ отправленію исповѣданія своихъ «политическихъ правилъ»); ащепать хорошей, имѣетъ геморрой (все это и нынче не въ рѣдкость). Почти всегда не одѣтъ, брѣется безъ зеркала и на головѣ носить черный шолковый колпагъ».

Положимъ, что чистыхъ типовъ, въ родѣ изображеннаго здѣсь человѣка, становится годъ отъ году все меньше да меньше, но все-таки они далеко еще не перевелись. Измѣненія произошли больше въ формѣ, во вѣрности, а не въ сущности. Охотниковъ до мамоновскихъ «политическихъ правилъ» и нынче множество, и они бы,

пожалуй, не прочь настроить себѣ бастионовъ по деревнямъ, но всѣ они нашли себѣ, при настоящемъ строѣ дѣлъ, другой исходъ, болѣе безопасный. Открылась, напримѣръ, мѣста мировыхъ посредниковъ, занимая которыхъ любители могутъ совершенно безопасно исповѣдывать эти правила. Были, разумѣется, случаи, что неволькіе господа попадались и подѣ суду, но вѣдь нельзя-же безъ этого: и Мамоновъ попался. Мало ли въ газетахъ писали даже о членахъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, которые самолично ѣздили по волостямъ—сѣчь крестьянъ. Читатель, вѣроятно, не позабылъ недавняго разсказа о томъ, какъ нѣкій мировой посредникъ хотѣлъ пересѣчь всю волость, и исполнилъ бы это, еслибы не проголодался и не сдѣлался снисходительнѣе, когда наѣлся яицъ въ смятку. Случаи эти безчисленны, но до сей поры, какъ слышно, подѣ судомъ съ сѣченіе волостей и цѣлыхъ мировыхъ участковъ находились только трое, или четверо. Ясно, что «политическія правила» и нынче сохраняются въ полной своей силѣ, но только исповѣдующимъ ихъ уже не приводится, какъ въ старыя годы, прибѣгать къ постройкѣ крѣпостей съ бастионами. Охотниковъ ходить почти не одѣтыми нашлось бы и нынче не мало, но невыгодно стало приводить это въ исполненіе. Помнится, какой-то предсѣдатель мирового съѣзда вздумалъ-было явиться на засѣданіе въ халатѣ и туфляхъ, но его такъ послѣ отхлестали за это въ газетахъ, что и охоту отбило!

Вообще, все главнѣйшее различіе между добрыми старыми временами и нынѣшнимъ состоятѣ, какъ вѣжета, въ томъ, что прежде недовольныхъ изъ людей крупныхъ было значительно больше, чѣмъ нынче. Прежде въ числѣ недовольныхъ являлись и Мамоновы, которые открыто заявляли, что «право наказывать своихъ людей палками неразрывно сопряжено съ политическимъ и частнымъ домостроительствомъ россійскаго государства, что ихъ, безъ общаго и нарочитаго согласія, никто не можетъ лишить этого права»; а нынче, увы! мало осталось уже такихъ героевъ. Малая ихъ часть пристроилась къ своей гаветѣ и маркуетъ въ ней осторожно написанныя статейки, а бѣдшая половина ушла изъ воинственнаго лагеря, заняла мѣста злачныя и успокоилась! Сотни этихъ, прежде недовольныхъ, господъ равняютъ теперь по святой Руси правду и милость, другія сотни умиротворяютъ и улаживаютъ помѣщиковъ съ крестьянами и силою своего краснорѣчія достигаютъ даже того, что крестьяне становятся въ необходимость уплачивать недонми за прошедшіе годы, наконецъ, сотни же занимаются обрусѣніемъ различныхъ окраинъ и цѣлыхъ странъ, какъ на востокѣ, такъ равно и на западѣ лежащихъ. Всѣ недовольныя предовольны-довольны и улагодворены; недовольною и неулагодворенною остается только народная масса, именуемая публикой. Основываясь на томъ, что государство наше, несмотря на проживутю имъ тысячу лѣтъ, слишкомъ еще молодо,—съ публикою всюду у насъ обращаются

какъ съ кучей малыхъ, неразумныхъ ребятъ. Отовсюду-то эту нашу злосчастную публику въ шею выталкиваютъ, вездѣ-то съ ней, какъ съ кучей мусора, обращаются! На пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, обобравши съ почтеннѣйшей публики деньги, загоняютъ ее, какъ гурть скота, предназначеннаго на бифштексы и котлеты, на заваленные дровами, ничѣмъ неприкрытыя палубы и тѣсные вагоны, въ которыхъ почтеннымъ граждавамъ предоставляется сидѣть на плечахъ и шеяхъ своихъ же согражданъ. Съ отправителей хлѣба требуютъ въ желѣзно-дорожныхъ компанейскихъ конторахъ добавочныя деньги за какое-то, никому непонятное, коммисіонерство, а слишкомъ привязчивыхъ просителей выталкиваютъ изъ дверей въ толчки. Мало того: товарные поѣзды желѣзной дороги врѣзываются изъ всей силы въ задніе вагоны спокойно стоящихъ на станціи пассажирскихъ; ранятъ и ломаютъ нѣсколько пассажировъ, разумѣется, третьяго класса, и на вопросъ: зачѣмъ это?—получаютъ отъ пьянаго машиниста въ отвѣтъ: я прусскій подданный, слѣдовательно, могу васъ давить и ломать! На открытыя для всѣхъ по закону земскія собранія почтеннѣйшую публику въ иныхъ мѣстахъ не пускали, въ другихъ выгоняли вонъ, такъ что и въ тѣхъ и въ другихъ мѣстахъ публика сама бросила на нихъ ходить. Въ открытыхъ по закону для всѣхъ новыхъ судебныхъ мѣстахъ, въ городахъ съ полумилліоннымъ населеніемъ, поставили для публики по три скамейки, такъ что громадному большинству желающихъ предоставляется, во время засѣданій суда, расхаживать по широкимъ лѣстницамъ и по судейскимъ корридорамъ, въ полверсты длиною, изъ которыхъ, впрочемъ, ничего не слышно, что говорится въ тѣсныхъ камерахъ. Случается и такъ, что понавшіе въ камеру счастливыцы бѣгутъ оттуда сами, сломя голову, какъ побитые войска персидскаго шаха. Публика наша молода, неопытна, слѣдовательно, очень естественно, иногда увлекается: очень ужъ любить въ ладоши хлопать. Вотъ разъ, векстатн, увлеклась, начала хлопать, а предсѣдатель-то, на бѣду, попался строгій: всѣхъ началъ на бумажку переписывать. Публика наша, какъ извѣстно, всякой писанной бумаги боится пуще огня—ну, разумѣется, пришла въ ужасъ и ринулась въ двери, такъ что никакія ужъ силы и власти не могли ее удержать: все сломала. Нѣкоторые, подъ вліяніемъ обуявшаго ужаса, выбѣжали на улицу безъ пальто и шинелей, а тѣ, которыхъ временно успѣли задержать, фамилин свои нарочно переврала, ибо каждый думалъ: а ну, какъ послѣ насъ сѣчь стануть? Вѣроятно, бѣгущими овладѣла именно эта, а не какая нибудь другая мысль, потому что она въ каждомъ чисто русскомъ человѣкѣ засѣла очень глубоко. Не даромъ одинъ русскій путешественникъ по Киргизской степи описываетъ, что, когда онъ проснулся поутру на станціи и услышалъ блѣваніе барановъ и врки погонщиковъ, то представилось ему, *будто слытъ вразъ сотню гимназистовъ!* Даже публичныя засѣданія въ храмахъ наукъ, т.-е. университетахъ, не могутъ

считаться такими, въ которыхъ бы публика могла думать, что ужь ее оттуда не вытурать, доказательствомъ чему можетъ служить диспутъ г. Владиславлева, бывшій въ петербургскомъ университетѣ 12-го января. Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, я считаю нелишнимъ побесѣдовать нѣсколько съ читателемъ вообще о нашихъ университетскихъ диспутахъ.

Магистръ Владиславлевъ защищалъ написанную имъ диссертацию «Философія Плотина» на степень доктора. Такъ-какъ матерія была сухая, довольно скучная и не всѣмъ доступная, то диспутъ сначала шелъ благополучно. Официальные оппоненты возражали, вонечно, потому что въ этихъ случаяхъ принято непременно возражать, хотя бы противъ качества бумаги, на которой написана диссертация; докторантъ, съ своей стороны, тоже, разумѣется, кое-что говорилъ, потому что нельзя же въ этихъ случаяхъ молчать, хотя и это иногда случается. Вообще все дѣло шло, какъ по маслу. Приближалась уже та трогательная минута, когда, бывало, деканъ факультета торжественно вставалъ съ своего мѣста, влѣзалъ къ докторанту на кафедру и торжественно его лобызалъ, давая тѣмъ знать публикѣ, что съ самаго момента деканскаго подалуя докторантъ превращается уже въ настоящаго доктора, какъ послѣ брачнаго подалуя каждая дѣвица внезапно превращается въ настоящую женщину, имѣющую право носить чепчики, — вдругъ, внезапно, картина перемѣнялась. Одинъ изъ стороннихъ посѣтителей, нѣкто г. Ушинскій, не допустивъ совершиться деканскому подалую, заявилъ удивленному декану желаніе возражать. Деканъ, раздраженный такою неумѣстной просьбою, сказалъ, что такъ-какъ диспутъ и безъ того уже понапрасну затянулся слишкомъ долго, то онъ даетъ г. Ушинскому пяти минутный срокъ для возраженій — ни больше, ни меньше. Г. Ушинскій, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ, что на пять минутъ не стоитъ и рта развѣвать, а публика подняла сильный шумъ, требуя продолженія диспута. Шумъ этотъ значительно былъ усиленъ рѣзкимъ предсѣдательскимъ звонкомъ, которому удалось, наконецъ, пересилить всякій другой шумъ; когда же въ залѣ наступила тишина, то деканъ почему-то нашелъ нужнымъ изречь: такъ-какъ ученое дѣло, малоставивше государя, не можетъ происходить при безпорядочномъ шумѣ (а развѣ *неученное* дѣло можетъ происходить при шумѣ не только безпорядочномъ, но даже просто порядочномъ?), то онъ принужденъ будетъ закрыть засѣданіе, если публика вновь замучитъ. Не говори деканъ этихъ ненужныхъ словъ — вѣроятно, и шума никакого бы не было; но, какъ только онъ ихъ сказалъ — шумъ поднялся опять. Лишь только профессоръ Миллеръ сказалъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ диспутъ продолжать, потому что онъ, въ сущности, еще и не начинался, то увлекающаяся публика не вытерпѣла, подняла восторженное хлопанье въ ладоши и была выгнана, за исключеніемъ небольшой ея части. Такъ-какъ желающіе возражать, по всей вѣроятности, были въ числѣ выгна-

нхъ, то декану, поставившему на своемъ, ничего больше не осталось дѣлать, какъ провозгласить докторанта докторомъ. Провозглашеніе это оишь-таки вызвало вѣрныя рукоплесканія оставшейся, невнѣганной части публики, которая, вѣроятно, вся дѣльникомъ состояла уже изъ однихъ рукоплескателей-специалистовъ. Корреспондентъ одной петербургской газеты, сообщая свѣдѣнія о замѣчательномъ диспутѣ г. Владиславленова, прибавляетъ отъ себя нижеслѣдующее замѣчаніе:

«Много диспутовъ мы посѣщали въ здѣшнемъ университетѣ, и рѣдкій изъ нихъ обошелся безъ явленій неправильнаго свойства. Намъ кажется, что причина этихъ явленій заключается въ неопредѣленности въ глазахъ публики дѣли и назначенія диспутовъ. Еслибъ опредѣлили для нея значеніе и дѣль диспутовъ особыми точными правилами, то, безъ сомнѣнія, публика и возражатели изъ нея стали бы вести себя соотвѣтственно такимъ правиламъ. При отсутствіи же правилъ, опредѣляющихъ значеніе диспутовъ для публики, всегда есть мѣсто недоумѣніямъ и возможность неправильныхъ явленій».

А намъ кажется, что главнѣйшая причина этихъ *явленій неправильнаго свойства* заключается въ неправильномъ, преувеличенномъ понятіи о размѣрахъ своей власти господъ предсѣдательные только факультетскихъ совѣтовъ, но и вообще предсѣдательные: и окружныхъ судовъ, и мировыхъ сѣздовъ, и земскихъ собраній, которые, даже въ томъ случаѣ, если просто-напросто аппетитъ восчувствуютъ, — сію же минуто выгоняютъ несчастную публику вонъ изъ залы и закрываютъ засѣданіе, ссылаясь на законъ. Добродушная публика никакъ не можетъ понять, что ученые наши диспуты — ни болѣе ни менѣе, какъ театръ марионетокъ, въ которыхъ изображаются различные торжественные выходы. Конечно, всего благоразумнѣе было бы вовсе не посѣщать такіе безсодержательные диспуты никому: пусть бы въ пустынной залѣ сидѣли одни-однихоньки три-четыре оппонента, деканъ факультета и, наконецъ, самъ виновникъ неизбежнаго торжества, какова бы ни была его диссертация. Другое дѣло, еслибы при диспутахъ строго сохранялись старинныя, средневѣковыя формы, какъ-то: лобызанія докторантовъ и магистрантовъ деканами, длинныя мантіи и парни на профессорахъ—тогда бы дѣло иное. Тогда бы всякій сапожникъ рвался въ университетскую залу и, разумѣется, молчалъ бы все время. Развѣ-развѣ изрѣдка бы расхохотался.

Кому случалось бывать на нашихъ университетскихъ диспутахъ въ различныхъ университетскихъ городахъ, тому очень хорошо извѣстно, что они въ стороннемъ посѣтителѣ не могутъ возбудить никакого чувства, кромѣ крайняго недоумѣнія, смѣшаннаго съ досадою. Очень естественно, что публика никакъ не можетъ понять, какая такая ея роль на этихъ мистеріяхъ, и зачѣмъ ее туда приглашаютъ. Положимъ, что и въ окружныхъ судахъ съ присяжными публикѣ не позволяютъ высказывать свои

миѣнія, потому что, иначе, вышелъ бы гвалтъ; но вѣдь не нужно забывать, что тамъ присяжные выбраны изъ среды той же публики, да и зачатнѣе люди вольные, къ публикѣ же принадлежащіе, а не казенные чиновники; а какой же прокъ, да и не обидно ли даже статуями сидѣть въ университетской залѣ и слушать, какъ рука мою и какъ почтенные дядюшки любезныхъ, дубиноголовыхъ своихъ племянниковъ улаживаютъ?

Вотъ болѣе или менѣе подробное и положительно вѣрное изображеніе одного изъ диспутовъ, происходившихъ въ нѣкоемъ университетскомъ городѣ, но только не въ Петербургѣ, въ которомъ тоже, по словамъ корреспондента «Голоса», рѣдкій, изъ диспутовъ обходится безъ явленій «неправильнаго свойства».

Магистрантъ—пишетъ провинціальный корреспондентъ въ своей статьѣ, ни гдѣ еще ненапечатанной—по окончаніи курса посланъ былъ на казенныя деньги за границу для усовершенствованія въ уголовномъ правѣ и, пробывъ тамъ три года, истративъ болѣе пяти тысячъ казенныхъ денегъ, явился почти усовершенствованнымъ. Говорю потому *почти*, что онъ еще на мѣстѣ употребилъ цѣлый годъ на составленіе своей диссертациі, подъ нѣсколько страннымъ заглавіемъ: «Покушеніе на преступленіе по началамъ науки и современнаго законодательства».

Прежде всего, одинъ изъ официальныхъ оппонентовъ, вѣроятно изъ деликатности, замѣтилъ, что такъ-какъ онъ не специалистъ по уголовному праву, то противнику нетрудно будетъ его разбить, а вслѣдъ затѣмъ немедленно же, на одномъ только заглавіи диссертациі, разбилъ на голову усовершенствованнаго магистранта, какъ Наполеонъ нѣкогда разбилъ злосчастнаго Макка. Долго и дѣльно говорилъ неспециалистъ по уголовному праву, а усовершенствованный специалистъ все время, переминаясь съ ноги на ногу на своемъ эшафотѣ, упорно молчалъ, и домолчался, наконецъ, до того, что деканъ, видимо ему покровительствующій, наконецъ не выдержалъ и проговорилъ раздражительно фразу въ родѣ нижеприведенной: да что же вы молчите-то? Говорите хоть чтонибудь!

Пользуясь благоприятнымъ случаемъ говорить «чтонибудь», молодой ученый дѣйствительно началъ говорить что-то такое, но это «что-то такое» до такой степени было ни съ чемъ не сообразно, что слушатели, какъ посторонніе, такъ и подневольные только руками разводили, да глазами моргали. Ужъ резонансъ-ли въ залѣ былъ такой, или почему иному, но до слушателей достигали только лишь отдѣльныя, отрывочныя фразы, въ родѣ такихъ: «всякій конецъ предполагаетъ начало, а всякое начало предполагаетъ конецъ... (даже по неудачному началу диссертациі можно было предполагать заранее удачный конецъ)... слово не есть дѣло, а дѣло не есть слово... Абсолютно говоря, контраверзы объ этомъ невозможны»... Говорилъ, говорилъ онъ такія мудрыя фразы, накладъ ихъ съ три короба, но, наконецъ, и самъ замѣтивъ,

что, сидя верхомъ на такой ерундѣ, изъ трущобы все-таки не выйдешь, онъ обратился къ своему оппоненту съ наивными словами: «я васъ, господинъ профессоръ, не понимаю-съ!» Какъ ни строгъ былъ оппонентъ-неспециалистъ, но такъ-какъ слова влосчастнаго, бѣдою приплюснутаго специалиста звучали чисто солдатскими пардонами, то онъ махнулъ на все рукой и замолчалъ. Какъ послѣ оказалось, ошпаренному специалисту пардона совѣмъ просить и не слѣдовало, потому что около него сидѣлъ другъ профессоръ и усердно суфлировалъ, что нужно говорить, а деканъ, съ своей стороны, началъ говорить краснорѣчивый панегирикъ молодому русскому ученому, подающему въ будущемъ большія надежды, благоразумно умолчавши, на чемъ именно должны сосредоточиваться эти надежды въ будущемъ. Похваливши за отиѣнное трудолюбіе (разсказываютъ, что молодой ученый успѣлъ нажать геморой) и, пообѣщавши ему всякихъ благъ въ будущемъ, онъ обратился къ достоинствамъ диссертациі, указывая на то, что молодому ученому удалось въ своемъ произведеніи вмѣстить всю обширную ученую нѣмезвую литературу и удалось выработать свою самостоятельную теорію. Къ сожалѣнію, прибавилъ деканъ, молодой ученый, обращаясь постоянно между нѣмцами, принужденъ былъ, вслѣдствіе бѣдности русскаго языка, въ терминахъ передавать ихъ мысли совершенно не по русски, но этотъ недостатокъ вполнѣ выкупается внутренними достоинствами диссертациі. Послѣ этой рѣчи, предъ самымъ деканскимъ подагуемъ, который былъ рѣшенъ уже заранѣе, самъ деканъ предложилъ магистранту нѣсколько вопросовъ, разумѣется, по возможности, не хитрыхъ, но, къ сожалѣнію, и предъ самымъ подагуемъ бѣднякъ срѣзался! Разсуждая о покушеніи при словесныхъ обидахъ, а также и при обидахъ, наносимыхъ безъ видамаго приготовления, моментально, деканъ допускалъ покушеніе, но молодой ученый, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, не согласился съ этимъ, такъ что оппонентъ принужденъ былъ обратиться къ поясненію своей мысли примѣромъ. Еслибы, сказалъ оппонентъ, ктонибудь плюнулъ другому въ лицо, а тотъ, замahнувшись, хлестнулъ-бы рукой по воздуху, потому что плюнувшій успѣлъ отскочить: будетъ-ли это покушеніе?... «Нѣтъ! отвѣчала молодой ученый съ быстротой изумительной:—нивакого тутъ покушенія нѣтъ. Можно предпологать, что замahнувшійся хотѣлъ обнять плюнувшаго!» Какъ ни серьезно была настроена аудиторія, но не выдержала: вся сплошь захохотала. Когда же стали читать опредѣленіе факультета о согласіи удостовѣть замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ ученаго степени магистра, то публика дружно зашумѣла и, разумѣется, была бы выгнана вонъ, еслибы не ушла сама. Уходя изъ залы, многіе занимала мысль: самъ-ли, полно, ученый писалъ свою диссертацию? Не принадлежала ли она перу самаго защитнаго-повровителя, или какогонибудь бѣднаго труженика, который, изъ за нужды въ хлѣбѣ насущномъ, за какіенибудь пятьдесятъ-сто рублей

готовъ продать нѣсколько лѣтъ усидчиваго труда и остаться назади, въ тѣни?

Это послѣднее, весьма основательное, сомнѣніе публики бросаетъ особенно яркій свѣтъ на основную цѣль и значеніе ученыхъ диспутовъ. Отъ простаго писателя, отъ сочинителя журнальной, напримѣръ, статьи или повѣсти не требуется никакихъ доказательствъ, самъ ли онъ ихъ написалъ, потому что, если и не самъ написалъ, то вреда отъ этого, вопервыхъ, никому нѣтъ, а, вовторныхъ, если докажется, что у другаго угралъ, то подъ судъ отдадутъ, или на смѣхъ подымутъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится ученый писатель, обыкновенно предназначенный въ профессора. Ну, скажите, какой толкъ въ такомъ господнѣ, который купитъ у другаго или получить по родству въ даръ готовую, непонятную для него диссертацию, получить званіе ученаго и влѣзетъ на кафедру учить другихъ? Ну, что онъ будетъ провозглашать съ этой кафедры своимъ слушателямъ, изъ которыхъ многіе очень хорошо видятъ, что наставникъ-то ихъ просто дуракъ, да притомъ же и плутъ? Ну, что же ему приводится болтать съ высокаго своего лобнаго мѣста, кромѣ попугайскихъ фразъ: «всякій конецъ предполагаетъ начало... Абсолютно говоря, контраверзы объ этомъ невозможны... и я васъ, господнѣ студентъ, не понимаю съ!.. Ну, къ чему же все это ведетъ? Ведетъ все это къ неизбежному шиканью и свисту, а шиканье-то и свистъ куда ведутъ?.. Не знаю куда именно, но знаю, что иногда ведутъ очень и очень таки далеко. Не лучше ли бы было, для избѣжанія всѣхъ этихъ драгъ и постоянныхъ непріятностей, послѣдствія которыхъ не сглаживаются десятками лѣтъ, устроить ученые диспуты такимъ образомъ, чтобы они не изображали собою чего-то въ родѣ театра маріонетокъ, а вели бы прямо къ цѣли? Такого человѣка, кажется, еще и на свѣтѣ не родилось, который, развивая свою, сосредоточенную на одномъ предметѣ, мысль въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не сумѣлъ бы ее отстоять, когда нужно, и позабылъ бы, о чемъ именно онъ писалъ и думалъ. Нѣтъ, ужъ если кто позабылъ то, о чемъ нѣсколько лѣтъ сряду думалъ, тотъ или никогда и не думалъ, или же страдаетъ умственнымъ расстройствомъ, слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ профессоромъ быть ему неудобно. Отговариваться тѣмъ, что въ теченіе трехлѣтняго усовершенствованія на казенныя деньги позабылъ свой языкъ — просто бессмысленно. Такой господинъ, забравшись на вольготную профессуру въ какую-нибудь провинціальную глушь, пожалуй и всякій человѣческій языкъ позабудетъ: и свой и чужой. Даже контраверзы-то свои забудетъ и станетъ только мичать и изрѣдка произносить слова: вистъ, пасъ, рамсъ, гольцъ. Эти ужъ, конечно, онъ тамъ не позабудетъ! На университетскій диспутъ безграмотнаго плотника или сапожника не затопишь ни за какия коврижки въ мірѣ. Туда идетъ народъ, понимающій въ чемъ тутъ суть и какия важныя послѣдствія влечетъ за собою

та или другая, повидимому, чисто виѣшняя обстановка. Выраженіе одобренія или порицанія здѣсь неизбѣжно, потому что незачѣмъ иначе и публичными дѣлать подобнаго рода составанія. Жаль только, что хлопають-то и шикають у насъ, должно быть, по непривычкѣ, какъ-то безъ толку. Возьмите хотя диспутъ г. Владиславлева. Сначала хлопають оппоненту докторанта за то, что онъ изъявилъ желаніе спорить. Потомъ хлопають профессору, поддержавшему оппонента, а потомъ хлопають же и даже еще по корридору провожаютъ съ хлопаньемъ того, кого девапъ поставилъ въ такое положеніе, что ему невозможно было дѣлать возраженій! Чтѣ же это: искусство для искусства, что ли? Плохое и искусство-то, не хитрое!

Но гдѣ ужъ особенно ясно выразилось искусство для искусства, хлопанье для хлопанья—такъ это на послѣднемъ, годовомъ засѣданіи, никому почти неизвѣстнаго общества съ чрезвычайно громкимъ титуломъ: «филантропическаго общества попечительства гувернантокъ въ Россіи».

О цѣли этого, хотя и мало извѣстнаго общества много распространяться нечего: она превосходна. Гувернантка, цѣлый свой вѣкъ обреченная жить въ чужомъ обществѣ, болѣе нежели кто другой нуждается въ филантропическомъ обществѣ, устроенномъ исключительно для нея. Впрочемъ, надобно замѣтить, что цѣль учрежденія всѣхъ, у насъ существующихъ, обществъ великолѣпна точно такъ же, и что нынче у насъ почти для каждаго класса народонаселенія и для каждаго рода занятій существуютъ уже такіа общества. Кромѣ филантропическаго общества для гувернантокъ, у насъ есть общество для пособія несчастнымъ литераторамъ, общество поощренія частнаго служебнаго труда, которое, еслибы у него были деньги, могло бы помогать и гувернерамъ, въ случаѣ крайности. Есть даже скотолобное общество, которое беретъ подъ свое покровительство всѣхъ четвероногихъ и, надобно замѣтить, что дѣла этого общества идутъ едва-ли не успѣшнѣе всѣхъ другихъ, вмѣстѣ взятыхъ; да и мало ли какихъ нѣтъ и не затѣвается у насъ еще обществъ. Во всѣхъ этихъ обществахъ на годовыхъ собраніяхъ членовъ (которые до такой степени увѣрены въ честности и способностяхъ своихъ старшинъ, что не ѣздятъ на эти собранія вовсе) секретари и дѣлопроизводители читають годовые отчеты, и изъ отчетовъ этихъ видно, что дѣла всѣхъ обществъ идутъ отлично, директоры и распорядители распоряжаются превосходно, даже съ нѣкоторымъ самоотверженіемъ, но только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ денегъ на всѣ потребности не хватаетъ.

Такой же точно отчетъ прочитанъ былъ и въ филантропическомъ обществѣ гувернантокъ. Въ этомъ отчетѣ указывалось даже, что благодѣтельница-директриса пожертвовала въ пользу бѣдныхъ гувернантокъ нѣсколько одѣвъ; не сказано только какихъ: байковыхъ, или бумажныхъ. Публика и члены, которыхъ собралось изъ числа четырехсотъ только сорокъ, прослышавши

объ одѣлахъ, пришли въ восторгъ и единодушно *захлопали въ ладоши*. (Надобно замѣтить, что въ случаяхъ, подобныхъ приведенному, за хлопанье въ ладоши почти вездѣ вонъ не выгоняютъ). Только что дѣлопроизводитель успѣлъ покончить свой хвалебный, награжденный рукоплесканьями, отчетъ, — какъ вдругъ подымается со стула нѣкая, пожилыхъ лѣтъ, дама и начинаетъ говорить рѣчь, рѣшительно несообразную и къ отчету неподходящую. Она говоритъ, что директриса вовсе не благодѣтельница, а совершенно напротивъ. Указываетъ, что квартира для общества нанята въ квартирѣ же директрисы, которая за двѣ меблированныя комнаты беретъ 600 рублей въ годъ, да, притомъ, меблированными эти комнаты называются совершенно понапрасну, такъ больше, по привычкѣ, а мебель собственно куплена опять-таки на деньги общества. Вообще, пожилыхъ лѣтъ дама высказываетъ множество такихъ вещей про почтенную директрису, за которыя въ чиновномъ мѣрѣ увольняютъ чиновниковъ въ отставку, или же временно удаляютъ отъ должности. Публика опять *громко хлопаетъ*. На только что оконченную рѣчь почтенной дамы немедленно отвѣчаетъ одинъ изъ членовъ, довазывая въ рѣзкихъ выраженiяхъ, что дама оскорбила благодѣтельницу-директрису. *Публика аплодируетъ*. Въ концѣ-концовъ на кафедрѣ заливаетъ директоръ общества и провозноситъ на нѣмецкомъ діалектѣ рѣчь, такую длинную, что публика даже ужъ и не хлопаетъ въ ладоши.

Еслибы можно было предположить, что филантропическое общество свои филантропическія тенденціи проводить именно такимъ способомъ, что всѣмъ постоянно аплодируетъ, всѣхъ хвалить и никого не порицаетъ, тогда бы дѣло иное; но вѣдь въ данномъ случаѣ и такого предположенiя допустить невозможно. Сочувствовать и громко заявлять свое сочувствiе въ одно и то же время сначала директрисѣ, потомъ противницѣ, заявившей про нее много вещей непотребныхъ, а потомъ опять-таки директрисѣ, это, право, ни съ чѣмъ ужъ несообразно! Такимъ легкомысленнымъ способомъ дѣйствiй господа филантропы разобидѣли вразъ и директрису и почтенную даму, рѣшившюся на геройскій подвигъ, слѣдовательно поступили вовсе не филантропически, а, скорѣе, какъ отъявленные мизантропы. Подобный способъ дѣйствiй называется порусски *натравливанiемъ* и его у насъ очень многие любятъ. Я лично зналъ одного господина, единственное удовольствiе котораго состояло въ томъ, чтобы натравить одну бабу на другую и довести ихъ до драки. Какъ только, бывало, увидить малѣйшую къ тому возможность, сей часъ же веселымъ сдѣлается и говорить, подмигивая глазомъ: *постой, я ихъ натравлю!* Если читатель живалъ когда нибудь по нѣскольку недѣль или дней въ уѣздныхъ и губернскихъ нашихъ городахъ, то онъ очень хорошо и самъ знаетъ, что такая травля не представляетъ тамъ особенной рѣдкости.

Впрочемъ, я никакъ не могу допустить, чтобы и наши сто-

личныя анлодирующія общества руководствовались именно такими побужденіями, а просто объясняю это непривычкой къ дѣлу. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, иривыкнуть-то? У насъ еще очень недавно даже изъ театровъ за выраженіе своего личнаго мнѣнія выводили вонъ и засаживали въ кутузку, а ужъ про другія мѣста и говорить нечего! Я самъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ того, какъ изъ одного провинціального театра, по распоряженію мѣстной власти, вывели вонъ *весь третий ярусъ* цѣликомъ и даже ярусъ заперли замкомъ, а за что? За то, что заѣзжая, считающаяся по лицу земли русской итальянская пѣвица, приводившая въ восторгъ мѣстное начальство, разъ сфальшивила въ какой-то аріи и возбудила недовольство въ третьемъ ярусѣ, который въ выраженіи своихъ чувствъ оказался менѣе сдержаннымъ, чѣмъ пресельные господа, мечтающіе и во время оперы больше о чинахъ и различныхъ повышеніяхъ по службѣ, чѣмъ объ оперѣ.

Въ настоящее время, когда гласность въ общественныхъ дѣлахъ допущена у насъ почти что неограниченная, когда почти вся Россія покрылась желѣзными дорогами съ пронзительно свистающими локомотивами, наша публика и сама замѣтила, что пришла наконецъ пора и ей выражать личное свое мнѣніе, хотя и не свистами, такъ-какъ для свистовъ существуютъ локомотивы, то, по крайней мѣрѣ, ладошами и изрѣдка даже шипомъ змѣиннымъ. Охота являлась смертная, но участь-то горькая: сразу-то, съ непривычки, никакъ не могутъ смекнуть, въ которую сторону нужно шипѣть по змѣиному, въ которую хлопаты! Вотъ и вышла изъ всего этого на первыхъ порахъ ерунда и распространилась эта ерунда изъ столицы по всей обширной землѣ русской. Одинаково и въ одно и то же время публика хлопаетъ и г. Вильбасову, освободившемуся изъ-подъ тяжкаго обвиненія въ мошенничествѣ, и Спасовичу и Лохвицкому и прокурорамъ и г-жѣ Кашеваровой и Лукѣ и Протопопову и г. Дмоховскому и Аверкиеву съ Манюмъ. Однимъ словомъ, кто первый на глаза попался—тому и хлопаетъ. Даже кому иногда, по настоящему, и пошникать бы слѣдовало и тому хлопаютъ же, потому что до шика еще не дошли. Только лишь на торжественныхъ обѣдахъ допускается изрѣдка настоящій свистъ, но и то потому, что на торжественныхъ обѣдахъ на людей винные пары дѣйствуютъ, слѣдовательно здѣсь и люди обращаются какъ-бы въ паровыя машины, которые однѣ только пользуются исключительнымъ правомъ свистѣть.

Итакъ, читатель видитъ, что общественное мнѣніе и страсть громко заявлять личныя мнѣнія возбуждены у насъ вполне. Газеты наши начинаютъ наполняться различными сочувственными и несочувственными адресами и заявленіями, такъ что въ нихъ вѣроятно очень скоро кромѣ адресовъ и читать будетъ нечего. Последняя страница 15-го № «Вѣсти» вся сплошь наполнена адресами, написанными по поводу свиста ея редактору на зна-

ментомъ смоленскомъ обѣдѣ. Всѣ эти адреса начинаются почти одинаковыми фразами и подписаны множествомъ лицъ, которымъ тоже лестно увидѣть свои фамиліи напечатанными въ газетахъ, заявить, такъ-сказать, о своемъ существованіи. Ну, почему бы вы знали, читатель, что на свѣтѣ существуютъ фамиліи: Палибинъ, Федякинъ, Коведяевъ, Аплечеевъ, Клепацкій, Олеша, Щерба и др., еслибы онѣ не были напечатаны г. Скарятиннымъ? Очень похожи, какъ двѣ капли воды, всѣ эти сочувственные адреса, однакоже, при внимательномъ разсмотрѣніи, можно найти между ними и разницу нѣкоторую. Въ одномъ, напримѣръ, пишутъ: «Мы, нижеподписавшіеся, съ негодованіемъ узнали о случившемся съ вами на обѣдѣ 8-го октября...». Въ другомъ: «Съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ негодованіемъ, прочли мы и проч.», а въ третьемъ: «Съ удивленіемъ и негодованіемъ узнали мы». Въ однихъ, слѣдовательно, обѣдѣнные свистки Скарятину-смоленскому возбудили только одно негодованіе, въ другихъ чувство смѣшанное, а въ третьихъ два чувства вразъ, дѣйствующія отдѣльно, каждое само по себѣ. Впрочемъ, еслибы я вздумалъ упоминать обо всѣхъ адресахъ, нечатаемыхъ въ газетахъ, то и моя статья неизбежно обратилась бы въ одну сплошную адресъ. Для газеты, превратившейся изъ ежедневной въ ежедневную, наполняться такими адресами, разумѣется, выгодно, а мнѣ какая же въ томъ польза?

Существуетъ на Руси одно только сословіе, занимающее видное мѣсто, какъ по многолюдству своему, такъ и по значенію, которое знать не хочетъ никакихъ адресовъ и зазвеній личнаго мнѣнія, хотя и это сословіе, наравнѣ съ другими, призвано управлять своими домашними, денежными дѣлами, какъ само знаетъ и умѣетъ. Я говорю о духовенствѣ.

И у этого сословія собираются нынче съѣзды и совѣщанія въ родѣ дворянскихъ и думскихъ, но смиренные депутаты не хлопаютъ на нихъ въ ладоши, не свистятъ, не шикаютъ и только лишь взрѣдда, когда терпѣнія ужъ не хватаетъ, нѣкоторые изъ самыхъ смѣлыхъ рѣшаются тайкомъ отослать письмо въ Питеръ.

Публика очень мало знаетъ объ этомъ замкнутомъ сословіи и мало имъ интересуется, а потому я считаю далеко нелишнимъ отъ времени до времени знакомить съ его дѣлишками, такъ-какъ имѣю къ тому кое-какую возможность. На первый разъ представляю выборку изъ письма о съѣздѣ духовенства въ одномъ отдаленномъ отъ насъ уѣздномъ городѣ, письма, нигдѣ еще не напечатаннаго.

«Предсѣдатель, отецъ благочинный, открылъ засѣданіе чтеніемъ архіерейскаго циркуляра, въ которомъ осуждались нѣкоторые недостатки сельскаго духовенства; но онъ не остановился на циркулярѣ, а прибавилъ еще кое-что отъ себя. Священники по поводу того, что говорилось здѣсь объ ихъ служебныхъ качествахъ, ничего не высказали обличительно, по привычкѣ ото

всѣхъ сносить всякаго рода брань, хоть бы она даже была придумана для краснаго словца; но предложенную имъ мѣру самопсравленія положительно отвергли, не желая възъ негодныхъ въ одномъ отношеніи сдѣлаться негодными во всѣхъ. Мѣра, предложенная о. протоіереемъ, слѣдующая: слѣдить и подсматривать другъ за другомъ, взаимно усовѣщевать и вразумлять, а затѣмъ уже, въ случаѣ неуспѣха, доносить... Покончивъ рѣчь со священниками, судія грозный обратилъ громы обличенія на низшій причтъ, въ надеждѣ произвести своею рѣчью потрясающее дѣйствіе на дьячковъ. «Низшіе члены причта при богослуженіи поютъ и читаютъ небрежно и торопливо», между прочимъ говорилъ онъ. Нашелся смѣльчакъ — причетникъ, обвиненный, вѣроятно, посягательствомъ на дьяческую честь, который дѣлаетъ вопросъ такого рода: «а какъ быть тогда, когда священникъ требуетъ пѣть и читать скорѣе?» — Молчкн, тебя не спрашиваютъ, отвѣтилъ о. протоіерей. Смѣльчакъ сѣлъ. «Непослушны и грубы такъ, что никогда не исполнять сразу требованія священника», продолжалъ обличитель. Встаетъ одинъ священникъ и заявляетъ собранію, что онъ нерѣдко, идя къ утрени, самъ отпираетъ церковь, не дождавшисъ причетника, который лежитъ себѣ дома. Смѣльчакъ опять поднимается и говоритъ: «аще кто хоцетъ боліи быти въ васъ, да будетъ всѣмъ рабъ, по слову Господа». — Если этого будешь стоять, — сказалъ на это другой священникъ, — умою ноги твои. «Слышишь? грозно замѣтилъ о. протоіерей, — если ты здѣсь такъ ведешь себя, при собраніи, то чтò, я думаю, дѣлаешь у себя-то, въ причтѣ? Отцы, надобно написать постановленіе о дерзости дьячка». Но нашлись лица, которыя смягчили негодованіе о. протоіерея, доложивъ ему, что дьячекъ этотъ стоитъ прощенія за *непачество*. Преклоненный на милость о. протоіерей только заставилъ дьячка просить прощенія у собранія, которое обидѣлъ неприличнымъ здѣсь поведеніемъ. «Простите меня, клаяясь въ землю, сказалъ опальный членъ причта, за то, что я пришелъ сюда; впередъ никогда сюда не приду.»

Изъ приведенной корреспонденціи читатель видитъ, что сѣзды депутатовъ отъ духовенства, по крайней-мѣрѣ по внѣшности, представляютъ собою нѣчто совершенно оригинальное, не похожее ни на какіе другіе сѣзды. И на другихъ сословныхъ и несословныхъ собраніяхъ и сѣздахъ, правда, случается, что предсѣдатели съ гласными обходятся не совсѣмъ деликатно, но тамъ, по крайней-мѣрѣ, предсѣдатели напрямки-то не ругаются, а члены не валяются у нихъ въ ногахъ, вымаливая прощенія. Оказывается, что на сословіе, въ рукахъ котораго находится народное образованіе, надежды-то меньше, чѣмъ на какое-нибудь другое, хотя и на другія надежда тоже плоха! Положимъ, что и здѣсь даже нельзя не замѣтить нѣкотораго протеста, напри-мѣръ, со стороны дьячка, но протеста слишкомъ ужъ слабого. «Простите меня за то, что я пришелъ сюда. Впередъ никогда

не приду!» — сказали депутаты, кланяясь въ землю. И онъ, дѣйствительно, сдержитъ свое слово: не придетъ больше никогда. Въ этомъ и весь его протестъ. Впрочемъ, протесты у насъ выражаются отсутствіемъ и на всѣхъ собраніяхъ безъ исключенія. Припомните, что и филантроповъ изъ 400 собралось только 40.

Замѣчательно, что на первыхъ сѣздахъ духовенства повторяется почти то же самое (только еще въ болѣе грубыхъ формахъ), что уже было на первыхъ земскихъ собраніяхъ. Читателю не безъизвѣстно, что на собраніяхъ перваго созыва крупные землевладѣльцы всачески добивались, чтобы ихъ *назначамъ* въ гласные безъ выборовъ. Въ иныхъ мѣстахъ имъ удалось составить будто бы единогласныя о томъ постановленія, которыя были отосланы къ правительству въ формѣ ходатайствъ.

На сѣздахъ духовенства роль крупныхъ землевладѣльцевъ приняла на себя отцы благочинные. Во многихъ городахъ эти отцы представили на обсужденіе сѣздовъ слѣдующее, очень оригинальное предложеніе: «Сельскіе священники народъ по большей части безобразный, распущенный, не могущій обойтись безъ неумѣренной вышивки — говорили отцы депутатамъ, т.-е. сельскимъ же священникамъ. Пріѣзжая въ городъ, они не умѣютъ даже на улицѣ сохранять должнаго благоприличія, а потому, не угодно ли вамъ выбрать изъ старшихъ городскихъ благочинныхъ самаго достоуважаемаго (т.-е. самого оратора, конечно), который бы наблюдалъ за *благоповеденіемъ* пріѣзжихъ священниковъ». Въ корреспонденціи, изъ которой я выше сдѣлалъ выписку, довольно подробно говорится объ этомъ предметѣ, и потому я приведу изъ нее нѣсколько строкъ цѣликомъ.

«Во Владимірской епархіи, говорилъ предсѣдатель: — учреждена особая должность — старшихъ благочинныхъ, назначаемыхъ изъ градскихъ протоіереевъ, обязанныхъ слѣдить за благоповеденіемъ пріѣзжающаго въ уѣздный городъ духовенства, которое и въ глазахъ протоіерея ведетъ себя какъ совершенно ему не подчиненное, и я нахожу необходимымъ имѣть старшихъ благочинныхъ и здѣсь». Такимъ образомъ, о. протоіерей прямо направился въ старшіе благочинные, чтобы наблюдать за духовными лицами, когда они пріѣзжаютъ въ городъ, справляться и собирать объ нихъ разныя сплетни когда живутъ дома, разбирать жалобы, контролировать благочинныхъ и всѣхъ дурачить, потому что мы знаемъ, что онъ за администраторъ. «Когда-де я буду старшимъ благочиннымъ и останусь смотрителемъ училища, вѣроятно расчитывалъ о. протоіерей, то буду держать духовенство на поводу: заведу для дѣтей достаточныхъ родителей у сестры общежитіе и приважу родителямъ платить моей сестрѣ за содержаніе ихъ дѣтей столько, сколько захочу. А если кто вздумаетъ противорѣчить мнѣ и не слушаться, то я, какъ старшій благочинный и смотритель училища, насолю и родителямъ и дѣтямъ ихъ и со мной тататься едва-ли кто захочетъ!»

Къ чести депутатовъ отъ духовенства, слѣдуетъ замѣтить, что они вездѣ единодушно и наотрѣвъ отказались отъ выбора особыхъ надзирателей за своимъ же собственнымъ *благоповеденіемъ*; впрочемъ, было бы черезчуръ ужъ странно, еслибы согласились! Во Владимірской губерніи такіе особые наблюдатели за благоповеденіемъ, дѣйствительно, существуютъ, но тамъ ихъ никто не выбиралъ, архіерей самъ назначилъ.

Впослѣдствіи, когда получимъ свѣжія извѣстія о новыхъ сѣздахъ духовенства, мы возвратимся къ нимъ опять, а теперь покуда приводится только повторить со вздохомъ извѣстную поговорку: первый блинъ комомъ! Отцы благочинные, когда дѣло доходитъ до ихъ выборовъ, сами себя выбираютъ въ благочинные и даже прибавляютъ себѣ жаюванье, прикрываясь тѣмъ, что все это сдѣлано по желанію большинства, или даже единогласно, заставляя съ этой цѣлью почти насильно подписываться подъ бумагами робкихъ, податливыхъ на взятку причетниковъ и даже священниковъ. Печатаютъ о такихъ вещахъ изрѣдка въ «Современномъ Листѣ», но и то очень ужъ изрѣдка; о другихъ же протестахъ противъ произвола что-то не слышно. Ни свистковъ, ни шиванья, ни хлопанья на сѣздахъ не бываетъ и вообще, надобно замѣтить, что благоприличіемъ и благоповеденіемъ отцы депутаты отличаются отъѣннымъ, такъ что дѣйствительно, кажется, нѣтъ никакой серьезной надобности въ особенныхъ надзирателяхъ.

Вообще, читатель, если мы о томъ, что у насъ дѣлается, будемъ судить по тому, что приказано и предписано сдѣлать, то сейчасъ же замѣтимъ, что жизнь у насъ такъ воть и бьетъ ключемъ, да еще не простой воды, а зельтерской, газовой, съ лопающимися пузырями на поверхности. Невольно приходитъ въ голову, что ужъ и въ самомъ дѣлѣ не правду ли сказалъ одинъ изъ русскихъ ораторовъ при приемѣ заатлантическихъ друзей, будто наше общество и наша страна вообще чрезвычайно какъ походятъ на свободныхъ американцевъ и ихъ свободную республику.

Отовсюду, со всѣхъ концовъ Россіи, въ извѣстные сроки сѣзжаются въ свои маленькіе уѣздные центры различные депутаты, гласные и уполномоченные, для свободнаго обсужденія общественныхъ дѣлъ. Люди различныхъ сословій, разныхъ положеній въ обществѣ, усаживаются побратски въ одной общей комнатѣ, за однимъ общимъ столомъ, за которымъ спорять, мѣняются мыслями, обсуждаютъ разные важные вопросы. Въ плюгавомъ какомъ-нибудь городишкѣ, въ которомъ краткаго буквара нельзя отыскать ни за какія деньги, ведутся иногда серьезныя споры о преимуществахъ реального образованія предъ классическимъ, или наоборотъ... А тутъ еще не забудьте о присяжныхъ засѣдателяхъ изъ всѣхъ сословій, сѣхавшихся судить и ридать своихъ согражданъ судомъ скорымъ и правымъ, о депутатахъ отъ духовенства и проч. и проч... Казалось, чего бы лучше?.. Но

вѣдь мы и видѣли-то только переднюю сторону медали; посмотримъ же и заднюю... На земскія собранія, изъ сорока гласныхъ, въ назначенному сроку собирается еле-еле человекъ двѣнадцать, пятнадцать, да и тѣ, не дождавшись закрытія засѣданія, всѣ разбѣгаются по своимъ деревнямъ. Присяжные засѣдатели идутъ только потому въ судъ, что штрафъ за неявку очень ужъ жестокъ, да и то случается, что потихоньку, обманомъ, удираютъ изъ залы и скрываются такъ, что семью собаками не отыщешь*. Гласные городской думы на собранія сами не являются, а присылаютъ такіе отзывы: 1) «сего 18-го числа въ конторѣ государственнаго банка учетъ векселей; а потому на сборѣ быть не могу. Покорнѣйше васъ прошу не считать меня согласнымъ съ большинствомъ голосовъ». 2) «По встрѣтившимся домашнимъ обстоятельствамъ, я быть въ общественномъ собраніи не могу; поэтому покорнѣйше прому не считать меня согласнымъ съ большинствомъ голосовъ**».

Депутаты отъ духовенства, вставши въ засѣданія на колѣна и стучаась лбомъ объ полъ, говорятъ: «простите, что пришелъ сюда; впередъ ноги моей здѣсь не будетъ!» «Единоголосныя» постановленія на всѣхъ собраніяхъ составляются одними предсѣдателями, по произволу, а другими только подписываются... Неужели всѣ приведенные факты хотя сколько нибудь напоминаютъ, въ самомъ дѣлѣ, свободную Америку?

Нѣтъ, читатель, не Америку все это напоминаетъ, а, скорѣе, среднюю Азію, куда насъ сама судьба влечетъ съ неудержимою силою, такъ-какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ англичанъ, мы, русскіе—естественные цивилизаторы среднеазиатскихъ странъ. Наша цивилизація, дѣйствительно, всего ближе подходитъ къ ташкентской и хивинской цивилизаціямъ, такъ что, если Богъ не допуститъ самимъ намъ въ этихъ странахъ оташкентиться и охивиниться, то мы обрусимъ ихъ очень скоро и тогда уже будемъ дѣйствовать всѣ сообща. Покуда же будемъ уповать и надѣяться, что не всегда же въ нашихъ общественныхъ дѣлишкахъ съ перваго же взгляда будетъ въ глаза бросаться что-то такое неклеиное и неладное.

Уповать и надѣяться намъ на это тѣмъ болѣе позволительно, что, несмотря на всѣ несомнѣнныя безобразія въ общемъ ходѣ нашихъ общественныхъ дѣлъ, въ частностяхъ мы замѣчаемъ не мало уклоненій въ хорошую сторону. Даже здѣшнее, петербургское городское управленіе, или городская дума, несмотря на свою удивительную нерѣшимость, когда нужно утвердить какую-нибудь новую статью расходовъ—даже и эта медлительная дума кое-что сдѣлала для города дѣйствительно полезнаго, а уже о томъ, что она можетъ и задумываетъ сдѣлать въ будущемъ—я

* Случай въ московскомъ окружномъ судѣ съ присяжными, купцомъ Филиповымъ.

** Случай въ Ростовѣ на Дону.

толковать нечего. Вотъ хотя бы очередная вопросъ объ уничтоженіи личнаго задержанія въ тюрьмѣ несостоятельныхъ должниковъ, который поднимается въ ней чуть ли не десятый разъ, да и въ настоящее время стоитъ опять на очереди. Въ литературѣ нашей не мало было говорено о вредныхъ послѣдствіяхъ заключенія за долги, которое для людей семейныхъ, живущихъ одной только работой, равносильно окончательной гибели. До какой степени тяжело это заключеніе, можно судить по недавно опубликованному во всѣхъ газетахъ случаю съ однимъ арестантомъ-чиновникомъ, который, выходя отъ всенощни, изъ церкви въ верхнемъ этажѣ долговой тюрьмы, бросился внизъ головой съ каменной лѣстницы и, разумѣется, разбилъ себѣ черепъ въ дребезги. Положимъ, что нѣкоторые изъ несчастныхъ могутъ надѣяться, что ихъ выкупятъ отцы-благодѣтели, но, вопервыхъ, много ли вы насчитаете такихъ счастливицевъ въ массѣ несчастныхъ, а, вовторыхъ, не представляетъ ли и самый этотъ выкупъ тоже безобразія особаго рода, напоминающаго выкупъ изъ клятотъ на Невскомъ проспектѣ птицъ въ день благовѣщенія? Торгаши, подрѣзавъ крылья у бѣдняжекъ, садятъ ихъ въ клятоты и потомъ сами же стараются разжалобить добродушныхъ прохожихъ, которые, дѣйствительно, раскошеляются, имѣя въ виду награду сторичею на томъ свѣтѣ, а торгоши, посмѣиваясь себѣ въ кулакъ, черезъ часъ опять размѣщаютъ изувѣченныхъ птичекъ по клятотамъ! Не такой ли же точно круговоротъ совершается и надъ бѣдными «несостоятельными», посидѣвшими уже въ долговомъ и въ конецъ безнадежно раззорившимися? Сравненіе это окажется фотографически вѣрнымъ, если мы, вмѣсто птичниковъ Невскаго проспекта, возьмемъ другаго рода птичниковъ высшаго полета, которые весь Невскій проспектъ и прилегающія къ нему улицы чуть не сплошь облѣпили вывѣсками съ надписями: «Гласная касса ссудъ. Продажа и покупка вещей». Ужь будьте увѣрены, изъ желѣзныхъ силковъ и капкановъ этихъ благодѣтелей не удастся вырваться ни одной птицѣ, въ особенности, ими же самими общипанной! Зачѣмъ же, при существованіи новыхъ судовъ, не дающихъ спуска злосчастнымъ банкротамъ, существуютъ у насъ еще эти средневѣковыя учрежденія, долговыя тюрьмы, которыя лишаютъ цѣлыя семейства бѣдняковъ даже надежды и возможности когда-нибудь поправиться и заставляютъ ихъ бросаться внизъ головой съ каменной лѣстницы, съ высоты третьяго этажа? Не исполнилъ ли правъ тотъ гласный, который, какъ слышно, предложилъ опять на обсужденіе лумы вопросъ объ уничтоженіи долговаго отдѣленія? Хотя гласный, какъ слышно, въ защиту своего мнѣнія привелъ вовсе не гибельное вліяніе на должниковъ тюремнаго заключенія, а указалъ только, что, при возрастающемъ количествѣ должниковъ, содержаніе ихъ подъ арестомъ обходится слишкомъ дорого; но, что же дѣлать, если у насъ безъ указанія на рублевую или копѣечную выгоду исполнить куда ничего невозможно? Пусть, хотя

изъ-за барышней бы дѣлали, но только дѣлали бы что-нибудь.

Петербургская дума медленность свою и положительное нежеланіе приводить въ исполненіе безспорно полезныя проевты объясняетъ — какъ это и всѣ у насъ дѣлають — недостаткомъ денежныхъ средствъ, хотя мы ни откуда не видимъ, чтобы денежныхъ средствъ у нея было мало. Вотъ, напримѣръ, вѣдомость о количествѣ сбора, представленнаго одними только петербургскими нотаріусами въ 1868 году, въ городской доходъ.

Представлено нотаріусами :

Успенскимъ	28,235 руб. 55 коп.
Демисомъ	21,154 » 85 »
Лагодою	13,258 » 80 »
Есиповымъ	11,736 » 25 »
Позлемъ	10,888 » 25 »
Вороновымъ	10,782 » — »
Явнинымъ	10,341 » 10 »
Мерцомъ	9,666 » 15 »
Денисовымъ	7,912 » 15 »
Левестамомъ	7,835 » 55 »
Бзяевымъ	7,216 » 30 »
Маляхинскимъ	7,156 » 20 »
Рерихомъ	6,547 » 20 »
Утивымъ	5,685 » — »
Гордзьяловскимъ	5,667 » 20 »
Корпѣвымъ	4,745 » 95 »
Синельниковымъ	3,999 » 25 »
Ратьковымъ-Рошновымъ	3,969 » 25 »
Брылковымъ	3,829 » 80 »
Багенскимъ	3,581 » 5 »
Старкомъ	3,351 » 25 »
Бѣлявскимъ	3,189 » 47 »
Отрожденскимъ	3,029 » 65 »
Грумъ-Гржимайломъ	2,407 » 65 »
Нитослаевскимъ	1,651 » 15 »

Всего, значить, съ однихъ только нотаріусовъ въ городской доходъ поступило около двухсотъ тысячъ рублей, а именно 198,827 рублей съ копейками.

Сообщивши читателю эти любопытныя свѣдѣнія о городскомъ доходѣ и разнообразныхъ, по величинѣ, доходахъ нотаріусовъ, изъ которыхъ многіе еще въ началѣ прошлаго года жаловались на скудость вознагражденія, я, стѣсняясь размѣрами статьи, предоставляю себѣ потолковать объ этихъ любопытныхъ предметахъ въ другое, болѣе благопріятное время.

Д.

PS. Мы получили отъ Пестербургской губернской земской управы слѣдующую замѣтку:

«Въ № 1-мъ «Отечественныхъ Записокъ» за сей 1869 годъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Нѣчто о засѣданіи петербургскаго земства», на страницахъ 143 и 144, вкралась нѣкоторая неточность. Авторъ, излагая дѣло о составленіи казенною палатою отчета о движеніи земскихъ суммъ за 1867 и 1868 годы, говорить, между прочимъ, что послѣ назначенія губернской земскою управою 400 руб. въ пособіе казенной палатѣ, на усиленіе ея канцеларіи, для исполненія вышеупомянутой работы, палата доставила, будто бы, управѣ совершенно неудовлетворительный отчетъ, причѣмъ сообщила, что она согласна составить удовлетворительный отчетъ не иначе, какъ съ прибавкою еще 200 руб.

«Въ видахъ возстановленія истины, для пользы дѣла, губернская земская управа считаетъ нужнымъ замѣтить, что составляемый казенною палатою генеральный отчетъ до настоящаго времени еще не доставленъ, а потому и сужденіе о его достоинствахъ представляется преждевременнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ пояснить, что назначеніе какъ первоначальное 410 руб., такъ и дополнительное 200 руб., на усиленіе канцеларіи казенной палаты, признано губернскимъ земскимъ собраніемъ основательнымъ».

Помѣщая эту замѣтку, мы считаемъ не лишнимъ прибавить, что неточность вкралась со словъ стенографическаго отчета о второмъ засѣданіи, въ которомъ сказано, что «отчетъ долженъ замѣнить отчетность, которая была получена управою отъ казенной палаты, но въ которую вкралась такіа неточности, что невозможно опредѣлить размѣра суммъ, перешедшихъ въ распоряженіе земства. Палата потребовала на составленіе такого точнаго отчета сначала 400 р. и потомъ еще дополнительныхъ 200 р.»

Эта именно «отчетность» казенной палаты и названа въ статьѣ неправильно «отчетомъ».

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По пословицѣ «на бѣднаго Макара и шишки валятся», на русскую журналистику обрушилась еще бѣда, и обрушилась съ такой стороны, откуда, повидному, и ожидать ее было трудно. Какъ ни часты были жалобы на неисправную доставку журналовъ въ прошлые годы, дѣло все-таки шло сносно. Со введеніемъ новыхъ правилъ для пересылки газетъ и журналовъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ удвоеніемъ цѣны за пересылку большихъ журналовъ) дѣло приняло такой ходъ, что само почтовое вѣдомство принуждено было войти въ объясненіе съ публикою (см. «Правительственный Вѣстникъ») и признать нѣкоторую долю вины въ возникшихъ безпорядкахъ за собою.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти беспорядки отразились и на доставкѣ въ провинцію перваго номера «Отечественныхъ Записокъ», хотя редація съ своей стороны и старалась сдѣлать все *зависящее отъ нея*, чтобъ книга попала въ руки подписчиковъ и попала по возможности въ свое время. Ту же заботливость во всемъ, зависящемъ отъ насъ, обѣщаемъ нашимъ подписчикамъ и при рассылкѣ дальнѣйшихъ номеровъ журнала. Ни одна дѣльвая жалоба не будетъ оставлена нами безъ разслѣдованія, отвѣта и удовлетворенія. Вотъ все, что пока мы можемъ обѣщать. Занимаясь въ настоящее время составленіемъ свода всѣхъ неудобствъ, возникшихъ изъ «новыхъ правилъ», — неудобствъ, какъ указанныхъ уже газетами и журналами, такъ и тѣхъ, о которыхъ еще говорено не было, — можемъ прибавить въ утѣшеніе нашимъ подписчикамъ, что мы *получили основаніе надѣяться*, что нынѣшній прядокъ разсылки газетъ и журналовъ подвергнется пересмотру, въ видахъ устройства порядка болѣе удобнаго.

Пожелаемъ, чтобъ это исполнилось по возможности скоро.

Въ 33-мъ номерѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» нашли мы письмо Д. К. Гирса, которое всего лучше отвѣчаетъ на вопросъ время отъ времени предлагаемый намъ нашими читателями: почему въ «Отч. Запискахъ» такъ долго не появляется продолженіе романа «Старая и юная Россія»? Вотъ это письмо:

«М. г. въ № 11 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за этотъ годъ, г. Z. — вашъ обычный обозрѣватель журналистики — почтивъ мой романъ «Старая и юная Россія» нѣсколькими словами, выразился: «Многіе читатели выражаютъ сожалѣніе, что продолженіе романа не появилось». Въ виду этого, считаю своею обязанностью объявить, что хотя появленіе продолженія моего романа замедлилось въ 1868 году по нѣкоторымъ причинамъ, лично до меня касающимся, и о которыхъ я не имѣю здѣсь права распространяться — тѣмъ не менѣе, продолженіе романа «Старая и юная Россія» должно появиться, по моимъ соображеніямъ, въ непродолжительномъ времени на страницахъ тѣхъ же «Отечественныхъ Записокъ», удостоившихъ мой романъ чести помѣщеніемъ начала его. Продолженіе явится въ значительно-расширенномъ, противъ первоначальнаго плана, видѣ — это тоже одна изъ главнѣйшихъ причинъ промедленія — и печатаніе уже будетъ производиться непрерывно. Прому васъ, м. г., дать мѣсто этому замѣненію въ ближайшемъ номерѣ вашей распространенной газеты».

Примите и пр.

Дмитрій Гирсъ.

Гор. Тотма (Вологод. губ.).
23-го января, 1869 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1869 г.

(По общей нумерации тома CLXXXII).

ЯНВАРЬ № 1.

	СТРАН.
НАРОДНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ И НЕСЧАСТІЯ. (<i>Часть первая: Вступленіе. — I. Убіицы. — II. Самоубійцы</i>). С. В. Максимова.	1
ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. А. Н. Островскаго	63
ФИЛОСОФІЯ ИСТОРИИ НА НАУЧНОЙ ПОЧВѢ. (Очеркъ изъ исторіи культуры XIX вѣка). В. В. Лесевича.	163
КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО. Прологъ и I-я глава. Н. А. Некрасова	197
АСПАЗІЯ И МЕССАЛИНА. (Два очерка изъ древнихъ нравовъ). (<i>Статья Шерра</i>)	221
• • • (По прочтеніи книги Бовля «Исторія цивилизаціи»). Стих. М.	259
КЪ НЕЗНАКОМКѢ. Стих. М.	261
ЗАКОЛДОВАННЫМЪ МѢСЯЦЪ. Стих. Алексѣя Жемчужникова.	262
ГАЗОВЫЙ СВѢТЪ И ДНЕВНОЙ СВѢТЪ. Лондонскія сцены Джорджа Салля. I. Всѣлная улица. II. Пять часовъ вечера. — Тюремная повозка. III. Десять часовъ вечера. — Пренія въ Бельведерѣ	263
ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА. (Отъ издателя. — Обращеніе къ читателю отъ послѣдняго архиваріуса-лѣтовисца. — Опись градоначальникамъ, въ разное время отъ русскаго правительства поставленнымъ (1731 — 1826). — Органчикъ. — Сказаніе о шести градоначальникахъ. Кар-	

тина глуховскаго междоусобія. — Оправдательные доку-
менты къ Лѣтописцу). Н. Щедрина. 279

ФЕВРАЛЬ № 2.

ПОВѢДКА ВЪ ИСПАНІЮ. (Октябрь — декабрь 1868 г.) I—III. Э. Д.	319
НАРОДНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ И НЕСЧАСТІЯ. (<i>Часть вторая</i> : III. Бродяги и бѣглецы). С. В. Максимова.	365
• • Стих. А. Н. Плещеева	404
РАЗОРЕНІЕ. (Наблюденія Михаила Ивановича). <i>Послѣдъ первая</i> . Глѣба Успенскаго	405
ВОСПОМИНАНІЕ НОЧИ 4 ДЕКАБРЯ. (<i>Изъ «Сbâtiments» Виктора Гюго</i>). Стих. В. Вуренина.	463
РЫЦАРИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Комедія въ пяти дѣя- ствіяхъ. Алексѣя Потѣхина.	465
ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭПИЗОДЫ. Временное правительство и Луи-Бланъ. (<i>Régis en décembre 1861</i> . Соч. Тевю). Г. Д.	535
КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО. Главы II-ая и III-ья. Н. А. Векрасова	567
ДЛЯ ДѢТЕЙ. I. Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ провожмилъ. — II. Препала совѣсть. — III. Годовщина. М. Ф. Салтыкова (Н. Щедрина).	591
КЪ РОДИНѢ. Стих. М.	618
ЧЕРНО-ЖЕЛТОЕ ЗНАМЯ. Романъ <i>Альфреда Мейснера</i> . <i>Часть первая</i> (въ концѣ выгвѣ, въ приложеніи).	1—64

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЯНВАРЬ № 1.

КОГДА ДОБРОДЕТЕЛЬСТВОВАЛЪ РУССКІЙ МУЖИКЪ И КОГДА НАЧАЛИСЬ ЕГО БѢДСТВІЯ?—(Промышленность древней Руси. Соч. Н. Аристова. СПб. 1866.—Вѣча и князь. Соч. В. И. Сергеевича. Москва. 1867).	1
ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ПИСАРЕВЪ. (Его критическая дѣя- тельность въ связи съ характеромъ его умственнаго развитія). <i>Статья первая</i> . А. М. Скабичевскаго	41
НОВЫЯ КНИГИ.—Межъ двухъ огней. Романъ М. В. Ло- длева.—Сочиненія Е. А. Баратынскаго.—Женскій трудъ въ примѣненіи къ различной отрасли промышленной дѣя- тельности. Очерки 600 ремеслъ и занятій. Составилъ Н. Дауль. Часть первая. Переведено подъ редакціею П. Н. Ткачева. Съ приложеніемъ статьи П. Н. Ткачева: «Жен-	

скій вопросъ». Изданіе <i>Трубицкой</i> и <i>Стасовой</i> .—Женскій календарь-альманахъ на 1869 годъ. Изданіе <i>Э. К. Фосса</i> .—Дѣти капитана Гранта. Кругосвѣтное путешествіе. <i>Жюль Верна</i> . Съ 172 рисунками г. <i>Ріу</i> . Переводъ <i>Марка-Вовчка</i>	94
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.—МРАЧНЫЯ КАРТИНЫ. II. Августъ Мегью.	121
НѢЧТО О ЗАСѢДАНІЯХЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЗЕМСТВА (Декабрь 1868).	141
ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ. — Доморошенный фонарь. — Стремленіе къ націонализму въ дѣлѣ искусства.—Торжественная встрѣча г. Берліозу въ Москвѣ въ 1867 году.—Рѣчь князя Одоевскаго.—«Нижегородцы», новая опера г. Направнина.—Краткій очеркъ достоинствъ и недостатковъ новой оперы.—«Донъ-Карлосъ», опера Верди.—Дебютъ Патти	156
ОБОЗРѢНІЕ 1868 ГОДА. — Приступъ.—Неурожай. — Дѣсныя пожары.—Сибирская язва.—Продолженіе реформъ.—Окончательное сліаніе Польши съ Россіей.—Снятіе военного положенія.—Тарифъ.—Николаевская желѣзная дорога.—Министерство почтъ.—Отчетъ государственнаго контролера.—Новыя деньги.—О пересылкѣ арестантовъ.—Завоеванія.—Монастыри.—Переселенія.—Земство.—Общества.—Желѣзныя дороги.—Состояніе просвѣщенія: университеты, классическій лицей, новыя правила о частныхъ училищахъ, говеніе на книги.—«Предостереженія». — Вновь появившіеся и исчезнувшіе журналы и газеты.—Литературныя и театральныя произведенія.—Процессы—обыкновенныя и литературныя.—Смертныя казни.—Самоубійства.—Пожертвованія.—О народномъ театрѣ, «Запискахъ севастопольца», смоленскомъ обздѣ, Крыловѣ и Кольцовѣ.—Рѣдкіе гости.—Женщины, получившія ученые степени, в состояніе женскаго вопроса.—Заключеніе.	176
ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ. Периодическія размышленія. (Практическія послѣдствія вѣрловскаго права.—Ученіе о шщвичествѣ.—Затрудненія въ будущемъ).	20
РУССКІЙ НИБУРЪ	220

ФЕВРАЛЬ № 2.

ЧТО ТАКОЕ ПРОГРЕССЪ?—Гербертъ Спенсеръ. Собраніе сочиненій, въ 7-ми томахъ. Изданіе <i>Н. Д. Тиблена</i> . I. 225	225
РОСКОШНЫЙ ПИРЪ МОСКОВСКОЙ НАУКИ. — «Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о	

Россія», издаваемый В. А. Дашковым. Книга I (Москва. 1868). 280

НОВЫЯ КНИГИ. — Сочиненія Гейнриха Гейне въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакцію Петра Вейнберга. Томъ десятый. — Рабочій вопросъ въ его современномъ значеніи и средства къ его разрѣшенію. Соч. Эрнеста Бехера. Переведено подъ редакцію П. Н. Ткачева, съ приложеніемъ уставовъ народнаго банка Прудона и уставовъ международной ассоціаціи рабочихъ. — Разсказы и библиографическіе очерки изъ русской исторіи. Учебникъ для младшаго возраста. Составилъ Александръ Шубъ. — Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса. М. Н. Галкина. — Русскія связи П. Ахшарумова, съ рисунками для дѣтей. — Туркестанскій край въ 1866 году, путевыя замѣтки П. И. Пашино. Съ 20-ю рисунками въ три тона, работы А. Гине и 35-ю вивьетами, рѣзанными на деревѣ А. Доуслемъ и рисованными В. Крюковымъ и съ гартю Туркестанскаго края. — За Байкаломъ и на Амурѣ. Путевыя картины. Д. И. Стахнева. — Говоруны. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. И. А. Манна. Явленіе Кожанчикова. — Драматическія сочиненія Д. И. Стахнева: 1) Знакомыя мѣста; 2) Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ. 307

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — МРАЧНЫЯ КАРТИНЫ.
П. Августа Меглю. 348

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТНЫ. — Мѣшанская семья. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ М. В. Авдьева (бенефисъ г-жи Жулевой 17-го декабря). 359

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КАЗЕННЫХЪ ОБРОЧНЫХЪ СТАТЬЯХЪ. Василія Шевича 370

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА. Д. 377

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОБЗОРЪ РУКОВОДСТВЪ И КНИГЪ ДЛЯ ОБЩАГО ОБРАЗОВАНІЯ. (Сочиненія по естественной исторіи). В. Н. Водовозова. 1

